

МАТВЕЙ НИКОЛАЕВИЧ
ХАНГАЛОВ

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

В трех томах

ТОМ I

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОАО «РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ТИПОГРАФИЯ»
УЛАН-УДЭ * 2004

УДК 39
ББК 67.5 (2 Бу)
X 19

Подготовлен к печати *Г. Н. Румянцевым,*
Б. В. Семичовым и Г. О. Туденовым,
под редакцией *Г. Н. Румянцева*

Хангалов, М. Н.

X 19 Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. / Под ред. Г. Н. Румянцева. —
Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», — 2004. 508 с: ил.
ISBN 5-7411-01-03-8

Трехтомное «Собрание сочинений» М. Н. Хангалова вновь увидело свет через 45 лет. Первое издание было осуществлено в 1958-1960 гг. к 100-летию со дня рождения ученого. Издание выпущено в новом художественно-техническом и полиграфическом исполнении, редакционная правка осуществлялась весьма корректно.

Новое издание трудов этнографа-исследователя предвяряет 150-летний юбилей М. Н. Хангалова.

В настоящее время труды ученого-этнографа представляют кладезь бесценного материала по фольклору, этнографии, шаманству бурят.

Для специалистов и всех тех, кто интересуется этнографией бурят.

ББК 67.5 (2 Бу)

© Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Осенью 1958 г. общественность Бурятии торжественно отмечает знаменательную дату в истории развития культуры бурятского народа—100-летие со дня рождения выдающегося представителя дореволюционной бурятской интеллигенции Матвея Николаевича Хангалова.

История жизни М. Н. Хангалова — яркая и убедительная иллюстрация того, какой тернистый и тяжелый путь пришлось проделать в условиях царского режима выходцу из народа, да еще из «инородцев», чтобы получить образование, а затем работать педагогом и заниматься научными изысканиями.

Только страсть к науке и глубокий интерес к прошлому и настоящему своего народа, любовь к делу — преподаванию в школе, необычайное трудолюбие и настойчивость в достижении намеченной цели помогли талантливому самоучке Матвею Николаевичу Хангалову, несмотря на все препоны, выдвигаться как на педагогическом, так и, в особенности, на научном поприще.

Имя М.Н. Хангалова как ученого этнографа-исследователя и собирателя хорошо известно не только в научных кругах нашей страны, но и за ее пределами. Свидетельством этому служит не только избрание его действительным членом Русского Географического общества, но и полученный М. Н. Хангаловым диплом от Министерства народного просвещения и изящных искусств Франции о присвоении ему звания лауреата (*officier d' Academie*).

За свою жизнь М.Н. Хангалов собрал колоссальный материал по фольклору, этнографии и шаманству бурят, преимущественно западных. Он объездил многие районы Иркутской губернии, где было бурятское население, побывал и в Забайкалье в 1917 г., куда был командирован Восточно-Сибирским отделом Русского Географического общества. Помимо записей песен, легенд, сказок и улигеров, народных примет, шаманских мифов и призываний, описания религиозных и бытовых обрядов и других этнографических наблюдений М.Н. Хангалов приложил много труда для сбора этнографических коллекций для Этнографического отдела Русского музея (в Петербурге), для музея Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества в Иркутске, а также для французских музеев.

М.Н. Хангалов состоял постоянным корреспондентом Русского музея и очень много сделал для пополнения его этнографических коллекций, в особенности по шаманству бурят. Чтобы собрать первоклассную коллекцию шаманских предметов и описать обряды, М.Н. Хангалову приходилось прибегать ко всякого рода ухищрениям, чтобы преодолеть недоверие верующих

шаманистов, неприязненно относившихся ко всяким попыткам фотографировать, делать записи, рисунки.

Редко чинили препятствия и местные полицейские власти. Только удивительная настойчивость и природный такт, умение найти подход к простым людям позволили М. Н. Хангалову блестяще справиться с этой работой.

Богатейший материал, собранный М. Н. Хангаловым во время его многолетних странствований по бурятским улусам, прекрасное знание быта и народных обычаев создали ему славу первоклассного собирателя-этнографа. Опубликованные им в разных изданиях записи исторических преданий о происхождении бурятских племен и родов, народных примет, сказок, поверий, улигеров, шаманских мифов, напр., в сб. «Сказания бурят, записанные разными собирателями» (1890), «Бурятские сказки...» и «Балаганский сборник» (1903), представляют настоящую энциклопедию бурятского устного народного творчества.

Прекрасное знание быта и обычаев бурятского народа, свойственные М. Н. Хангалову наблюдательность, пылкий ум, способность тонко анализировать пережиточные явления в современной жизни бурят и устанавливать связь этих явлений с далеким прошлым народа позволили ему, при отсутствии специального образования, создать ряд весьма ценных и интересных для

Памятник на могиле М.Н. Хангалова в ул. Бильчир Иркутской области

науки трудов. Не имея надлежащей теоретической подготовки, М.Н. Хангалов, вполне естественно, сообщая первоклассный материал в своих работах, в ряде случаев приходит к ошибочным выводам и сопоставлениям. Блистательные догадки нередко чередуются с весьма наивными высказываниями.

Так, например, в статье «О бурятах, населяющих Иркутскую губернию» некоторые частные и местные факты из истории вхождения бурятского народа в состав Русского государства и взаимоотношений между русскими переселенцами и бурятами изложены автором без учета действительного общего характера исторического процесса, вследствие чего у читателя может сложиться неправильное представление об этих событиях.

Говоря о первом контакте русских служилых людей в начале XVII в. с западными бурятами на р. Оке, М.Н. Хангалов, не располагая архивными документальными материалами и опираясь на легенды, пишет только о борьбе племени икинат с казаками. В действительности же икинаты в 1628 г. добровольно вступили в русское подданство, но через несколько лет по вине русской администрации между икинатами и казаками возник вооруженный конфликт, что и нашло отражение в приведенной Хангаловым легенде. После этого драматического события енисейский воевода отправил М. Перфильева для восстановления связей с бурятами. Благодаря умелым действиям М. Перфильева добрые отношения между бурятами и русскими были восстановлены. Указывая на отдельные столкновения, имевшие место между отрядами казаков и бурятами, вместе с тем М.Н. Хангалов в ряде статей высказывает мысль о добровольном принятии бурятами русского подданства.

В указанной статье, а также в некоторых других говорится о земельных спорах между бурятами и русскими. При этом следует иметь в виду, что речь идет не об общем характере взаимоотношений русских и бурятских крестьян, развивавшихся вполне добрососедски, а о частных случаях, приведших к тяжбам и неудовольствиям в результате колонизаторской политики царизма, искусственно насаждавшего чересполосицу и разжигавшего национальную рознь, что отмечает и сам автор.

В статье «Юридические обычаи...» Хангалов, комментируя один из параграфов, утверждает, что буряты сильно задолжали русским, которые их эксплуатировали. Это, конечно, следует отнести за счет неточности выражений; здесь под словом «русские» понимается не весь народ, а только кулачество.

Несмотря на указанные выше недостатки, во всех случаях работы Хангалова дают очень ценный и весьма разнообразный исторический, этнографи-

ческий и лингвистический материал, без обращения к которому невозможна ни одна сколько-нибудь серьезная исследовательская работа по многим вопросам истории культуры бурятского народа.

М.Н. Хангалов оставил большое литературное наследие как в виде опубликованных работ, рассеянных в разных журналах и сборниках, так и в виде большого количества рукописей, еще ожидающих обнародования. В архиве М.Н. Хангалова, хранящемся в Бурятском комплексном институте Сибирского отделения АН СССР, подаренном институту вдовой покойного ученого Дарьей Михайловной Хангаловой в 1926 г., а также в Музее этнографии народов СССР (Ленинград), в Иркутском краеведческом музее, в архиве Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР имеется много статей, заметок, записей бурятского фольклора, писем от разных ученых и общественных деятелей (Г.Н. Потанина, Д.А. Клеменца, Д.-Першина, А. Руднева, Г. Чубинова, проф. Labbé, М. Н. Богданова, В.А. Михайлова и др.), от родных и от студентов-бурят.

В бумагах М. Н. Хангалова (Рукописный отдел Бурятского комплексного НИИ) имеется довольно значительное количество старинных документов, самый ранний из которых датирован 1703 годом. Эти документы достались ему по наследству от его предков и бережно им хранились.

Особый интерес представляют дневники М.Н. Хангалова, привезенные в 1950 г. Ф. Шулуновым от дочери М.Н. Хангалова Софьи Матвеевны. Дневники эти в настоящее время хранятся в Республиканском краеведческом музее в Улан-Удэ. Часть рукописей Хангалова потеряна и, видимо, безвозвратно утрачена для науки. Но и того, что осталось в наших архивах, хватит на ряд лет, чтобы их изучить и самое ценное опубликовать.

Чтобы почтить память талантливого исследователя, замечательного педагога и общественного деятеля в связи со 100-летием со дня рождения и 40-летием со дня смерти, Бурятский комплексный институт предпринял издание «Собрания сочинений» М.Н. Хангалова в трех томах. В 1958 г. публикуется первый том, в 1959–1960 гг. будут изданы остальные тома.

В первый том включены почти все статьи исследовательского характера по этнографии бурят, в свое время напечатанные в «Известиях» и «Записках» Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества, в «Этнографическом обозрении» и в «Материалах по этнографии России», издававшихся Этнографическим отделом Русского музея. Кроме того, в первый том включены некоторые неизданные работы М.Н. Хангалова, которыми распо-

лагает Рукописный отдел Бурятского комплексного института. Что касается этнографических и фольклорных записей, дневников и переписки, то они войдут в последующие два тома. Придерживаясь такого плана издания сочинений М. Н. Хангалова, мы исходили из того, что напечатанные ранее его статьи давно уже стали библиографической редкостью. Далеко не все изданные работы Хангалова имеются в библиотеках Улан-Удэ и Иркутска.

Научный комментарий к тому I «Собрания сочинений» дан в конце книги; помещенные в настоящем томе «Примечания» имеют целью дать справку о месте первой публикации или о месте хранения рукописи, с которой печатается статья. В работах М.Н. Хангалова приводится много бурятских терминов и выражений, а также бурятские тексты шаманских призываний и песен, некоторые без перевода. Бурятские слова даются в транскрипции М.Н. Хангалова, за некоторыми исключениями, хотя она во многом очень несовершенна. Изменения внесены только в тех случаях, когда по техническим причинам невозможно воспроизвести транскрипцию автора. Поправки к транскрипции бурятских терминов и переводы к текстам в тех случаях, когда они отсутствуют, будут даны в указателях.

Изданные ранее работы М.Н. Хангалова даются без текстуальных изменений. Примечания редакций этих изданий и самого автора сохранены в сносках, примечания редакции настоящего тома отмечены инициалами: Г.Р.

В подготовке первого тома большое участие принимал Б.В. Семичов, производивший отбор рукописных материалов М.Н. Хангалова. Им были подготовлены тексты девяти неопубликованных статей. В отличие от изданных ранее работ М.Н. Хангалова, его рукописные материалы, представляющие, как правило, черновик, приходилось подвергать по большей части значительной редакционной правке, стараясь, конечно, сохранить в полной неприкосновенности мысли автора. Большую помощь в разыскании материалов М.Н. Хангалова, хранящихся в Иркутске, оказали доценты Иркутского университета Ф.А. Кудрявцев и Н.О. Шаракшинова, а также З. Тагаров.

10 апреля 1958 г.

Г.Н. Румянцев

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данное переиздание трехтомного «Собрания сочинений» Матвея Николаевича Хангалова, крупнейшего бурятского этнографа и фольклориста, ученого с мировым именем, является важным событием в научной и культурной жизни Бурятии и России. Эти книги, куда вошли прижизненные публикации ученого, уже тогда бывшие библиографической редкостью, а также неопубликованные статьи из его литературного наследия, впервые увидевшие свет, давно сами стали библиографической редкостью. А потребность в них в современном обществе огромная: с одной стороны, это настольные книги научных работников гуманитарного профиля; с другой, сегодня многие хотят получать информацию о прошлом своего народа из первых источников.

Таковыми в своей основе являются научные труды М. Н. Хангалова, главная ценность которых заключена не в теоретических посылах, которые можно принимать или не принимать, а в том колоссальном конкретном материале, специально собранном им у разных этнических групп своего народа. Подлинный и глубокий интерес к этническим проявлениям истории и культуры бурят, наблюдательность, пытливый ум и огромная работоспособность позволили ему собрать и сохранить для последующих поколений материальные и духовные ценности своего народа, лучшие памятники его культуры. Он, бесспорно, является самым ярким и известным представителем блестящей плеяды общественных и культурных деятелей конца XIX-начала XX вв., вышедшей из бурятского народа, по преимуществу, сельских учителей.

Биография и творчество М. Н. Хангалова всегда привлекали внимание исследователей. Наиболее полной и объективной является работа Е.М. Залкинда «М. Н. Хангалов», изданная издательством «Бурмонгиз» в 1945 г. Ее материалы позволяют привести здесь историю жизни ученого. А это интересно вдвойне: и как биография выдающегося деятеля науки, и как частица истории нашего Отечества.

М. Н. Хангалов происходил из семьи, издавна выдвигавшей мелких чинов инородческого управления. Его прадед Балехай Баханов — сельский заседатель Иркутского совестного суда. Дед, Хангал Балеханов, известный среди сородичей своей грамотностью, в начале XIX в. был заседателем Степной конторы от 2-го Олзоева рода. Отец, Николай Хангалов, окончил полный курс Балаганского приходского училища. Он слыл одним из лучших знатоков древних улигеров, по четыре дня кряду мог рассказывать их и даже производил записи фольклора. Однако приверженность к традиционной культуре не помешала ему креститься, и в старости (в 70-х гг. XIX в.) он стал членом Православного

миссионерского общества. Его хозяйство было довольно значительным. Его брат Михаил, дядя ученого, занимал должность старосты 2-го Олзоева рода.

Н. Хангалов дал образование двум своим сыновьям. Старший сын Ефим, умерший молодым, закончил уездное училище и некоторое время учительствовал в Унге. Средний сын Федор остался дома и занимался скотоводством. Фамилию отца прославил младший сын Матвей, который родился в 1858 г. в улусе Закулей Унгинского ведомства. Начальное образование он получил в Балаганском инородческом училище (1866–1869 гг.), показав отличные успехи по всем предметам. В 1871 г. он поступил стипендиатом Степной Думы в Иркутскую губернскую гимназию. Впоследствии по совету преподавателей он оставляет гимназию, где ему не давались классические языки и при их же содействии поступает в учительскую семинарию, которую заканчивает в 1876 г. Это был первый в Иркутской губернии выпуск народных учителей. Уже в семинарии он написал сочинение «Обряд теломытия у шаманов», обратившее на себя внимание преподавателя педагогики и одновременно правителя дел ВСОРГО Н.Н. Агапитова, оказывавшего и впоследствии своему ученику постоянную поддержку.

По окончании семинарии М.Н. Хангалов получает назначение на должность учителя Кудинского инородческого училища с жалованием 350 рублей в год, увеличенном позднее до 422 рублей. Первый период его педагогической деятельности завершился в 1883 г.: семейные дела и судебная тяжба по делу о наследстве дяди Михаила побудили выйти в отставку. Репутация непримиримого врага взяточничества и насилия обрекла его на долгие годы гонения. В 1884 г. его спровоцировали на стрельбу из револьвера: он отпугивал неизвестных, появившихся ночью у его дома и не откликнувшихся на зов хозяина. Через одиннадцать лет после этого «преступления» Иркутский губернский суд признал его виновным, и восемь месяцев, проведенные в Балаганской тюрьме, были напоминанием об отравленных преследованиями годах молодости для человека, уже всецело поглощенного другими, более высокими интересами.

С 1902 г. и до конца жизни он работает заведующим и учителем Бильчирского приходского училища. Долголетняя добросовестная служба создала ему репутацию опытного и знающего педагога.

В 1881 г. М.Н. Хангалов и Н.Н. Агапитов совершают поездку к байкальским, кудинским и балаганским бурятам с целью изучения шаманства. Собранные материалы были изданы в «Известиях ВСОРГО» под названием «Материалы для изучения шаманства Сибири. Шаманство у бурят Иркутской губернии». Это сочинение, получившее малую золотую медаль РГО, положило начало

серьезной исследовательской деятельности М.Н. Хангалова и сделало его имя известным в научных кругах. В 1888 г. по рекомендации Г.Н. Потанина и Н.Н. Агапитова он избирается действительным членом РГО.

С 1889 по 1903 гг. были изданы три сборника бурятского фольклора, подготовленные к изданию Г.Н. Потаниным. Третий, наиболее ценный по своему материалу «Балаганский сборник» был составлен М.Н. Хангаловым. Именно на это время, конец 80-х и 90-е гг. XIX в., приходится наибольшее число публикаций ученого. Он пишет статью «Новые материалы о шаманстве у бурят», «Несколько данных для характеристики быта северных бурят», «Молочное хозяйство у бурят», «Свадебные обряды у бурят», «Юридические обычаи у бурят» и др.

В 1902 г. М.Н. Хангалов совершает полевые работы с французским этнографом академиком Полем Лаббе; они изучают шаманство унгинских бурят. По результатам этой работы в 1903 г. он получает от Министерства народного просвещения и изящных искусств Франции диплом о присвоении ему звания лауреата (*officier d' Academie*). К этому времени его авторитет в среде ученых высок, к нему обращаются различные организации за консультациями и с предложениями.

С 1907 по 1908 г. у М.Н. Хангалова, не без участия Д.А. Клеменца, устанавливаются связи с Русским музеем; они субсидируют полевые работы и приобретение коллекций для музея. Эта небольшая дотация позволила значительно расширить ареал полевых исследований, поэтому 1908 г. был едва ли не самым плодотворным во всей его жизни. Он смог поработать в Балаганском уезде, Нельхайском, Унгинском, Куйтунском, Аларском и Ныгдинском ведомствах, в которых собрал уникальные материалы и коллекции.

Однако научная деятельность и публикации не приносили дохода — он был в очень стесненных обстоятельствах. Для того, чтобы дать образование единственной дочери, он решает занять вакансию сидельца в казенной винной лавке I разряда в г. Иркутске и подает прошение об этом. К счастью, это не состоялось. После мучительных раздумий он решил остаться педагогом и продолжить научные занятия, расходуя последние деньги на обучение дочери. Издатели научных работ М.Н. Хангалова утешали его в письмах тем, что публикации, не приносящие никаких денег, не пропадут даром и будут изданы с «любовным вниманием».

М.Н. Хангалов трудился до самой своей смерти. За несколько месяцев до нее, будучи уже больным, летом 1917 г. по командировке ВСОРГО он провел экспедиции по изучению шаманства в Цугульской и Шулудинской волостях Читинского уезда Забайкальской области и в Ангинской и Ленской волостях Верхотенского уезда Иркутской области. В последние годы он часто говорил:

«Приходит конец жизни, нужно торопиться с разработкой необходимых материалов». Тяжело больной, он составляет план сводной работы по шаманизму. Не шадя себя, днем трудится в школе, а ночью обрабатывает материалы, накопленные за долгую трудовую жизнь ценой больших усилий многих лишений. 2 марта (17 февраля) 1918 г. буряты Балаганского ведомства с глубокой скорбью собрались, чтобы проводить в последний путь учителя, до конца оставшегося верным своему народу и горячо любимой науке.

Круг научных интересов М.Н. Хангалова был очень широк, в своих работах он охватывал вопросы хозяйства, материальной и духовной культуры, общественного строя, шаманства и фольклора бурят. Однако излюбленной его темой была «эпоха зэгэтэ-аба» — коллективная облавная охота, яркий феномен кочевнической культуры, сохранившийся для науки по бурятским материалам и получивший мировую известность благодаря публикациям М.Н. Хангалова, а также И. Вамбоцыренова.

Появление в 1910 г. статьи «Общественные охоты у северных бурят (зэгэтэ-аба — охота на росомах)» в «Материалах по этнографии России» не только способствовало ее широкой известности, но и вызвало острую полемику в научных кругах того времени. Проблемы, поднятые М.Н. Хангаловым в этой, написанной в соавторстве с Д.А. Клеменцем («Введение» и редактирование), а также и в других работах ученого, не оставляют равнодушными и современных научных работников — осмысление богатейшего наследия выдающегося представителя бурятского народа до настоящего времени остается актуальной задачей.

М.Н. Хангалов собрал значительные коллекции, особенно по шаманству, для этнографического отдела Русского музея (г. Санкт-Петербург), а также для музея ВСОРГО (г. Иркутск) и для французских музеев. Эти уникальные собрания сегодня — бесценные памятники бурятского культурного наследия. Значение их музеефикации переоценить невозможно: на местах бытования они не смогли бы сохраниться — это практически невозможно.

За ученым упрочилась слава похитителя онгонов. Если буряты видели, что онгоны исчезли из священных мест, то они говорили, что их взял Матвей. Трудность приобретения предметов музейного значения заключалась в том, что у бурят считалось большим грехом продавать шаманские вещи. Они скорее соглашались передать их в дар. Работа по сбору коллекций, особенно шаманских, требует особого природного такта, необходимого для создания атмосферы взаимного доверия. М.Н. Хангалову удавалось преодолеть страх и

недоверие верующих шаманистов, их естественное стремление сохранить не только сакральные вещественные предметы, но и уберечь от фиксаций в виде записей и рисунков сокровенные тайны своего рода. Нередко приходилось убеждать в необходимости такой работы и местные власти.

М.Н. Хангалов оставил большое литературное наследие как в виде опубликованных работ, так и большого количества рукописей. Часть их хранится в ОППВ ИМБит СО РАН. Сюда они поступили в 1926 г. в виде дара от жены ученого Дарьи Михайловны Хангаловой. Статьи, заметки, записи фольклора, письма хранятся в Санкт-Петербурге в Российском государственном этнографическом музее, в архиве Института востоковедения РАН, а также в Иркутском краеведческом музее. Дневники М.Н. Хангалова в 1950 г. поступили в Краеведческий музей (Музей истории Бурятии). Их привез Ф.М. Шулунов от дочери Софьи Матвеевны. Часть рукописей потеряна и, видимо, безвозвратно утрачена для науки.

К 100-летию со дня рождения и 40-летию со дня смерти М.Н. Хангалова БКНИИ СО АН СССР провел огромную работу по изданию собрания его сочинений в трех томах. Это важное и трудное дело в качестве ответственного редактора возглавил Г.Н. Румянцев. Он написал предисловие к каждому тому, составил примечания и указатели. Б.В. Семичов подготовил к печати пятнадцать не опубликованных ранее статей. Г.О. Туденов – статью о Подвижной школе. Большую помощь в поиске материалов в Иркутске им оказали Ф.А. Кудрявцев, Н.О. Шаракшинова и З. Тагаров [в приложениях второго и третьего томов имеются списки бурятских слов и выражений с русским переводом и современной орфографией, так как в текстах бурятские слова даются в авторской транскрипции М.Н. Хангалова, к тому же искаженные отсутствием нужных знаков в типографии того времени]. В отличие от опубликованных работ, которые помещены без изменений, рукописные материалы подвергались значительной редакционной правке, при которой сохранялись в полной неприкосновенности мысли М.Н. Хангалова. Книги были последовательно изданы в 1958, 1959 и 1961 гг. в Бурятском книжном издательстве г. Улан-Удэ тиражом по две тысячи экземпляров.

*С.Г. Жамбалова,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
ИМБит СО РАН*

I

ЗЭГЭТЭ-АБА

Облава на зверей у древних бурят

Предания, существующие у нынешних бурят, свидетельствуют, что их предки долгое время переходили с одного места на другое, прежде чем остались там, где мы видим их в настоящее время. Необходимостью совершать передвижения, может быть, объясняется обычай, существовавший у древних бурят, известный под названием *ухэ унгулхэ*¹. Он состоял в следующем: когда член какой-нибудь семьи достигал преклонного возраста (около 70 лет), он устраивал у себя пирушку, на которую собирались знакомые и родные. Эти последние, в свою очередь, угощали старика (или старуху) каждый у себя на дому, окружая его возможным почетом. Затем приводили виновника торжества в его дом и заставляли его проглотить кусок жиру, вырезанный в виде ленты. Некоторая часть этой ленты проглатывалась благополучно, а остальная, задерживая течение воздуха в грудь глотавшего, душила его, результатом чего была смерть. Можно думать, что старики и старухи мешали передвижению бурят, составляли только лишнюю тяжесть, которую, за неимением экипажей, трудно было перевозить с места на место. Поэтому от них старались избавиться².

Причина указанных передвижений, конечно, — поиск мест, удобных для добывания средств к жизни. Это будет понятно, если мы вспомним, что представляли из себя предки бурят — народа, как известно, ведущего в настоящее время жизнь отчасти звероловную, отчасти скотоводческую и земледельческую. Говорить о земледелии бурят, живших назад тому 300—400 лет, было бы смелостью. В то время они представляли из себя чисто пастушеское племя, главное богатство и пищу которого составлял домашний скот. Если же мы могли бы заглянуть еще подальше, то, конечно, увидели бы дикое племя, живущее исключительно охотой и рыбной ловлей. Постоянного места

¹ Слово *ухэ унгулхэ* состоит из двух слов: *ухэн* — «жир», *унгулхэ* — «заставить глотать».

² Легенды, поясняющие, как и почему прекратился этот обычай, помещены в конце статьи в виде приложения.

жительства они тогда не имели, бродили по лесам и останавливались только около рек и озер. Средства же к жизни добывались преимущественно звероловством и рыболовством.

Беспокойна и опасна жизнь охотника, особенно в таежной Сибири; медведи, олени, изюбры, сохатые, волки и др. животные, в настоящее время частью исчезнувшие, несколько сот лет тому назад были, разумеется, хозяевами сибирских лесов. Что мог сделать с ними предок нынешних бурят, вооруженный своими незатейливыми орудиями — луком, стрелами, копьем, ножом или рогатиной? Чем могла обеспечиваться его безопасность как от этих страшных врагов, так и от еще более страшного врага — человека? Чем, наконец, мог обеспечиваться успех охоты этого человека, если бы он выходил один? Долго каждый из предков нынешних бурят самостоятельно решал эти вопросы, много раз погибал он от лап медведя или рогов сохатого, замерзал и т.д., прежде чем пришел к такой простой мысли, как соединение с несколькими соплеменниками и действие сообща. Результатом этой мысли и была так называемая «з э г э т э - а б а». Это слово состоит из двух бурятских слов: з э г э т э — от з э г э н, что значит «росомаха» и а б а — «облава»; следовательно, з э г э т э - а б а значит «облава за росомахами». Впоследствии первоначальное значение слова з э г э т э - а б а расширилось и им стали называть охоту общими силами на всяких зверей.

Воспоминания об этих облавах сохранились в бурятских преданиях как отдаленного, так и позднейшего времени. Один из героев бурятской мифологии Булаган-Хара женился на дочери Халык-хана во время зэгэтэ-аба; сын его Тоглок во время зэгэтэ-аба похитил себе жену из племени сэгэнут; предки нынешних ользоновских и баяндайских бурят Верхоленского ведомства были убиты зэгэтэ-облавицами, явившимися в числе четырех сотен. Кроме этих упоминаний в древних сказаниях бурятского народа сохранились предания и позднейшего времени. Сюда относятся рассказы бурят о двух зэгэтэ-аба — т а й т у р у к с к о й и х э р м э н. Первая совершалась на местности, ближайшей к нынешним Тайтурке, Мальге, Тельме и Усолю. На нее съезжались буряты верхоленские, идинские, кудинские, капсальские, ольхонские, ленские, тункинские, нижнеудинские, балаганские, китайские и аларские. Продолжалась она 40 дней.

Х э р м э н з э г э т э - а б а происходила на землях кудинских, верхоленских, ольхонских, капсальских и ленских бурят; но на нее съезжались буряты и других ведомств, например, Идинского, Балаганского, Аларского. Была зэгэтэ-аба и на землях идинских бурят, — размерами менее двух предыдущих. Наконец, есть известие о двух зэгэтэ-аба, происходивших между рр. Ангарой и Окой, на землях, называемых Бодореги-тайша и Буряги-тайша.

Меткие стрелки, руководившие облавами, пользовались известностью среди бурят; имена их сохранились в памяти народной и о некоторых из них и теперь еще поются песни. Так, в Балаганском округе помнят о некоем Номошки Габахаеве, который отличался меткостью выстрелов на местных облавах. Он был руководителем этих облав и будто бы сам сложил о себе следующую песню.

Гурбан голи толгоёр
Гурбан барин хатарлаб.
Гурбан зунхан абада
Газарши аха гулэлэб.
Тэрэ хэм гэхэдэ?
Габахан хобун Номошки.
Дорбон голи толгоёр
Дотон харан хатарлаб.
Дорбон зунхан абада
Газарши аха гулэлэб.
Тэрэ хэм гэхэдэ?
Габахан хобун Номошки.
Табан голи толгоёр
Талан харан хатарлаб.
Табан зунхан абада
Газарши аха гулэлэб.
Габахан хобун Номошки.

Смысл этой песни таков. Сначала певец говорит, что он был руководителем (г а з а р ш и) трехсотной облавы, охотившейся на вершинах трех падей; потом, что он был руководителем четырехсотной облавы, охотившейся на вершинах четырех падей и, наконец, что он был руководителем пятисотной облавы в вершинах пяти падей.

В Аларском ведомстве народ помнит славного в свое время облавщика Эксон-мэргэна.

Третий знаменитый облавщик назывался Шошки Амядаев. В песне, которую он сложил о себе, он хвалится, что в местности Доргото он убил семь козуль, а в местности Нагаса — восемь козуль; затем он хвалит свою лошадь, которая, несмотря на неровность места, бегала, не спотыкаясь; наконец, хвалит свою жену Галуха, которая будто бы безошибочно резала ножницами шелковые материи. Вот текст этой песни:

Дорготын мини толгодо Дололулагин унаган абахан
Долон хорок горохон, Амядын хобун Шошки.

Нагасын мини толгодо
Найман хорок горохон,
Намта табин байхан
Амядын хобун Шошки.
Алдар болдор газары

Алдан угэй гуйхэн,
Ама саган¹ уха галдатаб.
Алтан торгон хоёри
Алдан угэй хашилхан
Агабахан басаган Галуха.

Первоначально эти зэгэтэ-аба, вероятно, представляли из себя небольшие артели охотников. Но они были только зародышами той многолюдной зэгэтэ-аба, которая впоследствии легла в основу жизненных отношений предков нынешних бурят и определила многие формы их быта.

Об организации древней зэгэтэ-аба и способа ее совершения во время ее наибольшего развития остались некоторые сведения, — правда, отрывочные и неполные, но все же дающие возможность представить общую картину этого, во всяком случае интересного обычая, более подробное исследование которого бросит, может быть, свет на быт одной отрасли древних обитателей Сибири. Пытаясь набросать эту картину, вместе с тем мы постараемся изобразить и некоторые черты из быта предков нынешних бурят во время полного процветания зэгэтэ-аба.

Древний бурят находился в полной зависимости от окружающей его природы, и эта зависимость обнаруживалась прежде всего в том, что он должен был менять свой образ жизни, смотря по временам года. Когда наступало лето, реки и озера вскрывались, он придвигался к берегам, располагался здесь на более или менее продолжительное время и, плавая на своих выдолбленных из дерева или сделанных из березовой коры лодках, занимался рыболовством. Проходило короткое время, покрывались льдом реки и озера, а рыба уходила вглубь, и древний бурят должен был прекращать свою рыболовческую деятельность. Но так как потребности желудка все-таки давали о себе знать, то он превращался и в охотника — охотника не дилетанта, а специалиста, так как от успеха охоты зависела его жизнь. Но он шел не один, а организовывал уже упомянутую выше зэгэтэ-аба.

Количество людей, входивших в состав одной зэгэтэ-аба, доходило иногда до нескольких сотен и даже тысяч человек, что можно объяснить участием в зэгэтэ-аба всех взрослых представителей не одного, а нескольких родов, причем не исключались женщины и девушки.

Для наблюдения за ходом охоты существовали распорядители, должности которых, будучи сначала выборными, потом, можно думать, превратились в

¹ *Ама саган* — «белый рот».

наследственные. Последнее несомненно по отношению к главному распорядителю зэгэтэ-аба, который, по словам кудинских бурят, назывался г а л ш а¹. Ему беспрекословно, как хану, должны были повиноваться все, участвовавшие в зэгэтэ-аба, начиная с последнего зэгэтэ-облащика, рядового охотника, и кончая членами администрации зэгэтэ-аба. Когда облава заканчивалась и народ располагался на летние стоянки, галша оставался управителем его и в обыденной жизни. Кроме галши, к администрации облавы принадлежали два г а р б а р я ш а, или г а з а р ш а, проводники, которые, собственно, и руководили всей зэгэтэ-аба; это были, следовательно, люди, хорошо знавшие местность. Ниже их по своему значению стояли з а х у л ы, количество которых зависело от числа зэгэтэ-облащиков. Это что-то вроде приставов. Они должны были следить за порядком и за тем, чтобы рядовые охотники стояли на своих местах, на равном расстоянии друг от друга. Они же привлекали к ответственности виновных в произведенных беспорядках. Сколько людей было в заведовании захулов — неизвестно. По словам кудинских бурят, в числе распорядителей зэгэтэ-аба были еще м а л г а и, из которых каждый заведовал двадцатью облащиками. Может быть, эти м а л г а и — то же, что и з а х у л ы.

Когда все участники известной зэгэтэ-аба были извещены об имеющей быть облаве, они, по соглашению, все собирались в одно место, которое получало особое название — т о б ш и². Газарши делили участвующих на два равные отряда, которые располагались по правую и левую стороны галши. Затем газарши уславливались между собою, на каком расстоянии, где и когда они сойдутся и объясняли участвующим, на сколько шагов должны они отстоять друг от друга и что делать, словом, все условия успеха охоты. После этого они отправлялись в разные стороны по двум линиям, расходящимся из одной точки, ведя каждый свой отряд, который, растягиваясь понемногу, должен был составить из себя кривую, один конец которой оканчивался там, где находился галша или тобши, как его называли во время облавы, а другой — около газарши. В конце концов из двух кривых составлялся эллипс, замкнутый с одной стороны двумя газарши, с другой — тобши. Величина эллипса, разумеется, могла быть различна, что зависело от количества участников. По мере того, как уходили вперед газарши, и тобши подвигался потихоньку в том же

¹ Гал — «огонь».

² По словам некоторых бурят, т о б ш и называли также и одного из распорядителей облавы. Одни говорят, что тобши распоряжался самим ходом облавы и ему все подчинялись беспрекословно, а сам он подчинялся галше; но другие уверяют, что тобши и галши — одно лицо, которое будто бы во время облавы называлось тобши, а когда облава заканчивалась и народ приходил на стоянки, тобши превращался в галши.

направлении; звери таким образом оказывались запертыми, начинали бегать из стороны в сторону, а зэгэтэ-облашки убивали их стрелами, пускаемыми из лука, или копьями, смотря по величине животного. Облава кончалась, когда нечего было более убивать. Убитые звери отдавались особым людям, которые свозили добычу к тобши, где происходил раздел. Здесь же производилась расправа над теми, которые оказывались виновными в нарушении правил облавы. Смотри по степени виновности было и наказание. Сильно провинившихся устранили от дележа, или пускали в них стрелы, сняв острые наконечники, или, наконец, ломали над преступником стрелу, что считалось самым позорным наказанием. Доходило ли дело до лишения жизни, неизвестно, хотя, можно думать, что было и это, так как вообще законы во время зэгэтэ-аба были очень суровы.

Не с одними зверями приходилось иметь дело зэгэтэ-облашкам. Случалось, что сходились в одной местности две зэгэтэ-аба. Одна мешала другой, происходила путаница, а вслед за тем драка как самый легкий способ решить вопрос о праве на охоту в известной местности. То же происходило, если зэгэтэ-аба встречала на своем пути какое-нибудь другое племя, остановившееся на отдых. Таким образом, каждую зэгэтэ-аба можно представлять не только артелью охотников, а военным отрядом, который, особенно, если он был многочислен, не церемонился с встречавшимися на его пути «чужими»; мужчины были истребляемы, женщин же и детей победители брали себе. Некоторый намек на это можно видеть в одном предании о трех братьях, из которых двое были убиты 400 зэгэтэ-облашками, а жены их взяты в плен.

Вероятно, подобные превращения звероловной облавы в военное действие совершались с большою легкостью, и часто облава превращалась в набег с целью захвата чужого скота или полна их людей. Нередко, может быть, зэгэтэ-аба устраивалась с исключительно военной целью. Завлекаемые интересами охоты, в особенности, если на местах прежнего обиталища зверь оскудевал, облавы далеко удалялись от прежнего местожительства, и уже не возвращались на старые места; таким образом, зэгэтэ-аба служила и средством переселения племен на новые земли.

Указанные условия жизни первобытного бурята налагали на весь его быт особый отпечаток. Необходимость постоянно вести бродячий образ жизни, причем приходилось делать переходы на далекие расстояния, останавливаться в местах, где можно было предположить богатую добычу, следовательно, в местах глухих, лесистых, — все это исключало всякую возможность заниматься скотоводством, не говоря о земледелии. Отсюда главная пища — мясо животных

или рыба, зажаренная или прямо на углях или при посредстве рожнов. Кроме того, употреблялись в пищу корни некоторых растений. Из них можно упомянуть: хөдө, мэхэр или мэхэргэнэ, синэ (вредит, если употреблять часто), сайн өбөхөн (приятного нежного запаха), хара харана. Усайн өбөхөн собирали цветы, сушили их и употребляли для наварки настоек; от прочих растений для той же цели брали только корни. Суррогатом неизвестной тогда муки из хлебных семян служили растения: оёгоно, засушенный корень которого превращали в порошок и смешивали с жиром (бөһ), саба-хан и гушигэнэ. Прочие растения употреблялись только как приправы, например, хонгино, долан халихан, амта-ши, азаргана, мури өбөхөн (у двух последних брали только верхушки), хулганан шихэн, бальширгана, унхэ сур, гөгөхөнө, саган хара на (луковидный корень его употребляется бурятами до сих пор), шара харана, нагда, мангихан и халяр. Шли в пищу также ягоды и древесный сок.

Одной пищи для сохранения жизненной теплоты древнему буряту было недостаточно: он жил не в жарких странах Африки или Америки, а в суровых местах Сибири и в своей охотничьей жизни подвергался всем невзгодам холодной сибирской зимы. Потому ему необходимы были теплая одежда и жилище.

Одежда готовилась женщинами, главным образом из звериных шкур. Обыкновенную полную одежду древнего бурята составляли следующие части: сама, короткая, плотно охватывавшая тело рубашка из шкур; сверх нее шуба — более длинная; во время сильных холодов сверх надевали еще даху, длинный балахон с разрезом сзади. На голове — шапка с наушниками, на ногах — унты (гөдөхөн), на руках — рукавицы. Женская одежда мало чем отличалась от мужской, — разве большим изяществом да украшениями. Летняя одежда отличалась от зимней только материалом, который был более легок. Главным образом употребляли на летнюю одежду козульи шкуры, очищенные от шерсти и продыmlенные дымом сосновых шишек. Делались одежды (но очень редко) из шелковой материи, которая, вероятно, добывалась из Монголии. Жилища древних бурят были, конечно, приспособлены к их кочевому образу жизни. Не говорим о домах — у них не было даже юрт, крытых войлоком, как у нынешних бурят, а устраивались так называемые бухэк¹. Это нечто вроде балагана.

¹ Происходит от слова бухэкэ, что значит нагибаться. Вероятно, вход в такое жильё был небольших размеров, так что приходилось, чтобы попасть в него, или нагибаться, или проползать.

Устраивался он таким образом: втыкались кругом несколько жердей, верхние концы которых связывались. Жерди покрывались шкурами так, что сверху оставалось отверстие для выхода дыма. Разобрать и перенести такое жильё было очень легко. Зимой его забрасывали снегом. Вместо шкур иногда употребляли сосновые ветви. Внутри разводился, как и ныне, огонь¹, хранились утварь, сбруя, оружие и снасти для рыболовства.

Утварь была главным образом деревянная – выдолбленная из куска дерева или берестовая. Даже пищу варили в деревянных чашах или корытах (т э б ш и), причем доводили температуру воды до точки кипения, бросая в нее раскаленные камни, – или в посудинах, сшитых из берестовой коры, ставя их прямо на огонь. У очень немногих была металлическая посуда. Она добывалась, вероятно, из Монголии в обмен на шкуры.

Сбруя была очень проста; узда – х а з а р, конечно, не изменившая своего вида до сих пор; седло – э м э л, приспособленное для очень далеких переходов, т.е. широкое и покойное; у т а – мешки из шкур, очищенных от шерсти, в которые складывались пожитки во время переходов. Для этой же цели служили б а г и л ы к и х э х э н э к. В последних держали преимущественно запасные стрелы: об украшении их вышивками, бляхами, кистями и раковинами заботились особенно.

Рыболовные принадлежности отличались такою же простотою. Следует указать следующие: х э р э – острога, т.е. зазубренное копьё на длинном черне; г у л ь м э – волосяной невод без мотни, г у р – морда из тальника². Лодки у древних бурят делались наскоро – выдалбливались из куска дерева или сшивались из березовой коры. По миновании надобности в них, или при дальнем передвижении они большею частью бросались, так как перевозить их, при неимении экипажей, было бы нерасчетливо.

Оружие, как для войны, так и для охоты, частью приготавливалось самими бурятами, частью добывалось из Монголии. Главным оружием были лук и стрелы. Наконечники последних имели различные формы. Для хранения стрел каждый бурят имел колчан – х а д а к, обыкновенно с украшениями. Лук хранился в особом помещении – х о р м о г о, который, как и х а д а к, украшался разными безделушками. Многие, вероятно, имели мечи и копья, и

¹ Огонь добывался при помощи огнива и трута, трут приготавливали из сушеных листьев растений. Употребляли также для добывания огня трение двух кусков дерева: им пользуются и в настоящее время, особенно в тех случаях, когда огонь необходим для окуливания скота при появлении заразительных болезней.

² Все рыболовные принадлежности у бурят имеют своих покровителей или заянов, которые по имени этих принадлежностей и называются. Так, у невода покровитель называется Гульмэшиной, у морды – Гурши-хатун, у остроги – Хэрэнши-нойон.

все — большие и малые ножи, необходимые в повседневной жизни. Кроме ножей обыкновенной формы, ныне находят еще и дугообразные. Для чего они служили, неизвестно. Кроме того, употреблялись так называемые г а х а н а, нечто вроде железных лопаток, служивших главным образом для вырывания корней съедобных растений, и топоры — х у х э, острие которых укреплялось перпендикулярно к топорщику.

Вполне зависимый от природы и к тому же, конечно, не понимавший ее, древний бурят, устраивая своим трудом сколько-нибудь сносную обстановку жизни, считал в то же время главным действующим лицом не себя, а те невидимые, сверхъестественные силы, которые рисовались в его воображении, создавались им для объяснения окружающего. В его сознании не было, разумеется, стройной религиозной системы, которая ясно, точно и определенно отвечала бы на вопросы его малосведущего, неразвитого ума. Все содержание его религиозного мирозерцания заключалось в легендах, общий смысл которых можно представить так: есть в мире существа, которые некогда жили на Земле как простые люди, а потом сделались небожителями и правителями природы. Таковы, например, Хоходой-мэргэн — хозяин грома, его жена — Хобошихатун, Эсэгэ-Малан-тэнгри — властитель неба, 9 сыновей Западного Хата и др. Они входят в близкие отношения к человеку, который, конечно, пользуется их преимущественным попечением. Но за это они требуют от человека исполнения религиозных предписаний, которые, главным образом, касались обрядов. Первоначально, при неразвитости культа, эти обряды выполнялись частью всеми зэгэтэ-облашниками, частью упомянутыми уже руководителями и начальниками зэгэтэ-аба, которые таким образом соединяли в своих руках власть светскую и духовную. Более сложные обряды, вероятно, относились к самой зэгэтэ-аба, как важнейшему акту в жизни древнего бурята. Перед началом зэгэтэ-аба совершалось общественное моление об успехе предприятия (с а г а л и б а р ь х а), после зэгэтэ-аба — благодарственное, причем то и другое сопровождалось жертвоприношениями. К сожалению, подробных сведений об этих молениях не сохранилось, хотя в некоторых религиозных обрядах нынешних бурят есть намеки на то, что они совершались еще во время полного развития зэгэтэ-аба.

Впоследствии совершение большей части религиозных обрядов перешло в руки особых лиц — шаманов, причем в руках простых бурят осталось совершение тех из них, которые исполнялись по поводу семейных событий: рождения, свадьбы, похороны. Наиболее замечательны обряды свадебные и погребальные, о которых к тому же сохранились довольно полные сведения.

Первоначально, при полном господстве зэгэтэ-аба, жены добывались при помощи похищения, как это было у всех диких народов. Свадьбы тогда имели вид небольших побоищ между родителями и родственниками жениха и невесты; впоследствии, когда похищение сделалось лишним, свадебные торжества превращались в более мирные, хотя некоторые черты и указывали на их прежний воинственный характер.

Местом заключения свадебных договоров были, вероятно, те пункты, куда буряты собирались для совершения зэгэтэ-аба, и где молодые люди и их родители знакомились между собою. Роль главных действующих лиц при этом падала на родителей, которые, условившись между собой о количестве калыма, совершали обряд мены поясов, после чего сватовство считалось уже официально поконченным и завершалось гулянкой, причем родители невесты угощали родителей жениха. Когда затем калым был выплачен, родители невесты назначали срок прибытия невесты к жениху. В то же время они готовили вещи, которые должны были дать невесте (ө н ж и): необходимую одежду, обувь и т.д., х э х э н э к – мешок из звериных шкур, который украшался, смотря по состоянию, более или менее причудливо и роскошно; колчан со стрелами, лук и прочее оружие, а также сбрую и, наконец, постель. Когда приготовления были кончены, испрашивалось от галши разрешение на свадьбу. Необходимость этого обуславливалась тем, что свадебные пиршества требовали остановки на одном месте всей зэгэтэ-аба и прерывали охоту. Когда брачный союз имел произойти между лицами, принадлежащими к двум зэгэтэ-аба, то разрешение на свадьбу требовалось уже от обоих галша. Впрочем, свадьбы большею частью совершались летом, когда зэгэтэ-облавышки останавливались на более продолжительное время. Наконец, приготовления кончились, разрешение получено. Тогда родители невесты отправлялись к жениху. Поезд открывался галшою. За ним, кроме родителей невесты, ехали родственники и знакомые (одноплеменники), верхом и в полном вооружении, вероятно, ввиду нечаянных нападений со стороны чужих зэгэтэ-облавышников.

Родители жениха и их родственники, между тем, ждали гостей под березой – т у р г э, около которой был разведен огонь. Они сидели со своим галшою, если брак совершался между лицами, принадлежавшими к двум разным зэгэтэ-аба. По приезде гостей их рассаживали по достоинству, жениха и невесту – рядом, и угощали.

Затем гости, с женихом и невестой во главе, собравшись в кучку на некотором расстоянии от тургэ и приближаясь к нему, говорили местному галше: «Аб!», т.е. возьми (невесту в свою зэгэтэ-аба!). Галша, в знак согласия, благословлял нового члена. Это повторялось еще два раза, после чего соединяемые

подходили к тургэ и кланялись онгону и огню, в который они, сначала жених, потом невеста, бросали по три куска жиру. Затем приносили еще три куска твердого жиру и сосуд с растопленным. Твердые куски невеста бросала в грудь местного галши, растопленный жир выливала в огонь. Исполнив это, невеста клала в огонь несколько полен, а лежавшие уже там полена передвигала. Последнее, вероятно, означало, что невеста делалась хозяйкой и женою и что, как увеличивается от новых полен огонь, так и она должна увеличивать общество, в которое вступает. Это был последний свадебный обряд, имевший религиозное значение. Далее происходило уже самое пиршество, сопровождавшееся разного рода состязаниями в борьбе, стрельбании из лука, бегах на лошадях, плясках и играх, большая часть которых состояла в подражании животным и птицам. Из этих плясок здесь можно упомянуть: х о р н а д а н — глухариная пляска, в которой два человека подражали глухарям — самцу и самке; б а б а г а н н а д а н — медвежья пляска, м о р и х у р г а ш и н а д а н — лошадиная (подражание укрощению коня), ш о н о н а д а н — волчья, тэ х э н а д а н — козлиная¹.

По окончании увеселений гости уезжали обыкновенно в тот же день, в какой прибыли с невестою; оставаться долее им было невозможно, так как на оставленных сородичей могли напасть иноплеменные зэгэтэ-облашники. С другой стороны, в то время, когда пища добывалась только охотой, продолжительные празднества не могли иметь места.

Подробные сведения из быта бурят во время зэгэтэ-аба касаются еще похоронных обрядов, которые мы и постараемся вкратце описать.

Нужно заметить, что эти обряды находятся в связи с верованиями бурят, будто человек и после смерти ведет такую же жизнь, какую вел на земле. Поэтому покойника прежде всего одевали в лучшую, а если давала возможность, в только что сшитую одежду, присоединяли сюда оружие и все необходимые в обыденной жизни мелкие вещи, как-то: лук и стрелы, трубку и кiset с табаком и, наконец, пищу. Затем садили покойного на коня и во главе с таким странным всадником отправлялись на известное место, причем одну из стрел покойного выстреливали по направлению к его дому. Если покойный не имел коня, что, впрочем, случалось редко, так как зэгэтэ-аба невозможна для

¹ Существовали также игры, в которых не было надобности изображать из себя животного, напр., а д а н г у ш а н а д а н — пересмешник, где один человек осмеивал других присутствующих; х а р а н а м а л т а ш и н а д а н, где в смешном виде представлялось, как женщина выкапывает корень х а р а н а, б у б э н а д а н — изображение няньки с ребенком. Впоследствии главными действующими лицами в этих играх стали шаманы.

пешего человека, то его несли на руках родственники и соседи. Такой человек, по верованию бурят, и на том свете не мог иметь коня. Иногда в похоронной процессии можно было видеть и слугу покойного, который должен был служить своему господину в его загробной жизни и обрекался на смерть. Приехав на место, родственники и друзья умершего готовили костер из дров, сложенных четырехугольником, клали на него покойника, его оружие, коня, вещи, а также убитого слугу (если таковой был) и подкладывали огонь. Этот обряд сожжения по-бурятски назывался *х ө н г ө л х э*, что по-русски значит «облегчить». Потом все возвращались по домам, причем никто не должен был оглядываться назад; нарушивший же это мог умереть в скором времени. Три дня после похорон какого-нибудь члена *зэгэтэ-аба* прочие члены ее, т.е. родные и соседи покойного оставались на одном месте. По происшествии же этих дней (которые назывались *х а р т а й* — «черные дни»; в это время душа покойного не удалялась от места стоянки) они, взяв с собою съестные припасы, отправлялись на место сожжения покойного, собирали все, оставшееся от него и от вещей, с ним положенных, в особый сосуд и закапывали в землю, после чего, помянув душу покойного обильной выпивкой и закуской, уезжали на место стоянки. Тогда только душа покойного удалялась от юрт своих соплеменников. Этот последний обряд назывался *я х а б а р ь х а*, «держат кость». Этим можно заключить описание внешнего быта бурят во время полного расцвета *зэгэтэ-аба*. Условия жизни бурят изменились; стала падать и *зэгэтэ-аба*. Охота доставляла им средства к жизни в виде мяса и шкур животных. Но вести охотничий образ жизни буряты могли только до времени; с одной стороны, он был опасен и сопряжен с разными неудобствами, а с другой — явилась возможность и даже необходимость останавливаться на одном месте на более, чем прежде, продолжительное время и не быть связанным в постоянную *зэгэтэ-аба*, и организовать последнюю только на известный период. Произошло это самым естественным образом. Буряты имели сношения с Монголией, откуда уже с давнего времени стали приобретать скот или в обмен на шкуры, или просто угоняя его.

Сначала количество скота у бурят было незначительно, и им очень дорожили, на что указывает так называемый *х о н а х а*, обычай, существовавший только у древних бурят. Он состоял в том, что животное, например, корову или барана не резали совсем, а только надрезывали жилу, выпускали кровь настолько, чтобы животное могло еще жить, и освобождали его. Но буряты скоро заметили, каким подспорьем в их жизни может служить рогатый скот и насколько его разведение выгоднее и, вместе с тем, удобнее постоянной охоты на диких животных; потому они стали заботиться об увеличении количества домашнего скота и об уходе за ним. Следствия этого понятны: летом нужно

было заготавливать сено, и зимой жить на тех местах, где оно собрано. Постоянная бродячая жизнь зимой в сибирских лесах для лова диких зверей сделалась уже невозможной, так как скот мог удобно пробираться в чаще, требовал лишних людей для охраны от диких животных и рисковал остаться без пищи. В противоположность прежним временам, когда в зэгэтэ-аба участвовали все, не исключая женщин и подростков, на охоту теперь, и то по временам имели возможность отправляться только взрослые мужчины, женщины же должны были оставаться дома для присмотра и ухода за скотом. Кроме того, здесь же необходимо было и присутствие части взрослых мужчин, которые бы охраняли оставшихся от нечаянных нападений. По мере развития скотоводства прежняя многолюдная и долговременная зэгэтэ-аба должна была сократиться в своих размерах, а буряты бросать свою постоянную бродячую жизнь и оседать на определенных местах. Зэгэтэ-аба из постоянной превратилась в периодическую, значение ее стало постепенно падать. Самые крупные зэгэтэ-аба, воспоминание о которых еще в сознании бурят — т а й т у р с к а я х э р м э н. Первая совершалась в местности, где ныне находятся Тайтурка, Мальта, Тельма и Усолье. На нее съезжались буряты верхоленские, кудинские, капсальские, ольхонские, ленские, тункинские, идинские, нижеудинские и охотились иногда около 40 дней.

Хэрмэн зэгэтэ-аба производилась на землях бурят кудинских, верхоленских, капсальских, ольхонских и ленских и, кроме владельцев этих земель, в ней участвовали изредка и прочие буряты, напр., идинские, балаганские и аларские. Несколько менее обширна была зэгэтэ-аба, совершавшаяся на местности между рр. Ангарой и Окой. Но они не имели еще чисто местного характера, так как в ней участвовали иногда балаганские, идинские и нижеудинские буряты¹.

Нынешние облавы, где они существуют, уже не привлекают большого количества бурят; это, в сравнении с прежними, мизерные облавы, хотя их попрежнему называют зэгэтэ-аба. В них не участвуют буряты разных ведомств, а только ближайшие соседи. Так, например, есть сведения о зэгэтэ-аба у бурят кудинских и балаганских. Они бывают преимущественно весной, когда дни становятся длиннее и теплее, и когда снег еще не совсем растаял. В этих облавах принимают участие несколько родов, которые с давних времен делали их вместе. День сбора на облаву назначается на суглане; назначают обыкновенно около новолуния; вообще, всякие предприятия буряты начинают в новолуние и прежде новолуния что-нибудь предпринимать счита-

¹ См. о зэгэтэ-аба «Народы России», изд. журн. «Природа и люди». — С.—П-г. — 1880, ст. «Буряты», стр. 4.

ется грехом¹. Иногда облава делается весною каждого года, иногда – через несколько лет; если по каким-нибудь причинам облаву в свое время весной нельзя сделать, то ее откладывают в будущем на неопределенное время. К назначенному дню облавщики должны собраться на известный сборный пункт, на котором обыкновенно и прежде собирались для облавы. Сюда являются от каждого рода по несколько человек, сколько установлено на суглане. Многочисленность облавы зависит от числа участвующих родов и от того, многочисленные ли роды принимают участие в облаве или нет.

Обыкновенно полагается, чтобы на облаву являлся 1 человек и 10. Если на облаву явится от рода менее положенного числа, виновные подвергаются штрафу. Желаящим приехать на облаву сверх обязательных участников не отказывают: на облаву может приехать народу сколько угодно; не допускается только, чтобы число участников было менее установленного числа. Бедные люди, не имеющие лошадей, освобождаются от обязательства участвовать в облаве, и за неприбытие на облаву взысканиям не подвергаются, хотя и принимаются в счет при группировке народа на десятки. В каждом десятке непременно найдется семь-восемь человек, имеющих лошадей, и вот если из этих конных ни один не явится на сборный пункт, на них налагается штраф.

На том же суглане, на котором назначается день сбора на облаву, выбираются также и распорядители зэгэтэ-аба: г а л ш а, т о б ш и, г а р б а р я ш а (г а з а р ш а), з а х у л ы, лица, назначаемые для хранения и раздачи съестных припасов, и м а л г а и; каждый малгай под опасением штрафа обязан привести с собою на облаву не менее двадцати человек. Галша иногда бывал наследственный; так, у кудинских бурят бывает ардайская облава (а р д а й н з э г э т э - а б а), которая обыкновенно устраивается в местности Арда; галша этой облавы наследственный.

Нынешние кудинские буряты, выезжая на облаву, берут с собою съестные припасы: мясо, б ө м х ө и пр.; все это передается на хранение особым лицам, которые занимаются приготовлением пищи облавщикам; употребление вина на время облавы строго запрещается. Когда народ собрался на сборное место, перед облавой варят мясо и кладут его в корзину, которую ставят около огня; тут же ставят бемхе и пр. Тогда все садятся, а галша с прочими начальствующими лицами делят мясо, бемхе и все остальное между участниками, «д э ш и б а р ь х а»; после этого все по кусочку бросают в огонь; а потом начинают есть. Совершив этот обряд, отправляются на облаву. Убитых во время облавы зверей

² Религиозные обряды и обряды, совершаемые шаманами, также совершаются во время новолуний, некоторые буряты считают даже грехом выезжать из дома в дальний путь до рождения луны.

сдают особым лицам. По окончании облавы убитая дичь делится между участвовавшими в облаве. Если кто-нибудь утаит убитого зверя, того наказывают, иногда вырезают передние подола. По возвращении домой облавщики устраивают гулянки, которые продолжаются дня два, не более.

Балаганские буряты ныне не делают облав, за исключением тех, которые живут по рекам Унге и Заларе. Облавы балаганских бурят предпринимаются только в целях истребления волков, когда нападения этих хищников на домашний скот особенно усиливаются. Облавы у балаганских бурят необязательны: участвуют в них только желающие; они не бывают многочисленны; редко число участников доходит до 70 человек. Разведав, куда и в какой лес ушел волк, задавивший скот, буряты собираются на верховых лошадях с колчанами и луком. Приехав на место, большая часть облавщиков окружает лес, в котором спрятался волк, полукругом, а несколько человек с противоположной стороны въезжают в лес и громко кричат, чтобы волк, испугавшись, выбежал из леса. Когда волк выбежит на открытое место, все облавщики гонятся за ним, крича во все горло. Буряты заметили, что если в лесу спрятались стая волков, то никогда они не выбегут из леса вместе, а разбегутся в разные стороны; тогда облавщики по своему усмотрению разделяются на группы и пускаются в погоню за волками, причем неистово кричат, чтобы люди других улусов и родов услышали облаву. Если бурят услышит крик облавы и увидит волка, не утерпит, на скорую руку поймает коня и во весь мах пустится за волком. Бывают случаи, что бурят едет с возом и увидит облаву; он распрягает коня, бросает воз на дороге и уносится вслед за облавой, крича во все горло. Таким образом, число облавщиков постепенно увеличивается. Мальчики 12 лет также принимают участие в этих облавах. Гонимые облавой, волки стараются убежать в густые леса, но облавщики принимают меры, чтобы не пустить их туда; волки стараются бежать по крутым склонам и ущельям, чтобы задержать гонителей, но опытные и знающие свою местность буряты заранее знают, по какой дороге побежит волк, и пересекают ему дорогу, другие же следуют за волком, чтобы помешать ему возвратиться назад. Если волк допустит бурята на 20 или 30 шагов, он наверняка будет убит. Есть стрелки, которые метко бьют с расстояния 50 сажень. Буряты стреляют по волку на бегу лошадей; иногда стрела вылетает сквозь волка. Шкуру с убитого волка продают одному из облавщиков, а вырученные деньги делят между собою поровну. От убитого волка отрезают кусочки мяса и привязывают к гривам лошадей; буряты думают, что при этом лошади радуются, что волк убит. Когда облавы бывают часты, волки уходят от жилых мест в тайгу или переселяются в другие места, где не бывает облав.

Кроме облавы на волков, у балаганских бурят бывают так называемые х а ш а н г а, которые устраиваются весной на козуль. Когда снег немного согреется и вследствие холода поверхность снега немного оледенеет, буряты выезжают на верховых лошадях и охотятся за козулями. Иногда в одну весну посредством этих х а ш а н г а истребляется множество козуль, и они из года в год уменьшаются.

Почти полное падение зэгэтэ-аба имело немаловажные последствия для бурят. Во время прихода русских они уже не представляли из себя многочисленные, крепко организованные общества. Вследствие развития скотоводства они распались на небольшие общества сородичей. Сравнительная редкость зэгэтэ-аба не могла не ослаблять их отваги и мужества, — качеств, воспитываемых в их предках с раннего детства жизнью в лесах, борьбою со зверями, иноплеменниками и разными невзгодами охотничьей жизни. Ко времени прихода русских большая часть бурят представляла уже из себя почти мирных скотоводов, которые к тому же ничего не могли противопоставить огнестрельному оружию казаков. Этим, между прочим, объясняется легкость их покорения русскому царю. Последнее же не могло не повлиять на уничтожение многих обрядов и обычаев бурятской жизни, прежде всего, конечно, на принесение человеческих жертв и описанные выше погребальные обряды. Многое, конечно, из быта древних бурят осталось неприкосновенным и существует до настоящего времени, хотя и совершается под сурдинкой из страха перед священником и исправником.

Легенда о прекращении обычая умерщвлять стариков

В прежнее время у бурят существовал дикий обычай у х э у н г у л х э, который состоял в том, что семидесятилетних стариков умерщвляли, заставляя их глотать кусок жира в виде ленты. Вот по какому случаю обычай этот прекратился.

Однажды Эсэгэ-Малан и девять сыновей Западного Хата побились об заклад между собою; девять сыновей Западного Хата обязались выстроить чугунный мост через океан (по-бурятски г а з а д а д а л а й), а Эсэгэ Малан как земной человек (он не был тогда еще небожителем) должен был по условию выстроить дворец Бежин-суглан (б э е р э н б о т о х о н б е ж и н х а т у н и о р о н б о т о х о н у х э р б о г с о б о т х о х о б г э ж и х э л э н э). Девять сыновей Западного Хата в течение дня построят чугунный мост до половины; ночью поднимется волна от сильного ветра и изломает построенное; таким образом девять сыновей Западного Хата каждый день строили мост, и каждую ночь построенное разрушалось от волны.

Эсэгэ-Малан скоро выстроил дворец Бежин-суглан, но только никак не может покрыть одну часть крыши на северо-западной стороне: как только покроеет ее, он призвет человека и спросит его: «Готово ли?» Приглашенный человек ответит: «Не готово!» или «Не так покрыто!» Тогда эта часть крыши разрушалась, и Эсэгэ-Малан казнил того человека, отрубал ему голову. После этого Эсэгэ-Малан начинал снова крыть крышу. Сколько он ни призывал людей, всякий находил крышу или недокрытой или покрытой не так, как следует, и всех, одного за другим, Эсэгэ-Малан казнил. Таким родом он множество людей переказнил, а крышу покрыть все-таки не может, и не может взять верх над девятью сыновьями Западного Хата. Наконец, очередь идти к Эсэгэ-Малану дошла до одного молодого человека, у которого был престарелый отец; над последним следовало бы уже совершить обряд ухэ унгулхэ, но сын, жалея старика, прятал его в ящике (хобто) в течение нескольких лет. Сын пришел к отцу и говорит: «Сегодня моя очередь говорить Эсэгэ-Малану. Наверняка я буду казнен, как и другие. Не горюй обо мне! Вот только что с тобой будет без меня! Не дашь ли мне совет, что делать в настоящем случае и что сказать?» Тогда старик сказал сыну: «Говори «готово!», хотя бы и не было готово и крыто не так, как следовало. Если скажешь «не готово», то наверняка будешь казнен, как все другие. Если скажешь «готово», не знаю, казнит или нет. Если казнит, то и «не готово», скажешь, казнит; значит, все равно, так или этак скажешь, а быть казнену. Попробуй сказать «готово!». Молодой человек отправился к Эсэгэ-Малану. Когда он пришел, Эсэгэ-Малан спросил его: «Готово ли?» Молодой человек по совету отца ответил: «Готово!» Тогда каким-то таинственным образом недокрытая часть крыши вдруг докрылась, как следует. Удивленный Эсэгэ-Малан спрашивает молодого человека: «Кто тебя научил так говорить?» Молодой человек признался, что он несколько лет, не желая исполнить над своим отцом обряд ухэ унгулхэ, прятал его в ящике; что перед тем, как отправиться к Эсэгэ-Малану, он выпустил отца из ящика и спросил его, что ему делать, и что престарелый отец дал тогда совет сказать «Готово!»

Тогда Эсэгэ-Малан приказал более не исполнять над стариками и старухами обряд ухэ унгулхэ, так как они наставляют молодых людей добрыми и полезными советами (хөмөлзөшэ улэси хөхөтэнгэридэ тошохо хөхө толго өбөгөхи заябарьдан тошохо). С этого времени обычай умерщвлять стариков и старух прекратился, и они стали спокойно и мирно доживать свой век по приказанию Эсэгэ-Малана.

После этого Эсэгэ-Малан выиграл пари, так как девять сыновей Западного Хата не успели выстроить мост через океан. Согласно условию, Эсэгэ-Малан

должен был подняться на небо и сделаться небесным жителем, заяном, а девять сыновей Западного Хата, которые прежде постоянно пребывали на небе, должны были опуститься с неба на землю. Они сделались царями девяти разных мест и могущественными заянами и покровителями бурят, а Эсэгэ-Малан стал могущественным тэнгэри (Эсэгэ-Малан-тэнгэри).

Балаганские буряты передают это предание иначе. В прежнее время у бурят существовал обычай умерщвлять семидесятилетних стариков и старух, у х э у н г у л х э. Тайжи-хан узнал, что на дне моря лежит золотая чаша (а л т а н с а б а), которую было видно с берегу, несмотря на глубину моря. Тайжи-хан, желая достать эту золотую чашу со дна моря, собрал свой народ и всем приказал поочередно нырять в море за этой чашей; но кто ни нырнет, более уже не возвращается; таким образом Тайжи-хан утопил немало народа. Пришла очередь нырять одному молодому человеку, который своего престарелого отца несколько лет прятал в ящике, не желая исполнять обычай у х э у н г у л х э. Тогда он обратился за советом к своему отцу, как достать золотую чашу со дна моря. Семидесятичетырехлетний старик-отец сказал своему сыну: «Эта золотая чаша вовсе не находится на дне моря, как думает Тайжи-хан; если б золотая чаша действительно лежала на дне моря, то она не была бы видна, так как море в этом месте очень глубоко. А надо думать, что эта чаша находится на вершине высокой горы, которая стоит на берегу моря. Блеск этой чаши отражается в воде и кажется, будто чаша лежит на дне моря. А потому лучше эту золотую чашу ищи на вершине горы, а не в море. Если же ты нырнешь в море, то утонешь, как и другие». Молодой человек по совету отца на другой день поднялся на гору и действительно нашел там золотую чашу и принес ее Тайжи-хану. «Почему ты узнал,— спросил Тайжи-хан,— что эта золотая чаша находится на горе, а не на дне моря? Если ты это знал, то почему прежде не открыл?» Тогда молодой человек объявил хану, что он четыре года прячет своего семидесятичетырехлетнего отца, не желая совершить над ним обряд умерщвления, и что когда пришла ему очередь идти в море за чашей, он спросил совета у отца и тот научил его, как поступить. Тогда Тайжи-хан строго приказал на будущее время не исполнять обычай у х а у н г у л х э над стариками и старухами, которые полезны молодым людям своими советами и наставлениями. С этого времени обычай умерщвления стариков и старух прекратился, и они стали доживать до глубокой старости и умирать естественной, а не насильственной смертью.

Некоторые буряты, вопреки предыдущим преданиям, усердно утверждают, что обычай умерщвления стариков у бурят никогда не было и что он существовал у других народов, и именно в царстве, в котором царем был Гули-хан.

Один человек во время охоты на берегу моря на горе, которая была к морю очень крута, увидел в море золотое блюдо (а л т а н т о л и). Этот слух дошел до царя Гули-хана; царь начал заставлять людей своего царства поочередно нырять в море, чтобы достать золотое блюдо со дна его; но кто ни спускался в морскую пучину, более уже не возвращался и тонул в ней. Пришла очередь идти в воду молодому человеку, который пятнадцать лет прятал в ящике своего престарелого отца, не желая совершать над ним обряд у х э у н г у л х э. Молодой человек выпустил из ящика своего восьмидесятипятилетнего отца и спросил его, что делать в данном случае. Старик сказал, что золотое блюдо находится не на дне моря, как предполагает Гули-Хан, а находится на горе между камнями; эта гора отражается в море, а вместе с нею и золотое блюдо кажется лежащим на дне моря. «Ищи это золотое блюдо на той стороне горы, которая обращена к морю!». Молодой человек действительно нашел золотое блюдо на горе. На вопрос хана, как он догадался, что нужно было искать блюдо на горе, а не в море, молодой человек рассказал о своем отце, и хан отменил навсегда дикий обычай у х э у н г у л х э.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОХОТЫ У СЕВЕРНЫХ БУРЯТ

(*Зэгэтэ-аба — охота на росомах*)¹

1. Введение

В животном мире коллективное нападение нескольких животных на добычу, которая каждому из них поодиночке была бы не под силу, — явление очень обыкновенное. Все, кто только брал в руки ружье и охотился за плавающей птицей, наверное, видел, как бакланы где-нибудь в мелком заливе, вытянувшись в ряд, с криком и хлопанием крыльев гонят рыбу к отмели и хватают ее, а пеликаны прямо-таки устраивают облавный круг и набивают свои подчелюстные мешки рыбой. Из морских млекопитающих хищнические набеги на рыбу устраивают дельфины. Тактика их заключается в том, чтобы подогнать рыбу поближе к берегу или в устье реки. Рыба боится дельфинов и направляется к берегу. Вследствие этого в некоторых местах запрещено бить это животное, как, например, у нас в Ялте, потому что дельфины служат загонщиками рыбы для рыбаков. Самый страшный морской хищник и, вместе с тем, самый красивый из них — касатка (*Orca gladiator*); беловатое брюхо и темная спина, а также грациозные движения этого зверя в воде, особенно в бурю, и дали этому виду название касатки или морской ласточки. Касатки

¹ Сельский учитель бильчирских бурят Матвей Николаевич Хангалов уже более тридцати лет занимается изучением быта и верований бурят. Благодаря его трудам шаманство у северных бурят обследовано гораздо лучше, чем где-либо в Сибири. Кроме этого, он уже давно занимался изучением общественных охот, некогда бывших главным источником пропитания бурят. Он поместил описание этих облав в «Известиях Восточно-Сибирского отдела императорского Русского Географического Общества», но в сокращенной форме. Желая ознакомить этнографов возможно полнее с культурно-историческим этюдом М.Н. Хангалова, я выписал от него рукопись, посвященную облаве; но, к сожалению, автор потерял свою старую рукопись, которая представляла собою энциклопедию бурятского быта. Новая была, очевидно, восстановлена автором по памяти. Вследствие этого обстоятельства я решил дополнить изложение г. Хангалова теми сведениями, которые я собрал лично у других бурят, забайкальских, и, кроме того, для округления вопроса написал введение к этюду г. Хангалова, в котором сделал попытку осветить вопрос с этнологической точки зрения.

Примечания подстрочные, отмеченные цифрами, принадлежат мне, звездочками — М.Н. Хангалову. *Д. Клеменц.*

охотятся не только за рыбами, но и за гигантами морей — китами. Ронделе так описывает охоту касатки на гренландского кита: набрасываясь на него со всех сторон, они начинают кусать его, пока тот не заревет, как разъяренный бык. Другой автор говорит, что десяток или более этих разбойников впиваются как бульдоги в бока и брюхо кита и не отстают до тех пор, пока не оторвут у него куска мяса длиной с локоть. От боли кит стонет и иногда подпрыгивает в воде, но, морские бульдоги, крепко впившись, висят на теле кита. Стеллер говорит, что, завидев кита, касатки отгоняют его в открытое море и кусают его своими страшными зубами, так что издали слышны пыхтение и стоны гиганта морей. Там, где встречаются киты, белухи и тюлени, там непременно встретится и касатка.

Облавы у хищных животных преимущественно развиты среди семейства *Canidae*. Последние, по сравнению с семейством кошек и медведями, вооружены плохо. У них одно орудие нападения и обороны — зубы, тогда как кошки обладают, кроме того, и страшными когтями, а медведи, кроме когтей, — страшной силой. Одолеть крупного зверя они могут только стаей. Зато в стае они становятся опасными для самых страшных хищников. В Индии водится очень крупная дикая собака — колзун *Canis dukhunensis*. Вопреки манере волков, гиен и шакалов, эта собака нападает на добычу днем, причем, в случае нужды, за недостатком другой дичи, не брезгает и тигром. Завидя стаю, царь джунглей¹ забирается в чащу, но это не спасает его. Собаки охватывают его логовище тесным кольцом, и достаточно только одной или двум опытным собакам вцепиться в него сзади, чтобы вся стая бросилась сразу на врага. При этом, конечно, погибает несколько собак, но зато и тигр почти всегда делается добычей нападающих. Такие же облавы устраивают на домашний скот — главным образом, на баранов или на больных и раненых животных — гиены и шакалы. Гиены не умеют подкрадываться к добыче и гонятся за ней. Окружив стадо, они набрасываются по нескольку штук на одно животное и душат его, затем тащат куда-нибудь подальше. Если одна гиена не в состоянии утащить добычу, ей помогают другие. Вообще, все *Canidae* нередко собираются в стаи для нападения.

Гораздо замысловатее охоты одного вида волка, живущего в Индии, столь богатой представителями семейства *Canidae*. В разных местностях он носит название — бигани, багиар, ландга; научное название его — *Canis lupus pallipes*. Хотя он не держится такими большими стаями как другие волки, но, по-своему

¹ Джунгли — заросли низменных берегов и болот.

нахальству и хитрости, он — один из самых вредных. Он не пренебрегает никакими животными, с которыми может справиться, но предпочитает крупных коз, овец, антилоп и, говорят, нападает и на буйволов. Рассказы о нем изумительны. Заметя стадо антилоп, он потихоньку пробирается на какой-нибудь возвышенный холм, с которого его могут заметить антилопы, ложится на спину и начинает махать хвостом и болтать ногами. Заметя это, глупые, но любопытные антилопы бегут посмотреть на невиданную диковинку. Когда стадо подойдет к волку, спрятавшиеся в засаду товарищи накидываются на антилоп и душат их. Иногда волки делают демонстративную атаку на стадо и пастухов, потом обращаются в бегство. За ними гонятся пастухи и собаки. В это время скрытые в засаде волки набрасываются на стадо и начинают хозяйничать в нем. Часто волки гонят стадо антилоп к тому месту, где скрыта засада.

Обращаясь к облавам, производимым человеком, мы не будем по поводу такого частного вопроса входить в рассуждение о том, что представляют собой «охотничьи» племена и народы, не будем также разбирать споров о «бродячих племенах». Наша задача для этого слишком узка: нас интересуют пока только народы, *делающие облавы*. Но и этого вопроса мы не берем исчерпать, так как повсюду, где есть охотники и звери, встречаются и облавы. Мы знаем, например, что в палеолитическую эпоху человек охотился на мамонта, так как не раз уже попадались обожженные кости мамонта, и мы поэтому не можем сомневаться в том, что на мамонта люди нападали скопом, т.е. облавою. В числе примитивнейших способов облавы можно поставить сгон зверей посредством зажигания травы. О них русская читающая публика знает давно, из романов Густава Эмара, но имеющиеся по этому вопросу сведения не дают нам права ограничиться одной ссылкой на вышеупомянутого автора. Руководствуясь ветром, индейцы-охотники в разных местах зажигали траву и старались направить огонь к такому месту, где бы охотникам удобно было устроить засаду. Иногда, при приближении зверя, зажигали огонь впереди: звери начинали метаться и падали под стрелами охотников, иногда же последние находили недоступное для огня место, с которого можно было бить зверя почти без промаха.

В Австралии существует способ ловли, который недалеко ушел от приемов бакланов и пеликанов. Он практикуется на широких реках Австралии. Партии туземцев человек в пятьдесят, вооруженных деревянными копьями футов 6 длиной, образуют широкий круг и все по команде погружаются в воду и колют рыбу копьями. Если первый загон был неуспешен, компания отплыла на некоторое расстояние и снова ныряла в воду. Эйр видывал, что группа

в 30 человек в час добывала до 8 штук рыбы — каждая не менее 15 английских фунтов и даже более. В Австралии, так же как и в Америке, при охоте на кенгуру зажигают кусты, когда зверь прячется в них в полдень от жары. Звери бросаются прочь от зажженных кустов к другим, но и там появляется пламя; начинается суматоха между животными, они бегут от огня, но в свободных местах их с криками встречают вооруженные охотники, и начинается бойня. Иногда охотятся на кенгуру так, что охотники прячутся в траве, а зверя гонят на них женщины и дети. Здесь мы уже видим зачатки правильной облавы — охотничью цепь, только без номеров, загонщиков и кричан. Иногда там, где местность нельзя оцепить, туземцы устраивают изгороди с промежутками, около которых стоят охотники с дубьем. Когда все на своих местах, дети и женщины зажигают огонь с подветренной стороны и заставляют зверя бежать против ветра к изгородям, где и совершается избиение. Замечательно также, что раздел добычи выработан чрезвычайно точно, и споров из-за права на добычу не бывает.

Еще ближе к нашей теме недавно исчезнувшая на нашем северо-востоке, в Колымском округе, «поколюга». В сравнительно недавнее время, весной, целые полчища северных оленей передвигались со своих пастбищ в тайге, где их одолевали насекомые, в более прохладные приморские места. В то время, когда в Колымске жил Врангель, стада оленей тянулись на расстояние от 50 до 100 верст, двигаясь плотными эшелонами штук по 300, так что издали казалось, что движется какая-то бесконечная черная масса. Охота начиналась при переправе оленей через Колыму. Охотники подъезжали на лодках и били переплывавшихся оленей короткими копьями. Когда олени при этом приходили в замешательство и спутывались рогами друг с другом, тогда происходила настоящая бойня. Хороший охотник убивал в час до сотни зверей. Общим достоянием считались все олени, убитые на переправе, и только раненые, выплывшие на противоположный берег, считались личной добычей охотника, нанесшего рану. Охотники, однако же, доходили до такого искусства, что среди всеобщей сумятицы ухитрялись наносить более легкие раны зверю, с которыми он мог бы доплыть до берега. Следует отметить, что «поколюга» существовала не только на Колыме. Ее приводят в пример благодаря тому, что имеется прекрасное описание этой облавы у Врангеля. Помнится также, что о «поколюге» писал и г. Шкловский. В сущности же, это — один из видов охоты на северного оленя. Весенняя охота на оленей начинается вместе с передвижением зверя из лесов в тундру. На открытом месте — сперва пореже, а потом чаще — набивают колья с двух сторон и навешивают на них разные тряпки; две линии кольев постепенно сближаются, так что в целом получается нечто вро-

де воронки или вытянутой цифры V; узкий конец замыкается ременной сетью длиной около 150 сажен; линии колев тянутся версты на 4, на 5. Охотники, высмотрев стадо оленей, сами верхом на оленях, стараются загнать зверей в промежуток между кольями. Когда звери войдут в промежуток, внимание их привлекают трепещущие от ветра флаги; они останавливаются в недоумении и смотрят. Ловкие загонщики гонят зверей; чем дальше в изгородь, тем страшнее сзади крик и гам, свистят стрелы, шумят и хлопают флаги. Олени несутся сломя голову, но, чем дальше, тем теснее становится стаду. Теперь уже не стреляют, а бьют оленей копытами. Добежав до сети, они встречают других врагов, спрятавшихся в засаде, и попадают им прямо на копья. Обыкновенно бойня длится не более часа. Летом, в лесах, также делают облаву с махавками (махалками). Изгородь из махавок обыкновенно узким концом подводится к озеру или реке. Гонит оленей один загонщик, и, притом, пеший. Попав в изгородь, олени, пугаемые загонщиком, бросаются в воду, где их бьют заранее расположившиеся там охотники, преследуя зверей с лодок. «Поколюга» в Туруханске бывает не весной, как в Колымске, а осенью, когда звери из тундры возвращаются в тайгу; бьют их на бродах. Осенняя «поколюга», конечно, более выгодная, нежели весенняя: весной идет олень изголодавшийся, а из тундры олень приносит запас жира, который дает ему возможность переносить зимние невзгоды.

Подобно «поколюге», отошли в область предания и знаменитые охоты американских индейцев на бизонов. Истребление этих животных никак нельзя поставить на счет туземцам; гораздо более в этом виновны белые. Пока индейцы охотились за бизонами, уменьшения зверя не было заметно. Наплыв белых, с их страшными штуцерами и разрывными пулями, в течение сорока лет (еще в 1858 году попадались в прериях необозримые стада бизонов) уменьшил пределы распространения этих животных, и к началу нынешнего столетия бизоны совершенно исчезли. Белые истребляли этих полезных животных прямо только из желания испробовать свое искусство, били из удовольствия убивать, очень хорошо зная, что использовать всех убитых животных они не в силах. Индейцы охотились за бизонами два раза в год — в июне и октябре, после посева и после уборки хлебов. В охоте принимало участие целое племя: все оповещались в этих случаях, назначался сборный пункт. За конными индейцами тянулись телеги, в которые потом складывали добычу. Охотники выбирали себе предводителя, опытного в этом деле. Избранный держал речь к собранию, подбирал себе помощников и обращался потом с речью ко всем участникам, объясняя им правила охоты и грозя за нарушение их отнятием

и поломкой оружия. Строгость эта вполне мотивированная: при нарушении правил охоты зверь может ускользнуть, и все племя останется без добычи. Сама охота представляла собою конную облаву. Отдельные отряды разыскивали стадо бизонов. При большом количестве участников компания делилась на отряды, которые и гонялись за разбившимися на кучки зверями и били их стрелами с коня. За охотниками шли женщины и дети и добивали раненных животных. Охота заканчивалась пиром, после которого происходил раздел добычи по семействам.

В Африке также развиты коллективные охоты облавами. У племени базутов облава на антилоп ведется так, что сперва ставят в известных местах западни и потом облавой загоняют в эти ловушки зверей. Кафры тоже устраивают большие охоты. Они окружают какой-нибудь лесной участок и сгоняют дичь в одно место, оставляя выходы для зверей. В этих местах ставят самых сильных и смелых охотников. По удостоверению Мюллера, кафры таким способом убивают в полдня по несколько сот антилоп, зайцев, диких кошек, обезьян и других животных.

В вышеприведенных образчиках облавы, которые мы заимствовали, главным образом, у Зибера¹, мы видим полную аналогию в приемах с коллективными охотами животных, с той только разницей, что вместо когтей и зубов человек пользуется оружием, прибегает к разным хитростям, строит загородки, ямы на пути передвижения зверя, пользуется огнем, иногда выставляет прирученного зверя (маньщика²), самку, к которой сбегаются самцы, подражает голосу детеныша или призывному кличу самца. Всюду тот же основной принцип: при помощи товарищей поставить зверей в безвыходное положение или захватить их в трудную минуту и напасть на них.

Хотя этот принцип применяется у первобытных и полукультурных людей довольно разнообразно, но, по мере развития родовых групп в племенные и даже в государственные, облавы становились грандиознее, и приемы их совершенствовались. У нас на Руси, в великокняжеский период, охота была не развлечением, а необходимостью. Добыча зверя, пушнины была источником благосостояния народа и его правителей. Даже в царский период средства казны заключались, главным образом, в пушнине, и когда австрийский цесарский двор обратился однажды за денежной помощью к царю московскому, то ссуда была выслана пушниной.

¹ Зибер Н. И. Очерки первобытной экономической культуры. — М.— 1853, стр. 7—28.

² *Маньщик* — от слова *манить*, *подманивать*.

По сведениям, заимствованным нами у Кутепова¹, первая отмеченная датой облава состоялась в 1088 году. Это была облава на зайцев, устроенная князем киевским Всеволодом при помощи «кличан-загонщиков», которых в ю.-з. России называли «сосочниками». Конечно, это была не первая облава на Руси: облавы, наверно были и в докняжеский период и после него. Известно также, что на волчьей облаве применялось «подвывание» — подражание волчьему вою. Многие великие князья русские любили охоту, и между ними богатырем по силе, разуму и душевным качествам был Владимир Мономах. Охота за турами и дикими конями, о которых упоминает Мономах, судя по характеру и привычкам этих животных, вероятно, производилась при помощи облавы. У Кутепова, однако же, сравнительно мало сведений об облавах, вероятно, потому, что облавы производились не очень часто, так как для этого требовалось много народа. Русские князья любили соколиную охоту, и она вообще была в большом почете. Что касается охоты для хозяйственных и финансовых целей, то для нее применялись, несомненно, самые разнообразные приспособления, смотря по времени года и тем промысловым животным, которые имелись в виду.

Весьма интересны были облавы на зубров в Литве и Польше в XVI и XVII в.в. Классическим местом этих охот была все та же Беловежская пуца, где они держатся и поныне. Вся пуца была разделена на загоны, и в каждом загоне был свой управляющий, который должен был иметь достаточное количество облавщиков и собак. Это была богатырская охота. При тогдашнем несовершенном оружии она требовала не только ловкости, смелости, но и силы. Загонщики и собаки выгоняли зверя на чистую поляну. Зубр бросался на первого попавшегося ему на глаза. Охотники прятались за деревья и разбегались. Удобнее всего считалось укрыться за двумя деревьями, близко стоящими друг около друга. Случалось, что бесстрашный охотник из своей засады успевал поразить приблизившегося зверя тяжелым охотничьим копьём, но это бывало редко. Обыкновенно же, когда охотники скрывались, зверь приходил в бешенство: ему давали время побесноваться и потом на усталого зверя снова спускали собак, которые пытались его остановить. Управляющий загонем, убедившись, что зверь утомился, давал сигнал, что он идет бить зверя. Когда сраженный зверь падал, являлся король, слезал с коня и кинжалом собственноручно снимал со зверя кожу; затем из внутренностей зубра варили похлебку для собак, и тем поле заканчивалось.

¹ Н. Кутепов. Великокняжеская и царская охота на Руси с X по XVI век т. 1-й, стр. 127–129.

В Абхазии, по сведениям, любезно доставленным мне хранителем Этнографического отдела А. А. Миллером, устраивать облавы имеет право только местный князь. В одиночку крестьяне могут охотиться сколько угодно, но поднять всех крестьян может только князь. Собрав крестьян, князь перед началом облавы громогласно читает молитву. В ней напрасно было бы искать обращений к их великому пророку. Князь, молясь, заявляет, что он намерен устроить облаву, и обращается к «богам», своим старым языческим богам, прося их помочь ему, не оставить его без удачи. Затем начинается облава на кабанов, которых выгоняют из лесу собаки. Если лов был удачен, крестьяне приносят князю целую тушу кабана. Голова убитого животного считается почетным куском, шкура же и рога оленей и козлов вешаются на дверях княжеского дома в виде трофеев. Если животное будет убито крестьянами на земле князя, то голова приносится к князю со шкурой рогами.

С течением времени, при росте населения, развитии земледелия и промышленности, охота начала терять свое экономическое значение, и промысел этот стал достоянием лесных стран, с ограниченным спорадическим земледелием и слабо развитой обрабатывающей промышленностью, как, например, дальний север Европейской России и Сибирь. В населенных местах облавы применяются для истребления хищных животных. В некоторых местностях облава обращается в натуральную повинность: в царстве Польском и в Курляндии облавы могут устраивать не только владельцы охотничьих участков, но и полиция, причем на облаву наряжают загонщиков, и никто из местных обывателей без основательных причин не может отказаться от явки на облаву. В Финляндии забота об истреблении хищных зверей возложена на общины, для чего каждый приход должен содержать охотничьего старосту. Техника облавы вообще не сложна. В состав ее входят руководитель и его подручные, затем — загонщики и стрелки. Облавное место окружается загонщиками, за исключением линии стрелков. При промышленных облавах линия стрелков иногда заменяется тенетами (сетями), и к ним двигаются загонщики с шумом, криком и трещотками. Такая *облава* называется *подвижной*. Подвижные облавы делаются и без сетей; вместо последних расставляется линия стрелков, на которую и гонят загонщики дичь. При неподвижной облаве гонят зверя, стоя на месте, шумом и криком, или пускают в облавный круг лаек. Случается, что на облавном круге загонщиков отчасти заменяют развешенными флагами. Для приготовления облавы необходимо «обложить» местность, где предполагается облава. Окладчики разыскивают свежий след и затем делают

круги, тщательно наблюдая следы. Обойденный круг называют *оступом*. При установке оступа определяют число «входных» и «выходных» следов. Откинув выходные следы, окладчики определяют число зверей, находящихся в кругу. При установке линии охотников следует обращать внимание на входной след, «пяту», потому что обыкновенно зверь, стремясь выйти из круга, почти всегда становится на пяту. Облава на зайцев без тенет называется котлом. Здесь стрелки идут попеременно с загонщиками и сближают круг со всех сторон. Кроме упомянутых форм облавы имеются и другие — облавы *воронкой*, когда устраивают сходящуюся под углом загородь. Большой известностью пользуются облавы *псковичей*. При охоте они не собирают громадного числа кричан-загонщиков, а довольствуются небольшим количеством их и, хорошо зная привычки и повадки зверя, нагоняют его на охотника.

В сущности, в настоящее время облавы в Европе имеют значение только для любителей. Сбор через полицию местных обывателей на облаву в загонщики является довольно тяжелой повинностью. Истребление отравой, практикуемое в Сибири, дает лучшие результаты. Там, во многих местностях, волки совершенно выведены. В журнале «Природа и охота» за 1897 г. помещена статья г. Локачевского: «На правильной облаве в Западном крае», где описывается облава, на которую было собрано 100 человек загонщиков, 70 человек лесной стражи и трое лесничих. Облава велась образцово, оступ был исследован тщательно, «на лазах» (места, где волки проползают из облавного круга) поставлены были стрелки. Охота походила на военные маневры, а так как администрация охоты превосходно знала все леса в имении, то и охота вышла удачная, но, конечно, недоступная по расходам для действительного истребления вредных животных. Способ истребления таких животных тогда только целесообразен, когда он дешев и прост. Облавы в настоящее время имеют в европейских странах только спортивное значение: это — дорогое развлечение для богатых людей.

Заканчивая заметки об облавах современного характера, я, роюсь в материалах, нашел в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (полумот 42, стр. 508) довольно странное утверждение, что «охотничьи облавы возникли в Западной Европе, во время феодального строя, перешли из Германии в Остзейский край и Польшу, и отсюда в первой половине XIX ст. проникли в русские губернии». Кажется, что после тех сведений, которые были сообщены нами раньше об облавах в разных странах, будет излишним опровергать это сообщение. Русские охотничьи промыслы тем и интересны, что в них имеются и свои, собственные, и западные и восточные методы и приемы охоты.

Разобраться в этом вопросе, отделить западные и восточные влияния было бы весьма интересно, но для этого потребовался бы особый труд.

Так как у монгольских племен облавы всегда конные, с верховыми загонщиками, то нам необходимо привести еще несколько пример конных облав. К сожалению, дельных описаний таких облав мы почти не имеем или, чтобы выразиться точнее, имеем очень мало. Доказательством этого может служить обширная и крайне пестрая литература о киргизах, в которой почти нет описания их охот. Самые старые источники, вроде Левшина, говорят о способах охоты у киргиз вскользь, а о существовании у киргиз облавы автору, по-видимому, ничего не известно. По счастью, в журнале «Охота» 1896 г., за март, мне удалось разыскать довольно обстоятельный очерк охоты за куланами в объезд. Кулан (*Eguus hemionus* Pall) не любит равнин, держится всегда около предгорий и при малейшей опасности бросается в горы. Автор упомянутого очерка описывает способы охоты в Мугоджарских горах. Охотники выезжают на лучших аргамаках ранним утром и тихо приближаются к цепи холмов, чтобы высмотреть, имеются ли в горах табун; куланов, которые, надо заметить, ходят всегда по своим протоптанным тропам. Удача облавы зависит от того, успеют ли охотники занять самые высокие пункты местности, чтобы выгнать табуны на равнину. Увидев табун, охотники вскачь пускаются под гору, оставляя на каждой встречной куланьей тропе по одному всаднику. Заметив людей, куланы, после минутного изумления, бросаются сломя голову наутек, но расставленные на тропях часовые не пускают табуны назад и мчатся вслед за зверем. В долине куланы останавливаются, чтобы осмотреться, но враг преследует их по пятам. Жеребец бьет копытом в землю и дает громкий сигнал, по которому табун пускается в степь. Кулана нагнать верховому очень трудно, но бег табуна задерживают жеребята. Когда всадники начинают насаждать на куланов, табун теряет голову и раскалывается на отдельные группы; следуя за ними, охотники разбиваются на кучки, и каждая преследует свой косяк. Когда всадник подсакивает на выстрел, он на скаку перебрасывает с плеча ружье и стреляет в кулана. При выстреле куланы останавливаются, соображая, откуда идет звук. В этот момент охотник спрыгивает с коня, ставит винтовку на рожки и стреляет.

Другой способ — охота на водопое. На водопой куланы ходят всегда по одним и тем же тропам. Тропы эти обсаживаются кустиками, чтобы укрыться в засаду. Другие охотники издали подают сигналы, далеко ли от караулящих ходят табуны. Вожак табуна осторожно подходит к водопою; чувствуя что-то недоброе, он поминутно втягивает воздух и останавливается. Этот момент киргизы называют тянь-дянь (испуг, изумление). Продолав несколько раз тянь-дянь, вожак подходит к воде, и тут поднимается беспрерывная пальба из засады.

Почти таким же способом ведется ловля дикой лошади (*Eguus Przewalskii*). Разузнав заранее, где держатся табунки этих лошадок, охотники составляют план охоты. Прежде всего, высматривают удобное место, где можно оставить верблюдов, на которых в больших корзинах возят пойманных жеребят. Затем охотники берут с собой штуки по три бойких, хорошо тренированных скакунов и, завидя табун, пускаются за ним в погоню. Эта страшная скачка на трех переменных лошадях тянется иногда целый день. Видя приближение всадников, жеребец-вожак начинает сильно волноваться: он кусает кобыл, бьет их, отстающих жеребят подталкивает мордой, но, видя, что ничто не помогает, он бросается на преследователей и падает под выстрелами охотников. Без вожака табун только без толку кружится на месте, не зная, что делать, а охотники в это время ловят жеребят арканами. За взрослыми охотятся из засады на водопое, — так охотился Г. Е. Грум-Гржимайло. Мне тоже удалось во время перехода через Джунгарскую Гоби получить двух лошадок; одна из них была пригнана, раненная, к стоянке, но, с тяжелой раной, прожила так недолго, что я не успел зарядить двух кассет, чтобы снять ее.

Приведем теперь сведения, сообщенные у Палласа об облаве у бурят, которую видел наш путешественник около станицы Акшинской 25 мая 1772 года, — в современном переводе Василия Зуева, сотрудника Палласа¹.

«Чтобы осмотреть хорошенько и самую страну и видеть, как здесь диких коз, дзеранами называемых, промышляют, остался я в Акшинске до 25 числа мая. Такой промысел мунгалы по-своему называют аблаха, а русские, взяв с того же и перевернув на свой образец, зделали облава: она первейшим почти увеселением, мунгалов и по чистым степям обитающих тунгусов. Учреждают ее наиболее на чистом и открытом поле к горе, или к лесу или к какой-нибудь реке, чтоб зверя чрез то удержать было можно. Походят на оной промысел обыкновенно осенью, когда лошади отъелись, станицами человек из 50 до 100 и 200, кои на лошадях весьма проворны, и еще каждой по заводной у себя лошади имеет, все снаряжены луком и стрелами, и каждой имеет при себе еще добрую и ученую собаку. Перед отъездом выбирают одного себе вожатым или

¹ Великий исследователь Азии говорит, что монголы такой промысел называют *аблаха*, а русские переделали это название в *облаву* (?). Домысел этот, однако же, покоится на простом недоразумении: ни у бурят, ни у монгол нет термина *аблаха* для обозначения коллективной охоты. Просто-напросто Паллас ослышался; все монголы называют облаву *аба* и иногда прибавляют к *аба* другое слово. У забайкальских бурят облава называется *аба-хайдак*, у добайкальских — *зэгэтэ-аба*; точно так же имеется и глагол *абалаху* — делать облаву. Термин *облава*, конечно, был известен русским гораздо раньше, чем они познакомились с монголами.

старостою, которой на промысле управляет и учреждает во время их на оном пребывании. И так где изберут для промыслу способное место, туда посылают объездом на высокие бугры или горы трех или четырех человек добрезрячих подсмотреть, в которой стороне стада дзеренов пасутся. Сии, въехав на показанное высокое место и усмотря зверя, дают знать прочим или другими какими знаками, или оборачиваньем лошади в ту сторону, в которой пасущихся коз видят, чтоб надлежащим образом разделялись. Таким образом вся ватага разъезжается на малые кучки, а после и по одиночке, так что один от другого не более, как на шестьдесят или восемьдесят сажень находясь делают превеликой округ. Концы или крылья вперед подаваемого или заходящего круга сходятся за тем местом, где дикие указаны, покрадываясь всегда или из-за бугров или из-за горок дабы способнее и совершеннее окружить зверя. Как скоро обошли, то подходят ближе, круг становится людьми чаще, и лишь только дзерены промышленников увидят, то бросятся все в бег, а промышленники с своей стороны отовсюду на них во весь опор скачут, и так окружив и криком и свистящими стрелами¹, обезумливают зверя и повергают сколько могут, стрелять же из лука на бегу с лошади даурские степные народы столько искусны, что скача изо всей силы в цель попасть стрелой не промахнется. Есть ли охотникам с одной стороны в близости лесистые горы или река попадетя, к которой бы оне стадо подогнать могли, то тем добыча им будет еще выгоднее: ибо в диких оных козах примечена удивительная свойственность, что они никогда в воду не лезут, хотя б промышленники или собаки в самой близости подле их находились, в таком случае, лучше всегда скаком насквозь неприятеля пробиться, нежели через воду спастися себе воображают. Мессершмид по достоинству назвал оного зверя водобоящимся (*Sarqa hydrophobos*), хотя напротив того Гмелин не несправедливо также утверждает, что дзерен из доброй воли реки переплывает. Что делает он равным образом и тогда, когда ему для кормных мест или для других каких причин переплывать надобно, только чтоб за ним не было погони.— Подобным образом даурские сайги боятся лесу; так что если их загонишь меж дерев, то они одурев не могут перебежать ни ста сажень, но обо всякое дерево головой ударяясь, тотчас убиваются.— В обоих случаях промышленники не много упушают. Иногда случается, что и волки и другие хищные звери к промышленникам подходят вместе, саег окружают

¹ «Таковые стрелы называются по-русски свистунами, а по-мунгальски дзы. Они тяжелы, на конце имеют тонкое и преострое железо, шириною пальца на четыре, наподобие косога четвероугольника; под железом приделывается пустой костяной желвак с несколькими дырами, сквозь которые воздух прорывается. Как скоро стрелу пустить, то оная будто шипит, но весьма пронизательно, и где попадет, тут уже рана смертельная».

и так добычу усугубляют. — Если же случится на чистом и просторном поле, что стадо окружить надобно, что промышленники не иначе как до тех пор подкрадываться должны, пока совершенно стадо кругом обойдут; или когда обойти не могли, а зверь встормошил, то в таком случае пушают вперед вышепомянутые свистящие стрелы, чтоб тем их пугнуть и назад в круг оборотить» (Паллас, ч. III, стр. 279—282).

Самые грандиозные облавы были монгольские во времена Чингис-хана и его ближайших преемников. На эти облавы собирались люди с Алтая, с берегов Енисея и Желтой реки, словом, со всей Монголии. По преданию, любимыми местами его охот были горные страны Гентея к северу от р. Толы и центральный горный массив Гентея, лежащий между р. Орхоном на востоке и р. Дзапхыком на западе. На эти облавы Чингис-хан собирал десятки и сотни воинов. Во время облавы все было на военном положении. За оплошность, не говоря уже об ослушании, полагались строгие наказания. Гениальный человек сумел страсть монголов к охоте использовать для военных целей. На облаве сходились обитатели Алтая и Хингана, кузунорцы и обитатели прибайкальских стран. Народы разных языков, верований, имевшие неодинаковое оружие и свой военный строй, объединялись под сильной рукой владыки. Облавы заменяли Чингис-хану нынешние маневры, с той только разницей, что на маневрах и солдаты, и главнокомандующий знают, что у них все — «примерное», инсценированное, условное. Облава же имела практическое значение: она давала пропитание собравшимся разнородным племенам; кроме мяса, воинам уделяли звериные кожи, рога, которые были необходимы для изготовления луков. Отправляясь в свой знаменитый поход на запад, Чингис-хан, твердо уверенный в своих силах, отделил целый корпус старшего сына своего Джучи и послал его на облаву в киргизские степи, рассчитывая, конечно, на случай неудачи иметь в перспективе свой запас продовольствия, добытый охотой.

К сожалению, мы не имеем описания чингисхановских охот. О них мы можем получить понятие только из постановлений о царской облаве, созданных маньчжурской династией; но это — только тень тех богатырских облав, пародия на серьезную охоту. Это была, так сказать, только дань памяти прошлых деяний и подвигов. Но все-таки эти охоты китайского императора представляют собою нечто весьма грандиозное. На них вызывают из разных мест Монголии тысячу двести пятьдесят человек лучших стрелков и наездников, а всех 2019 человек; при этом из Амурской области вызываются, кроме других, люди, умеющие подражать голосу оленя. Тайциев (монгольских князей), могущих управлять облавою, вызывается 167.

Перед выездом на охоту император назначает время прибытия своего к тому месту, где предполагается делать облавы; за день прибытия на место облавы выдаются облавные знамена. После выезда из крепости Чжун-гуань, главноуправляющий военной частью, представляет список лучших стрелков, которые должны показать свое искусство перед императором. Перед прибытием к местам, где бывает облава, делается смотр копейщикам, ружейным и лучным стрелкам, а также князьям, могущим управлять облавой. Все выставляются по сторонам дороги, а при проезде императора (хуан-ди) все становятся на колени. Охотничьей резиденцией китайского императора служит местечко Жехо, где имеется звериный парк, единственный в мире, потому что там сохранились еще редкие животные, которые в других местах уже вывелись. По обычаю, монгольские князья, когда приедет император в Жехо, предлагают ему угощение. Любопытно меню этого пиршества. Известно, что французы и китайцы — лучшие повара в мире для изготовления замысловатых, тонких и пряных снедей, и его величество хуан-ди, и его придворные — большие любители гастрономии. Какой же выбор блюд предлагается, по ритуалу, от монголов их повелителю? Параграф 385 уложения для внешних людей представляет следующую роспись съестного: 5 вареных баранов, 5 подносов с монгольскими хлебами, 5 кувшинов простокваши, 5 сосудов кушанья бислиган и сыру из овечьего молока 5 блюд. Все это заготавливается на месте, и когда вся программа выполнена, доносят главноуправляющему палатой внешних сношений, а сей последний доводит до сведения императора об усердии монгольских князей. Если последует принятие угощения, то особый чиновник (неизвестно, письменно или устно) передает соответствующее распоряжение управляющему кухней. Этот упрощенный обед, очевидно, имеет символическое значение: он напоминает простоту походной жизни первых императоров Дайцинского дома, Канси и Цян-луня, которые всегда были впереди, и на войне и на охоте, а Канси самолично отыскивал в пустынях воду для солдат, указывая, где именно следовало копать колодцы. Для этого обеда избирается открытое место, на котором устраивается амфитеатр. На нем выставляется пять юрт: одна большая белая — для хуан-ди, а четыре остальных — для других сановитых участников облавы. Кроме того, около юрт ставится желтая палатка. Перед пиршеством лица, допущенные в юрту государя, после поклонения ему рассаживаются на особых тюфячках, по правую и по левую руку полукругом. Когда хуан-ди возьмет чашку чая и начнет пить его, все становятся на колени; то же происходит, когда государю подадут кубок с вином.

После угощения хуан-ди выходит из юрты в желтую палатку смотреть состязания монгольских борцов. После борцов монгольские князья, сняв с себя

верхнее платье, приступают к укрощению лошадей, никогда не бывших под седлом; потом хуан-ди докладывают о результатах попыток укрощения лошадей. При этом каждому ездоку, удачно или неудачно он исполнил свою задачу, выдается слиток серебра в один лан весом (9 золотников).

Когда охотится сам хуан-ди, то никто, под страхом тяжкого наказания, не должен стрелять в зверя, вышедшего за облавный круг, но гнать его назад. Всем князьям накрепко заказывается производить охоту на местах, назначенных для облавы. Точно так же запрещается производить шум, рубить лес.

При избрании искусных стрелков отбирают 30 человек, которые также должны быть и хорошими наездниками. Их употребляют для загона зверей, причем они не должны сами стрелять зверей, а должны только гнать их в круг. При объезде для наблюдения за зверями рекомендуется особая осторожность, чтобы не распугать их.

Когда хуан-ди отправится на место облавы, комендант Жехо принимает меры, чтобы следующие за облавой торговцы не шли по тем дорогам, которые близки к облавным местам, и не рубили там лес. При ежедневных выездах хуан-ди все чиновники, обязанные ехать верхами, должны быть на своих местах заблаговременно и потом двигать обоз не раньше и не позднее назначенного времени.

Для устройства вышки, с которой можно смотреть на облаву, надо было присылать рабочих не ранее трех дней до начала облавы, чтобы не распугать зверей.

При устройстве загона управляющие легкоконными отрядами должны следовать со своими подчиненными за монголами, когда они начнут вытягивать крылья облавы и загонять обратно в круг выбежавших зверей.

Целый кодекс правил составлен насчет порядка поднесения хуан-ди убитых собственноручно князьями зверей. Монгольские князья имеют право подносить собственноручно убитых зверей хуан-ди сами, но могут сделать это только один раз. Монгольские чиновники, которые участвовали на десяти облавах, могут подносить государю пойманных ими живых зверей. За покупку зверя, убитого другим, для подношения повелителю назначается жестокое наказание. Впрочем, это грозит каждому не только за обман, но и за всякую оплошность. Например, за потерю стрелы во время облавы «виновный» отдается под суд.

По окончании облавы хуан-ди выезжает в стоянку Чжан. Здесь происходит угощение участников облавы и раздача им подарков. Князьям старшим дается по 5 кусков разных шелковых материй, младшим — по 4 куска, таиджиям (дворянам не титулованным) — по одному, зятьям хуан-ди — по 3, чиновни-

кам-служителям князей – по три лана серебра и по концу китайки. Искусным стрелкам и наездникам старшим дается по 4, младшим – по 3 куса, зятьям царским – по 2.

Все князья, таиджии и другие чины, приехавшие из дальних мест, пользуются правом брать безвозмездно почтовых лошадей (у р т о н е й м о р и) и ш у с (продовольствие, смотря по чину).

Облавы эти имеют еще и то значение, что здесь китайский император только и имеет возможность ознакомиться со своими застенными подданными. Во время путешествия ему представляются съезжающиеся на облаву князья, их высматривают иногда по дороге, ставят на колени, и хуан-ди проезжает мимо них.

Я должен сознаться, что описание царской облавы, сделанное мною по уложению китайской Палаты внешних сношений (Д з у н л и я м ы н ь), во многих отношениях неполно: всего два слова о том, как делается загон, где устанавливается линия охотников, как размещаются охотники около хуан-ди, кто стоит ближе к нему, кто дальше. Ничего нет о том, где и как применяются амурские охотники, умеющие подражать голосу оленя. В дополнение к выдержкам из постановлений об облаве китайского императора приведем несколько постановлений из Ц а д ж и н б и ч и к (Ойратское уложение), касающихся охоты вообще и облавы.

За кражу зверя, попавшего в капкан, петлю или волчью яму, брать: за дорогого зверя – коня, за малоценного – барана, в виде штрафа. При постановке самострела, если хозяин объявит, где у него расставлены ловушки, и если кто нечаянно наткнется на самострел и будет убит или ранен им, то родственникам потерпевшего или самому потерпевшему уплачивается штраф «в 20 крупных скотин». Строже взыскивают за постановку самострела без указания места: за несчастье от самострела, поставленного без оповещения окрестных жителей, взыскивается «45 скотин». Если же самострелом, о котором было оповещено, будет убита скотина, то никакой компенсации не полагается.

Если кто на облаве, когда заканчивается оклад, распугает зверей, то с него берут штрафа пять лошадей. Если кто выскочит из цепи вперед «на три перестрела», должен уплатить одну лошадь, кто выдвинется из цепи на два перестрела – платить за это одного барана, при выступлении из цепи на один перестрел – платят пять стрел. Если кто поймает зверя, раненного другим, и утаит добычу, платит «пять скотин». Если кто возьмет чужую потерянную стрелу – платит за это лошадь. За убитую ловчую птицу (сокола, ястреба, беркута) платят одну лошадь, и т.д.

Вышеприведенными фактическими сведениями об облавах я и заканчиваю ознакомление читателя с разными видами коллективных охот. Надеюсь, что

приведенными примерами достаточно выяснено общественно-экономическое значение этих предприятий как в животном мире, так и среди людей. Подробное культурно-историческое исследование г. Хангалова ознакомит читателя как с судьбой общинных охот, так и с очевидным влиянием их на эволюцию политического строя среднеазиатских племен. К тексту нашего исследователя я прибавлю лишь несколько фактических примечаний. Г-н Хангалов кое-что позабыл из того, что он мне передавал на словах, и я считаю себя обязанным дополнить текст автора его же собственными устными сообщениями.

Много раз уже высказывалось мнение, что охота теперь не имеет нигде серьезного бытового значения и превратилась почти в забаву. Мне уже неоднократно приходилось доказывать противное и приходится остановиться на этом вопросе и в данном случае. Первобытный промысел не исчез: он только, как и все зачаточные явления, развился и раздробился на отдельные отрасли. Первобытные народы были профессиональными зверо- и рыбопромышленниками. Они сживались со своими промысловыми зверями, умели подражать их голосу, сами, как, например, бушмены, маскировались зверями (надевая на себя их шкуру), чтобы, не возбуждая подозрения, поближе подкрасться к ним; с развитием культуры и дробления труда рядом с профессиональными охотниками появились и дилетанты, как и в других областях. С незапамятных времен началось и приручение животных и другие виды зоотехники. Кроме того, и самые звериные промыслы далеко еще не упали: с одной стороны, охотники применили к своему делу усовершенствованные снаряды, с другой же — появилось разведение промысловых рыб, устриц и других животных. Насколько важны рыбные промыслы, указывают многочисленные дипломатические сношения, возбуждавшиеся по поводу права ловли рыбы на ньюфаундлендских отмелях и, в новейшее время, на нашем тихоокеанском побережье о рыбных промыслах японцев. Ловля устриц во многих местностях является единственным жизненным ресурсом приморских обитателей. Когда к берегам Фарерских островов подходят дельфины, то звоном колоколов дают знать на всех островах, чтобы народ готовился к побойке морского зверя. Продажею продуктов этой охоты поддерживаются школы, церкви, благотворительные учреждения, и, кроме того, на каждого из участников определяется известный пай из добычи. Падение ганзейского союза было ускорено переселением сельдей на север. Мы держим стационарные суда в Беринговом море для охраны котиков от набегов американских хищников. Давно уже мы выучились выращивать в оранжереях южные плоды, а теперь в зоологических садах разводят редких птиц. Торговля фазаными яйцами для вывода кормит

не одну сотню людей, а искусственный вывод цыплят в Америке представлен рядом многомиллионных предприятий. В Сибири, среди инородцев, мы часто встречаем вскормленных в неволе лисиц, и, кроме того, там держат маралов, рога которых очень ценятся в Китае. Итак, охотничий промысел в мировом смысле не превратился в забаву, а вызвал новую отрасль промышленности — зоотехнию.

На какую бы отрасль деятельности человека мы ни взглянули, мы должны будем, отыскивая ее начало, обратиться к доисторическим временам. Земледелие развилось от выкапывания съедобных кореньев, постройки развились из шалашей, нор, землянок и пещер, ткацкое дело — от ручного плетения. Все виды искусств развились из эстетических эмоций. Искусство, как и облава, как и многое другое, — старше человека. Сами общественные учреждения развились из стадного состояния. У нас, кроме переданных из древности изобретений учреждений и других полезных и упрощающих жизнь приобретений, сохранились такие вещи, от которых мы не знаем, как отделаться и теперь. Каннибализм, детубийство, кровавые жертвоприношения и другие темные стороны жизни человека до сих пор еще видны в некоторых наших установлениях и обычаях.

II. Зэгэтэ-аба

Предки нынешних бурят в прежнее время жили звероловством и рыболовством: мясом убитых зверей питались, а из шкур шили одежду, обувь и проч. Прежние буряты охотились на зверей общими силами и целым обществом; эта общественная охота называлась зэгэтэ-аба. Название зэгэтэ-аба состоит из двух слов: зэгэтэ — росомашья, аба — облава, по-русски: росомашья облава. О существовании зэгэтэ-аба у предков бурят свидетельствуют старинные бурятские сказки, предания, шаманские призывания и обряды, сохранившиеся до сих пор.

В старинных народных сказках все герои: баторы, мергены, ханы и прочие участвуют в охоте и сами охотятся на зверей. Из сказания об Абай-Гэсэр-богдохане видно, что и он тоже участвовал в зэгэтэ-аба¹; в другом месте отец Абай-Гэсэр-богдохана, Хан-Тюрмес-тэнгри, тоже принимал участие в зэгэтэ-аба, во время которой Хан-Тюрмес-тэнгри поменялся добычей с Уна-Лобсанханом: они съели ее вдвоем и порешили, что после этого они будут друг другу сватами.

¹ Гэсэр-хан — новый гость в бурятских сказаниях. Это — герой тибетского эпоса, равно как и Хан-Тюрмес-тэнгри (Хормуста тэнгри, предводитель тридцати трех тэнгриев-гениев, обитающих на горе Сумэру, центре Вселенной).

Известно также, что по окончании зэгэтэ-аба охотники сообща делили между собою мясо убитых зверей и кожи: мясо шло в пищу, шкуры употреблялись для домашних потребностей.

Какие были порядки в первобытной зэгэтэ-аба и какое было управление – из народных преданий не видно и не сохранилось указаний, по которым можно было бы судить о них. Известно только, что в первобытной зэгэтэ-аба были начальники, которые управляли облавщиками. Кто они были и как управлялись – в народных преданиях также не сохранилось сведений; но можно предположить, что начальники первобытной зэгэтэ-аба были люди, отличившиеся во время охоты на зверей, храбростью и распорядительностью. Выбирались ли они зэгэтэ-облавщиками, или должности эти были наследственными – на это нет ответа в старинных народных преданиях.

Позднее все управление зэгэтэ-аба попало в руки шаманов, которые были начальниками над зэгэтэ-облавщиками; на такой период указывают старинные народные предания и разные религиозные обряды; здесь материал далеко богаче и точнее, чем о первобытной зэгэтэ-аба.

Зэгэтэ-аба для удобства приходится разделить на три периода: первый период – первобытная зэгэтэ-аба, о которой не сохранилось преданий; второй период – когда начальниками зэгэтэ-аба сделались шаманы, которые захватили в свои руки власть над зэгэтэ-облавщиками, и когда зэгэтэ-аба дошла до высшего развития; третий период – падение зэгэтэ-аба, правильное, падение шаманов-начальников зэгэтэ-аба; в этот период шаманы-начальники потеряли власть и сделались простыми шаманами.

За недостатком сведений о первобытной облаве мне придется начать со второго периода, когда заведывание облавой было в руках шаманов.

Прежде чем описать зэгэтэ-аба, я сообщу одно предание, которое дает любопытное указание на разделение главных бурятских божеств – тэнгриев на западных и восточных.

В прежнее время западные и восточные тэнгрии все были вместе нераздельно, и между ними не было никаких раздоров: все 100 тэнгри были благожелательны к людям и назывались белыми тэнгриями; все они вместе покровительствовали людям, живущим на земле. В это самое время самый старший тэнгри был Асаранги-тэнгри, которому подчинялись все остальные 99 гениев. Впоследствии, когда умер самый старший Асаранги-тэнгри, два тэнгри – Хан-Тюрмес и Ата-Улан – заспорили между собою о том, кому из них быть старшим среди прочих тэнгриев. Благодаря этой распре между тэнгриями произошел раздел: 53 тэнгри отошли на сторону Хан-Тюрмеса, так что в этой группе, вместе с

Хан-Тюрмесом, оказалось 54 тэнгри; 43 тэнгри отошли на сторону Ата-Улана, около которого и образовалась группа в 44 тэнгри; а один, Сэсэн-Сэбдэг-тэнгри или Обо-тэнгри, не присоединился ни к первой, ни ко второй группе и остался нейтральным.

Потом 54 тэнгри приняли к себе этого Сэсэн-Сэбдэг-тэнгри; таким образом, получилось в 1-й группе 55 тэнгри, которые сделались западными и добрыми тэнгриями; самый старший над ними был Хан-Тюрмес-тэнгри¹. Остальные 44 тэнгри, не желая подчиниться Хан-Тюрмесу, отошли к востоку и сделались восточными, враждебными по отношению к людям тэнгриями, между которыми самым старшим сделался Ата-Улан-тэнгри. Так образовались западные и восточные тэнгри, которые постоянно враждуют между собою. Западные тэнгри называются также белыми, т.е. добрыми; они покровительствуют людям, а восточные, черные, стараются всячески вредить.

В этом предании о разделении западных и восточных тэнгриев мы видим ясное указание на дуализм, исконную борьбу добра и зла.

Прежде буряты чествовали западных, добрых тэнгриев за покровительство, за ниспослание разных благ, например, за обильный лов зверей, удачу в промысле, а злых, восточных, ублажали из боязни, чтоб они не сделали зла, и старались умилоствивлять их жертвами. Разделение западных и восточных тэнгриев можно объяснить следующим образом. В прежнее время была одна большая зэгэтэ-аба, которою управлял главный шаман Асаранги-тэнгри. Во время зэгэтэ-аба центром управлял высший шаман Сэгэн-Сэбдэг-тэнгри; правым крылом зэгэтэ-аба руководил высший шаман Хан-Тюрмес-тэнгри; наконец, левым крылом управлял тоже высший шаман Ата-Улан-Тэнгри². Главный шаман (галши) Асаранги-тэнгри руководил ходом зэгэтэ-аба, которою управлял как главноначальствующий. Впоследствии главный шаман Асаранги-тэнгри умер; после его смерти из-за должности главного шамана и спорили между собою Хан-Тюрмес-тэнгри и Ата-Улан-тэнгри. В результате этого спора произошло разделение зэгэтэ-аба на два самостоятельных отдела, раньше бывших двумя крыльями всенародной облавы.

За начальником правого крыла зэгэтэ-аба, Хан-Тюрмес-тэнгри, пошло больше высших шаманов (53) и простых рядовых зэгэтэ-облавышников, ко-

¹ Очевидно, здесь Хан-Тюрмес заменил тэнгри более древнего. Относительно враждебных и благосклонных к людям тэнгриев у разных бурятских племен – разные представления: у добайкальских бурят добрыми тэнгриями считаются западные, а у кударинских, живущих за Байкалом, на устьях Селенги, – восточные.

² Эта догадка автора имеет многое за себя. Перечитывая записанные мною обращения к богам, легко убедиться, что персоны высокого ранга в бурятском пантеоне, вроде хозяина Байкала, Селенги, острова Ольхона были при жизни великими шаманами.

торые находились под управлением этих высших шаманов. За начальником левого крыла зэгэтэ-аба, Ата-Улан-тэнгри, пошли только 43 высших шамана и меньшее число простых рядовых зэгэтэ-облашников. В середине остался тобши – тоже высший шаман Сэгэн-Сэбдэг-тэнгри со своими зэгэтэ-облашниками. Сперва Сэгэн-Сэбдэг не примыкал ни к одной из враждующих партий, впоследствии же присоединился к Хан-Тюрмес-тэнгри, партия которого оказалась сильнее.

Вследствие раздела между двумя лагерями зэгэтэ-облашников были враждебные отношения и междоусобные войны, от которых простые зэгэтэ-облашники страшно страдали, терпели нужду в жизненных припасах, а, может быть, еще и другие напасти. В разных народных преданиях упоминается, что после разделения западных и восточных тэнгриев земные люди терпели голод и умирали от разных болезней. Это подтверждается в сказке об Абай-Гэсэр-богдо хане; при разделении западных и восточных тэнгриев бабушка¹ Малзан-Гөрмө не могла никак помирить тэнгри Хан-Тюрмеса с Ата-Улан-тэнгри; не удалось ей также уговорить Хан-Тюрмеса, чтоб он нейтрального Сэгэн-Сэбдэг-тэнгри уступил Ата-Улан-тэнгри, и поссорилась с Хан-Тюрмесом.

После этого Хан-Тюрмес-тэнгри и Ата-Улан-тэнгри начали войну между собою. Первый победил второго, и с того времени вражда между западом и востоком не прекращается до сих пор. Главная тяжесть вражды упала на земных людей, т.е. на простых зэгэтэ-облашников, которые терпели всевозможные нужды: голод, холод, помирили от разных болезней и от врагов, злых восточных духов, которые враждебно относились к зэгэтэ-облашникам и при каждом удобном случае нападали на враждебную партию. Все эти неурядицы и страдания упоминаются в старинных народных преданиях и, главным образом, в замечательной бурятской сказке об Абай-Гэсэр-богдо-хане*. Так как дело идет о шаманском периоде зэгэтэ-аба, то я остановлюсь на религиозных воззрениях шаманов этого периода.

Главный шаман-галши и другие высшие шаманы-начальники зэгэтэ-аба учили и излагали вероучение шаманства в следующих чертах.

Все духи разделяются на три категории: 1) высшие духи – это божества, так называемые тэнгри, которые живут на небе, управляют всем, заботятся о людях,

¹ В сибирских шаманских преданиях изредка появляется, как *deus ex machina*, женским персонаж, который, сделав свое дело, исчезает. При сотворении мира к алтайскому доброму богу Ульгену явилась белая бабушка, затем исчезла и никому не показывалась.

* В 1907 г. Ц. Жамцарано записал эту сказку из уст бурятского рапсода (в Ирк. губ.) в виде обширной героической поэмы в стихах – «Абай Гэсэр хубун». Запись Жамцарано, – текст этого величественного устного народного произведения бурят в объеме 3 тетр., около 1000 стр., – хранится в Азиатском музее императорской Академии Наук. В. *Барадийн*.

посылая им обильный лов зверей, защищают их от злых духов, непослушных наказывают по мере вины, вообще заботятся о людях. Все эти божества разделяются на несколько степеней: высшие божества-тэнгрии, западные ханы¹, уһан-ханы**. Затем следуют духи менее важные (б о х о л д о и): это — души простых зэгэтэ-облашников; они живут на земле и странствуют по разным местам в ночное время. Потом следуют духи низшего ранга, һарьмяһаны — души рабов и рабынь. Все эти средние и низшие духи находятся в полном подчинении у высших божеств.

Прежние буряты, зэгэтэ-облашники, высшие шаманы-начальники и главный шаман-галши совершали религиозные обряды высшим божествам-тэнгриям и ханам и в то же время не забывали средних духов — бохолдоев и низших духов — һ а р ь м я һ а н о в, все эти три класса духов получали свою долю от религиозных жертвоприношений, сообразно их рангу. Высшим божествам — тэнгриям, ханам и следующим за ними духам доставались лучшие части мяса и в большем количестве, чем низшим духам, и, кроме того, лучшее мясо клалось в һан (казну) высших божеств. Средние духи, бохолдои, получали мясо среднего достоинства. Низшие же духи, һ а р м я һ а н ы, получали самое худое мясо. Таким образом, прежние буряты, зэгэтэ-облашники, делали религиозные приношения всем своим умершим зэгэтэ-облашникам: шаманы-начальники как высшие божества, простые зэгэтэ-облашники как средние духи — бохолдои, а рабы как низшие духи — һ а р ь м я һ а н ы.

Параллельно с делением и людей, и богов на три категории развилось и аналогичное учение о душе. Человек умирает, а душа человека не умирает, живет в загробной жизни как живые люди на этом свете. По учению прежних высших шаманов-начальников человек имеет три души. Первая — хорошая душа (һ а й н һ ү н һ э н или з а я ш и); она возникает при сотворении человека, о благополучии которого и заботится всю жизнь. Хорошая душа имеет доступ к высшим божествам-тэнгриям, ханам и прочим гениям, перед кото-

¹ У г. Хангалова — *хаты*. Термин хаты ввел в употребление г. Агапитов, один из исследователей бурятского шаманства, и этим внес немалую путаницу в терминологию: хат, хаты являются какими-то новыми личностями, тогда как на деле этот термин — результат недосмотра исследователя: *хат* — просто множественное число от слова хан и по-русски надобно транскрибировать *ханы*. У Агапитова и за ним у Хангалова хаты являются множественным числом от множественного. Барун-хаты значит западные ханы, уһан-хаты — водяные ханы. Поэтому, как в этих названиях, так и дальше, мы заменяем слово хаты словом ханы.

** Все эти тэнгрии, должно полагать, — души умерших высших шаманов зэгэтэ-аба.

рыми ходатайствует о человеке. Если человек хорошо живет, то хорошая душа или заяши хорошо одета, ездит на коне верхом и радуется. Если человек худо живет, то и душа худо живет: одета плохо, ходит пешком и печалится о человеке. Когда человек умирает, хорошая душа (заяши) подымается на небо, там остается жить с высшими божествами-тэнгриями и ханами.

Вторая, средняя душа¹ (д у н д а һ ү н һ э н), находится в человеке; иногда духи преследуют среднюю душу, и она тогда плачет. Если у человека среднюю душу поймают и уведут духи, то человек заболевает и умирает. После смерти человека средняя душа обращается в духа бохолдой, который к людям относится враждебно, старается им вредить и добивается того, чтобы человек помер. Дух бохолдой в загробной жизни ходит в той самой одежде, в которой похоронили хозяина души, ездит на том самом коне, с которым похоронили его, носит с собою все те вещи, которые положили с покойником при похоронах, и ест ту пищу, которую положили с ним при погребении. Духи бохолдой участвуют во всех гулянях, вечеринках, свадьбах, султанах, стараются поймать душу человека, участвуют в облавах и других предприятиях.

Третья, худая душа² (м у һ ү н һ э н), всегда находится при теле, от которого далеко не уходит; после смерти человека худая душа остается при теле.

Хорошая душа (заяши) соответствует высшим шаманам — начальникам зэгэтэ-аба, средняя душа — простым рядовым зэгэтэ-облавишникам, худая — рабам.

* * *

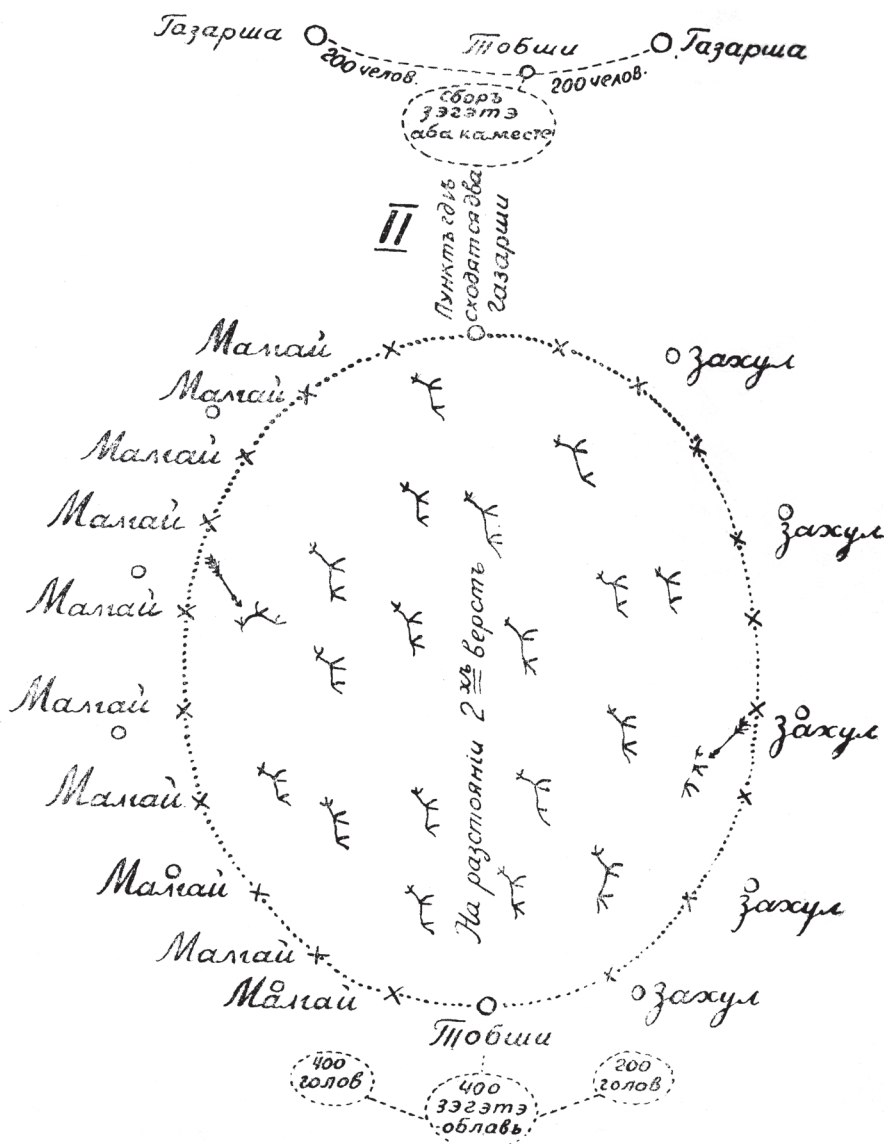
Состав участников зэгэтэ-аба, так же как и духов, делится на три класса.

Высший класс общества зэгэтэ-аба составляли шаманы-начальники, простые шаманы и дети высших шаманов. Шаманы составляли лучший и отборный отряд зэгэтэ-аба, все они были хорошо вооружены и на конях.

Средний класс зэгэтэ-аба составляли простые рядовые зэгэтэ-облавишники, между которыми были и богатые, и бедные. Богатые простые рядовые зэгэтэ-облавишники тоже были хорошо вооружены и на конях, а бедные были плохо вооружены, и только некоторые из них имели коней, многие же на зэгэтэ-

¹ «Средняя душа» — буквальный перевод слов *дунда хүнхэн*.

² Тоже буквальный перевод.

Схематический план зэгэтэ-аба

аба являлись пешком. Средний класс, простые зэгэтэ-облавшики, заключал в себе разных мастеров-ремесленников, которые готовили все нужные предметы для зэгэтэ-облашников.

Низший класс зэгэтэ-аба состоял из рабов, которые пешком таскали на себе убитых зверей на стоянки, снимали кожи с убитых зверей, разрезали по частям и сортировали мясо. Они же на месте облавы строили балаганы, добывали огонь и исправляли другие службы под наблюдением высших шаманов-начальников, которые заведовали хозяйственной частью облавы.

Главным начальником зэгэтэ-аба, как уже было сказано, был главный шаман-галши, которому подчинялись все участники облавы. Он управлял зэгэтэ-облашниками с помощью других высших шаманов, которые занимали разные должности в зэгэтэ-аба.

Один высший шаман служил в должности тобши и во время зэгэтэ-аба; он служил соединительным звеном между правым и левым крыльями облавы. Другие два высших шамана, которые хорошо знали местность, были «газарши»²; один из них был начальником правого, а другой – левого крыла облавы. Один высший шаман заведовал һаном – казною зэгэтэ-облашников; другие важные шаманы наблюдали за уборкой добычи и сортировкой ее, чем занимались рабы. Прочие не особенно важные и молодые шаманы участвовали в зэгэтэ-аба в качестве охотников. Короче сказать, шаманы занимали высшие должности в зэгэтэ-аба. Всех рядовых облашников они держали в строгом подчинении и нарушителей порядка сурово наказывали.

Из религиозного обряда шаманского посвящения видно, что шаманы разделялись на 9 степеней. Самый высший, верховный шаман-галши, который должен пройти через все девять посвящений, в шаманских призываниях упоминается так:

... Еһон хэсэйн	Заха хэдэрлэйб;
Тойбор барьлайб,	Арар дурэн зала
Ехэ оргойн	Атхар дурэн жодо., т. е.

главный шаман-галши, который должен пройти через все девять посвящений, иметь девять хэсэ², большой боевой о р г о й (шаманский плащ), м а й-х а б ш и (шаманская корона); на спине оргоя должны были висеть украшения

¹ От слова г а з а р - земля, попросту, вожаки, знатоки местности.

² Бубнов.

в виде кистей из звериных шкур; он должен был иметь много жодо и других символических предметов.

Другие высшие шаманы подвергались целому ряду посвящений, но не доходили до наивысшей девятой степени. Кроме этих, имелось еще одно лицо, давно забытое, о котором сохранилось воспоминание в онгонах, так называемый «я г ш а о н г о н», который заведовал ходом зэгэтэ-аба и учил зэгэтэ-облавщиков, как вести облаву. Самый низший сан шаманства у аларских бурят носит название м и н а ш и, по-русски – «имеющий кнут», так как во время посвящения должен был держать кнут. Должность минаши напоминает десятского или сотского; он с помощью кнута выгонял людей на облаву, провинившихся наказывал, исполнял приказания высших шаманов-начальников.

Высшие шаманы составляли высший класс общества зэгэтэ-облавщиков; они в роли добрых божеств – тэнгриев, ханов, или как «хорошие души заяши» постоянно заботились о благосостоянии зэгэтэ-облавщиков, старались, чтобы народ жил хорошо, богато и не нуждался ни в чем*.

Главный шаман-галши и другие высшие шаманы совершали благодарственные религиозные обряды, тайлганы добрым божествам, покровителям зэгэтэ-облавщиков.

Высшие шаманы-начальники вовремя узнавали, что злые духи или восточные злые тэнгрии затевают что-то недоброе против народа, собираются наслать на него невзгоду или болезни, вовремя предупреждали об этом зэгэтэ-облавщиков, делали разные умилобивительные кровавые жертвоприношения и, в случае надобности, приносили даже человеческие жертвы; при этих религиозных обрядах полагались особые лица, которые носили названия «h а р ш и б о р ш и». Эти «нарши борши» во время человеческих жертвоприношений убивали человека и исполняли все положенные обычаи и религиозные обряды, шаман же только совершал призывания черному зайну, прося принять жертву, умилобиться и не делать зла зэгэтэ-облавщикам**.

* Высшие шаманы-начальники хвастались, что они от высших божеств выпросили обильный лов зверей, что благодаря их распорядительности и заботам зэгэтэ-облавщики живут хорошо и не нуждаются в жизненных припасах и одеждах, что у них нет недостатка в мясе и звериных шкурах.

** Иногда главный шаман-галши, или другой высший шаман в ночное время били в хэсэ (бубен): это означало, что на народ идет какая-то грозная напасть. Этот обычай зэгэтэ-облавщиков до сих пор сохранился в памяти бурят, которые ныне говорят, что в ночное время, в тяжелые годы, души умерших шаманов бьют в хэсэ, отгоняя от бурятских улусов злых духов, которые хотят сделать зло, и предупреждают бурят быть осторожными.

Про «һарши борши» доньне сохранилась память в шаманских призываниях.

Из предыдущего видно, что шаманы-начальники считались добрыми гениями зэгэтэ-облавщиков и являлись как бы любимцами и представителями добрых божеств на земле. Шаманы были аристократией зэгэтэ-облавщиков, которые на них смотрели с благоговением и преданностью, как на любимцев богов.

Обратимся теперь к первому из этих высокопоставленных лиц, главному шаману-галши. Во время религиозных обрядов он – верховный жрец, в военных действиях – главный полководец, во время зэгэтэ-аба – главный начальник, руководитель облавы; он же являлся врачом больных и ходатаем перед божествами, а в обиходной жизни управлял зэгэтэ-облавщиками как неограниченный владыка. Другие же высшие шаманы являлись его помощниками, исполнителями и начальниками отдельных предприятий. Должность главного шамана-галши в первое время, вероятно, была выборного и только впоследствии сделалась наследственной.

Главный шаман-галши имел свою свиту, но не из свободных людей, а из рабов. Свита состояла из двоих конюхов, седловщиков, подавателей пищи и других. Кроме того, в его заведовании была үленши¹, в которой молодые женщины и девицы шили разные одежды, обувь, принадлежности оргоя (шаманский плащ), майхабши (шаманскую корону) и проч. Галши от общего раздела добычи получал содержание (звериными шкурами, мясом) и заведовало казною (паном) общества зэгэтэ-облавщиков.

Другие важные шаманы тоже имели рабов, но в ограниченном количестве; им давали коня, съестные продукты, звериные шкуры и другие предметы обихода.

Расходы на посвящение главного шамана-галши и других важных шаманов-начальников принимало на себя общество зэгэтэ-облавщиков. Посвящение делалось обыкновенно летом.

Средний класс зэгэтэ-облавщиков составлял большинство всего общества. Это большинство представляло собою буйную беспокойную группу; она частенько поднимала споры и шум из-за якобы неправильного раздела добычи и заявляла протест. В этих случаях шаманы-начальники уговаривали крикунов, и им нередко удавалось успокаивать недовольных, а когда увещания не действовали, прибежали, не стесняясь, к силе.

¹ Ү л е н ш и – женская мастерская, в которой выделывались шкуры животных и изготовлялись одежды, ковры, обувь и т. д.

Все труды по зэгэтэ-аба лежали на простых рядовых зэгэтэ-облавицах, которые беспрерывно были заняты тяжелыми работами. Они, главным образом, и добывали зверей, и содержали на свой счет шаманскую аристократию-начальников.

Низший класс зэгэтэ-облавищиков – рабы (б а р л а г) не имели никакого голоса в общем предприятии; они представляли собою рабочую силу, которую другие распорядились бесконтрольно.

Женщины замужние и девицы также принимали участие в облаве и получали свои доли из добычи, как и мужчины, и также участвовали в военных действиях, что видно из разных народных преданий и обычаев. Прежние буряты, выдавая своих дочерей замуж, снабжали каждую конем с полной верховой сбруей; кроме того, давался им колчан со стрелами, запасные стрелы, лук с саадаком и прочее необходимое снаряжение для войны и охоты. Из этого видно, что женщины играли немалую роль в облавах и военных походах.

Из старинных народных преданий и из шаманских призываний видим, что женщины и девицы тоже посвящались в шаманы, даже и в высший шаманский сан, и получали наравне с шаманами все шаманское снаряжение: шаманскую плетель, меч, конные трости, х э с э (бубен), м а й х а б ш и (шаманскую корону), о р г о й (плащ) и другие принадлежности. Женщины-шаманки участвовали во всех общественных охотах и военных походах и получали свою часть приношений наравне с мужчинами-шаманами. Также из народных преданий и из шаманских призываний видно, что в прежнее время муж и жена оба бывали посвящаемы в шаманский сан.

Таким образом, во время зэгэтэ-аба муж и жена – оба получали от общего раздела свои части мясом, шкурками. Они имели право держать рабов, что было крайне важно в экономическом и бытовом отношениях¹.

Из старинных народных преданий видно, что прежние буряты устраивали зэгэтэ-аба в лесах и тайгах своей родины. В первобытных девственных лесах и тайгах устраивать зэгэтэ-аба было не так-то легко: для этого необходимы были особая выучка и привычка ориентироваться в дебрях, горах, долах и болотах сибирского леса. Натаскиванием молодых охотников занимались шаманы-начальники. Благодаря постоянному упражнению во время зэгэтэ-аба молодежь приучалась действовать быстро, правильно и не путаясь в густом лесу, что

¹ Эта очень любопытная черта отчасти объясняет более свободное положение женщины в семье у монголов, чем у других кочевников. Нередко бабушка в семье или престарелая родственница имеет решающее значение в разных вопросах семейной жизни.

было самым важным условием для успешной охоты и хорошего улова зверей. Все эти приемы каждый зэгэтэ-облащик, начиная с шаманов-начальников и кончая простыми рядовыми, хорошо знал и понимал их важность. Каждый зэгэтэ-облащик старался тщательно исполнять порученные ему обязанности и, по мере сил, способствовал успеху охоты. Летом в сибирских лесах и тайгах в то время не было почти возможности устраивать большие общественные облавы, зэгэтэ-аба: этому мешали непроходимые топкие места, болота, реки и озера. В зимнее же время все замерзало, почему зэгэтэ-облашники обыкновенно устраивали свои общественные охоты зимой. Кроме того, в холодное время лучше сохранялись мясо и шкуры убитых зверей.

Облашники, охотясь на зверей и увлекаясь обильным ловом, часто уходили далеко от своих стойбищ и возвращались иногда обратно на родину после продолжительного отсутствия.

Во время таких переходов зэгэтэ-облашники нередко внезапно нападали на другие враждебные им племена и быстро скрывались в глубь тайги, из которой не очень легко было их вытеснить, как людей, привычных к лесной жизни. Они были хозяевами тайги — первобытной родины бурят.

Перед объявлением зэгэтэ-аба главный шаман-галши от всех зэгэтэ-облашников совершал религиозный обряд заянам, покровителям охотников, и просил о даровании обильной добычи, о благоприятной погоде для охоты и благополучном конце предприятия. Этот религиозный обряд оканчивался «с а с а л и б а р ь х а» (возлияниями и брызганьем тарасуном), на котором присутствовали и все зэгэтэ-облашники, участники предстоявшей облавы; они после «сасали барьха» (возлияний) бросали пустые чашки вверх и по тому, как и куда падали чашки, судили, насколько будет удачна облава, благополучно ли возвратятся охотники с зэгэтэ-аба и не случится ли с ними несчастья; когда чашка падала вверх отверстием, это служило хорошим предзнаменованием: владелец чашки мог надеяться возвратиться благополучно и убить много зверей; если чашка падала вверх дном, это было дурным знаком, и хозяину чашки грозило несчастье или неудача в промысле.

Во время зэгэтэ-аба приходилось иметь дело с большим количеством опасных и крупных зверей: медведей, кабанов, росомех, рысей и волков, которые задирали коней и самих зэгэтэ-облашников; особенно для лошадей были опасны кабаны (а н г а х а й — свинья-зверь, дикая свинья).

По окончании религиозного обряда «с а с а л и б а р ь х а» все зэгэтэ-облашники вооружались. Оружие состояло из лука со стрелами, меча, ножа и рога-

тины. Снарядившись, отправлялись на облаву. Как уже было сказано раньше, распоряжался облавою главный шаман-галши; он указывал места как для шаманов, так и для простых облавщиков. На месте два газарши (путеводители) из шаманов разделяли народ на два равных по числу участников крыла, и каждый газарши становился во главе своего отряда. В середине шел один из высших чинов облавы — шаман-начальник, который назывался тобши. Он служил соединительным звеном между крыльями зэгэтэ-аба. Начальники двух крыльев облавы сговаривались между собой перед походом насчет подробностей облавы: какой круг должна охватить облава, в каком месте или урочище она должна сомкнуться, где зэгэтэ-облавщики должны были двигаться быстрее, где медленнее. Условившись насчет порядка облавы, начальники передавали приказания загонщикам. Когда все было условлено и объяснено низшим шаманам-начальникам и простым зэгэтэ-облавщикам, шаман-начальник тобши, по обычаю зэгэтэ-аба, становился в середине между двумя крыльями облавы; на правой руке около тобши занимал место шаман-начальник правого крыла зэгэтэ-аба со своими рядовыми зэгэтэ-облавщиками. Налево от тобши таким же порядком строил свое крыло шаман-начальник левого крыла. По данному тобши сигналу оба шамана-начальника правого и левого крыла двигаются вперед, описывая полукруг, а за ними идут их рядовые зэгэтэ-облавщики, растянувшись друг от друга на известное расстояние; в то же время тобши медленно двигается вперед посередине облавного круга. Крылья облавы постепенно удалялись друг от друга и, дойдя до заранее обозначенных мест, начинали сходитьсь, чтобы замкнуть круг. Сходясь к зауроченному месту встречи, шаманы-газарши подавали друг другу тихие сигналы, чтобы не пугать преждевременно зверей, находящихся в круге. Сигнал этот зэгэтэ-облавщики быстро и негромко передавали по всему кругу зэгэтэ-аба; таким образом, условленный сигнал от правого и левого крыла доходил до тобши; последний по этому сигналу удостоверился в том, что оба крыла облавы сомкнулись и постепенно начинают суживать круг облавы, и давал свой сигнал, который зэгэтэ-облавщики быстро передавали обоим крыльям, вплоть до обоих шаманов-начальников флангов облавы; в это самое время облавщики на обоих крыльях начинали быстрее сужать круг облавы, чтобы не упустить обойденных зверей. Оба шамана-начальника правого и левого крыла после сигнала тобши давали другой сигнал погромче; этот сигнал, также громко, зэгэтэ-облавщики передавали друг другу, и он быстро доходил до тобши. Последний пускал свою лошадь рысью и давал новый громкий сигнал, быстро доходивший через зэгэтэ-облавщиков обратно до тобши и шаманов-начальников флангов облавы, а зэгэтэ-облавщики сигнал тобши громко и быстро

передавали друг другу. С этого момента и начиналась настоящая охота. Звери, охваченные кругом цепью облавщиков, начинали бросаться во все стороны, ища выхода из круга. Если облавщики замечали, что в круг попали крупные и опасные звери: медведи, сохатые, изюбры, кабаны, рыси, росوماхи и т. д., то они быстро спешивались и, образовав собою плотный круг, держали рогатины наготове. Если зэгэтэ-облавщиков было много, то за первым устанавливался второй, а иногда и третий круги. Сильные и храбрые зэгэтэ-облавщики выходили с рогатинами на крупных зверей, на которых нападали целой артелью. Маленьких зверей: коз, волков, лисиц, зайцев и проч. убивали стрелами.

Во время самой зэгэтэ-аба низшие шаманы-начальники — ягша, мишаши и прочие — следили за порядком и провинившихся привлекали к ответственности после окончания охоты. Если зэгэтэ-аба выполнена стройно, быстро и путаницы не было, то круг захватывал много зверей. Окруженные цепью облавщиков, звери пытались вырваться из круга зэгэтэ-облавщиков, пока круг не смыкался в плотное кольцо; сначала зверей стреляли из лука; при сомкнутом кольце для крупных зверей вместо стрел прибегали к рогатинам. Убитых зверей передавали особо назначенным людям, которые развозили добычу по стоянкам. От удачного, быстрого и стройного действия зэгэтэ-облавщиков зависели успех и обилие улова зверей. Иногда, во время самого хода зэгэтэ-аба, когда зэгэтэ-облавщики по данным сигналам сдвигали круг, мелкие звери: волки, лисицы и проч. ускользали из круга между лошадьми, а крупные и большие звери: медведи, лоси, кабаны и проч. сваливали рядовых зэгэтэ-облавщиков, перескакивали через них и вырывались из круга; такие случаи часто упоминаются в шаманских призываниях¹.

В тех случаях, когда начальники крыльев облавы не попадали вовремя на назначенное место, расстраивали цепь, опаздывали, — облава бывала неудачна, и ответственность падала на шаманов-предводителей (газарши). Иногда крупные звери (медведи, кабаны) прямо лезли на загонщиков и вырывались из цепи. Обыкновенно в день делали несколько загонов. Вечером же участники облавы сходились на стоянку, куда свозилась вся добыча; там снимались шкуры животных, разнималось и сортировалось мясо для дележа. Если лов зверей был обильный, лишнее мясо отделяли в хан зэгэтэ-аба для запаса; если лов был плохой и мяса убитых зверей не хватало на всех участников облавы, то недостающее количество мяса брали из хана и добавляли неполные паи. Если

¹ В рукописных материалах автора находим указание, что план действия зэгэтэ-аба сохранился ныне среди иркутских бурят в виде национального танца «х а т а р х а». *Б. Барадийн.*

по случаю сильных ветров или по другим каким-нибудь причинам не делали зэгэтэ-аба в течение нескольких дней, зэгэтэ-облавщики брали мясо из запасного фонда – хана.

Пока зэгэтэ-облавщики охотились на зверей, остальное общество находилось на стоянке, которая разделялась на три отдельные группы, резко отличавшиеся друг от друга. 1-я группа жилищ принадлежала главному шаману-галши и другим высшим шаманам-начальникам: эти жилища были обширнее других, лучше защищены от холода, наружные покрывки были из дорогого материала с украшениями; 2-я группа жилищ принадлежала простым, рядовым зэгэтэ-облавщикам: эти жилища были устроены по состоянию хозяев, у богатых – хорошие, у бедных – похуже; 3-я группа убогих жилищ принадлежала рабам и рабыням.

На стоянке кипела жизнь и шла работа под наблюдением главного шамана-галши и других высших шаманов-начальников; все рабы, рабыни и не участвовавшие в охоте простые и бедные зэгэтэ-облавщики таскали на стоянку убитых зверей. Около стойбища, по указанию шаманов-начальников, разводили огни на разных местах и расстояниях; между этими огнями на снегу настилали нарубленные ветви деревьев; на эти ветви клали убитых зверей, с которых снимали шкуры и разрезали мясо по указанию «нарши-боршиев». Место, где были разложены костры и производилась обработка добычи, называлось *зуга*.

Мягкое мясо отделяли от костей и варили особо. Кости тоже варили особо; мясо, оставшееся на костях, обрезалось очень тщательно; это мясо ныне называется *ж и п, ш у л а д һ а н* или *д а н г у р*. Отделенные внутренности убитых зверей чистили и вымывали снегом рабыни и оставшиеся на стоянке жены простых зэгэтэ-облавщиков. Вычищенные внутренности начинали жиром и кровью и варили в котлах. Потом, по указанию шаманов-начальников, делили мясо на отдельные части: *б ө г и х а й д а һ а н*, *з о н и х а й д а һ а н*, *х ө л м я х а н*, *һ э г и м я х а н*, *д а л а н г а*, отделяли мясо для «бара» и т. д.

Если охота была удачная и убито было много больших и малых зверей, то в лагере происходил настоящий праздник: начиналось шумное всеобщее веселье, коней отпускали на тебеневку, а между зэгэтэ-облавщиками шли нескончаемые разговоры об охоте, об отличившихся в борьбе с большими зверями, а также о неумелых, неудачниках и трусах.

Как уже было сказано выше, в лагере при сборе всех участников производилась сортировка мяса убитых зверей. После этого главный верховный шаман-галши заканчивал начатый и прерванный утренний религиозный обряд, который прекращен на «*с а с а л и б а р ь х а*» (возлиянии). Утрен-

ний обряд был просительный, а после облавы — благодарственный тайлган — мясом убитых зверей за покровительство, за дарование обильного лова зверей, за благополучный исход охоты. Рассортированное мясо клали в определенном порядке около огней: часть мяса откладывали в һан зэгэтэ-аба, потом лучшее мясо клали отдельно для шаманов-начальников; второй сорт мяса, которого было больше, чем первого, также откладывался отдельно и предназначался для рядовых участников зэгэтэ-аба; третий же сорт, худшее мясо, внутренности отделялись и клались около костра — з у г а, это худшее мясо доставалось рабам и рабыням. После сортировки мяса главный шаман-галши отрезал кусочки мяса первого сорта и бросал их в огонь, в жертву высшим божествам, ханам и тэнгриям, для их һана, т. е. запаса. Затем отбиралась часть лучшего мяса для немедленного приношения небожителям. То же самое проделывалось и с другими сортами мяса, приносимыми в жертву второстепенным и третьестепенным богам. Таким образом, все три класса духов получали свои части от жертвоприношения. Затем главный шаман-галши давал разрешение каждому брать свою долю мяса, съесть его на стане или забирать с собой в свою лачугу; этим заканчивался религиозный обряд — тайлган зэгэтэ-облавщиков.

По окончании религиозного обряда происходил суд и разбор провинившихся в чем-либо облавщиков. При этом разбиралось строго, насколько оплошность обвиняемых зависела от их нерадения или от непредвиденных обстоятельств и непреодолимых препятствий. После религиозного обряда, суда и раздела добычи охотники предавались отдыху. При удачной охоте господствовало общее веселье и у людей, и у богов. Все были довольны своими долями добычи.

После суда зэгэтэ-облавщики ели полученные части мяса и ложились спать. Если лов зверей был удачный, то мяса, конечно, доставалось каждому побольше, каждый зэгэтэ-облавщик ел досыта, оставлял в запас и засыпал крепким сном.

Кожу убитых зверей морозили и сдавали в һан зэгэтэ-аба, в котором они хранились до весны. Весною кожи выставляли на солнце, а потом тщательно сушили, сортировали и после этого делили между собою по обычаю зэгэтэ-аба; лучшие и дорогие кожи зверей оставались в һане галши* и других высших шаманов-начальников. Из этих кож шились одежды, обувь, покрывала для

* Прежние буряты зэгэтэ-облавщики и шаманы-начальники совершали особые религиозные обряды, причем посвящали звериные шкурки своим покровительствующим заянам, которые из них тоже шили себе одежду, обувь и тому подобное. Такое посвящение звериных шкур заянам доньше сохранилось у бурят, которые унаследовали этот обычай от своих предков — зэгэтэ-облавщиков.

юрт, ковры и т. д. Средние кожи доставались простым рядовым зэгэтэ-облавицам, а самые худшие и дешевые шли рабам и рабыням.

Как указывают старинные народные предания и призывания шаманов, воинственные шаманы-начальники часто превращали охоту в военный набег и нападали на другие враждебные племена, причем людей забирали в плен и обращали в рабов и рабынь, а захваченное имущество делили между собою; рогатый скот употребляли в пищу, коней — для езды: для зэгэтэ-облавицы было заветной мечтой завести коня. Иногда зэгэтэ-облавицы уходили очень далеко, охотясь на зверей, а на обратном пути старались захватить побольше коней, с которыми старались как можно скорее укрыться в глуши тайги, хотя, когда не грозила опасность, устраивали облавы и на обратном пути. Прежние зэгэтэ-облавицы, постоянно живя в лесах и тайгах, не имели возможности держать рогатый скот, а имели только коней, которые сами в зимнее время доставали себе корм из-под снега.

Выше мы говорили, что прежние буряты не могли постоянно охотиться на зверей, а в известное время должны были по необходимости останавливаться на открытых местах. Эти необходимые остановки делались весной, летом и осенью по следующим причинам. Прежние буряты не имели теплых и светлых жилищ, и в зимнее время свет проходил туда только через дверное отверстие. Выделывать кожи в полупотемках было крайне затруднительно, также и шить из них себе одежду, обувь и другие предметы. В силу этого они принуждены были останавливаться в летнее время на открытых местах для выделки кож и для приготовления разных одежд и обуви. Для выделки кож больших зверей требовались разные снаряды, которые в таких жилищах поместить было невозможно; вследствие этого кожи больших зверей выделывали вне жилища, для чего необходимо было теплое время года. На просторе, в светлые и длинные летние дни и создавались те роскошные вышивки, образцы национального орнамента, которыми гордились прежние бурятские мастерицы.

Весна, лето и осень, вплоть до наступления холодов, когда наступала пора готовиться к зэгэтэ-аба, были временем домашних работ. Нужно было выделывать все шкурки убитых зверей, так как при перевозке на вьюках было крайне неудобно упаковывать громоздкие и ломкие сырые кожи. Большая часть кож шла на домашнее употребление, а остаток выменивался на предметы роскоши и на товары, которых не было у бурят. Хотя общераспространенный способ

перевозки грузов представляла перевозка на вьюках, но предание гласит, что у бурят были и телеги, только без колес¹.

Во время весенних, летних и осенних стоянок у прежних бурят в стоянке кипели женский труд и труд ремесленников.

Все женщины и девицы были заняты выделыванием звериных кож по первобытному способу. Кож больших зверей не могли выделывать руками, а потому употребляли разные первобытные и нехитрые снаряды, с помощью которых выделывали кожи больших зверей: медведей, изюбрей и сохатых. Снаряды для выделки кож, должно полагать, были похожи на нынешние; все снаряды делались из дерева; по окончании выделки кож эти самодельные снаряды, надо полагать, бросали, потому что зэгэтэ-облавщики не имели возможности возить их с собою.

Вернемся теперь снова к летним занятиям бурят.

В уленши часть женщин и девиц выделывала звериные кожи. Некоторые из женщин исполняли предварительные простые работы, для которых требовалась только одна физическая сила, как, например, вымочка и проминка кож на снарядах; другие отделявали вымоченные и промятые кожи, для которых уже требовалось умение и опытность; затем, после окончательной отделки, кожи иногда подвергали дымлению.

В дальнейшем из выделанных кож особые мастерицы выкраивали одежду и обувь, изготовляли украшения и вышивки; здесь тоже работа разделялась на несколько специальностей. Хорошие мастерицы и шитницы шили и вышивали тонкие и красивые узоры для нарядных одежд и обуви. Следует здесь упомянуть, что в уленши прежде всего шили на шаманскую аристократию. Судя по преданиям и шаманским заклинаниям, жизнь в уленши была трудная и суровая.

В летние долгие и жаркие дни, от восхода солнца и до заката, в уленши кипела работа под зорким присмотром жен высших шаманов-начальников. Работа была трудная, а надзирательницы, супруги всевластных шаманов, не отличались снисходительностью.

У надзирателей-шаманов и надзирательниц-шаманок была одна цель: не щадя сил своих работниц как можно больше выделать кож, чтобы поскорее окончить все нужные работы и приготовления к религиозным обрядам и

¹ Вероятно, это были так называемые *волокуши* и теперь еще употребляемые для перевозки тяжестей в тайгах. Простейший тип волокуши: две жерди, привязываемые к седлу, скрепленные деревянной поперечиной внизу. Более совершенный тип представляет волокуша с поперечными дощечками, прибитыми к жердям; затем имеются волокуши, жерди которых на нижнем конце загнуты в полозья. На приисках к жердям волокуши прикрепляют кабриолетный кузов.

сделать запас одежды к осенним холодам. Все должно было быть готово, чтоб не осталось ни одной невыделанной кожи или недошитой одежды.

Для шитья прежние бурятки употребляли жилы зверей. От убитых зверей при снятии кожи ножные жилы осторожно вырезали и сушили на солнце; эти жилы потом мяли руками и из волокон сучили тонкие и толстые нитки (h а б). Иногда для шитья обуви жилы сучили с конским волосом, чтобы нитка была крепка и не гнила¹.

Кроме того, в летнее время из хвостового и гривного конского волоса вязали сети (г у л ь м э) для ловли рыбы.

Были и другие занятия у женщин: некоторые нянчились с детьми, а другие собирали разные съедобные корни и растения, сушили их² и толкли в особых ступках (у р), заготавливая запас на зиму; эти корни, растения и ягоды для прежних бурят служили необходимым подспорьем в хозяйстве. Из толченых корней приготавливали муку, которая шла в пищу; из этой муки делали особое кушанье, которое приготавливали следующим образом: звериный жир смешивали с приготовленной мукою и делали небольшие лепешки, которые назывались б ө н. Этими лепешками закусывали на скорую руку во время зэгэгэ-аба, когда не было времени возиться с варкой пищи.

Во время летних стоянок все общество зэгэгэ-облашников было занято своими работами, в стоянке их была кипучая, деятельная жизнь; каждая отдельная работа производилась под особым присмотром и наблюдением; все работы шли правильно и быстро, а не в хаотическом беспорядке.

Мужчины во время летних стоянок занимались также разными работами. Одним из занятий мужчин было делание стрел (мөһөши) и луков. Стрелы были главным оружием на охоте, и во время зимних зэгэгэ-аба они часто терялись в сугробах снега. Поэтому как для войны, так и для охоты заготавливались большие запасы стрел.

Изготовление стрел было летним занятием бурят. Зимой из промерзлого дерева нельзя было делать стрел, так как тогда не было приспособлений для сушки дерева, а древки стрел, сделанные из недосушенного дерева, кривились и становились совершенно негодными для стрельбы. Уменьше делать хорошие

¹ Эти нитки из жил в большом употреблении не только среди бурят, но и среди русских; они прочнее драгты. Некоторые даже предпочитали эти нитки при зашивании ран.

² Наиболее распространены в бурятской кухне корни *Eriphronium dens canis*, *Lilium martagon*, *Lilium spectabile*, *Peonia anomala*, *Polygonum bistorta*, *Hieracium sibiricum* (стебель) и разные виды лука – главным образом, *Allium ursinum* (черемша). Последняя – в большом употреблении и у русских, незаменимое средство от цынги.

стрелы и луки ценилось высоко. Заправский охотник, витязь, мерген¹ гордился тем, что он хорошо умеет делать стрелы. В одной сказке, записанной еще Георги, упоминается в виде высокой похвалы герою: никто не сошьет так хорошо одежду, как наша княжна; никто не сделает стрелы прямее царевича Улан-мергена. Стрелы делались из березового дерева, без сучков. Вырезанные брусочки высушивали тщательно и постепенно и потом уже подвергали обработке. Припомним при этом, что по-бурятски стрельный мастер носил особое название: не мерген, а мөрөши.

Лето было также сезоном кузнечных работ. Кузнечные мастера делали разнообразные железные наконечники стрел (h y m a) разных величин и форм². Вообще, все стрелы снабжались железными наконечниками, и только бедняки вместо железных наконечников имели костяные, о чем упоминается в старинных бурятских сказаниях, назывались они я h a н з о р х о.

Кузнецы, кроме стрельных наконечников, делали и другие вещи: ножи (x o т ё г о), мечи (h э л м э), копья или рогатины (ж а д а), огнива (x э т э) и проч.

Точно также на обязанности кузнецов лежало изготовление шаманских конных тростей (т ө м ө р м о р и н и h о р и б о). Снабжая народ оружием, начиная с наконечников стрел и кончая ножами, мечами и рогатинами, а также принадлежностями культа, кузнецы также выделяли из железа хозяйственные орудия и другие предметы, как-то: стремена, удила, кольца. Кроме того, они делали украшения из серебра и золота — браслеты (б у г а г), серьги (h и x э), кольца (о р е д h о н), головные украшения (м а й х а б ш и) и другие вещи. Кузнецы у бурят, как и у других народов, занимали в обществе особое положе-

¹ Мерген значит хороший стрелок: но теперь этот титул прилагается ко всякому мастеру своего дела. Мерген-лама, мерген-бө значат: хороший лама, хороший шаман. Мерген-хун значит: опытный, сметливый, умный, находчивый человек.

² Из этих стрел следует упомянуть один вид их, имевший особое назначение при зэгтэ-аба. Это были тяжелые стрелы, и под наконечником стрелы вставлялся роговой или костяной полый шарик с дырочками, отчего при полете стрела издавала свист. Такими стрелами вооружали часть рядовых загонщиков. Эти стрелы свистом пугали зверей и сгоняли их в центр круга. По тяжести своей стрела хватала недалеко, и такому загонщику редко удавалось убить зверя. Аристократия облавы, вооруженная дальнобойными стрелами, принимала меры к тому, чтобы лучшая часть добычи не уходила из ее рук.

В случае, когда происходило посвящение какого-нибудь из старших шаманов в высшую степень, все железные принадлежности костюма выполнялись своими кузнецами. Кроме майхабши и различных символических фигур и украшений, они выковывали железные пластинки для боевого ороя (священного плаща) посвящаемого; он заменял шаману кирасу (куяк). Одежду же из звериных кож и украшения шили женщины в үленши, употребляя при этом меха дорогих животных.

ние. Кузнец всегда являлся знахарем и мудрецом. Чукчи, например, чтобы похвалить человека, говорят: у него лицо умное, как у кузнеца (Богораз). У бурятских кузнецов имеются свои гении-покровители, изображения которых образуют особый цикл иконографических изделий, называемых кузнечными онгонами.

В зимнее время кузнецы не могли работать: у них не было постоянных горнов (х я һ и), и не было железных наковален, а ковали железо на каменных наковальнях, и все инструменты были первобытные и простые: железные молоты (т ө м ө р б а л т а), клещи (ү л и р б э), мехи (х ө р г ө) и т.д. С такими инструментами кузнецы могли работать только в летнее время, когда становились на более или менее продолжительную стоянку на одном месте; зимою, во время облавы на зверей, переходя с одного места на другое, они не имели возможности работать и таскать с собою повсюду громоздкие инструменты.

Седелщики (э м э л г и н и) делали седла и украшали их; матрасики, подушки на седла шили женщины и девицы из звериных шкур в үленши.

Кроме охоты на зверей, многие мужчины занимались ловлей рыбы в реках и озерах, которой в то время водилось очень много. Во время летних стоянок при рыбной ловле употреблялись разные снаряды, как-то: морды (г у р), волосяные сети (г ү л ь м э), остроги (һ э р э) и удочки (г а х у л я). Прежние буряты во время продолжительных летних стоянок по необходимости питались рыбой, потому что ее можно было ловить ежедневно, а мясо зверей можно было иметь не всегда.

Летом же буряты объезжали диких лошадей для верховой езды, а уже усмиранных лошадей приучали перескакивать через колоды и через свалившиеся деревья в лесу; такое обучение лошадей было необходимо для зэггэтэ-аба. Насколько важное значение имела в жизни бурят дрессировка лошадей, видно уже из того, что среди разных развлечений у бурят делались маскарадные представления. Маскированные участники назывались онгонами для игры (игровые онгоны). Среди этих театрально-мистических и отчасти комических игр было представление, изображавшее укрощение дикого коня*.

Пасли лошадей рабы под особым присмотром на открытых полянах. Во время летних стоянок на открытых местах производилось обучение зэггэтэ-облавы под наблюдением высших опытных шаманов-начальников. Их приучали двигаться стройно, быстро, не спугывая и не разрывая цепи; такое обучение было необходимо делать на открытом месте, где можно было начальникам следить за ходом облавы. Эти учебные маневры имели очень важное значение, так как, в сущности, хороший лов зверей зависел от удачного,

* Автор подробно описал эти театральные онгоны в другом своем труде.

стройного и быстрого действия облавщиков. Облавщики стройным и быстрым заездом моментально окружали зверей, которые не успевали заметить, что они со всех сторон охвачены кольцом загонщиков.

Рядом с обучением стройным движениям целой массы было и одиночное обучение. Молодежь учили перепрыгивать через колоды, через залом, лазить по деревьям, чтобы спастись от преследования разъяренного зверя — медведя или сохатого. Заставляли также в чаще перебираться с одного дерева на другое.

Вместе с тем летом обучали молодежь и военным тактическим приемам на случай нападения на какие-нибудь враждебные племена.

Кроме уже упомянутых театральных (игровых) онгонов, были и другие, имеющие отношение к зэгэтэ-аба. Так, например, существует «ягша онгон», который заставляет молодежь обоего пола плясать национальную пляску «х а т а р х а» и следит за пляшущими; если они хорошо и стройно пляшут, то «ягша онгон» радуется, а если пляшут худо, то сердится, бьет их и указывает, как нужно плясать. «Ягша онгон» — остаток от прежней зэгэтэ-аба, так как после охоты обыкновенно начинались веселье и пляска. Другие игровые онгоны тоже ясно указывают, как учили прежних зэгэтэ-облавщиков. Онгон, который учит молодежь скакать через трости и плясать на накрест положенных тростях, можно также признать за остаток от прежней зэгэтэ-аба.

Время летних стоянок зэгэтэ-облавщиков было не только временем работы, но и разных торжественных и общественных религиозных церемоний, тайлганов, посвящения разных молодых и отличившихся людей в шаманский сан, посвящения шаманов-начальников в высшую ступень шаманства, иногда торжественное посвящение в сан галши. Точно также во время летних стоянок совершались свадьбы, заключались сделки и тому подобное.

Все эти религиозные обряды делались целым обществом, торжественно, с национальными играми, танцами, борьбой борцов, стрельбой из лука; устраивались скачки и бега рысаков. Во время этих торжеств: тайлганов, посвящений шаманов, совершения свадебных обрядов предлагалось угощение, и гулянки продолжались по нескольку дней. Зэгэтэ-облавщики в парадных костюмах, нарядные и веселые, предавались играм и забавам.

Здесь кстати упомянуть и о костюмах эпохи зэгэтэ-аба. Обычный зимний меховой костюм назывался доха, но это не была нынешняя широкая неуклюжая доха, а костюм, предназначенный, главным образом, для верховой езды. Это был длинный кафтан с левою полою, застегивавшеюся на правом боку.

Вниз от пояса шел до подола сквозной разрез, и получались две длинные фалды. Доха была с обеих сторон меховая, но снаружи на боках были прорезы, так что фалда представляла собою мешок или глубокий карман. Такой покрой до сих пор сохранился в Маньчжурии и, отчасти, в Монголии. Летний костюм был такого же покроя, но, конечно, легче и шился из кожи без шерсти. Во время весенних и летних праздников для борьбы изготовлялась особая обувь с большим толстым и твердым носком, которым борющиеся старались зашибить друг друга.

Таким образом, лето было самым оживленным периодом жизни первобытного бурята. Торжества, празднества, тайлганы, свадьбы, посвящения шаманов чередовались с работой, рыбной ловлей и военно-охотничьими упражнениями. В зимнее же время такие торжественные народные религиозные обряды как тайлганы, посвящения шаманов, свадьбы не проводились, да и некогда было их проводить: зима была сезоном облав. В зимнее холодное время, при тесноте жилищ, не было и возможности устраивать подобные церемонии. Летом, в теплое время, было очень удобно, потому что все такие народные торжества устраивали на улице в присутствии всего общества зэгэтэ-облавшиков. И нынешние буряты по старинному обычаю, унаследованному от своих предков, все торжественные и общественные религиозные обряды: тайлганы, хураи, посвящения шаманов обыкновенно совершают в летнее время.

Впрочем, и климат и обусловленное им распределение занятий не позволяли устраивать праздники зимой. С окончанием выделки кож начиналась заготовка одежды, обуви, покрывал на юрты, постельных принадлежностей и разного рода мешков. Эти мешки — х у б с а р ы и һ у д а л ы — прежним бурятам были необходимы в зимнее время. Зимой буряты свои жилища временно ставили на мерзлой земле; на полу постлали особые меховые подстилки, которые нарочно делались для этой цели; на этих подстилках клали сиденья — һ у д а л, тоже нарочно сшитые, на которых сидеть было мягче, теплее и удобнее, чем на холодной и мерзлой земле. Эти разные хубсары, һудалы сохранились до сих пор у нынешних бурят, у которых они считаются необходимыми предметами домашнего обихода. Все эти вещи заготавливались в үленши из разных остатков и обрезков, оставшихся от шитья одежд из выделанных звериных шкур, все части которых уходили в дело.

Зэгэтэ-облашки с наступлением холодов снимались с летних стоянок и уходили в глубь лесов, охотясь на зверей. Бурятка, которая в другие времена года занималась специально выделкой кож и шитьем одежды, обуви и прочих

принадлежностей, обращалась в рядового зэгэтэ-облащика, а в военное время — в воина и получала свою долю из общего раздела добычи (х у б и). Она, соперничая с мужчинами, уносила в вихре зэгэтэ-аба, охотясь на зверей и участвуя, наравне с мужчинами, в военных действиях.

Во время облав и, особенно, при набегах на враждебные племена нередко бывали смертельные случаи, и погибших приходилось хоронить. Мы опишем кратко похороны главного распорядителя зэгэтэ-аба, шамана-галши. Для этого важного события временно прекращалась облава. Облава не могла оставаться без главнокомандующего, и вместо умершего избирали заместителя, нового главного шамана-галши, а потом все высшие шаманы и новый главный шаман собирались у умершего и начинали готовиться к похоронным обрядам и церемониям: сперва тело умершего шамана-галши мыли священной ключевой водою, в которую клали богородскую траву и бересту; потом одевали покойника в лучшую одежду, сверху которой надевали большой боевой оргой с панцырем, на голову надевали майхабши; покойника клали на почетное место и около него раскладывали все его шаманские принадлежности и военные доспехи — колчан со стрелами, лук с футляром, меч, копье и прочие знаки его достоинства, какие он имел при жизни. После этого готовили коня, которого седлали самым лучшим седлом. Обряженного коня держал особый раб, который назывался «м о р и б а р ю һ а н» — держащий лошадь или «х у н с э р г э» — по-русски человек-коновязь. На этого коня хун сэргэ сажал умершего хозяина, шамана-галши, и тот же хун сэргэ хозяину помогал слезать с коня.

Затем выбранные девять человек, называвшиеся сыновьями шамана, пели похоронные песни, в которых восхваляли разные подвиги усопшего во время охоты, военных действий, обиходной жизни и, вообще, перечисляли все его добрые дела. Высшие шаманы-начальники шаманили, во время мистерии предсказывали будущее от лица умершего главного шамана-галши, который указывал, на какой горе и как следует предать его тело огню. Умершему главному шаману давали съестные припасы и звериные шкуры из һана зэгэтэ-аба. Когда все было приготовлено, умершего шамана сажали на коня, два ж о л о ш и (держатели повода) вели коня за повод, впереди ехал тугши, который держал знамя умершего (т у г), прочие рабы шли сзади и держали разные шаманские принадлежности усопшего. Все высшие шаманы-начальники, во главе со вновь избранным главным шаманом, ехали сзади, а за ними — простые зэгэтэ-облащики. В таком порядке делали три круга около стоянки; после этого ехали на ту гору, на которой предстояло предать огню тело

умершего шамана-галши; отойдя несколько от места стоянки, пускали стрелу назад, а потом ехали далее. Проехав некоторое расстояние, останавливались или ставили деревянную коновязь для коней умершего шамана-галши или ставили три коновязи из камня: первая коновязь означала его һан, вторая коновязь служила для привязывания его коня, а третья — для его зэгэтэ-облашников; нынешние буряты называют эту коновязь «х ү н и с э р г э» — по-русски коновязь для народа¹.

Приехав на место сожжения, тело умершего шамана-галши снимали с коня и клали на землю; затем готовили лес, из которого складывали продолговатым четырехугольником костер; на костер постилали потник и на конце потника помещали седло, на которое клали усопшего шамана головой; вокруг раскладывали все его шаманские принадлежности; после этого сверху над трупом снова клали дрова. Коня умершего шамана-галши убивали; также убивали всех рабов, которых и сжигали на костре. Сколько рабов убивали, трудно определить, но убивали многих.

После сожжения тела главного шамана-галши все уезжали обратно на стоянку; все участвовавшие на похоронах, возвращаясь, старались не глядеть назад, иначе умерший шаман-галши мог взять душу оглянувшегося к себе. Все участвовавшие в кортеже, приехавши на стоянку, очищались, проходя между двух огней, чтоб злой дух не вошел с ними в стоянку и не сделал зла народу.

Пока с похорон не вернутся на стоянку, из нее никто не смел отлучаться даже на близкое расстояние.

Через три дня с разными съестными припасами выезжали на место сожжения умершего главного шамана-галши. По приезде собирали сгоревшие кости, укладывали их в берестовый футляр, выдалбливали из колоды корыто, клали туда кости и заделывали накрепко доскою. Железные предметы, бывшие в огне, вешали на дерево.

Покончив с высказанным, совершали поминки по усопшему. Иногда все зэгэтэ-облашники на месте погребения умершего главного шамана-галши давали присягу вновь избранному главному шаману-галши; этот обычай сохранился до сих пор: у нынешних бурят есть обычай давать присягу на шаманском месте.

Вернувшись обратно в лагерь, после прохождения через огонь, облаву продолжали под руководством нового главного шамана-галши, но посвящение нового начальника откладывали до перекочевки на летник.

¹ Пока неизвестно, ставили ли каменную коновязь в виде человека, но предание о «хун сэргэ» намекает на это.

Других важных шаманов-начальников хоронили с меньшею торжественностью и убивали менее рабов и рабынь для услужения усопшему в загробной жизни.

Простых рядовых зэгэтэ-облашников хоронили просто по обычаю зэгэтэ-аба*.

Со временем размножились шаманы-начальники и шаманки-начальницы и стали вести между собою вражду и интриги за первенство и за власть.

Они постепенно захватили в свои руки все выгодные места и обижали простых рядовых зэгэтэ-облашников, которым становилось жить все тяжелее и тяжелее. Простые рядовые зэгэтэ-облашники роптали и часто между ними возникали возмущения и беспорядки. Обиженные шаманы и шаманки, пользуясь этими беспорядками, возмущали и растревляли и без того раздраженных простых рядовых зэгэтэ-облашников.

Прежнее единство и любовь к общему делу исчезли бесследно. Каждое посвящение молодого шамана и посвящение шамана-начальника в высший сан не обходилось без борьбы и крупных интриг, которые иногда оканчивались кровавыми расправами, вследствие чего постепенно расстраивалось и падало общее предприятие.

Подобные столкновения высших шаманов-начальников между собою вредно отражались и на экономическом положении зэгэтэ-облашников. Общая казна (хан) истощалась. В случае плохих уловов зверей зэгэтэ-облашники терпели недостаток в жизненных припасах, а потому ропот и недовольство увеличивались со дня на день и доводили народ до высшей степени раздражения; недовольные и обиженные шаманы и шаманки подстрекали простых рядовых зэгэтэ-облашников, которые узнавали все шаманские плутни и преступления. Прежняя любовь, доверие и почтительность исчезли между зэгэтэ-облашниками, исчезло старинное согласие и взаимопомощь, и вместо них появились недоверие и взаимная ненависть, а подобное настроение должно было иметь пагубное влияние в таком деле, которое требует общего согласия. Зэгэтэ-аба, очевидно, падала и доживала свои серые, последние дни.

В это смутное время тяжело жилось простым рядовым зэгэтэ-облашникам, которые были слепым орудием в руках враждующих между собою партий шаманов-начальников, и все они постепенно начали сознавать это.

*См. «Этнографическое обозрение», 1891 г., №3. Несколько данных для характеристики быта северных бурят, стр. 163.

Кровавые распри и преследования побежденных партий участились. Прежние кровавые жертвоприношения потеряли свое грозное религиозное значение, и медвежьи онгоны, перед которыми зэгэтэ-облавышки трепетали, тоже потеряли свой авторитет. У зэгэтэ-облавышников начало развиваться недоверие, вызванное враждующими между собою шаманами и шаманками, уличавшими друг друга в глазах народа в обмане и фокусничествах.

Кроме того, сыновья и дочери высших и низших шаманов-начальников безнаказанно обижали простых рядовых зэгэтэ-облавышников, которые все это терпели по необходимости.

В такое смутное время, когда умирал главный шаман-галши, на его должность появлялось несколько кандидатов, враждующих между собою. Каждый из них имел свою партию, которая поддерживала своего кандидата; вследствие этих неурядиц умершего главного шамана-галши хоронили уже не с такою торжественностью, как прежде; все это влияло на простых рядовых зэгэтэ-облавышников.

Большая и многолюдная зэгэтэ-аба со смертью своего главы, шамана-галши, разделялась на несколько маленьких и бессильных облав. Вследствие этого улов зверей уменьшался, и зэгэтэ-облавышки терпели нужду в съестных припасах, одежде и прочих необходимых предметах домашнего обихода. Чуждые племена нападали на раздробленных на партии бурят, брали их в плен и уводили. Отделившиеся от большой облавы загонщики не могли охотиться самостоятельно по малочисленности, а потому присоединялись к другой зэгэтэ-аба на невыгодных условиях¹.

Иногда такие отдельные зэгэтэ-аба, подстрекаемые своими шаманами-начальниками, нападали друг на друга: происходили кровавые драки, оплошавших брали в плен; шаманы-начальники, прежде пользовавшиеся таким высоким авторитетом, не избегали этой участи, а оставшиеся на свободе убегали и присоединялись к другой зэгэтэ-аба, а потом мстили своим врагам.

В этих маленьких зэгэтэ-аба шаманы-начальники продолжали вести борьбу между собою за первенство и за власть, по-прежнему интриговали среди рядовых зэгэтэ-облавышников и вооружали одну партию против другой.

¹ При существовании родового строя можно задать вопрос: из каких групп составлялись эти частные, отдельные облавы? Здесь, очевидно, нашим автором кое-что упущено из старых обычаев, но восстановлению их нам помогут имеющиеся у нас сведения о забайкальской облаве, носившей название аба-хайдок. Сведения эти ясно указывают нам, что забайкальская всенародная облава, при общем единстве действия, состояла из отдельных родовых групп. Там, перед облавой, на сборном пункте предварительно читалась какая-то молитва, читая которую наибольший в облаве держал в руках стрелу. Затем каждому роду назначался известный участок облавы, и у каждого рода было

Таким образом, корыстные и жадные шаманы-начальники довели прежнюю цветущую зэгэтэ-аба до окончательного падения, сами были изгнаны из среды зэгэтэ-облавщиков и навсегда потеряли политическую власть и влияние на бывших столь послушными и почтительными рядовых участников зэгэтэ-аба.

С падением власти шаманов-начальников зэгэтэ-аба перешла в руки представителей родов под начальством главного родоначальника *Һүнона*, который заменил собою прежнего главного шамана-галши. Этот период мы называем временем массового общинного скотоводства. С устранением от общественной облавы шаманов, замененных родовичами, все мелкие зэгэтэ-аба опять стали соединяться в одну большую и общую облаву под управлением *Һүнши-нойона* и других родовых представителей. Последние, второстепенные начальники зэгэтэ-аба, получали свои должности путем выбора. Вожakov, знающих местность (*газарши*), и других второстепенных распорядителей тоже выбирали от каждого рода из людей, отличившихся в зэгэтэ-аба. Под управлением таких родовых представителей зэгэтэ-облавщики охотились на зверей и занимались скотоводством.

Первое знакомство бурят со скотоводством¹ началось путем военной добычи и обмена скота на звериные шкуры. Скот получался, главным образом, из Монголии и, вероятно, из Минусинских степей. Буряты жили тогда от Байкала вплоть до Енисея. В это время часть бурят, охотясь на зверей, уходила далеко и на обратном пути нападала на другие племена, у которых отбивала

назначено место для стоянки на ночь. После охоты вечером на стоянках зажигали огни, и каждый из заведовавших стоянкой, чтобы облавщики знали, куда им идти, выкликал «уран» – призывной клич своего рода. К сожалению, у бурят эти ураны забыты, но сохранились полностью у киргиз. Киргиз при нападении на него выкликает уран своего рода, и всякий сородич обязан бежать на помощь к обижаемому. Если своих соберется мало, и нет силы бороться с неприятелями, то меньшинство выкликает общий уран всего киргизского народа – *анас*.

Отсюда весьма вероятно заключить, что отдельные облавы составлялись из родственных групп.

Кстати, у нашего автора есть много указаний на борьбу с чуждыми племенами. Какие это племена, он не указывает, но в памяти забайкальских бурят сохранилось одно довольно любопытное предание. Тунгусы и буряты, для большей успешности охоты, решили устроить общую облаву, но, вместе с тем, и те и другие имели в виду устроить засаду своим товарищам. Между бурятами из рода цаган нашелся предатель, который выдал тунгусам план нападения бурят. Буряты были разбиты. Это было лет двести тому назад, но потомство предателя до сих пор состоит под опалой у своих сородичей и у всех агинских бурят.

¹ Может показаться странным, что начало скотоводству положено было во втором периоде зэгэтэ-аба, а между тем буряты имели уже лошадей. Дело в том, что лошади у монгольских племен не называются скотом (*мал*), а *аду* – табун. Лошади были первыми после собаки животными у бурят.

рогатый скот и угоняла на родину; таким путем прежние общинные зэгэтэ-облашки обзавелись крупным и мелким (овцы) рогатым скотом и весьма скоро убедились в тех громадных выгодах, которые доставляет домашний скот.

В этот период массового общинного скотоводства буряты начали селиться на открытых и удобных для скотоводства местах. С этого времени они, охотясь на зверей в массовой общинной зэгэтэ-аба, не могли уходить далеко от стоянок: оставлять надолго семейство и главное богатство — скот было опасно. Облавы на зверей старались делать поблизости от стоянок в зимнее время, а по окончании возвращались домой с мясом и кожами убитых зверей. Таким образом, хотя буряты и не забросили свои охотничьи облавы, но размеры древней зэгэтэ-аба сократились, и облава в этот период делалась чаще всего каким-нибудь отдельным родом.

Жилища у бурят были почти по образцу эпохи шаманской зэгэтэ-аба: из шкур убитых зверей и домашних животных — для зимы и из древесной коры — жилища летние.

В период массового общинного скотоводства прежние буряты жили большими и многолюдными обществами под управлением һүнши-нойонов и других родовых представителей.

Очевидно, при переходе управления народом от шаманов к светским людям порядки сами по себе мало изменились; прибавился только один новый вид промысла — скотоводство. Прежде главным источником были звероловство и рыболовство. Молодые люди обоего пола, как сказано было выше, участвовали в зэгэтэ-аба зимой; летом ловили рыбу, собирали съедобные корни и ягоды и обрабатывали сырые материалы, добытые охотой; часть занималась ремеслом. Но возникла новая отрасль труда — разведение домашнего скота и, рядом с ним, молочное хозяйство. Начавши с лошадей и крупного рогатого скота, буряты завели у себя в скором времени и мелкий — овец и коз. Часть населения занята была пастьбой разных видов скота. Эта работа лежала, главным образом, на мужчинах, так как в ту пору было еще очень много зверя и охранять стада необходимо было вооруженной рукой. Доение и, вообще, молочное хозяйство было делом женщин. Часть женщин занималась доением, другая же приготавливала из молока пищевые продукты. За этим наблюдал особый человек — һархаши-өбөгөн*. Приготовленные под надзором һархаши-өбөгөна молочные продукты ежедневно распределялись между членами общины.

Этот обычай донныне сохранился у бурят во время гулянья или при потчевании гостей у себя дома, когда пьют тарасун или вино. Один из присутствующих заведует раздачей тарасуна или вина и подает напиток остальным поочередно, что называется «д у х а р я н», — по-русски очередь; за этим разда-

вателем вина до сих пор сохранилось название «h а р х а ш и-ө б ө г ө н» или «h а б а ш и-ө б ө г ө н», хотя теперь это уже не постоянная должность и ее может исполнять всякий. Во всех обычаях и в сохранении названий h а р х а ш и-ө б ө г ө н или h а б а ш и-ө б ө г ө н нельзя не заметить остатков давно минувшего массового общинного скотоводства.

Мясо убитого скота тоже делили между собою поровну, так же поступали и с кожами.

По-видимому, во время массового скотоводства появились так называемые белые шаманы (с а г а н и-б ө) и белые шаманки (с а г а н и о д ё г о н) — на месте прежних гордых шаманов-начальников, которые в этот период получили название черных шаманов (х а р а й н б ө) и черных шаманок (х а р а й н о д ё г о н).

Белые шаманы и шаманки вполне подчинялись условиям новой жизни наравне с простыми бурятами периода массового общинного скотоводства. Они подчинялись һүнши-нойону и прочим родовым представителям, от которых получали разрешение посвящаться в шаманский сан, даже в высший, тогда как прежде такое разрешение получалось от главного шамана-галши.

Вследствие такого подчинения шаманов и шаманок һүнши-нойону и прочим родовым представителям в шаманских посвящениях появились почетные лица — һ у н ш и-н о й о н ы, т у р г э ш и х а т а н ы, разные өбөгөны, которым вновь посвящаемые шаманы и шаманки кланялись в ноги и которых угощали в знак подчинения и верности. Прежние всеильные и гордые шаманы и шаманки потеряли свое значение в описанный нами период.

Прежние шаманы составляли особый, высший класс общества, который, кроме религиозного, пользовался громадным политическим влиянием. Шаман был и воином, и охотником, и предсказателем, и судьей. Шаманы посвящали новых лиц в свой сан, никого не спрашивая, кроме членов своей касты, в которой приобрести влияние постороннему человеку, без связей в шаманской корпорации, было крайне трудно. Шаманское звание часто передавалось по наследству. И теперь, говоря о достоинстве какого-нибудь шамана, перечисляют, сколько у него в роду было поколений шаманов, какой у него шаманский корень. Во время же общинно-скотоводческого периода нужно было до посвящения получить на него разрешение от общества. Кандидат в шаманы должен был кланяться и упрашивать һүнши-нойона и родовых представителей, чтобы получить право на посвящение. Вероятно, эта победа светских людей над жрецами обошлась дорого народу. Появление белых шаманов указывает, что борьба была упорная. Старинные шаманы не

* Его называли также h а б а ш и-ө б ө г ө н (h а б а — кожаная посуда, в которую собиралось молоко; у киргиз с а б а — кожаный мешок для молока).

уступали требованиям светского общества. Это, вероятно, и навело бурят на мысль бороться против жрецов их же оружием, и они создали новый, свой шаманский корпус, который согласился подчинить себя светской власти.

Во время самого посвящения кандидаты в шаманы принуждены были давать своему народу присягу, в которой они обещали не делать людям ничего худого, ездить ко всем по приглашению, как к бедным, так и к богатым, и не брать много за труды. Все эти требования указывают, что прежние гордые жрецы и жрицы не церемонились с простыми бурятами, и новое светское управление нашло нужным ограничить властолюбие, алчность и произвол древних шаманов.

Прежние шаманы-начальники зэгэтэ-аба были изгнаны из среды общества со своими сыновьями и дочерьми и одиноко доживали свой век. Некоторые из них, впрочем, с небольшим числом зэгэтэ-облавыщиков удалились в глубь лесов и дебрей тайги и безвестно, всеми оставленные, доживали последние дни своего существования.

В период массового общинного скотоводства, вследствие изменения условий жизни, изменялись и религиозные обряды. Белые шаманы и шаманки были представителями добра и производили себя от западных тэнгриев, ханов и прочих заянов. Они были представителями западного и доброго заяна, а потому заботились о людях, которым старались делать добро и искоренять зло; поэтому белые шаманы и шаманки были добрыми гениями для людей, которые любили их и почитали.

Белые шаманы и шаманки, по обычаю, ездили на белых конях и в белой одежде, в знак чистоты и добра. Белые шаманы и шаманки совершали только религиозные обряды — тайлганы разным добрым западным заянам, а черным восточным заянам не делали никаких жертвоприношений, не чествовали их религиозными церемониями. После появления белых шаманов и шаманок человеческие жертвоприношения понемногу стали выводиться, и вместо людей приносили в жертву домашних животных.

В зэгэтэ-аба религиозные жертвоприношения делали мясом убитых зверей; пойманных живыми во время облавы зверей иногда посвящали богам: на ушах делали тавра и отпускали на волю.

В период массового общинного скотоводства условия жизни изменились: главным занятием бурят сделалось скотоводство, которое доставляло пищевые продукты — молоко и мясо. Благосостояние бурят измерялось количеством скота и получаемых от него молочных продуктов.

В эту же пору, при разных религиозных обрядах, вошло в употребление молоко как главный пищевой продукт. Нередко совершали религиозные обряды

одной молочной пищей, а также жертвоприношения (т а й л г а н ы) и другие обряды покровительствующим добрым западным тэнгриам, уһан-ханам и прочим добрым заянам. Восточным же тэнгриам, черным и злым заянам жертвоприношений молочными продуктами не делалось, что и до сих пор сохранилось среди бурят.

В религиозных обрядах — т а й л г а н а х, х у р а я х, посвящениях шаманов и других обрядах молочная пища употреблялась следующим образом: когда кончится с а с а л и б а р ь х а (возлияния) и заколют жертвенных животных, наступает очередь молочной пищи, которою делают приношение богам, а затем едят эту освященную молочную пищу; потом уже приступают к употреблению мяса жертвенных животных. Во время зэгэтэ-аба, по-видимому, обряды разделялись на две части — с а с а л и б а р ь х а и употребление мяса жертвенных животных, а во время общинного скотоводства совершались три церемонии: первая состояла в предварительных действиях и с а с а л и б а р ь х а, вторая состояла из молочной трапезы, а в конце ели мясо жертвенных животных.

В период массового общинного скотоводства мало-помалу вошло в обычное совершать религиозные обряды разными домашними животными, которых буряты тоже посвящали своим заянам вместо диких зверей, как практиковалось во время всенародной зэгэтэ-аба¹.

Тогда же некоторые общественные религиозные обряды — тайлганы и другие начали совершать светские начальники — һүнши-нойоны: таким образом, они до некоторой степени заменяли собою главного жреца шаманагалши. Этот обычай сохранился до сих пор: ныне некоторые тайлганы и простые домашние религиозные обряды совершают светские люди — опытные старики, хорошо знающие ритуал, а не шаманы, как делалось прежде.

Постепенно общинное скотоводство разрасталось, так как оно увеличивалось не только путем приплода, но и путем угона скота у соседей и обмена звериных шкур на скот. Таким образом, благодаря росту общинного скотоводства, число разного скота дошло до таких размеров, что зимних пастбищ не хватало для прокормления всей массы имевшегося скота в одном месте. Это обстоятельство вызвало необходимость разделить общинный скот на отдельные части и приискивать для него особые пастбища. Разумеется, раздел

¹ Посвящение домашних животных богам сильно развито между шаманствующими племенами Азии. Посвященное животное носит у монголов название *сетертей*, у минусинских татар *изых*, у сойотов *идых*.

этот должен был быть согласован с требованиями родового быта, т.е. общий табун был разделен между родовыми группами. Кроме невозможности пасти громадные массы скота вместе, явились и другие затруднения в ведении общего хозяйства целым племенем. Мы уже упоминали, что при общинном или племенном скотоводстве ежедневно распределялась пища. Удовлетворить своевременно пищей целое племя было крайне затруднительно. Кроме того, было донельзя трудно и даже невозможно при таком образе жизни избежать ежедневных споров, нареканий и ссор. Все это вызвало необходимость разбиться на отдельные группы вместо племенной артели, удовлетворявшей потребностям всего народа, — разбиться на группы, по родам, выбирая удобные, хотя не обширные, пастбища. Считаю нужным напомнить, что, несмотря на племенное хозяйство, каждый род составлял отдельную единицу. Браки внутри рода не допускались.

Поселившись на этих удобных местах, буряты занимались скотоводством, звероловством и рыболовством, причем скотоводство было главным занятием, а звероловство и рыболовство служили только подсобным промыслом. Зэгэтэ-аба сохранилась и в этом периоде, но она сильно измельчала, так как облава делалась теперь одним родом. Впрочем, малочисленные роды, сознавая недостаток своих сил для сбора самостоятельной облавы, входили в соглашение с другими родами и, таким путем, вместе устраивали облаву, но это было только слабым намеком на всенародные грандиозные зэгэтэ-аба былых времен, с целой армией обученных и привычных облавщиков.

В первое время эти маленькие роды нападали друг на друга, угоняли скот и похищали женщин; вследствие этого между маленькими родами возгоралась вражда, и дело нередко доходило до вооруженных столкновений. Кроме того, иногда большие роды обижали маленькие, но против этого зла найдено было лекарство: между маленькими родами появились родовые союзы, и они общими силами защищались от больших и сильных родов.

Убедившись, что в единении — сила, в эти родовые союзы входили некоторые большие роды; таким образом постепенно образовались родовые союзы и родовые суды, на которых собирались представители от каждого рода, судили провинившихся и мирили поссорившихся. После суда родовой съезд заканчивался увеселениями и праздником: устраивали стрельбу в цель, борьбу, скачки и бега рысаков. Эти судебные съезды не всегда проходили гладко, и порой суд оканчивался кровавыми драками и взаимными военными набегами. Остатки этих маленьких родовых союзов и судов до сих пор наблюдаются у бурят Иркутского и Верхоленского уездов, живущих по Якутскому

тракту; у этих бурят до сих пор существует так называемый «*h у р х а р б а х а*», по-русски – стрельба в ремень¹ или стрельба в мету.

Эта сохранившаяся кое-где стрельба целыми обществами представляет собою остаток седой старины. Такие упражнения в стрельбе процветали во время племенной зэгэтэ-аба, они удержались во время периода общенародного скотоводства и после разделения племени по родам. В памяти народа еще живы предания о родовых междуусобиях, и народ выразил свои взгляды на эти неурядицы в следующей весьма характерной поговорке:

Хуни шуһан хундэ,	Человеческая кровь дорога,
Адуһани шуһан амтатай,	А кровь скота вкусна.

Хотя при скотоводстве зэгэтэ-аба имела уже только второстепенное значение, но забросить ее совершенно не решались. Видя слабую продуктивность малочисленных облав, родовичи пришли к мысли соединить несколько родов для охоты. Облавы этого периода уже можно приурочить к известным местностям: так, в народных сказаниях упоминаются облавы тайтуругская, хэрмейская, бодорегская, бурятская, упоминаются и другие местности, но редко. Вообще, когда буряты обзавелись скотом, когда мало-помалу родовое скотоводство дробилось и приближалось к семейному, облавы постепенно превращались в развлечение, и съезжались на них неохотно. Достоинно замечания, что в преданиях об облавах этого периода не упоминается об участии шаманов. О черных шаманах, некогда столь могущественных, не могло быть и речи. Они потеряли совершенно свое политическое значение; но религиозное осталось за ними. От них сторонились как от слуг враждебных зайнов и тэнгриев. Белые же шаманы, безобидные служители западных тэнгриев, не имели такого авторитета, как черные, так как они подчинялись светской родовой власти.

Черные шаманы и шаманки совершали иногда служение восточным тэнгриям, но это делалось редко, так как сопряжено было с серьезной опасностью для шаманов, исполнителей этих обрядов. Если распространялся слух, что какие-нибудь черные шаманы и шаманки «напускали на людей болезнь» или «съели у кого-нибудь душу», то они подвергались суду народному, который в этих случаях редко кого оправдывал, а обвиненного им подвергали страшной казни. Шамана или шаманку ставили вниз головой в нарочно вырытую

¹ Собственно, не в ремень, а в сплетенные из ремешков цилиндрики, которые выставляют на известном расстоянии (60 раз взятая длина лука).

² См. мою статью: «Национальный праздник – стрельба у бурят» в «Известиях Восточно-Сибирского Отдела Импер. Русского Геогр. Общ.» том XI, № 3–4, 1880 г., стр. 30.

яму, прижимая лицо к земле, и засыпали землю для того, чтобы ни одна из душ шамана или шаманки не вырвалась на волю и не получила возможности вредить людям. В этот период черные шаманы и шаманки жили от общества бурят отдельно. Белые шаманы и шаманки как защитники и доброжелатели народа жили в среде бурят и пользовались уважением и любовью.

Маленькое родовое скотоводство размножилось через приплод; кроме того, многие родовые представители угоняли из Монголии разный скот и пригоняли добычу домой; иногда приобретали скот из Монголии через обмен на звериные шкуры. Таким образом, скотоводство увеличилось, и многие отдельные лица уже имели свое собственное скотоводство; вследствие этого маленькое родовое скотоводство постепенно падало, так же, как раньше подверглось измельчению массовое общинное скотоводство. У каждого отдельного домохозяина завелось свое личное семейное скотоводство; это была уже в полной мере частная собственность.

Теперь уже буряты не так нуждались в зверином мясе и кожах, как прежде, а потому не каждый выезжал на маленькую родовую зэгэтэ-аба, и на нее собиралось мало народа; руководителями были свои местные опытные охотники из родовых представителей, имена которых упоминаются в народных преданиях, например: сын Габахая Номокши, Шошки-мэргэн, Егсон-мэргэн, Идер-Нашин-Шитухэ, Энхэ-мэргэн и другие. В честь их пелись песни, в которых хвалили их как метких, славных стрелков и предводителей.

Эти маленькие облавы, потерявшие свое экономическое значение, мало привлекали к себе желающих. С разведением скотоводства бурят мало-помалу привыкал к дому, к удобствам. На облаву он выезжал только для развлечения. Рядом с этим увеличилось число одиночных охотников, малыми артелями ходивших на промысел, главным образом, за пушниной, которая дорого стала цениться русскими и требовалась в ясак. Маленькие облавы существовали еще в конце прошлого столетия и, преимущественно, против волков. В этом сказался уже скотовод, а не охотник: он истреблял вредных для стад животных. Кроме того, весной устраивали так называемую «хашинха» на козуль. В эту пору при общественных религиозных обрядах — тайлганах и других церемониях — стали делать жертвоприношения исключительно домашними животными, в которых тогда не было недостатка.

В этот период времени сильно развивались частные религиозные обряды от одного семейства, и каждый отдельный домохозяин старался завести своих собственных онгонов, как это наблюдается у нынешних бурят. В прежнее

время один целый род имел общего онгона, которому молились и совершали жертвоприношения от целого общества домашними животными; такие родовые онгоны теперь исчезли. Когда буряты сделались скотоводами и жили небольшими обществами на удобных для скотоводства местах, в это время появились русские казаки.

* * *

Скажем несколько слов о судьбе облавы у бурят забайкальских. Уже приведенное нами из Палласа описание облавы указывает на начавшееся разложение ее, и там оно шло быстрее, чем у добайкальских бурят. У последних зэгэтэ-аба вымерла благодаря развитию хозяйственного быта, у забайкальцев же аба-хайдак имела еще другого, сильного противника. Он был сильнее других потому, что затрагивал нравственные мотивы бурят. Со времен Екатерины II в Забайкалье начал быстро развиваться буддизм, и ламы гремели в своих проповедях против истребления одушевленных существ. Это, конечно, сильно смущало совесть буддиста.

Впрочем, облавы в мизерных размерах еще существовали в Забайкалье в девяностых годах прошлого столетия благодаря поощрению этого занятия тайшой Жианом Бодиевым.

Ламам хорошо говорить о грехе убийства живых существ, но ведь так мы превратимся в беспомощных детей, на случай нашествия врага не сможем оказать никакого противодействия; а мы умели отбиваться от монголов, когда они еще не утратили своих воинственных привычек. Да, уж если нельзя убивать живых существ, то тогда не бейте домашнего скота. Это хуже, чем убить зверя. Не всякий зверь убивается. Убить зверя — случай, а мы растим скот и знаем, что растим его на убой.

Насколько повлияли эти суждения на бурят, неизвестно, но после смерти Бодиева об облавах нет никаких слухов.

Впоследствии явился у бурят новый способ промысла — земледелие. Уже в XVIII столетии буряты доставляли по 10000 четвертей ржи на продажу в Иркутск. Овес в Иркутске получается, главным образом, из Балаганского уезда, где имеется значительное бурятское население. Не все буряты и теперь занимаются земледелием, но там, где они возделывают хлеба, — возделывают мастерски. У них везде, где только есть возможность, применяется искусственное орошение; рядом с этим идет и удобрение лугов. Считать всех бурят кочевниками, — значит аттестовать свое полное незнание бурятского хозяйства. Кочевание практикуется только на севере, где хлеб не вызревает, и на юге, в пограничных с Монголией степях.

ЗЭГЭТЭ-АБА У КУДИНСКИХ БУРЯТ

У нынешних кудинских бурят, живущих по Якутскому тракту в Иркутской губернии, бывают так называемые а б а, т. е. по-русски «облава на зверей».

Эта облава у кудинских бурят существует с давних времен и, наверное, заимствована от прежних зэгэтэ-аба, т. е. нынешние облавы не что иное, как отголосок прежних колоссальных зэгэтэ-аба.

О прежних зэгэтэ-аба в народных преданиях упоминается смутно и отрывочно, но они все же свидетельствуют о многочисленности участвовавших в них: нередко количество участников облавы доходило до нескольких тысяч человек. Они охотились общими силами и убитых во время охоты зверей делили затем поровну между собою. О действительном существовании зэгэтэ-аба свидетельствуют следующие народные устные предания: Булагат женился на дочери Халык-хана во время зэгэтэ-аба; сын Булагата – Тоглок последнюю свою жену похитил во время зэгэтэ-аба из племени сэгэнутов. От этой жены впоследствии родился Ашехабад. По словам предания праотцы нынешних ользоновских и баяндайских бурят Верхоленского ведомства были убиты дома участниками зэгэтэ-аба, в количестве 400 человек, увезших затем жен убитых, но некоторые, в свою очередь, убежали от убийц и вернулись домой.

Хотя приведенные примеры относятся к области легендарных народных преданий, которыми изобилует каждая народность, но все же они свидетельствуют о существовании когда-то зэгэтэ-аба.

Такие же указания имеются в преданиях балаганских бурят и других.

По всей вероятности, зэгэтэ-аба была заимствована бурятами с их первобытной родины, где они добывали себе пищу совместной охотой на больших опасных зверей в тайге. Предки нынешних бурят, покинув свою первобытную родину и поселившись в местах, где они обитают и поныне, т. е. в Иркутской губернии, стали общими силами охотиться и на новой родине, так как она тоже изобиловала зверями.

Может быть и так, что во время одной из зэгэтэ-аба буряты, увлекаемые обилием зверей, пришли в ту местность, где они живут и сейчас. Есть предания, что предки нынешних бурят, кроме скотоводства, которое было плохо развито и не могло удовлетворить их потребностей, занимались также звероловством и рыболовством, бывшими их основными занятиями и обильно вознаграждавшими их труды. Именно поэтому предки нынешних бурят жили в лесистых местах, где водилось множество зверей, а также около озер и рек, изобиловавших рыбой. Следовательно, они не имели постоянного местожительства, а скитались по разным местам, где только встречались звери и имелась рыба.

Такой образ жизни и трудности охоты в одиночку приучили их охотиться сообща, артельно. Таким образом они помогали друг другу и совместно преодолевали опасности жизни охотника. Это и вызвало образование зэгэтэ-аба, ставшей впоследствии очень многолюдной из-за большого числа участников.

Слово зэгэтэ-аба состоит из двух слов. Зэгэтэ происходит от з э г э н, что по-русски значит «росомаха» и от а б а – «облава». Следовательно, все сочетание будет по-русски «облава на росомах», которые считались сильными и опасными зверями. Эта опасность, следовательно, и приучила их охотиться на больших зверей артелями. В подобных артельных охотах, в погоне за зверями они отвлекались в места далеко от их первоначальной родины и пребывали там продолжительное время; уходили, по-видимому, и на север, в нынешнюю Иркутскую губернию. Иногда они возвращались на старое местожительство, а иногда оставались жить на новом месте, если новая родина казалась им лучше, чем старая.

По словам предания, в зэгэтэ-аба участвовало иногда по несколько тысяч людей. Иногда, в благоприятное для охоты время, несколько таких зэгэтэ-аба соединялись вместе и образовывали громадные полчища, которые на своем пути нападали на более слабых, вытесняли их с мест жительства, или же покоряли их и облагали данью, или же смешивались с ними в одну зэгэтэ-аба. Таким образом зэгэтэ-аба увеличивалась до громадных размеров.

Иногда между такими зэгэтэ-аба возникали споры и даже междоусобные войны и были они не в редкости. Споры и войны имели основой разные причины: иногда за выгодные места, на которых водились звери, иногда из-за похищения друг у друга женщин. Особенно кровопролитными были последние, во время которых сильные уничтожали более слабых и завладевали их домом, женами и дочерьми. Войны эти кончались громадными потерями для обеих сторон. Иной раз слабые сливались после войны в одно целое с победителями

или же спасались бегством и уходили в более отдаленные места, преследуемые победителями, и спокойно продолжали свои охотничьи занятия.

В этих отдаленных местностях зэгэтэ-облавы встречались иной раз с коренным местным населением, отстаивавшим свои права и оказывавшим сопротивление пришельцам. Они были вынуждены в результате войны, в свою очередь, уходить в новые места, или покоряться пришельцам. В этих местностях до сих пор изредка находят множество орудий: наконечники стрел, копий, ножи и другие предметы, встречаются даже части доспехов. Например, в Кудинском инородческом ведомстве в дачах харанутского рода, называемых бурятами Хара-Угунё, находят и выкапывают из земли вышеперечисленные орудия и части доспехов, также изредка и в других ведомствах. Этому были примеры и в Балаганском инородческом ведомстве в дачах ной-отского рода. Там, кроме орудий, находят и домашнюю утварь: кое-что из посуды, так называемые «толи»¹ — металлические блюда, а также металлическое изображение человека, вылитое из бронзы, которое, по словам бурят, находится в Аларском дацане. В Идинском инородческом ведомстве был найден слиток серебра весом около фунта. Он имел четырехугольную продолговатую форму с врубом в середине до половины, чем кусок делился на две почти равные части. На одной стороне находилось или изображение, или надпись — этого мне не могли объяснить. Такой же кусок серебра был найден в Кудинском ведомстве в ашехабатском роде. По словам рассказчика, он имел форму и величину кирпича чая с изображениями на обеих сторонах. Из этого серебра сделаны женские браслеты.

Таким образом, мы считаем, что предки нынешних бурят, придя, следуя с охотой, в места, где ныне живут потомки, т. е. в пределы нынешней Иркутской губернии, поселились здесь и занимались первое время звероловством и охотой. По-видимому, они стали заниматься и скотоводством, которое сперва было развито очень плохо и в малых размерах. Скотоводство это, бывшее новым промыслом, постепенно стало улучшаться и все лучше обеспечивало занимающихся им. Звероловство и рыболовство становились подсобными промыслами. Это новое хозяйство требовало все большего ухода и волей-неволей заставляло пренебрегать охотой. Она уже не носит такого массового характера, женщины и дети перестают принимать в ней участие, их удерживает домашнее хозяйство. Зэгэтэ-аба не имеет уже такого размаха и занимает меньшее время. Облавной охоте отводится лишь свободное время. Прекра-

¹ Толи — не металлические блюда, а металлические зеркала китайского производства. Г.Р.

щаются кровопролитные междоусобные войны, буряты переходят постепенно к мирной и спокойной жизни.

У кудинских бурят и ныне еще существуют облавы, именуемые зэгэтэ-аба. Таких общественных облав в Кудинском инородческом ведомстве несколько. Вкратце о них можно сказать следующее.

Охоты эти бывают преимущественно весной, когда становится теплее и дни делаются длиннее. В облавах участвует несколько родов.

Во время суглана назначается для охоты определенный день, по обычаю бурят – во время новолуния или полнолуния. В этот день участвующие должны собраться в определенном месте. Облава, по договоренности, может производиться весной, ежегодно, но может производиться и один раз в несколько лет. Многолюдность зэгэтэ-аба зависит от числа участвующих родов, причем от каждого рода входит определенное число лиц. Общий порядок таков – от каждых десяти человек выходит один конный, то есть, если в роде 400–600 душ, то выходят 40–60 конных. Назначенные и невышедшие подвергаются наказанию в виде штрафа. Желających участвовать в зэгэтэ-аба может быть сколько угодно, на это запрещения нет, меньше назначенного числа не может быть. Бедные люди, не имеющие лошадей, входя в счет десяти душ, не обязаны участвовать в зэгэтэ-аба, но обычно в числе десяти всегда есть имеющий лошадь.

Еще при суглане, при назначении дня зэгэтэ-облавы, выбирают начальников, так называемых м а л г а й, которым подчиняется 20 человек. Такой «м а л г а й» (в буквальном переводе на русский язык «шапка») следит за выходом своих подчиненных на облаву и за отсутствующих подвергается взысканию. Ему его «двадцатка» беспрекословно подчиняется, а на нарушителей порядка и дисциплины накладывается строгое наказание.

О БУРЯТАХ, НАСЕЛЯЮЩИХ ИРКУТСКУЮ ГУБЕРНИЮ

**Каких они племен и чем занимаются в настоящее время,
а также чем занимались прежде**

Нынешнюю Иркутскую губернию населяют буряты, которые состоят из двух больших племен — булагатов и эхиритов. Среди них живет множество других больших и малых племен, часть которых совершенно слилась с этими большими племенами булагатов и эхиритов, а часть живет в отдельных местах, составляя отдельные роды, как например, хангинцы, шарты, икинаты, зунгарцы, нойоты, бузагаты, ашехабаты, хирбиты и прочие. Таких мелких племен между бурятами Иркутской губернии очень много. Два больших племени — булагаты и эхириты — в настоящее время живут в разных местах: булагаты — в Балаганском и Иркутском уездах, а эхириты — в Верхоленском уезде. Таким образом, эти два племени живут друг от друга особняком. Из старинных народных преданий видно, что, может быть, буряты из племени булагатов и эхиритов в прежнее время составляли одну большую общинную зэгэтэ-аба, а потом по каким-то причинам разделились на две большие общинные зэгэтэ-аба, поселились в разных местностях и стали враждебно относиться друг к другу.

Приход русских казаков застал булагатов живущими по рекам Ангаре и Оке, а эхиритов — по реке Лене и около озера Байкал. В этих местностях они и подчинились русским казакам и начали платить им дань звериными шкурами. Оба эти племени к приходу русских казаков уже были скотоводами, занимались частным скотоводством и у них было родовое управление. В этот период буряты еще охотились в родовых зэгэтэ-аба под управлением родовых представителей, которые были галшами, тобшами, газаршами, захулами, малгайшами и прочими. В этот самый период и прибыли русские казаки, подчинившие себе бурят, из которых многие ушли на южную сторону озера

Байкал и в Монголию, с которой северо-байкальские буряты уже имели сношения и обмен товарами (звериные шкурки, скот).

После наступления периода частного скотоводства каждое отдельное семейство обзавелось собственным скотом и хозяйством, которым и занималось самостоятельно, не завися от целого рода. В это время прежние буряты-охотники уже полностью стали скотоводами, так как скотоводство обеспечивало их хорошей и питательной едой, теплой одеждой и обувью. Некоторые сильные и многолюдные роды, преимущественно занимавшиеся скотоводством, придерживались по обычаю и звероловства и рыболовства, как вспомогательных промыслов. Слабые и малолюдные племена, которые были вытеснены на менее удобные места и в тайгу, по-прежнему занимались звероловством и рыболовством, потому что имели мало скота, так как не могли его держать много по местным условиям. Так, постепенно, прежние буряты группировались и жили по разным местам целыми родами. В период частного скотоводства прежние буряты управлялись родовыми представителями, немного позднее была попытка создания ханства, например, при сыновьях Болота из племени булагатов. Последний имел трех сыновей. Старший сын Болота по имени Олзой называл себя ханом, по-бурятски Олзой-хан. Он занял местность от устья Унги до горы Хатхая. В тот период это было самое удобное для скотоводства место. Средний сын Болота Хульмет занял южную сторону Унги от верховьев ее до Ангары, а младший сын Муруй занял южную сторону Унги от ее верховьев также до Ангары. Так они и разделили между собою землю своего отца Болота. На этих местах ныне живут олзоевские, кульметские и муруевские роды. Между ними есть и другие небольшие роды, живущие обособленно: шаратский, онгоевский, икинатский и прочие. Другие малочисленные племена смешались с олзоевскими, кульметскими и муруевскими родами и живут, составляя с ними один род.

В Бильчирском ведомстве живут буряты от трех братьев, сыновей Обогона: старшего – Хогоя, среднего – Онхотоя и младшего – Онгоя, и между ними также живут малочисленные племена, как и в Унгинском ведомстве. Таким образом, каждое отдельное бурятское ведомство состоит из одного большого племени и нескольких мелких, живущих или самостоятельно, или слившись в один род с более крупными.

Таким образом, легко можно установить деление племен всех бурятских ведомств Иркутской губернии на отдельные роды, то есть проследить, как когда-то один большой род распался на более мелкие. Пример этому

Унгинское ведомство, где когда-то одним большим родом управлял Болот, родоначальник. Как было сказано выше, этот большой род распался на три – олзоевский, кульметский и муруевский, в свою очередь, распавшиеся на более мелкие роды. Олзоевский род разделился на два: первый олзоевский и второй олзоевский; кульметский – также на два, первый и второй; муруевский – на несколько. Бывшее большое Балаганское ведомство разделилось ныне на Унгинское, Нельхайское и Зунгаро-Быкотское; бывшее Идинское ведомство – на Бильчирское, Улейское, Молькинское, Кахинское, Боханское и Укырское. Часть бывшего Идинского ведомства до 1856 года принадлежала бывшему Балаганскому ведомству, например, нынешние Молькинское, Улейское и часть Бильчирского. Бывшее Аларское ведомство ныне разделилось на Аларское, Куйтинское и Ныгдинское. Все вышеупомянутые бурятские ведомства находятся в Балаганском уезде.

Другие бурятские ведомства Иркутского уезда: Китойское ведомство осталось по-прежнему. Бывшее Тункинское ведомство разделилось на Харибятское, Хойморское и Торогское и еще на два отдельных небольших общества – Окинское и Мондинское, Капсальское ведомство осталось по-прежнему. Бывшее Кудинское ведомство разделилось на Кудинское, Абаганатское, Ординское и Курумчинское и еще на берегу Байкала есть отдельное небольшое общество. Все вышеперечисленные бурятские ведомства и отдельные общества состоят, главным образом, из племени булагатов.

Родоначальник Булагат имел одного сына – Тоглока, имевшего, в свою очередь, семь сыновей, от которых, будто бы, и произошли все вышеупомянутые бурятские ведомства и отдельные общества. Младший сын Тоглока Ашехабат не составил отдельного ведомства. Шесть сыновей Ашехабата разошлись по разным местам, убив старшего брата Ботая.

Все буряты этих ведомств и отдельных обществ в прежнее время составляли один большой род, сообща делали зэгэтэ-аба и позднее имели общее родовое скотоводство. Затем они распались на большие роды, как нынешние ведомства, а потом разделились на мелкие роды, как и нынешние роды.

Племя эхиритов составляло прежде несколько ведомств – Верхоленское, Ольхонское и Ленское. Бывшее Верхоленское ведомство ныне разделилось на Олзоновское, Верхне-Кудинское, Баяндаевское и Хоготское. Бывшее Ольхонское – на Яланцинское и Кутульское, бывшее Ленское – на Ленское, Кырменское и Ангинское и еще какое-то маленькое отдельное общество.

Теперь остаются буряты Нижнеудинского уезда. Они не принадлежат ни к булагатам, ни к эхиритам, а состоят из маленьких отдельных племен. Поэтому их надо рассмотреть отдельно.

В старинных народных преданиях упоминаются 108 зугайских шаманов и 18 окинских. Можно сделать вывод, что по реке Ангаре, около устья реки Оки, по самой реке Оке и ее притокам жили буряты, принадлежавшие к различным племенам. Из этих же преданий видно, что самым многочисленным и сильным племенем были и к и н а т ы, жившие по упомянутым рекам в пределах нынешнего Нижнеудинского уезда, в местности Зуга. Сильные племена заняли хорошие и удобные для скотоводства, звероловства и рыболовства земли по рекам Ангаре и Оке, оттеснив более слабые племена в таежные места, где им приходилось заниматься, главным образом, охотой и рыболовством. Некоторые из них совершенно не имели скота, так как пасти его было негде.

Буряты, живущие на Ангаре, около устья реки Оки, первыми встретились с русскими казаками и вступили с ними в борьбу, но не могли устоять против огнестрельного оружия. Во время столкновения были убиты их предводитель Саган-батор и шаманы, и поэтому буряты убежали и пришли к унгинским бурятам, среди которых и поселились. Ныне икинаты живут в Унгинском и Нельхайском ведомствах, составляя несколько отдельных родов. Прочие племена удалились вверх, по реке Оке и по ее притокам вглубь тайги и долго здесь жили независимо и не платили дани русским казакам.

Когда пришли русские казаки, то буряты, жившие на открытых местах, были уже полными скотоводами, но занимались также охотой и рыболовством. Встретились они с казаками в двух местах: нижнеудинские, как мы уже указывали, около реки Оки и на реке Ангаре около нынешнего Братского острога; буряты эхиритского племени встретили русских казаков на реке Лене.

Из старинных народных преданий видно, что в это время шаманы и шаманки были только духовными лицами и имели мало значения в общественных делах. Они постепенно покорились родовым представителям и родовым обществам, среди которых жили. Некоторые сильные черные шаманы и шаманки с небольшим числом родовичей жили на окраинах в лесистых местах, в тайге, и по-прежнему занимались охотой и рыболовством, но уже имели небольшое количество скота, например, хозяин местности Уля (ныне Александровский завод) — черный шаман Хохор Хара Зулша, хозяин Зимы — черная шаманка Хали Хото, шаманка Мудай и проч.

После прихода русских казаков некоторые здешние буряты переехали на южную сторону Байкала и даже в Монголию. Часть из них потом возвращалась обратно на свои старые места. Вообще, в это время наблюдается сильное движение бурят с одного места на другое, но два больших племени, булагаты и эхириты, оставались на тех же местах, где они жили и раньше. Маленькие же племена приходили и уходили, а затем плотно поселились на этих местах и платили дань русским звериными шкурками.

В первое время подчинение выражалось только в уплате дани звериными шкурками, а внутреннее управление у бурят осталось по-прежнему родовое. Родовые представители собирали дань и передавали ее русским.

Постепенно буряты оставили междоусобные столкновения, перестали угонять друг от друга скот и похищать женщин и девушек. Родовые и местные зэгэтэ-аба также прекратились, основным занятием стало скотоводство. Лишь по местным условиям, там, где скотоводство не обеспечивало, существовали подсобные промыслы в виде охоты и рыболовства. Например, яланцинские и кутульские буряты до сих пор занимаются на Байкале рыболовством, а буряты Нижнеудинского уезда до сих пор таежные охотники.

Следовало бы обратить внимание на жилища прежних бурят, в которых они жили до прихода русских. Прежние буряты, в период общинной зэгэтэ-аба, жили, бесспорно, в конусообразных шалашах (бухэг), которые в зимнее время покрывались сшитыми звериными шкурами, а в летнее время — берестой. Позднее, в период большого общинного скотоводства, малого родового скотоводства и в начале частного скотоводства мы видим конусообразные жилища, сделанные из войлока. Но в это время начали появляться и другие жилища, что видно из старинных народных преданий и из шаманских призываний. Эти жилища назывались урса гэр и тор могэр. Урса гэр было конусообразной формы, как и старое жилище бухэг, а тормо гэр было темное жилище вроде землянки, в зимнее время в нем было жить тепло. Из каких материалов делались тормо гэр, трудно установить, но имеются слабые намеки на то, что до прихода русских жилища были деревянные дощатые и конусообразные, которые устраивались следующим образом. Землю выкапывали не очень глубоко, а потом в яму вкапывали четыре столба (тынга), на которые клали поперечины (хараса) и к ним прислоняли доски. Концы досок находились в яме. Жилище получалось широкое снизу и узкое, кону-

сообразное сверху. На самом верху оставляли дыру (о р х о) для выхода дыма. Это жилище снаружи заваливали землей доверху, а внутри разводили огонь.

В тех местах, где до прихода русских казаков жили буряты племени икинатов, до сих пор сохранились столбы от таких юрт и столбы от снаряда для выделки кож э р г л г э. Интересно было бы побывать в этих местах и посмотреть на эти остатки от прежних бурятских жилищ, а также собрать на шаманских местах железные и медные остатки от оргоев и прочих предметов. Они послужили бы ключом для разъяснения и были бы хорошими коллекциями для науки. Интересно также было бы посмотреть на изображения на скалах.

Постепенно за казаками потянулись горожане-промышленники и крестьяне-земледельцы. Первые поселялись во вновь построенных острогах и городах, а крестьяне стали занимать свободные и удобные для них земли. Русские поселенцы сперва поселились по берегу реки Ангары, которая в летнее время служила единственным путем сообщения с Западной Сибирью, а затем начали селиться и в других местах. После проведения Московского тракта крестьяне стали селиться по тракту. Таким образом, постепенно, увеличивается русское население на бурятских землях. Русские поселенцы старались селиться на удобных для хлебопашества местах. Таким образом, они постепенно захватили все удобные места как для хлебопашества, так и покрытые строевым лесом, в которых в то время не было недостатка. Коренные жители, буряты, постепенно вытеснялись русскими переселенцами и сосредотачивались на открытых степных, удобных для скотоводства местах, — хлебопашеством они в то время не занимались. Бурятские земли постепенно стеснялись со всех сторон русскими поселенцами, которые строили все новые деревни и заимки. Бурятский скот не мог по-прежнему привольно и свободно пастись, так как русские переселенцы препятствовали этому, ведь скот, пасясь на разных местах, травил хлеб и покосы. Вследствие этого между русскими и бурятами возникали споры за места. Буряты как коренные жители настаивали на том, что земля принадлежит им, а поэтому они могут пасти свой скот, где им удобно; русские поселенцы заявляли свои права на землю. Споры и жалобы привели к тому, что русским отвели земли около их деревень, также отвели земли и бурятам, где они могли свободно заниматься скотоводством.

Таким образом, земли у бурят постепенно уменьшались, то есть уменьшались пастбища и скот уже не мог по-прежнему ходить по разным местам. Буряты вынуждены были начать сосредотачиваться в разных местах, — устраивать зимники и летники, а прежние «осенники» (н а м а р ж а н) и «весен-

ники» (х а б а р ж а н) оставить по недостатку земли. Буряты в зимниках косили и заготавливали корм для скота на зиму и зимою в этих зимниках жили, а в летниках жили уже только в летнее время. Зимники буряты были вынуждены огораживать поскотинами, чтобы скот в летнее время не вытаптывал утуги и покосы. Им пришлось постепенно сокращать скотоводство.

Буряты от русских научились строить сперва деревянные юрты, как в зимниках, так и в летниках. Эти деревянные юрты строились сперва по образцу прежних жилищ – круглыми, шести- и восьмиугольными и сверху крылись дранкой. В юртах на зимниках устраивались печи, которые топились зимою, для чего после топки дымовое отверстие закрывалось. В этих юртах делались маленькие окошечки. Затем буряты научились строить амбары, избы и прочее.

Впоследствии буряты постепенно и понемногу начали принимать от русских хлебопашество, начали сеять хлеб. К этому их стало принуждать правительство. Если в каком-либо роде сеяли хлеб, то старост даже награждали медалями. Несмотря на это, главным занятием все же оставалось скотоводство, а для того, чтобы не покупать для себя хлеб, его сеяли, это было вспомогательным занятием для поддержки своего хозяйства. Для себя хлеб, таким образом, не покупали, а излишек, если он был, продавали. Главной же пищей бурят по-прежнему являлись мясо и молочные продукты, хлеба употреблялось мало, как это имеет место и поныне. В Унгинском ведомстве до сих пор есть буряты, которые не сеют хлеба и по-прежнему занимаются только скотоводством. Также занимаются только скотоводством буряты Яланцинского, Кутульского, Верхне-Окинского и прочих ведомств.

Ниже в нескольких словах для наглядности опишу отдельно каждое бурятское ведомство. Буряты Нижнеудинского уезда до сих пор занимаются, главным образом, звероловством и рыболовством, они держат мало скота по сравнению с унгинскими бурятами и хлеба сеют совсем мало. Многие из них и вообще не сеют хлеба. Следовательно, буряты Нижнеудинского уезда до сих пор звероловы и рыболовы, а скотоводство и хлебопашество для них – вспомогательные занятия для поддержания хозяйства. Те буряты Унгинского ведомства, которые живут около тайги и в тайге, до сих пор занимаются звероловством и рыболовством, у них небольшое скотоводство, хлеба они сеют мало. Буряты Унгинского ведомства, живущие по речкам Унге и Залари и вблизи реки Ангары, преимущественно занимаются скотоводством на Унгинской и Заларинской степи; хлеба сеют мало, главным образом для собственного потребления, а излишки его продают. Буряты Унгинского ведомства

со старины славятся как хорошие скотоводы, они и ныне держат скота побольше, чем другие буряты. По отдаленности от тайги совсем не занимаются охотой, а также и рыболовством, так как у них нет рек и озер, богатых рыбой.

Буряты Нельхайского ведомства тоже преимущественно скотоводы, хлебопашество у них — вспомогательное занятие, а не главное. В прежнее время летники нельхайских бурят были расположены по берегу реки Ангары, где и были выпасы, но эти места гористы, каменисты и местами песчаны, травы рождаются плохо. Кроме того, на этих местах растет осока. Если во время ненастья скот ее поест, то начинает бегать и гибнет. Летом скот эту траву ест, но когда буряты колют овец, то внутренности не едят, а бросают. По этой причине почти все буряты забросили летники и летом также живут в зимниках. Если буряты не в состоянии жить в этих местах, то также не могут жить и русские поселенцы. У них не будет ни пашни, ни огородов, ни леса, а скот от травы будет погибать.

Буряты Зунгаро-Быкотского ведомства тоже преимущественно занимаются скотоводством. Если в прежнее время занимаемые ими места были удобными для скотоводства, и солончаки были только местами, то ныне все эти места покрыты солончаками, на которых не растут травы, а местами имеются пески. Песок этот каждый год победоносно шествует вперед, как и в Унгинском ведомстве, в котором буряты шолотского рода принуждены были летники перенести, а уездный город Балаганск от нашествия песка находится в песчаной осаде. Хлебопашество и охота у них — занятия вспомогательные.

Буряты Молькинского ведомства живут по берегу Ангары, а зимники у них немного в стороне. Буряты Молькинского ведомства живут на местах солончаковых и песчаных. В прежнее время эти места были удобны для скотоводства. Буряты эти преимущественно скотоводы, а хлебопашество лишь местами служит вспомогательным занятием. Такое же положение с бурятами Улейского ведомства.

Буряты Бильчирского ведомства, живущие по речкам Осе и Обусе, преимущественно скотоводы, и хлебопашество у них в последнее время падает, потому что старые пашни выпалились, а хороших и удобных мест для новых пашен нет; у них наблюдается земельный кризис. Они начинают пахать покосы, часть общества не позволяет этого делать и у них начинаются споры и тяжбы. У них в прошлое лето, в 1908 г., свирепствовали господа землеустроители-топографы, насильно отрезали участок для переселенцев. Отобрали один участок, на котором находились летники бурят Бильчирского и Улейского ведомств, а другой участок отобрали в местности Большой Орлок, где было до 700 десятин пашни, более 19 заимок. Многие буряты 4-го готольского

и 2-го ирхидеева родов будут разорены в корень произволом господ топографов Соколова и Иконникова. Главное занятие бурят Бильчирского ведомства также скотоводство, а не хлебопашество. Буряты 1-го и 2-го онгоева рода до сих пор таежные охотники, потому что места их неудобны для хлебопашества, они живут в тайге.

Буряты Укырского и Боханского ведомств по местным условиям держат разного скота не особенно много, по сравнению с бурятами других ведомств, и хлеб они сеют в достаточном количестве. Местность, занимаемая ими, гориста и камениста местами и не особенно удобна. Буряты Куйтинского, Аларского и Ныгдинского ведомств тоже преимущественно занимаются скотоводством и по сравнению с русскими крестьянами хлеба сеют мало. Места, занимаемые этими бурятами, лесисты и представляют из себя окраину тайги. Поэтому те буряты, которые живут около тайги, занимаются охотой. В каждом ведомстве они охотятся небольшими артелями. Для бурят этих ведомств и хлебопашество, и охота — занятия вспомогательные, хотя хлеба они сеют несколько больше, чем буряты Унгинского ведомства. Буряты Кудинского, Капсальского, Абаганатского, Курумчинского, Ординского, Верхне-Кудинского и Олзоевского ведомств тоже преимущественно скотоводы. Воровство здесь развито страшно. Здешние буряты не считают грехом украсть друг у друга скот. У некоторых из них скот находится под охраной пастухов, так и то воруют. Скотские дворы и овчарни у них загорожены как крепости, что доказывает, как сильно развито воровство, которое сохранилось еще со старины. На этих местах в старину смежно поселились буряты двух больших племен — булагатского и эхиритского, которые враждовали между собою, угоняли друг у друга скот и похищали женщин. Этот старинный обычай у них сохранился и до сих пор, а у других бурят вывелся. Кроме того, буряты этих ведомств по хорошей цене продают сено в г. Иркутск, этим они занимаются постоянно. Вследствие этого у некоторых бурят сделаны поливные луга и утуги. В основном, они остались скотоводами и хлебопашество у них вспомогательное занятие.

Буряты Баяндаевского, Хоготского, Кырменского и Ленского ведомств преимущественно занимаются скотоводством, и воровство у них развито меньше. У них скот пасется без пастухов. По отдаленности от г. Иркутска продажей сена они не занимаются, хлебопашество у них занятие вспомогательное, для поддержки хозяйства.

Буряты Яланцинского и Кутульского ведомств занимаются скотоводством и рыболовством. Места, занимаемые ими, гористы и каменисты, хороших покосных мест мало. Каждый хозяин городит для себя отдельный покос и загороженное место удобряет навозом. У здешних бурят в зимнее время скот ходит на подножном корму, а вечером собирается на корм домой. Здешние

буряты хлеба почти не сеют. В этих двух ведомствах народонаселение обоего пола около 8000 душ, а сеют едва ли около 40 десятин. Здешние буряты без охоты и рыболовства были бы в безвыходном положении.

Про бурят Ангинского, Китойского и других ведомств писать не буду, так как у них не был, не знаком с местными условиями и не имею о них точных сведений.

Из вышеприведенного видно, что жизнь и занятия бурят разных ведомств зависят от тех условий, в которых они живут, то есть от местности. Живущие на открытых степных местах, удобных для скотоводства, занимаются скотоводством. Буряты, которые живут в лесистых местах, занимаются также скотоводством, но по местным условиям уже в меньшем объеме, а кроме того, охотой и рыболовством. Хлебопашество является только вспомогательным занятием, а не главным, как об этом трактуют наши местные землеустроители и чиновники, которые совершенно незнакомы с местными условиями и образом жизни бурят. Этим канцелярским чиновникам кажется, что буряты совсем обрусели и занимаются хлебопашеством, так как на иркутский базар они ездят с хлебом. Ясачные, действительно, занимались преимущественно хлебопашеством, скота держали мало, как крестьяне, но их нельзя смешивать с коренными бурятами-скотоводами. Эта грубая и непростительная ошибка и непонимание самых обыденных условий жизни нынешних бурят-скотоводов Иркутской губернии. Тем более, что сами Иконников и Соколов — из ясачных бурят, они-то должны знать, так как даже самый поверхностный наблюдатель сразу заметит, что образ жизни бурят совершенно отличается и внешне, и изнутри от образа жизни русских крестьян.

Бурятское население в данное время находится в переходном состоянии от звероловства и рыболовства к скотоводству и часть бурят сделалась только скотоводами, кроме ясачных бурят, вроде родителей Иконникова, которые теперь приближены к русским крестьянам.

Факты, свидетельствующие о том, что буряты от скотоводства перешли к хлебопашеству, существуют только в канцелярских бумагах, что практикуют малопонимающие, неопытные и совсем неподготовленные чиновники, желая на бумаге показать свои знания, а на деле они не имеют правильного понятия о бурятах, что за народ буряты в настоящее время, который представляет из себя очень пестрое и неизученное население в разных концах Иркутской губернии. Не надо забывать, что буряты прежде были народ звероловческий и рыболовческий, а потом постепенно стали делаться скотоводами. У них еще организм не привык к тяжелой и усиленной земледельческой работе, в которой они слабы, скоро устают и истощают свои силы, так как недавно начали делать такую работу. Буряты начали заниматься хлебопашеством, кроме ясачных

вроде предков Иконникова и Соколова, после 1870 года. Кроме того, до сих пор буряты преимущественно питаются мясной и молочной пищей и против крестьян до сих пор мало употребляют хлеба. Резкий переход к хлебопашеству, к другому образу жизни вредно отзовется на бурятах во всех отношениях, и в экономическом, и в физическом. Таким образом, землеустроительные чиновники в лице Иконникова и Соколова бесчеловечно подготавливают незащитных бурят к полному разорению и вымиранию и, кроме того, стараются обмануть бурят и поссорить их между собою, чтобы они, рассорившись, поделили землю на участки. Тогда между участками останутся пустые и лишние земли, которые передадут переселенцам. При этом бурятам стараются оставить летники, а от зимников отрезать удобные места для переселенцев.

Если буряты поймут политику Иконникова и Соколова, то они поймут, что это обман и должны дружно отказаться от летников и взять себе свои зимники, так как летники устроены на открытых и степных местах и около речек. На этих местах нет леса и земли, удобной для хлебопашества. В них поселить переселенцев ни в коем случае нельзя, там нельзя заниматься ни хлебопашеством, ни огородничеством. Следовательно, здесь русскому крестьянину жить невозможно. Точно также и бурят не может жить постоянно. Весною эти степи покрываются немного травой, когда почва еще сыра, в летнее время несколько месяцев скот еще можно пасти; но если лето сухое и недождливое, то в этих степях трава выгорает и полна пылью, косить там не приходится, следовательно, бурят не сможет прожить там со своим скотом. Кроме того, если буряты откажутся от летников, то они будут отрезаны от рек, так как зимники, в большинстве, расположены в стороне от рек. Значит, будет большое затруднение в воде и для людей, и для скота.

Все это землеустроительные чиновники прекрасно знают и, несмотря на это, работают, говоря, что буряты вымирают и, следовательно, им земли не нужно. Ничего нет удивительного, что буряты действительно вымирают, так как они экономически разоряются, а кроме того, не имеют еще и никакой медицинской помощи, ведь фельдшера — грубые шарлатаны из простых солдат.

Бурятам от этих слепых и невежественных чиновников нечего ждать хорошего. Они могут ждать спасения только от ученых обществ и высшего правительства, которое, в крайнем случае, все же является защитником бурят от произвола и невежества местных мудрецов.

Бурятам нечего бояться угроз землеустроительного чиновника Иконникова, потому что ему не предоставлено прав ни на розги, ни на солдат, ни на пушки и пулеметы. Он может только заниматься хвастовством перед бурятами в глухих улусах.

РЫБОЛОВСТВО У БУРЯТ И УХАН-ХАТ

Интересно выяснить вопрос, были ли прежние буряты рыбаками или нет.

На этот вопрос можно ответить коротко и ясно, что прежние буряты были рыбаками; без рыболовства прежнему буряту в известное время прожить было бы трудно. Поэтому в определенное время года он занимался рыболовством и мясом пойманных рыб питался.

В доисторическое время прежние буряты занимались звероловством в ээгэтэ-аба и в то же время рыболовством. Девственные леса их родины изобиловали в то время разными зверями, а реки и озера – разными рыбами, которые доставляли хорошую и питательную пищу и в которой нуждался бурят тех времен, имея нехитрые орудия, как против опасных зверей, так и для ловли больших рыб.

Все старинные священные изображения х у р э г и о н г о н ы и новые священные изображения зураг и прочее, а также различные религиозные обряды подтверждают это. Рыба являлась одним из главных видов пищи и предметом поклонения. В старинных священных изображениях х у р э г и на новых з у р а г, в числе других животных, встречаются и рыбы, например: на х у р э г Ухан-хата, з у р а г т а н а и т.д., что ясно доказывает, что в седую старину буряты обоготворяли рыб. Рыба шла в пищу, ею же совершали религиозные обряды. Кроме того, прежние бурятские шаманы посвящали Ухан-хату и другим заянам рыб наравне с другими животными. Эти обряды рыбой совершались так же, как мясом, а впоследствии – молочной пищей. Кроме того, многие рыболовные снаряды имеют своих покровительствующих заянов, которые прежними бурятами причислялись к заянам Ухан-хата. Покровитель рыболовного снаряда морда (г у р) называется Гуреши-нойон, покровитель остроги (х э р э) называется Хэрэши-нойон, покровительница весел (х э л ь м э) называется Хэльмэши-хатан, покровитель шеста (г о х о) – Гохоши-нойон и т.д. Таким образом, мы имеем ряд подтверждений, что буряты в прежнее время были рыбаками.

Из старинных преданий видно, что буряты ловили рыб следующими рыболовными снарядами: мордами (г у р), которые делали из прутьев тальника, сетями (г у л ь м э), сплетенными из конских волос хвоста и грив, так как буряты не знали конопли. Волосяная сеть называлась гульмэ, а покровительницу волосяной сети называли Гульмэши-хатан. Должно полагать, что эту волосяную сеть вязали женщины. Затем рыб ловили удочками (г а х у л и или х и и м а), которые были деревянными или железными; были остроги (х э р э), которые также были деревянными или железными. Железная острога была только у богатых бурят, бедные обходились деревянной, которая так и называлась м о д о н х э р э. Кроме этих острог, была особая острога для мелких рыб, которая называлась острога-стрела (г о д о л и-х э р э). Этой острогой-стрелой убивали маленьких рыб из деревянного лука, которым стреляли рыб на мелких местах. Стреляли метко и рыб убивали много. Острога-стрела теперь стала детской игрушкой, и дети забавляются ею, стреляя в маленьких рыбок.

Буряты имели и лодку, которая называлась о н г о с о, она покровителя не имела. В некоторых народных преданиях и шаманских призываниях упоминается у с я х а н х ы б а — «берестяной челнок». Буряты также лучили рыб. Лучили их следующим образом: готовили смолистые лучины, которые связывали большими пучками, а потом в темную тихую ночь выходили к реке, у которой этот пучок лучины зажигали. Смолистая лучина ярко горела, рыба, лежавшая около берега на мелком месте, была хорошо видна, один держал лучину, а другой ходил с острогою, бил ею рыбу и доставал из воды. Таким образом ловили поряточно рыбы. Лучили ли с лодкой — ясных указаний не имеется. Но можно предположить, что лучили. В этом случае один управлял лодкой, другой держал пучок лучины, а третий стоял с острогой и бил рыбу. Был и другой способ ловить рыбу, хотя про него нет прямых указаний, но он, по-видимому, оставался у унгинских бурят. Лет сорок тому назад у унгинских бурят существовал такой способ ловли рыбы. Большие ребята, когда ездили за дровами, отдирали в лесу от лиственницы кору длиной 4-5 сажений и даже более. Эту кору они привозили домой, а потом осторожно уносили на реку, чтобы ее не испортить. Этою корою ловили рыб следующим образом: на обоих концах коры вставало по два человека, а в середине вставало несколько человек с неводом. Сперва они входили в воду осторожно, чтобы не распугать рыбу, а потом неводом, те, которые держали концы коры, тянули ее к берегу. Стоявшие в середине давили на кору, чтобы она своим нижним основанием шла по дну и не пропускала под собою рыбу. Те, которые держали концы коры, тянули ее к берегу на ровное и мелкое место, таким образом вылавливали

рыбу и выбрасывали ее на берег. Этот способ ловли рыб назывался у унгинских бурят «неводить корою» — *х о л т о х и р з у т х э х э*. Наверное, унгинские буряты этот способ заимствовали от своих предков, которые передавали его из поколения в поколение.

По мнению прежних бурят, очень важное значение в рыболовстве имел Ухан-хат как главный покровитель вод. Поэтому они старались прибегнуть под покровительство Ухан-хата и умилостивляли его разными религиозными обрядами. Так как рыболовство давало в изобилии вкусную, обильную и питательную пищу, то Ухан-хат причислялся к добрым и покровительствующим божествам, как и западные хаты, и в честь него совершались тайлганы.

Но на водах случались и большие несчастья. От разлившихся весной рек, а также от рек и озер, разливавшихся после проливных дождей, буряты делались жертвой этой стихии, все их рыболовные снаряды и приспособления уносились водою и исчезали бесследно. Прежние буряты пришли от этого к выводу, что, в противоположность доброму и покровительствующему Ухан-хату, существуют злые, сильные, восточные кровавые хаты (*ш у х а н х а т*), которые находятся под покровительством злых восточных тэнгэринов, по-бурятски «*ш у х а н х и х и т э н г э р и*». Следовательно, все несчастья на водах и беды от водяной стихии происходили благодаря этим злым духам, которых буряты старались умилостивить разными религиозными обрядами, иногда даже кровавыми человеческими жертвоприношениями. Красный и мутный цвет разыгравшейся воды, может быть, навел бурят на мысль о злых восточных хатах, которых они и назвали кровавыми хатами.

Если обратить внимание на имена божеств Ухан-хата, то становится ясным, что имена божеств олицетворяют воду в ее различных состояниях: спокойствие, ясность, игривое состояние и прочее. Гэрэл-нойон, жена его Туя-хатан; Дошкин-нойон, жена его Долье-хатан; Гумгэ-нойон, жена его Гульбэрэ-хатан и т.д., а также имена божеств, покровительствующих рыболовным снарядам, которые были описаны выше. Тэнгэри, покровительствующие Ухан-хату, принадлежат к западным хорошим тэнгэринам и их названия показывают то же самое: Оёр-Монхой-тэнгэри, Хохо-Монхон-тэнгэри, Долон-Монхон-тэнгэ-ри, Уда-Монхон-тэнгэри и т.д. Имена восточных, злых и кровавых хатов и тэнгэринов указывают бурное состояние вод, приводивших прежних бурят в страх и изумление. Имена восточных кровавых тэнгэринов будут следующие: Шуха-Улан-тэнгэри, Шухан-Хара-тэнгэри, Тат-Хара-тэнгэри, Бад-Хара-тэнгэри, Галша-Улан-тэнгэри и т.д.

Если обратить внимание на религиозный обряд Ухан-хату, то сразу заметно, что религиозный обряд состоит из двух отдельных частей, соединенных в

одно: первая часть жертвенного обряда состоит из жертв животными, а вторая часть — из жертвы молочной пищей.

Первая часть религиозного обряда тайлгана жертвенными животными — это остаток от прежней зэгэтэ-аба, в период которой все религиозные обряды совершались жертвенным мясом и, может быть, допускалось и рыбное мясо.

После падения зэгэтэ-аба, в период большого общинного скотоводства под начальством хунши-нойонов, и впоследствии, в период мелкого родового скотоводства и родовых представителей, прежние буряты по-прежнему занимались рыболовством круглый год. В зимнее время ставили морды в реках и озерах и ловили рыб. По причине перехода к скотоводству в религиозных обрядах-тайлганах Ухан-хат прибавилась и молочная пища, а поэтому на тайлганах встречается так называемый хунши-нойон, главный представитель бывшего общинного скотоводства. На этом тайлгане, то есть на родовом торжестве, присутствовали все члены общества: мужчины, женщины, молодежь обоего пола и дети. Во время этого родового торжества устраивались разные национальные пляски и игры.

Если от религиозного обряда (тайлгана) Ухан-хату отбросить молочную пищу, то этот тайлган будет похож на тайлган западному хату и прочим. Если отбросить жертвенных животных, то тайлган будет только молочной пищей. Некоторые местные особенности на тайлгане Ухан-хату произошли следующим образом: когда прежние буряты разделились на мелкие роды и поселились на разных удобных местах, то они сохранили все свои особые обычаи. Например, буряты Биретского улуса зунгарского рода и Зунгаро-Быкотского ведомства и некоторые другие буряты Аларского ведомства тайлган Ухан-хату делают одними жертвенными животными, без молочной пищи, как прежде во время зэгэтэ-аба. Другие делают тайлган Ухан-хату и животными, и молочной пищей, как во время большого общинного скотоводства.

В некоторых религиозных обрядах в период общинного скотоводства молочная пища составляла главный предмет жертвы как главный продукт питания, — ведь изобилие молочной пищи свидетельствовало о богатстве и гордости рода. Другие обряды остались без молочной пищи, — прибавили только один с а г а н, который должен быть во всех религиозных обрядах. Лишь в нескольких религиозных обрядах большим, злым восточным хатам с а г а н не допускается. Вместо с а г а н а употребляли деготь. Нынешние шаманы и буряты эти религиозные обряды забыли.

Когда буряты сделались скотоводами и остановились жить на выбранных ими удобных местах, то они жили на них довольно продолжительное время, в зависимости от времени года и других обстоятельств. В это время они

занимались рыболовством, как в зимнее, так и в летнее время. В зимнее время ставили морды и волосные сети. В известное время рыба была даже главным продуктом питания. После обильного лова рыбы благодарные буряты, вслед за вскрытием рек и озер, перед новой рыбной ловлей, когда становилось тепло, земля покрывалась травой, и скот поправлялся, и появлялась в изобилии молочная пища, совершали религиозные обряды добрым и покровительствующим Ухан-хатам.

Рассмотрим кратко тайлган Ухан-хату: сперва религиозный обряд идет, как и во время всех обрядов. Во время обряда с а с а л и б а р ь х а все предметы на тургэ приводятся в порядок, молочную пищу вливают в 9 корзин, ставят на чистый и белый войлок и освящают, по обычаю, все предметы на тургэ. После этого продолжают религиозный обряд с а с а л и б а р ь х а как на всех тайлганах. По окончании обряда сасали барьха убивают жертвенных животных. Пока с них снимают кожу, чистят внутренности, сортируют мясо, варят и т.д., большая часть народа приступает к религиозным обрядам молочной пищей, по окончании которых молочную пищу едят сами хозяева и угощают ею гостей. Этим и заканчивается обряд молочной пищей. Затем идет продолжение обряда жертвенными животными, как на обыкновенном тайлгане западному хату.

На эти местные особенности и обычаи надо смотреть как на свидетельства седой старины, перед которыми нынешний ученый-этнограф становится в тупик из-за незнания прежнего образа жизни бурят и их религиозных обрядов, которые, постепенно изменяясь, дошли до нас. Многим даже кажется, что эти старые обычаи и обряды не имеют ничего общего с жизнью нынешних бурят.

Осенью и весной, когда буряты переезжают с летников на зимники и с зимников на летники, они начинают брызгать тарасун и вино целыми обществами и поодиночке на реке Ухан-хату. Этот обычай брызгать тарасун перед началом и при окончании кочевки сохранился с очень давних времен. Связано это с тем, что, когда буряты во время зэгэгэ-аба выходили из тайги на открытые места для летних стоянок, то тогда начиналось время рыболовства. В начале охоты на рыб они делали религиозные обряды, чтобы Ухан-хат даровал им обильный лов рыбы и не было бы несчастий с людьми во время рыбной ловли. Осенью же они совершали религиозные обряды в благодарность за благополучное проживание на водах и за обильный лов рыбы. С наступлением зимы буряты уходили в тайгу на охоту на зверей, и рыбная ловля прекращалась. Позднее, во времена скотоводческого периода, религиозные обряды Ухан-хату так и остались на весну и на осень, и это сохранилось у нынешних бурят до настоящего времени.

Конечно, прежние буряты в почитании Ухан-хату не сразу дошло ныне существующей группировки разных низших духов, населяющих воды, эжинов рек, озер, глубоких мест и т.п. высших заянов Ухан-хата и покровительствующих ему тэнгэринов. Все это – весьма сложное, грандиозное создание поэтического творчества, вытекающие из образа жизни прежних бурят. По понятию прежних и нынешних бурят в воде, как и на земле, множество низших духов, которые называются «ухани бохолдой» – «водяные духи», которые не что иное, как души разных утопленников обоего пола. Эти водяные духи живут воде и стараются, если возможно, утопить в воде человека, чтоб душа утонувшего человека присоединилась к ним. Когда человек утонет, то на его теле бывают синие пятна. Они происходят будто бы потому, что водяные духи для того, чтобы человек не вышел из воды руками схватывают его, жмут и тянут на дно реки. Водяные духи враждебно относятся к людям, но заяны Ухан-хата не позволяют им делать людям вред и зло.

По понятиям прежних бурят, люди, утонувшие в реке или в озере так и должны жить в воде в виде водяных духов. В числе таких утонувших бывали и лица, имевшие шаманское происхождение, которые там превращались в не особенно значительных заянов, но которым все же делают небольшие религиозные обряды, чтобы они не делали зла или вреда во время рыбной ловли.

Кроме этих водяных духов, есть водяные духи, которые заставляют блуждать людей, плавающих на лодках в тумане, чтобы они не могли выйти на берег. В это время человек может опрокинуться в лодке и утонуть. Важнее, чем эти два разряда водяных духов, являются духи-э ж и н ы – хозяйева рек, озер, глубоких мест, ключей. Эжины могут покровительствовать людям, даровать обильный лов рыбы и исцелять от разных болезней. Если человек их обидит, то они его наказывают. Поэтому им делают также разные религиозные обряды, как в обыденной жизни, так и во время рыболовства, или когда приезжают на лечебный ключ (аршан).

Мне думается, что прежние буряты делали религиозные обряды именно этим эжинам, а потом уже создали группы заянов Ухан-хата. Есть еще духи, которым все родившиеся дети обоего пола, без различия, должны делать религиозные обряды у х а н у г а л, – «водяное омовение», которые делают юношей гибкими и стройными как тростник, а девушек гибкими и колыхающимися как гривы лошадей.

Затем идут высшие заяны Ухан-хата и тэнгэрины, призывания которым я приведу ниже. Из этих призываний видно, что главные заяны Ухан-хата

спустились с неба по приказанию тэнгэринов Ухан-хата. В этом призывании смешаны добрые западные тэнгэрины Ухан-хата с злыми восточными тэнгэринами Шухан-хата, или, как названо в призывании, ш у л м а н ш у х а у л а н т э н г э р и. Это призывание имеет интерес и поэтому записано целиком. Рукопись хранится у меня как редкость.

Призывания каждой отдельной местности имеют свои особенности, что и видно из указанных мною призываний.

Прежние буряты, еще во времена зэгэтэ-аба, совершая религиозные обряды Ухан-хату, делали их изображения на каменных скалах, что называлось У х а н-х а т и х у р э г – «изображение Ухан-хата». В период скотоводства буряты далеко ушли от тех местностей, где были расположены хурэг. Поэтому хурэг стали делать на материях, которые также назывались У х а н-х а т и з у р а г. Так появились нынешние з у р а г.

В заключение скажем следующее: разделение покровительствующих тэнгэринов, главных и высших заянов Ухан-хата, разных эжинов рек, озер, глубоких мест, ключей и пр., простых и высших водяных духов носит на себе следы разделения общества зэгэтэ-облавышников с некоторыми последующими изменениями последующих периодов большого общинного скотоводства под управлением хунши-нойонов и затем мелкого родового скотоводства и родовых представителей.

Дальнейшее и подробное изучение этого – дело ученых-специалистов, которым потребуется много времени, чтобы разобраться в доисторической жизни бурят, а также шаманства как первобытной религии народов, сохранившейся до сих пор среди бурят и, к сожалению, совершенно мало изученной.

МОИ ПРЕДКИ

Ниже напишу о своих предках, о которых узнал из рассказов стариков, сидевших за котлом тарасунчика с красною чашкою в руках и мирно беседовавших между собою, восхваляя дивные дела своих предков во времена седой старины.

Мои предки в прежнее время жили в местности Барун Зоход, ныне 1-го олзоева рода Унгинского ведомства, а впоследствии переехали в местность Закулей, ныне 2-го олзоева рода того же Унгинского ведомства.

Начну я со своего предка Тотхото, который отличался силою и меткостью стрельбы из лука, бывшего когда-то страшным оружием войны и охоты, на которой добывались пища и одежда, без которых человек не мог существовать в то время, когда он находился еще в беспомощном состоянии. Тотхото носил титул Тотхото-мэргэн и женился на дочери бурята зунгарской кости; этого бурята звали Унятха, и он также отличался силою и меткостью в стрельбе.

Зунгарский бурят Унятха женился во время тайтаругской зэгэтэ-аба (тайтаруги зэгэтэ-аба) на дочери бурята из эхиритской кости; буряты этой кости живут ныне в Верхоленском уезде. В то время все буряты, ныне живущие по Якутскому тракту Иркутского и Верхоленского уездов, по старинному обычаю приезжали участвовать на тайтаругской зэгэтэ-аба, на которой общими силами охотились на зверей. На этой зэгэтэ-аба, как и прежде, кроме мужчин принимали участие девушки и молодые замужние женщины, которые также были хорошими стрелками из лука и хорошими наездницами. Они участвовали наравне с мужчинами и получали свои паи как мужчины.

На последнюю тайтаругскую зэгэтэ-аба приехали и буряты эхиритской кости со своими дочерьми и молодыми замужними женщинами. Во время этой зэгэтэ-аба буряту Тотхото понравилась одна девица из эхиритской кости. Он женился на ней и приехал домой с молодой женой.

По народному преданию, на тайтаругскую зэгэтэ-аба после этой охоты буряты из эхиритской кости уже больше не приезжали. Также не приезжали и булагаты, ныне живущие в Иркутском уезде. Таким образом, эта охота была последней, объединявшей всех бурят, проживавших в нынешней Иркутской губернии. После этого местные буряты собирались еще на общую охоту, но скоро они и ее прекратили. В этот период буряты занимались уже полностью скотоводством, которое и обеспечивало их существование.

В связи с этим встает очень интересный для бурят вопрос: прекратилась тайтаругская зэгэтэ-аба до прихода русских казаков или уже после их прихода?

Если тайтаругская зэгэтэ-аба прекратилась уже до прихода русских казаков, то это говорит о том, что до их прихода было развито среди бурят скотоводство, и они жили на родных местах небольшими родами и лишь в свободное время занимались звероловством и рыболовством. Что они все же занимались звероловством, видно из того, что первое время они платили дань русским именно звериными шкурками, которых у них было достаточно. В это время небольшие, разрозненно живущие роды бурят не могли оказать сколько-нибудь сильного сопротивления казакам, и последние их легко покорили. Если предположить, что тайтаругская зэгэтэ-аба прекратилась после появления казаков, то казаки должны были бы иметь столкновения с зэгэтэ-облавшиками. Но в бурятских народных преданиях о таком столкновении не упоминается, а упоминается лишь о столкновениях с отдельными небольшими бурятскими родами. Иметь дело с зэгэтэ-облавшиками было делом опасным и трудным, и о таком столкновении обязательно должно было что-нибудь остаться в народных преданиях.

Таким образом, можно предположить, что тайтаругская зэгэтэ-аба прекратилась до прихода русских казаков.

Это показывает, что в этот период буряты имели уже частное скотоводство, то есть каждое семейство имело свое собственное хозяйство; родовое скотоводство уже кончилось. Буряты успели сделаться трусливыми скотоводами. Прежнюю воинственную поговорку «эрхи яһли өбөртө, агтан яһли арада» оставили или еще говорили «һайн эрхи яһли өбөртө, һайн агтан яһли арада», что по-русски приблизительно означает: «хороший и храбрый мужчина кости оставляет на юге, хороший конь кости оставляет на севере», или «хорошие мужчины и кони кости оставляют на чужбине, а не на родине как плохие».

В народных преданиях этого периода смутно упоминаются жилища, которые носили название т ө р т ө г э р, и редко говорится о войлочных юртах; дворы представляли городьбу колами — х а б ш и л г а х у р э; упоми-

нается также, что телят и жеребят привязывали на з э л и, которое натягивали между кольями, втыкаемыми в землю. Человек, имеющий длинный з э л и, считался богатым, потому что он имел много телят и жеребят. Богатый человек имел большие права, отсюда произошло старинное добροпожелание:

«Зэли ута боложо байг,
Зэргэ олон боложо байг».

В этот период буряты жили уже на открытых местах, удобных для пастьбы скота летом и зимой, а не в лесах, как во времена зэгэтэ-аба. Каждый отдельный род занимал определенную местность, которую не покидал без уважительных к тому причин.

Через некоторое время после женитьбы бурят Тотхото вздумал поехать к родне жены, к бурятам эхиритской кости. Он поехал туда вместе с женой и с детьми и гостил там некоторое время. Здесь он участвовал в местной зэгэтэ-аба, на которой убили много зверей, и отличился как сильный и меткий стрелок. По обычаю зэгэтэ-аба ему захотелось поднести в подарок родным жены х у р а й, то есть голову изюбра вместе с дыхательным горлом, легкими и сердцем. Поднесение х у р а я имело почетное значение. Но буряты эхиритской кости считали грехом отдать х у р а й чужому человеку и признать этим самым его победителем. Возник спор, во время которого один бурят из кости эхирит подкрался сзади и стрелой из лука убил Тотхото. Таким образом, Тотхото уже не возвратился к себе на родину. Произошло это в нынешнем Верхоленском уезде.

После Тотхото остались маленький сын Торсок и дочь. Жена его после его смерти вышла замуж за другого бурята. Мальчик Торсок подрастал и в игре со сверстниками отличался силою и меткостью в стрельбе из лука, как и его отец Тотхото. Буряты из кости эхирит, видя это, начали опасаться, что Торсок, когда вырастет и станет сильным мужчиной и метким стрелком, будет мстить им за смерть отца. Они сговорились между собою убить его во время одной свадьбы, пока он маленький. Как говорится:

«Гареин гандагара хуре удухэ
Хосгин дёрёдё хурэ урудэ хорохо».

Об этом один старик сказал мальчику Торсоку, что его ожидает смерть во время свадьбы, когда все будут заняты обрядом и играми, и никто не обратит на него внимания. Этот же добрый старик сказал мальчику, что с этой свадьбой придут два коня, которые зовутся — один һ а й н х а н ш а р м о р и н, который быстр и вынослив и которого ни один бегун не догонит, а другой м у у х а н ш а р м о р и н, не особенно хороший бегун. Старик и говорит мальчику: «Ты садись на хорошего коня и поезжай на родину, где живут твои родные,

и тебя никто не догонит. Когда приедет свадьба, то ты приходи на свадьбу, а я попою немного тарасуна, притворюсь пьяным, выйду на улицу, пойду к коновязи, где привязаны кони, упаду около хорошего бегуна и буду указывать на него ногою, буду кататься по земле как пьяный. Ты же хорошенько приметь этого коня и, когда народ будет пьян и займется обрядами и играми, то незаметно подойди, отвяжи коня, садись на него и поезжай. Никто тебя не догонит». Старик рассказал мальчику о дороге на родину.

После этого мальчик Торсок стал очень осторожным и уговорил свою младшую сестру вместе с ним бежать на родину.

Когда наступил срок свадьбы, то, по старинному обычаю, свадебный поезд был очень многолюдным. С этой свадьбою прибыли и оба коня х а н ш а р м о р и н и м у у х а н ш а р м о р и н, которых привязали к коновязи вместе с прочими конями. Мальчик Торсок пришел на свадьбу и незаметно следил за стариком, который, попив немного тарасуна, притворился пьяным, вышел из юрты на улицу, пошел, шатаясь во все стороны, к коновязи, упал сзади одного коня, начал кататься по земле и в это время ногою указал на хорошего коня. Мальчик Торсок этого коня приметил.

Когда свадебные гости напились пьяными, начали шуметь и занялись обрядами и играми, мальчик быстро и незаметно подошел к хорошему бегуну, отвязал его от коновязи, отъехал, посадил свою сестру и поехал дальше. Свадебные гости заметили, что Торсок с сестрою поехал, погнались за ними, но догнать не могли.

Мальчик Торсок с сестрою поехали на родину отца по дороге, которую им указал старик. Они выехали на реку Осу, спустились по ней вниз и выехали затем на Ангару, в нынешнюю Усть-Осу, где жили буряты из кости муруй, которые были из одной кости с ним. Муруевцы и олзоевцы имели одного родоначальника Болота, следовательно, они были, в свое время, одной кости, а потом разделились на две — муруевцев и олзоевцев.

Буряты же из племени эхиритов все же погнались за Торсоком и ехали по его следам.

Торсок в Усть-Осе остановился у одного старика-бурята, спросил у него дорогу дальше, и тот указал ему брод через малую Ангару и дальнейший путь. У этого старика-бурята Торсок оставил свою сестру в невесты для его сына, а сам поехал дальше. Старик же девочку спрятал.

Через некоторое время приехали буряты из кости эхиритов и стали спрашивать старика, не видел ли он мальчика, ехавшего на коне. Старик ответил, что перед ними проезжал мальчик с девочкой и поехал дальше вниз по реке и что они его скоро догонят, так как конь у него сильно устал, весь был потный.

Торсок поехал, действительно, вниз по реке малой Ангаре, в указанном месте переправился через нее бродом и вплавь попал на остров Ангары, по которому и поехал по направлению к большой Ангаре.

Буряты из кости эхирит издаലെка увидали, что Торсок переправился на остров и поехал по нему к большой Ангаре. Они остановились и, переговорив между собою, решили прекратить преследование, так как если они его догонят на той стороне большой Ангары, где живет сильное и многолюдное племя булагатов, к которому принадлежит и Торсок, то их всех убьют, но мальчика им не выдадут. После этого они повернули обратно.

Торсок подъехал к большой Ангаре, к устью пади Мелхотуй, переправился через Ангару и поехал дальше вверх по пади Мелхотуй. От долгой и быстрой езды и вследствие переправы через Ангару копыта коня сильно согрелись и слезли с его ног, конь упал. Мальчик Торсок, обняв голову коня, долго плакал и, наконец, отрезал голову коня и понес с собою, желая донести ее на родину. Он поднялся вверх по пади, но по дороге сильно устал и, не имея сил нести далее голову коня, бросил ее около горы Суг. Эта падь впоследствии получила название *М о р н и Т о л о г о й* – «Конская голова».

Мальчик Торсок поднялся по этой пади до вершины и по подошве горы спустился до пади Закулей, из которой направился в нынешний Бутухейский улус на северную сторону горы *Е х о н Т ө р ө н* и речку Унгу. В этой местности жил его отец Тотхото-мэргэн и здесь нашел он своих родных и поселился с ними. Когда он вырос большой и женился, то у него родился сын Хогну, от которого родился, в свою очередь, знаменитый унгинский белый шаман Барлак.

Из предания видно, что бурят Хогну из Зохота переехал в падь Закулей, в которой жил зимою; следовательно, его зимник находился в Закулее, а летник – на речке Унге. В этот период времени буряты были уже полными скотоводами. Они преимущественно занимались скотоводством и жили в определенных местах зимою, а летом переезжали на другие места, около речек, зависело это от потребностей скота. В этот период уже упоминаются деревянные юрты, разные дворы для скота. Изредка упоминаются местные малолюдные зэгэтэ-аба, на которых общими силами недолго охотились.

Когда бурят Хогну жил в пади Закулей, то однажды его маленький сын Барлак пошел в Доновский улус к тетке, муж которой, по обычаю скотоводческого периода, колол *у с э*, то есть на мясо колол какое-то домашнее животное. Барлак побыл на этом *у с э*, поел мяса, а по окончании *у с э* получил от тетки перед уходом кусок мяса для передачи его домой, так называемое

г э р-м я х а н. Это старинный обычай, когда кто-нибудь колет у с э, то посылает родным г э р-м я х а н.

Мальчик Барлак взял этот кусок г э р-м я х а н, пошел домой и по дороге уснул около горы Талгата. Во сне он увидел, что к нему подъехал на белом коне и в белом одеянии большой человек, на шапке у которого было привязано много разных лент и звериных шкурок. Этот большой человек подъехал к нему, ударил его по голове и сказал: «Т а р х а й». Барлак пробудился, пошел домой и принес г э р-м я х а н, посланное теткой.

Народное предание гласит, что этот большой человек в белом одеянии и на белом коне был западный хат, который совершил над мальчиком обряд т а р х а л х а. Вследствие этого мальчик, став взрослым, должен быть большим белым шаманом и служителем западных хатов, тэнгэринов и прочих белых божеств.

По другому преданию, когда Барлак был маленьким, то его душа училась в западном хате шаманской науке, которую и закончила. По окончании учения западные хаты отпустили его душу домой, к телу, и дали ему в переметной суме, в одной ее половине, конские волосы, а в другой — землю. Волосы означали, что его потомки будут богаты, а земля означала, что они будут многочисленны.

Барлак стал большим белым шаманом и совершал религиозные обряды только западным хатам, тэнгэринам и прочим западным большим заянам. Восточным или черным хатам, тэнгэринам и заянам он религиозных обрядов не совершал, но и никогда не ссорился с черными шаманами и шаманками, как это делали другие белые шаманы. Ездил он всегда на белом коне и носил белые одежды, имел все степени посвящения и получил 9 х э с э, большой о р г о й и прочие символические принадлежности высшего шаманского сана. В шаманский сан его посвятил шаман Абада из булутской кости. Шаман Барлак постепенно сделался богатым человеком.

О белом шамане Барлаке в народе рассказывают много преданий, из которых я опишу некоторые, чтобы дать характеристику как его жизни, так и жизни бурят того времени.

Однажды белого шамана Барлака пригласили совершить большой религиозный обряд т э н г э р и д у у д а х а, который у прежних бурят совершался с большой торжественностью в летнее время, на улице, с исполнением народных игр и плясок. Этот религиозный обряд продолжался 9 дней. Барлак, уезжая, сказал своей жене Бэрэ: «Через три дня в полдень запри дверь на крючок и сиди в юрте одна, никого не пускай, и в это время с неба спустится ураг богатства». После этого он уехал, так как за ним приехали. В прежнее время,

по старинному обычаю, те, кто собирался делать обряд тэнгэри дуудаха, заранее приезжали к шаману с тарасуном и договаривались с ним о дне совершения обряда. В назначенный день к шаману опять приехало несколько человек с тарасуном и мясом, что называлось эдээтээрэ, по-русски «с пищей приехали». Шаман с тарасуном и пищей совершал обряд, после которого мясо съедалось, тарасун выпивался, а затем шаман одевал белую одежду, садился на белого коня и выезжал в сопровождении этих бурят.

Прошло три дня, и наступил полдень. В это время жена Барлака Бэрэ совсем забыла запереть дверь и сидела в своей деревянной восьмиугольной юрте с одной женщиной из соседнего улуса. Они разговаривали между собою. В это время через отверстие для выхода дыма из юрты спустился ура к богатства, несколько брызг от этого урака попали на женщину и вследствие этого потомки этой женщины ныне живут богато.

Когда Барлак совершал обряд тэнгэри дуудаха, то в этот же день случайно делал такой же обряд кудинский белый шаман Маланак, который после религиозного обряда посмотрел в ведро, в котором вдруг не оказалось урака. Он удивился и сказал, что урак от тэнгри спускался, он его видел, и куда же он мог теперь деваться. После этого он дал поворожить на лопате сыну Тужара Мадару, который, поворожив, объявил, что обряд совершается в один день с обрядом, совершаемым Барлаком, который и отобрал урак. Таким образом, унгинский белый шаман Барлак победил кудинского шамана. После этого кудинскому шаману Маланаку пришлось через несколько дней совершать новый обряд тэнгэри дуудаха.

Теперь опишу любовное похождение шамана Барлака. Однажды его пригласили совершить обряд тэнгэри дуудаха булатские буряты из Нукута. Об этом узнала одна бурятская бедная женщина Сулсан, жена бурята-дурака Хуба. Эта Сулсан было очень красивая и умная женщина. Узнав о приезде шамана, она приготвилась к этому и перегнала тарасун три раза, сделав его крепким как спирт. В день приезда она подучила своего маленького сына Назара пойти к броду, через который должен был переезжать шаман, и играть там. Когда же брод будут переезжать буряты, среди которых один в белой одежде и на белом коне, то есть шаман, то подойти к нему и обратиться: «Найжибаай (отец духовный), заезжайте к нам побелиться (сагалха)».

Когда шаман Барлак переехал брод, то мальчик Назар подошел к шаману, снял шапку и пригласил его так, как ему велела мать.

Шаману Барлаку понравилось такое наивно-простое приглашение мальчика и он обратился к своим спутникам с предложением заехать, так как перед

совершением обряда тэнгэри дуудаха грешно отказать такому молодому человеку. По дороге они заехали к родителям мальчика Назара, где Сулсан встретила их и подала по старинному обычаю «побелиться» (с ага лха). После этого она их угостила и подала этот крепкий тарасун. Когда Барлак выпил тарасуна, то опьянел, лег спать и ночевал с красавицей Сулсан, которую научил так: «Когда я буду совершать обряд тэнгэри дуудаха, то ты со своим сыном садись за тургэ и я постараюсь, чтобы урак спустился к вам». Он также научил ее, как обращаться с урак ом.

На другой день, совершая обряд, Барлак пошел по богатым бурятам, которые сели рядом за тургэ, а бедный бурят Хуба с красавицей-женой и с сыном также сели за тургэ. Во время торжественного обряда урак с неба спустился на мальчика Назара. После религиозного обряда Сулсан одела на белого шамана летнюю овчинную шубу, которую она заранее сшила, в знак благодарности. Большого она не могла сделать по бедности. Шаман Барлак остался этой шубой очень доволен.

Впоследствии Назар сделался богатым человеком и стал шуленгою над балаганскими бурятами. В этот период шуленгами выбирали бедных бурят, вроде как силою, так как богатые буряты считали, что быть шуленгою — это позор и несчастье.

Народное предание говорит, что белый шаман Барлак часто подымался на небо к тэнгэринам, перед которыми ходатайствовал за земных людей. Иногда он на небе проводил некоторое время, участвуя в различных играх и гуляньях тэнгэринов. На этих гуляньях он познакомился с небесной девицей Дошхин-Сомон, которая была дочерью земного человека из племени онго. Она еще маленькою поднялась на небо и осталась там жить. Белый шаман Барлак от брака с Дошхин-Сомон имел двух дочерей — Шидли и Бидли.

Когда душа Барлака поднималась на небо и пребывала там, тело его на земле спало эти несколько дней, пока душа не возвращалась к телу.

По словам Барлака, жизнь на небе хороша и привольна. Тэнгэри имеют множество разного скота, который пасут пастухи. На небе, так же как и на земле, бывают день и ночь. Там нет болезней и печалей; небесные жители наслаждаются счастьем и привольем; часто бывают празднества и гулянья; на небе жить весело.

По словам кудинского белого шамана Маланака, небесные жители, как и земные, болеют. Например, сын Ухан-Солбон-тэнгэри Согто-мэргэн сильно заболел от одной дочери моря (Байкала). Уха-Солбон-тэнгэри пригласил шамана Маланака, который поднялся на небо и совершил религиозный обряд хурай от Согто-мэргэна одной дочери моря, и Согто-мэргэн

выздоровел. Таким образом, взгляды обоих шаманов разные, хотя жили они в одно время.

По словам предания, небесная жена шамана Барлака Дошхин-Сомон, обратившись в лебедя, спускалась на землю к своему земному мужу, садилась на юрту, или, влетев в юрту, садилась на поперечину между столбами юрты и кричала по-лебединому, а потом обратно подымалась на небо. Таким образом, Барлак имел на земле две жены и на небе одну.

Первая жена Барлака Бэрэ была большой пьяницей и капризной. По утрам, подоив коров, она гнала тарасун, выпив его, садилась на коня и отправлялась гостить и пить тарасун по разным улусам. Доехав до Ангары, она на ее берегу брала камни, клала их за пазуху и возвращалась домой. Заезжая в улусы и останавливаясь в них, она просила тарасуну. Если у домохозяина не было тарасуна, то она, рассердясь бросалась камнями и ехала далее. Вечером приезжала домой и доила коров. В пьяном виде у нее был очень буйный характер. От этой жены Барлак имел двух сыновей, Бахана и Багая, и дочь Шонхоло.

Однажды сын Барлака Бахан сильно заболел. Барлак сделал религиозные обряды западным хатам, затем взял девять белых соболей и пошел с ними в Западный хат, где просил, чтобы его сын Бахан выздоровел. Но западные хаты не согласились, потому что они строги и неподкупны. Тогда Барлак взял девять черных соболей и пошел к восточным хатам, которые приняли подарок и отпустили душу Бахана, тогда последний выздоровел. Из этого видно, что восточные хаты подкупны.

Барлак однажды сказал бурятам, что скоро он умрет, но не успеет сделать религиозного обряда т э н г э р и д у д а х а восточному черному тэнгэ-рину Гужир, который впоследствии будет вредить его потомкам, на которых пошлет драки, споры, тяжбы и пьянство, из-за чего его потомки будут жить несчастливо.

В последнее время земной жизни Барлака его небесная жена Дошхин-Сомон часто спускалась с неба, превратившись в лебедя, и залетала в его юрту.

Как-то шаман Барлак сказал своим бурятам, что скоро должна спуститься с неба его жена Дошхин-Сомон, которая возьмет его собою на небо. Если они укараулят его хорошо в эту ночь и не отдадут его небесной жене, то он проживет с ними до своей глубокой старости. В назначенный день собрались все соседи – старики, старухи и молодежь обоого пола в юрте шамана Барлака и должны были его караулить. Старики сели на правой стороне юрты, в середине посадили белого шамана Барлака и пили тарасун. Старухи сели на

северной стороне очага и также пили тарасун. Молодежь плясала х а т а р х а и пела песни.

В полночь жена шамана Дошхин-Сомон, обратившись в лебедя, спустилась с неба на землю, прилетела к юрте и крикнула. Тогда все старики, старухи и молодежь, кто сидя, кто лежа, а кто даже и стоя, заснули крепким сном. Когда они проснулись, то увидели, что шаман Барлак уже удавился и был мертв. Так умер шаман Барлак, небесная жена которого, спустившись с неба на землю в виде лебедя, послала на всех крепкий сон, взяла душу Барлака и поднялась на небо.

Умершего шамана Барлака по старинному обычаю торжественно сожгли на горе Суг, на которой до сих пор красуются столетние сосны, называемые ныне Барлаковскими соснами. Так унгинского белого шамана Барлака не стало в живых. После смерти душа его поднялась на небо и живет со своею небесной женой Дошхин-Сомон и изредка спускается на землю посмотреть на своих потомков.

Потомки шамана Барлака до сих пор делают в его честь религиозный обряд тайлган жертвенными животными и тарасуном, как своему главному родоначальнику и покровителю.

По словам потомков белого шамана Барлака душа его изредка, в тяжелые годы, спускается с неба на гору Суг, на которой бьет в х э с э, отгоняя злых духов, чтобы они не делали зла его потомкам, живущим на северной стороне подошвы горы Суг, по обеим сторонам пади Закулей. Иногда она спускается с горы и бьет в х э с э по самой пади Закулей. Тогда потомки Барлака, по обычаю, совершают религиозные обряды тарасуном и вином благодарят его за покровительство и за защиту от злых духов.

Другие предания не буду записывать, так как это заняло бы много места и времени, хотя они и не лишены интереса для ознакомления с образом жизни прежних бурят.

Когда умерла буйная жена Барлака, из преданий не видно. После белого шамана Барлака остались два сына: старший Бахан и младший Багай и одна дочь Шонголо. Про других двух дочерей от второй жены из преданий и шаманских призываний ничего неизвестно. Из преданий видно, что оба сына Барлака жили богато. Старший Бахан имел 7 сыновей, а младший сын Багай имел одного сына Ишигала.

Оба сына Барлака не сделались шаманами, хотя имели к этому все возможности и могли бы совершать религиозные обряды без всяких затруднений. Должно полагать, что у них к этому не было желания. Кроме того, это может объясняться еще и следующим образом. В это время шаманы и шаманки уже не пользовались особенным уважением, в частности, черные шаманы и шаманки, к которым даже скорее отношение было враждебное

из-за слухов, что они едят людей. В этих случаях к ним относились очень строго и судили народным судом. По обычаю, такого шамана или шаманку живого зарывали в землю лицом вниз. Решение народного суда выражалось следующими словами; «о й д о г а р г а х а о г ш и н д о д о х о», что по-русски приблизительно означает «вывести в лес и зарыть в ложбинку». После такого решения провинившегося шамана (или шаманку) выводили в лес, находили ложбинку и выкапывали в ней глубокую яму. В эту яму шамана клали лицом вниз, заваливали землей, а потом заколачивали осиновым колом. Сперва заколачивать колом нельзя, потому что шаман может умереть от этого. Тогда его душа выскочит из тела и убежит, а если зароят живого, то душа останется в теле под землей.

Белые шаманы и шаманки в этот период еще пользовались народным уважением и любовью как представители добра, но уважение и любовь народа приобрести не так легко, на это надо иметь уменье, то есть природную способность и дарование быть настоящим вдохновенным шаманом. Богатые родовые представители избегали этого, так как в народе уже было к шаманам некоторое недоверие и даже презрение и нелюбовь. Об этом говорит и пословица: «Человек, испортившись, делается шаманом, а овца исхудавшая делается иноходцем», по-бурятски:

Хүн мужархадаа бөө болхо,
Хонин мурхада жоро болхо.

Другая бурятская старинная пословица говорит: «Зүрхэлхэн хүн бөө болхо» (старательный человек делается шаманом).

Следовательно, в прежнее время, чтобы сделаться шаманом, нужно было затратить много стараний и времени для того, чтобы научиться хорошо шаманить, напрактиковаться в различных шаманских приемах, искусных телодвижениях, мимике лица и прочее. Это не особенно легко и удаётся не каждому, если он не имеет природных дарований и способностей.

О сильном влиянии богатых родовых представителей сложилась пословица: «Богатому человеку не сопротивляйся, с сильным человеком не тянись», по-бурятски: «Багин хүнэр бү тэмэлсэ, хүчитэ (батар) хүнэр бү таталса».

Бахан отличался большим ростом, силою и умом. В это время меткость стрельбы из лука не имела особенного значения как прежде, во времена эгэгтэ-аба, потому что буряты занимались преимущественно уже скотоводством и прежнее звероловство начинают оставлять, не имея в нем особой нужды. Кроме того, буряты уже подчинились русскому царю.

Богатый и сильный Бахан считался шуленгою над своими бурятами, а главным шуленгою был Хурэн, старшиною служил Даби. Следовательно, в это время буряты уже имели своих бурятских родоначальников от русского правительства, от которого они имели указ на эти должности. Хурэн служил главным шуленгою с 1755 до 1764 года.

Однажды Бахан на бурятской лодке переправлялся через реку Ангару. Он на лодку положил высеребренное бурятское железное седло с моржанами, а коня пустил вплавь рядом. На середине реки Ангары в лодку пошла вода, лодка погрузилась и утонула. Бахан отпустил коня, седло взял, бросил на спину и в одежде выплыл на берег. Высушив одежду, он поехал домой.

В предании упоминается, что Бахан из своей местности Мельхотуй прогнал русских, которые самовольно там поселились. С этого времени часто упоминаются столкновения и тяжбы бурят с русскими переселенцами, самовольно селившимися на бурятских землях. До Бахана о таких столкновениях не упоминается.

Однажды шуленгу Бахана пригласили на свадьбу, которая должна была ехать из Унги и везти невесту к жениху, который жил за рекой Ангарой в Отойском улусе. Жених был сыном главного шуленги Хурэна. Бахан согласился и сказал: «Поезжайте, а я завтра приеду к главному обряду поклонения онгонам и на бросание жира отцу жениха». Свадебный поезд проехал к главному шуленге Хурэну, у которого приезжие гуляли целую ночь. Ночью оба свата во время гулянья поссорились. Главный шуленга захотел показать власть и приказал утром отца невесты драть розгами.

Утром приготовили розги и хотели драть отца невесты, но свадебный поезд, приехавший из Унги с невестой, окружил и не выдавал отца невесты, говоря, что пока не приедет наш шуленга, мы его не выдадим. Так-то они спорили и шумели. В это время со стороны Ангары показался большой всадник, у которого высеребренное седло блестело на солнце. Унгинцы, увидев его, закричали, что едет наш шуленга Бахан.

Тогда главный шуленга Хурэн быстро ушел к себе в юрту, приказал там поставить себе постель, повязал голову платком и лег в постель, притворившись больным.

Буряты на улице шумели и спорили, разделившись на две партии: одна со стороны невесты, другая со стороны жениха. У подъехавшего Бахана по старинному обычаю приняли коня и привязали к коновязи, а потом рассказали ему про случившееся. Шуленга Бахан сказал: «Я думал, что вы устраиваете

свадьбу, а вы хотите драть розгами человека», — взял розги, закинул их на крышу юрты, сам взял в руки верховой кнут и вошел в юрту.

Когда он вошел в юрту, то главный шуленга Хурэн лежал на постели с повязанной головой, притворившись больным. Бахан схватил его за волосы и начал бить кнутом. Побив его порядком, бросил его и вышел на улицу, созвал своих унгинских бурят и, взяв с собою невесту, переправил их всех через Ангару, а сам поехал к зунгарским бурятам. В Зунгарах он заехал к богатому буряту Сагадару которого и ночевал. Встав на другое утро, он вместе с хозяином сел у очага. В это время из огня выскочил уголек и упал к ногам Бахана который поднял уголек, прикурил от него трубку и сказал хозяину: «Твоя дочь Мандавай — суженая моего сына Балихая, я ведь высватал ее, когда она была маленькой».

Отсюда Бахан поехал к быкотским бурятам, после чего написал прошение об увольнении главного шуленга Хурэна с должности. После этого съездил в Иркутск, отдал кому следует это прошение и вернулся домой.

Через некоторое время после этого шуленга Бахан умер следующим образом. Однажды днем он лег спать со своей женой, а сыновья его сидели в юрте и играли. В это время с потолка упал синий огонь величиной с человеческую голову на одеяло спавших, покатался по одеялу, скатился на пол, ушел под кровать и исчез. Дети этот огонь видели. Бахан и его жена более не вставали и умерли. Их по старинному обычаю торжественно сожгли. Старшему сыну Бахана Балихаю после смерти отца было 11 лет.

Главный шуленга Хурэн был отстранен от должности в 1764 году. Следовательно, шуленга Бахан умер в 1764 г.

После смерти Бахана всем его имуществом завладел его брат Багай, который сделался шуленгою. Когда шуленга Бахан умер, то от него осталось 40 табунов лошадей и 7 горшков серебряных денег, зарытых в земле. Все это досталось Багаю, который имел своих 30 табунов лошадей. Таким образом, новый шуленга Багай имел всего 70 табунов коней и считался богачом. Его называли шуленгою Багаем, имеющим 70 табунов лошадей на северной стороне Байкала. Дети шуленги Бахана были маленькие и остались у своего дяди Багая, который их воспитывал.

Шуленга Багай имел одного сына, которого звали Ишигалом, он тоже был старостою; в это время шуленг начали называть старостами, вернее, родовыми старостами. После смерти Бахана пришел указ, что Бахан назначается главным шуленгою над балаганскими бурятами, а главный шуленга Хурэн снимается с этой должности.

Тогда балаганские буряты в 1764 г. силою выбрали главным шуленгою старшину Даби, который не хотел быть им, считая это для себя позорною службой.

По этому поводу есть такое предание: когда буряты силою выбрали главным шуленгою старшину Даби и разъехались, то некоторые из них заезжали в улус Бутукей к вновь выбранному шуленге, мать которого спрашивала, кого же выбрали. Сперва они ей этого не говорили, а когда уже садились на коней, то сказали, что выбрали ее сына Даби. Мать его рассердилась, ругалась и кидала им вслед землю со словами: «Говорите на свою черную голову». Это показывает, насколько позорным считалось в те времена служить шуленгою и каким несчастьем было иметь дело с русским начальством.

Однако некоторые смекалистые и умные буряты начинали понимать выгоду и почет пребывания в этой должности, поэтому умный шуленга Бахан и хотел быть главным шуленгой. Но масса бурят оставалась при прежних понятиях, так как над ними имели сильное влияние прежние родовые представители, которые фактически и управляли ими.

Впоследствии, когда дети Бахана, росшие у Багая, стали взрослыми, то они потребовали у своего дяди раздела имущества по наследству, но Багай ничего им не давал и не отделял их. Тогда они с дядей судились на суглане у главного шуленги в присутствии других шуленг, которые присудили, что Багай должен отдать племянникам из отцовского наследства от каждого вида скота по 90 голов: то есть 90 коней, 90 коров, 90 овец и 90 коз. Число верблюдов не упоминается, но трудно полагать, что их у него было так же много, как и другого скота. Во всяком случае, их было меньше.

Дети Бахана обиделись на такой несправедливый суд и отказались вообще получать наследство, заявив, что «мы своим трудом заработаем». И действительно, скоро они разбогатели, особенно старший сын Бахана Балихай, который был умным человеком.

Балихай женился на девице Мандавай, которую ему в свое время высватал отец.

Однажды был очень неурожайный год, который буряты называют х а р а т а р ш и т а ж и л, по-русски: «черный кобылочный год». В это лето кобылки съели травы, и местами нечего было косить. Буряты вынуждены были выехать в тайгу, где и косили сено для скота. Балихай косил сено для своего скота в Зунгаре у своего тестя. Осенью со всем скотом он поехал к своему тестю в Зунгар, у которого жил всю зиму. Однажды тесть Балихая архидашил со своими бурятами, с которыми пришел домой. Когда они вошли во двор, то в это время из хлева выпустили ягнят и козлят сосать матерей, их было очень мно-

го. Тесть Балихая Сагадар, увидев этих ягнят и козлят, сказал, что их кончит не ножик, а бескормица. Весною было холодно, и снег долго не таял. В предании говорится, что весною прилетела кукушка, села на метлу, воткнутую в кучу снега, и куковала. По этой примете и сбылось, сена, действительно, не хватило и много скота пало от бескормицы. У Сагадара и Балихая также пала скотина и ее осталось мало.

Балихай весной поехал домой. По дороге домой он, не доезжая до своего летника пять верст, остановился в лесу, так как ему стыдно было вернуться домой с малым числом скота. Уезжал-то он богатым, возвращался бедным, поэтому хотел вернуться ночью. Когда он женой сидел в лесу в ожидании ночи, то в это время в лес приехал кто-то из его родни и увидел, что у него так мало скота и заплакал говоря: «Балихай, где же ты бросил свой скот?» Оба они посидели погоревали. Когда наступила ночь, то он приехал домой. Приехал домой, Балихай все привел в порядок и отправился искать свои табуны лошадей, которых у него было два, и которые он из-за бескормицы бросил на произвол судьбы. Один табун он нашел, а второй весь пропал от бескормицы; но Балихай сильно радовался, что он все же не такой бедный, как думал ранее.

Балихай имел троих сыновей: старшего Хулагара, среднего Хангала и младшего Хондока.

В это время главное богатство бурят составлял скот, который держали в порядочном количестве. Если бурят имел много разного скота в изобилие мясной и молочной пищи, то он считался богачом, был влиятельным человеком и старался кормить бедняков, чтобы иметь вес в обществе. Бедняк имел мало скота, работал у богача и доил чужих коров за молоко, за счет чего и содержал зимой несколько голов скота. Скот плодился свободно, без особых расходов и хлопот. Главное же богатство бурят составляли лошади, которые в зимнее время также кормились на подножном корму, сами добывали его из-под снега.

В этот период потребности бурят были очень ограничены, скота они поэтому продавали мало, а старались расплодить его побольше чтобы стать богатыми и построить большую восьмиугольную юрту, которую в летнее время и перекочевывали со всем своим имуществом старались жить как богатый человек, особенно во время летних торжественных религиозных обрядов, тайлганов и других торжеств по старинному обычаю.

Балихая как умного человека выбрали на должность заседателя со стороны бурят в Иркутский словесный суд, в котором он и служил несколько лет.

Затем Балихая от общества балаганских бурят выбрали старшим распорядителем (з а н г и) Верхне-Окинского караула. В то время границу караулили общество. Верхне-Окинский караул (по-бурятски Ахан Толго) считался во владении балаганских бурят.

Из предания видно, что на Верхне-Окинский караул Балихай с товарищами выехал очень торжественно, их провожали буряты и жены. Когда совсем собралось и все было готово, тогда Балихай спел следующую песню:

Асхан мэни хоршоёр	Мөнхө дурхэн зурхэлжи,
Ахи харгу болобою.	Ахан толго зорьхомни.
Аха дурхэн зурхэлжи,	Шулутын мэни голор
Ахи толго зорьхомни.	Шулун харгу болбою.
Мөлхөтын мэни голор	Шулун дурхэн зурхэлжи,
Мөнхө харгу болбою.	Ахан толго зорьхомни.

После этой песни Балихай и его товарищи простились со всеми, вышли на улицу, сели на коней, а жена Балихая Мандавай в это время запела:

Тайга,тайга газарин	Ой угэй газартан
Тагад гэжи ябаран,	Табид гэжи ябаран.
Тала саган хэретэ	Бута сохо газартан
Табид гэжи ябаран.	Болгод гэжи ябаран,
Ойхон, ойхон газартан	Тэгши саган хэртэ
Онтород гэжи ябаран,	Табид гэжи ябаран.

Балихай с товарищами, остановившись, послушали эту песню, а затем уехали в далекий Верхне-Окинский караул.

На Верхне-Окинском карауле Балихай прожил три года и в это время вел борьбу с окинскими бурятами, которые сильно притесняли бурят, пришедших караулить границу. Окинские буряты ничего им не давали, а если и продавали, то по дорогой цене и, как местные жители делали что хотели. Когда Балихай приехал в Верхне-Окинский караул, то местные буряты по-прежнему начали их притеснять. Балихай подал прощение в Иркутск о том, что окинские буряты живут на земле балаганских бурят и имеют сообщение с Монголией, что опасно для караулящих, а поэтому окинских бурят надо переселять в Тунку. Тогда из Иркутска пришло распоряжение выселить окинских бурят в Тунку. Окинские буряты испугались, перестали чинить притеснения и помирились с Балихаем, который взял у них скот, доил молоко, колол скот на мясо. С этого времени они стали жить хорошо и были приглашаемы в гости к окинским бурятам.

Однажды окинский богач Бодо пригласил к себе в гости Балихая с целью опозорить его перед народом. Когда Балихай должен был приехать, то богач

Бодо, по старинному обычаю, разостлал в юрте около очага х у б с ы р ворсом не к очагу, как это обычно делают, а к стене. Балихай вошел в юрту, поздоровался с хозяином, и увидел, что около очага х у б с ы р ворсом шерсти разостлан к стене. Он догадался, что богач хочет его испытать. Он подошел к очагу, сел на х у б с ы р лицом к стене, а не к очагу, что по обычаю не допускается.

Богач Бодо и говорит: «Балихай, как ты ехал из дому, сидел на коне лицом, обращенном к хвосту коня?»

Тогда Балихай сел лицом к очагу.

Богач Бодо говорит: «Прежде я слышал, что унгинский Балихай служил в Иркутске заседателем суда, а теперь приехал занги-нойоном на Верхне-Окинский караул».

Балихай ответил: «Прежде я слышал, что у окинских бурят есть богач Бодо, а ты до сих пор остался б о д о е м, а не сделался а р с о й».

Потом они гуляли несколько дней. Одну ночь Балихай спал в восьмиугольной юрте и ночью пробудился, сильно захотел пить. Ночь была светлая и лунная, через дымовое отверстие в юрту входил лунный свет, в освещении которого лежала нагая молодая девица, которая будто бы спала. Балихай, увидев ее, привстал, но в это время вспомнил песню своей жены, лег обратно и заснул.

Здесь предание расходится. Некоторые говорят так, что когда Балихай, проснувшись, сильно захотел пить, то какая-то нагая девица дала ему пить и после этого пошла и легла в лунном освещении. Балихай уже встал, но в это время вспомнил песню своей жены, лег обратно в постель и заснул.

В это время окинские буряты на улице караулили. Они сделали в юрте щель, сняв в этом месте замаску (ш а б а х а н), и смотрели в нее; когда Балихай подойдет к девице и ляжет с нею, тогда они войдут в юрту и поймают его. Это им не удалось. С этого времени окинские буряты сильно боялись Балихая, которого уважали и старались ему угодить, чтоб он их не выселил с этих мест.

Так прожил Балихай в Верхне-Окинском карауле три года, после чего с некоторыми товарищами приехал домой. Очень жаль, что в этом предании почти не упоминается об образе жизни окинских бурят, а упоминается только, что они в зимнее время пасут скот на подножном корму, и что они мало косят сена.

Когда жена Балихая узнала, что он возвращается из караула, то она приготовилась, собрала своих соседей и родных и ожидала его. Балихая дома встретили торжественно, по старинному обычаю, и гуляли несколько дней.

Балихай после возвращения из Окинского караула получил имя «Унгэ Балихай», по-русски «Унгинский Балихай».

Балихай из своей местности, пади Закулей, выселил несколько семейств русских, которые там поселились и начали заниматься хлебопашеством. Позднее Балихай из своей местности прогнал бурят из кости х о г о й.

Балихай жил до глубокой старости и умер в 96 лет. Мой отец помнил его, высокого и седого старика, который жил вместе со своим младшим сыном Хондоком.

Из преданий балихаевцев видно, что старик Балихай был хозяйственный и трудолюбивый человек и не любил сидеть без дела, как все прежние старики.

Однажды Балихай в своей избе делал колесо для бурятской арбы; прежние буряты колеса для арбы делали большие. Когда он почти кончил колесо, то в это время вошел в избу средний сын Хангал, который с ним посидел, поговорил и, выходя из избы, сказал, что у отца солнце закатывается. Старик Балихай остановил работу, внимательно осмотрел колесо и измерил. Оказалось, что колесо сделано верно и хорошо. В это время он случайно посмотрел на дверь, измерил колесо и дверь, колесо оказалось больше двери. Тогда он понял значение слов своего сына. Пришлось выставлять колоды двери, потому что прежние буряты дверь и окна делали совсем маленькими. Однако о нем говорят, что он был хорошим и толковым хозяином и, несмотря на почтенные годы, он не потерял ума и умер в полной сознательности.

В первой половине жизни Балихая буряты не занимались хлебопашеством, только скотоводством; буряты в это время имели уже все постройки деревянные, амбары, дома с печным отоплением и прочее, а прежние юрты совсем оставили.

Этот период особенно богат тяжбами бурят с русскими крестьянами из-за земли.

В этот период также прежние старинные обычаи бурят постепенно изменяются в соответствии с новыми условиями жизни. Родовые представители уступают власть над своими бурятами лицам, выборным от русского правительства. Эти выборные должностные лица захватывают власть в свои руки и начинают хозяйничать над бурятами на прежних правах родовых начальников.

Хангал был один из умных сыновей Балихая, который служил старшиною и заседателем думы. Он был твердого и справедливого характера; ему поручали трудные и важные дела для командировок и разбирательства. Хангал был

женат три раза: от первой жены Тэхэшки имел четырех сыновей: старший, Айшихан, тоже был умный и грамотный, но малым удавился; другой сын, Степан, тоже был умный и грамотный и даже знал по-монгольски и тоже умер молодым; Андрей и Лука были простые мирные люди.

Есть следующее предание: когда Степан сильно заболел, то его отец Хангал, богатый человек, пригласил одного большого черного шамана, который приехал, пошаманил, а потом сказал Хангалу, что душу Степана трудно выручить из темницы Эрлэн тама, только можно заменить другою душою его брата. Тогда Хангал захотел вместо души Степана отдать душу Луки. Получив согласие, черный шаман сделал шаманскую трость, одну сторону которой намазал сажей, а другую оставил белой и свою левую щеку намазал сажей. Ночью он шаманил, во время мистерии душа его обратилась в медведя, и он пошел ловить душу Луки, который в это время находился на сенокосе, с работником косил сено. Когда душа черного шамана, обратившись в медведя, подходила к балаганчику, где был Лука, за его душою, то в это время прискакала душа умершего Айшахана с натянутым луком и стрелою. Душа черного шамана испугалась и убежала. Таким образом, душу Луки не смогли поймать, а умный сын Степан умер.

Все это приписывают тому, что Хангал во время своего служения заседателем думы наказал одного черного шамана розгами за воровство. Это было в нынешнем уездном городе Балаганске. Как только Хангал наказал розгами черного шамана, то сразу же заболел, у него сильно опухли обе ноги, так что его даже на телеге нельзя было везти домой. Купили лодку, в которую уложили Хангала, спустили вниз по реке Ангаре до устья реки Унги, по которой его подняли вверх по течению, и привезли домой. По прямому направлению будет верст 18, а по реке гораздо больше.

Большой Хангал увидел сон, что он судился с черным шаманом в западном хате, где черного шамана обвинили, а его оправдали. После этого сна Хангал выздоровел. По словам бурят, черный шаман все же сделал зло Хангалу, так как у него умерли жена и сыновья.

Первое время Хангал был, по-видимому, из числа богатых, что видно из следующего предания.

Однажды осенью, когда наступило время колоть у с э, Хангал, по старинному обычаю, на этот раз должен был колоть на у с э двух больших и жирных кобыл. Жена его обрадовалась, что они разбогатели и колот двух кобыл; она целую ночь не спала и готовилась, потому что прежние буряты кололи

у с э с особенным торжеством. Прежде они кололи одну кобылу, потому что имели один табун, а теперь у них стало два табуна, и они могли колоть двух. На это торжество собирались родные и соседи, иногда приезжали и дальние родственники и было гулянье. У с э прежние буряты кололи осенью, когда наступало холодное время, мясо замерзало и не портилось; осенью кололи еще потому, что скот осенью более жирный, а зимой делается сухим. Запас мяса делают на всю зиму, чтобы хватило до весны, пока овцы не поправятся. У с э кололи по состоянию: богатые кололи больше, а бедные – меньше. Для прежних бурят у с э имело громадное значение, от которого зависел запас мяса на всю зиму, весну и даже лето, потому что оставшееся от зимы конское мясо весной сушили и ели летом, что показывало богатство.

Хангал второй раз женился на девице Гурсэг, от которой имел двух сыновей: старшего Михаила и младшего Николая (последний был моим отцом) и двух дочерей – Булсуна и Обо.

Относительно женитьбы Хангала на девице Гурсэг есть следующее предание. Когда девицу Гурсэг отдавали замуж, отец приготовил ей полное приданое, которое состояло из разного скота и домашней утвари: подставки для ящиков, разные ящики – узкие и длинные, разная деревянная и берестяная посуда для молочных продуктов, одежда по временам года, различные постельные принадлежности, одеяла, подушки, пологи для юрты и прочее. Такая невеста прежде называлась по-бурятски *з а h а h а н б а с а г а н* и все эти предметы назывались *б а с а г а н и з а h а л т а* – по-русски «приданое девицы». За такую невесту калым платили побольше, чем за девицу без приданого. Полное приданое называется *ө н ж и* – оно считается собственностью жены. Кроме того, дается конь с полной верховой сбруей; этот конь называется *х ө л м о р и н*, по-русски «ноговой конь».

По старинному обычаю невеста должна привезти от родителей полную обстановку юрты, а у жениха должна быть юрта. В старину, в период зэгэтэ-аба и немного позднее, в период общинного скотоводства невеста приводила коня в полной верховой сбруе и, кроме того, колчан со стрелами, лук с футляром (*х о р ж о г о*), полный *х э х э н э г* стрел, переметную суму (*у т а*), кожаную и берестяную посуду для хозяйства, постельные принадлежности и прочую обстановку балагана, то есть жилища. У жениха должен был быть балаган из

звериных шкур или другого материала, например, войлока. После падения зэгэтэ-аба с наступлением скотоводческого периода образ жизни бурят изменился, изменилось и приданое невесты по условиям местной жизни. В этот период вместо прежних колчанов со стрелами, луков с футлярами, хэ хэнэга с запасными стрелами, переметных сум и прочего пошли деревянные подставки для ящиков, деревянные ящики, деревянная и молочная посуда для молочной пищи, пологи для юрт и прочее. Если в это внимательно вникнуть и сравнить прежнее и позднейшее приданое, то мы увидим, что в соответствии с изменением условий жизни изменилось и приданое невесты. Такие предания важны, так как они шаг за шагом знакомят нас с давно прошедшей жизнью бурят в седую старину.

Свадьбы, по старинному обычаю, устраивались летом и на свадьбу ездили верхом; перед свадьбой, как и прежде, устраивали һал. По окончании свадебных обрядов, когда гости уезжали, то, по старинному обычаю, они старались угнать несколько голов скота, который люди со стороны жениха не отдавали. Иногда происходила серьезная схватка, кончавшаяся увечиями. Все эти старинные обычаи существовали уже в ограниченных размерах. Стали уже давать так называемый ухэр и архи, чтобы скот не угоняли.

Хангал в свое время считался умным и грамотным человеком, про него рассказывают довольно забавные анекдоты. Иногда его выставляют дальновидным и умным человеком, иногда хорошим работником, иногда простофилей и т.д.

Хангал однажды косил сено со своими работниками, из которых один ему в работе не поддавался, все время они состязались. В то время были жестокие обычаи. Если слабосильный или ленивый работник под прокосами оставлял несрезанную траву, которая сильно мешала грести, то такого работника сваливали на землю вниз лицом, один садился ему на спину, а двое других волокли его за ноги, чтобы он в другой раз не оставлял нескошенной травы, или драли по спине польнью как розгами. Однажды вечером, по обыкновению перед ужином, они поточили свои горбуши, которыми тогда косили сено, и, поточив, поужинали и легли спать. Хангал еще не заснул. Его соперник-работник тихонько встал, вышел из шалаша, осторожно взял горбушу Хангала, по лезвию горбуши Хангала провел оселком, положил ее на старое место, вошел обратно в шалаш, лег и заснул. Все это Хангал видел, но ничего не сказал. На другое утро они рано встали и пошли косить. Вот они косят до утренней еды,

а Хангал и его работник не идут кушать. Другие работники не могли их дождаться и пошли пить арсу. А эти два противника продолжают косить. Косят до обеда, обедать опять не пошли, и вечером работник признал себя побежденным. Тогда они пошли ужинать.

Однажды работники поехали на сенокос. По обыкновению сделали один шалаш с одним выходом. Хангал приехал, посмотрел и приказал им сделать еще один шалаш, а в каждом шалаше – два выхода: «Если у вас один шалаш сгорит, то перейдете в другой; а если будет один выход, то вас много и все вещи не успеете вынести, они сгорят». Позднее, во время большого дождя они варили в шалаше ужин. В это время шалаш загорелся, работники быстро выбросили все вещи на улицу, а сами едва успели выскочить из горевшего шалаша и перешли после этого в другой, готовый.

Еще рассказывают, что Хангал на вершине Куйты косил сено с работниками и увидел барсука, за которым погнался. Барсук убежал в нору. Хангал, призвав двух работников, начал копать нору. В этот день он не мог докопаться до барсука и продолжал копать на другой день со всеми работниками, также не мог докопаться. На третий день он продолжил это, но безрезультатно и, в конце концов, бросил, сказав: «Не копайте нору барсука, считая ее неглубокой; не покупайте низовых лошадей, считая их дешевыми».

Осенью Хангал поехал на вершину Куйты, где его работники жили со скотом. По дороге заехал к одному соседу, который выстроил маленькую избу с маленькими окнами, а у дверей избы пристроил небольшую юрту для приготовления пищи. Хангал вошел в юрту и, немного посидев, говорит жене соседа: «Зачем сделали такие маленькие окна? У тебя пристроенная юрточка сгорит и в дверь нельзя будет выйти. Твои дети выйдут на улицу в окно, а ты толстая, в окно не вылезешь и сгоришь с избою». После, действительно, юрточка сгорела. Дети выскочили на улицу в окно, а она не могла. Ее силою выдернули в окно и содрали всю кожу на обоих плечах.

Однажды Хангал куда-то отлучался и приехал весною. Без него его жена распорядилась выхолостить бурунчиков-порозов одному буряту, который был неопытен в этом деле, – около 40 бурунчиков-бычков пропало, и она это скрыла от мужа. Хангал, приехав, велел жене запереть всех бурунчиков, которых он хотел потом посмотреть, как они выглядят после зимовки. Жена его распорядилась запереть с бурунчиками прочих пригодных маленьких бурунчиков. Хангал посмотрел, похвалил, что их хорошо кормили и сказал, что у бычков-

бурунчиков выросли большие рога. Таким образом, он не различил кочериков от бурунчиков, и его так часто обманывали.

Однажды Хангал на подошве горы Ургата клал на телегу сено. В это время дул сильный верховик, который отбрасывал сено с воза. Хангал старательно клал сено, а верховик его сбрасывал. Хангал рассердился и крикнул: «Тэнгэри (небо), у тебя дно провалилось», потом опять бросил на воз сено, которое снова было сброшено ветром. Он окончательно рассердился и говорит: «Тэнгэри, я твои глаза выколю», и несколько раз ткнул вилами вверх, а потом вилами начал бить сено. Это был какой-то детский гнев.

Хангал сперва был не особенно богат, но когда табуны лошадей у него размножились и достигли 500 голов, то он, по старинному обычаю, дарил своему родовому обществу одну большую и жирную кобылу, которую общество, собравшись, торжественно кололо и съедало. При этом устраивалось гулянье с национальными танцами и играми, борьбой, скачками и бегами. Такое торжество продолжалось целый день.

Хангал при жизни своей начал сеять хлеб и сеял его поряточно для бурята того времени. В начале жизни Балихая хлебопашество у бурят вовсе не упоминается, — в это время буряты не сеяли хлеба. При жизни Хангала у бурят уже упоминается хлебопашество, следовательно, в это время буряты понемногу начали сеять хлеб.

Вторая жена Хангала Гурсэг умерла. Тогда он женился на третьей жене — Шомпи.

В это время у Хангала табуны лошадей достигли уже 1000 голов. Он, по старинному обычаю, хотел подарить своему родовому обществу для торжества две кобылы, но его убили.

Молодая жена уехала, отделившись, и впоследствии родила сына Никифора.

После отца остался Михаил — 7 лет, а Николай — 5 лет.

Когда Хангала убили, то его отец Балихай был еще жив. Когда Хангала хоронили, то пришел старый Балихай, постучал тростью по доске гроба и сказал: «Хангал, Хангал, я, 90-летний старик, отец, разве тебя надо хоронить. Ведь ты, сын мой, должен был меня хоронить». После этих слов он заплакал.

Из похорон Хангала видно, что в этот период унгинские буряты покойников своих постепенно начали хоронить в земле, а не сжигать как прежде.

В это время богатые и влиятельные буряты начинают давать своим дочерям и сыновьям русские имена. Одним словом, буряты находятся под сильным влиянием русских.

Блюдо

Блюдо куплено у крестьянина Егора Кирьякова-Попова – деревня Харинская Осинский волости.

Блюдо найдено лет тридцать тому назад около реки Осы, на бугре, на глубине в полтора аршина, в красной глине. Найдено оно следующим образом: отец Егора имел на реке Осе мельницу, к которой возили землю для запруды. Когда копали землю, то на глубине полутора аршин обнаружили это блюдо. Блюдо сверху было покрыто медным колпаком, как говорит Егор, в самом блюде – черная земля, которую выбросили. Медный колпак был сломан детьми и как лом продан меднику.

Местность, где найдено было блюдо, почти ровная, около реки Осы, с небольшим бугром. Около этого бугра есть так называемые х и т а һ и г р я д, – на этих грядах, по словам местных бурят, китайцы сеяли просо и сажали овощи.

II

ЮРИДИЧЕСКИЕ ОБЫЧАИ У БУРЯТ

В архиве бурятской Балаганской степной думы сохранились два любопытных документа, которые и подали мне повод к составлению настоящей статьи.

Первый из этих документов – приказ земского заседателя М. Карамзина главному балаганскому тайше Андрею Назарову следующего содержания:

«Иркутский земский суд, указом от 21 сего марта, за № 4696, вследствие такового ж Губернского правительства, предписывает мне немедленно собрать вернейшие сведения, чтобы иметь полное понятие об образе разбора, производимого иноверческими начальниками в предоставленных им делах; во-первых, каким образом в прежние времена поступали иноверческие начальники порознь по каждому ведомству в суждении своих подчиненных, исчислив притом с совершенною основательностью и точностью и все те случаи, кои к предмету разбирательства принадлежат, как например: воровство скота малое и большое, ссоры, неплатеж калыма и проч., и показав с тем вместе во всей подробности правила, коими они руководствовались прежде и ныне руководствуются; во-вторых, каким образом в настоящее время все сие делается и в чем собственно власть родоначальников состоит, причем отобрать от всех иноверческих обществ мнения, на мирских приговорах и общем согласии основанных, каким образом считают они для себя удобнее и сообразнее настоящему времени разбираться в будущее время в малых проступках и кражах скота, то есть на прежнем ли порядке, или другим каким-либо отличным образом; в-третьих, о мере и степени наказания, производимого до сего виновным, порознь за каждое преступление. Вследствие чего рекомендую вашему благородию, составя в немедленном времени означенные сведения в предписанном порядке и дополненные во всех частях объяснениями,

доставить оные тотчас ко мне, опасаясь за медленность и упущения взыскания, марта 28 дня 1818 года».

Второй документ – это «приговор» Балаганского братского (т.е. бурятского) общества, доставленный тайшой А. Назаровым в ответ на вышеприведенное предписание земского заседателя. Юридический документ этот содержит в себе настолько интересные сведения, что мы считаем не лишним привести здесь точную копию «приговора», снабдив последний, со своей стороны, некоторыми подстрочными комментариями.

Содержание «приговора» таково:

«1818 года, апреля 1 числа, мы, нижеподписавшиеся Иркутского уезда, Балаганское братское общество со всеми родоначальниками, старшинами и простыми родовичами, по выслушании копии с указа Иркутского земского суда от 21 числа марта сего года, за № 4694, г. дворянскому заседателю 9-го класса Михаилу Ивановичу Карамзину, последовавшего относительно отобрания от нас мнения, основанного на мирских приговорах о том, каким образом считаем мы для себя удобнее и сообразнее настоящему времени разбираться в будущее время в предоставленных нам делах и о прочем, – по нашем рассуждении и соображении всех местных обстоятельств, по общему всего Балаганского общества мнению, заключили: «сей наш мирской приговор в том, как по вере нашей ни в каких случаях и никогда от древних наших обычаев и преданий, предками нам оставленных, и законов, нами хранимых, отступить мы не должны (и не можем) да и считаем: малое какое-либо новое для себя введение, установление и перемены в рассуждении внутреннего управления нашего и разбора дел съиздревле уже высочайшими имянными узаконениями нам предоставленными по образу нашей жизни, простоте нравов и непросвещению, будет для каждого из нас не только не вразумительно и отяготительно, но даже может повергнуть и в сущее бедствие, то по сему желаем все единогласно остаться о внутреннем нашем управлении и разбирательстве дел между собою непременно, на прежних правах, изъясненных нами в сделанном ныне по вышеозначенному указу сведении без всякой перемены, как легчайшем и удобнейшем способе к спокойствию всех о (в?) гражданского судопроизводства, в чем грамотные из нас подписуемся, а неграмотные прилагаем свои печати и знаки».

Далее следует: «Сведения Иркутского уезда, Балаганского ведомства, братского общества, ведения главного тайши 12 кл. Андрея Назарова, учиненные собранием всех 17 родов, вследствие указа Иркутского земского суда от 21 числа марта 1818 г., за № 4696, г. дворянскому заседателю 9 кл. Михаилу Ивановичу, последовавшего марта 29 числа 1818 года». Сведения эти состоят из ряда вопросов и ответов на них:

ОБ ОБРАЗЕ СУЖДЕНИЯ ИНОВЕРЧЕСКИМИ НАЧАЛЬНИКАМИ В ПРЕЖНИЕ ВРЕМЕНА СВОИХ ПОДЧИНЕННЫХ В ПРЕДОСТАВЛЕННЫХ ИМ ДЕЛАХ

1. Какие дела братские считают предоставленными их разбирательству?

По древнему братских обыкновению¹ и на основании инструкции бывшего на Китайской границе полномочного посла Иллирийского графа Саввы Владиславича, состоявшейся 1728 года июня 30 дня, указа 1729 года ноября 8, инструкции ж, высочайше данной лейб-гвардии секунд-майору Щербачеву 1763 года, июня 4, имянного высочайшего указа 1783 года марта 6-го, 4 пункта, и высочайшей же инструкции, данной сибирскому генерал-губернатору, 1803 года мая 23, 9 пункта, — считают они дела, принадлежащие, и предоставленные собственному их разбирательству и во избежание формальных законных судопроизводств, от коего (коих?) по образу иноверческой жизни, древним обычаям и непросвещению своему, полагают, что могут они иметь отягощение, волокиту и расстройность в состоянии, следующие:

1) Всякого рода воровство, кражу и обман, не превышающие состояния впадшего в оное преступление и не заключающие в себе важных последствий.

2) Ссоры, драки всякого рода, не причинившие обиженному смерти, тяжелой болезни и повреждений членов.

3) Раздел наследства, разбирательства и взыскания долгов, калыма, потрава, и проч., не превышающие состояния тяжущихся.

4) Нарушение в обществе спокойствия и тишины, маловременную братских отлучку, пьянство, леность и тому подобное.

П р и м е ч а н и е: Прочие же преступления и дела, почитаемые иноверческими начальниками уголовными и криминальными (sic!), суть следующие²: всякого рода смертоубийство, с намерением и без намерения происшедшее, грабительство большое и малое, разбой, набеги, зажигательство, большие и неоднократные воровства, несоразмерно состоянию похитителя, особенно произведенные целыми партиями и сопряженные с действием и намерением зла и запутанностью. А также ослушание и неповиновение целого общества, явное кем нарушение законов и вредное какое-либо разглашение; о каковых обстоятельствах предоставляют они внешнему начальству для законного суждения.

2. Каким образом начинается их судопроизводство или разбирательство дел? Чем и когда оканчивается?

Судопроизводство или разбирательство у балаганских братских обыкновено начинается либо со словесного объявления просителем жалобы или объявления родоначальником, старшиною или же простым родовищем

(родовичем?) открывшегося преступления. По сим объявлениям, ежели преступление или дело малое, то родовой шуленга и старшины, собрав несколько человек из лучших родовичей своего рода, коротким словесным судом судят оное, и буде ничего дальнейшего не откроется, и преступник в учиненном им преступлении сознался или же тяжущиеся между собою примирились, то тут же на месте и решают по общему всех согласию на нижеследующих правах, в §3 и 4 изъясненных. А если же обстоятельство важное, и сами они решить не могут, тогда немедленно приглашают 2-х и 3-х прочих родов шуленг и старшин с лучшими родовичами и начинают с ними судить оное дело беспристрастно, таким же точно образом, как выше сего значит (?), и более увещевают преступника и тяжущихся к сознанию и примирению, спрашивают посторонних свидетелей и изыскивают довольные и ясные доказательства, а по окончании сего, ежели к решению ничего не остается, то по общему же всех согласию и решают. Но буде и сим способом, по важности преступления дела, по каким-либо обстоятельствам решить оное не можно, то доносят о том главному тайше, который, по выслушании, либо сам с ними решает, или предоставляет полному при конторе³ суглану⁴, без всякой тяжущимся волокиты и промедления, на точных же правилах, выше изъясненных, коротким словесным судом.

Примечание: В случае же несогласия судящих поступают иноверческие начальники в решении дела по большинству голосов и перевесу голоса главного тайши, и по собственному тяжущихся согласию, что они судом их довольны. Таким образом, производится суд и разбирательство у балаганских братских с самой их древности и производится ныне всегда во всем одинаково; и ежели к чему родона начальники и общество на суглане кого осудят, то на том, по вере их, и должны они стоять. Однакож, буде тяжущиеся не будут иногда решением довольны, а обвиняемые в преступлениях сочтут себе наказание, на них налагаемое, чрез меру, то, не делая таковым никакого исполнения, не только предоставляют им право просить себе нового суда у самого главного тайши⁵, но не воспрещается им искать себе удовлетворения у земских начальников или высшего правительства.

3. Какими правилами руководствуются иноверческие начальники при суждении и разбирательстве дел?

Правила, употребляемые иноверческими начальниками при суждении и разбирательстве своих подчиненных, берутся в руководстве из вышеозначенных в § 1-м законов, так равно из сельского и иноверческого положения и других приличных и ближайших законов же, особенно распубликованных в указах Иркутского губернского правительства 1800 г. августа 3-го, 1806 г. июля 9-го и 1809 г. октября 22-го, по коим, употребляя они все меры человеколюбия и беспристрастия, стараются всеми способами в ссорах, драках, долгах, калымах тяжущихся примирить и доставить обеим сторонам справедливое удовлетворение, а в воровствах и других преступлениях впадшего в оное уве-

шевают и, ежели он учинит признание или изболчится чрез свидетелей и другие довольные доказательства, то в пример и страх другим, равномерно и к удержанию его на будущее время от подобных проступков, без упущения и жестокости, с кротостию наказывают соразмерно вины, — либо телесно лозами, или строгими выговорами, арестом, стыдом, денежною пенею и взысканием покраденного, которое всегда хозяину возвращается без убытка.

П р и м е ч а н и е: Пытка же⁶ и пристрастные допросы, равномерно жестокость, чрезмерное бесчеловечие у братских, по вере их и по силе имянного высочайшего указа 1801 г. сентября 27-го, вовсе неизвестны и ни в каких случаях не употребляются, поелику почитают они за важный себе вред и преступление наказывать или осудить кого безвинно. Но, напротив того, справедливость изыскивают всеми позволительными и возможными мерами и доходят в суждении до самой точности, а потому:

1). Иноверческие начальники при разбирательстве дел стараются прежде всего узнать совершенно, с намерением ли или без намерения сделано кем какое преступление. Если оно сделано с намерением и была к тому преступника собственная воля, то таковой без упущения наказывается, а буде учинено преступление без намерения и не от злости, тогда ни к чему оный более не осуждается, как только за неосторожность и неосмотрительность денежной пене или выговору.

2). Первым правилом приемлется у иноверцев к осуждению виновного личное его сознание или показание многих хороших и достаточных свидетелей, прямые и ясные доказательства. Но в случае неимения оных, а тяжущися не признаются и к миролюбию не соглашаются, тогда в решении дела поступают они таким образом, что, по общему всех согласию самих тяжущихся, избирают вместо оных ближайших их родственников, кои и должны за них в справедливости, по древнему их обряду и вере⁷, присягнуть или с клятвою подвергнуть или же опровергнуть обстоятельство дела в маловажных случаях пред ружьем или шпагою⁸, а в важных и более заслуживающих уважения должны они для таковой же присяги, божбы или клятвы ехать к так называемому или искони почитаемому и уважаемому Шаманскому камню⁹, близ устья реки Ангары, у Байкала моря находящемуся, где чрез сии средства и познается всякая справедливость и истина. А буде сии родственники, с которой ни есть стороны, за тяжущихся таковой присяги или клятвы учинять не захотят, а отзовутся, что они им не верят и присяги за них сделать не могут, тогда сии и остаются виновными, яко по осуждению уже своих родственников и незаслуживающие у них доверия.

3). По всем делам свидетели приемлются только те, которые истинно никакой причины ко лжесвидетельству не имеют и поведения добропорядочного. Родственники же, друзья, имеющие ссору, равномерно малолетние и безумные никогда во свидетельство не приемлются, но по нужде, на неимением посторонних свидетелей, приемлются иногда и из родственников, однакож не иначе, как с учинением вышеописанной присяги пред ружьем или у Шаманского камня.

4). Прочие свидетели допрашиваются по увещеванию старшин, с надпоминанием их древних случаев, что всякая ложь есть преступление, которое будет наказано здесь и в будущем веке, что свидетелю большой есть грех, буде он покажет неправду по дружбе или за подарки¹⁰. Присяги же никогда и никакой, по иноверческому их обряду, не делается.

5). По неимению свидетелей, приемлются доказательства к обвинению самые прямые и ясные, а в противном случае, ежели судимый, при всех увещеваниях, личного сознания в взводимом на него преступлении не сделал и ничем не обличен, то таковой от всякого наказания и взыскания делается свободным и оставляется только в подозрении и замечании, впредь пока не изболчится ли¹¹.

6). Никакой иноверческий начальник в собственном своем деле и в деле ближних своих родственников судьей не бывал и ни к чему в разбирательстве дела того не допускается, а судят оно посторонние родона начальники.

7). Равномерно, ежели тяжущиеся или судимый объявит какую причину на кого из судящих его, что он судом или разбирательством его доволен быть не может по соре между ими или другим каким обстоятельством, то таковой родона начальник к суждению и разбирательству не допускается¹², а судит вместо его другой.

8). Ежели тяжущиеся на суде примирились или обидимый в причиненной ему обиде обидчика своего простил, то суд и разбирательство в то же время прекращается и более не судят.

9). Все открывающиеся дела и преступления через 10 лет, о коих ежели проситель в течение 10-ти лет нигде не просил, а о преступлении каком-либо не было известно, то о таковых разбирательствах суда никакого не производится и всякое дело (кроме уголовного и криминального), по прошествии 10-ти лет, предается вечному забвению¹³.

10). Обиду, причиненную кому заочно словами, почитают они за ничего и никакой просьбы и удовлетворения просителю по оной не делают¹⁴.

11). В обиде кому словом и делом, ежели кто в течение 6 дней никому из родона начальников своих о том не объявил и в течение месяца (вместо годового и двухгодового срока) удовлетворения себе никакого просить не будет, то суда, по иноверческому их обряду, более уже не дается и никакого разбирательства не делается¹⁵.

4. Меры наказания, ими налагаемого за каждое преступление порознь

Мера наказания, полагаемая за каждое преступление порознь, есть следующая:

1). Ежели кто украдет у кого живую скотину, коня, корову или овцу, за каждую голову, по древним всех иноверцев обыкновениям, взыскивается с виновного, по сделанному им признанию или изобличению посторонним доказательством, по 4 головы того же роду скота и возвращается хозяину, и виновный до двух раз, при сходке народа и по приговору мирскому с запискою в журнал, наказывается телесно лозами 16, а в 3-й раз представляется Иркутскому земскому суду для законного суждения и переселения его в другое ведомство.

2). Буде кто у кого украдет имение или вещь и заpiresательства не учинит или будет изобличен чем другим, тогда отбирается от него покраденное имение или вещь и возвращается хозяину, а в случае неимения взыскиваются с него по настоящей цене деньги, и он наказывается по вышеописанному же до двух раз телесно лозами, а в 3-й раз представляется суду.

Примечание: Ежели кто про такое ведал, чем помогал или крыл у себя и тому подобное сделал, то таковой, по изобличении, тем же считается воров и наказывается с ним единомерно наказания¹⁷.

3). Обман или мошенничество всякого рода, хотя настоящим воровством не почитается, но без наказания таковой никогда не оставляется, наказывается за обман в первый раз строгим выговором, чтобы вперед одного не делал, а взятое им обманом возвращается просителю, во второй раз — с возвращением

взятого наказывается содержанием нескольких дней под караулом, а в 3-й раз — лозами и лишается честности и общего доверия¹⁸.

4). Ежели кто утаит найденную какую вещь и с намерением ею воспользуется и не объявит своему родоначальнику, то таковой с отображением от него найденной вещи для возвращения хозяину наказывается по вышеописанному же¹⁹.

Примечание: Но буде из потерянных вещей найдено у него оных только некоторая часть, а хозяин, действительно, докажет, что потеряно их было более, то также найденная часть отбирается и возвращается хозяину, а вместо наказания за то, почему не объявил находную вещь, взыскивается с него и остальная часть тех потерянных вещей и возвращается хозяину, дабы никто найденным вещам утайки не делал.

5). Ежели кто из злости с намерением у кого что испортит или изувечит и убьет скотину и в том повинится или чем изобличите», то, созразмерно вины, наказывается лозами или иным наказанием, и убыток хозяину с него возвращается без упущения²⁰.

6). Буде кто кому чем грозит или похвалится на него лихим делом и (при?) разбирательстве сычется (окажется?) справедливо, тогда таковой должен дать от себя подписку, что он ничего того вредного с ним не сделает²¹.

7). За напрасную просьбу и несправедливый поклеп проситель наказывается в первый раз строгим выговором, во 2-й — содержанием несколько дней под караулом, а в 3-й — денежную пенею в общественную сумму 10 руб. и лишается веры, со взысканием за всякий раз проторей и убытков²².

8). Ежели кто живет в обществе беспокойно, делает ссоры и раздоры, часто пьянствует и не слушается старшин, родовичей, ленив и нерадителен к делу, то таковой чрез строгие выговоры побуждается к добронравию и трудолюбию и, ежели по нескольким побуждениям не исправится, то при сходке народа в стыд и удержание наказывается лозами²³.

9). Но буде в обществе явится какой-либо ослушник, который не только сам не будет в чем повиноваться, но и других будет развращать и приводить к тому же, то, дабы не распространилось от него какое зло, тотчас берется под караул и судится собранием, и если преступление его не велико, то при сходке народа наказывается же лозами, а ежели преступление важнее, тогда представляется на рассмотрение главному тайше.

Примечание: Пьянство у братских никого не извиняет, и потому, ежели кто в пьянстве что учинит, то наказывается вдвое: за преступление и пьянство²⁴.

Равномерно кто незванные придут к кому на праздник, а у него учинится потеря и по обыскам нигде не найдется, то таковые незванные должны оную потерю заплатить хозяину беспрекословно, чтобы впредь для пьянства и без дела незванные никуда не ходили²⁵.

10). Ежели кто кого из простых родовичей обидит словом или делом и оно будет доказано, то таковой обидимому, ежели небольшая обида, должен заплатить за бесчестие в первый раз 5 руб., во второй — 10 руб., в третий — 15 руб., наказывается по рассмотрению. Но буде обида важна или сделано увечье, то бесчестие полагается против вышеописанного вдвое и втрое, изувеченного должен обидчик за свой счет вылечить и притом наказывается обидчик лозами²⁶.

Примечание: Женам же и детям обоего пола обидимым полагается бесчестие равное против мужа и отца²⁷.

11). Но буде обиженный и сам напротив сделал сопернику своему такую же обиду, то бесчестия (наказания?) ему никакого не делается, а взыскивается с обоих в общественную сумму пеня против (?) изъясненного в 10 пункте бесчестия и наказываются оба содержанием под караулом со всеми проторями и убытками, дабы вперед ссор и драк между собою не делали, а в больших драках наказываются лозами.

Примечание: Если же кто кого в драке больно изувечит, испортит или изломает какой член, или же который ни есть из них после драки вскоре умрет, то таковое обстоятельство никем не разбирается, а почитается уголовным и представляется начальству. Тело же умершего для лекарского свидетельства хранится в леднике.

12). Буде кто из подчиненных сделает какую обиду своему родоначальнику или старшине, то о таковом представляется на рассмотрение главному тайше, который судит сам и с прочими родоначальниками; и если же обида не велика и избивенный родоначальник прощает обидчика, то оный и остается, а если обида велика и обидимый не прощает, тогда представляется вышнему начальству²⁸.

13). Ежели, сверх чаяния, какой-либо родоначальник иноверческий, забыв свою обязанность и страх законов, обличится когда в каком неправосудии, или в обидах своих подчиненных, то таковой судится по всей строгости самим главным тайшею со всеми прочими родоначальниками, и если преступление не велико, то обиженным, своим подчиненным тут же доставляет всякое удовольствие и правосудие, а в больших и неоднократных преступлениях представляется суду вышнего начальства, из звания своего исключается²⁹.

14). Буде кто у кого братские между собою задолжаются и после платить будет ему нечем, то таковой, не лишаясь за долг своего имения, чтобы не раззорился, а отдается займодавцу или кому другому в работу, или же налагается на него погодной платеж, соразмерный состоянию и семейству³⁰.

Примечание: Решение же долгов у братских с русскими непременно должно быть исполняемо на точном основании указа Иркутского губернского правительства, 1817 года в июле

месяце распубликованного, и сельского и иноверческого положения; ибо от задолжения русским братских без позволения их родоначальников, особенно не на малую сумму, не только сии последние приходят в крайнее истощение, и не могут вносить в казну государственных податей, но даже многие из них в самое короткое время вовсе от того разоряются, лишаясь своего имени и состояния, которое по нужде продают за бесценок, желая устоять в своем слове заимодавцу и опасаясь просьбы от него начальства³¹.

15). В прочем (в остальном?) не показанные здесь другие какие преступления и (какие?) должны быть виновным за те наказания, то все оные судятся, разбираются и решаются, применяясь к общим узаконениям, древнему братских обычаю и заведению и правилам, выше сего в §3 изъясненным, без всякого пристрастия, угнетения и чрезмерной строгости, точно таким же образом и мера налагаемого за оные наказания никогда не превышает в телесном наказании нескольких ударов лозами, а в прочих – ареста недельного, денежной пени и словесных выговоров³².

5. О браках братских и разбирательство калымов

У всех иноверцев делаются их браки по древнему уже обыкновению и вере – взятием себе жены за калым, или же на промен отданной за нее дочери.

Калым отдается за жену по согласию родителей с обеих сторон в малолетстве еще детей; он платится по состоянию, неравно, из разного скоат от 30-ти до ста и более голов, или вместо одного отдается такая же невеста³³.

Таким образом, взятая братским жена почитается им, как купленная, но не крепостная, а в общежитии ему равная помощница. Разбирательство же калымов съиздревле происходит у братских на нижеследующих правилах:

1). Ежели, по общему согласию мужа и жены, брак их разводится с тем, что муж отлучает жену свою по воле и жена идет от него по желанию, то калыма, отданного мужем при женитьбе своей, ни с кого ему не взыскивается, и жена никакого более себе награждения от него не требует, как только муж оной должен при отпуске дать ей одну верховую с прибором лошадь, летнюю и зимнюю одежду³⁴.

2). Но буде жена без согласия мужа от него уйдет к своему отцу или матери или же родственнику, по каким-либо своим обстоятельствам, тогда отданный за нее калым или в промен невеста непременно взыскивается с отца и матери, или же с наследников и отдается мужу, дабы он нисколько не лишился своей собственности, а не менее, мог бы жениться на другой и не расстроить свое состояние, особенно по вере и закону иноверцев, возвести опять семью свою и умножить свой род³⁵.

3). А если жена уйдет от мужа своего не к отцу или не к матери и не по их научению, а в другое какое место из братских сама собою, то немедленно она же к мужу своему возвращается. Посему таковые жены, по развратному своему поведению, уходят более в русские селения, где без всякого рассуждения о последствиях крестятся, то в сем случае, по закону иноверцев, должен быть взыскан за нее калым и возвращен ее мужу с тех священников, которые примут таковых беглых женок и без удостоверения чрез начальство о их состоянии и без сношения с иноверческими родоначальниками о причине побега и прочих обстоятельствах, в указе Иркутского губернского правительства от 26-го июля 1807 года за № 17765 прописанных, окрестят и не возвратят в свое место, дабы чрез то не расстроивались семейства иноверческие, не разорялись их состояния и не оставались дети без призрения, поелику Балаганского ведомства родоначальники никому по доброй воле никакого препятствия к восприятию св. крещения не делают, но только происходило бы оное не чрез побег, влекущие за собою не только неминуемое раззорение, растроенность, но и самое бедствие.

6. В чем состоит власть иноверческих начальников

Власть иноверческих начальников заключается, во-первых, главного тайши: в исполнении наблюдению законов и предписаний высшего начальства, в сохранении тишины и порядка в вверенном ему народе, в наблюдении за правосудием, бескорыстием, за поступками родовых шуленг и старшин, в понуждении их исполнять свои обязанности, к беспорочному прохождению службы, к точному и неременному исполнению указов начальства и его приказаний, по службе им даваемых, во всевозможном старании и попечении доставить своим подчиненным лучшую и спокойную жизнь, улучшая сельское их хозяйство и домостроительство и ограждая законами и древними своими обыкновениями вольность жизни и имение каждого без пристрастия от всякого насилия и удерживая предоставленной ему властью, мерою приличного наказания, от всяких преступлений, не порядков, лености и нерадения, а во-вторых, прочих родоначальников власть и обязанность состоит в тех же самых предметах, как и у главного тайши, яко его помощников или местных родовых начальников над родовыми только своими братскими³⁶.

(Конец приговора 1818 года)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ БУРЯТСКИХ РОДОНАЧАЛЬНИКОВ

В прежнее время главным начальником «зэгэтэ-аба» был галша, которому принадлежала как светская, так и духовная власть над всеми зэгэтэ-облавишками.

Впоследствии власть галшей, вследствие постоянной их вражды между собою из-за первенства, сильно пошатнулась, и они постепенно совсем потеряли ее. На место их появилось родовое управление со своими представителями в каждом отдельном роде. Русские застали бурят именно когда они управлялись родовыми представителями. Занимались буряты тогда уже скотоводством и жили небольшими обществами, разбросанными в разных местах.

Когда русское влияние сделалось господствующим в стране, и буряты вполне подчинились русскому владычеству, в это время власть прежних начальников зэгэгэ-аба окончательно пала; за ними сохранилась только некоторая доля духовной власти. Шаманы тогда опять стали стремиться захватить власть в свои руки. У верхоленских, кудинских и прочих бурят, живущих по Якутскому тракту, первым отдал подать русским шаман Холон и силач Хашки. У балаганских бурят шаман Боголо делается «главным», после смерти его — некто Хурхи, а за ним — Бахан, который был прежде шуленгою. Бахан был сын известного унгинского белого шамана Барлака. После смерти Бахана выбрали «главным» Дабeya, а после него — Назара Хубаева, который был главным шуленгою. Назар Хубаев был утвержден, по выбору общества, главным тайшою в 1787 г.; с этого времени звание тайши передавалось в потомстве Назара Хубаева до 1865 года.

Когда и каким образом прекратилась передача звания тайши по наследству, можно видеть из следующего указа, который мы приводим здесь дословно: «Указ его императорского величества, самодержца Всероссийского, из Иркутского губернского правления, Балаганскому окружному полицейскому управлению. По указу его императорского величества, в Иркутском губернском правлении слушали предложение г. и. д. иркутского гражданского губернатора, от 6-го февраля за №627, о том, что г. председательствующий в Совете Главного управления Восточной Сибири, при предложении от 14 февраля 1867 года за №69, препровождая на распоряжение его превосходительства поданное его высокопревосходительству инородцем Балаганского ведомства Иннокентием Андреевым прошение, в котором он заявил наследственные права на звание тайши и управление Балаганским ведомством, вместо относящего эту обязанность инородца Жербакова; прошение Андреева заключается, главным образом, в том, что он после смерти отца своего, главного наследственного тайши, Григория Андреева, будучи еще малолетним, утвержден в 1851 г. по праву наследства, на основании 903–912 ст. 111 т. о службе, по выборам главным тайшею инородцев Балаганского ведомства. Вступив в 1864 году в управление Балаганским ведомством, Андреев, по его объяснению, прилагал все заботы о благосостоянии ведомства, но некоторые инородцы, по убеждению

недоброжелательных ему лиц, взвели на него разные неблаговидные поступки и просили о назначении главным родоначальником другого инородца, вследствие чего и были назначены вновь выборы, на которых инородцы и заявили будто бы единогласно желание оставить его, Андреева, тайшею и постановили об этом приговор 20 октября 1865 г.; хотя приговор этот был предоставлен бывшему балаганскому исправнику Прыткову, но он принят во внимание не был, а приказано было будто бы (произвести?) новые выборы, на состоявшемся по этому случаю втором суглане в главные родоначальники избраны были три инородца: Осип Жербаков, Иннокентий Андреев и Данила Тархаев, но, так как приговоры об избрании этих лиц были возвращены, то (на?) третьем суглане избраны были два инородца: Осип Жербаков и Михаил Миронов, из которых первый и допущен был к управлению ведомством, как получивший большее число избирательных голосов; затем Андреев, доказывая свое безукоризненное поведение и наследственные права, просит распоряжения г. председательствующего в Совете Главного управления о допущении его, Андреева, к отнесению обязанности главного родоначальника инородцев Балаганского ведомства. Рассмотрев представленные Андреевым при прошении указы Иркутского губернского правления от 16 июня 1787 года за № 4051, от 19 декабря 1808 г. за № 37364, от 26 мая 1837 года за № 2720, от 17 февраля 1849 года за № 994 и от 1 марта 1851 года за № 722, выданные разным лицам из рода Андреевых на тайшинское звание, на чем, главным образом, Иннокентий Андреев основывает свои наследственные права на это звание. Его превосходительство со своей стороны находит (что?) документы эти доказывают, что инородцы: Назар Хубаев (16 июля 1786 года), Андрей Назаров (19 декабря 1808 года), если их даже считать предками Иннокентия Андреева, а также Григорий Андреев (указ 26 мая 1838 года) определялись тайшами по выборам, а не по наследству. Назар Хубаев был только главным шуленгою, а за хорошее поведение и усердную службу произведен 16 июля 1787 года в главные тайши. Главным тайшею, а также по выбору, а не по наследству, определены: Андрей Назаров 19 декабря 1808 года, а Григорий Андреев 26 мая 1837 года назначен был не главным, а вторым тайшею; затем Григорий Андреев и сын его Иннокентий Андреев утверждены главными родоначальниками инородцев Балаганского ведомства не по наследству, а по выборам. Следовательно, Иннокентий Андреев вовсе не имеет наследственного права на тайшинское звание, а если до сего времени должности главных родоначальников бурят Балаганского ведомства относили лица из одного рода Андреевых, то в этом видно только желание избирателей и случайность, что выборы падали на одно лицо (лицо одного рода?). Таким образом, Иннокентий Андреев на звание тайши,

как оно присвоено инородцами согласно 1224 ст. IX т. зак. о состоянии инородцев, не подлежит удовлетворению. Для удостоверения же о том, насколько справедливы причины, по которым инородцы заявили нежелание иметь Иннокентия Андреева главным родоначальником Балаганского ведомства, вследствие чего были произведены новые выборы, его превосходительством был командирован в Балаганское ведомство и. д. чиновника особых поручений Иркутского Общего губернского правления Апошнев, причем поручено было ему удостовериться в действительности представленного Андреевым приговора, которым инородцы выразили будто бы желание оставить Андреева главным родоначальником, при первом распоряжении о выборе вместо него другого лица, а также обратить внимание, что именно заставило инородцев не желать иметь Андреева тайшею, собрать действительные факты его нехорошего поведения, что и послужило главным поводом к его удалению от обязанности главного родоначальника. Из представленного г. Апошневым удостоверения видно, что инородцы, участвовавшие 22 октября 1865 года в составлении приговора об оставлении Андреева тайшею, действительность того приговора в данном ими показаниях утвердили; в особо же подданом г. Апошневу отзыве объяснили, что, хотя приговором этим они изъявили согласие на оставление тайшею инородца Андреева, но впоследствии времени должны были изменить свое желание, так как Андреев оказался неспособным в отнесении этой обязанности, во-первых, по склонности его к чрезмерному употреблению вина, служившей причиной тому, что Андреев или вовсе забывал свои обязанности и не принимал никакого участия в делах инородцев по званию тайши, или, если иногда и принимал, то результатом этого бывала явная несправедливость, доказывающая если не злонамеренность, то непонимание дела; во-вторых, потому, что он, Андреев, по мнению их, участвовал в растрате 20 000 пудов хлеба, доставлявшегося в 1862 и 1863 гг. обществом инородцев Балаганского ведомства в бывший винокуренный Александровский завод. При спросе всех вообще инородцев Балаганского ведомства, они, за исключением немногих, отзывались, что причиною удаления Андреева от обязанности тайши была не неспособность Андреева, а участие его в растрате помянутых 20 000 пудов хлеба и в допущении, во время обязанности тайши, значительных недоимков на обществе. Поверяя основательность заявленных инородцами причин удаления Андреева от обязанности тайши, с целью обнаружить действительные факты неодобрительного поведения Андреева, г. Апошнев обращался к делам Балаганской степной думы, из которых усмотрел: во-первых, что во время управления Балаганским инородческим ведомством инородца Андрее-

ва на обществе этом считались недоимки по запродаже в Александровский винокурный завод 20 000 пудов хлеба, каковое обстоятельство как бы доказывает бездействие Андреева, и, во-вторых, к неодобрительным действиям Андреева, как тайши, по производству дел между инородцами, относится дело о взыскании с инородца Тройчкеева 30 пуд. хлеба и 2 руб. денег. Здесь Андреев подвергает Тройчкеева телесному наказанию с целью принудить его заплатить инородцу Бароксанову 30 пуд. хлеба, потравленных у него скотом, тогда как, по разбирательству Наймадаевского родового управления, в потраве этой оказался виновным не Тройчкеев, а инородец Шангаев, который по этому делу данною в родовом управлении подпискою обязался заплатить хлеб, впоследствии же обратился с жалобой к тайше Андрееву, а он не истребовал от родового управления производившейся по этому предмету переписки, подвергнул Тройчкеева телесному наказанию, посредством которого вынудил его заплатить Бароксанову 30 пуд. хлеба. Такое действие Андреева доказывает, по меньшей мере, непонимание им своих обязанностей. Обращаясь к выводам инородца Андреева, помещенным в прошении его, поданном 27 января 1867 года председательствующему в Совете Главного управления Восточной Сибири, о неправильных действиях бывшего балаганского земского исправника Прыткова при избрании его, Андреева, тайшею, заключающихся в том, что г. Прытков не принял к представлению по начальству приговора, составленного об избрании Андреева тайшею, должно заметить, что был ли предъявлен приговор, составленный 22 октября 1865 года, г. Прыткову, того из дела Балаганской степной думы не видно, но суть в том, что означенный приговор не явлен, как бы следовало, в Балаганской степной думе; есть основание предположить, что приговор тот не был предъявлен и г. Прыткову, да если бы и был, то он не мог быть принят, по неявке его, как сказано выше, в Балаганской степной думе. В том же 1865 году, действительно были составлены инородцами три приговора, коими в звании тайши избирались инородцы: Жербаков, Андреев и Тархаев; приговоры эти, по явке их в Балаганской степной думе, были представлены г. Прыткову, но им возвращены, с предложением вновь составить приговор, которым избрать кого-либо одного. Вследствие этого состоялись и были представлены г. Прыткову два приговора, коими в звании тайши избирались инородцы Жербаков и Миронов, из них первый большинством; что касается выводов инородца Андреева на стеснение его земским начальством, помещенных в прошении Андреева от 4 марта м. г. на имя г. генерал-губернатора Восточной Сибири, то прошение это по сделанному Андреевым отзыву, подложно о тех выводах. В донесении своем г. Апошнев, кроме того, присово-

купил о молве, возбуждаемой между инородцами по поводу домогательства Андреева быть тайшею Балаганского ведомства: слышно, что к искательству звания тайши Андреева подстрекает ближайший родственник его, инородец Егор Миронов. Человек этот, управляя, по распоряжению правительства, Балаганским ведомством, в то время, когда Андреев был несовершеннолетним, приобрел над этим последним огромное влияние и, пользуясь им, а вместе неопытностью Андреева, позволял себе с корыстной целью разные неблагоприятные действия, последствием которых была, между прочим, растрата хлеба 20 000 пуд., доставляемых в Александровский завод, но в действиях этих он, Миронов, сумел скрыть свое участие, и виновниками их выдать других, в том числе инородца Андреева; удерживая влияние над Андреевым и по настоящее время, Миронов рассчитывает, в случае назначения Андреева вновь тайшею, быть опять его руководителем в делах и этим, при неблагонамеренности своей, извлечь из положения Андреева собственные выгоды. Это если не главная, то во всяком случае важная причина, заставляющая инородцев не желать иметь Андреева своим тайшею и опасаться назначения его в это звание. Докладывая обо всем вышеизложенном г. генерал-губернатору Восточной Сибири, его превосходительство представлением 14 октября м. г., за № 4509, просил распоряжения его превосходительства об утверждении главным родоначальником инородцев Балаганского ведомства инородца Осипа Жербакова, который по своему поведению и способностям может относить эту обязанность, а главное, что с решением этого вопроса положится предел интригам, которые ведутся партией Андреева и приводят в возбуждение инородцев всего Балаганского ведомства. Г. председательствующий в Совете Главного управления Восточной Сибири, рассмотрев представление его превосходительства от 14 октября м. г. за № 4509 и совершенно соглашаясь с изложенным в нем мнением, что должность тайши Балаганского инородческого ведомства не принадлежит к числу наследственных и что предки инородца Иннокентия Андреева, как видно из указов, им данных, служили в оной по выбору, предложением от 13 декабря м. г. за № 1106 просит распоряжения его превосходительства о выдаче утвержденному его высокопревосходительством в помянутой должности, по выбору инородцев, инородцу Жербакову указа на занятие этой должности, остановленного выдачей ему по поводу просьбы инородца Иннокентия Андреева; что же касается до сего последнего, то приказать объявить ему, что за приведенными доводами домогательство его о вступлении по наследству в должность тайши Балаганского ведомства оставлено без последствий и к тому же, как оказывалось по удостоверению чиновника Апошнева, сами инородцы не

желают иметь его своим тайшею. Уведомляя обо всем вышеизложенном, его превосходительство просит Губернское правление распорядиться выдачею указа инородцу Жербакову на занятие должности главного родоначальника бурят Балаганского ведомства, а также объявить инородцу Андрееву, что просьба его о допущении к управлению означенным ведомством и восстановлении наследственных прав его на тайшинское звание его превосходительством Константином Николаевичем по вышеизложенным причинам оставлена без удовлетворения. Приказали: О содержании настоящего предписания г. и. д. гражданского губернатора дать знать для надлежащих распоряжений с препровождением печатного указа на звание главного родоначальника инородцев Балаганского ведомства инородцу Жербакову Балаганскому окружному полицейскому управлению, предписав ему при этом истребовать таковой же указ от предшественника Жербакова и по требованию представить его в Губернское правление и объявить инородцу Андрееву об оставлении его просьбы о допущении его к управлению Балаганским ведомством и восстановлении наследственных прав его на тайшинское звание без удовлетворения по причинам, изложенным в предложении его превосходительства. Марта 19 числа 1869 года. — Подлинный подписал: за советника А. Затопляев».

Г а л ш а

В прежнее время, до прихода русских, северо-байкальские буряты занимались звероловством в зэгэтэ-аба, охотясь общими силами и деля убитых зверей между собою поровну. У них были тогда начальники, которые руководили облавами, следили за порядком и судили провинившихся.

Главным начальником зэгэтэ-аба был так называемый **галша** (**гал** — огонь, **галша хун** — огненный человек, или с огнем человек). Галша распоряжался всеми зэгэтэ-облавицами, как во время облавы, так и в домашней жизни и во время военных действий. Должность галши, можно думать, была сначала избирательною и уже впоследствии сделалась наследственною.

Отражение власти галши мы находим и в некоторых религиозных воззрениях бурят. Среди западных хатов главным лицом является заян Хан-Шаргай-нойон, который, по преданию, спустившись с неба, остановился на горе Халша-Ула верхом на коне, в полном вооружении. По бокам его стоят **х о ё р ж о л о ш и** (в буквальном переводе «двое, держащие повод»), с правой стороны — Харасагай-зарин, с левой — Хан-Хургай-нойон. Оба эти **ж о л о ш и** присягнули в верности Хан-Шаргай-нойону под стрелю. Кроме них, Хан-Шаргай-нойон пригласил себе помощника старика Тулман-Саган-нойона, который, давши

присягу под стрелою, сделался покровителем свадьбы. Дальше Хан-Шаргай-нойон пригласил других лиц. В Ухан-хате является главным лицом, заяном, Ухан-Лобсан-хан, который также имеет двух ж о л о ш и: с правой стороны – Ута-Харанган-нойон, а с левой – сына Унхуя-Урянхая; за ними следуют другие приближенные и подчиненные Уха-Лобсон-хану заяны. У сатинских бурханов первое место занимает не мужчина, а женщина – Бишелэ-Ганзу-бурхан, за нею мужчины с женами: Хугэл-Саган-бурхан, Холор-Саган-тобши, Эргил-Саган-бурхан, жена его Борго-Саган-хатун, Такил-Саган-бурхан, жена его Зула-Саган-хатун, Голто-Саган-бурхан и т. д.

Хан-Шаргай-нойон в западных хатах и Уха-Лобсон-хан в Ухан-хате, может быть, были некогда начальниками зэгэтэ-аба. В Ухан-хате Уха-Лобсон-хан, будучи, по преданию, некогда начальником зэгэтэ-аба – г а л ш а, первый обратил внимание на рыболовство, первый, с помощью подчиненных ему чиновников, придумал разные рыболовные снаряды и первый установил религиозный обряд Ухан-хату.

Что касается того, что во главе сатинских бурханов стоит женщина, то в этом, может быть, можно видеть остаток матриархата (сатинские бурханы почти все имеют жен и детей); на это указывают и некоторые из призываний сатинских бурханов:

Далан шарга морин	Семьдесят соловых коней
Хантарата бага,	Стояли с перекинутыми (через седла) поводьями.
Далан булган даха	Семьдесят соболевых дох
Буктэрэтэ бага,	Лежали, перекинутые лежали (на седлах),
Далан Сэн басагад,	Семьдесят девиц Сэн,
Хорин гурбан холбого,	Двадцать три холбого
Хоргорото дада	На местности Ханаро (Канск)
Нудал барьхан...	Кочевки держали...

Далее упоминается еще:

Алтан нарин	На стороне восхода золотого солнца
Гарха дэргэндэ	Девяносто белоголовых коней
Ерон тонго саган морин	Стояли с перекинутыми поводьями,
Хантарата бана	Девяносто лисьих дох
Ерон үнэгэн даха	Лежали перекинутые (на седла).
Бөктөрөтэ бана	Девяносто девиц Холгоно
Ерон Холгоно басагад	Летали на вершину горы...
Ула одо дибэдэ...	

Упоминание о 70 и 90 девицах не указывает ли на то, что было время, когда женщины руководили облавами?

Галша в продолжение своей жизни управлял зэгэтэ-облавшиками как главный начальник, причем он соединял в себе как светскую, так военную и духовную власть.

У нынешних бурят существует обряд «с а г а л и б а р ь х а», во время которого обыкновенно говорят х а д а к а х а х а. Это делается, когда бросают вторую чашку с тарасуном и молоком и делают т о р у к; присутствующие вырывают траву и затыкают ее за пояс, это и означает х а д а к а х а х а, — «надеть на себя колчан и лук». Обычай этот сохранился от прежней зэгэтэ-аба; ныне буряты не носят колчана и лука на тайлганах, и это заменяется тем, что вырвут траву и заткнут ее за пояс. Галша, будучи светским и духовным лицом, во время религиозных обрядов снимал с себя колчан, лук и прочее оружие; по окончании обряда галша снова надевал на себя все свое вооружение.

Что должность галши была наследственной, это подтверждается тем, что у нынешних бурят шаманы наследственные. Шаманом нельзя сделаться, а необходимо происхождение от предков шаманов. О передаче должности галши по наследству можно предполагать и по некоторым преданиям. Так, в прежнее время братья убивали свою сестру, чтобы их наследственное право не могло перейти к другим бурятам (в данном случае к потомству сестры). В шаманском роде Бузгат с этой целью шесть братьев убили свою сестру, а в другом шаманском роде — Додоевой семьи — отец и мать зарыли свою дочь живую в землю; в племени Булагат 6 сыновей Бузган убили свою сестру, отрезав у нее соски на груди. Дети галши после смерти отца делались галшами по наследству; этим и объясняется распадение бурят из одной большой и многолюдной зэгэтэ-аба на несколько небольших зэгэтэ-аба, во главе которых встали родоначальники.

Один род галшей сменялся другим в случае, если какой-нибудь галша был побежден в битве, и его власть и звание присваивал себе победитель.

Предания, между прочим, передают, что у западного хата Хан-Шаргай-нойона зашел однажды спор из-за первенства с Сом-Саган-нойоном (по другим вариантам, из-за дочери Буха-нойона). Хан-Шаргай-нойон победил своего противника Сом-Саган-нойона и жестоко наказал его. В шаманском призывании Сом-Саган-нойона (или, как обыкновенно буряты называют «Быдэк») говорится:

Муяга ехэдэ	С большой бессердечностью
Мурага тануллабиб	Концы ребер моих вырезали,
Хажира ехэдэ	С большой жестокостью
Хабиргая тануллабиб.	Ребра мои вырезали.
Ута хайхан нюрганхан	С длинной и белой спины моей

Губан хур зухуллэби,
Улан хайхан хасархан
Улан улгэр эсхуллэби

Для аркана вырезали ремень,
С красивой и красной щеки моей
Для унтов подошву выкроили
(т. е. вырезали).

Про восточного Боро-Шарга говорят, что у него была вырезана грудь.

Галша, победивший своего противника, приносил в жертву не только его самого, но и его близких родственников и друзей. Эти человеческие жертвы приносились черному и злому заяну. Буряты думают, что вражда, тяжбы, драки и т. п. происходят по воле черных и злых заянов или восточных черных тэнгэри. Для умилоствления этих заянов и тэнгэринов существует религиозный обряд ө р г ө а м а г а р г а х а (ө р г ө н – «челюсть», а м а н – «рот», г а р г а х а – «выводить», т. е. «вывести злоречие, вражду» и пр.), когда делают из черной материи человеческую фигуру, которую и сжигают на огне.

Не лишним считаю здесь же сказать несколько слов о борьбе прежних черных шаманов и шаманок. В прежнее время шаманы имели между собою непрерывную вражду и борьбу, которые описываются в шаманских призываниях:

...Хорин төмөн хордута
Сахядан хөбун Дэлхэтэ-
Сахири хөбун Боксоргоно,
Толши угэй сэрэктэ
Томирши угэй тукта;
Барун эмхэн дэрэ
Хуши жодо ургулжи;
Зунхэн эмхэн дэрэ
Хажурха шөнхэ ургулжи
Бахан баглан ерлэюш

Булгаха мэни
Гурба бохолжи
Абши баха хэрэмдэ
Мудан урэ
Гэртэши гэжи.
Гэртэ болхон
Гашир наша...

С двадцатитысячного Хордута
Сын Сахядая Дэлхэтэ Зогдор,
Сын Сахира Боксоргоно,
С войском без числа,
С знаменем без счета,
На правом плече (своём)
Выростивши кедр и пихту
На левом плече (своём)
Выростивши ель и лиственницу,
Считая ни во что, презирая,
приехал (ты),
Юрту мою
Опоясавши (окруживши) три раза,
Стоял в то время, взявши
Дочь Мудая.
«Дома ли?» – ты сказал, –
«Если дома,
Выходи сюда...»

В этом отрывке говорится, что шаманы, сын Сахядая Дэлхэтэ-Зогдор и сын Сахира Боксоргоно, приехали с многочисленными войсками и три раза

окружили ими юрту шаманки Будая, дочери Мудая, чтобы взять ее в плен или воевать с нею.

Другой отрывок:

Ойн модор	Лесными деревьями
Олон төмөн	Многотысячные
Сэрэк хэжи	Войска сделавши,
Талалабди;	Мы воевали (сопротивлялись);
Тагин модор	Таежными деревьями
Табин төмөн	Пятитысячные
Сэрэк хэжи	Войска сделавши
Тулалабди...	Мы воевали (сопротивлялись);

В другом отрывке говорится:

...Далан даба дабажи	На семьдесят гор подымался,
Далан улан шөпөхөр	Семидесятью красными лиственницами
Сэрэк барьжи	Войска державши,
Тулалабди;	Воевал (сопротивлялся);
Далан улан хорхоёр	С семидесятью красными червями
Иде хэжи ябалабид;	Еду сделав, ходил;
Олон даба дабажи	На много гор подымался,
Олон улан шөрөхөр	Многими красными лиственницами
Олон сэрэк хэжи	Много войска сделавши,
Тулалабди,	Воевал (сопротивлялся),
Олон улан хорхоёр	Из многих красных червей
Иде хэжи ябалабид...	Еду сделав, ходил...

Из этого отрывка видно, что побежденный противник убежал от своего победителя, подымаясь на семьдесят гор, и, преследуемый победителем и не имея пищи, питался красными червями.

Объяснение тому, почему на шаманских плащах «оргой» в виде украшения находятся стрелы, луки, копья, сабли и другое оружие, а также изображения зверей, птиц, рыб, змей и пр., — можно дать из того, что галша, как власть духовная и светская, имел все оружия, которые были в его время в употреблении. Изображения разных зверей, птиц и пр. означали шаманское его происхождение, т. е. покойных предков, которые ездят на разных животных, или же сами обращаются в них; так в призывании тарсайских шаманов говорится:

...Борхон тула жим мана	...Серенький заяц — бег наш,
Бөртөн шоно зардул мана.	Серый волк — посыльный наш,
Хон хэрэ хубилган мана	Ворон хон — превращение наше,
Хото бөргөд ильши мана,	Орел хото — посланник наш!

Бөртөө толгодо
Бөртөн шоно боложи
Бэгэрлилэн бахи мана.
Хэни урэ харла
Тарсая толгодо
Табан галун боложи
Ганганалуан хухи мана.
Хэни урэ харла...»

На вершине Бортоя,
Превратясь в серого волка,
Мы бегали.
Чей сын увидел?
На вершине Тарсая,
Превратясь в пять гусей.
Крича, сидели мы,
Чей сын увидел?..

А онго-хоруты ездят на медведях, за собою водят на поводе льва и т. д.

...Бабага ехэ унатан,
Бар ехэ хотолготон...

На большом медведе ездящие,
Большого льва водящие (за собою)...

Из птиц орел означает первого шамана; западные хаты, ухан-хаты и восточные хаты имеют своих орлов, на которых они ездят или посылают их с различными поручениями. Лебедь изображается у племени хангинцев и шаратов, рыбы – в ухан-хате и зурактанах, которые ездят на ките а б а р г а з а г а х а н у н а т а н; трости изображением головы коня означают тех коней, на которых духи шаманов галшей ездят в страну духов к заянам; хэсэ означает силу шамана; когда шаман бил в хэсэ, худые духи из страха удалялись. Ныне буряты говорят, что в тяжелые годы, когда покойные шаманы бьют в хэсэ, то это служит хорошим признаком, потому что худые духи в это время удаляются.

Галша, принимая должность главного начальника зэгэгэ-аба, требовал от всех подчиненных ему присяги под стрелюю, и сам, в свою очередь, давал присягу, совершая омовение своего тела. Омовение тела совершается и ныне шаманами при их посвящении.

У кудинских бурят новопосвящаемый шаман дает присягу на крови животного¹; 9 сыновей (?) диктуют ему присягу и он повторяет за ними следующие слова:

1) «Когда бедный человек будет звать тебя, то иди к нему пешком, не требуй от него много за труды и бери то, что дадут».

2) «Всегда должен заботиться о бедных, помогать им и умаливай богов о заступничестве от злых духов и их власти».

3) «Если позовет тебя богатый человек, то поезжай к нему на быке и не требуй много за труд».

4) «Если позовут вместе богатый и бедный, то иди сперва к бедному, а потом к богатому».

Потом, по произнесении этих слов, посвящаемому шаману приводят козленка, он ударяет его ножом в сердце и кровью мажет себе глаза, уши, рот

¹ «Известия Восточно-Сибирского Отдела Имп. Рус. Геогр. Общ.», т. XIV, №№ 1–2, стр. 47 и 51.

и нос. Это означает, что у него открыты духовные очи, уши, рот и нос, и он будет узнавать всю правду, видеть духов, разговаривать с ними, слышать их слова и т. д.

У унгинских бурят слова присяги следующие:

...Ухулэн хэлэжи	Говоря, (что больной) умрет,
Ухэр морин бу аба,	Не бери быка и коня,
Ахулан хэлэжи	Говоря, (что больной) пропадет,
Алта сагагин бу аба...	Не бери золота и серебра...

Шаману при его посвящении общество дарит деньги, животных, звериные шкуры и проч.; у бильчирских бурят общество покупает шаману жертвенную кобылу, которую, как на тайлгане, делят между собою поровну, по числу семейств; у унгинских бурят жертвенную кобылу приобретает сам посвящаемый шаман, но ему также дарят животных, шкуры и пр.

В похоронах шамана принимает участие также все общество и хоронят его на общественный счет, желая, чтобы он и в будущей своей жизни не переставал ходатайствовать за них перед заянами и был бы защитником от злых и черных духов. Когда умирал галша, то его, по обычаю, сжигали на костре в полном вооружении, в шаманском одеянии и со всеми шаманскими принадлежностями. Вместе с ним сжигали одного или двух служителей, которые должны были ему прислуживать в загробной жизни. Этот обычай существовал у бурят долго и прекратился благодаря влиянию русских.

В прежнее время буряты, зэгэтэ-облавшики, на месте, где был сожжен покойный галша, давали присягу новому галше (на этом же месте давалась присяга и в других более важных случаях) — отсюда обычай и у нынешних бурят давать присягу на шаманском месте.

Т о б ш и

Во время зэгэтэ-аба был начальник — так называемый т о б ш и. Т о б ш и — по-русски «пуговица» (т о б ш и л х о — застегнуть). Такое название произошло от того, что во время зэгэтэ-аба все облавшики разделялись на два равных отряда, под предводительством двух г а з а р ш е й или двух г а р б а р я ш е; в середине же между этими отрядами находился тобши, который как бы застегивал оба крыла зэгэтэ-облашников в одно. Тобши был в зэгэтэ-аба вторым лицом после галши и беспрекословно подчинялся всем требованиям и приказаниям последнего. Была ли должность тобши выборной, или же наследственной — трудно сказать что-либо определенное по тем немногим, дошедшим до нас, отрывкам преданий, которые касаются этого предмета; вернее, все-таки, что она была наследственной, а не выборной.

Г а з а р ш и

Говоря о тобши, мы упомянули, что во время зэгэтэ-аба были еще два начальника, называемые газарши. Слово «газарши» происходит от г а з а р — «земля»; г а з а р ш и — «путеводитель» или «проводник, знающий хорошо местность, где делают облавы на зверей. Двух газарши иногда называли х о ё р г а р - б а р я ш и: х о ё р — «два», г а р — «рука», б а р я ш и — «держаший»), так как они перед началом облавы становились по правую и левую руки тобши и вместе с ним уславливались о ходе облавы. Непосредственным начальником газарши во время зэгэтэ-аба был тобши.

З а х у л ы

Галша, тобши и газарши составляли высшую власть в зэгэтэ-аба; кроме них были низшие чины, называемые захулы. Слово з а х у л происходит от з а х а х а — «поправлять», з а х у л ы «поправляющие». В зэгэтэ-аба было несколько захулов; обыкновенно на каждое племя или родоначальника приходилось по одному захулу.

Захулы смотрели во время зэгэтэ-аба за порядком, заботились, чтобы все во время облавы на зверей действовали стройно, быстро, чтобы все ехали на равном друг от друга расстоянии и т. п.

М а л г а й

Самыми низшими чинами в зэгэтэ-аба были так называемые м а л г а й, в ведении которых находилось только двадцать человек (м а л г а й — «шапка»), и потому число малгай вполне зависело от числа зэгэтэ-облавыщиков.

Внутреннее разделение общества зэгэтэ-облавыщиков

Общество зэгэтэ-облавыщиков разделялось, по-видимому, на три части.

Высшее общество зэгэтэ-облавыщиков составляли семейство и родственники галши, тобши и двух газарши. Они были главными распорядителями зэгэтэ-аба; все управление сосредоточивалось в их руках; они составляли высшее общество зэгэтэ-аба. К высшему обществу принадлежали также богатые буряты, которые входили в родство с своими начальниками через выдачу своих дочерей замуж за их сыновей, или, наоборот, через женитьбу своих сыновей на их дочерях. Кроме того, к высшему обществу принадлежали еще кузнецы, как белые (с а г а н и д а р х а д), так и черные (х а р а н д а р х а д). Кузнецы во время зэгэтэ-аба имели важное значение как мастера оружия, составлявших необходимую принадлежность зэгэтэ-облавыщиков. Свое искусство они

держали в секрете и передавали его только по наследству; поэтому, кто не был кузнецом по происхождению, тот никаким образом не мог сделаться им.

Средний класс общества зэгэтэ-облавщиков составляли начальники, за-хулы, малгаи и все те, которые имели коня и могли выезжать верхом на облаву или на войну. Конь во время зэгэтэ-аба много значил, — без него трудно было обойтись. Тот зэгэтэ-облавщик, который имел коня, имел и право голоса в делах, принимал участие в облавах на зверей и различных военных действиях и получал свой пай (х у б и) из общего раздела.

Низший класс общества зэгэтэ-аба составляли все те, которые по бедности не имели коня и должны были ходить пешком. Они не участвовали в облавах на зверей, и их обязанностью было ходить за облавщиками, собирать убитых зверей и затем тащить их на себе на место стоянки.

Лица высшего и среднего класса зэгэтэ-аба нередко нанимали себе работников, так называемых х о л х о н ш и. Х о л х о н ш и происходит от слова х о л х о н — «заработок, плата», х о л х о н ш и — «работающий за плату». Х о л х о н ш и, приобретши состояние и коня, имели право сделаться самостоятельными зэгэтэ-облавщиками и могли участвовать во всех облавах на зверей и в военных действиях. В таком случае они переходили в средний класс с правом голоса в делах.

Были еще в зэгэтэ-аба некто вроде рабов, х у л х а н ш и, крайние бедняки, служившие из-за пропитания. Х у л х а н ш и происходит от слов: х у л — «пропитание» и х а н — «казна» (х а н ш и — «казенный»), х у л х а н ш и — пропитывающийся от казны общества зэгэтэ-облавщиков. Из этих хулханши назначались и убивались, в случае смерти галши или других высших лиц, для услужения им в загробной жизни; из них же, должно полагать, выбирали людей для жертвоприношения злым и черным духам-заянам, а также и для религиозного обряда д о л ө; потому-то их и кормили на общественный счет.

Обращая внимание на религиозные воззрения бурят, мы видим, что и духи разделяются также на три класса: высший — это заяны западные, восточные, ухан-хаты, души покойных шаманов и шаманок, кузнецов, онгоны и вообще те, которым присваивается название заянов. В честь этих духов-заянов буряты устраивают разные религиозные обряды — тайлганы, кырыки и пр. Кроме этих духов-заянов, у бурят есть духи, так называемые у х э р - б о х о л д о й, или просто б о х о л д о й, — это духи простых умерших бурят. Они ездят верхом в том самом одеянии, в котором были похоронены; они посещают вечерки,

гулянья, свадьбы, помогают ловить души живых людей и пр. При религиозных обрядах, тайлганах и кырыках шаман перед тем, как призывать главных заянов, в честь которых устраивается тот или иной религиозный обряд, обыкновенно берет в деревянную ложку из котла немного щей и, выплескивая их с куском мяса на м у х у р-ш и р е й, говорит:

Ширэги узурта шибэнэшин	У основания ширеев шёпотом
Хоно хождошин	Сзади опоздавшие, говорящие,
Хөл море исэгэшин	У коней которых ноги устали,
Хунэхэ хушэ барашин...	Пищу и еду окончившие.

Это — обращение к духам-бохолдоям, которые у основания ширеев говорят шёпотом и отстали сзади, так как у них устали кони и вышла вся пища. Ухэр-бохолдой — духи среднего класса. Кроме них, у бурят есть духи, которых обыкновенно называют х а р ь м я х а н. Харьмяхан происходит от слова х а р ь м я или х а р ь м я д э г э л — «изношенная и бесшерстная шуба». Это — души самого бедного класса общества ээгэтэ-облавщиков — х у л х а н ш и, которые как при жизни ходили в изношенных и бесшерстных шубах, так и после смерти должны ходить в них же. Духи х а р ь м я х а н ы тем и отличаются от прочих, что всегда ходят в худой одежде и пешком; кроме того, они всегда голодны и ищут поесть чего-нибудь, — они, как думают буряты, лижут котлы, чашки и ложки живых людей.

Песни х а р ь м я х а н о в могут слышать и живые люди.

Вот одна из них:

Улан, улан ухэр мэни	Красный, красный бык мой
Улан жоро болхо.	Белым иноходцем делается,
Харья, харья дэгэл мэни	Бесшерстная и изношенная шуба моя
Алта торгон болхо.	Золотою и шелковою делается,
Хурэн, хурэн ухэр мэни	Рыжий, рыжий бык мой
Хурэн жоро болхо.	Рыжим иноходцем делается,
Босө сосө годохон мэни	Стоптаные и изношенные унты мои
Борло годохон болхо.	Козульими унтами сделаются.

Этот х а р ь м я х а н был похоронен, вероятно, за неимением коня, на красном быке, на котором он ездит и на том свете. На тайлганах и кырыках, когда сварится мясо и котлы снимают с огня, шаман, бросая конец слепой кишки в огонь, говорит:

Бахан шулу бала.	Дулю дэлбэ.
Хэбтэхэн шулу хэмхэ.	Хархинсак хамна
Мухар мулта	Дудашин.

Женщины в зэгэтэ-аба

Женщины во время зэгэтэ-аба наравне с мужчинами принимали участие в облавах на зверей и в различных военных действиях. По-видимому, они иногда даже соперничали с мужчинами, а нередко и превосходили их в стрельбе из лука, в верховой езде, в умении владеть мечом, копьем и пр., что можно предполагать на основании некоторых преданий. Так, напр., рассказывают, что одна девица во время зэгэтэ-аба отличалась меткостью в стрельбе, и лошадь у нее была хорошая; дядя ее из зависти застрелил из лука эту лошадь. Девица, оплакивая лошадь, пела:

Алари мана абада
Алиган мини дарала.
Алтан-Шарган хурданда
Нюдэн мини бөрлөлө.
Алаха барьхым урда
Абага мини харбала.
Хушутыни мана абада,
Хуриган мини дарала,
Хурдан шарган хурданда
Нюдэн мини бөрлөлө.
Хусхэ харбахым урда

Абага мини харбала,
Гөрбөлжини мана абада
Гөрөхөги үлдэлэб.
Гулгэхэр шарган хурданда
Нюдэн мини бөрлөлө,
Хусхэ барьхым урда
Абага мини харбала.

В нашей аларской облаве
Замерзла ладонь моя;
От быстроты бега золотисто-солового
Потемнело в глазах моих;
Перед тем, как поймать мне его,
Застрелил его дядя мой;
В нашей хушутинской облаве
Замерзли пальцы мои;
От быстроты бега быстрого солового
В глазах моих потемнело.
Перед тем, как, догнавши,
поймать мне его!
Застрелил его дядя мой.
В нашей горболжинской облаве
Погнались за козулей;
От быстроты бега солового
Потемнело в глазах моих;
Перед тем, как, догнавши, стрелять,
Застрелил дядя мой.

О большой роли женщин в зэгэтэ-аба можно судить и по тому, что шаманское происхождение передается не только по мужской, но и по женской линии: дети от дочери шамана могут быть шаманами и шаманками. Женщины бывали белыми (с а г а н и о д ё г о н) и черными шаманками (х а р а н о д ё г о н); в кузнечных онгонах тоже есть женщина Элэк-Мулак, сестра 9 сыновей Божинтоя. Шаманки так же, как и шаманы, во время посвящения получают шаманский оргой, хэсэ, трость с изображением головы коня, шаманскую шапку-мяхавши и пр.

В прежнее время, выдавая своих дочерей замуж, родители давали им верхового коня с полной сбруей, колчан со стрелами, запасные стрелы, лук и, вообще, все необходимое при облавах, а также и для того, чтобы иметь право голоса в делах и получать пай из общего раздела.

ПРИМЕЧАНИЯ

1). Балаганские, идинские, аларские и китойские буряты («Изв. Вост.-Сибир. Отд. И. Р. Г. О.», т. XIX) в первый раз увидели русских казаков приблизительно в 1627 г. на реке Ангаре, около устья реки Оки, где жили тогда буряты племени икинат, которыми предводительствовал силач Саган-Батар.

В 1654 году был устроен Балаганский острог.

Буряты Балаганского, Идинского, Аларского и Китойского ведомств (большую частью из племени булагат), а равно кудинские, капсальские (тоже из племени булагат), верхоленские, ленские и ольхонские буряты (из племени эхирит) скоро подчинились русским и начали платить дань. По преданию кудинских бурят, первыми отдали дань русским казакам шаман Холон Бордоев и силач Хашки.

В 1662 году был построен Иркутский острог, и все северо-байкальские буряты приняли русское подданство и стали платить ясак. В платеже последнего и выражалось их подданство; внутреннее же управление бурят оставалось нетронутым.

2). Ныне уголовными делами считают возмущение, умышленное убийство, разбой, насилие, делание фальшивых денег, похищение казенного и общественного имущества и корчемство. Дела же о побегах, поджоге, подлогах, всевозможных кражах, со взломом и без взлома, кражах разного скота, по одиночку и гуртом, в оружии или без оружия, и пр. не считаются уголовными и разбираются по обычаю бурят. В прежнее время (около 1720—1750 гг.) бурятские родоначальники имели право казнить и вешать провинившихся; буряты и ныне показывают место, на котором будто бы стояли столбы виселицы.

3). Когда буряты окончательно занялись скотоводством, а часть их и хлебопашеством, у них появились летники и зимники. Летом они жили на одном месте, удобном для скота, а зимою переходили на другое, где заранее был заготовлен корм для скота. Зимники — это были сначала те же юрты; затем они получили видоизменение в том отношении, что в них начали делать маленькие окна и устраивать печи, которые были сначала без труб; дым выходил через отверстие вверху юрты, закрывавшееся, когда печь не топилась; впоследствии буряты стали строить дома, по образцу русских изб, с особыми загородками для скота. Таким образом, мало-помалу буряты из кочевого племени обратились в полукочевое, и тогда-то у них были учреждены так называемые конторы, в которых буряты с своими родоначальниками собирались для обсуждения разных дел. У бурят в это время заведено было уже письменное делопроизводство. Все правительственные распоряжения поступали сначала в контору, которая затем и объявляла о них бурятам и их родоначальникам.

4). Слово с у г л а н происходит от суглаха — «собираться» — и значит «собрание».

Буряты во время суглана обсуждают все важные дела по денежной части, о гоньбах, подрядах и пр., а также выбирают из своей среды родоначальников. На сугланах участвуют все родоначальники ведомства и доверенные от каждого общества, под председательством головы и двух выборных инородческой управы, а в родах — родовые старосты, его помощники и все родовичи или несколько человек из каждого улуса.

5). Здесь главный тайша присвоил власть прежнего галши, который, как главный начальник зэгэтэ-аба (облавы), мог отменять все решения и постановления зэгэтэ-облавышников и других подчиненных ему властей. Родовые начальники впоследствии, однако же, не отменяли решения обшего суглана всего общества, в состав которого они входили сами как представители рода.

6). В прежнее время подвергали виновного, между прочим, такой пытке: со спины или со щеки вырезали у него кожу, из которой делали поводья для узды или подошвы к у н т а м (обувь). Существовала и смертная казнь, которая иногда заменялась ломанием стрелы над головою преступника; это означало, что виновный признается нравственно убитым, так как стрела у бурят считается душою человека.

7). В прежнее время, когда у бурят была зэгэтэ-аба, каждый отдельный род отвечал за своего члена.

8). Буряты и ныне принимают присягу целованием дула ружья; присяги же перед шапагоу теперь уже не существует (шапага употребляется теперь, между прочим, при пеленании ребенка на третий день после его рождения). Наиболее распространенною среди бурят присягою является в настоящее время так называемая с а г а л х а (что в буквальном переводе значит «побелиться»). Она состоит в том, что присягающему подается чашка с молоком, курунгой, или же какой-либо молочной пищей, и он должен отведать ее. Клянутся иногда и над кровью животных (последняя в таком случае в пищу уже не употребляется) и над лопаткою их.

9). С давнего времени у бурят существует обычай божбы у Шаманского камня, у истока реки Ангары, у озера Байкал. Эта божба считается очень сильною, и каждый бурят избегает и боится ее, да и прибегают к ней в особенно важных случаях. На месте нынешнего Шаманского камня жил, по преданиям, когда-то большой шаман, так называемый Гуртэ-Зарин, который при жизни занимался рыболовством, ставя морды, и в одну из своих охот утонул. Этот шаман после смерти сделался хозяином истока Ангары; кроме того, он попал в число зайнов западного хата. У бурят западные хаты считаются за добрых и покровительствующих людям зайнов, но за ложную присягу они строго наказывают виновных, и решение их нельзя отклонить или смягчить никакими жертвоприношениями, которыми так легко умилишить восточных хатов.

10). Буряты вообще избегают ложных показаний, в особенности после присяги на Шаманском камне, боясь кары со стороны зайнов, распространяющейся не только на самих виновников, но и на детей и потомство их.

11). В случае отсутствия свидетелей обвиняемому достаточно было побожиться в своей невинности на Шаманском камне, чтобы быть оправданным.

12). По мнению бурят, духи-заяны и простые духи также собирают с у г л а н ы, на которых судят живых людей и провинившихся родоначальников за их неправильное решение. Если родоначальники оправдают виновного, то последнего наказывают духи-заяны.

13). Десятилетняя давность явилась едва ли не в результате влияния русского закона. У бурят, например, весьма часто случается, что долги отца платят его дети и даже внуки, не обращая внимания на давность времени.

14). Случаи разбирательства за заочное оскорбление, хотя и редко, но все-таки бывали.

15). Первое и второе оскорбление буряты имеют обыкновение прощать: третье же и следующие уже подвергаются суду местных стариков, а иногда и родоначальника.

16). Телесному наказанию подвергают ныне воров в редких случаях и не дают более 25 ударов.

17). Ныне к укрывателям воровства суд относится гораздо легче и, по большей части, освобождает их от всякого наказания.

18). По мнению бурят, мошенников судят сами заяны, отчего они большею частию и бедны; грех падает и на детей их.

19). Нашедший и возвративший вещь получает известную часть ее стоимости, н ю д э б ш и (за находку), как говорят буряты. Если находят потерянную вещь у лица, не заявившего о своей находке, его лишают права получить н ю д э б ш и. Такое же правило соблюдалось и во время зэгэ-тэ-аба: нашедший раненного или убитого зверя и заявивший начальнику о своей находке получал н ю д э б ш и.

20). Во время зэгэ-тэ-аба подобные поступки были нередки: из злости портили стрелы, надрезывали тетиву лука, ремешки стремян и т. д. Виновника в таких случаях судили как важного преступника.

21). В прежнее время за подобные проступки судили очень строго, так как во время охоты леса давали большой простор мстить без свидетелей.

22). Ныне относятся к виновным по данному пункту не особенно строго, хотя несправедливых прошений и кляуз подается очень много.

23). Ныне в таких случаях строгие меры принимают сравнительно редко.

24). Пьянство и картежная игра между бурятами сильно развиты.

25). У бурят с давних пор существует обычай уведомлять и приглашать к себе соседей, если к кому-нибудь из них придет гость, для которого устраивается так называемый а р х и д а х а или а р х и д а ш и н. Он состоит в том, что все собравшиеся вместе с гостем ходят по улусу из одного дома в другой, и в каждом из них предлагается угощение. Обычай требует, чтобы все одноулусники принимали приехавшего к кому-нибудь из них гостя; не принять и не угостить последнего, значит — нанести тяжкое оскорбление тому, к кому приехал этот гость. Этот обычай у бурят остался, по-видимому, от прежней зэгэтэ-аба, во время которой все участники облавы имели общий стол, все необходимое для которого они добывали общими силами (убитые звери делились по окончании облавы между всеми поровну), и гостя принимали тогда сообща все зэгэтэ-облавышки.

Остатки прежней общей жизни среди бурят мы можем проследить и в некоторых других случаях. Если, например, обратить внимание на бурятские общественные жертвоприношения — **тайлганы**, то мы увидим, что они устраиваются целыми обществами. Общество сообща покупает жертвенных животных (несколько штук или одно) и, по окончании жертвоприношений, сообща угощает всех гостей, приехавших на тайлган (на тайлган гости, по-бурятски зошин, приезжают не по приглашению, а все, кто хочет).

Когда во время тайлгана заколют жертвенных животных и мясо их сварят в котлах, то из ноги каждого жертвенного животного вырезают по куску мягкого мяса, так называемый х о л-м я х а н (х о л — «нога», м я х а н — «мясо»), который идет для угощения гостей, или, если в улус к кому-нибудь приехала гостить выданная замуж дочь, то ей также предлагается этот х о л-м я х а н.

С задней ноги каждого жертвенного животного вырезают х а д а х а н; это мясо идет шаману за его труды. Остальное мясо делится между участниками поровну (что называется по-бурятски д а л а н г а). Мясо около костей вырезают мелкими кусками и кладут в корзины или чашки; мясо это называется ш у л а д х а н или я с и м, и едят его как гости, так и хозяева. Подобный же обычай мы наблюдаем и во время архидашина, то есть «гулянья». Буряты, собравшись, с гостями или без гостей, садятся вокруг стола или около очага, и им подается тарасун или вино, всем из одной чашки. Принесенный тарасун или вино берет один из сидящих, который в этом случае называется х а р х а ш и-ө б ө г ө н или х а б а ш и-ө б ө г ө н. Этот х а б а ш и-ө б ө г ө н наливает в чашку сначала немного вина и выплескивает его на огонь или просто капает им на стол, а затем наливает полную чашку и подает ее гостю, если он есть (если же нет его, то одному из старейших среди сидящих). Гость, получив чашку тарасуна или вина, не выпивает ее, а подает, с своей стороны, кому-нибудь другому, обыкновенно хозяину дома, и этот выпивает. Потом пустая чашка возвращается х а р х а ш и-ө б ө г ө н у, который снова наполняет ее и подает домохозяину. Последний отпивает из чашки небольшой глоток (это делается им для того, чтобы показать, что в чашке нет ничего худого, вино не отравлено и т. д.) и подает ее гостю, и гость пьет. Чашка снова возвращается к х а р х а ш и-ө б ө г ө н у, затем подается следующему по очереди и т. д., пока каждый из присутствующих не выпьет своей доли, называемой бурятами д у х а р я н — «очередь». Х а р х а ш и-ө б ө г ө н обязан знать и следить, чтобы никто не остался без духаряна. При этом каждому предоставляется полное право подавать свой д у х а р я н, кому он хочет, хотя бы тот уже и выпил свой д у х а р я н. При жертвоприношениях небу (т э н г э р и д у д а х а: т э н г э р и — «небо», д у д а х а — «читать») и Ухан-хату также назначается один распорядитель, которого называют х у н ш и-н о й о н (слово х у н ш и происходит от х у н — «молоко», х у н ш и — «молочное», н о й о н — «начальник»). На его обязанности лежит присмотр за порядком во время религиозного обряда, за чистотой привезенных вещей, пищи, за девятью сыновьями обряда и пр. Он следит, чтобы каждый домохозяин привез для жертвоприношения свою долю и брал бы себе только то, что ему полагается. Во время зэгэтэ-аба х у н ш и-н о й о н, должно полагать, был одним из распорядителей, следивших за порядком и разделом добычи.

26). За оскорбление словом или делом обыкновенно сперва судили местные старики, которые, собравшись, стыдили провинившегося и, увещевая его на будущее время не позволять себе подобных поступков, заставляли извиниться перед обиженным. В важных случаях дело доходило до улусного старшины и редко — до разбирательства родоначальника. Во время зэгэгэ-аба, если кто-либо в драке причинит другому увечье, то должен лечить его за свой счет и кормить из своего пая до выздоровления, потому что больной не мог принимать участия в облавах.

27). В этих случаях почти всегда судили местные старики и поссорившихся мирили между собою; дело редко доходило до родоначальника.

28). В прежнее время случаи нанесения обиды родоначальнику были чрезвычайно редки, и провинившегося в этом отношении судили очень строго, сперва — местные старики, а потом — родоначальники. Обидеть родоначальника считалось прежде большим грехом, так как родоначальник избран самими заянами, и они, по жалобе предков обиженного родоначальника, всегда строго наказывают виновника.

29). Вообще, бурятские родоначальники склонны к жестокости и мщению, с помощью которых они думают держать бурят в подчинении и страхе, как в прежнее бывшее время. Буряты обыкновенно до поры до времени молчат, пока число недовольных не станет уже значительным. Родоначальники, между тем, своими действиями все более и более вооружают против себя общество; наконец, общественники, выведенные из терпения, составляют из себя особую партию и подают жалобы на родоначальника. Этот подбирает свою партию, и, таким образом, в роде или ведомстве образуются две враждебные партии. Жалобы друг на друга сыплются обеими партиями без конца, и по ним невозможно разобрать, кто прав и кто виноват. Для воров и различных плутов наступает в это время особое приволье; они, конечно, держатся на стороне родоначальника и безнаказанно крадут у противной партии, так как жалобы последней родоначальнику остаются без удовлетворения.

30). Буряты обыкновенно снисходительны к своим должникам, подолгу терпят долги и не притесняют их. В последнее время стали появляться разные проценты и т. п.

31). Эта статья в приговоре появилась, вероятно, вследствие того, что буряты сильно задолжали русским, которые эксплуатировали бурят, напивая их водкой (до которой буряты большие охотники) и продавая им втридорога различные безделушки.

32). В общественном приговоре пропущены следующие обычаи:

1. Власть родителей и отношение их к детям. Родители должны воспитывать своих детей, одевать, кормить, а когда вырастут, сыновей — женить, а дочерей — выдать замуж. Родители при выборе невесты или жениха мало обращают внимания на согласие детей, которые должны беспрекословно подчиняться их воле и выбору; вследствие чего нередки случаи развода и убега жен от мужей. У бурят в обычае, как и прежде, так и теперь, устраивать сватовство и уплачивать калым, когда жених и невеста еще совершенные дети; часто также бывает, что, по каким-нибудь расчетам, мальчика лет 5—7 женят на 18-20-летней девушке.

2. О разделе сыновей при жизни родителей. Буряты, поживив сыновей, обыкновенно через несколько лет их отделяют, причем отделяемому сыну отец строит дом, амбар и пр. хозяйственные принадлежности в зимнике, а в летнике — юрту, выделяет известную часть скота и пр., смотря по состоянию. Раздел происходит обыкновенно в присутствии местных стариков и старух. Отделяют старших сыновей, а младший остается у родителей; если же почему-либо выделится и этот, то родители переселяются жить к старшему или среднему сыну. Если сын не слушается родителей, пьянствует, картежничает, не работает, ленится и пр., то такого сына родители могут прогнать без всякого надела.

3. О выдаче дочерей замуж. При выдаче дочери замуж родители получают за нее калым, размер которого колеблется, смотря по состоянию родителей и невесты. У унганских бурят большого Балаганского ведомства высший калым бывает трех родов: 1) *зун жоргон адухан, зокдорто тэмэн* (то есть «106 голов скота, верблюдов с шерстью зокдор») ; он состоит из 23 коров, 20 овец, 30 езжалых лошадей, 16 больших кобылиц (каждая с жеребенком) и одного большого верблюда с

шерстью зокдор; 2) Еренехонадухан, ехэтэмэн (то есть «99 голов скота, большой верблюд»); 21 корова, 15 овец, 30 езжалых лошадей, 16 больших кобылиц (каждая с жеребенком) и один большой верблюд; 3) Нааянтабадухан, намтартэмэн (85 голов скота, низенький верблюд): 15 коров, 12 овец, 25 езжалых лошадей, 16 больших кобылиц (каждая с жеребенком) и один низенький верблюд; кроме этого еще платят деньгами от 300 до 600 руб.; соразмерно полученному калыму родители должны дать и приданое — он жи: золотые и серебряные монеты, маржаны, летнюю и зимнюю одежду, разные постели, различные ящики, посуду, какая требуется в хозяйстве, верхового коня с полным седельным прибором, несколько голов разного скота и т. д. Приданое составляет собственность дочери, и муж не имеет права распоряжаться им без согласия жены.

4. О разделе после смерти родителей. Если родители при жизни не успели произвести раздела имущества между своими сыновьями, то последние делят все между собою поровну, если они все женаты или все холостые. Если же среди них есть и женатые, и холостые, то холостые получают более, нежели женатые, потому что им предстоит громадный расход, уже произведенный женатыми, — уплата калыма за невесту. Если некоторые из сыновей были отделены еще при жизни отца, то после смерти его они уже не получают ничего. Таким же образом делится и имущество, оставшееся после смерти матери (то есть ее приданое), причем известная часть его: платье, золото, серебро и маржаны — достается дочерям, если они не были выданы замуж при жизни матери. Дети от разных матерей наследуют приданое только родной матери. Сестры по смерти родителей остаются жить у одного из братьев (выбор зависит от обоюдного согласия), который получает в таком случае за сестру калым и, выдавая ее замуж, должен, с своей стороны, снабдить ее приданым соразмерно полученному им калыму.

5. О потомственных «пятнах» (клеймах, тамгах). Выделившийся сын не должен изменять на своем скоте отцовского клейма и может только видоизменить его. В случае, если бы родовое клеймо им было совершенно изменено, и впоследствии оказалось бы, что точно такое же клеймо принадлежит какому-либо другому роду, то последний вправе отобрать себе весь тот скот, который отмечен принадлежащим ему клеймом.

6. Многоженство у бурят. Буряты редко имеют две или три жены. Это бывает только в тех случаях, если, например, первая жена бездетна, или, женившись на второй, будет иметь от нее только дочерей и, в надежде иметь и сыновей, возьмет себе и третью жену. Если бурят умер бездетным, то обыкновенно говорят, что «огонь его потух».

7. Положение вдовы у бурят. Если после смерти мужа остается бездетная молодая жена, то она, по обычаю бурят, должна жить с кем-нибудь из братьев покойного мужа, если есть среди них холостой или вдовый. Если же нет ни холостого, ни вдового брата, или же сама вдова не желает жить с братом покойного своего мужа, то она может отделиться и уехать к своим родителям или братьям. В последнем случае вдова должна заплатить братьям или отцу покойного мужа весь калым, который был заплачен за нее, оставляя за собой только приданое. Если же жена после смерти мужа остается с детьми, она продолжает жить в доме своего мужа как полная хозяйка, и распоряжается всем его имуществом вполне независимо. В случае, если вдова начнет растрчивать имущество покойного мужа, то родные вмешиваются в ее жизнь и не позволяют ей продавать ни хозяйственных построек, ни утуга, ни пашен и пр. В прежнее время (до 1884 г.¹) вдова, оставшаяся

¹ До 1884 г. за умерших мужчин платили обществу все подати и повинности или жена, оставшаяся с детьми, или дети покойного, или братья, или близкие родственники, за что получали право пользоваться всеми принадлежавшими покойному сенокосами, пашнями и утугами. После 1884 года плата подати за умерших уничтожена, а равно и пользование их угодьями.

с детьми, платила за покойного мужа все лежавшие на нем подати и повинности и пользовалась всеми сенокосными паями покойного мужа, а также утугом и пашнями. Она воспитывает своих детей, женит сыновей, платя за их жен калым и имея право отделить женившихся, выдает дочерей замуж, сама получает калым за них и пр.

Если вдова, оставшаяся с детьми, выходит вторично замуж за брата или близкого родственника своего покойного мужа, это называется у бурят «з а л г а» — «продолжает». Дети от первого мужа считаются по отношению к детям от второго двоюродными братьями или сестрами. При разделе дети от первого мужа получают имущество своего родного отца. Если вдова выходит замуж не за брата или не за близкого родственника покойного мужа, а за какого-нибудь дальнего или даже совершенно постороннего и принимает его в свой дом, то это у бурят называется х у у р у л х а — «впустить человека».

Если вдова, оставшаяся с дочерьми, но без сыновей, берет к себе в дом зятя, то это называется «х у ш и н х у р г э а б а» или х у ш и н х у р г э у р у л а, — (х у ш и н — «сила», х у р г э н — «зять», а б а — «взял» или у р у л а — «впустил»), по-русски «силою взяла зятя или впустила силою зятя»; ныне это понимается так: «зять взят в дом для подмоги или для работы, чтобы он управлял хозяйством». Относительно зятя, который вошел в дом, говорится х у ш и н х у р г э о р о, то есть «вошел силою в зятя». Зятьёв берут в дом не только вдовы, но и вдовцы, если у них нет сыновей-работников. Такой зять после смерти тестя или тещи по большей части возвращается в свой род; при этом он берет все движимое имущество тестя или тещи, а недвижимое — утуг и пашни остаются в пользу близких родных тестя, или же рода.

У бурят существует обычай усыновлять чужих детей, что, конечно, чаще делают бездетные буряты; усыновляют как детей, так и взрослых. Усыновленный пользуется имуществом усыновителя как родной сын.

Если какой-либо бурят настолько беден, что не имеет возможности уплатить калым и, следовательно, жениться, то он поступает в работники на условии, что он проработает хозяйину известное число лет, а этот женит его, заплатив за него калым, а потом, по истечении условленного срока, отделит его, дав ему, по условию, одного коня с полной сбруей, с сохой, бороною, телегою, одни сани, корову с теленком, кобылу с жеребенком, овцу с ягненком и козу с козленком; иногда хозяин обязуется выстроить ему дом или юрту и дать в условие, которое входит при отделе; поступивший в работу получает одну десятину пахотной и одну десятину уже сеянной хлебом земли. За все это работник должен прослужить своему хозяину от 6 до 8 лет и редко более. Если работник, поступив к хозяину, года через два или три женится, то он должен работать вместе с женою; последней особой платы нет. Если работник уйдет от хозяина, не женившись, то получает погодную плату; если же он уйдет, женившись, но не окончив условленного срока, то хозяин не обязан выполнять заключенного условия, то есть дать скот, построить дом, наделить пашнею и т. д.

Не лишним считаю здесь же сказать несколько слов о названиях родственников у бурят по мужской и женской линии. Отец по-бурятски — «эсэгэ» или «бабай», мать — «эхэ» или «иби», дед — «өбөгө», бабушка — «өтөдө», прадед — «элинсэк», отец прадеда — «гулинсак», сын — «хөбун», дочь — «басаган», старший сын — «аха хөбун», первенец — сын — «уган хөбун», старший брат — «аха хөбун», или просто «аха», средний сын — «дунда хөбун» или «тэли хөбун», младший сын — «бага-хөбун» или «отхон-хөбун», младший брат — «ду-хөбун» или просто «ду», старшая дочь — «аха-басаган», первая дочь — «уган-басаган», старшая сестра — «эгэши», средняя дочь — «дунда басаган» или «тэли-басаган», младшая дочь — «бага-басаган» или «отхон-басаган», младшая сестра — «ду басаган», или «ду», внук — «аша-хөбун», внучка — «аша-басаган», правнук — «гуши-хөбун», правнучка — «гуши-басаган», сын правнука — «деши-хөбун», дочь правнука — «деши-басаган», дядя — «абага», тетка — «абаган-эзи», племянник — «аша-хөбун», племянница — «аша-басаган», внук и

племянник, равно внучка и племянница, называются по-бурятски одинаково: «аша-хөбун», «аша-басаган», двоюродной брат — «уелэ-хөбун», двоюродная сестра — «уелэ-басаган», троюродный брат — «ханла-хөбун», троюродная сестра — «ханла-басаган», невеста — «бэрэ», невеста всех старших в роде своего мужа: отца, его дядей, старших братьев и т. д. называет «хадам», а они ее «бэрэ» — невеста; жену старшего брата младшие братья и сестры зовут — «аха-бэргэн» или просто «бэргэн»; словом же «бэргэн» замужние сестры называют жен своих братьев и других родных; жены ровесников называют друг друга «база». Весь род жениха по отношению к невесте называется «хадамут», тесть — «хадам», теща — «хадам-эзи», жених — «хадами-хөбун», невеста — «хадами-басаган» (т. е. дочь тестя), сват — «худа», сватья — «худугу».

8. **О подарках.** Подарки иногда требуют у бурят обязательно «отдарков». Если, например, кто-нибудь сделает на свадьбе подарок молодой невесте, то муж последней обязательно должен чем-нибудь отдарить подарившего; в противном случае этот может требовать возвращения подарка даже через 10–20 лет.

9. **О шаманах.** Шаман, прежде чем шаманить во время какого-либо жертвоприношения, непременно должен совершить омовение своего тела.

10. **О заразительных болезнях.** Буряты в прежнее время сильно боялись заразительных болезней; зараженных они отделяли в какой-нибудь нарочно для них и вдали от всех выстроенный дом. Бывали также случаи, что заболевшего заразительной болезнью бросали на произвол судьбы, и сами перекочевывали от него куда-нибудь подальше.

11. **Об утуге.** У т у г о м у бурят называется то место, где обыкновенно стоит скот, благодаря которому почва тут удобрена навозом. Утуг переходит по наследству от отца к детям (у унгинских бурят).

12. **О покосах.** Покосы, как луговые, так и степные, буряты делят между собою поровну, по числу мужских душ.

13. **Об онгонах.** После смерти родителей дети обязаны были в прежнее время не бросать или не привязывать к столбу или дереву онгонов своего отца, как это делается ныне, а с соблюдением известных обрядностей сжечь их.

33). Ныне буряты избегают обмена дочерей, так как, по их убеждению, если одна дочь будет жить хорошо, то другая непременно будет несчастлива.

34). В прежнее время муж, отправляя свою жену обратно к родителям, обыкновенно сажал ее на необъезженного жеребца, и если она усидит на нем, то на нем и едет к родителям, а если упадет, то возвращается пешком (бурятки с малолетства привыкают к верховой езде, и все они — прекрасные наездницы; поэтому из испытания — усидеть верхом на необученном жеребце — они, по большей части, выходят победительницами). Обычай этот теперь уже оставлен, и жена возвращается к родителям на своем собственном коне, который дан был ей при выходе ее замуж. Случается иногда, что сватовство расстраивается до свадьбы; в таком случае, если виновниками расстройств являются родители жениха, то они, получая обратно калым (состоящий обыкновенно из скота), не имеют права требовать приплода, который остается в пользу невестинной стороны и называется а м а н и б а; если же сватовство расстраивается по желанию родителей невесты, то они обязаны возвратить полученный ими калым со всем приплодом. Иногда муж, не желая почему-либо жить с своею женою, начинает нарочно ее бить и жестоко с нею обращаться, чтобы заставить ее убежать к родителям и потребовать возвращения улаченного за нее калыма. Случаи убогов жен от мужей нередки, что, конечно, объясняется и тем, что они выходят замуж помимо своей воли и желания.

По обычаю бурят, невесту нельзя сватать из своего рода, а непременно из другого; родство принимается в расчет только по мужской линии (до 9 колена), родство же по женской линии не может служить препятствием для заключения брака; так, например, брат может для своего сына высватать дочь своей родной сестры, выданной замуж за бурята из другого рода, или сестра может для своего сына высватать дочь родного брата. Ныне нередки случаи, что женятся, не придавая значения родству даже в третьем колене (по мужской линии); правда, такие браки совершаются, по большей части, убогом, и сами буряты относятся к ним неодобрительно, говоря «мангаджа» — обрусели.

35). В прежнее время власть главного родоначальника, то есть главного тайши, была очень велика; перед ним все буряты буквально трепетали и беспрекословно подчинялись всем его решениям и распоряжениям. Главный тайша был некогда единственным хозяином всего ведомства; помощник его за и х а н-н о й о н, родовые шуленги (которых ныне называют родоначальниками или родовыми старостами), улусные старшины и простые буряты находились в полном его подчинении. Решение главного тайши считалось окончательным, и если кто осмеливался обжаловать это решение перед русским правительством, то это считалось величайшим преступлением и небывалым случаем. Ведомство прежде состояло из нескольких родов; каждый отдельный род имел своего родового шуленгу, то есть старосту, который управлял своим родом. Прежние родовые старосты, или шуленги, имели сильную власть над бурятами своего рода; сами они подчинялись только главному тайше и его помощнику зайсан-нойону. Решение родового шуленги мог отменить только главный тайша. Каждый из улусов управлялся своим улусным старшиной, который непосредственно подчинялся родовому шуленге. Из родового шуленги, улусных старшин и нескольких стариков состоялся родовый суд.

Все буряты нынешнего Балаганского округа: балаганские, идинские, аларские и китойские, по распоряжению русского правительства учредили одну общую контору, около 1750 г., в селе Черемхове; такую же общую контору учредили кудинские, капсальские, верхоленские, ольхонские и ленские буряты, а тункинские имели свою отдельную контору.

До учреждения контор бурятами управляли так называемые «главные», равные по власти главному тайше. Шаманы в это время сильно стремились захватить в свои руки власть; так, в Балаганском ведомстве первый «главный» был шаман Боголо, которому было предоставлено право казнить и вешать по своему усмотрению. Шаман Боголо во время своего служения казнил и повесил до трехсот человек. Буряты и ныне показывают место казни, где еще сохранились столбы от виселиц. После смерти Боголая шаманы не были более «главными».

В «главные» затем стали выбирать людей, отличавшихся физической силою, проворством, меткостью в стрельбе из лука и пр.

До 1857 г. у бурят были начальниками главный тайша и его помощник. Сначала они были главными начальниками в конторе, а впоследствии — в степных думах.

После 1857 г. главный тайша стал именоваться просто тайшою, или главным родоначальником, а должность помощника тайши была упразднена. Вместо него учредили заседателей думы, по четыре в каждой.

Родовые шуленги стали именоваться родовыми старостами; у каждого из них было по одному или по два помощника. Улусы управлялись улусными старшинами. При родовых старостах было учреждено родовое управление с писарями, ведавшее, под председательством родового старосты, его помощников и улусных старшин делами рода. Около 1889 г. степные думы были упразднены на северной стороне Байкала; на месте их учредили несколько инородных управ, в которых председательствует так называемый «голова».

НЕКОТОРЫЕ НОРМЫ ОБЫЧНОГО ПРАВА

Если после смерти мужа остается бездетная жена, то она должна, по обычаю, жить с кем-либо из братьев покойного, если есть холостой или вдовый брат. Если нет холостых или вдовых братьев, или, если она не пожелает жить с братом своего покойного мужа, то она может отделиться и уехать домой. При этом она должна уплатить братьям или отцу своего покойного мужа калым, отданный в свое время за нее при выходе ее замуж. Тогда она может взять все свое имущество, то есть приданое, которое при выходе замуж было получено ею от своих родителей. После смерти мужа всякое ее родство с семьей покойного мужа прекращается, поэтому она и может выходить замуж за его братьев или за его близких. Прежние х а д а м также делаются ей посторонними людьми.

Если после смерти мужа у ней остались дети, то она остается жить в своем доме как полная хозяйка и управляет своим хозяйством совершенно самостоятельно, родные или братья мужа не вправе вмешиваться. Если она начинает растрчивать имущество своего покойного мужа, тогда братья и родственники предъявляют претензии и не позволяют вдове продавать хозяйственные постройки, утуги и пашни. После смерти мужа оставшаяся вдова с детьми платила в прежнее время, до 1884 года, все подати и повинности за покойного мужа и пользовалась сенокосными паями покойного наравне со всеми прочими бурятами, а утугами и пашней – по праву наследства своих детей (до 1884 г. за умершие мужские души платили все подати и повинности и пользовались сенокосными паями. После 1884 г. за умершие души не стали платить подати и повинности и потому не пользуются паями).

Вдова воспитывает своих детей, которыми распоряжается совершенно самостоятельно; если она начнет злоупотреблять властью матери, то братья и родные покойного мужа протестуют ее дурные поступки. Вдова женит своих сыновей по собственному благоусмотрению и по совету своих х а д а м, платя калым за невесту по обычаю и состоянию. Старших сыновей при женитбе может отделить, как их отделил бы и сам отец, если бы был жив, а сама остается жить с одним из сыновей. Своих дочерей она выдает замуж, получает за них калым и дает приданое по состоянию.

После смерти мужа вдове с детьми разрешается выйти замуж за брата покойного мужа или за его близкого родственника, все зависит от ее желания. Тогда дети от первого мужа считаются по имени своего покойного отца, а дети второго мужа считаются по своему отцу. Таким образом, дети первого мужа по отношению к детям второго мужа считаются двоюродными братьями. Позднее, при разделе, дети первого мужа требуют себе все имущество своего покойного отца. Выход замуж за брата покойного мужа или ближайшего родственника называется з а л г а – «продолжение».

Если жена покойного пожелает выйти замуж не за его брата или ближайшего родственника, а за другого дальнего родственника или за постороннего в том же улусе, но оставаясь при этом на жительство в доме покойного мужа, то это тоже разрешается по обычаю, и называется х у у р у л х а – «человека впустил».

Если вдова с детьми пожелает уехать домой к родным или к своим братьям, то она должна своих детей оставить отцу или братьям покойного мужа, а сама должна заплатить за нее отданный калым, – после этого она может вторично выйти замуж за другого. Ныне нередко случается, что вдова, оставшаяся с детьми, уезжает к себе на родину со всем имуществом и с детьми и живет у своих родителей или братьев. Но дети мужского пола при этом числятся по роду отца. Когда они вырастут, то должны вернуться к роду своего покойного отца и пользуются утугом и пашнями отца. Если от отца осталось домообзаведение, то они пользуются и им, а также получают от общества покос. Дочерей вдова может выдать замуж на месте.

Если после смерти мужа осталась вдова с дочерьми, но без сыновей, и она не пожелает выходить замуж, то она может остаться, по желанию, в доме своего мужа и жить в нем полной хозяйкой, распоряжаясь хозяйством при помощи дочерей. Она может выдать дочерей замуж и получить за них калым, или же взять в дом зятя, который все-таки по роду будет считаться чужим. Если вдова берет в дом зятя, то это называется со стороны тещи х у ш и н х у р г э а б а, или х у ш и н х у р г э у р у л а. Х у ш и н – «сила», х у р г э н – «зять», а б а – «взял», или у р у л а – «пустил». По-русски выйдет: «силою зятя взял, или впустил», ныне это понимается, что зятя взял в дом для подмоги, или для работы, чтобы он вел хозяйство. По отношению к зятю говорят: х у ш и н х у р г э о р о – по-русски – «вошел силою в зятя». Ныне нельзя допустить, чтобы кто-либо силою вошел в дом к кому-либо в зятя. Каким образом получилось такое странное название? Объяснение этому надо искать в прежних условиях жизни бурят.

Не только вдовы берут в дом зятя. Отцы, не имеющие сыновей, а только дочерей, также берут в дом зятя для работы. Дети взятого в дом зятя по отношению к тестю и родным тестя все-таки будут считаться чужими, только з э, с другого рода, откуда взят зять и только в том роду будут считаться родными. Следовательно, дети такого зятя родные только в роде своего отца, а в роду своей матери чужие, только з э. Род и родные матери им будут н а г а с а н у т. Взятые в дом зятя после смерти тестя и тещи большею частью переезжают обратно в свой род и при этом берут все движимое имущество тестя или тещи, а недвижимое имущество, утуги, пашня остаются в пользовании того общества, к которому принадлежал тесть. В подобных случаях иногда, но редко, родные братья тестя заявляют претензии на постройки.

Если взятый в дом зять одного рода с тестем или тещей, то он живет со своими детьми в доме своего умершего тестя до старости лет и иногда получает сенокосный пай и пашет пашню.

У бурят существует обычай усыновлять чужих детей. Обыкновенно усыновляют детей своих родных. Обычно это бывает при бездетности. Этот усыновленный ребенок пользуется имуществом усыновителя. Когда усыновитель женит своего усыновленного сына, то он отделяет его как родного. При возникновении каких-либо неприятностей бывает, что усыновленный сын отходит от своего названного отца.

У бурят есть еще и следующий обычай. Бедные молодые люди поступают на работу на следующих условиях: принимающий на работу должен женить такого им нанятого, заплатив за него калым, а потом дать ему по условию одного коня с сохой, бороною, телегой, санями и сбруей, корову с телятком, кобылу с жеребенком, овцу с ягненком и козу с козленком на приплод, или приняв, женить его через два-три года. Тогда он должен работать с женою и по окончании срока имеет право отделиться, получив в собственность все условленное. Если поступивший, пожившись, уйдет, то получает лишь погодную плату. Если же он уйдет, поработав некоторое количество времени с женою, но не доработав срока, тогда он уходит только с женою, а все условленное не вправе получить как не окончивший срока. Условия между предпринимателем и нанявшимся бывают разные. Уславливаются они при свидетелях, посторонних лицах.

III

НЕСКОЛЬКО ДАННЫХ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ БЫТА СЕВЕРНЫХ БУРЯТ*

I. ЗАМЕТКИ О ВНЕШНЕМ БЫТЕ В СТАРИНУ

1. Ж и л и щ е

В старину, во времена звероловческого быта, у бурят не было ни домов, ни юрт, а были так называемые *бухэки* и *балаганы*. Бухэк устраивался таким образом: в землю втыкали несколько длинных жердей так, чтобы они образовали конус; верхние концы жердей упирались один в другой и скреплялись. Снаружи жерди обвертывались большими полостями, сшитыми из звериных шкур; верх оставался не закрытым, и в щели между жердями выходил дым. Иногда бухэк строился из молодых сосновых стволов, а низ его вместо меховых одеял закладывался снаружи хвойными ветками, а зимой засыпался снегом. Перекочевывая с одного места на другое, буряты брали только меховые шкуры, покрывали бухэк, оставляя бревна на местах. Летом меховые покрышки не употреблялись. Слово *бухэк* происходит от бурятского слова *бухэхэ* — «наклоняться», так как вход в бухэк делался очень низкий.

* Заметки эти составлены М. Н. Хангаловым, природным бурятом, имеющим постоянное жительство в Хара-Нурском улусе Балаганского окр. Иркутск. губ. М. Н. Хангалов — самый усердный собиратель устных памятников древности среди бурятского народа. Кроме большой статьи «Новые материалы о шаманстве у бурят», составившей отдельный выпуск Записок Восточно-Сибирск. Отдела И. Р. Геогр. Общ. по этнографии (т. 1, вып. 1), в изданиях того же Отдела было напечатано несколько мелких его заметок, как, напр., о легенде о первом шамане, о разных поверьях у бурят, о древней облаве на зверей и пр. Кроме того, г. Хангалов помогал г. Агапитову, своему учителю, в составлении статьи «Материалы для изучения шаманства в Сибири», помещенной в «Известиях» Отдела, т. XIV, в. 1—2. Первая часть настоящей статьи «Заметки о внешнем быте» есть извлечение из рукописи г. Хангалова, другие части которой были уже напечатаны в изданиях В.-Сиб. Отдела, а именно, по словам заведывавшего Отделом Г. Н. Потанина, все относящееся до обычая облавы было напечатано в «Известиях» Отдела, т. XIX, в. 3, под названием «Зэгэтэ-аба, облава на зверей у древних бурят»; легенды же из этой рукописи помещены в «Записках» Отдела по этн., т. 1, в. 1 (Бурятские сказки и поверья, Иркутск, 1889). [Примечание редакции «Этнографического обозрения»].

Впоследствии стали делать деревянные балаганы, по-бурятски *булгахан*¹. Со временем стали строить также деревянные юрты, делая их восьмигранными. Юрты из войлока появились у северных бурят впоследствии и, надо думать, заимствованы у забайкальских бурят.

2. Одежда и обувь

Одежда состояла из шубы, шапки и унтов. В зимнее время под шубу надевали узкое и короткое платье, плотно охватывающее тело; оно называлось с а м с а (в настоящее время словом с а м с а буряты называют «рубашу»). Поверх самсы надевалась шуба, которая шилась из звериных шкур; поверх шубы подпоясывались. В сильные холода сверх шубы надевали *доху* — шубу, сшитую мехом вверх, с разрезом назад ради удобства при верховой езде.

Летом носили одежду того же покроя, но сделанную из замши. Для этого преимущественно употребляли шкуры косуль. Их гноили до того, чтобы шерсть вся выпала; затем голую шкуру выделывали и дымили над сосновыми шишками. Изредка встречались одежды из шелковых материй, которые получали из Китая через Монголию, выменивая на звериные шкуры. На руках носили рукавицы *бэлэ*. На голову надевали шапки из звериных шкур с наушниками.

Женская одежда отличалась несколько от мужской покроем, но шилась также из звериных шкур: замужние женщины носили сверх шубы *дэглэ*, который ради удобства при верховой езде имел разрез сзади. Женская и девичья одежда от мужской покроем не отличалась, но делалась наряднее, опушалась сверху полосами более дорогого меха и украшалась вышивками.

Обувь у бурят была двух сортов: одна делалась из звериных лап или из шкур с ног косуль и оленей, это — унты. Другая называлась *хэхэ-годоһон*; она шилась с длинными голенищами; носок делался очень твердый и выдавался немного кверху шишкой. Во время единоборства буряты били своего противника этой шишкой сапога и иногда убивали его этим орудием.

3. Сбруя и оружие

Узда делалась такая же, как и ныне, и называлась *х а з а р*; если украшалась серебром, то называлась *мнэһэн хазар*.

Седло, *эмэл*, старинное было несколько больше нынешних, украшалось железными высеребренными бляхами.

¹ Знаком н означает звук, который в другом наречии переходит в с, например *хайн – сайн*.

Старинное оружие бурят составляли лук (*н о м о*) и стрелы. *Номо*, лук, готовился следующим образом. Лук делали из березового дерева; затем с внутренней стороны оклеивали рогом или костью; сверху дерева с наружной стороны оклеивали жилами, а сверху жил наклеивали бересту. Луки делались двух сортов: один был плоский и широкий; он бывал очень упруг и далеко бросал стрелу; такой лук буряты называли *манза номо*. Такие луки буряты доставали из Монголии; в сказках и преданиях такие луки называются *бухар шара номо*. Другого сорта луки буряты делали сами; они были почти круглые, снаружи берестяные, изнутри оклеенные жилами.

Стрела — *годоли* или *утхэ*, — это были стрелы оперенные; если же стрела не была оперена, тогда она называлась *мохо*. Наконечники стрел по-бурятски *хума*, делались различные: одни были плоские и продолговатые; и теперь делаются такие же, только меньших размеров. Были еще наконечники трехгранные; к концу наконечника грани постепенно уменьшались и делались острыми. Такие наконечники делались для того, чтобы рана была больше и вследствие того опаснее.

Стрелы *бахарган* были такие же трехгранные, но грани их были больше и каждое крыло грани имело одно или два отверстия. Такими стрелами редко стреляли в зверей, так как они были тяжелы и не могли лететь далеко: притом *бахарган* сильно свистела в воздухе и потому пугала зверя.

Зэбэ-хума — четвертый вид стрел. Они имели конусообразные круглые наконечники. Эти стрелы делали небольшие раны, но зато проходили глубоко в тело или били навывлет. Ими стреляли издалека и в маленьких зверей, и даже в птиц.

Пониже наконечника на стрелу надевали граненый шарик *зэн*; иногда в шарике делались отверстия, и тогда они служили как бы свистком. *Зэн* надевали на стрелу для того, чтобы рану сделать больше. На конусообразных стрелах шарики делались маленькие, чтобы не разрывать шкурки.

Колчан для стрел по-бурятски называли *хадак*. С лицевой стороны *хадак* украшался вышивками и железными высеребренными бляхами. Лук клали в футляр *хормого*; его привязывали с левого бока, а *хадак* со стрелами на правом боку.

Во время религиозного обряда на *тайлганах* было в обычае снимать с себя лук и стрелы. В настоящее время после совершения обряда *сасали барьха*, когда совершающие обряд брызгают из своих чашек *курунгу* (кислое молоко) и *тарасун* (молочную водку) и затем бросают и самые чашки кверху, гадая по их падению, участники вырывают несколько трав и втыкают ее себе за пояс. По словам их, это означает надеть на себя колчан и лук.

У бурят были также мечи, называемые *сэлмэ*; их ковали свои бурятские кузнецы, а лучшие получались из Монголии.

Были у них также копья *жада*; они делались двух сортов: одни с простым древком, а другие имели на древке поперечную перекладину; последние употреблялись на охоте за крупным зверем. Впрочем, жада, по-видимому, было более военное оружие, чем охотничье.

Хотого, нож не очень больших размеров, буряты постоянно носили на поясе слева. Ножи носили все, и большие, и маленькие, и женщины. В земле находят небольшие круглые ножи; для чего они употреблялись, неизвестно.

4. П и щ а

В старину, когда буряты только еще переходили от быта звероловческого к скотоводству, они очень дорожили скотом. По их преданиям, северо-байкальские буряты добывали скот, главным образом, совершая набеги на жителей Забайкалья и Монголии. В памяти народа и теперь еще сохранилось несколько имен лиц, наиболее прославившихся такими набегами. Угонять, конечно, было удобнее лошадей, вследствие чего рогатый скот размножался у бурят медленнее лошадей, а потому и колоть скот у бурят не было в таком обычае, как теперь. Но у них в то время существовал обычай *ханаха*. Не желая убивать скотину и в то же время имея желание поесть мясного, буряты ловили лошадь или рогатую скотину, делали у нее на шее надрез и кровь, бежавшую из раны, собирали в посуду; выпустивши некоторое количество крови, ее останавливали, и животное отпускали. Добытую таким образом кровь варили в котле и ели. У нынешних бурят обычай *ханаха* не существует.

Прежние буряты употребляли в пищу некоторые растения и корни; они заготавливали их и на зиму. Вместо чая прежде употребляли корень травянистого растения *х□д□¹*. Корень выкапывали во время цветения и сушили на солнце, затем толкли и заваривали кипятком.

Мэхэр или мэхэргэнэ² — тоже травянистое растение. Употребляли так же, как предыдущее,

Синэ³ — употребляли корни; пили как чай. В большем количестве это растение вредно действует на здоровье.

Сайн □б□h□н (красивая трава) — трава с мелкими белыми цветами, нежно пахнущими. Цветы сушили на солнце, после чего заваривали как чай и пили.

¹ Вероятно *Sanguisorba*.

² *Polygonum viviparum* L.

³ *Paeonia anomala*.

Современные буряты из перечисленных растений пьют отвар корней х ө д ө и отвар из цветов с а й н ө б ө һ ө н.

Хара харана – травянистое растение. Выкапывали корни, сушили и варили целыми, не толкли.

□ ёг □ н □ – травянистое растение; копали корни, тщательно очищали и сушили на солнце, затем толкли в ступе. Получалась мука, из которой месили на растопленном сале или сметане лепешки, называемые бөн.

Сабахан – травянистое растение; употребляли так же, как и предыдущие.

*Гэшигэнэ*¹ – травянистое растение; из корней приготавливали муку. В настоящее время стебли употребляют в лекарство: из них делают припарки при внутренних болезнях и опухолях.

Хонгино или *далан халихан* – травянистое растение; в пищу употребляли корни в сыром виде или варили в воде и как приправу к мясу. На вкус корень сладкий. Буряты запасали его на зиму.

Аситаши – многолетнее растение, кустарник; в пищу употребляют корни; большую часть жуют в сыром виде, высасывая сок, иногда варят и пьют отвар.

Азаргана – трава. В пищу употребляется только верхняя часть растения; едят в сыром виде.

Мура-□ б □ һ □ н – трава; в пищу употребляют стебли в сыром виде; корни не едят.

Гэшугэнэ – трава; едят или в сыром виде, или варят и пьют отвар; выварки бросают.

<i>Хулганян-шинэн</i>	– трава	} едят в сыром виде.
<i>Бальширгана</i>	– трава	
<i>Унхэ-сур</i>	– трава	

□ г □ х □ н □ – травянистое растение; стебли употребляют в сыром виде; корни едят сырые и вареные.

*Саган харана*² – травянистое растение; луковичный корень этого растения употребляют как в сыром, так и в вареном виде. Прежде буряты запасали его на зиму.

Шари харана (желтая сарана)³; луковицы несколько мельче, чем у предыдущего растения; употребляется так же.

Нада; корни этого растения выкапывали, пекли в горячей золе, тогда они становились мягкими и сладкими.

¹ *Potentilla anserina* L.

² *Lilium tenuifolium* Fisch.

³ *Lilium Martagon* L.

Мангиһан – трава; употребляются и стебель и корень в сыром и вареном видах. Прежде это было самое употребительное растение.

Халяр – трава; употребляется так же, как мангиһан.

Буряты употребляли также в пищу ягоды и весной – древесный сок.

5. Посуда, орудия и т. п.

В старину у бурят посуды было немного. Были котлы из меди и из железа. Иногда для варки пищи употребляли выдолбленные из дерева корыта, называемые *тэбши*. В такое корыто наливали воду и, положив в воду мяса, пускали в корыто докрасна накаленные камни. Были также котлы, сшитые из бересты, но последние были, конечно, крайне непрочны. Чашки были долбленные из дерева и назывались *айга*; иногда чашки тоже шились из бересты.

Ложки, *халбага*, и поварешки, *шинага*, тоже делались долбленные или сшитые из бересты и прикреплялись к деревянному черенку.

Из бересты также шили особые лукошки, по возможности украшая их: они служили для складывания костей и погребальных остатков.

Во время переездов буряты возили свое имущество в переметных сумках, сшитых из шкур животных; они называются *ута*. Кроме ута, шились еще мешки из кожи, очищенной от шерсти; эти мешки называются *башлык*.

Хухэнэк был мешок для стрел и прочего оружия; это был, скорее, предмет украшения, так как его очень убирала серебряными бляхами, раковинами и вышивками (см. ниже, стр. 215).

Топоры у бурят были прежде не такие, как теперь; лезвие его приходилось поперек топорщица, а не вдоль, как у нынешних. Такой топор назывался *хухэ*. Кроме того, был *оли-һ*□хэ с круглым лезвием; его употребляли для долбления деревянных чаш, корыт и лодок.

Гахана были особого рода лопаточки, которыми выкапывали корни съедобных растений. Полукруглый железный наконечник гахана насаживался на древко.

Были ли косы у бурят в древнее время, трудно заключить: впоследствии они стали делать косы наподобие серпов, с небольшими, не длиннее фута, черенками. Сенокосение у бурят производилось близко к осени и продолжалось около двадцати дней, что можно заключить из бурятской поговорки, в которой упоминается о желтых листьях в связи с сенокосением.

У бурят издавна употребляется невод – *гульмэ*, острога – *хэрэ*, удочка – *гохо*, морда – *гур*. Невода готовятся из волос конского хвоста и гривы; делают их буряты сами. Гур плетут из тальниковых ветвей. *Гэрдэхэ* по-бурятски значит лучить рыбу. Лучат обыкновенно осенью. Почти все рыболовные снасти

имеют своих *заянов* (духов), которые носят соответствующие названия. Так, например, *гульмэ* имеет зайна *Гульмэши-нойон*. *Гур* имеет *Гуриши-хатун*. Есть *Хорэши-нойон*, *Гохоши-нойон*.

В преданиях бурят упоминаются лодки деревянные, долбленные; впоследствии они заимствовали у кого-то из своих соседей берестяные лодки, но сами делать их не умели.

II. ОСТАТКИ СТАРИНЫ В ОБЫЧАЯХ И ОБРЯДАХ

1. Родинные обряды

У бурят кудинских до сих пор соблюдается следующий обряд. Когда родится у кого-нибудь ребенок, то в юрте выкапывают яму, против двери за очагом, в том месте, которое буряты называют *хоймор тала* и где большею частью сидят женщины. В то же время варят *саламату* (мука с маслом и сметаной) и ставят ее в трех чашках по трем сторонам ямы; в яме разводят немного огня. На огонь кладут саламату и немного масла. В яму кладут *томто*¹, кость от лытки, так называемую у бурят *барбагай*, кал новорожденного и все нечистоты, которые выделились вместе с ребенком.

Для совершения этого обряда приглашают трех или пять женщин, а мужчин и детей высылают из юрты, потому что этот обряд считается нечистым. Одну из приглашенных женщин выбирают быть матерью новорожденного; она должна в это время быть неотлучно возле ребенка. Женщины ходят вокруг ямы посолонь и потом съедают приготовленную саламату, никому не давая ее. Потом эту яму тщательно закрывают доской, так, чтобы ничего не утратилось из ямы. Если же что пропадет, то ребенок не будет счастлив и не вырастет большой. В яме будет столько томто, сколько в семье родится ребят.

Второй обряд называется \square лг \square д \square урулха, а у балаганских бурят — *торолго*. На второй или на третий день после рождения ребенка у бурят устраивается праздник; покупают водки или дома высиживают несколько котлов тарасуна и колют барана или бычка. Все родственники и соседи собираются в дом новорожденного. Когда все соберутся, варят саламату и мясо; последнее раскладывают в корзины, а лытку от задней ноги берёт в руки и держит посаженная (избранная) мать ребенка, которая сидит возле новорожденного. Рядом стоит люлька² со всем, что к ней нужно, и сидит маленький мальчик или девочка: если новорожденный мальчик, то и возле люльки мальчик, а если девочка, то

¹ Т о м т о — не «послед» ли? (Потанин).

² Люлька делается из тонких досок или из дуба; низ ее укреплен на круглых обручах, отчего люлька легко раскачивается.

и возле люльки девочка. Какая-нибудь старуха держит на руках новорожденного. Посаженная мать в правой руке держит лытку с большим ножом, или еще чаще употребляют при этом кинжал; прежде, говорят, для этого употребляли стрелу. Эту кость и кинжал она, не выпуская из рук, держит над люлькой и спрашивает мальчика или девочку: кого следует положить в люльку, ребенка или кость? Мальчик отвечает: ребенка! Тогда мать опять спрашивает: кого нужно положить в люльку, ребенка или кинжал? Мальчик отвечает: ребенка! Эти вопросы повторяются до трех раз, и каждый раз на них отвечают: ребенка! После этого посаженная мать спрашивает мальчика или девочку: вверх или вниз (головой?) положить в люльке ребенка? Мальчик отвечает: вверх! Этот вопрос тоже повторяют три раза, и каждый раз получают тот же ответ. После этого кость отдают мальчику или девочке, которые отвечали на вопросы, а они съедают мясо с кости. А новорожденного после этого кладут в люльку и пеленают ремнями, как это всегда делается у бурят. Потом у него стригут немного волос и кладут в мешочек, который вешают на задней стенке колыбели, так что по числу мешочков можно видеть, сколько было детей в семье. Затем все гости из вина и саламаты делают *дуаһа* — брызганье, а от мяса бросают в огонь по частичке и начинают угощаться. Когда лытка, игравшая роль в обряде, будет очищена от мяса, тогда ее кладут в люльку или привешивают к ней. Этим обряд *□лг□д□ урулха* оканчивается.

У балаганских бурят прежде было в обычае во время праздника *торолго* делать *милага*, т. е. отдавать в это время народу кобылицу. Родители новорожденного загоняют на свой двор табун лошадей, и одна из старух, участвующая в обряде, должна надеть на голову кобылицы аркан (волосяная веревка); после этого мужчины ловят кобылицу, колют ее, и мясом ее угощаются, а сажу с котла мешают с маслом и этим стараются мазать мужчин; это служит для них в этот день забавой.

2. Свадебные обряды

Сватовство у бурят происходит следующим образом. Отец жениха с некоторыми соседями приезжает к родителям невесты. Если родители невесты согласны, то ведутся дальнейшие переговоры, и отец жениха надевает на невесту золотую монету, так называемую *холобиш*. При сватовстве очень редко принимают во внимание желание самих жениха и невесты. Если монета принята, тогда отец невесты подает вино; им, по обычаю, «брызгают», а затем его распивают; после этого договариваются о величине калыма. Калым раньше бывал незначителен, в настоящее время больше.

Главный момент сговора, когда все условлено, заключается в том, что родители жениха и невесты меняются между собой поясами. После обмена поясов договор считается неразрывным. Пирование по случаю сговора продолжается иногда несколько дней. Во время пирования родители невесты шьют отцу жениха новую шубу, и при его отъезде надевают на него эту шубу.

После этого отец жениха начинает выплачивать калым, что продолжается неодинаково; один дольше, другой скорее выплачивает, почему и сватовство не раз совершалось тогда, когда жених и невеста еще очень молоды. Когда калым выплачен, тогда отец жениха объявляет, что он требует невесту к себе. Родители невесты тогда начинают готовить приданое дочери, шить ей одежду. В прежнее время невесте приготавливали также лук и стрелы и делали хухэнэк; давали также коня с полной сбруей и с седлом. В настоящее время невестам дают сколько-нибудь скота. Все приданое называется *онжи*; скот онжи считается неотъемлемой собственностью невесты. *Хухэнэк* — это большой, аршина в два, мешок треугольной формы, сшитый из звериных шкур и на лицевой стороне украшенный вышивками, железными, покрытыми серебром бляхами и мелкими раковинами, *юбун* по-бурятски¹. По бокам хухэнэк имеет по девяти ремней, а на лицевой стороне, несколько ниже половины высоты, имеет ряд ременных кистей. Делаются ли ремни только для украшения или они имели какое-либо символическое значение, неизвестно. В настоящее время хухэнэк выводится, но его еще можно встретить изредка. В 1881 г. нам случилось видеть хухэнэк, в котором торчали три стрелы и две бараньих лытки, очищенные от мяса.

Приготовившись, родители невесты назначают день, когда они повезут невесту, и приглашают к себе всю свою родню. Молодежь съезжается раньше, и в доме невесты устраивается пир, причем молодежь играет в игры и пляшет. Иногда съезжаются только накануне, а иногда за несколько дней. Попировавши в доме невесты, все переходят в дома ее родственников: иногда пируют не только в улусе невесты, но переходят пировать и в соседние улусы в родственные дома. Родственники принимают гостей радушно; это считается как бы их обязанностью.

В день отъезда все собираются в дом невесты; раньше собирались все в полном вооружении верхом на лошадях, и невеста также ехала верхом; в настоящее время едут на телегах и тарантасах или санях. Когда все соберутся,

¹ Вероятно, змеиными головками, *Surgaea moneta* (*Потанин*).

тогда родители невесты колют животных и брызгают тарасуном и просят при этом благословения своей дочери. Мяса и вина берут с собой каждый по состоянию.

Перед отъездом девицы не пускают невесту. Они садят ее в самый угол, а сами, взявшись за руки и связавшись поясами, чтобы представлять собой неразрывную цепь, садятся впереди нее, некоторые даже ложатся на невесту, чтобы защищать ее своим телом. Если девиц много, то очень трудно бывает освободить невесту, борьбу с девицами ведут мужчины, приглашенные участвовать в свадебном поезде. После этого все едут в улус жениха.

Узнавши, что поезд приближается, от жениха несколько человек едут на встречу и везут мясо и вино. Эту встречу называют *һал*; при встрече все слезают с коней и от присланного мяса отрезают по кусочку и бросают в огонь: точно также брызгают в огонь вином; это называется *дэши барьха*, а возлияния вином — *духаха*; после этого едут дальше. В прежнее время һал высылался за день до свадьбы в сопровождении вооруженных людей; они сопровождали потом свадебный поезд. Между тем, в улусе жениха делаются приготовления: готовятся угощения; кроме того, срубают березку, так называемую *тургэ*, ставят ее перед юртой жениха, и к ней привязывают домашнего онгона¹. Около березы разводится огонь; старики и почетные лица со стороны жениха садятся у огня, образуя полукруг.

От невесты прежде всех приезжает *туруше*; это обыкновенно бывает пожилой человек, знающий обычаи. Его встречают обыкновенно с большим почетом. Туруше везет в руках стрелу и при входе в юрту жениха втыкает ее в столб юрты, в *хоймор тэнги*. Туруше сажают на почетное место и начинают потчевать вином: иногда стараются напоить туруше допьяна еще до приезда свадебного поезда. Слово *туруше* происходит от бурятского слова *туру* — первый, передний.

За туруше приезжает поезд с невестой. Стариков сажают на правой стороне юрты, по-бурятски — *барун-тала* (западная сторона); женщин усаживают на северной стороне *хоймор-тала*; невесту с девицами прячут за занавеской *хошоген хойно*. Прежде всего на стол ставят молоко или тарак (нечто вроде простокваши); все гости пробуют это угощение; это называется *сагалха*².

Отцы жениха и невесты сидят рядом у очага; впереди их стоит в посуде вино. Два шамана: один с жениховой стороны, другой с невестиной, брызгают вином: во время брызгания они держат друг друга за руки; это совместное

¹ О н г о н — домашний фетиш.

² Обычай подавать молочное угощение каждому гостю очень древний; если домохозяин не подавал *сагалха*, это означало, что он не хочет принимать его как равню.

обращение к заянам во время брызгания означает, что они соединяют членов двух родов в супружеский союз. После этого начинается попойка до утра. На другой день перед юртой жениха в земле укрепляют березку *тургэ*; на тургэ вешают божка *хотхо-онгон*, если он есть в доме. Затем ставят жердь, прислонив ее одним концом к березке, и на ней вешают шубу матери жениха. На север от тургэ разводят огонь; около огня ставят в посуде вино и мясо. Около этого огня садится благословитель, *өрөрши*, т. е. старик, который будет говорить благословение, *өрёл*, жениху и невесте.

Покровителем свадьбы у бурят считается *Тулман-Саган-нойон*, седой старик, который имеет местопребывание на горе Тулма.

Родители невесты всей родне жениха, присутствующей на свадьбе, повязывают ленты или платки; этот обычай называется *зала-зухэ*; на шею собаки также повязывают красный суконный ошейник, или из другой материи красного цвета. Этот обычай, по-видимому, ведет начало от быта звероловческого, когда собака была необходимым помощником; этим хотели и ее сделать участницей общей семейной радости. Красный кусок сукна навязывали также на крюк, по-бурятски *дэгэ*, которым буряты достают мясо из котла.

В это утро косу невесты расплетают и заплетают ей *хабига*; это значит, что на одной стороне ей заплетают десять кос, а на другой стороне восемь; после этого ее одевают в полную женскую одежду.

Когда все готово, тогда невесту выводят из юрты; к ней подходит жених, и они, взявшись за руки, идут. Над ними несут большую шаль за четыре угла, называя это *һарабиши*, в переводе — «сарай». Лицо невесты при этом должно быть занавешено какой-нибудь материей. С левой стороны невесты идет женщина, так называемая мать, по-бурятски *эхэ*; матерью невесты не может быть вторая жена, а всегда должна быть первая. Так они идут вокруг юрты, и когда, сделавши круг, они приближаются к тургэ, кто-нибудь из провожающих невесту говорит: «*ррши аб!*» — благословитель, возьми! Тогда *өрөрши-өбөгөн* начинает благословлять невесту; в это время идущие под шалью останавливаются. Когда *өрёл* (благословение) кончен, они снова двигаются вперед, снова говорят: «*Өрөрши аб!*» и *өрөрши-өбөгөн* снова благословляет; так повторяется до трех раз¹.

Когда *өрөрши* закончит третье благословение, тогда невеста входит в юрту с своими провожатыми и останавливается у дверей. В это время родители

¹ Подлинные тексты благословений (*өрёл*) отлагаем до следующей книжки, так как не успел вовремя русский перевод их. *Ред.*

невесты сидят около очага на *хоймор тала*. Расстилают потник перед очагом и на него ставят невесту.

Жених в это время уходит к тургэ; здесь сидящие люди отрезают от приготовленного мяса три куска и подают ему; жених бросает их в разложенный около тургэ огонь. После этого отрезают еще три куска мяса и дают в руки жениху; с этим мясом он уходит в юрту и становится там на потник рядом с невестой, и, кланяясь огню, бросает куски мяса в огонь очага. Это означает, что жених признается равноправным членом своего общества и домохозяином; он уходит после этого к тургэ.

Невесте, оставшейся на потнике, приносят три куска жира; она, кланяясь, бросает их в огонь очага. После этого невесте приносят еще несколько кусков жира; она бросает их прямо в грудь своего свекра, *хадам* по-бурятски. Свекор часть жира бросает в огонь, часть съедает, а остальное раздает присутствующим; этот обычай называется *ухэ хайха* — бросать жир; он означает, что, входя в дом мужа, женщина приносит честь и изобилие, и что она обещает быть верной женой и дочерью. Совершивши обряд бросания жира, невеста уходит за занавеску и сидит там.

У тургэ в это время оставшееся от бросанья в огонь мясо делят на три части. Одну часть называют *онгони мяхан* — мясо онгонов; его откладывают под тургэ и не трогают до тех пор, пока все свадебные гости не уедут; вторую часть мяса с грудиной откладывают в сторону: это — доля борцов; им оставляют также водки или тарасуна; третью часть мяса съедают присутствующие и выпивают также вино.

В юрте через несколько времени невеста с матерью и со своими женщинами и девушками снова выходит из-за занавески, подходит к огню и кланяется ему. Ей дают чашку с молоком; она несколько капель проливает на огонь и после этого отпивает молоко из чашки и потчует им своих провожатых женщин; после этого чашку возвращают обратно. Этот обычай называется *сагалха*¹. Затем свекор подает невестке растопленного масла в чашке, и она немного выливает на огонь; тогда свекровь, в свою очередь, подает ей чашку с маслом, и она опять выливает немного масла на огонь. По совершении этих обрядностей невеста кланяется огню, поворачивает поленья на огне и подкладывает несколько новых поленьев. Это значит, что, как увеличивается огонь очага, так должно увеличиться семейство ее мужа, а также, что она становится хозяйкой дома. После этого дарят невесту, сначала свекор и свекровь, а затем и остальная родня жениха. Дарят золотыми и серебряными монетами, а невеста при этом угощает присутствующих гостей уже как член новой семьи.

¹ *Сагалха* — буквально «белить».

Когда обрядовая часть свадьбы кончится, тогда начинается настоящий пир. Около тургэ борются борцы и состязаются в беге, затем устраивают скачки. Обыкновенно состязаются борцы с двух сторон, со стороны жениха и со стороны невесты. Утощение бывает равное и победителю и побежденному. Но в настоящее время эти обычаи выводятся. Погулявши и попировавши в доме у жениха, гости переезжают в дом его родных; таким образом пиры продолжаются несколько дней.

Кроме скачек, бега лошадей и борьбы во время угощения гостей прежде устраивалось также состязание стрелков, выходящих по одному с каждой стороны по очереди, а равно и другие игры. Молодежь обоего пола устраивала пляски. Для этого все становились в круг, держа за руки друг друга и медленно двигались по солнцу; при этом они пели песни. Затем сдвигались плотнее и скакали, двигаясь все время по солнцу; в это время и мотив песни из протяжного становился более отрывистым. Пляска эта существует и донныне и называется *хатарха*. Кроме хатарха буряты имели и другие пляски, которые состояли в подражении разным животным, зверям и птицам. Как народ охотничий буряты должны были постоянно наблюдать зверей, чтобы уметь перехитрить их в случае надобности; потому и в играх и в плясках их выразились наблюдательность и подражательность в этом отношении. Буряты плясали так называемый *хор надан*; в переводе на русский язык это будет глухарина игра. Пляшущие садились вдвоем на корточки, держась на одних носках ног; руки держали вытянутыми наравне с плечами; так поднятые руки представляли крылья глухаря. Пляшущие, подпрыгивая на носках, сходились и расходились; третий пляшущий представлял глухариную самку, которая во время пляски проходила между самцами, и самцы дрались за самку. Пляшущие подражали также и крику глухаря. Другая подобная пляска называлась *хошолго*, и также исполнялась на корточках с распростертыми в воздухе руками; но ее плясали парами, друг против друга, то подсакивая близко, то удаляясь назад. Пляску *мэндэшэлгэ* плясали, стоя на ногах, один против другого, и также сходясь и расходясь; во время *мэндэшэлгэ* пели песню.

У кудинских бурят свадебные гости всегда возвращаются домой в тот же день, и на свадьбу приезжают всегда верхами; это более древний обычай. Невеста иногда остается в доме свекра, а иногда уезжает обратно домой.

Свадьбы обыкновенно устраивают летом. Балаганские буряты время года не разбирают, но у них сохранялся, по-видимому, очень древний обычай до очень недавнего времени. Свадебные гости, уезжая домой, старались как можно ловчее угнать несколько штук рогатого скота, но немного. Соседи

жениха бросались за похитителями в погоню; происходила драка; иногда скот возвращали, а иногда его угоняли в улус невесты, где его кололи и мясо съедали, а кожу делили поровну между всеми.

В настоящее время свадебным гостям перед отъездом подают вино, называемое *ухэри архи*, что в переводе значит «скотское вино»¹, вино за скот. Это означает, что родители невесты угощают своих гостей, чтобы они не угоняли скот у жениха, почему можно думать, что угон скота бывал только в том случае, если гости оставались недовольны угощением в доме жениха.

Провожая свадебных гостей, родители жениха взамен привезенного ими мяса, которое носит название *сахемжа*, дают, в свою очередь, мяса и вина, что называется *мэнһэни оёр* – «дно посуды» буквально. По бурятскому обычаю, посуду, привезенную с чем-нибудь в подарок, нельзя возвращать обратно пустую. Возвратившись домой, родители невесты приглашают к себе стариков и старух, не ездивших на свадьбу, и угощают их привезенным мясом и вином.

В дом жениха после отъезда свадебных гостей также собираются старики и старухи и после небольшого религиозного обряда *дэши барьха* и *дуһаху* мясо, оставленное под тургэ под именем «онгонного мяса», съедают и выпивают вино, потом расходятся по домам.

В настоящее время невеста приезжает жить в дом жениха спустя несколько месяцев после свадьбы. В это время ей готовят приданое, шьют одежду; надобно, чтобы она носила свою одежду в доме свекра. Ей дают также скот, и этот скот не колют и не продают, поэтому он быстро размножается.

На житье невеста приезжает в дом жениха в сопровождении нескольких родных, человек до десяти; их опять угощают в продолжение нескольких дней. В это время молодая женщина носит название *бэри*. Она уже одевается в женскую одежду и шеголяет ею, носит много кос, так называемых *хабига*, и украшает голову монетами и маржанами (кораллами). Когда пройдет около полугода, тогда хабига переменяют на другую прическу – *болто*, две косы. У кудинских бурят много кос носят до старости и постепенно уменьшают их число. Когда нужно расплести хабига, тогда приглашают старух, которые варят сметану и мясо; все это в чашках и корзинах ставят на столе около очага, а в это же время возле очага молодую женщину сажают, расплетают ей косы и заплетают в две косы, после чего немного саламаты и мяса бросают в огонь, а остальное съедают. После этого молодая должна еще совершить обряд поклонения онгонам. Женщине, носящей хабига, не позволено молиться ро-

¹ *Ухэр* – «корова», *архи* – «вино».

довым онгонам мужа; она как бы еще считается чужой. Чтобы окончательно войти в дом, она должна совершить обряд *онгондо орхо* — «вход к онгонам». Для этого они с мужем берут барана, саламаты и вина; заколовши по религиозному обряду барана и побрызгав вином и саламатой в огонь, они кланяются онгонам. После поклонения домашним онгонам молодые дарят отца и мать новыми одеждами, при этом они кланяются родителям в ноги и просят у них благословения. Родители благословляют их и дарят скотом.

Отношение невесты к свекру и родным мужа таково. Невестка ни под каким видом не должна называть своего свекра и свою свекровь по имени. Всех родственников своего мужа старше его и свекра она должна называть *хадам*. Даже когда старики уже умерли, а невестка состарилась, она не произносит имен своих хадам. Мало того, имена тех чужих мужчин, которые одинаковы с именем свекра, бурятка не должна произносить. Молодая бурятка никогда не должна быть перед своим хадам без шапки и без *хамжула*; хамжул этот только покрывает спину; его носят вместо прежней *дэглэ*, хотя у бурят кудинских капсальских, верхоленских и ольхонских до сих пор замужние женщины носят дэглэ; балаганские, идинские и аларские бурятки носят хамжул. Буряты говорят: «Өндор тэнгэридэ ороё харуулха угэй, улгэг ехэ дэлхэдэ арая харулха угэй!», т. е. высокому небу женщина не должна показывать верхушку головы, и великой земле не должна показывать спину. Переодеваться или раздеваться перед своими хадам женщина не должна; ее постель должна быть в отдельной юрте, а если она находится тут же, то непременно за занавеской. Хадам также не должен раздеваться перед своей невесткой, и ни в каком случае не смеет сесть или лечь на ее постель. Входя в юрту, где находится невестка, хадам должен предупредить ее о том, что он идет, и несколько постоять у входа, чтобы она могла привести свою одежду в порядок. Хадам не должен также произносить неприличных слов перед своей невесткой; если бы случилось, что он произнес что-нибудь нескромное, невестка должна выйти из юрты и не входить, пока разговор не прекратится. Невестка не должна входить в юрту с правой стороны и не должна проходить в юрте направо от очага, чтобы не подходить близко к онгонам, которые помещаются всегда направо от очага. Вообще, замужним женщинам запрещается быть на правой стороне юрты. Если невестке встретится ее хадам, она должна обойти его кругом, никак не пересекая ему дороги. Совершенно немислимо, чтобы хадам поехал с невесткою в одной телеге или в саях; вообще, находиться близко к своим хадам считается для нее неприличным. Говорить при них что-либо непристойное

или нескромное грешно. С своей стороны хадам перед своими невестками должен вести себя скромно и прилично: в противном случае он не пользуется уважением.

Весь этот этикет в отношениях хадам и невестки называется по-бурятски *сэрхэхэ*. Слово состоит из двух: *сэр* — грех и *хэхэ* — делать; смысл *сэрхэхэ* — «не делать греха», причем должно думать, что частица отрицания — *угей* выпущена для краткости.

3. Похоронные обряды

В прежнее время буряты имели обычай сжигать своих покойников без различия пола и возраста. Когда кто-нибудь умирал, то его родня и соседи, т. е. соплеменники, собирались к покойнику, кто бы он ни был. Они одевали его в его лучшую одежду; если была возможность, то шили новую. На покойника надевали и цамцу, и шубу, и унты, и шапку,— одним словом, все то, что он носил при жизни. Покойнику привязывали к поясу ножны с ножом и ложку деревянную или металлическую; на шею надевали кисет с табаком или также привязывали табак к поясу. Подле покойника клали колчан с луком и копье. С покойником клали также съестные припасы, так как, по мнению бурят, душа покойника живет после смерти той же жизнью, как и на земле. Класть покойникам огниво, молочную пищу и волосяные веревки считается великим грехом.

Приготовив все необходимое, собравшиеся буряты снаряжали коня для покойника, на коня надевали всю лучшую сбрую и лучшее седло. Готового коня привязывали к *сэргэ* — столбу для привязывания лошадей. После этого покойника выносили и сажали на коня, поддерживая его с обеих сторон; коня вел за повод один из участников в похоронах или слуга покойника, если он у него был. На покойника надевали полное его вооружение, и покойник ехал впереди, а за ним следовали все его родичи. На пути одну стрелу из колчана покойника выстреливали назад: при возвращении эту стрелу брали с собой в дом. Этот обычай сохраняется донныне у кудинских бурят при похоронах шамана.

Если покойник был так беден, что не имел коня, тогда его несли к месту сожжения на руках. Такой безконный покойник, по мнению бурят, был осужден всю дальнейшую свою загробную жизнь проводить также без коня; поэтому всякий бурят старался иметь к смерти коня. Впоследствии, с умножением скота у бурят, бедняков-покойников отвозили иногда на быке. Если покойник был богатый или какой-нибудь силач *б□х□*, который был начальником *зэгэтэ-аба*, т. е. в звериной облаве, то он, по обычаю, должен был иметь при похоронах своего слугу, которого насильственно убивали и сжигали вместе с покойником; этот слуга должен был на том свете служить душе покойника.

Такого слугу обыкновенно называли *мори барюхан*, *эмэль тохухан*. Если покойник при жизни не имел слуги, то, по обычаю, ему не полагалось слуги и при похоронах.

Когда похоронная процессия приезжала на место сожжения, то готовляли дрова, складывали их четырехугольником, на дрова клали покойника, снявши его с коня, под покойника подстилали потник, а под голову ему подкладывали седло; таким же образом на токуме (подседельном потнике) и на седле спали буряты во время своих облав и походов. Потом все оружие и все вещи раскладывали около покойника, а иногда стрелы, лук, копье и прочие вещи ломали; коня покойника убивали; если был слуга, то и его убивали. После этого дрова зажигали, и покойник со всем тем, что его окружало, сгорал. По окончании этого все присутствующие уезжали домой. Возвращаясь, никто не должен был оглядываться; если же кто оглядывался, того, по мнению бурят, покойник возьмет с собою, т. е. верили, что такой человек скоро умрет. Если покойник был из предводителей или отличался физической силой и меткостью в стрельбе из лука, то при похоронах его соплеменники пели песни, в которых восхваляли его действия и подвиги при жизни. У кудинских бурят и ныне существует обычай петь песни во время похорон шамана, в которых описываются события из его жизни. На третий день после сожжения покойника родня и соседи собирались к его семье, и все, взявши с собою съестные припасы и все, что нужно, приезжали на место сожжения покойника. Здесь они собирали все оставшиеся от сожжения кости и металлические остатки от оружия и от прочих вещей. Все собранное складывали, по словам предания, в берестяное, изукрашенное узорами лукошко и закапывали в землю на месте сожжения. После этого угощались привезенными съестными припасами и возвращались домой. Этот обряд назывался *яха барьха* — кости собирать. Это выражение сохранилось и до сегодня, хотя обычай сжигать покойников уже почти совсем вывелся; так в настоящее время называют обычай поминать покойника на третий день пиром. В настоящее время изредка находят сгоревшие кости, пепел и остатки металлических вещей, сложенные в берестяные лукошки, в земле; но попадают также эти вещи и в глиняных горшках; между тем, предания совсем не упоминают о гончарном искусстве у бурят. Может быть, такие горшки буряты получали от соседних народов путем обмена.

Особых похоронных мест у бурят, по-видимому, не было; хоронили покойника там, где он умирал. Во время кочевого быта все родичи оставались в течение трех дней, где было совершено сожжение, после чего перекочевывали подальше. Делалось это потому, что думали, что душа покойника первые три дня не удаляется от дома. Дни эти назывались *хартай*, т. е. черными днями.

МОЛОЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО У БУРЯТ

Судя по сохранившимся до настоящего времени песням, преданиям и религиозным обрядам, буряты в прежнее время были звероловами. Для охоты на зверей они устраивали з э г э т э - а б а, т. е. общественные облавы. Во главе этих облав как главные распорядители их стояли особые лица, называвшиеся г а л ш и. Если участники з э г э т э - а б а затевали войну с каким-нибудь соседним племенем, тогда галши являлись и военными начальниками. Кроме того, они же были и совершителями религиозных обрядов, которые никто другой, кроме галши, не имел права совершать. Из домашних животных буряты в это время имели только лошадей, на которых ездили на охоту и совершали нападения на соседние племена. Но сена на зиму для них не заготавливали, представляя им самим добывать корм из-под снега.

Но уже к концу предыдущего периода буряты наряду со звероловством начинают заниматься и скотоводством. Они, частью путем мены, частью — через угон скота из Монголии, обзаваются и рогатым скотом. Народное предание сохранило даже имена предводителей, угонявших скот из Монголии. Таковы Худалши-Санхир, Энхэ-мэргэн и другие. Кроме того, об этой замене звероловства скотоводством говорят и старинные бурятские песни и пословицы. Самые древние из них упоминают только о диких животных. Позднейшие, наряду с дикими, упоминают и домашних животных. Наконец, самые поздние говорят об одних только домашних животных. Само собой понятно, что в самом начале скотоводство существовало наряду со звероловством и носило случайный характер¹. Но так как оно имело за себя много преимуществ сравнительно со звероловством, то с течением времени оно и начало постепенно вытеснять звероловство. При этом постепенно изменялся и пре-

¹ На постепенную замену звероловства скотоводством указывает следующая интересная поговорка: богатый укоряет бедного и говорит — когда я носил яманью доху, т. е. доху из шкуры домашних коз, ты носил енотовую доху. Очевидно, поговорка относится к тому времени, когда звериные шкуры были дешевы, а шкуры домашних животных, которых только что начали разводить, дороги.

жний строй бурятской жизни. Прежде всего, с развитием скотоводства буряты делаются менее подвижными. Правда, они и теперь время от времени устраивают зэгэтэ-аба. Но район этих зэгэтэ-аба теперь все более и более суживается. Буряты охотятся преимущественно около своих кочевков, чтобы иметь возможность во всякое время защищать свои стада и семьи от нападений соседей, а не бродят, как прежде, на сравнительно больших пространствах. Затем, по мере падения зэгэтэ-аба и развития скотоводства, падает и значение воинственных галши, а вместо них приобретают все большее и большее значение более миролюбивые родоначальники племен, получившие название х у н ш и - н о й о н о в, пока, наконец, совершенно не заменяют прежних галши. Эта замена имела весьма важное значение в жизни бурят. До этого времени все спорные вопросы между отдельными родами или общинами для зэгэтэ-аба решались нередко кровопролитными усобицами, причем в этих усобицах нередко были виноваты галши, которые намеренно затевали ссоры, чтобы путем победы приобрести себе большее влияние, или же спорили из-за власти галши их дети, результатом чего было распадение больших зэгэтэ-аба на мелкие. Теперь же, под влиянием более миролюбивых хунши-нойонов, споры между отдельными родами начали решаться путем общественного суда, получившего название х у р х а р б а х а, остатки которого сохранились и до настоящего времени в виде праздника стрел (см. Известия В.С.О.И.Р.Г. Общества, т. XI. № 2–4). Вот, в общем, те изменения, которым подвергся строй бурятской жизни под влиянием перехода от звероловства к скотоводству. Но при этом не осталось неизменным и самое скотоводческое хозяйство, так сильно повлиявшее на изменение строя бурятской жизни. Оно прошло две стадии развития; стадию общинного и стадию частного хозяйства¹.

Первой стадией была стадия общинного хозяйства. В это время скот у целого рода или общины был общий. По всей вероятности, такую форму бурятское скотоводческое хозяйство получило на первых порах под влиянием прежних порядков, царивших в зэгэтэ-аба, где улов зверей делился между всеми участниками охоты. Но эти прежние порядки отразились еще и в том, что распорядителем общинного хозяйства сначала было одно лицо — хунши-нойон, который и давал общее направление всему делу, подобно тому, как

¹ Переход к скотоводству отразился и на религии бурят. Без сомнения, в это время к старому пантеону прибавляли пантеон новых богов, покровителей скотоводческого и молочного хозяйства, каковы, например, Урак-Саган-тэнгри, Хутэ-Бумал-тэнгри, Хутэ-Саган-нойон, т. е. молочно-белый начальник, с женою Зэльши-хагун, т. е. госпожа зэли или веревка из волоса, которой привязывают телят.

общее направление зэгэтэ-аба давал галши. Что это так, что действительно первоначально скотоводческое хозяйство у бурят было общинное и хунши-нойон был главным распорядителем, доказательством служат некоторые религиозные обряды, например, тэнгэри дудаха, зухэли гаргаха и др. Но предварительно нужно заметить, что когда буряты звероловство начали заменять скотоводством, то в некоторых обрядах начали приносить в жертву домашних животных, а в некоторых — исключительно одну только молочную пищу. Таковы, например, два сейчас упомянутые обряда в честь западных добрых тэнгриев, обряды, при которых кровь животных совсем не проливается. Вместе с тем и право приносить жертвы от галши перешло к хунши-нойонам. Когда с течением времени общинное скотоводческое хозяйство заменилось частным, хунши-нойоны перестали существовать. Но обряды и жертвоприношения, которые совершали хунши-нойоны, остались и до настоящего времени, а вместе с тем в этих обрядах уцелели и указания на то, что у бурят когда-то существовало общинное скотоводческое хозяйство и что главным распорядителем этого хозяйства был именно хунши-нойон, имя которого и значит не что иное, как молочный начальник (хунши — «молочный» и нойон — «начальник»). Дело в том, что теперь, когда совершаются обряды тэнгэри дудаха и зухэли гаргаха, то для совершения их выбирают особых распорядителей, которые и зовутся хунши-нойонами. Обязанность хунши-нойона при совершении этих обрядов состоит в том, что он распоряжается всеми церемониями как главный начальник. В помощники ему избираются девять так называемых сыновей, которые и исполняют его приказания. Обязанности их состоят в том, чтобы под руководством хунши смотреть, чтобы на тургэ все было в порядке, чтобы привезенные домохозяевами молочные продукты были чисто приготовлены и расставлены на тургэ в должном порядке, чтобы присутствующие, особенно гости, не шумели во время обряда, не дрались и не ходили перед тургэ и проч. Как главный начальник хунши-нойон сидит со стариками по правую сторону тургэ и наблюдает за тем, чтобы привезенные домохозяевами тарак, амхан и саламат и расставленные на тургэ были разделены на три части, из которых одна часть этих продуктов, называемая даланга, была разделена между всеми домохозяевами, которые затем и увозят ее в особых ведрах, называемых далангахуруулашихулга, домой, другая часть тоже была разделена между домохозяевами и съедена тут же, на тургэ, а третья пошла на угощение гостей. Ясно, что и выбор для обряда хунши-нойона и деление привезенных всеми

домохозяевами тарака а м һ а н а и с а л а м а т а¹ — все это остаток от того времени, когда у бурят было общее хозяйство, которым и заведовал хунши-нойон в каждой общине, и все продукты этого общего хозяйства делил между отдельными семьями. Впрочем, кроме обрядов т э н г э р и д у д а х а и з у х э л и г а р г а х а воспоминание о бывшем когда-то у бурят общинном хозяйстве сохранилось и в некоторых других обрядах и обычаях. Так, на бурятских гулянках из среды участников всегда выделяется особое лицо, которое и распоряжается вином и тарасуном. Оно называется һ а б а ш и² *обогон* или х а р х а ш и³ о б г о н. На обязанности его лежит подавать вино и тарасун всем присутствующим поровну и по очереди. Затем на тайлаганах для раздела мяса тоже выбирается особое лицо, на обязанности которого лежит разрезать и разделить мясо так, чтобы каждого сорта его, хотя бы понемногу, досталось каждому домохозяину. Наконец, у бурят до настоящего времени сохранился и еще один обычай по переезде в летники. Обычай состоит в том, что весь улус в один день приготавливает тарасун, колет овцу и гуляет вместе.

Как долго продолжается период общинного скотоводческого хозяйства, сказать трудно. Но с течением времени он постепенно заменился частным хозяйством. Эта перемена повлекла за собою, как и предыдущая, тоже значительные изменения в жизни бурят. До этого времени буряты жили сравнительно большими группами, особенно тогда, когда скотоводческое хозяйство не сменило еще з э г э т э - а б а и не было большим. Теперь же, с увеличением скотоводства, буряты постепенно разбились на небольшие группы, которые и рассеялись на местах, наиболее удобных для скота. Вместе с тем, и прежние хунши-нойоны постепенно заменились другими начальниками, которые получили название д а р г а, ш у л е н г а и т а й ш а. Об этом делении более крупных групп на более мелкие сохранились воспоминания и в бурятских преданиях, причем предания эти утверждают, что буряты и до настоящего времени живут на тех же самых местах, которые занимали при разделении. Так, предание унгинских бурят передает следующее. Некогда в пределах нынешнего Унгинского ведомства жил некто Болот, которого называли ханом. У него было три сына: старший — Олзой, средний — Хулмэнгэ и младший — Муруй. Когда Болот умер, сыновья разделили его имущество и земли, в которых он кочевал. Старший получил всю падь р. Унги от г. Балаганска до горы Хашхай. Потомки его, два рода олзоев — 1-й и 2-й, в количестве 2100 душ обоего пола живут на этих местах и до настоящего времени. Средний, Хулмэнгэ, получил местность по берегу р. Ангары от пади р. Унги и до вершины этой речки. Потомки его, два кульметских рода — 1-й и 2-й, и изгольский

¹ Объяснение всех этих названий см. ниже.

^{2,3} Х а р х а или һ а б а — посуда в виде кожаного мешка из толстых шкур.

род, всего 2700 душ обоего пола, и до сих пор живут на этих местах. Наконец, младший, Муруй, получил местность вниз по Ангаре до вершины Унги. Потомки его, два муруевых рода, и донныне живут здесь же. Всего их в настоящее время более 1300 душ обоего пола.

Русские познакомились с бурятами тогда, когда у них не было уже общинного скотоводческого хозяйства, а оно окончательно заменилось частным. Под влиянием русских жизнь бурят начала подвергаться новым переменам. Они начали приучаться к хлебопашеству. В Унгинском ведомстве хлебопашество начало особенно сильно развиваться с 1870 г., когда чума истребила у бурят массу скота. Затем много скота погибло от бескормицы в зиму 1899 г. Так, некоторые буряты, угнавшие в тайгу 20–30 голов скота, пригнали всего от 6-ти до 10-ти голов. В настоящее время на отдельное хозяйство в Унгинском ведомстве приходится от 5 до 100 голов рогатого скота. Больше же имеют лишь несколько богачей. Тем не менее, унгинские буряты и до настоящего времени более скотоводы, чем земледельцы. Они держат следующие породы скота: овец, коз, лошадей, верблюдов и рогатый скот. Овцы и козы доставляют им шерсть. Но стригут их буряты поздно, опасаясь, чтобы в холодные весенние утренники они не замерзли, хотя на ночь и запирают их в теплые хлева. Лошади употребляются для езды, перевозки тяжестей, земледельческих работ и в пищу. Но порода лошадей мелка. Чтобы улучшить ее, буряты покупали у русских для приплода жеребцов. Но теперь нашли это невыгодным, потому что лошади, купленные у русских, не могут всю зиму ходить на подножном корму и требуют зимою корма сеном и хлебом. В это время табун остается без жеребца, и кобылы и жеребята, оставаясь беззащитными, делаются добычей волков. Верблюды служат только для мяса и шерсти. Мяса большая самка дает до 25 пудов вместе с жиром, а самец — до 30 пудов, шерсти же собирается до 20 фунтов с каждого животного. Но самую главную статью бурятского хозяйства все-таки составляет рогатый скот, который, главным образом, и доставляет бурятам насущный хлеб. Так как молочные продукты, добываемые от рогатого скота, составляют преимущественную пищу бурят, то на молочном хозяйстве мы и остановимся в настоящий раз более подробно.

Обыкновенно обилие молочной пищи у бурят наступает с начала весны, когда начнут тельиться коровы. Это бывает с марта, апреля и редко — с мая. После зимнего оскудения, когда коровы не доятся или дают самое незна-

чительное количество молока, буряты вначале не делают его запасов, а все полученное молоко употребляют в пищу. Обыкновенно делается так. Когда коровы только что начнут доиться, все молоко в сыром или вареном виде употребляется для чая. Если что-нибудь остается, то оставшееся молоко вливают в котел, который предварительно хорошенько моют, чтобы молоко не свернулось, и затем кипятят его. Когда молоко сварится, его из котла вычерпывают в ведро (*хулга*) или в другую какую-либо посуду, например, кадушку (*хэмнур*), и посуду ставят в прохладном месте. В это время у остывшего молока образуется пенка, которую снимают, вымораживают и режут на куски. Это самое лакомое блюдо. Оставшееся же молоко, если почему-либо нет свежего, или употребляют для чая, или же делают из него т а р а к. Впрочем, для получения пенки и тарака молоко нередко варят и летом.

Т а р а к готовится следующим образом. Когда сваренное молоко остынет приблизительно около 23 градусов, то в него вливают г у р э л г э, т. е. закваску. Это не что иное, как старый тарак, которого хранят обыкновенно ложки две-три. Перед употреблением г у р э л г э обыкновенно разводят теплым вареным молоком и уже после этого вливают в молоко, из которого намерены сделать тарак. Затем, когда гурэлгэ влито, сосуд с молоком плотно прикрывают и оставляют спокойно стоять часа 3–4. Но при этом наблюдают, чтобы молоко не остывало больше, чем следует. В противном случае его ставят в теплое место. Часа через 3–4 молоко свертывается и делается похожим на простоквашу. Тогда часть свернувшегося молока берут для гурэлгэ, а остальное молоко мешают до той поры, пока оно не превратится в более или менее однородную жидкость, и тарак готов. Если его хотят сделать гуще, тогда перед тем, как его мешать, сыворотку сливают и размешивают одну только простоквашу. В таком случае тарак получается очень густой и для употребления его разводят вареным или, что гораздо реже, сырым молоком.

Но случается, что гурэлгэ почему-либо нет. Тогда прежде, чем делать тарак, готовят самое гурэлгэ. Делается это таким образом. Когда сваренное молоко остынет, в него крошат немного печеного хлеба и кладут серебряные вещи, например, ложки, стаканчики и пр. Через несколько времени молоко свертывается. Тогда часть простокваши берут для следующего раза, а остальное едят как тарак. Но приготовленный таким образом тарак получается жидкий и на вкус горьковатый. В приготовляемый следующий раз тарак вливают часть, взятую от приготовленного первого тарака, затем так же, как и в первый тарак, крошат хлеб и кладут серебряные вещи. На этот раз тарак получается несколько лучше. Таким образом делают несколько раз,

пока не получится настоящее гурэлгэ, и тарак не будет получаться густой и вкусный.

Но и имея гурэлгэ, приготовить хороший тарак не совсем легко. Нужно не ошибиться в температуре молока. Если температура молока будет несколько больше, чем следует, то тарак получится жидкий и невкусный. Такой тарак буряты называют т у р а л д а, т.е. испорченный. Если температура молока будет ниже, чем следует, тарак получается тоже невкусный. Приготовленный в запас тарак буряты держат в прохладном месте. Если же его поставить в теплое место, то он скоро делается горьким и негодным для еды. Такой тарак буряты называют т а р а к и х э.

Когда коровы начнут давать больше молока, что, впрочем, весьма много зависит от того, как скот питался зимой, буряты излишки его, остающиеся от еды и тарака, начинают употреблять для приготовления сметаны и масла. Это бывает обыкновенно с появлением молодой травы. В это время буряты доят коров обыкновенно по два раза в день. Но в середине лета, когда бывает особенно хороший корм, то, хотя и редко, доят коров еще в полдень. Это называется о д о р л о х о, т.е. доить днем. Но прежде, чем говорить о приготовлении сметаны и масла, необходимо сказать несколько слов о самом процессе доения. Нужно заметить, что бурятские коровы дают молока вообще немного. Самая хорошая молочная корова в летнее, т.е. самое благоприятное время, дает вечером около трех штофов молока, средняя — около двух, а плохая, или же только отелившаяся — около одного штофа. При этом молоко стародойной, т.е. доившейся в предыдущем году коровы (х ю н а р а н), лучше, чем молоко только что отелившейся. Поэтому для получения сметаны буряты то и другое молоко обыкновенно смешивают. Коров всегда доят после того, как дадут некоторое время пососать теленку. Без телят бурятские коровы совсем не доятся. Поэтому, если теленок пропадет, то к корове припускают другого теленка, похожего ростом и шерстью на подошедшего. Иногда из шкуры пропавшего теленка делают чучело и некоторое время доят корову. Но это бывает недолго. Корова скоро замечает обман и перестает доиться. К хорошей молочной корове теленка подпускают два раза и два же раза доят. К маломолочной подпускают один раз и один же раз доят. Совершенно плохих коров совсем не доят, и все молоко дают высасывать теленку. Такие телята, как лучше питающиеся, хорошо переносят зиму. Подпуская теленка, стараются, чтобы он понемногу пососал каждый из четырех сосцов. Во время доения сосцы изредка мажут сметаной, которая в особом рожке привязывается тут же к подоюнику, или же бывает намазана на край подоюника. Корову доят с левой стороны. Телят во время доения привязывают за ошейник к з э л и

или столбу. После доения их совсем подпускают к матерям, для чего молоко выдаивают не все, а часть оставляют, сообразуясь с тем, насколько теленок упитан. Доение всегда происходит в особом пригоне, который называется у н э х и х у р э, т.е. коровий двор. В летниках в у н э х и х у р э делают навесы, под которыми и доят во время дождя. В жаркие же дни под этими навесами укрываются телята от зноя. По окончании доения коров выгоняют из пригона, а утром выпускают в степь. Телят же выгоняют в телятник, а если нет телятника, то в степь, но только в другую сторону, чтобы они не встретились с матерями. Молоко доят в особые подойники, которые зовутся у н э х и х а г а ш и х у л г а, т.е. «ведро для доения коров». Для удобства переноски к этим ведрам приделываются дужки из волосяных веревок. Ведра эти употребляются только для молока. Для других хозяйственных нужд их совсем не употребляют, а черпать ими воду из реки считается прямо грехом. Зимой коров кормят сеном и соломой, а на ночь запирают в хлева, где землю посыпают так называемым *хи*¹, чтобы скоту было теплее лежать.

Сметана и масла приготавливаются следующим образом.

Выдоенное молоко приносят в юрту. Если время жаркое, то молоко выливают в большой котел или другую посуду, чтобы оно немного остыло. Когда молоко остынет, его разливают в особые деревянные баки, по-бурятски «т о р с о к», которые бывают различных размеров — большие и малые. Вышина их 3 вершка, а ширина и длина около 9—10 вершков. Для настаивания сметаны молоко в торсоках ставят в прохладных местах, т.е. не особенно холодных и не особенно жарких. Если поставить торсоки в жаркое место, то молоко скоро свертывается, а сметана поднимается буграми, и слой ее бывает тонкий и тягучий. В таких случаях буряты говорят «т о р с о к т о һ у н б у с а л а», т.е. «молоко в торсоках кипит». Если торсоки стоят в холодном месте, сметана тоже настаивается плохая и слой ее бывает тонкий. Тогда буряты говорят «һ у н х о р о», т.е. «молоко остыло». Если коров доится много, то нужно очень много и торсоков. Так, для 30 коров нужно, например, до 50 торсоков.

¹ Х и приготавливается следующим образом. Зимой весь помет рогатого скота тщательно собирают и затем валят в какое-нибудь место кучами, одну около другой, но не слишком далеко кучу от кучи и не слишком близко. Засим, когда снег растает, кучи ровно разбрасывают и сушат. Когда навоз высохнет, его мельчат особенной бороной. Борона эта состоит из толстого листовенничного бревна длиною около сажени. На одной стороне бревна вырубают углубления. Затем к бревну приделывают оглобли, в которые и запрягают быка или лошадь. Измельченный навоз снова сушат, а затем х а м у р а м и, т.е. досками, к которым приделаны оглобли, собирают его в одно место и лопатами делают конусообразные кучи, которые и хранят до зимы.

Когда сметана настоится как следует, что бывает через два дня на третий, тогда ее снимают и кладут в особую деревянную посуду с ручкой, которая зовется у бурят «ш а х и» и делается специально для сметаны. Затем сметану (с а г а н з о х о) собирают в особые берестяные лукошки, которые специально для этого шьют. Лукошки эти называют «з о х о х у р я г а ш и т о р х о», т.е. «лукошко для собирания сметаны». В такие лукошки складывают сметану, предназначенную для масла, для того, чтобы сыворотка постепенно вытекла из нее. Но долго держать сметану в лукошках нельзя. Если она простоит долго, то портится и прокисает. Из такой сметаны масло получается на вкус горьковатое и с неприятным запахом. Поэтому стараются сметану долго не держать в посуде, а как только накопится достаточное количество, сейчас же ее выливают в котел, в котором и сбивают из нее масло. Для этого сметану мешают мутовкой до тех пор, пока масло не отделится. При этом сметана постепенно делается жиже и жиже, масло отделяется шариками и всплывает на верх. Тогда в котел льют немного холодной воды, чтобы остудить масло. Отделившееся масло выбирают из сыворотки и моют в чистой воде, а потом выжимают небольшими комками и кладут в особую посуду. После этого в котле остается беловатая жидкость, горькая на вкус и с неприятным запахом. Эту жидкость называют з о х о н у h а н («вода сметаны») и обыкновенно отдают собакам.

Сбитое из сметаны масло беловато-желтого цвета и не чистое. Его помещают в прохладном месте, и через несколько дней кладут в котел и греют на медленном огне. Масло топится. Наверху образуется беловатая и пенистая жидкость, которую буряты называют с о б о, и осторожно вычерпывают в другую посуду. После этого чистое масло тоже вычерпывают и вливают в особую посуду. На дне котла остается еще беловатая и густая жидкость. Ее называют «м у х а с о б о» («худая собо»). На вкус она горькая и с неприятным запахом. Ее отдают собакам, некоторые же, смешав со сметаной и с мукой, варят и едят. Что же касается сверху снятого с о б о, то обыкновенно к нему прибавляют немного сметаны, варят с мукою и едят. На вкус кушанье это горьковато, но питательно.

Сбивают сметану всегда в теплом месте. Если сметана не сбивается, тогда котел с нею ставят на огонь, очень медленно греют и мешают. На медленном огне сметана скоро сбивается. Иногда сметану ставят в теплое место до другого дня. Если сметана и после всего этого не сбивается на масло, то это считается худой приметой для семьи бурята; в этом или в будущем году он будет жить худо. Напротив, если сметана скоро сбивается на масло и большими шариками или комками, то это считается хорошей приметой и для настоящего и для будущего.

Кроме приготовления масла, сметану в сыром и вареном виде употребляют в пищу. Сырую сметану разводят водою и пьют с чаем вместо молока или сливок. Сметану с чаем употребляют большею частью во время полевых работ на сенокосе и на пашне, куда неудобно возить молоко, которое скоро портится, хотя бы и вареное. Но иногда и сметану везти далеко неудобно, особенно в летнюю жару, когда она во время дальней езды сбивается на масло. В таких случаях из нее варят саламат, который и берут с собою на дальние работы, где его разбавляют водою и пьют с чаем как сметану. Саламат (ш а н а һ а н з о х о) варят следующим образом. В вымытый котел вливают сметану и кипятят. Когда сметана в котле от нагревания делается жидкою и начнет кипеть, тогда в нее сыплют муку, сколько следует, и мешают, чтоб мука совершенно смешалась со сметаною. Получается густое тесто, которое разбавляют немного водою и кипятят, чтобы выделилось побольше масла. Когда саламат сварится, тогда котел снимают с огня, а в огонь кладут немного саламата и льют масла. Это — приношение хозяину огня. После этого саламат употребляют в пищу. Саламат — вкусное и очень питательное кушанье. Это — любимое кушанье бурят.

До прихода русских буряты не знали ни муки, ни хлеба. Тогда они варили саламат из муки, приготовленной из корней растений о е г о н о, с а б а х а н, г э ш у г э н э¹ и пр. Для этого корни выкапывали из земли, сушили на солнце и толкли в деревянной ступке (у р, н ю д ю р). Из приготовленной таким образом муки и варили саламат. Кроме того, в прежнее время из муки же, приготовленной из корней растений, готовяли еще особое кушанье, так называемое б о н. Делали его таким образом. В сырую сметану сыпали муку из корней растений и мешали. Получалось густое тесто. Тесто это затем зарывали в горячий пепел и варили, а потом ели вместо хлеба, или же брали с собою на охоту. Иногда бон ели в сыром виде. Кроме того, бон готовяли еще из сала убитых зверей. Ныне кудинские буряты Иркутского уезда бон (по-кудински — б о м к о) готовят из толченого и жареного хлеба, смешанного с маслом. Этот бон берут с собою на охоты, называемые у них з э г э т э-а б а. Унгинские же буряты Балаганского уезда б о н готовят несколько иначе, а именно — круглый зерновой хлеб они жарят в котле, постоянно его мешая, чтоб зерна не сгорели, а изжарились ровно. Затем этот жареный хлеб они легонько толкут в деревянной ступке, чтобы шелуха отделилась от зерна, и веют, чтобы удалить шелуху. Провеянное зерно снова толкут в ступке, пока не получится мелкая крупа. Ее кладут в сырую сметану и мешают. Это и есть

¹ Этнографическое Обозрение Императорского Общ. Любит. Естеств. Антроп. и Этнограф. за 1891 г. № 3, стр. 149.

б о н. Приготовленный таким образом б о н совершенно белый и вкусный. Его едят, тогда как у кудинских бурят б о н идет только на религиозные обряды. Большею же частью бон готовят проще, именно — жареный хлеб толкут в ступке на крупу, не отделяя зерно от шелухи, и делают бон, который на вид темнее. Точно также готовят бон и из масла. Бон ныне почти забытое кушанье.

Иногда сметану варят. Для этого ее вливают в котел и кипятят, потом вливают в нее немного воды и едят. Это называется «х о р у л х э н з о х о» («кипяченая или вареная сметана»). Иногда в вареную сметану кладут сушеные ягоды и хорошо варят, а потом едят или большею частью угощают гостей. Это — очень вкусная пища, которую ныне почти забыли, а прежде часто употребляли как лакомое кушанье.

Таковы кушанья, приготовляемые из сметаны. Но и простокваша (э д э н х у н) не остается без употребления. Ее из крынок сливают в б у л у р и особой мутовкой разбивают в однородную массу.

Б у л у р¹ — это узкая и высокая кадушка. Вышина ее около 2-х аршин, диаметр внизу около 7 или 8 вершков, а сверху — около 5 или 6. Сверху булур прикрывается крышкою с ручкою и с дыркою в середине для черня мутовки. Осенью, когда удои молока становятся меньше и молоко гуще, он служит для приготовления масла прямо из молока. Для этого в булур наливают выдоенное молоко и мешают мутовкой сильно и ровно. Через некоторое время масло совершенно белого цвета, сладкое и без всякого запаха. Но так масло готовят редко, потому что требуется много работы и времени. Булур поэтому специально служит для простокваши, из которой готовят х у р у н г у. Хурунгу готовят следующим образом. Чтобы получить из простокваши хурунгу, нужно сначала добыть э х э х у р у н г э, т.е. «мать хурунгу». Э х э х у р у н г э — это не что иное, как прошлогодняя старая хурунга, которую всю зиму держат не прекращая. Нужно заметить, что многие буряты осенью, по уменьшению удоя, на зиму хурунгу прекращают вовсе. Другие, если у них есть достаточное количество молока, хурунгу не прекращают, а держат всю зиму в маленьких кадушках, хотя зимою тарасун из нее не выгоняют, некоторые хозяева зимою выгоняют и тарасун, если хурунги накопятся много; другие всю зиму не выгоняют тарасун, но хурунгу пьют, а вместо выпитого наливают столько молока, сколько выпито, и таким образом старую хурунгу держат до весны. Вот к этим-то счастливым те, у которых нет

¹ Прежние буряты не умели делать деревянную посуду, а потому шили из кожи. Нынешний булур сделан хотя из дерева, но по форме прежних кожаных h а б а или с а б а.

эхэ хурунгэ, и обращаются за старой хурунгой. Делается это таким образом. Тот, кому нужно взять эхэ хурунгэ, утром в большой туяз наливает молоко или простоквашу и едет к тому, у которого есть старая хурунга. По приезде он туяз с молоком или простоквашей отдает хозяйке дома. Она, получив молоко или простоквашу, вливает в свою посуду, а в туяз наливает эхэ хурунгэ, из которой ложки две-три отливает обратно, чтобы вместе с хурунгой не ушло и счастье. После этого туяз отдается приехавшему буряту, которой, получивши эхэ хурунгэ, привозит его домой. По приезде привезенную эхэ хурунгэ выливают в другую посуду, а потом в эхэ хурунгэ наливают молоко и следят, чтобы началось сильное брожение. После этого понемногу наливают простоквашу. Сразу же налить много молока или простокваши нельзя. Хурунга может испортиться. При этом, прося эхэ хурунгэ, всегда обращают внимание, чтобы в доме, где берут хурунгу, не было болезней и все семейство было благополучно и здорово, а в особенности обращают внимание на то, чтобы на телят или ягнят не было болезней, от которых они могут пропадать. Думают, что если из такого неблагополучного дома взять эхэ хурунгэ, то болезнь может перейти к ним. Когда хозяйка дает эхэ хурунгэ и взамен получают молоко или простоквашу, то тоже обращают внимание — из благополучного ли семейства приехал проситель, и если не из благополучного, то отказывают.

По обычаю бурят, эхэ хурунгэ можно дать другим хозяевам для завода новой хурунги три, пять и девять раз. Если же эхэ хурунгэ дана более 9 раз, то можно дать 3х9 раз, т.е. 27. Поэтому, когда едут просить эхэ хурунгэ, то обращают внимание, сколько раз хозяйка давали посторонним эхэ хурунгэ. Если они давали уже 3,5 и 9 раз, тогда обращаются к тем, которые меньше давали.

Когда количество хурунги от эхэ хурунгэ увеличится, тогда льют большое количество простокваши, но наблюдают, чтобы не перелить. Тогда хурунга совсем испортится. Это называется эдэн-хунхэ, т.е. «много простокваши». Наконец, хурунгу вливают в булур, а иногда для нее покупают винную бочку, которую распиливают на две части и в каждом полубочье держат хурунгу таким образом: в одной эхэ хурунгэ, т.е. старая хурунга, а в другой разбавленная хурунга, которая идет для гонки тарасуна. По словам бурят, в винной бочке держать хурунгу хорошо, потому что в ней бывает сильное брожение и вследствие этого выходит крепкий тарасун. Чтобы эхэ хурунгэ была хороша, за ней внимательно следят. Смотрят, чтоб она не испортилась, и чтобы брожение (эхэлгэ) в ней было постоянное и сильное. Для этого

эхэ хурунгэ каждое утро греют в котле, а перед тем, как греть, разбивают мутовкой. Иногда в хурунге жидкость бывает наверху, а густая простоквашная масса — внизу. Это признак, что хурунга плохая. Вычерпывают из эхэ хурунгэ всегда приблизительно столько, сколько предполагается налить в нее простокваши, а вычерпанную хурунгу сливают в другую посуду. Эта хурунга называется эюлхэн хурунгэ, т.е. «вычерпанная или взятая хурунга». Из нее обыкновенно выгоняют тарасун. На место же вычерпанной хурунги в эхэ хурунгэ, как сказано, наливают столько же простокваши или немного более, если хотят увеличить количество хурунги. Можно налить больше до $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$ части всей хурунги. Но при этом налитую простоквашу нужно хорошенько разбить и смешать с эхэ хурунгэ. Эхэ хурунгэ вычерпывают деревянной поваренкой (модоншанга), специально сделанной для хурунги. Для нагревания вычерпывают несколько ведер, наливают в котел и медленно греют на огне. В это время хурунгу постоянно мешают. Греть нужно немного. Если нагреть сильно, то хурунга испортится совсем. Степень теплоты пробуют пальцем. Как только хурунга согрелась, ее вычерпывают из котла в ведро и выливают обратно в эхэ хурунгэ. От этого вся хурунга делается едва заметно теплою. При этом хурунгу тщательно мешают. Кроме того, хурунгу разбавляют еще кипяченой водой. Для этого в котел наливают около $\frac{2}{3}$ ведра воды, которую кипятят и вливают в эхэ хурунгэ, после чего жидкость перемешивают. Этот кипяток называется хахирмак. После этого эхэ хурунгэ закрывают круглой деревянной крышкой (халим), нарочно для этой цели сделанной.

Из эхэ хурунгэ тарасун выгоняют только в крайних случаях. Для тарасуна же употребляется взятая из эхэ хурунгэ часть хурунги. Ее держат в особых посудах как запас. Иногда эхэ хурунгэ называют тухэ хурунгэ, т.е. «сырая хурунга». Это значит, что она не успела еще хорошенько прокиснуть и сделаться настоящей хурунгою, из которой можно бы было выгонять тарасун.

Некоторые буряты хурунгу пьют прямо из кадушек, в которых она киснет. Но такая хурунга очень горькая, кислая и с газом. Поэтому другие в хурунгу вливают $\frac{1}{3}$ молока сырого или вареного, перемешивают хорошенько и потом пьют. Другие же в хурунгу кладут немного сырой сметаны и вливают на $\frac{1}{2}$ воды, а потом перемешивают и пьют. Иногда сметану кипятят в котле и потом вливают ее в хурунгу. Хурунга, приготовленная с молоком и сметаной, в особенности с вареной сметаной, очень вкусна и питательна.

По словам некоторых бурят, из хурунги с козьим и кобыльим молоком тарасун выходит крепче. Кроме того, он полезен от кашля. Вообще, по мнению

бурят, в летнее время хурунгу и тарасун пить хорошо, особенно в то время, когда растет трава х а р а ш и р и м. В это время действительно хурунга бывает горьчее и тарасун покрепче. Если скот кормится на солончаках, то хурунга также бывает горьчее, а тарасун крепче.

Хурунга может портиться от многих причин. Она портится, если ее мало греют или, наоборот, слишком сильно; если много вливают простокваши и пр. Поэтому в холодное время, например, осенью хурунгу ставят около очага юрты, где горит огонь. Затем хурунга портится, когда дня два в нее не льют простоквашу и т.д. Иногда хурунга портится, по мнению бурят, по воле заянов. Такая хурунга называется у бурят а р а б к а т а. Она на вкус очень горькая, с неприятным и каким-то очень едким запахом. Тарасун, выгнанный из такой хурунги, тоже нехорош. В таких случаях, когда в хурунге появится а р а б к а, старую хурунгу вовсе прекращают, а всю посуду для молочного хозяйства моют дочиستا водою, в которую кладут богородскую траву (г а н г а) и окуривают ее берестой или пихтовою корою, а потом сушат на солнце. После этого заводят новую хурунгу, как весною, в первый раз.

Такую порчу хурунги «арабкой» буряты считают нехорошей приметой. Обыкновенно буряты говорят, «белая пища» (с а г а н и д э н) портится недаром, что-нибудь будет худое в хозяйстве или семье.

Иные домохозяйева приглашают шамана и совершают разные религиозные обряды, желая при помощи покровительствующих заянов устранить предстоящую беду. Но нынешние шаманы почти позабыли эти религиозные обряды, потому что очень редко случается, что в хурунге заводится а р а б к а. Тарасун с а р а б к а не принимают на общественных религиозных обрядах. А р а б к а, хотя очень редко, но бывает и в сметане, которую тогда употреблять в пищу нет возможности. Кроме того, если из такой сметаны сбить масло, то получится масло для еды негодное.

Но хурунгу не только едят, из нее гонят еще тарасун. Это делается следующим образом. Берут котел с деревянной крышкой, которая имеет вид полушария, распиленного пополам и с двумя отверстиями. Крышка эта называется т э б т э р. Одна половина ее крепко приклеена к котлу замазкой и не снимается, другая же снимается свободно. Такой котел с крышкой имеется у каждого домохозяйина, а равно и все нужные приборы к нему. При помощи этого котла и выгоняют тарасун. Для этого котел с одной половиной т э б т э р а ставят на огонь, предварительно вымыв его хорошенько и намазав его салом с бараньего курдюка, чтобы не было накипи. В противном случае в нем образуется толстый слой накипи (х ю м а х а), и тарасун выходит неприятный на вкус

и с запахом. Когда котел совсем готов, в него наливают хурунгу, не доливая пальца на два до края, и оставляют некоторое время греться. Когда хурунга в котле согреется, на котел ставят другую половину крышки, а щели плотно замазывают специально для этой цели приготовленной замазкой (ш а б а х а н), которую готовят следующим образом. Берут $\frac{2}{3}$ красной глины и $\frac{1}{3}$ конского помета, и все это смешивают для крепости, потому что одна глина дает трещины, из которых бежит хурунга и выходит пар из котла во время гонки тарасуна, а один конский помет держится некрепко. Сначала замазывают щели, где т э б т э р соединяется с краем котла, а потом щель, где соединяются обе половины тэбтэра. После этого невдалеке от котла ставят особый сосуд с холодной водой (х и б э р) и в него ставят т а н х а, т.е. большой чугунный кувшин с узеньким горлышком, и кувшин с котлом соединяют деревянной трубкой (с о р г о), один конец которой должен быть прямо против дыры вверху тэбтэра, чтобы тарасун в виде паров свободно мог проходить через сорго в кувшин, а другой конец упирается на отверстие кувшина. Тот конец с о р г о, который стоит на тэбтэре, тоже замазывают замазкой, а другой конец, который приходится на отверстие кувшина, затыкают тряпкой. На другую дыру тэбтэра кладут маленькую досочку и приклеивают замазкой. Дыра эта делается на тот случай, чтобы можно было открыть отверстие, если во время гонки тарасуна пар в котле увеличится, если конец сорго на тэбтэр поставлен неправильно, т.е. не прямо против дыры, а немного в сторону, отчего пар, не свободно проходя через сорго в кувшин, накапливается в котле, или если под котлом много огня. Во всех этих случаях котел дает глухой звук. Тогда немедленно убавляют огонь под котлом и открывают запасную дыру. В противном случае хурунга и пары вытекают из котла, находя где-нибудь щель. Если хозяйка прозеваает при этом принять меры осторожности, то силою накопившегося пара могут быть сброшены тэбтэр и сорго. Тогда густой пар валит из котла, а хурунга бежит на огонь. В юрте бурята поднимается небывалая суматоха. Все приходят в ужас, потому что это дурной признак, результатом которого бывают бесконечные совещания с шаманами и ворожба. Если при этом кто-нибудь заболит в семье, то безошибочно можно предсказать, что несчастный бурят разорится на разные религиозные обряды. По мнению бурят, котел недаром сбросил тэбтэр и сорго; он сделал это по воле зайнов, которые рассердились и показали свой гнев на котле.

Когда аппарат установлен и замазан, под котлом увеличивают огонь и через несколько времени в кувшине начинают собираться пары тарасуна, которые охлаждаются и превращаются в жидкость. Количество ее измеряют особой палочкой (а м х у р), на которой сделаны метки. Как только тарасун дойдет до метки, то, если желают иметь крепкий тарасун, дальнейшую выгон-

ку прекращают, потому что метка амхура указывает, какой нужно выгонять тарасун. Если тарасуна требуется побольше и послабее, то выгонку продолжают дольше. Наконец, когда потребуется прекратить выгонку совсем, то уменьшают огонь под котлом, осторожно снимают сорго, чтобы замазка не упала в котел, осторожно счищают ее с тэбтэра и запасной дыры и дают пару выйти из котла. После этого снимают прочую замазку и кладут ее в особую посуду, где и хранят ее. Наконец, снимают одну половину крышки, которая постоянно снимается, из х и б э р а вынимают кувшин с тарасуном и выливают его в туяз, причем, по обычаю, немного брызгают на огонь.

После выгона тарасуна в котле остается так называемое б о з о, жидкое и творожистое вещество, горькое на вкус. Остывши, бозо делается гуще. Его из котла вычерпывают в другую посуду. Замазку тоже хранят для следующего раза. Для этого в нее вливают немного воды и перемешивают.

Впрочем, нынешние унгинские буряты для гонки тарасуна устроили небольшие печки, в которые вставляют котлы для гонки тарасуна. Этот способ выгонки тарасуна потому признается удобнее, что снаряды при нем не портятся от огня и дров идет далеко меньше. Кроме того, в юрте на очаге выгонять тарасун в летнее время очень жарко.

Обыкновенно, при частой выгонке тарасуна, иногда не хватает простокваши для хурунги. В таких случаях употребляют следующий способ для увеличения хурунги: в нее вливают немного бозо, а потом сейчас же гонят тарасун. Но изготовленный из такой хурунги тарасун обыкновенно получается нехороший, с неприятным запахом. Это, впрочем, бывает тогда, когда бозо налито в хурунгу много. В противном случае, дурного вкуса и запаха почти совсем не заметно. Но такой способ увеличения хурунги вообще избегают.

Нередко буряты выгоняют двойной тарасун, который далеко крепче, чем одинарный. Выгоняют его следующим образом. Когда хурунга согрется в котле и начнет испаряться, в это время открывают запасное отверстие в крышке и через него в котел с хурунгой вливают некоторое количество старого тарасуна. Затем отверстие закрывают и продолжают перегонку. От этого в кувшине получится более крепкий тарасун и количеством немного побольше, чем обыкновенно. Бывает, но очень редко, что двойной тарасун выгоняют из чистого тарасуна, тогда получается очень крепкий тарасун.

Когда бозо вычерпают, то на внутренней стороне тэбтэра от хурунги образуется белая, рыхлая и густая накипь (э р э м х ө). Накипь эту осторожно снимают ложкой, мешают со сметаной и едят. На вкус она кисло-горькая. Бозо обыкновенно не едят в том виде, как оно получается в котле, потому что

оно на вкус очень горькое и с неприятным запахом. В этом виде оно идет на выделку овчин, а также его кладут в воду и моют шерсть овчин. Кроме того, когда катают войлок, то тоже употребляют бозо с водою, так как оно хорошо очищает шерсть от грязи и белит шерсть. Во всех этих случаях бозо заменяет мыло. Но бозо в виде а р с ы идет и в пищу. А р с у сделать из бозо нетрудно. Для этого буряты обыкновенно имеют небольшой мешок (ш у м э к), который шьют из мешочного холста. Длинною он около $\frac{3}{4}$ аршин. Нижний конец его зашит, а на верхний надет обруч, пришитый к мешку волосяной веревкой, и к нему приделана вешалка в виде дужки, как у ведра. Этот мешок называют ш у м э к. В него вливают бозо и вешают где-нибудь, а под него ставят пустую посуду, в которую из бозо и вытекает желтоватая жидкость, на вкус очень горькая с неприятным запахом. Эту жидкость называют х я б. Она обыкновенно идет на мытье посуды, а иногда женщины моют ею голову, но в пищу х я б не употребляют. Когда хяб вытекает, в мешке остается арса. На вкус она очень горькая, совершенно белая и густая. Прежние буряты арсу сушили и возили с собою на облаву или, вообще, в дальний путь, потому что сушенная арса долго не портится. Для употребления ее разводили в воде и пили как питье или варили с какими-нибудь корнями растений и ели.

Есть и другой способ приготовления арсы, особенно в большом количестве для запаса на зиму и для обыденного употребления. Для этого шьют большие берестяные лукошки, вышиною около 5 четвертей и в диаметре около 1 аршина. Лукошки эти называются а р с а н у я х а н т о р х о («лукошко для арсы») и ставят на подмостках, специально устроенных для этой цели (а р а н г а). Затем в них вливают бозо, жидкость из которого понемногу вытекает в отверстия швов, и в лукошках остается арса. Вот и все немудрое приготовление арсы, без которой буряты не могут обойтись. Чтоб арса не портилась в летнюю жару, для этого необходимо время от времени подливать в нее новое бозо, жидкие части которого проходят через всю прежнюю арсу и, вытекая из лукошка, не дают ей засыхать и портиться. Напротив, если в арсу не будут долго наливать свежее бозо, то арса портится, в ней заводятся черви и запас приходится выбрасывать. Но так как в берестовых лукошках арса все-таки часто портится, то ныне буряты копят ее в деревянных кадушках или полубочьях. Для этого на дне посуды просверливают небольшие дырки, и когда нужно налить бозо, на дно подстилают мешочный холст, чтоб бозо не вытекало через дыры. От этого вытекает одна только жидкость, а арса остается. Обыкновенно эти деревянные посудыны с арсой ставят в тени или в прохладных местах. Но копить арсу

весною и летом буряты считают неудобным. Поэтому весеннюю и летнюю арсу, остающуюся от употребления, они дают скоту. Копить ее на зиму начинают с 1-го августа. Арса, накопленная с 1-го августа до октября, считается самой лучшей и вкусной. Да и бозо в это время года бывает лучше и гуще, чем летом или весной, а также лучше и гуще и молоко коров.

Арса, опрятно и хорошо приготовленная, бывает совершенно белая и без всяких крупинок (ш у б у х а н а н т о л г о). На вкус она кисло-горькая. Неопрятно же приготовленная арса на вид бывает синевато-грязная. Особенно портит арсу то, если во время гонки тарасуна в бозо попадает замазка, от которой бозо принимает сине-грязный цвет или если на дне котла образуется толстая и обуглившаяся накипь, которая, отставая от котла, вместе с бозо попадает в арсу. Кроме того, в арсе бывают иногда еще какие-то особенные крупинки от худого обихода. Но неопрятно приготовленную арсу можно сразу заметить. В пищу арсу употребляют следующим образом. Прежде всего из нее готовят так называемый «х о й м о к». Приготовить его очень просто. В котел кладут арсу, медленно греют ее на огне и растирают с небольшим количеством молока. Когда арса перемешается с молоком, тогда в котел наливают еще молока, соотносясь с количеством арсы и с нужным количеством хоймока, потом жидкость медленно мешают. В это время молоко от действия арсы свертывается, и получаются комки творога, по-бурятски — ш а л х а н а к, и беловатая жидкость. Вот и весь хоймок.

Если свернувшееся молоко, т.е. ш а л х а н а к, совершенно отделить от жидкости, то получится национальный бурятский творог, но только более вкусный и питательный, чем русский творог, потому что последний готовят из простокваши без сметаны, а первый — из чистого молока, в котором все жиры остаются.

Иногда творог готовят прямо из горячего бозо, в которое вливают молоко и медленно мешают. Но такой творог немного горек и невкусен. В этих случаях его заправляют сметаной и едят.

Хоймок готовят еще и из хурунги и молока. Последнее немного греют в котле, а потом в него наливают хурунгу и медленно мешают. Тоже получается хоймок, но на вкус более сладкий, чем приготовленный из арсы и бозо. Хоймок — питательное и любимое бурятами кушанье.

Прежние буряты, кроме того, шалханак, т.е. творог, отделяли от жидкости и сушили на солнце. Получался сушеный творог, так называемый а р ю р (слово а р ю р происходит от слова а р я х а — «рассыпаться»). Этот же творог, т.е. а р ю р, по древнебурятскому обычаю готовили небольшими комками или плитками, которые прессовали между досками. Тогда получался сыр. А р ю р желтоватого цвета. Его употребляли в еду как в чистом виде, так и с молоком, иногда разводили водою.

Кроме хоймока, из арсы готовят еще другое блюдо, тоже называемое арса. Для этого берут сырую арсу, кладут ее в котел, греют на огне и растирают деревянной поваренкой. Затем вливают в нее немного воды и сыплют муку, а потом снова трут, чтобы мука смешалась с арсой без комков. После этого в котел наливают немного воды и тоже растирают. В это время арса кипит. Когда мука сварится, тогда арсу разбавляют водою и делают жидкою, потом заправляют ее сметаною и едят, или же едят без сметаны. Пища выходит довольно питательная. Так приготовленную арсу буряты летом и во время полевых работ пьют как питье вместо воды. Нередко арсу разбавляют одною водою и пьют. Иногда в сваренную арсу кладут вареные луковицы сараны, потом едят. Получается довольно вкусное кушанье.

Третье кушанье, приготовляемое из арсы, это так называемый тибэһэн. Приготовление его довольно хлопотливо, но кушанье сытно и любимо бурятами. Чтобы приготовить тибэһэн, сперва берут круглый хлеб, и жарят его в котле. Для этого котел ставят на огонь и нагревают хорошенько, но не очень сильно. Если котел сильно накалится, то хлеб сгорит. В нагретый котел понемногу и сыплют круглый хлеб, беспрестанно мешая его особо приготовленным для этой цели хурмаком, чтоб ниже зерна не сгорели, а все изжарились ровно. Изжарившийся хлеб из котла выгребают хурмаком и сыплют новый. По окончании жарения котел снимают с очага и ставят в стороне. Жареный хлеб толкут в деревянной ступке. Когда хлеб превратится в крупу, в котел наливают воду сколько нужно, а потом ставят на огонь и сыплют в нее крупу из жареного хлеба. Затем хлеб с водою долго кипятят, пока крупа не сварится, т.е. не делается очень мягкою. Это у бурят и называется тибэһэн. Когда тибэһэн сварится, его сливают в особую посуду, а в котел кладут арсу, растирают ее и в это же время разбавляют ее тибэһеном. Таким путем получается арсата тибэһэн, т.е. тибэһэн с арсою, который приправляют сметаною и едят.

Иногда тибэһэн не смешивают с арсою, а, как только сварится, его приправляют молоком и едят. Но так приправленный тибэһэн взрослые употребляют очень мало, но зато это любимое кушанье детей. Этот сорт тибэһэна зовется хутэт и бэһэн, т.е. «молочный тибэһэн». Для приготовления крупы прежние буряты имели небольшие ручные мельницы. Ныне же мельницы эти вышли из употребления.

Кроме употребления в пищу, арса и бозо идут еще для чистки медных вещей, самоваров, подсвечников и проч.

Но перечисленные выше молочные кушанья – далеко не все. Кроме них, готовят еще из молока амһан, хотя ныне преимущественно только

для больших религиозных обрядов и жертвоприношений западным тэнгэри-нам, Ухан-хату, кузнечным заянам и пр. В обыденной же жизни а м һ а н почти не употребляют. А м һ а н готовят как тибэһэн, только почище. Именно в нагретом котле жарят зерна ярицы, или же иногда для чистоты и вкуса употребляют и пшеничные зерна. Когда хлеб ровно изжарится, его легонько толкут в деревянной ступке, чтобы отделить кожицу от зерна. Когда кожица отделится от зерна, зерно ссыпают в корзину (т э б ш и) и веют, чтобы удалить кожицу, после чего в корзине остается чистое и белое зерно. Его снова толкут в ступке и превращают в крупу. Эту крупу варят в чистой воде до тех пор, пока она не делается мягкой. Тогда ее отделяют от воды и варят в молоке, которое кипятят несколько раз. После этого кушанье из котла выливают в другую посуду. Это вкусное и питательное кушанье. Чисто и хорошо приготовленный а м һ а н бывает совершенно белый, густой и вкусный, нечисто же приготовленный — синеватый и иногда даже черноватый от сгоревших зерен. Амһан готовили и прежние буряты, но только не из хлебных зерен, а из семян трав: б у д а н, ш у б у х а н а н т о л г о и пр. Травы эти собирали и сушили на солнце, зерна жарили и толкли в деревянных ступках, очищая от шелухи, а потом варили а м һ а н, который ели как лакомое кушанье, а также употребляли в разных религиозных обрядах, в которых он сохранился доньше. Иногда прежние буряты в молоке варили корни сараны, которой в Унгинском ведомстве и доньше растет много. Корни выкапывали из земли и мыли, а потом варили в молоке и ели. Нынешние буряты тоже варят сарану в молоке и едят.

Но молочные продукты употребляются бурятами не только сами по себе, они служат приправой и для других кушаний, и прежде всего для чая. Впрочем, нужно сказать, что нынешние балаганские буряты чай пьют весьма часто по-русски. Они завели самовары, чайную посуду и пр. Но во многих других местах чай и доньше варят особым образом в котлах. Такой чай называют т о г о н д о ш а н а һ а н с а, т.е. «чай, варенный в котле», или «з у т а р а н с а», в отличие от чая, приготовленного по-русски. Последний, т.е. «з у т а р а н с а» или «чай, варенный в котле», некогда был единственным распространенным между бурятами напитком.

Чай этот готовят следующим образом. В котле жарят круглый хлеб и затем толкут его в ступке, чтобы получилась мука. Затем в котел наливают воду и кладут в нее выварки чая или новый чай, а воду кипятят. Когда вода вскипит и положенные в нее выварки чая или чай настоятся, тогда жидкость из котла вычерпывают в другую посуду, а в котел кладут сметану и варят саламат. В саламат вливают немного воды и мешают, чтобы образовалось побольше масла. Иногда туда же кладут мелко искрошенный жир и мешают, а потом

понемногу вливают в саламат чай и медленно перемешивают. Получается так называемый тогон са или зутаран са. На самом деле это не чай и не суп, а что-то среднее, но довольно вкусное и питательное. Впоследствии для варения саламата не стали употреблять муку из жареного хлеба, довольно трудную для приготовления, а саламат варят с обыкновенною мукою и тем самым значительно сокращают работу. Само собой понятно, что прежние буряты, пока не знали хлеба, а муку готовили из корней растений, то и чай тоже варили из корней растений. Употребляли растения ходо, мэхэргэнэ, синэ и хуһани шултэ. Во время зэгэтэ-аба из сала убитых зверей и муки из корней растений делали бон и варили его в виде нынешней каши. Эту кашу постепенно разводили чаем, приготовленным тоже из корней растений, и пили как чай, особенно зимой, как согревающее. Впоследствии, когда появилось у бурят скотоводство и в связи с этим молочная пища, тогда саламат начали готовить из сметаны и муки из корней растений, но по старой привычке туда же клали и мелко искрошенный жир. Впоследствии буряты от русских заимствовали употребление хлеба, из которого первобытным образом начали делать муку, а из нее готовить чай, но прежним способом. Потом, когда они познакомились с настоящею мукою и научились готовить печеный хлеб, тогда оставили свое трудное, хлопотливое и первобытное приготовление муки, стали молоть муку и из нее готовить тот же чай, только не из корней растений, а из настоящего чая. Впоследствии они постепенно завели самовары, медные чайники и пр. и понемногу начали оставлять свой национальный чай.

Мука из корней растений теперь тоже совсем забыта нынешними бурятами и только в народных преданиях остались намеки на существование ее.

Другое кушанье, в составе которого молоко играет важную роль, это лепешки. Для их приготовления в молоко всыпают муку и мешают, пока получится жидкое тесто. Затем на огонь ставят тоненькую каменную плитку, которую нарочно держат в доме для этой цели. Толщиною она около 1 верш., длиною около 3 четв., шириною 2 четв. Форма ее приблизительно четырехугольник или круг. Сначала плитку сушат на солнце, потом мажут жиром или маслом, опять сушат на медленном огне, чтобы она не лопнула и уже после этого употребляют в дело. Плитку сильно нагревают. Затем, когда она нагреется, ее мажут бараньим курдюком, укрепленным на рожне, и на камень ложкою наливают приготовленное жидкое тесто. Льют несколько раз, но так, чтобы из каждой ложки получилась особая лепешка. Когда нижняя часть теста поспеет, тогда маленькою и тоненькою лопаточкою поворачивают лепешку на другую сторону. Когда и это часть поспеет, тогда той же лопаточкой берут

лепешку с камня. Затем другой раз делают то же самое, смазывая каждый раз камень жиром, потому что в противном случае лепешки прилипают к камню. Подобного рода лепешки нынешние буряты стряпают только в летнее время на очаге огня юрты.

В заключение считаю не лишним упомянуть о некоторых обычаях бурятских, сохранившихся из прежней жизни. Таков, например, обычай «с а г а л х а» (победиться). Обычай этот состоит в следующем. Когда к буряту придет гость или просто заедет посторонний человек, то хозяйева первым долгом подают ему в чашке молоко или какую-нибудь молочную пищу. Гость берет чашку с молоком, пробует и отдает обратно. Если гость дальний или уважаемый, тогда молоко или тарак подают в чашке с ложкою и ставят перед гостем на стол. Гость зачерпывает ложкою молоко или тарак и пробует. Это и называется «с а г а л х а». В обыденных или общих гулянках с гостями или без них тоже первым делом на стол ставят непременно «с а г а н», а потом тарасун или вино, причем каждый присутствующий поочередно делает «с а г а л х а», другие же кушанья пробовать не обязательно.

Другой обычай, сохранившийся у нынешних бурят, состоит в следующем. Весною, когда еще табуны лошадей не совсем оправались от зимней бескормицы, с них снимают, т.е. отрезают, гривы и хвосты. Для этого приглашают соседей, которые собираются и общими силами производят эту операцию. По окончании ее хозяин угощает собравшихся людей, а перед тем иногда делает брызганье или совершает д у h а х у, а потом от сваренного мяса отрезает несколько кусков, берет белые волосы с грив и хвостов и все это бросает в огонь. После этого пьют вино и тарасун и едят мясо.

Иногда снятие с табунов лошадей грив и хвостов устраивает целый улус в один день. Для этого сперва собираются у одного домохозяина и режут у его лошадей гривы и хвосты, затем у другого домохозяина и т.д. поочередно, пока не обойдут всех. Когда все кончат, тогда устраивают общее гулянье в каждом доме, совершая вышеупомянутый обряд. Последний обычай, несомненно, сохранился от прежнего времени, когда у бурят было общее скотоводство. Тогда целый род весною снимал с лошадей гривы и хвосты, а потом устраивали общее гулянье и совершали какой-нибудь религиозный обряд, может быть, даже первую молочную пищу, а потом устраивали общее гулянье, которое с обрядом сохранилось до сих пор. Что же касается грив и хвостов лошадей, то прежним бурятам они были необходимы, потому что буряты в то время не знали конопли, и из волос делали веревки, как это делают и донныне, хотя теперь, кроме конского волоса, употребляют для этого и коноплю.

IV

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ У БУРЯТ

Когда отцы жениха и невесты обменяются поясами, то это значит, что сватовство уже официально оформлено. После этого отец жениха уезжал домой и платил калым отцу невесты. Когда условленный калым был уплачен, то отец жениха требовал к себе невесту, чтобы сыграть свадьбу. Тогда родители невесты назначали время, когда они поедут с невестой. К этому времени родители жениха и соседи приготавливались к встрече и принятию свадебных гостей. К назначенному сроку родители невесты приготавливались к свадьбе, шили приданое, нужную одежду, обувь и прочее, согласно обычаю (о н ж и н), а также приготавливали приданое, так называемое х э х э н э к, которое шили из звериных шкур, а лицевую сторону вышивали для красоты всевозможными узорами. Иногда этот х э х э н э к снаружи покрывался шелковой материей различных цветов. На материи же делали разные вышивки в национальном вкусе, особенно на лицевой стороне. Хэхэнэк шьется из звериных шкур в виде мешка, но только треугольным. На обеих сторонах лицевой части привешено до девяти ремней, должно полагать, для красоты, а может быть, они имеют и какое-либо символическое значение. На лицевой стороне, на половине, делали для украшения ременную кисть. На лицевой стороне хэхэнэка, кроме того, имелись металлические украшения в виде блях, иногда из серебра, а также из маленьких раковин, называемых по-бурятски ю б у н, которые в то время ценились очень дорого. Такой х э х э н э к я видел в 1881 году в Ольхонском ведомстве. Кроме этого, в приданое невесте приготавливались колчан со стрелами, лук и прочее оружие, которое носилось только во времена зэгэтэ-аба, так как женщины в то время принимали участие в охоте. Невесте приготавливали также лошадь со всей нужной сбруей того времени, чтобы она могла ехать на зэгэтэ-аба на своей лошади. Кроме этого, полагались еще постель и некоторая другая домашняя утварь, – вот все приданое, то есть о н ж и н невесты того времени. Впоследствии стали давать разный скот, который считался собственностью невесты.

Конечно, все эти приготовления были в зависимости от состояния родителей невесты; чем богаче родители, тем больше приданого, а у бедных были

лишь самые необходимые вещи. Когда все приданое невесты было готово, то ее родители приглашали родственников и соседей ехать на свадьбу; но это было уже намного позднее, когда буряты стали сосредотачиваться на определенных местах отдельными обществами и только собирались на условленном месте для зэгэтэ-аба. А в прежнее время, когда буряты все, без исключения, со своими семьями скитались по разным местам во время зэгэтэ-аба, то обряд свадьбы был не особенно сложным.

Уже ранее упоминалось, что зэгэтэ-облавшики имели своего начальника, который распоряжался ходом облавы, наблюдал за порядком, а также разбирал разные споры, возникавшие между зэгэтэ-облавшиками. Следовательно, этот начальник-представитель был первым почетным лицом, уважаемым всеми охотниками, и он играл очень важную роль. Конечно, его как первое уважаемое лицо всегда приглашали на свадьбу, где он занимал первое место. Можно допустить следующее предположение: свадьба делалась по его разрешению, так как для свадьбы нужно было время, следовательно, более или менее продолжительная стоянка на месте, что без разрешения начальника — г а л ш и не могло иметь места. Если сватовство производилось между двумя самостоятельными отдельными зэгэтэ-облавшиками, то, бесспорно, требовалось разрешение обеих сторон от своих г а л ш и. Если свадьба разрешалась, то эти лица приглашались на нее как почетные гости и потому во время свадьбы ехали впереди всех и по приезде занимали почетное место.

В назначенный срок родители невесты со своими родными и одноплеменниками ехали к отцу жениха. Все приданое невесты брали с собою. Невеста ехала на своей лошади, в х э х э н э к невесты клали, по обычаю, запасные стрелы, нужные вещи и предметы угощения.

По обычаю того времени, прежние буряты на свадьбу ездили верхом на лошадях, в полном вооружении: с колчанами, луками, копьями и прочим оружием, которое носили в то время, так как по дороге на них могли напасть другие племена зэгэтэ-облашников или, вообще, другие племена, жившие в тех местах; отобрать невесту и других женщин, участвовавших в свадьбе. Подобные нападения были в те времена не редкостью и вооружение было необходимостью, чтобы иметь возможность защищаться.

К назначенному дню родители жениха тоже приготавливались к принятию свадебных гостей и, со своей стороны, приглашали родственников, соседей, которые им помогали материально в свадебной церемонии. Приглашали также и г а л ш и. К приезду свадьбы все было готово и все были в сборе.

Свадебные гости, приехав к жениху, слезали с лошадей, которых привязывали по порядку, снимали с себя все вооружение и оставляли его на лошадях.

Собравшиеся соседи со стороны жениха принимали гостей по достоинству и угощали. В это время присутствовавшие со стороны жениха вкапывали в землю березу, которую называли т у р г э, около этой березы разводили огонь, а около огня полукругом рассаживались старики. Первое место занимал, как почетное лицо, г а л ш и, за ним — прочие лица. Часть приехавших со стороны невесты гостей становилась в кучу. По обычаю, к ним присоединялся жених со своими гостями и вставал рядом с невестой. Таким образом они медленно двигались к т у р г э, и, не доходя огня, останавливались.

Тогда г а л ш и, или другое лицо со стороны невесты, обращался к местному галши и говорил «возьми» (невесту), по-бурятски «аб». Местный галши или другое почетное лицо в знак согласия, что он принимает невесту, благословлял ее. Слово «аб» повторялось до трех раз, после каждого «аб» местный г а л ш и каждый раз благословлял невесту. Когда обычай благословения кончался, то жених и невеста подходили к огню и, подойдя к огню, кланялись. В это время жениху подносили подготовленные три куска жира, которые он брал в руки и, кланяясь, бросал в огонь. После этого также три куска жира давали невесте, и она, взяв их в руки, поклонившись, бросала в огонь. Затем невесте давали один кусок жира, и она бросала его на грудь отцу жениха. Когда кончался обряд бросания жира, то невесте подносили топленое сало, и она его выливала в огонь. На этом, собственно говоря, и кончались свадебные обряды того времени. Более подробные сведения я, к сожалению, не мог собрать, это требовало слишком много времени. Подробности могут собрать специалисты.

После вышеупомянутых свадебных обрядов и обычаев начиналось угощение свадебных гостей. Почетных стариков угощали около огня, а невесту с женихом и молодежь угощали в балагане. Потом иногда устраивали национальные народные игры: борцы, отличавшиеся силой и ловкостью, боролись между собою с той и с другой стороны; стреляли в цель из лука, устраивали скачки и бега лошадей. Устраивались и другие народные игры, которые были приняты в то время. Молодые люди обоего пола устраивали пляски. Самая обыкновенная пляска в то время была следующая: молодежь обоего пола становилась в круг, держа друг друга за руки и ходила в круге по солнцу. В это время пели песню, потом вставали плотнее друг к другу и скакали вверх, также совершая круг по солнцу. Эта пляска существует почти без изменения до сих пор и называется х а т а р х а.

Кроме этого, прежние буряты имели еще и другие национальные танцы, заключавшиеся в подражании животным, зверям и птицам. Опишу некоторые из этих национальных танцев, о которых я успел собрать сведения.

Прежние буряты исполняли так называемый хор надан, в буквальном переводе на русский язык «глухарина игра». Этот хор надан исполняли следующим образом. Несколько человек, изображавших глухарей-самцов, садилось друг против друга, подогнув ноги в коленях и при движении должны были подражать крику глухарей. В таком положении делали прыжок вперед, обе руки держа наравне с плечами, — эти руки означали крылья.

Пляшущие, скача на двух ногах, сходились и расходились. В это время другие изображали глухарей-самок. Самка проходила между самцами, которые дрались за нее. Пляшущие во время танца кричали, подражая крику глухаря-самца. Короче говоря, пляска состояла в полном подражании игре глухарей весной.

Другая пляска была еще проще и похожа на первую. Ее плясали несколько человек, сидя друг против друга. Они садились, подогнув ноги, и скакали, сходясь и расходясь. Руки, как и в первой пляске, держали на уровне плеч.

Плясали и так называемый танец мэндэшэлхэ, — для этого пляшущие вставали парами, плясав, сходились и расходились. Во время этой пляски пели песни.

Что многие пляски состояли из подражания животным, доказывает и название этих плясок: бабаганонгон, мори хургахаонгон, шонононгон, тэхэонгон, харана малташионгон и пр.

После этих национальных танцев и испытаний в силе и ловкости, в борьбе и стрельбе из луков свадебные гости, оставив невесту, уезжали обратно домой. По условиям жизни того времени, свадебные гости принуждены были возвращаться в тот же день домой, потому что, пользуясь отсутствием их, другие племена могли сделать нападение на остальное общество, которое не поехало на свадьбу. Вот одна из причин, почему свадебные гости возвращались домой в тот же день. Продолжительное гулянье в то время было невозможно и по другой причине. Отец жениха не мог приготовить угощения для пребывания гостей в течение нескольких дней по скудости съестных припасов, так как пища добывалась с трудом общими силами во время зэгэгэ-аба, а скотоводство и, вообще, домашнее хозяйство было неразвитым.

Вот вкратце описание древнего свадебного обряда, который претерпел, конечно, большие изменения под влиянием изменения образа жизни бурят. Также и части обряда носят теперь другие названия.

Постараюсь теперь, сообразно со своими силами, описать свадебные обычаи и обряды нынешних бурят, которые перешли к ним от далеких предков и которых они по традиции до сих пор придерживаются.

Сватовство производится по взаимному согласию родителей жениха и невесты, согласия последних не спрашивали. Сватовство происходит следующим образом. Отец жениха приезжает к родителям невесты и, если родители невесты согласны, происходит сватовство. Отец жениха надевает невесте золотую монету, так называемый х о л о б ш и, и после этого посылает за вином, чтобы угостить родителей невесты, родных и соседей. Когда возвращаются посланные за вином, то этим вином, по обычаю, брызгают, а побрызгавши, пьют. В это время отцы жениха и невесты меняются поясами и уславливаются о калыме, который отец жениха должен выплатить отцу невесты. Гулянье иногда продолжается несколько дней. Отец жениха, прогуляв эти дни, уезжает домой. Перед его отъездом родители невесты шьют ему новую шубу, которую на него и одевают. После этого он начинает платить калым. Когда весь калым уплачен, то невесту требуют в дом жениха. Родители невесты назначают срок, к которому они поедут передавать невесту, и к этому назначенному времени отец жениха готовится для принятия свадебных гостей. Родители невесты, со своей стороны, в назначенный день приглашают знакомых и соседей и к вечеру свадебные гости приезжают в дом жениха.

Навстречу свадьбе родители жениха посылают несколько человек с вином и мясом. Подобную встречу называют х а л. Посланные навстречу свадьбе люди, встретив свадебных гостей, останавливают свадебный поезд, некоторые из них слезают с коней и с телег и с взятого ими с собой мяса отрезают кусочки и бросают в огонь, что называется души дарьха, а вином брызгают, делают духаху, то есть «капают». Затем встреченных гостей угощают мясом и вином, после чего свадьба продолжает путь. В прежнее время хал отправляли за день вперед к родителям невесты, где угощали как родителей, так и соседей невесты. Такой обычай и ныне существует у кудинских бурят. К жениху едут только на следующий после этого день. Когда свадьба едет, то впереди едет один из мужчин со стороны невесты, старик, верхом на лошади со стрелой в руке, так называемый у балаганских бурят т у р у ш и, который приезжает прежде всех в дом невесты, входит в юрту, втыкает в столб юрты стрелу х о й м о р т э н г и, а сам садится и поет национальную песню. Т у р у ш и усаживают на почетное место и поят вином, при этом стараются напоить его к приезду свадьбы допьяна, чтобы он свалился как мертвый. Нынешний т у р у ш и означает прежнего г а л ш и, начальника зэгэтэ-аба, который как почетное лицо ехал впереди всех. Слово туруши происходит от бурятского слова туру,— по-русски «первый», значит т у р у ш и — «первоедущий». Так как ныне нет опасности нападения на свадьбу, как это могло иметь место в

старые времена, то поэтому теперь на свадьбу нет надобности ехать вооруженными. Но все-таки в воспоминание о прежних обычаях т у р у ш и едет со стрелой за поясом, а не с целым колчаном со стрелами.

За т у р у ш и приезжает и свадьба. Гостей-стариков сажают обыкновенно по правую сторону юрты (барун-тала), а замужние женщины сидят на ее северной стороне, по-бурятски х о й м о р т а л а. Невеста с молодыми девицами и парнями сидит за занавеской (х о ш о г о н х о й н о). Первым на столы ставят молоко или тарак, которые гости и пробуют. Это называется с а г а л х а. После этого угощают отдельно каждую группу.

Отцы жениха и невесты сидят рядом около очага, перед ними посуда, в которой вино. Два шамана, один со стороны жениха, а другой со стороны невесты, брызгают вином. Во время брызганья эти шаманы стоят рядом и держат друг друга за руки. Это означает, что оба шамана, брызгая тарасун, соединяют жениха и невесту на совместную жизнь, благословляют брачные узы и просят своих заянов, чтобы они даровали жениху и невесте счастливую жизнь.

После брызганья вина или тарасуна начинается попойка, которая длится иногда до утра.

На другое утро родители жениха готовят к главным обрядам и обычаям свадьбы. Для этого на улице около юрты вкапывают в землю березу, называемую т у р г э. На это тургэ ставят жердь, которая одним концом упирается на землю, а другим концом — на тургэ. На эту жердь вешают шубу свекрови. Если у отца жениха имеется Хотхо-онгон, то его вешают на тургэ. На северной стороне тургэ разводят огонь и около огня ставят мясо и вино в посуде. Около этого огня сидит так называемый о р о р ш и, по-русски «благословитель». Нынешний о р о р ш и есть прежний галши, который благословляет невесту в знак того, что он принимает невесту в свою общину. Этот обычай сохранился до сих пор, но только название переменилось, — вместо галши стало о р о р ш и. Молодой невесте, по обычаю, расплетают косу и с правой стороны заплетают девять кос, а с левой стороны — восемь, а затем надевают полную женскую одежду. Родители невесты каждому присутствующему со стороны жениха привязывают лоскутки материи. Этот обычай называется у бурят з а л а з у х э.

На шею собаки привязывают красное сукно или лоскуток другой какой-либо материи. Разъяснения этого обычая я узнать не мог, но должно полагать, что прежние буряты, как народ охотничий, сильно дорожили собакой, которая им оказывала большие услуги, а поэтому по их понятиям собака должна была принять участие в общей радости хозяев. Красное сукно привязывают

также на крюк (по-бурятски д э г э), которым обыкновенно из котла достают мясо,— символическое значение этого мне тоже не могли объяснить.

Когда все приготовят, то невесту выводят из юрты. Жених и невеста идут рядом и держатся за руки, над головами их держат большую шаль — х а р а б ш и. С одной стороны невесты идет так называемая мать (эхэ). Вторая жена не может быть, по обычаю, матерью невесты, ею может быть только первая жена. Шаль держат за четыре угла посторонние люди. Лицо невесты в это время покрыто какой-либо материей. Так они обходят вокруг юрты. Когда они приближаются к тургэ и к сидящему около тургэ о р о р ш и, то один из идущих кричит «возьми!» (а б, о р о р ш и!) и орорши начинает благословлять невесту. Во время благословения о р о р ш и идущие под шалью останавливаются, а когда он кончит благословение, то продвигаются несколько вперед. Так продолжается до трех раз. После третьего благословения невеста входит в юрту. В это время отец и мать жениха сидят на х о й м о р т а л а, около очага. Когда невеста входит в юрту, то останавливается около двери и в это время около очага подстилают потник. Жених же после того, как он остановится у дверей, идет к тургэ. Люди, стоящие около тургэ, отрезают от мяса, лежащего у тургэ, несколько кусков и подают их жениху, который бросает их в огонь около тургэ. Затем несколько кусков мяса подают жениху. Жених возвращается в юрту и, войдя в нее, останавливается, встав на потнике рядом с невестой. Куски мяса он, кланяясь, бросает в огонь очага, а затем уходит. Это означает, что он получил право иметь свое отдельное хозяйство и гражданство в своем обществе как человек женатый.

Невесте подают кусок жира, который она, кланяясь, бросает в огонь, а затем ей подают еще несколько кусков жира, которые она за два раза бросает своему свекру в грудь. Свекор берет брошенный невестой жир и кусочек этого жира бросает в огонь, оставшийся жир ест сам и подает другим. Этот обычай так и называется у х э х а й х а, по-русски «бросать жир».

По окончании обряда у х э х а й х а невеста уходит и садится за занавеской.

В то время как невеста в юрте бросала жир в огонь и своему свекру, на улице, около тургэ, распоряжаются следующим образом: после того, как жених бросит в огонь несколько кусков мяса, остальное мясо делят на три части; несколько кусков откладывают в сторону под тургэ — это называется по-бурятски о н г о н и м я х а н — и его до окончания свадьбы не едят, оно остается нетронутым, пока свадебные гости не уедут. Вторую часть, грудину, несколько

ребер с жиром и часть вина в посуде откладывают в сторону. Это мясо и вино предназначается борцам, которые будут бороться, и тем, кто принимает участие в скачках и бегах. Состязание в борьбе, скачках и бегах устраивают и до сих пор, но не всегда. Третью часть мяса и остальное вино делят и едят, и пьют собравшиеся на свадьбу. Таким образом, попойка и угощение продолжаются беспрерывно.

Невеста в это время снова подходит к огню со своей матерью и с другими молодыми женщинами или девушками и кланяется огню. Ей подают в чашке молоко, которое она берет и капают немного в огонь, после чего его пробует и дает попробовать прочим женщинам, стоящим с ней рядом. После этого чашку с молоком выбрасывают. Это называется у бурят с а г л х а.

Вслед за тем свекор подает невесте в чашке масло, которое невеста берет и, кланяясь огню, выливает его в огонь. Свекровь также подает ей масло, и невеста, кланяясь огню, выливает его в огонь, как и первое. Следующий обряд — поклон огню и касание дров, горящих в огне с трех сторон. Это означает, что невеста теперь получила полное право хозяйничать в доме как хозяйка дома. Невесту одаривают разными золотыми и серебряными монетами. Первым одаривает свекор, за ним — свекровь, а после этого — присутствующие гости со стороны жениха. После этого невеста уже как хозяйка дома угощает присутствующих гостей.

Затем на улице начинается борьба. Первый борец, который победит своего противника, получает в награду грудину и вино, другие победители получают другое мясо. После этого начинаются скачки и бега. Победители скачек и бегов также получают в награду мясо и вино. Но ныне это продолжается не особенно долго; на иных свадьбах, по бедности людей, этого и совсем не бывает.

По окончании этих свадебных обрядов свадебные гости и соседи жениха гуляют, разъезжаются по родным и соседям жениха. Таким образом гулянье продолжается несколько дней. По вечерам молодые люди обоего пола устраивают вечеринки. На вечеринках они пляшут и поют национальные песни. Погуляв так несколько суток, гости уезжают по домам. Невеста иногда остается у жениха, а иногда уезжает со своими обратно. Кудинские буряты свадьбу делают преимущественно летом, на свадьбу ездят верхом и возвращаются обратно в тот же день. Следовательно, кудинские буряты еще придерживаются прежнего обычая. У балаганских бурят свадьба продолжается несколько дней и, притом, не разбирают, ехать на свадьбу зимой или летом.

У нынешних бурят не очень давно еще существовал обычай угонять скот. Свадебные гости, уезжая домой, старались как можно ловчее угнать несколько штук рогатого скота, но такой угон не превышал двух или трех голов. Соседи жениха пускались в погоню за угнавшими скот и, догнав их, скот отбирали,

иногда при этом происходили драки. Победившая сторона угоняла скот. Соседи жениха – к себе домой, а угонявшие гости – к себе. В последнем случае по приезде домой этот скот кололи, а мясо делили между собою поровну. Также поровну делили и кожу. Обычай этот, конечно, теперь выходит из употребления.

Молодая сноха-бурятка придерживается издавна заведенных обычаев, хотя под влиянием русских строгость эта смягчается. Например, сноха ни под каким видом не должна произносить имена своих свекра и свекрови. Совершенно также, из уважения к ним, она не произносит имена посторонних лиц, которые имеют те же имена, что и ее свекор и свекровь. Она должна уважать, кроме свекра, и старших деверьев, и всех родных своего мужа, а именно тех, которые старше ее мужа по возрасту и, особенно, стариков. Свекор, старшие девери и родные мужа вышедшей замуж женщины по отношению к ней называются по-бурятски *х а д а м*. Итак, молодуха имен своих хадам не должна произносить. Из уважения к своим хадам всегда должна быть одета и держать себя прилично. Она никогда не снимает своей шапки и на нее всегда должен быть надет капор, по-бурятски *х а м ж у л*, который одевается поверх шубы. Этот *х а м ж у л* покрывает только спину. Буряты говорят, что все замужние женщины не должны показывать небу верхушку головы, а великой земле не должны показывать спину, по-бурятски: «Ундэр тэнгэридэ ороё харуулхагуй, үлэгхи дэлхэйдэ араа харуулхагуй».

Молодая сноха не должна близко подходить к своим *х а д а м*, при которых она не смеет переодеваться и раздеваться. Она не должна подходить к юрте своих *х а д а м* с правой стороны, считая с улицы, и также не должна проходить в юрте направо от очага, то есть близко к онгонам, которые обычно помещаются направо от очага. Если молодая сноха, или даже пожилая женщина пройдет на правую сторону очага к онгонам, то это считается великим преступлением, и онгоны должны наказать виновницу, посылая разные несчастья.

Если молодая сноха и даже пожилая замужняя женщина произнесет имя своих *х а д а м*, то это считается кровным оскорблением, на которое очень обижаются. Оно считается величайшим невниманием. Женщина проживает до глубокой старости, до 80 лет, но все-таки не произносит имен своих *х а д а м*, хотя они, может быть, уже все давным-давно умерли. Она не смеет также допускать в разговоре с ними каких-либо неприличных слов или выражений.

При встрече ее со своими *х а д а м* она должна обойти кругом, не должна пересекать дорогу, уступать им всегда дорогу и т.п. Недопустимо также, чтобы *х а д а м* поехал вместе со своей снохой в телеге или в санях.

Совершенно также и х а д а м должен себя вести соответственно по отношению к снохе или невестке: не должен обнажать при ней свое тело, не должен говорить неприличных слов, или даже делать неприличные намеки,— это считается невежеством и принимается как оскорбление. Женщина при таком поведении может удалиться из юрты, а такой х а д а м теряет общее уважение, и над ним другие смеются.

Х а д а м не должен сидеть, ложиться и даже близко подходить к кровати снохи (невестки). Постель снохи устраивают в отдельной юрте, а если таковой нет, то в углу и загораживают занавеской.

Весь этот церемониал взаимоотношений у бурят называется с э р х э х э.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ У ВЕРХНЕ-КУДИНСКИХ БУРЯТ ВЕРХОЛЕНСКОГО УЕЗДА

У бурят Верхне-Кудинского ведомства сперва бывает сватовство, а потом родители жениха начинают выплачивать калым за невесту ее родителям.

Когда подходит время делать свадьбу, то родители жениха получают на это согласие родителей невесты и назначают день свадьбы.

Теперь я опишу свадебные обряды и обычаи, виденные мною у бурят Верхне-Кудинского ведомства в 4-м буровском роде.

Перед свадьбой бывает так называемый х а л, очень старинный обычай, сохранившийся между бурятами. Буряты Иркутского и Верхоленского уездов до сих пор делают хал, также делают и буряты Балаганского уезда. Делали этот обычай и в прежние времена.

Х а л у бурят Верхне-Кудинского ведомства бывает перед свадьбой за два-три дня. Обряд хал делает жених.

Когда родители жениха получили от родителей невесты согласие на день свадьбы, тогда родители жениха назначают и день для х а л а, так как х а л предшествует дню свадьбы. Родители жениха готовятся ехать с х а л о м к родителям невесты и для этого покупают вино, изготавливают тарасун и колют кобылу. Если родители жениха — люди состоятельные, то они колют несколько кобыл. Мясо заколотых животных варят и кладут в особую посуду. Когда все это готово, то родители жениха приглашают своих родных ехать на х а л. Чем богаче родители жениха, тем более едет с ними гостей и более везется с собою вина, тарасуна и мяса. Родители невесты, со своей стороны, также готовятся встречать гостей. Приехавшего жениха и его родителей встречают с уважением. Родные и соседи невесты собираются в дом ее родителей.

Когда жених со своими родителями, родными и соседями приезжает в дом невесты, то, приняв их, им по обычаю подают с а г а л х а. Мясо, приве-

женное женихом, снимают с телег и раскладывают в корзины и другую посуду, на мешки или просто на доски, а тарасун и вино в посуде ставят перед мясом несколько правее. Потом разводят огонь. Все гости, приехавшие с женихом, родители, родные и соседи невесты, выйдя из юрты, садятся в круг, после чего, по обыкновению, начинается брызганье тарасуна и вина. От привезенного мяса отрезают несколько кусков и бросают в огонь, после этого принимаются за еду. Когда привезенное женихом мясо съедят, а вино выпьют, тогда гулянье делается общим: приезжих гостей угощают родители невесты, а потом все гости ходят по улусу из одного дома в другой и повсюду их угощают,— так проводят первый день.

Молодежь обоего пола вечером устраивает вечеринку, во время которой молодые девушки, подруги невесты, украшают жениха следующим образом: делают из красивой материи косу и на ее нижнем конце пришивают шелковую кисть, а повыше на материи пришивают белые рубашечные пуговицы, на самом же верху косы пришивают монету в 20 копеек. Эту косу пришивают жениху на спину к воротнику халата или пальто. Конечно, эта коса делается по состоянию родителей невесты, — у богатых невест косы для женихов подороже. После этого на шапку, а также на подолы халата или пальто также пришивают пуговицы (я не спросил, почему пришивают белые пуговицы, или по обычаю, или как дешевый предмет, который постоянно имеется под рукой). Все это служит отличием и украшением жениха.

На другой или на третий день жених со своими родителями обычно уезжает обратно домой в сопровождении своих родных и соседей. Иногда он едет вместе со свадьбой. В прежнее время он обязательно ехал со свадьбой, но ныне этот обычай не наблюдается.

Виденную мною свадьбу можно считать по состоянию ниже среднего. Жених был вдовец и брал вторую жену, которая была девушкой. Буряты вообще избегают выдавать своих дочерей за вдовцов.

Приготовление к свадьбе занимают несколько дней. Родители жениха, или сам жених покупают все необходимые вещи, вино, и колют, по состоянию, животных. Родные и соседи жениха помогают жениху деньгами, кто сколько пожелает. Мясо животных варят и готовят тарак и пенку для угощения свадебных гостей.

В день свадьбы с утра собираются родные, соседи и приезжают родственники. Последние привозят с собою вино, тарасун и мясо и иногда одаривают жениха деньгами. Собирается и молодежь обоего пола и в ожидании свадьбы устраивает национальные пляски и танцы. Танцуют на улице вокруг огня.

Обращусь к той свадьбе, которую я видел. Так как жених был вдовец, то свадьбу делал у родных, хотя у него и была своя собственная юрта. Но в ней умерла его первая жена, и он не пожелал делать свадьбу в ней.

Когда мы пришли в юрту, то там готовились к свадьбе. У жениха, как у вдовца, был свой онгон, который обновляли следующим образом: онгону сшили новый войлочный мешок, а старый бросили в огонь. Когда новый мешок был готов, то на улице, около юрты, на землю постелили старый мешок, на который положили мясо и в посуде поставили тарасун и развели небольшой огонь. Старик начал брызгать тарасун. Когда кончили брызгать тарасун, то от мяса отрезали несколько кусков и бросили в огонь. После этого выпили тарасун, мясо съели, а онгон положили в новый мешок и повесили на улице. Молодежь в это время плясала. Старики и старухи тарасунили по улусу в ожидании свадебного поезда.

В юрте около правой тэнги у дверей была поставлена большая кадушка, в которую соседи жениха выливали тарасун. Приходили все родные и соседи, особенно женщины, которые в руках несли туязы с тарасуном. Влив его в кадушку, они уходили. Этот тарасун называется зонирхи, по-русски «общественный тарасун». В ожидании свадебного поезда молодые парни начали бороться.

После полудня приехал свадебный поезд и со стороны жениха все пошли его встречать. Сперва хотели встречать за канавой, но старики протестовали, говоря, что за водою встречать нельзя, это грех, надо на этой стороне канавы. Хотя свадебный поезд остановился за канавой, но все снова сели на телеги и переехали на эту сторону канавы. Человек со стороны жениха развел огонь.

Свадебный поезд, по обычаю, встретили женщины со стороны жениха. Они в руках держали в чашках тарасун и пенку от молока, в ведрах — щи с крошеным мясом и еще особые сосуды с тарасуном. Сперва передали с аган, который сперва покапали в огонь, сделав обряд с а г а л х а. После этого начали угощать мясом и тарасуном. Затем принесли с аган, мясо и тарасун со стороны невесты. Совершенно также сперва брызгали тарасун, отрезали несколько кусков мяса и бросали в огонь, а потом ели мясо и пили тарасун.

Свадебный поезд приехал на телегах. Это объяснили тем, что ехать было далеко, а ехать так далеко верхом тяжело. Хотя говорили, что на свадьбу большею частью ездят верхом. На одной телеге была постель и ящик, в котором был целый пшеничный хлеб, намазанный сверху сметаной, мясо и вино в посуде.

Когда кончили брызгать, выпили тарасун и съели мясо, тогда уехали два т у р у ш и — один старик и один молодой. У них были одна стрела и один маленький ящик. Этот ящик называется х э х э н э к. Они приехали к жениху и вошли в юрту, стрелу и ящик отдали женщине, а сами сели направо от очага. Женщина поставила ящик на полку. Им подали с а г а н. Они не пели песен и стрелу не воткнули в т э н г и.

После них и весь свадебный поезд сел на телеги и подъехал к дому жениха.

Для невесты была отведена старая юрта без дверей, в которой развели огонь. Около этой юрты молодежь обоего пола танцевала. Когда свадебный поезд подъехал, то три человека схватили невесту и увели ее в юрту и приняли других гостей. Потом брызгали у жениха в юрте, причем брызгали одновременно два шамана: один шаман был со стороны жениха, а другой — со стороны невесты. Когда кончили брызгать, то оба тестя обменялись чашками тарасуна и выпили. Потом начали угощать гостей.

Потом в юрту невесты также принесли тарасун, и два старика, которые стояли рядом, начали одновременно брызгать. В юрте невесты на потолке повесили небольшой платок, что означает х о ш о г о. Когда кончили брызгать, тогда к невесте принесли с а г а н и начали угощать ее и гостей.

Потом, по обычаю, на улице устроили так называемый т о х о р е н. На этот т о х о р е н вынесли из юрты кадушку с тарасуном, то есть общественный тарасун. Этот тарасун поставили перед т о х о р е н и в корзинах вынесли мясо. Из юрты вывели всех гостей, которых посадили на почетное место: мужчин — направо, а женщин — налево. Родные, соседи и приезжие родственники со стороны жениха также сели рядом с гостями. Сперва брызгали тарасун, от мяса отрезали несколько кусков и бросили в огонь, а потом пили тарасун и ели мясо.

Невеста не выходила на т о х о р е н.

Пока на т о х о р е н е угощали гостей, около юрты жениха, который сидел на улице, брызгали еще. Это брызганье делал шаман со стороны невесты. Он совершал брызганье своим горным старцам, которых жених просил будто бы о покровительстве. Брызгали следующим образом: стояли двое, — шаман со стороны невесты с правой стороны, а на левой стороне — простой бурят со стороны жениха. Шаман в правой руке держал с а г а н, а простой бурят держал тарасун. Каждый раз как брызгать, в тарасун лили немного с а г а н. Сперва из сосуда зачерпывали одной чашкой, а потом разливали в три чашки и брызгали. Выбрызгали пять бутылок вина, что означает, что брызганье сделано пяти разным горным старцам. Тут же стоял еще один бурят и во время

брызганья каждый раз аккуратно отрезал кусок мяса и бросал к югу. Когда кончили брызганье, то начали пить тарасун и мясо.

Этим первый день кончился, и мы уехали.

Вечером, по словам бурят, все свадебные гости пили тарасун и ходили по улусу от одного дома к другому и продолжали это почти до утра.

На другой день мы приехали рано, чтобы посмотреть главный обряд свадьбы.

По словам стариков, у верхне-кудинских бурят свадебный поезд возвращается обратно в тот же день, но в данном случае свадебные гости остались ночевать и главный обряд делали на другой день. Это объяснялось тем, что гости приехали издалека и очень поздно. Если свадебные гости приезжают с близкого расстояния, тогда свадьбу кончают в тот же день и сразу уезжают домой. Ныне многие гуляют два и даже три дня.

Утром невеста была еще в девичьей одежде. Потом невесту стали готовить к главному обряду: заплели на каждой стороне по несколько кос, из шелка сделали х а н ч и и к, на нижнем конце вплели мелкие серебряные монеты, на затылке сделали косу из материи, на эту материю пришили несколько мелких серебряных монет, на нижнем конце — шелковые кисти; потом на голову надели женскую шапку и одели на нее женскую шубу (д э л э). Лицо невесты покрыли белым миткалем, против глаз сделали отверстия, чтобы она могла видеть. Пока невесту одевали, на улице шли приготовления к главному обряду.

На улице около юрты жениха расстелили потник, на который положили онгон жениха; перед онгоном на мешке положили мясо, голову убитой кобылы, х у р а й и ребра. Около онгонов положили женскую шубу, в сущности, это не шуба, а скорее юбка, сшитая из волчьих лап, так называемый б э л э б ш и; эту юбку в прежнее время носили женщины во время зэгэтэ-аба. Б э л э б ш и носили сверх шубы, чтобы колчан со стрелами, футляр с луком и другое оружие не протерли шубы. Б э л э б ш и имел три кармана, в которые, по объяснению бурят, клали б о н ы и прочие продукты. Тут же был разведен огонь. Вокруг огня сели старики и старухи: рядом сидели отцы жениха и невесты и мать жениха. Направо от них — три старика-благословителя, по-бурятски гурбан о р о р ш а ө б ө г ө д, и налево от них — один старик от онгонов, по-бурятски о н г о н и ө б ө г ө н; прочие старики и старухи сидели рядом. О н г о н и ө б ө г ө н

сидел первым и у него на шапке была привязана белая миткалевая лента, у прочих ленты были красные.

Когда все было готово, то невеста, окруженная своими, вышла из своей юрты, – впереди шли мужчины, а потом невеста с женщинами. На средний палец правой руки невесты была привязана белая миткалевая лента. Жених пошел навстречу невесте и встал рядом с ней по ее правую сторону; свою невесту он держал за правую руку (над головой невесты и жениха не держали шали и не делали круга против солнца, как у унгинских бурят). Так они пошли к онгону. Когда они приблизились к переднему ряду сидящих, то один из мужчин крикнул: «о р о р ш и, а б!», по-русски «благословитель, возьми!». Один из сидящих о р о р ш и сказал короткое благословение, скорее, несколько слов, в которых заключается благопожелание.

После этого жених с невестой и все прочие опять сделали несколько шагов вперед, опять крикнули: «о р о р ш и, а б!», тогда начал говорить благословение другой старец. Затем сделали опять несколько шагов, опять крикнули: «орорши, аб!» и благословение сказал третий старец. Этим кончилось благословение и добропожелание. После этого жених, невеста и прочие подошли к онгону. Невеста делала обряд поклонения онгону, по-бурятски о н г о н д о м у р г у х у. Невеста поклонилась онгону три раза, а после этого, также по три раза, кланялась старику от онгонов, о р о р ш и в б е г е н а, отцу и матери жениха и каждый из них говорил ей благословения. Только я не заметил, говорил ли благословения старик от онгонов. Когда невеста окончила обряд поклонения, то от мяса отрезали несколько кусков и бросили в огонь. После этого гости со стороны жениха и невесты начали спорить за х у р а й. Сперва х у р а й схватил человек со стороны невесты, а гость со стороны жениха начал его отбирать, но у него в руках осталась только часть дыхательного горла, а человек с х у р а е м со стороны невесты убежал в юрту молодых. Значит, х у р а й остался на стороне невесты. Такой, должно полагать, обычай у верхне-кудинских бурят.

Потом невеста вошла в юрту отца жениха. У жениха отцом был его родной дядя. Когда она вошла в юрту, то около очага постелили войлок, на который она встала. В это время ей подали в чашке саламат. Она три раза вычерпала масло из саламата и три раза вылила в огонь. После этого ей подали жир, который она взяла и, кланяясь, бросила в огонь очага. Потом ей три раза подавали кусочки жира, которые она каждый раз бросала посаженному отцу, то есть дяде, а дядя от жира бросал кусочек в огонь очага, а потом ел сам и давал другим, которые, получив, также ели. Когда кончился обряд бросания жира,

то невеста, по обычаю, подвинула дрова в очаге, что означает, что она сделалась хозяйкой дома и членом общества. После этого она, по обычаю, должна немного посидеть, встать и выйти. Выйдя, она ушла в свою юрту. Мать невесты осталась в юрте молодых.

Родные невесты, придя в юрту молодых, начали делить между собою отобранный х у р а й. От жениховой стороны х у р а й не ели. Значение этого обычая я не спросил.

В юрте молодых брызгали тарасун шаман и два старика. После брызганья тарасуна и вина родные жениха, особенно женщины, принесли с собою тарак, пенку от молока, мясо, тарасун и вино; кроме того, один человек нес огонь, который положили в очаг. Это все означает, что молодые теперь имеют собственный огонь и самостоятельные хозяева и члены своего общества. После этого пили и ели, и угощали жениха и невесту.

Когда кончилось угощение, то невеста, по обычаю, должна была идти в юрту отца жениха. Невеста, окруженная своими, вышла из юрты и пошла. Когда она вошла в юрту отца жениха, то остановилась около очага с огнем. Отец жениха взял чашку с саламатом, вычерпнул масло и вылил на огонь очага. Потом чашку саламата подали невесте, которая, взяв ее, тоже вычерпнула ложкой масло и тоже вылила на огонь. Это же сделала и другая женщина. Затем невеста сделала подарки отцу жениха и другим. Перейдя после этого на левую сторону от очага, невеста остановилась: здесь она, стоя, сперва кланялась отцу жениха, который на коленях держал в чашке мясо, прикрытое платком. Когда невеста кланялась, то отец жениха на платок чашки положил золотую монету в пять рублей и подал невесте вместе с чашкой. Невеста приняла все это обеими руками; это означает выражение почтения и уважения, и что у молодых всегда будет мясо и золото, что они будут жить богато. Во времена зэгэтэ-аба обилие мяса считалось богатством. Другой дядя жениха также передал невесте чашку с мясом, покрытую платком и с пятью рублями, положенными на платок. Невеста, кланяясь, и ее взяла обеими руками. После этого невеста кланялась матери жениха, передавшей ей чашку с саламатом, покрытую платком, а на платке лежала серебряная монета в один рубль. Это означало, что у молодых всегда будет изобилие молочной пищи. Должно полагать, что такой обычай пошел с того времени, когда буряты имели обширное скотоводство. Затем дарили и другие буряты, по своему состоянию, и невеста каждый раз брала подарки обеими руками. Полученные подарки она передавала одному мужчине, который был как бы казначеем. Когда подарки

закончились, то начали пересчитывать деньги, — их оказалось 41 рубль 45 копеек и несколько платков.

Выходя из юрты, невеста сделала такое движение, как будто она села. Выйдя из юрты, она вернулась в свою юрту.

Пока невеста получала подарки, все сидящие буряты пили вино и тарасун. Обряды свадьбы были закончены, — невеста стала хозяйкой дома.

Теперь началось угощение гостей. Со стороны жениха и невесты вынесли и поставили на улицу в посуде мясо; вынесли и вино, и тарасун, и также поставили в сосудах рядом с мясом. Теперь должен был начаться так называемый *т о х о р е н*, во время которого все гости со стороны невесты и жениха выходят на улицу и садятся в круг. Всех гостей угощают. Все они пьют вино и тарасун и едят мясо. Это продолжается довольно долго. Когда они выпьют вино и тарасун и съедят мясо, то должны уезжать домой, хотя некоторые остаются и гуляют. Мы не стали ждать окончания и уехали. Все обряды и обычаи окончены, больше смотреть было нечего. Теперь будут пить вино и есть мясо, а потом пьяные будут ругаться и драться.

Свадьба верхне-кудинских бурят, как по внешности, так и по внутреннему содержанию, отличается от свадьбы бурят Унгинского ведомства. Проследить это очень важно. В свадебных обрядах верхне-кудинских бурят сохранилось много старинного, в глаза резко бросаются остатки от прежней зэгэтэ-аба и общинного скотоводства, то есть родового управления. Когда внимательно следишь за ходом приготовлений к свадьбе и за угощением гостей, то создается впечатление, что на свадебный пир готовится не один человек, а целый род, имеющий общинное скотоводство. Будто это целый род хочет прихвастнуть перед свадебными гостями своим богатством и изобилием молочных и мясных продуктов. Отдельные домохозяева со стороны жениха, родственники, соседи и близкие родные сами стараются помочь жениху или родителям жениха, они одаривают жениха деньгами. Этот обычай существует у бурят с давнего времени. Каждый подобный подарок оплачивается, что называется *х а р ю*. Все подарки, таким образом, делаемые жениху и невесте, особенного значения не имеют. Жених и невеста позднее тоже должны делать подарки кому-либо из родных, кто будет женить своего сына. Таким образом они расплатятся со своим долгом.

Особенное внимание я обратил на то, что родные, соседи и родственники приносили вино и тарасун и сливали их в общую посуду (общественное вино). Это вино и тарасун шли на угощение всего народа, собравшегося на

свадьбу. Здесь выходит, что все общество сообща угощает гостей, а не один жених или родные жениха. Молочная пища и мясо, принесенные родными и соседями, также идут на общее угощение.

Надо обратить внимание и на тот факт, что у верхне-кудинских бурят свадебные гости гуляют только один день; в этот день совершают все свадебные обряды и празднуют, а после гулянья уезжают. Все гулянье сосредоточено только у жениха, а у родных и соседей не бывает, потому что время не позволяет. Так как в один день не побывать и у жениха, и у родных, и соседей, то потому соседи и родные и принимают такое большое участие в свадьбе, то есть в приеме гостей. Если сравнить со свадьбой у унгинских бурят, то мы видим, что там свадебные гости бывают у всех родных и соседей жениха. Там каждый хозяин принимает гостей самостоятельно, а у верхне-кудинских бурят принимают сообща.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК У БУРЯТ

У бурят, живущих по Якутскому тракту, как-то: у кудинских, капсальских и верхоленских, а также у ольхонских и ленских с давних времен существует так называемый “праздник стрельбы” (по-бурятски *х у р х а р б а х а*), тогда как буряты, живущие вдоль Московского тракта, как-то: балаганские, аларские и идинские, вовсе его не знают. Это праздник бывает раз в год весной, когда растает снег, и наступает тепло; обыкновенно стараются подогнуть время его назначения ко времени открытия суглана в думе (сходка для совещания о внутренних делах ведомства).

Праздник стрельбы у всех вышеназванных инородцев совершается почти одинаковым образом, хотя несколько родов одного и того же ведомства имеют свой отдельный праздник стрельбы, так, например, у одних кудинских бурят их насчитывают до 6-ти, а именно:

1) У л а н - э н г и н - х у р (улан-энгинская стрельба), иначе харганайская, так как она обыкновенно происходит около деревни Усть-Орды, по-бурятски Харганай.

2) Ш а р а л г у и н - х у р (шаралгуйская); на этом празднике принимают участие одни кудинцы 1-го и 4-го бабаевских родов и 3-го абаганатского рода.

3) Б а г ш и н - х у р (багшинская), здесь также участвуют одни кудинцы 1-го ашеховатского рода и 1-го, 2-го и 4-го харанутских родов.

4) С э г э н и - х у р (сэгэнская, около селения Куры); на этом празднике бывают не только кудинские буряты 2-го бабаевского, 2-го ашеховатского, 4-го абаганатского родов, но и часть капсальских инородцев.

5) Х о ё р - б е д е м с э н - х у р, стрельба 2-х инородческих ведомств Кудинского и Верхоленского; она происходит на их границе.

6) А с а р - ж а л г а н - х у р (асар-жалгайская стрельба), также как и предыдущая происходит на границе Кудинского и Верхоленского ведомств, которые и принимают участие на этом празднике.

Обратимся к первому из вышепереименованных праздников стрельбы, к улан-энгин-хур, или харганайской стрельбе, около Кудинской степной думы.

Мы остановимся на описании именно этого праздника стрельбы, во-первых потому, что он был первым в своем роде, от которого с течением времени произошли другие празднества, подобные ему, как у кудинских, так и у капсальских и верхоленских бурят; во-вторых потому, что он совершается прежде всех и в больших размерах сравнительно с другими, которым он служит образцом. На празднике стрельбы происходят обыкновенно 3 различного рода состязания: 1-е — стрельба из лука в цель, 2-е — борьба противников (борцов) между собой и, наконец, 3-е — бег рысаков. Буряты определяют эти 3 состязания следующими выражениями, встречающимися в их сказках: 1-е — э р х э н ш а н г а т у р ш а х а (испытание силы большого пальца), 2-е — э м и х у ш и т у р ш а х а (испытание силы плеч), 3-е — х у л у г и х у р д а т у р ш а х а (испытание быстроты лошадей).

Буряты поджидают обыкновенно с большим нетерпением праздника стрельбы и приготавливаются к предстоящему торжеству уже за два месяца вперед, покупают и шьют себе обновы, готовят рысаков и т. д. Но старательнее всех готовятся к этому празднику борцы: с приближением его они всячески стараются укрепить свои силы для предстоящей борьбы; они мало работают и едят питательную пищу, причем у кудинских бурят издавна существует обычай, по которому богачи каждого рода поочередно кормят своего борца, так как каждый род имеет обыкновение выставлять своего отдельного борца. Если верить слухам, то в прежнее время богачи с большим усердием, чем теперь, откармливали своего борца, даже шили ему кожаные шаровары, чтобы не изорвались в пылу схватки.

В назначенный срок съезжается на место стрельбы несколько тысяч бурят Кудинского и Капсальского ведомств, к которым нередко присоединяются верхоленские буряты и даже много русских, приезжающих поглазеть на даровое зрелище или же с выгодой сбывать на празднике свой товар; буряты — все верхом в нарядной одежде.

На праздник стрельбы имеют доступ все мужчины, без различия возраста и положения, женщины же — одни незамужние и малолетки; замужним женщинам обычай воспрещает показываться на празднике, они остаются дома. Все это сборище людей образует обширный полукруг на месте стрельбы, причем лошади, связанные вместе за поводья, отводятся в сторону; лошадей же, назначаемых для бега, все время водят шагом взад и вперед. Место стрельбы до начала состязания представляет весьма пеструю и оживленную картину: люди солидные, по преимуществу старики, чинно сидят рядом и занимаются деловым разговором, распивая в то же время вино, тут же купленное. Молодежь обоего пола расхаживает в толпе, разыскивая своих родных и знакомых,

которых думает здесь встретить, весело приветствует их, болтает с друзьями, не забывая все время угощаться папиросами и разными сладостями. Ребятишки играют и бегают между взрослыми, увеличивая своим веселым криком и визгом всеобщую суетню и шум на празднике. Платки женщин, платье мужчин различного покроя, от шубы до халата, окрашены в яркие цвета, и это смешение цветов всевозможных оттенков прибавляет еще более пестроты всей картине.

На место стрельбы съезжаются из соседних сел и деревень торговцы с разными товарами, папиросами, конфетами, пряниками и орехами; виноторговцы также не пропускают удобного случая повыгоднее сбыть свой товар и привозят сюда целые бочки с вином и водкой, которые живо осушаются бурятами. Кроме того, со всех сторон наезжают деревенские бабы с яйцами, калачами и водкой, также наперерыв предлагающие свой товар, так что в самом непродолжительном времени взорам зрителя представляется шумный рынок, бойко торгующий разными съестными припасами и крепкими напитками.

Жадные торговцы обыкновенно уезжают с этого праздника весьма довольные своими делишками, с большими барышами, так как буряты ничего с собой в дорогу не берут, а покупают все на месте за двойные и тройные цены.

Такое обилие спиртных напитков весьма заметным образом отражается на значительной части бурят, причем прекрасный пол также подчиняется его могучему влиянию.

Наконец, настанет пора приступить к состязанию: первым из них, давшим название всему празднику, обыкновенно бывает стрельянье из лука.

Национальная борьба

Оно происходит следующим образом: в середине полукруга, образуемого зрителями, устанавливается цель (х у р), представляемая небольшой палкой, обмотанной тонкими кожаными ремнями, которая втыкается в землю; каждый род выставляет свой х у р, следовательно, числу родов, принимающих участие в состязании, соответствует число хур, куда должны попадать стрелы. Эти последние привозятся уже из дому приготовленными для этой цели, но лук один и он переходит поочередно от одного стрелка к другому. Стрелки становятся в нескольких десятках саженой от меты, и каждый из них всячески старается попасть в цель первым, чтобы выйти победителем и получить похвалу от своих родичей. Не только род, но и целое ведомство гордится своим стрелком-победителем и долго хвастается им перед другими, стрелки которых оказались менее ловкими или менее счастливыми.

Второе по порядку состязание на празднике стрельбы, и в то же время самое интересное для его зрителей,— это состязание двух борцов. Начинается оно так: в силу весьма древнего обычая, из двух противных лагерей выступают два старика на средину полукруга; они кружатся на одном месте, делают вид, что борются, показывая таким образом пример следующей затем настоящей борьбы. После них выступают на сцену настоящие борцы: они являются в очень легком костюме, не стесняющем свободы их движений, т. е. снимают с себя решительно все, кроме нижнего платья. Сперва выходит один из них и садится в средину полукруга, в ожидании своего соперника; когда же тот показывается, то они медленно подходят друг к другу, кружатся на одном месте, дотрагиваясь до земли то одной, то другой рукой, потом тянут друг друга за руки, как бы пробуя свои силы. После этого небольшого приготовления начинается самая борьба; каждый из них старается повалить своего противника, нередко обманом хватаясь за его ноги; свалив его на землю, победитель дает ему почувствовать силу своего кулака, но и побежденный не остается в долгу. Нередко, в пылу схватки, забыв всякие приличия и не обращая никакого внимания на зрителей, жадно следящих за каждым их движением, борцы рвут друг у друга нижнее платье и предстают взорам зрителей, находящих все это в порядке вещей, в очень непривлекательном виде. По окончании борьбы каждый возвращается к своим, победитель с высоко поднятой головой, самодовольно улыбаясь. Родные встречают его криком радости и подносят ему чарку вина; он принимает ее, брызнув предварительно немного вина в виде жертвоприношения богам (д у х а х у), отпивает и передает одному из уважаемых стариков своего рода; тот берет у него чарку, поздравляет с победой и выпивает вино, после чего снова наполняют чашку вином, которую на этот раз всю осушает борец и возвращает пустую чашку своему приятелю (х а р х а ш у

ө б ө г ө н д у). Только по окончании этого обряда борец приступает к одеванию.

Последним зрелищем на празднике стрельбы служит бег рысаков; он не представляет ничего особенно замечательного и во всем сходен с зрелищами подобного рода, встречаемыми в других местах: лошадей, предназначенных для бега, ставят в ряд и по данному знаку отпускают; первая прибежавшая на место стрельбы лошадь считается победительницей, и не только хозяин ее, но и все его родичи несказанно гордятся победой и не знают, что и делать от радости.

Уже после состязания борцов, как самого интересного зрелища, многие буряты разъезжаются по домам и к вечеру никого уже не остается на месте стрельбы: столь недавно еще шумная и многолюдная местность погружается в прежнее безмолвие и вновь принимает свой унылый, однообразный вид степи.

Происхождение праздника стрельбы объясняют сами буряты различными способами. Одни ведут его от времени прекращения междоусобных войн, с помощью которых буряты издавна привыкли решать возникавшие между ними спорные вопросы. С течением времени, посредством горького опыта, буряты, наконец, поняли весь вред такой кровавой драки и по взаимному соглашению решили заменить ее вышеописанным праздником стрельбы, который с того времени ежегодно стал собирать множество бурят со всех концов. Понятие свое о вреде междоусобных войн буряты формулировали в следующих выражениях: «хуны шухан хундэ адухани шухан амтата (человеческая кровь дорога, а кровь животных сладка)».

Некоторые считают праздник стрельбы лишь одним из многочисленных свадебных обрядов, но вернее всего предположить, что он возник из весьма древнего обычая между бурятами, носящего название зэгэтэ-аба (народная облава).

В те давно прошедшие времена, когда происходила зэгэтэ-аба, все буряты жили враспынную, маленькими обществами, и вели кочевой образ жизни, часто переходя с одного места на другое.

Главной пищей служило в то время для них мясо диких зверей; охота на них, предпринимаемая несколькими племенами сообща, бывала гораздо успешнее и безопаснее той, которая велась порознь, поэтому-то буряты ежегодно собирались вместе и сплошной массой нападали на общего врага.

На зэгэтэ-аба собирались все мужчины, способные носить оружие, т. е. искусно владеть стрелами и копьями; кроме того, если верить преданию, сохранившемуся до настоящего времени, также и женщины принимали участие

в этой громадных размеров охоте; это предание подтверждается употреблением до сих пор бурятками, живущими по якутскому тракту, в несколько измененном виде особого покроя шубы, носящей название д э г л э, приспособленной к верховой езде (с разрезом сзади, как у сюртука).

Во время дележа богатой добычи почти всегда происходили кровавые драки, нередко переходившие в целые междоусобные войны; драки эти, кроме того, происходили и по другим причинам: иногда случалось, что несколько племен выбирали себе одно и то же выгодное место для временного поселения, и, не желая добровольно уступить его, заводили между собой драку: нередко случалось также, что, пользуясь присутствием дам на охоте, бурятские ловеласы похищали чужих жен и дочерей и тем вызывали против себя целую междоусобную войну.

Впоследствии буряты стали заниматься скотоводством, а еще позже переняли у русских хлебопашество и другие сельскохозяйственные промыслы, начали строить себе дома и заводить целое маленькое хозяйство по примеру русских, кочевой образ жизни их постепенно изменился в оседлый. Имея под руками вдоволь здоровой пищи, они не видели уже необходимости для себя прибегать к охоте, как к единственному средству пропитания, к тому же привычка к оседлой жизни и хозяйство, требующее постоянного ухода, еще сильнее привязывали бурята к его дому. Мало-помалу зэгэтэ-аба, представлявшая так много опасностей и лишений и кончавшаяся обыкновенно потерей многих людей, наскучила им и постепенно упала, а взамен ей был установлен праздник стрельбы.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТАНЕЦ “ХАТАРХА”

Национальный танец х а т а р х а – самый распространенный и любимый танец у бурят Иркутской губернии. Обыкновенно на вечеринках или на других народных торжествах и гуляньях буряты устраивают танец х а т а р х а, который танцуют следующим образом. Лица обоего пола, желающие танцевать, встают в круг, держа друг друга за руки. Чем больше число танцующих, тем больше круг, чем меньше танцующих, тем меньше и круг. В этом танце могут участвовать сколько угодно лиц обоего пола. Иногда число танцующих доходит до 150 человек и даже более. Чем больше число танцующих, тем танцевать труднее, но человек 20–30 танцуют легко и дружно.

Национальный танец х а т а р х а разделяется на три периода: первый, когда танцующие, образовав круг, держат друг друга за руки, опущенные вниз, и в это время медленно двигаются по солнцу, делая круг, и поют протяжные песни разного содержания; второй период, когда танцующие подвигаются друг к другу поплотнее, полуподнимают руки и слегка машут ими вверх и вниз, наклонившись немного вперед. В это время песня делается менее протяжной и поется громче. Третий период, когда танцующие совсем плотно придвигаются друг к другу, руки держат в локтях почти под прямым углом и дружно, как один человек, скачут вверх. В это время песня делается совсем отрывистой. Так танцуют некоторое время, продолжая делать круг по солнцу. Танцевать так долго нельзя, так как это очень утомительно, это трудный танец, требующий навыка, непривычный человек сразу устанет. Когда танцующие устают, то перестают прыгать, опять начинают медленно двигаться по солнцу и поют разные по содержанию песни.

В каждый отдельный период национального танца х а т а р х а поются особые по содержанию и по мотиву песни. В разных местностях танец этот танцуют почти одинаково, с едва заметными различиями. Также отличаются мотивы и содержания песен. Танцуют его в юрте, в избе, а в летнее время на улице.

Национальный танец х а т а р х а, как правило, открывают старики и старухи, которые с молодежью обоего пола встают в круг. Начать танец без

участия стариков и старух считается грехом. Танец этот очень старинный, сохранившийся у бурят с незапамятных времен. Когда его танцуют, то приходят в возбужденное состояние, как бы в некоторый экстаз. Без этого танцевать его трудно, утомительно и, только природные буряты могут выдержать его без особой усталости с большим числом участвующих, когда круг доходит до пяти сажень в диаметре.

Этот национальный танец остался как наследие прежней многолюдной, большой общинной зэгэтэ-аба, во время которой буряты общими силами охотились на зверей в сибирских лесах и тайгах под управлением шаманов-начальников во главе с главным шаманом галши, которому подчинялись как все зэгэтэ-облашники, так и шаманы.

Для того, чтобы быстро и умело проводить зэгэтэ-аба нужны были навыки и умение. Кроме того, зэгэтэ-облашники иногда превращались в военные отряды и нападали на другие племена. Для этого нужно было обучение, которое и производилось в свободное от охоты на зверей время. Такое свободное время у прежних бурят было во время летних стоянок. Во время этих стоянок прежние буряты выделывали полученные на охоте звериные шкуры, из которых шилась вся нужная им одежда, обувь, постельные принадлежности, покрывала зимних юрт и пр. Также готовили запасные стрелы, седла, разные орудия из железа и т. п. В это время происходили торжественные религиозные обряды, посвящения шаманов, свадебные обряды и прочие обычаи с народными гуляньями, играми, танцами, бега, скачки и т. п. Так же на открытых местах делали обучение по зэгэтэ-аба и учили военным действиям. Одно из таких учений и сохранилось до нашего времени у нынешних бурят в виде национального танца х а т а р х а.

Прежние буряты, как народ-звероловы, постоянно живя в лесу, имели дело с разными зверями, за которыми следили и наблюдали за их привычками, чтобы перехитрить их во время охоты. Вследствие этого многие танцы носят следы подражания животным и в песнях упоминаются звери, с которыми буряты имели дело. В этом национальном танце даже сохранился прежний начальник ягша в виде вечернего онгона Ягша, о котором я здесь не буду распространяться, потому что в материалах о шаманстве о нем достаточно сказано.

Теперь я сделаю сравнение национального танца х а т а р х а с ходом самой зэгэтэ-аба.

В прежнее время в большой общинной зэгэтэ-аба облаву на зверей, так же как и учение, открывали шаманы-начальники во главе с главным шаманом галши. После падения большой общинной зэгэтэ-аба, во время крупного общинного скотоводства, зэгэтэ-аба открывали родовые представители во главе с главным родовым начальником хунши-нойоном. После падения крупного

общинного скотоводства, в период мелкого родового скотоводства и после, во время частного скотоводства, зэгэтэ-аба открывали, как и прежде, родовые начальники. Ныне национальный танец открывают по старинному обычаю старики и старухи. Таким образом, этот обычай сохранился до сих пор и представляет большой интерес для наблюдателя, который может шаг за шагом проследить старинные обычаи и кое-что из жизни зэгэтэ-облашников.

Попробуем описать самый ход зэгэтэ-аба, разделив его, как и национальный танец х а т а р х а, на три периода. Большую зэгэтэ-аба устраивали, по-видимому, следующим образом: сперва в середине становился т о б ш и с двумя г а з а р ш и и улавливались, как осуществлять зэгэтэ-аба, на каком месте сходить г а з а р ш и, с какой быстротой должен следовать вперед т о б ш и, пока оба г а з а р ш и не соединятся на условленном месте. Когда обстановка зэгэтэ-аба выяснена и разъяснена всем облашникам, тогда г а з а р ш и делили всех участников на группы. Один газарши со своими людьми становился по правую руку т о б ш и, а другой по левую руку. После этого оба г а з а р ш и со своими людьми двигались вперед, совершая каждый полукруг, двигаясь при этом на определенном расстоянии до тех пор, пока круг не замыкался. Теперь сравним национальный танец х а т а р х а, – там тоже все участники сперва танцуют медленно, держа друг друга за руки, продвигаясь по кругу по солнцу и поют разные национальные песни протяжно. По внешнему виду танцующие находятся в спокойном душевном состоянии.

Второй период зэгэтэ-аба начинается с того момента, когда оба г а з а р ш и содинятся на условленном месте и каждый из них, через своих людей, дает условленный сигнал, который облашники быстро и тихо передают т о б ш и. Т о б ш и по полученному сигналу узнает, что оба г а з а р ш и сошлись на заранее условленном месте и начинают суживать круг, двигаясь ему навстречу. Т о б ш и, по линии тех же облашников, дает г а з а р ш и ответный сигнал, который теми же облашниками передается быстро и погромче, чем первый. Облашники начинают быстрее сужать круг и кричат уже громче.

Третий, самый важный период зэгэтэ-аба начинается с того времени, когда оба г а з а р ш и получают новый сигнал от т о б ш и и еще быстрее начинают суживать круг охотников, которые при этом кричат уже очень громко, чтобы испугать зверей, которые попали в круг облавы и начинают метаться в разные стороны. В это время мелких зверей убивают стрелами, а более крупных копьями. В национальном танце в третий период танцующие становятся совершенно плотно друг к другу, поют отрывисто и громко и короткими фразами. Руки держат под прямым углом.

Национальный танец х а т а р х а может быть переведен по-русски «рысить». Этот танец – остаток от прежнего большого общинного зэгэтэ-аба, из которого заимствован весь порядок исполнения танца.

Все эти национальные бурятские танцы и песни следовало бы собрать, отметив из какой они местности, а также каждую местную особенность, – в них сохранились старинные обычаи из жизни звероловческого быта, а позднее скотоводческого. Тогда мы получим ценный материал, который будет иметь научное значение и в котором будут заинтересованы специалисты. Теперь весь этот материал в сыром виде и в небольших отрывках. Странно было бы допустить такое мнение, что у какого-либо народа национальные танцы состоят из бессмысленных кривляний, скаканий и разных произвольных движений без выражения какого-либо внутреннего чувства и настроения. Все эти танцы и песни, старинные предания и религиозные обряды бурят прямо указывают на их происхождение из давно минувшей седой старины и вытекли из образа жизни народа, показывая его настроения, события из его жизни, выражение различных чувств и т. п. Все это несколько изменилось с течением времени и в условиях новой жизни позабылось, но унаследовано бурятами от своих предков.

V

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ШАМАНСТВА В СИБИРИ

(*Шаманство у бурят Иркутской губернии**)

І. БОЖЕСТВА

Верховными божествами у бурят-шаманистов почитаются так называемые *тэнгэрины*, небесные боги, местообитание которых находится на видимом небе. Одухотворение вещественного предмета, в данном случае неба, обнаруживает значительную высоту в развитии религиозной идеи, но, как всегда, почитание самого предмета составляло первую ступень, и следы обоготворения его встречаются еще и на этой высшей ступени, но только в предании, священной песне или в какой-либо другой форме. Так, например, у бурят балаганских небо всегда изображается на онгонах (священных изображениях) в виде дугообраз-

* П р и м е ч а н и е. Считаю необходимым объяснить происхождение предлагаемой работы. В 1880 году бывший воспитанник Иркутской учительской семинарии, а тогда уже учитель Кудинского инородческого училища М. Н. Хангалов прислал мне больших размеров рукопись, в которой описывались обряд посвящения в шаманы и похоронные обряды после смерти шамана. Ознакомившись с содержанием рукописи, я нашел, что для того, чтобы взяться за редакцию ее, необходимо самому лично ознакомиться на месте с обрядами, а с другой стороны, что напечатать описания только одних обрядов посвящения и похорон шамана недостаточно, так как бурятская мифология в литературе совершенно не разработана. Имея это в виду, я предложил Распорядительному комитету Восточно-Сибирского отдела Географического общества в 1881 году командировать меня к байкальским, балаганским и индинским бурятам для ознакомления с шаманством, а равно и для археологических наблюдений, так как были получены сведения о нахождении в Кудинском ведомстве городищ и начертаний красной краской на утесах. Предложение мое было принято и поездка состоялась в сопровождении г. Хангалова; но так как работы оказалось много у прибайкальских бурят, то в Балаганское и Идинское ведомства поездка отложена была до следующего лета 1882 года, когда я посетил только балаганских бурят. Предметами исследования, кроме шаманства, были остатки прежних обитателей — в виде их могил, памятников, иссечений на скалах, городищ и долбленных камней, найденных в Кудинском и Ольхонском ведомстве; в 1882 году на р. Унге (Балаган. окр.) осмотрена степь с многочисленными остатками каменного и железного века. Первые находки описаны в Известиях Отдела, т. XII, №№ 4—5, вместе со статьей о каменных орудиях, доставленных г. Хангаловым с р. Унги; результаты моего осмотра Унгинской степи будут напечатаны вслед за настоящей статьей.

ной черты, по концам которой располагаются солнце и луна; от черты вниз иногда отходят короткие лучи и под ним облако. Но ныне обоготворяется не вещественное небо, а личные божества, только живущие на небе и время от времени входящие в сношение с людьми и различно проявляющие свою волю и власть. Мне неизвестно, чтобы кроме вышеописанного изображения неба существовали изображения личных небесных богов, но жизнь этих существ по представлению бурят ничем не отличается от жизни богатого бурята на земле; боги эти имеют жен (обыкновенно одну?) и несколько детей, причем преобладают сыновья; они владеют многочисленными стадами всякого скота и табунами лошадей. Идея о богатстве тэнгэринов скотом могла возникнуть вследствие многочисленных жертв различными животными и посвящения живых животных, приносимых верующими бурятами.

Но эта же идея могла возникнуть вследствие уподобления звезд, а также облаков скоту – коровам, овцам, что часто встречается в греческих мифах.

Число всех тэнгэринов 99; число 9 и кратные от 9 в бурятской мифологии играет очень видную роль. Из 99 тэнгэринов 54 западных добрых и старших, и 44 восточных, младших и враждебных бурятам; одно небо Сэгэн-Сэбдэк сначала не принадлежало ни к западным, ни к восточным небам, а находилось на границе и составляло обо (граница); восточные тэнгэрины, как меньшие числом просили уступить им это обо, но западные не отдали и потом присоединили к себе, и стало их 55.

Главное место между западными тэнгэринами принадлежит *Заян-Саган-тэнгэри* (у кудинских бурят) и *Хан-Тюрмас* (у балаганских). Глава восточных тэнгэринов *Хамхир-Богдо* (у кудинских бурят) и *Атан-Улан* (у балаганских). Вероятно потому, что высшие божества слишком священны и редко проявляют свою деятельность, в мифологии бурят более видную роль играют дети тэнгэринов, дальнейшее нисходящее потомство их и, наконец, обычно-

Что же касается до шаманства, то материалы собирались как от шаманов, так и от опытных стариков; при всяком удобном случае осматривались онгоны, принадлежности шамана, причем делались рисунки, а модели онгонов заказывались шаманам; тщательно записывались имена божеств и призывания со слов шамана, а в Балаганском ведомстве сами шаманы при нас на бумаге рисовали онгоны; затем мы присутствовали в Курумчинском улусе при обряде посвящения шамана и несколько раз были на тайлгане. Г-н Хангалов оказывал во все время поездки неоценимые услуги в качестве переводчика и лица, интересующегося предметом исследования; результаты поездок были так разнообразны и неожиданны, что г. Хангалов, природный бурят, сознался, что «вот он думал, что совсем хорошо знает религию своего народа, а на деле открылось много такого, чего он не подозревал».

Материалами для нашей работы были, кроме личных наблюдений и распросов во время поездки, вышеуказанная рукопись г. Хангалова о шаманском теломытии и погребении, и также отдельные заметки г. Хангалова, которые он присылал для разъяснения того или другого вопроса.
Н. Агапитов.

венные люди, за свои достоинства достигшие общения с богом и сделавшиеся посредниками между недоступными, далекими божествами — тэнгэриями и людьми¹.

¹ Так, у неба Заян-Сагана было три сына, одного из них звали *Бохо-Муя*; у восточного неба Хамхир-Богдо (рассказывается со слов умершего уже кудинского шамана Манжу и других кудинских бурят) был сын *Бохо-Тэли*. Этим двум сыновьям тэнгэринов приписывали совместное изобретение искусства ковать железо. Из-за того, что Бохо-Муя отнял кузницу, устроенную Бохо-Тэли, и содействовал переходу к западным небам пограничного неба (обо) — Сэгэн-Сэбдэк, между восточными и западными тэнгэриями в лице их потомков возгорелась вражда.

Сыновья западного неба Заян-Саган спустились с неба на землю в местности Обор-Боксо (в Монголии) и оставались там некоторое время, когда Бохо-Муя (Бохо-богатырь, муя — буйный) узнал, что Бохо-Тэли (Тэли-средний), также спустился на землю, чтобы преследовать его и обратился в пестрого пороза (быка тарал-эрэн-буха), то Бохо-Муя посоветовал своим 2 братьям возвратиться на небо, а сам остался, обратился в сивого пороза, буквально в темно-синего (хара хохо буха) и побежал от своего преследователя через горы *Горхон-Ула*, через порог *Зет-Большен* (на Селенге (?), потом обошел кругом Байкала через горы *Обор-Улятай*, остановился на равнине *Таяни*, ожидая противника и про себя говоря, если упаду на спину, то будет Белый царь (Арайн-Саган-хан или Арайн-богдо хан), а если на брюхо, то монгольский царь (Обдори-Богдо-хан). Противники сошлись и начали бодаться, но Бохо-Муя притворился слабым и позволил себя перекинуть через голову, причем упал на спину (следовательно, победит Белый царь), затем встал и ушел. Пестрый пороз только тогда узнал, что он вторично обманут Бохо-Муя (первый раз он лишился кузницы), а также о предсказании торжества Белого царя. Между тем Бохо-Муя превратился в каменного быка; нагнавший его Бохо-Тэли, пестрый бык, не заметив этого превращения, боднул его раз и проколол себе рогом губу, боднул другой раз прямо в лоб и расколол себе левый рог. Обманутый пестрый пороз решил прекратить борьбу и, уходя, сказал: «Гунан бухадаш хорик хэхэб, гунжа унэндэш хуняла хэхэб» (3-годовой пороз будет иметь расколотый рог, а 3-годовая корова будет иметь большие сосцы) и прибавил: «Мне наравне с тобою будут приносить жертвы». Бохо-Тэли, удаляясь к востоку, сделался небом *Гужир* (некоторые небо Гужир считают западным см. ниже); потом он женился на дочери западного неба *Тумэ-Ногои-Духэ*, от которой имел 4 сыновей: 1) Эрлэн-хана, 2) Гэгэн-бурхана, 3) Дала-ламу и 4) хозяина острова Ольхона Хан-Хута-Бабай; некоторые второе и третье лицо сливают в одно, но вернее их разделять, потому, что потомство Буха-Тэли называют *тоггохи дёрбён* (Тугутовы четыре); тогол-теленек (см. словарь Кастрена, стр. 1550).

Бохо-Муя, сын западного неба Заян-Сагана, счастливый соперник Бохо-Тэли, остался на земле и удалился на высокие снежные Тункинские горы «Мундарга»; на дороге, по которой он шел, от его выделений вырос пихтовый лес и верес (*Ledum palustre*), эти растения поэтому считаются священными и употребляются при всех обрядах и для очищения; там же, где Бохо-Муя лежал и катался, осталось изображение быка из камня. Тот же самый Бохо-Муя, под именем Буха-Ноен-Бабай, считается творцом и покровителем бурят. Впоследствии Бохо-Муя или Буха-Ноен-Бабай женился на дочери Эсэгэ-Малан-Тэнгэри Будан-хатун-иби и произвел на свет 9 сыновей и 1 дочь, которая вышла замуж за сына Эрлэн-хана Шэлбэндэр-Саган-Мишеши; от этого брака родился сын Санда-Ноен-Мишеши.

Мужское потомство Буха-Ноен-Бабая образовали западный хат или западных царей. Хаты в бурятской мифологии занимают второе место после тэнгэринов.

Вследствие отсутствия у шаманистов литературы, все религиозные идеи основываются на устном предании, отчего в различных родах и даже отдельных улусах наблюдается много своеобразного, особенно по отношению к именам божеств, местностей, степени родства мифологических личностей. Поэтому же в высшей степени затруднительно составить полный список имен даже самых важных божеств — тэнгэринов; нет надобности упоминать, что такого готового списка у самих шаманов не существует; его необходимо еще составить, и для примера приведу имена, которые удалось собрать. Особенно интересен нижеприводимый список 10 западных тэнгэринов.

Родоначальником между ними был *Оёр-Монхын-тэнгэри**, т. е. *небо, вечное дно* — очевидно, под этим именем разумеется голубой свод неба, вечный, неизменный; тучи только закрывают его, но не изменяют; разгонит ветер тучи и синее небо по-прежнему ясно и неподвижно.

Оёр-Монхын-тэнгэри имел 9 сыновей:

- 1) Манхай¹-Малан²-тэнгэри.
- 2) Ишхыргигэ таньхабый Ишхэ Багин³-тэнгэри, т. е. небо столь богатое (потомством), что не знает всех своих потомков.
- 3) Эсэгэ-Малан-тэнгэри, т. е. небо — плешивый отец.
- 4) Гужир-саган-тэнгэри, т. е. небо — белый гужир.
- 5) Галта-улан-тэнгэри, т. е. огненно-красное небо.
- 6) Яшил⁴-саган-тэнгэри.
- 7) Сарь⁵-саган-тэнгэри Сахилагата⁶ Будал,— т.е. небо, низводящее белую молнию.
- 8) Хухыдой⁷-мэргэн⁸, Хылто-хатун, Хурсай-хобун⁹.
- 9) Будургу¹⁰-саган-тэнгэри.

Из приведенного перечня имен тэнгэринов можно усмотреть, что в них олицетворяются различные физические свойства видимого неба: в лице Оёр-Монхына — собственно голубой небесный свод, в Ишхыргигэ... беспредельность; в лице Гужир-сагана и Галта-улана те цвета, которыми часто,

* Оёр-дно, мөнөхөн — сосуд (см. словарь Кастрена, 173 стр.).

¹ Есть слово Манхай — кожа на голове (Кастрен, стр. 172).

² Малан — плешивый.

³ Багин — богатство.

⁴ Яшил — так называют бронзовые вещи, упавшие с неба.

⁵ Сарь — какой-то белый металл, вещи из которого вырывают из земли.

⁶ Сахилагата — молниеносный.

⁷ Хухэ — синий.

⁸ Мэргэн — меткий.

⁹ Как увидим ниже Хухэдэй-мэргэн, Хылто-хатун, его жена, Хурсай-саган — и небо, поставленное выше под № 7, Сарь-саган-тэнгэри считаются у бурят производителями грома.

¹⁰ Будургу означает мелкий снег.

особенно во время вечерней зари, окрашивается небесный свод; Яшил-саган, Сарь-саган и Хухыдой — мэргэн служат олицетворением молнии, которая бывает разного цвета, то желтая, то белая, то синяя; двое последние из этих лиц, как указано в примечании, и считаются производителями грома; в лице Будургу-сагана можно видеть зимнее небо, когда идет мелкий снег; Эсэгэ-Малан-тэнгэри и Манхай-Малан-тэнгэри выражают образно форму неба; что материалом для сравнения взят такой предмет, как плешивая голова старика — совершенно естественно, так как у бурят, как у народа некультурного, не имеющего литературы, запас выражений, эпитетов, уподоблений заимствуется, главным образом, от предметов обыденной жизни, непосредственно его окружающих в домашней обстановке, и с ними то и сравниваются, для большей ясности, предметы далекие, возвышенные по своему значению; на дальнейшей ступени развития замечается обратный прием: эпитеты для характеристики человеческих свойств или предметов обыденной жизни, чтобы представить их в увеличенном виде или в высшей степени развития, заимствуются от сил и явлений или предметов природы.

Ряд тэнгэринов удлинится присоединением к нему 11 или 12 тэнгэринов, которые описаны при изложении сведений об Ухан-хате, т. е. водяных царях; к тому же ряду присоединяются 9 кровавых неб (*ехон шухан-тэнгэри*), принадлежащих к числу восточных, враждебных бурятам тэнгриям, покровителям черных шаманов, которые им совершают от имени обществ жертвоприношения всегда ночью; им же посвящают красного пороза. К тем же восточным тэнгриям относятся покровители черных шаманов — 13 тэнгриев Асаранги. Таким образом, из числа 99 неб несколько определяется характер 44; из их названий и отчасти приносимых им жертв усматривается, что эти божества есть не что иное, как олицетворение различных свойств видимого небесного свода и явлений, на нем происходящих. Нам не пришлось усмотреть следов обожания единого неба в каком-либо едином личном существе и мы полагаем, что покойный С. Шашков* ошибочно предполагал в лице Эсэгэ-Малан-тэнгэри такое олицетворение всего неба, противопоставляя его матери-земле; ошибочно и предположение Шашкова, что «сперва понятие о личном боге и небе сливалось», и что потом, стали поклоняться небу уже не как самостоятельному божеству, а только как священному местопребыванию небожителей; приведенные имена свидетельствуют, что небо со всем комплексом свойств его и явлений обоготворяется и ныне, но только не в образе единого божества. Заслуживает внимания, что к числу тэнгэринов причисляются и такие существа, как оли-

*Шаманство в Сибири (Записки И. Р. Географ. Общ. 1864 г. кн. 2) стр. 11.

цветворения некоторых элементов и свойств воды — ее блеск, подвижность; подобное соединение явления небесного свода со свойством воды могло возникнуть именно вследствие векового опыта, указывавшего на зависимость водной стихии от небесных явлений — покрытия неба тучами; прорезывания молниями и изливания дождя, сопровождавшихся и поднятием воды в реках, их разлитием и наводнениями.

Тэнгрии составляют не только высшие божества, далекие и недоступные, но все остальные существа, которым буряты воздают поклонение, к которым обращают свои просьбы и молитвы, какой бы природы эти существа не были, находятся в очень тесной зависимости от тэнгеринов, некоторые имена которых приведены выше: одни из этих духовных существ, богов или зайнов (создателей и покровителей) являются непосредственным потомством тэнгеринов, их сыновьями и внуками, другие, будучи сперва простыми людьми, по воле тэнгеринов были взяты на небо еще при жизни и там сделались богами или уже их обоготворение случилось после смерти.

Впереди других божеств следует, конечно, поставить непосредственное потомство тэнгеринов, так называемых хатов или царей, а также хозяина огня и производителей грома.

Хозяин огня. Почитание огня весьма развито у бурят; что это почитание первоначально обращалось на вещественный огонь, пламя, видно из той роли, какую огонь играет при очищении, а также из характера онгонов хозяина огня, о которых будет сказано в главе об онгонах. Теперь же почитается личное божество — хозяин огня — (*гали-эжин*) — *Сахяда-нойон* и его жена *Сахала-хатун* (у балаганских бурят), в Кудинске его называют *Сахяда-убугун*, а жену *Санхурун-хатун*; кудинские буряты хозяина огня считают сыном неба Эсэгэ-Малана, балаганские же его делают внуком Эсэгэ-Малана и сыном неба *Будургу-сагана*, что особенно интересно, так как небо Будургу-саган — есть снежное зимнее небо и в идее, поставить в генетическую связь приносимый зимой холод с происхождением огня заключается глубокий смысл. Хозяину огня приносят жертву, деля род тайлгана или кирика бараном или кобылой; жертвоприношение совершается в юрте, у трех камней очага; особенности обряда и посвящение стрелы хозяину огня описано в главе о жертвоприношениях. В Балаганском ведомстве при этом призывают хозяина огня следующими словами:

Баруни 55 тэнгэри, Эсэгэлэмэ-тэнгэри, Эсэгэ-малан-тэнгэри, Эхэлэмэ-тэнгэри Эхэ-юрин-тэнгэри. Эсэгэ-малан-тэнгэри уган хобун, Будургу-саган-тэнгэри уган-хобун, хэбтэжи улэхэн, хэхэржи шашахан, борлон хонин тахилга, (тахилгая гэртэ тахиха нома, дулан хажуда) Сагада-ноён Сахала-хатун.

П р и з ы в а н и е х о з я и н а о г н я. Западные 55 неб, отец их Эсэгэ-малан-тэнгэри, мать их Эхэ-юрин-тэнгэри! (Буквально – западные 55 неб, отцовское небо – Э. Ю. Т.). Старший сын Эсэгэ-малан-тэнгэри – Будургу-саган-тэнгэри*, старший сын Будургу-саган-тэнгэри – Сахяда-нойон, Сахала-хатун, лежа раздувал огонь, когда сидел на коленях (согнув колено по-бурятски), то огонь медленно горел, – делаю тайлган годовалым бараном.

У кудинских бурят, призванный хозяин огня, уходя, устами шамана называет себя средним сыном *дневного неба* (тэнгэри) и младшим сыном ночного неба (охторгон** (тэнгэрин тэли хобун, охторгон отхон хобун). Как из приведенного призывания, так и из этих последних слов обнаруживается с убедительностью происхождение огня с неба, а не от солнца; так как небо составляет главное и первоначальное божество, почитание же солнца в настоящее время не наблюдается у бурят, – то совершенно естественно поставить происхождение такого важного элемента в зависимость от верховного всемогущего неба и его владык.

На тайлгане хозяина огня появляется вслед за удалением самого хозяина огня подчиненное божество, домашний бог, очевидно, той же природы и характера, как и сам Сахяда-нойон, т. е. хранитель очага той самой юрты, в которой приносится жертва. Отсюда можно заключить, что у хозяина огня существует многочисленный сонм подчиненных лиц, хранителей домашнего очага в отдельных юртах. В подтверждение высказанной мысли приведу небольшой рассказ, устно переданный мне г. Хангаловым; рассказ довольно рельефно выставляет личность упомянутых хранителей домашнего очага, этих бурятских пенатов. «Однажды ехал верхом по дороге некоторый человек, который знал 70 языков и потому обладал прекрасным даром понимать язык животных; вот едет он мимо дома богача и слышит, что собаки лают: «не заезжай к нам, тебя не накормят здесь и конь твой останется голодным»; человек поехал далее; вот подъезжает он к дому бедняка и слышит, что собаки лают: «заезжай сюда и, ты будешь сыт и коня накормят; у хозяина только две овцы, но он заколет для тебя одну». И действительно, хозяин приветливо встретил гостя, взял молодую овечку и хочет ее колоть, но другая, старая овца говорит: «Пусть заколет лучше меня, молодая овечка даст приплод, а я уже стара»; гость сказал хозяину, что

* В этом призывании Будургу-саган-тэнгэри считается не братом, а сыном Э. М. Т., но такие варианты замечаются и в более развитых мифологиях, например, греческой.

** В словаре Кастрена тэнгэри и охторгон одинаково означают небо, о различии в значении объяснил мне балаганский шаман.

лучше заколоть старую, поняв речь овцы; хозяин взял тогда старую овцу и заколол; во время еды бедный человек бросал в огонь большие куски хозяину огня, который тут же присутствовал, как видел это гость, был хорошо одет и откормлен; ночью входит жалкий, худой и оборванный человек; это был хозяин огня богача; хозяин огня бедного человека спрашивает, отчего он такой худой и отчего один глаз у него поврежден, тот отвечает, что дома его не кормят, что богач страшно скуп, и выколол ему глаз, ковыряя в огне ножами и острыми предметами*, за это он хочет его наказать, той же ночью сжечь дом богача; хозяин огня бедного человека просил только, чтобы он выбросил из огня его деревянную ступку, которая была у богача и принадлежала бедному. Когда в ночь сгорел дом богатого человека, а чужая ступка оказалась выброшенной из огня, то богач, обвинил бедного человека в поджоге; но гость вступился и объяснил богачу, что дом его сожжен собственным его «хозяином огня» за скупость и неуважение к домашнему очагу и его владыке; богач не поверил, чтобы можно было понимать разговор хозяина огня и язык животных и чтобы удостовериться, спросил, куда летят вот эти два ворона, которые пролетали мимо; гость сказал, что они летят на похороны единственного сына одного богатого человека; тогда они поехали по следам воронов и наконец, увидели похороны единственного сына богатого человека; были заколоты жертвенные животные, и два ворона сидели тут же; тогда богач поверил словам неизвестного человека и перестал преследовать за поджог бедняка». Итак, ход развития идеи обоготворения огня был таков: прежде обоготворялось каждое пламя, материальный огонь, затем огонь олицетворился в образе домашнего пената, э ж и н а о г н я, живущего в каждом доме, каждом очаге. На обязанности хозяина было кормить этого эжина, за что он берег его дом от пожара и всякого несчастья и приносил изобилие. Дальнейший же ход развития той же идеи привел к представлению е д и н о г о б о г а о г н я, Сахяда-нойона, который принадлежал уже к сыновьям тэнгэринов, — холодного снежного зимнего неба (Бударга-саган-тэнгэри) или вообще неба, в лице Эсэгэ-Малан-тэнгэри**.

Каждый верующий бурят считает своим непрременным долгом, при каждом принятии пищи, частицу уделить «гали-эжину», — хозяину огня; пьет ли он тарасун или вино, несколько капель падает на золу очага; ест ли он мясо, кусочек достанется богу огня; если заколют барана или другое животное, то с

* Буряты колоть острыми предметами угли на очаге считают грехом.

** Имя Сахяда — можно произвести от глагола с а х и х а — блеснуть, ударить огнем о кремь, т. е. высечь огонь, в словаре Кастрена sakelgag, сахелна — молния, sakelna, сахелна — молния блесит.

кожи головы (у кудинских бурят голова считается почетным куском, и подается гостю) вырезают трехугольный кусочек и бросают в огонь; на всяком тайлгане часть жертвенного мяса, саламаты, тарасуна и проч. относится на огонь очага, под котлами, где варится жертвенное мясо; часть, назначаемая богам, кости и часть мяса, сжигается огнем на сложенных из камня или из дерева возвышениях, временных или постоянных, называемых *ширэ* – престол; проезжает ли бурят по священному месту – местопребыванию *бумал-бурхана* или мимо *барьса* умерших шаманов, т. е. тех столбов, около которых души этих шаманов в своих странствованиях по земле отдыхают и курят, или необходимо подойти к священному изображению, – каждый бурят очистит себя и других, если есть кто-либо, даже лошадь, дымом священных трав – пихты и вереса или других, если нет первых.

Подробностей о первом появлении огня, о том, как огонь с неба был передан людям, мне не могли рассказать, не собрал этих сведений и г. Хангалов.

Вслед за *гали*-эжином уместно поставить божество, которое по происхождению родственно Сахяда-нойону, это звезда или планета – *Солбон*** , его эжин *Солбон-саган-тэнгэри*, или *Уха-солбон*, следовательно, небесное божество, как передал шаман Ольхонского ведомства Баендай Башенхаев, был сын Эсэгэ-Малан-тэнгэри и поэтому брат хозяина огня, который также считается не внуком, а сыном Э. М. Т. Солбон есть звезда, которую можно видеть вечером и утром; если осенью родится жеребенок после появления звезды, то считается, что жеребенок будет хорошим конем. *Солбон* покровительствует лошадям и людям. Ему посвящают чубарого коня и делают *хурай*, т. е. не кровавую жертву, а только употребляют тарасун, тарак и саламат. Прежде, говорят балаганские шаманы, приносили жертвы.

Солбон имел три жены, последняя была простая бурятка, дочь бурята Верхонского ведомства ользоновского рода Ухандая по имени Хэрхэн-Шаралган; она была уже просватана, но Солбон похитил ее в то время, как она направлялась к жениху, окруженная свадебными гостями; Солбон схватил ее и поднял на небо; от двух первых жен детей не было, а от третьего брака родился сын Согто-мэргэн.

Производители грома и молнии. Гром буряты называют *песнью неба* – тэнгэрин дун, и когда гром гремит, то выражаются, небо поет – *тэнгэри дугара*; подобные выражения, очевидно, были причиною, что И. Д. Черский самое имя *грома* смешал с небом и полагал, что тэнгэри значит гром, а не небо**.

* Под именем Солбон разумеют планету Венеру. Ш а ш к о в.

** См. Известия В. – Сиб. Отд. т. XII, №№ 4–5, стр. 64, см. некоторые примечания к описанию Байкала Риттера.

Один балаганский шаман, потомок знаменитого шамана Барлака, умершего уже более 100 лет назад, говорил, что гром происходит от различных тэнгеринов, а именно от восточных, западных или от Ухан-хата. Когда кого-либо поразит громом, то отправляются к 9 шаманам спрашивать, какое небо послало гром, и когда узнают, то призывают это небо; при призывании употребляют 9 звериных шкур; убитого громом ставят на досках, укрепленных на 4 столбах (это аранга); место, на котором произошло это поражение громом огораживают, чтобы не топтал скот.

Кудинские же буряты гром и молнию приписывают небу *Сарь-саган-тэнгэри Сахилгата будал** и помощнику *Хоходо-мэргэн*, жена *Холто-хатун* и сын *Хорсо-мэргэн*. Сарь-саган-тэнгэри и Хоходо-мэргэн относятся к западным тэнгериам и считаются братьями; на тайлгане западному Хату близь Балаганской думы небо Сарь-саган призывали наравне с другими западными тэнгерианами. Хоходой-мэргэн был взят на небо живым, потому что был хороший охотник и меткий стрелок, за это он сделался хранителем грома, который и посылает на землю по распоряжению богов. Ниже приводится рассказ, как Хоходой-мэргэн сделался хранителем грома. Хоходой-мэргэн, живя на земле, имел жену и трех сыновей и дожил мирно до глубокой старости. Однажды он сказал сыновьям, что пришел конец его жизни на земле, велел приготовить одежду и оседлать коня. Одевшись, Хоходой-мэргэн, простился с семьей, сел на коня и поехал. Наконец, подъехал к тому месту, где дорога расходится на 3 стороны; он выбрал средний путь и встретил на дороге дом; войдя в дом, он нашел его пустым и остался в нем. Спустя несколько времени подъехало 4 молодых человека, которые, завидя гостя, радушно его встретили, накормили и оставили его беречь дом. Перед отъездом на другой день они запретили Хоходой-мэргэну открывать бывший в доме ящик и надевать висевшие крылатые одежды. Оставшись один, Х. М. очень захотел посмотреть, что находится в ящике; открыв ящик, нашел в нем разноцветные граненые камни, в виде наконечника стрел; вместе с тем получил способность видеть все, что творится на земле; он именно заметил, как один человек крал в чужом огороде картофель; рассердившись на вора, Х. М. пустил в него одним красным камнем, а сундук запер. Когда возвратились 4 хозяина, то упрекнули его, зачем он их не послушал и причинил столько несчастья на земле, так как из-за одного дурного человека он сжег целый город; Х. М. сначала пытался отпереться, говоря, что он не открывал ящика, но видя, что его уличают, он сознался; хозяйева сказали, что они все знают, что делается

* От дочери того неба Сарь-саган-тэнгэри – по имени Сам-Сагай-саган – родился орел, первый бурятский шаман.

на земле, так как каждый день обходят землю. На другой день 4 человека опять ушли, но повторили наставление не трогать крылатых платьев и не открывать ящика. Любопытство, однако, пересилило страх и Хоходой-мэргэн надел одно из крылатых платьев – и начал летать по дому, так что насилу снял одежду и повесил на прежнее место. Хозяева, вернувшись, сказали: «зачем ты надевал платье, если б ты вылетел из дома, то погубил бы, истребя совсем, всех людей на земле». Тем не менее эти неизвестные 4 человека сделали его хранителем грома (ящика с камнями), приказав производить гром только по распоряжению богов – поражать злых духов и грешных людей.

К той же группе тэнгэринов принадлежит и хозяин или производитель дождя – *Хуран-нойон**; местопребывание его на небе; он имеет свой дворец или особое присутственное место и 9 бочек полных водой; если он откроет только одну бочку, то дождь идет трое суток; его отношения к другим тэнгэринам по имеющемуся материалу нельзя было выяснить, но небесный характер его несомненен, как по месту его жительства, так и потому, что дождь, как и снег падает с неба, а божество снега Будургу саган-тэнгэри занимает видное место на бурятском Олимпе, а потому подобное же место должно принадлежать и *Хуран-нойону*. Вот что говорят о *Хуран-нойоне* балаганские буряты: однажды на земле была сильная засуха, кудинский шаман Маланак Хабалзаев по просьбе стариков, поднялся на небо и пришел в присутственное место, заведующее дождем, но никак не мог попасть туда, наконец, нашел отверстие в игольное ушко, через которое и пролез** он спросил начальника дождя, но ему сказали, что его нет дома, ушел на вечерку. Девять дней ждал шаман и на 10-й явился *Хуран-нойон*. Шаман сказал тогда, что на земле сильная засуха и земля горит; *Хуран-нойон* велел шаману открыть ближайшую из 9 бочек; когда бочка была открыта, то пошел дождь и шел 3 суток. Тогда люди на земле говорили: «У этого неба провалилось дно». *Хуран-нойон* услышал эти слова и сказал: «Людам не угодишь». По возвращении шамана на землю, он передал, что люди говорили в его отсутствие.

Первенствующая роль неба в бурятских верованиях приводит к тому, что происхождение некоторых промыслов или ремесел приписывается небесным богам, тэнгэринам; к таким ремеслам принадлежит искусство ковать железо, давно уже известное у бурят, а у монголов, по-видимому, вопрос о происхожде-

* Хура – «дождь».

** По собственному тяжелому опыту на земле буряты знают, как затруднителен доступ в присутственные места, даже если начальник и не на вечерке, понятно, что на небе они охраняются еще строже.

нии искусства обрабатывать железную руду связан с историей происхождения племени.

Буряты балаганские и кудинские различно передают происхождение первой кузницы и первыми кузнецами считают не одно и то же лицо.

Как выше показано, кудинские буряты главой кузнецов считают сына неба Заян-сагана Бохо-Муя, принадлежащих к западным тэнгэринам, но изобретение кования железа приписывают не только ему, но и сыну Гужир-тэнгэри (здесь это небо относится к восточным, тогда как в перечне сыновей Оёр-монхын-тэнгэри, записанном от кудинских же бурят, небо Гужир-саган должно быть западным); Бохо-Тэли, сын Гужир-тэнгэри, первый построил кузницу и стал ковать руду, но железо выходило у него такое хрупкое, что каждый раз, как накалит его докрасна в печи, оно под молотом разлеталось в куски, однажды, говорится в предании, западные тэнгэри услышали шум на востоке неба и послали узнать о причине грома и шума Бохо-Муя; когда этот увидел неудачную попытку Бохо-тэли ковать железо, то тотчас предложил себя в товарищи, обещаясь помочь; Бохо-Тэли согласился и тогда Бохо-Муя бросил в печь горный песок — (*хадайн-хар*), после чего железо сделалось ковким; но Бохо-Муя завладел и кузницей и потому кование железа приписывается западным небам, к которым принадлежал Бохо-Муя; но и восточные тэнгэрины также покровительствуют кузнецам, так как Бохо-Тэли был кузнецом и построил себе новую кузницу; между кузнецами, как и между шаманами, различают белых и черных кузнецов*, одни подчинены западным — белые, а черные — восточным небам; как есть шаманское происхождение, так точно существует и кузнечное происхождение.

Существуют некоторые указания, что между шаманами и кузнецами было прежде соперничество; так именно говорят, что это соперничество обнаруживается и теперь при изготовлении кузнецом принадлежностей шамана *холбого* — привесок вроде колокольчика к конным тростям шамана; кузнец настаивает, чтобы число холбого было не меньше 90, но шаман боится этого рокового числа и старается убедить кузнеца сделать их в меньшем количестве, в противном случае шаман должен скоро умереть. Из этого можно заключить, что кузнецы играли некоторую роль в прежних верованиях бурят; поэтому интересно бы собрать о кузнецах подробные сведения, об их особых онгонах, призываниях богов и проч.

*Кроме них, замечают еще нохой-дархатов — т. е. собачьих кузнецов, но об их происхождении сведений не собрано.

В Балаганском ведомстве от одного шамана записано следующее.

Первым кузнецом на небе был *Дадага-хара-дархан* (кузнец), он имеет в подчинении 73 младших кузнеца, все 74 кузнеца принадлежат к западным небам и спустились с западного неба на высокие горы Мундарга (Тункинский).

Призывание кузнечных богов говорится так: «На западных 99 мундарга спустились хозяевами, имея мех (хорхо*) привязанным на спине, спереди держали наковальню, в правой руке держали молоток, а в левой руке — большие клещи — Божинто-кузнец и 9 сыновей Божинтоя; хозяин меха — Хөр-саган-нойон, хозяин наковальни — Дольго-саган-нойон, хозяин молотка — Божир-саган-нойон, хозяин клещей Ута-саган-нойон, хозяин наковальни Хун-саган-нойон, хозяин больших клещей — Алак-саган-нойон, хозяин горна — Хилман-саган-нойон».

Бурятский текст: Баруни 99 мундарга эжилжи бухан ара бидэ хорхое борьхан, обор бидэ дошие тэбэрхэн, барун гарта балтая барьхан, зун гарта олерьбое барьхан Божинто. Божинтэн 9 дархан (хобуд): хархон-эжин Хор-саган-нойон, дошин эжин Дольго-саган-нойон, балтан-эжин Бажир-саган-нойон, олербон эжин Ута-саган-нойон, хуран-эжин Хун-саган-нойон, Абарган эжин Алак-саган-нойон, хяхан эжин Хилман-саган-нойон.

О ХАТАХ

Бурятские верования стоят на высокой степени политеизма, причем, как выше упомянуто, первенствующую роль играет небо, но не как единоличное, а как многочисленный сонм личных божеств, относительная зависимость которых не всегда точно определена, а если и выясняется, то это всегда бывает зависимость семейственная, детей от отцов или слуг от господ. На небе как жизнь, так и семья воспроизводится по бурятскому образцу, только, например, жен редко бывает более одной; потомство же обыкновенно значительно и чаще всего 3 или 3х3 или 9х3, по отношению к детям мужского пола, дочерей же только одна. Тот же множественный и семейственный характер проникает и во все другие олицетворения сил и явлений природы. Даже хозяин огня, не имея потомства, является главою бесчисленных хранителей огня, домашних богов каждого дома, каждой юрты. Гром балаганских бурят производится то западными, то восточными хатами, то Ухан-хатом, если же придерживаться воззрения кудинских, то и тогда встретим не одного громовержца Хоходо-мэргэна, но и управляющих им тэнгэринов, по воле которых гром низводится на землю, и небо

* Х о р х о — мех, наковальня — доши, молоток — балта, клещи — олёрбо.

Сарь-саган и 4 крылатых существа и наконец, собственную семью Хоходо-мэргэн – жену Холго-хатун и сына Хорсо-мэргэна. Божество дождя Хуран-нойон, как видели, имеет особое присутственное место, носящее имя с у г л а н а.

Лучше всего, однако, эту особенность в характере бурятских мифологических воззрений можно проследить в понятии о хатах. Между хатами различаются западные, восточные и Ухан-хат.

Западные хаты или чаще в единственном числе «западный хат» пользуются вместе с Ухан-хатом предпочтительным обожанием у бурят балаганских, у кудинских же и ольхонских видную роль играет восточный хат. Кудинские буряты о происхождении западного хата передают нижеследующий миф:

Когда все 9 сыновей Буха-нойон-бабая (он же Бохо-муя) спустились на землю, то выбрали себе 9 разных местностей, в которых и сделались царями и возникло таким образом 90 западных хат или царей (баруни 90 хат). Чтобы 9 сыновей Буха-нойона могли превратиться в 90 царей, необходимо дополнить пропуск в рассказе предположением, что каждый из сыновей Буха-нойона имел по 9 мужских потомков, тогда действительно 9 сыновей и 81 внук (9х9) Буха-нойона дадут искомое число царей – 90.

1) Буга-саган-нойон,
жена Хуга-саган-хатун	сделался хозяином истока
Ангары (Ангаран-амани ¹ –
эжин).
2) Мөнгөгө-зарин	хозяином Мохона.
3) Хилма-нойон	—»— Кяхты (Хяхтын-эжин).
4) Китаран-зарин или
Мульма нойон	—»— Тунки или Торской
степи. (Торен эжин или
Тунхэни-эжин).
5) Эмнэк-саган-нойон	—»— реки Иркуты или
Иркутска (Иркуги-эжин).
6) Тульма-нойон	хозяин Турана ² (в верховьях
Иркуты).
7) Ута-саган-нойон	«Александровского завода»
(Уляги-эжин).
8) Хурба-зарин или
Хомхо-зарин	Хужари-эжин.
9) Шарга-нойон	хозяин Шабартына
(Шабартын-эжин).

¹ А м а н – рот, по отношению к реке, вероятно, исток, а может быть, и устье.

² П е р е в о д ч и к з а п и с а л – хозяин Иркутска, но вероятнее, как записано у меня.

У балаганских бурят о личном составе западного хата и о роли божеств существует иной миф.

Хан-шаргай-нойон, сын неба Болур-саган и внук 33 неб (?) по приказанию западных тэнгриев, и во главе их Хан-Тюрмас или Хан-Хурмас, спустился на землю и сделался покровителем и защитником бурят, в особенности от преследования злых духов. «На облаке Хан-шаргай-нойон опустился на вершину горы *Халма-ула* (в Тунке?); он сидел на соловом коне и был вооружен луком и колчаном со стрелами, сбоку имел щит, а в правой руке держал саблю и кнут». Шаман нарисовал мне Хан-шаргай-нойона, стоящим верхом на лошади на вершине 4-главой горы Халма-ула*, сзади его изображено облако, а за ним *орел*, а пониже должны быть помещены 2 жолоша, 2 держателей поводьев или стремянных, но шаман их не изобразил; Хан-шаргай-нойон имел за плечом колчан со стрелами, щит в виде круга с идущими от центра лучами, при бедре саблю, кнут и футляр для лука, который он держит обеими руками натянутым, с наложенной стрелой.

Спустившись на землю, Хан-шаргай-нойон позаботился призвать себе помощников, богов или могущественных шаманов.

Сперва призвал своим кнутом с северо-востока:

1) *Харасагай-зарина*, происходившего от неба *Хэлин-хара***, он явился на гору Халма-ула и сделался самым близким лицом с правой руки (барун гарин жолоши боло), дав под саблей присягу быть защитником бурят.

2) Из числа 99 зарин и 99 шошолонгутов призвал могущественного шамана *Хан-хургай-нойона*, который, явившись, присягнул и сделался приближенным лицом с левой руки.

3) Потом явился с горы Тулма белоголовый старик *Тулман-саган-нойон*, сделавшийся покровителем свадьбы или брака (орорши-өбөгөн). На всякой свадьбе Тулман-саган-нойон представляется особым лицом, которое благословляет молодых; когда молодую приводят в дом жениха, он сидит подле тургэ, воткнутой в землю березы, на которую укрепляют одним концом жердь, а другой конец ее упирают в землю и на ней вешают шубу свекрови; молодых выводят из юрты, причем они держатся за руки, и над их головами носят большой платок, поддерживаемый за 4 угла гостями; так обводят молодых вокруг юрты, и затем останавливаются перед благословителем, кто-нибудь кричит ему: «Возьми»; тогда последний благословляет жениха и невесту на счастливую жизнь и обещает многочисленное потомство.

* Халма-ула принадлежит к Мундарга. Изображение Хан Шарга-нойона делают, когда у кого-либо не ведутся дети.

** Х э л и н — «плис», х э л и н-х а р а — «совсем черный».

4) Далее Хан-шаргай-нойон вызвал с северо-запада хозяина пестрой тайги (Эрэн-таши-эжин) Зэрлик-нойона, жена его Зэльши-хатун. Зэрлик-нойон, явившись, принес присягу в том, что он будет заяном над бурятами и им покровительствовать; он сделался покровителем *зэли*. Зэли называется веревка из белого конского волоса, в которую вплетают на некотором расстоянии друг от друга черные и белые тесемки; зэли употребляют для привешивания перед дверями юрты или у входных ворот во дворе, если в доме есть новорожденный, чтобы избавить его от влияния дурных людей и не допустить к нему злых духов; к зэли же привешивают, с той же целью, телят; такой же зэли развешивают на березах во время тайлгана Ухан-Хату; в этом случае, к зэли укреплен и онгон Ухан-хата.

5) За хозяином пестрой тайги явился *Улан-зала-мэргэн-дэгэ* – *хозяин горы Хархак и порожистой реки с мостом из красного камня* (хархак хада эжилхэн, улан шулу дамжихан, болууха эжилхэн), который сделался покровителем бурят и принес по примеру прочих призванных присягу Хан-шаргай-нойону.

Этому заяну буряты посвящают рыжего коня (зэрдэ мори онголгхо *гома*?).

Затем были вызваны:

6) *Эмнэк-саган-нойон*, жена его Этигил-саган-хатун, хозяин, спустившийся на Худжир-хат (хужир хахи хуха бухан).

7) *Хозяин истока* (а не устья?) *Ангары, Селенги и земли Иркутской, кое-где покрытой березовыми рощами.* (Ангараги амадхан, Сэлэнгэги сэербэдхэн, Ирку гэжи газар мини эрбэл-тэрбэл харагдаба) *Гуртэ-Зарин-Монготуев*, которому балаганские буряты приносят в жертву большего белого барана.

8) С северо-запада хозяина горы *Хэрмэн-ула* – *Хэрмэши-нойон*, жена *Булгаши-хатун*; он сделался специальным *покровителем детей вообще*; им посвящают беличью шкуру, которую и вешают у дымового отверстия юрты (находящегося на вершине крыши); шкуру обвертывают цветными лентами; кровавых жертв не делают, а обряд совершают курунгой и тарасуном; об них говорится, что они не ходят по росистой траве (шудэртэ ного гэшхэ угэй).

9) *Хозяин бараньего бугра, держащего луч восходящего солнца, Гунгэр-нойон, жена его Гульмэши-хатун* (хонин добун худал, хохир бори намналга, гур гадаха шахан гульмэ шежим татахан; гарха наринтуя барьхан); он сделался специальным *покровителем детей мужеского пола*; при жертвоприношениях ему не употребляют тарасун и вино; жертвоприношение называется «*жертвой красного барана*» (морто улан курьган), и потому, вероятно, такой баран

и приносится, но ему посвящают собственно заячью шкуру, обвешенную цветными лентами.

10) Со стороны восходящего солнца, куда попадает луч заходящего солнца, *Хилман-саган-нойон*, поднявшийся (или спустившийся?) на гору *Химнасан-дабан*, он сделался хозяином *желтого козла* (шара тэхэ) или Кяхты; при жертвах не употребляют ни тарасуна, ни вина, потому что он сам не пьет.

11) Покровители булагатов и эхиритов Буха-нойон-бабай, жена его Шэшэ-хатун-иби (чаще Будан-хатун-иби), живущих на горе Хан-элгэй (Бурят хуни тухэ, булгат хуни заябари, Хан-элгей худал, сагдул модон шорголхо, саган элхэн холболбо Буха-нойон-бабай, Шэтэ-хатун-иби).

12) *Нагад-Зарин-Саган Нонхуева* (90 даба дабан гархан, 80 дугу дугулан гархан, сахир туру турулхан), (хиран эрэр гэшхэхэн саган нонхун хобун Нагад-зарин, бурят хуни тургэ со, төмөн хуни торогор); после присяги он сделался *покровителем лошадей* и доставлял Хан-шарга-нойону жертвы от бурят (90 бухан зохоргондо хоёр шихэн дулэрэ, 80 актан төхөндө хоёр нюден бурлэ; адухани зухэ тэги, архин хатуги сагани дэжиги Хан-шаргай ноендо-тулгажи өгөлөб).

Общее местопребывание всех богов западного хата находится на Тункинских горах (баруни хардаг).

В улусе Шанайском на самом устье р. Унги записано нижеприводимое призывание западного хата:

1) Баруни 99 мундарга дамжан бухан холор доро доролон бухан Хан-шарга-нойон (халма хат).

2) Хужир-хахи эжилэн бухан Хун-саган-нойон.

3) Туран хаги таб чилон бухан Толбото-саган-нойон-бабай.

4) Хуран модон шоргологото, хужир газар холбогото Олго-хага онсолхон Буха-нойон-бабай, Будан-хатун-иби.

5) Урак-хахи эжилхэн Улан-Зала-мэргэн-дэгэ.

6) Ирху хаги эжилхэн Имнэг-Саган-нойон.

7) Хэрэн-хари эжилхэн Хэрмэши-нойон, Булгаши хатун.

8) Атараги амадхан, сагаг шулу дугу хэхэн Монготын хобун Гургэ-Саган-Зарин.

9) Уля хаги эжилхэ, сахир туру турулхан, саган шулу дугу хэхэн, 99 хахи ерьюлхэн, 80 хахи надхулхэн Саган-Нонхун-хобун *Нагад-Зарин*.

Призывание западного хата:

1) Спустился на западные 99 мундарга, имея бронзовые стремена Хан-шаргай-нойон.

- 2) Спустился хозяином Хужир-хата Хун-саган-нойон.
- 3) Спустился царем Турана Толбото-саган-нойон-бабай.
- 4) Чесавшийся о березовое дерево, катавшийся по солончаку; сделавшийся царем Олгоя (в Тунке?) Буха-нойон-бабай, Будан-хатун-иби.
- 5) Хозяин царства Урак Улан-Зала-мэргэн-дэгэ.
- 6) Царь Иркуты Имнэг-саган-нойон.
- 7) Хозяин царства Хэрэн Хэрмэши-нойон, Булгаши-хатун.
- 8) Хозяин истока Ангары, сделавший белый каменный мост Гуртэ-Саган-зарин, сын Монготуя.
- 9) Хозяин царства Уля, лошадь твоя с белым копытом, сам имеющий белый каменный мост, отнесший к 90 царям (хатам) и 80 царям (вино, тарасун и жертвенных животных?) Нагад-Саган-Зарин, сын Нонхуя.

Сравнивая имена божественных лиц, относимых к западным царям или западному хату в рассказе кудинских бурят, балаганских бурят (улус Закулей) и в призывании, записанном в летнике Шана, замечаем, что некоторые имена в трех этих источниках повторяются, но часто область, им подчиненная, изменяется. Первенствующее место у балаганцев занимает Хан-шаргай-нойон, который у кудинцев или вовсе не причисляется к западному хату или заменяется Улан-зала-мэргэн-дэгэ, или хозяином Торской или Тункинской степи Китаран-зарином, не встречающемся в числе западных царей у балаганцев, тогда как Улан-зала-мэргэн-дэгэ упоминается и шаманом Закулейского улуса и улуса Шана.

Харасагай-зарин и Хан-хургай-зарин, два держателя поводов Харан-шаргай-нойона и Зэрлик-нойон, Зэльши-хатун не упоминаются в призывании и составляют особенность в первом рассказе.

Тулман-саган-нойон — эжин свадьбы, очевидно то же, что Тульма-нойон — хозяин Турана у кудинцев; в призывании улуса Шана царем Турана, соответственно Тульман-нойону, называется Толбото-Саган-нойон-бабай.

Улан-Зала¹-мэргэн-дэгэ считается в Закулее хозяином горы Хархак и порожистой реки с красным мостом, в Шана он уже хозяин царства Урак, а у кудинцев и два приближенных служителя западного хата (хахи быдек) и два сына мэшин, пляд, а б. м. и Млечного пути (?) и, следовательно, у кудинцев это лицо распадается на два: Улан-Зала (красный петуший гребень) и Мэргэн-Дэгэ (меткий крючок).

¹З а л а — петуший гребень, улан-зала — красный петуший гребень, дэгэ — крючок, мэргэн — меткий; все вместе, красный петуший гребень, меткий крючок.

Эмнэк-саган-нойон, хозяин царства Хужир в Закулее, является хозяином Иркутска – в улусе Шана и у кудинцев, хозяином же царства Хужир в Шана другое лицо – Хун-саган-нойон, то же лицо считается в Закулее кузнечным богом, хозяином напильника.

У кудинцев есть еще Хужари эжин, что, б. м. соответствует хозяину Хужир; это именно Хурба-зарин.

Хозяин истока Ангары, р. Селенги и земли Иркутской – Гуртэ-Саган-зарин, сын Монгото, в ул. Шана считается сделавшим белый каменный мост; у кудинцев ему соответствует Буга-Саган-нойон, Хуха-Саган-хатун, тогда как Монгото-зарин, отец Гуртэ-зарина – хозяин Мөхөна. Покровитель новорожденных детей, хозяин горы Хэрмэн-ула Хэрмэши нойон, Булгаши-хатун – (Закулей) в улусе Шана хозяин царства Хэрэн.

Гэнгэр-нойон (Гульмэши хатун) – хозяин бараньего бугра, держащий луч восходящего солнца, эжин мальчиков, сходен с Хынгэр-нойоном, хозяином бубна у кудинцев, у них на шаманском ящике (ширэ) он рисуется рядом с изображением солнца, и подле него лук, стрелы, змей и конь, чем подтверждается солнечный характер этого лица.

Хилман-саган-нойон, со стороны восходящего солнца, куда падает луч заходящего солнца (след. с востока), спустившийся на гору Химнасан-дабан, эжин желтого козла (Закулей) у кудинцев уже хозяин Кяхты, но в том же Закулейском улусе Хилман-саган-нойон и бог кузнецов – эжин горна.

Кроме Гуртэ-Саган-зарина, (в ул. Шана) каменный мост считается принадлежностью и хозяина царства Уля, обладателя белой лошади с белым копытом Нагад-саган-зарина, хозяином же царства Уля (Уляги-эжин) у кудинских – Ута-саган-нойон, который в Закулее покровитель кузнецов – хозяин клещей.

Ухан-хат – цари морей, озер и рек

Цари, вошедшие в состав Ухан-хата, все спустились с северо-западной части неба, следовательно, со стороны заходящего солнца, они спускались с различных неб и поселились в самых глубоких частях вод, но небо по-прежнему осталось их местопребыванием, чем указывается, что их связь с небом не нарушена. В призывании Ухан-хата упоминается о двенадцати небесных богах, тэнгэриных, от которых произошли цари Ухан-хата, или двенадцать неб или столько же свойств реального неба; их имена следующие:

1. Уда¹-мөнхөн² тэнгэри.
2. Хуман³-хөхө⁴ тэнгэри.
3. Шудал тэнгэри.
4. Будал-тэнгэри.
- 5–11. Долон-хөхө тэнгэри, т. е. семь синих неб.
12. Хөхө-мөнхөн-тэнгэри.

Спускались с неба заяны Ухан-хата различными путями, т. е. когда спускались с неба Удан-мөнхөн (некоторые из них, а не все), то сделали себе мост из красных лучей, когда же (другие) спускались с неба Хөхө-мөнхөн, то мост был из синих лучей. Очень может быть, что небо Хөхө-мөнхөн-тэнгэри входит в число семи синих неб, и не составляет особого 12-го неба, причислен же он мною к тэнгэринам, от которых произошли цари или заяны Ухан-хата, потому что в призывании оно упоминается отдельно. Со стороны заходящего солнца спустились на землю на гору Сэмбэр-ула по мостам из красных и синих лучей, а с горы спустились до самого дна моря, держась на крыльях орла цвета синей воды (ухан-хөхө бөргөхөр жебер баряжи буга) и здесь обратились в кита с 13 плавниками (Арбан-гурбан (13) хэрбэтэ абарга ехе загахан).

Первое место между божествами Ухан-хата принадлежит Ухан-лобсону и его жене Ухан-дабан, покровителям морей, рек и озер, разделяющим с другими лицами Ухан-хата господство над водной стихией; все они живут на дне глубоких вод и оттуда властвуют не только над стихией, но и покровительствуют бурятам, защищая их от злых духов, так как сами принадлежат к существам добрым, благорасположенным к людям. Божеств Ухан-хат не следует смешивать с злыми водяными существами, ухани-бохолдой и ухани эжин, сходными с «водяным» и русалками*.

Цари воды, как сказано, спустились на дно моря и там гуляли, и ездили; им прислуживали, как и во время езды по суше, Ута-Харанган-нойон, правивший правым поводом лошади, а левый повод держал Урянхай, нырявший под водою; этот последний был шаманом из племени хулмэнге; когда же они поднялись на поверхность моря, то ездили в лодке, которою управляли при помощи 99 шестов и 88 весел Гохоши-нойон (или Хэрэши-нойон) и Хэльмэши-хатун.

¹Удан – медленный, постепенный.

²Мөнхөн – вечный, монохонг – сосуд.

³Хуман – наконечник стрелы.

⁴Хөхө – синий.

* См. Шашков. Шаманство в Сибири, стр. 57. По Шашкову эти ухан-эжины или ухун-эжины суть души утопленников, выходя из воды, они могут принимать вид людей или животных.

Гохоши-нойон — есть покровитель рыбной ловли при помощи лученья, во время этой ловли ему в жертву бросают куски жареной рыбы; имя Гохоши — происходит от слова гохо — шест, след. господин шеста, жена его Хэльмэши — госпожа весла, от хэлмэ — весло. Ловля рыбы при посредстве сетей и невода находится под ведением Гульмэши-нойона — от слова гульмэ — сеть; Гурши-хатун — покровитель рыболовного снаряда в виде конической корзины из тальника — морды (гур — морда).

Цари вод после своей прогулки по дну и по поверхности моря вошли в юрту, для них назначенную или принадлежавшую Ухан-лобсону; в это время их было только 9 лиц, а потому только девять, как следует полагать, и спустилось с неба, но когда они из юрты вышли через отверстие для дыма, то их стало втрое более, т. е. 27. Имена царей вод известны только некоторых, не всех 27, а именно:

- 1). Гэрэл-нойон, жена Туя-хатун.
- 2). Гумгэ-нойон или Гульмэ-нойон, жена Гульбэрэ-хатун.
- 3). Дошкин-нойон, жена Долье-хатун.
- 4). Хун-саган** -саган-нойон, жена Хоян-саган-хатун (или Хулхан-саган-хатун).
- 5). Шанда-нойон, жена Янда-хатун.
- 6). Ухан-лобсон, жена Ухан-дабан, сделавшие из конского навоза тургэ, а из тальника — залма или ширэ, т. е. жертвенник, из серого камня — двор, а из черного — ворота, из черной и синей воды — мостик.
- 7). Эрэ-Хазагар — хранитель перламутрово-серебряных и бронзовых ключей госпожи Ухан-дабан.
- 8). Юноши гибкие и стройные, как тростник, и девы с волосами, как лошадиные гривы, с шелковыми нитками на шее, сделавшие из травы с болотных кочек бич, а из ключевой воды обряд омовения (новорожденного), так называемый *будля* (покровителями которого и считаются эти юноши и девы).

Всем им, т. е. всем царям Ухан-хат, приписывается обладание озером, наполненным лягушками, и лугом, кишашим змеями, а также жужжащими пчелами, красным порозом и серым верблюдом для езды без повода.

Шаман Урянхай Унхув был первый, открывший происхождение Ухан-хата и первый сделал этим царям жертвоприношение; он же вырастил на безлесной горе Тархае лес и тростник на чистом озере Загал. Гора Тархай и озеро Загал находятся в Балаганском ведомстве.

* Х у н — олово, выливаемое во время жертвоприношения. Хулхан — тростник.

Обращаясь к этимологии имен царей вод, мы снова встретим в них олицетворения физических свойств воды, как в именах тэнгэринов открыли обоготворение физического неба и его атрибутов.

Так, первая пара, Гэрэл-нойон и Туя-хатун, олицетворяют блеск воды и гладкую, блестящую зеркальную ее поверхность, так как *гэрэл* значит «зеркало» и «светлый», а *туя* — «луч»; вторая пара — Гумгэ-нойон, Гульбэрэ-хатун олицетворяют глубину вод; *гумгэ* — можно произвести от слова *гун* — «глубокий»; имя же Гульбэрэ сходно со словами *гульмэр* или *гульбэр* — «ящерица»; следует ли в этом случае предполагать указание на быстроту текущей воды, исчезающей из глаза подобно скрывающейся ящерице или на легкую подвижность воды, не рискуя настаивать; в третьей паре — олицетворение физического явления очевиднее — в ней именно должно видеть представление пугливой волны: Дошкин-нойон, Долье-хатун; *дошкин* — «пугливый», *долье* — «волна». Проводить далее эту мысль по отношению к другим именам представляется более трудным, но я полагаю уместным упомянуть о таковом, замеченном мною, совпадении имен божеств с именами реальных предметов или физических явлений, наблюдаемых в воде. При перечислении имен различных божеств, как тэнгэринов, так и подчиненных им второстепенных лиц, бурятского пантеона, можно сделать некоторые интересные замечания, а именно: 1) что имена бога и его жены, (а чаще всего имя бога сопровождается и именем его супруги, не отделяясь в призываниях и в изображениях), служат дополнением друг друга, как например, в именах Гэрэл-нойон, Туя-хатун, т. е. «лучистое зеркало», или «светлое блестящее зеркало», или в именах Дошкин-нойон, Долье-хатун — «пугливая волна»..; 2) что в начальных звуках или буквах имени бога и его жены существует совпадение, т. е., что они начинаются обыкновенно с одной и той же буквы или даже со сходных звуков, примеры очевидны из сравнения имен; подобное совпадение облегчает запоминание шаману.

Жертвоприношение царям вод делают обыкновенно вином и рыбами, но устраивают и тайлаганы, т. е. кровавые жертвы животными; тарасун возливают или брызгают в их честь при переходе в летники, ожидая от них особого покровительства. Онгон Ухан-хата, приготавливаемый для тайлагана и сохраняемый потом в юрте, описан ниже.

Кроме царей западных и водяных, т. е. западного хата и Ухан-хата, бурятская мифология признает еще восточный хат, восточных царей; к восточным царям относятся божества страшные и неблагоприятствующие людям; почитание этих злых существ наблюдается и у балаганских бурят, но более известно в Кудинском и Ольхонском ведомстве. Выше всех стоят восточные тэнгэрины, как выше приведено: 9 кровавых неб и 13 тэнгриев Асаранги — покровителей

черных шаманов и, вероятно, представителей ночного неба (окторгон), потому что жертвы им приносятся по ночам и жертвоприношение исполняется черным шаманом, о котором можно предположить, что он сам служил некогда олицетворением и представлением ночного неба. Когда у балаганских бурят делают жертвоприношение железному богу *Түмүрши-нойону* (төмөр – «железо»), то выбирают темную безлунную ночь; черный шаман в одной руке держит камень, а в другой железный молоток; у кудиинцев то же делают при жертвах небу Гужир и Эрлэн-хану. Ниже восточных тэнгеринов, кровавых неб и 13 неб Асаранги стоят: 1) Эрлэн-хан, 2) писаря его, 3) Эрю-хара-нойон – заведующий темницей Эрлэн-хана, 4) хозяин о-ва Ольхона, Хан-хото-бабай, брат Эрлен-хана и 5) хозяин черного коня. *Эрлен-хан*, властитель подземного царства, особой темницы *Эрлэн-тама*, где томятся души грешников, особенно шаманов и служащих лиц, т. е. старост, старшин, тайшей: эта тюрьма, так сказать, учреждение аристократическое, так как души простых бурят не устаиваются чести попасть в темницу Эрлен-хана, а после смерти, по мнению шаманства, остаются на земле и скитаются без пристанища.

Эрлен-хан и его брат Хан-хото-бабай, хозяин острова Ольхона, происходят от восточных тэнгеринов: одно из 4 восточных неб, Хамхир-богдо-тэнгери, принадлежащее к 44 восточным тэнгриям, имело 3 сыновей, из которых один был Бохо-тэли, соперник Бохо-муя; Бохо-тэли, сделавшись тэнгрием, небом Гужир, женился на дочери западного неба Тэмэ-ногон и имел от нее 3 сыновей: *Эрлен-хана*, *Гэгэн-бурхана* (или Далай-ламу) и *Хан-хото-бабай*. Хозяин острова Ольхона живет в озере Байкале в обширном дворце и имеет много подчиненных духов; под его властью находится особое учреждение *ноехи суглан*. Хан-хото-бабай женился на дочери восточного неба Саг-саган-тэнгери – по имени Сагсагай-саган, от этого брака произошел орел (или только родившийся сын был назван орлом*).

Другие хозяина о. Ольхона считают зятем Эрлен-хана, женатым на дочери его Хатан-хута.

Почитание бога о. Ольхона очень распространено в Кудинском ведомстве, там ему делают тайлганы многими животными и очень его чтут; «*Это такой большой бурхан*», – говорили мне буряты, «*что всякая, что ни на есть, живая тварь молится ему*».

* У ольхонских бурят иное происхождение хозяина острова Ольхона, чем у кудиинских; так, первые Хан-хута-нойона принимают за младшего сына неба Эсэгэ-малан; он пребывает на небе, а, спускаясь на землю, живет в ольхонской пещере. У него приближенные лица – с левой руки бывший шаман Нагура, первый принесший жертву с своей матерью шаманкой Загура, с правой руки Хата-бурхан Хомхо-зарин, живущий на горе Хотола, а на горе Ижимей живет Нагура. У хозяина Ольхона и его жены Санхит-саган-хатун, дочери неба Сарма-саган, есть сын-орел, жена его Шонхор-хатун, нужно принять во внимание, что имя Сарма-саган напоминает реку Сарму, выпадающую в Малое море.

В штат при особе Эрлен-хана входят между другими 3 главных писаря, три ученых министра:

1. Харабли-бурхан	жена Харбажи-хатун.
2. Ухэрши-нойон	—»— Угиши-хатун.
3. Сахит-хан	—»— Сабиши-хатун.

У них кучером служит Хужи-бохо-хужир-занзу. Три упомянутых лица описали весь мир: все небо со всеми звездами, землю со всеми растениями и животными и, наконец, всех людей на земле. Им в жертву приносят черного барана; рядом с его шкурой, повешенной на березе, вешают еще шкуру зайца; затем брызгают тарасун, колют корову и черного коня, часть мяса откладывают, чтобы съесть после, а остальное съедают; кости жертвенных животных не сжигаются, а выбрасываются собакам; шкуры также снимают и бросают.

(Хара-морин-эжин), хозяин черного коня Ажира-бохо иногда является людям, особенно обладающим большой физической силой и борется с ними; так рассказывают об одном балаганском буряте Шоболе, который целую ночь боролся с Ажира-бохо и ни один из них не остался победителем; боровшиеся с Ажира-бохо скоро помирают и все время после смерти проводят в борьбе с хозяином черного коня, поэтому, из страха смерти многие не выказывают силу. Теперь Ажира-бохо почитается за большое божество, но о его происхождении рассказывается, что он сперва был простой бурят, но такой сильный, что на одной свадьбе на каждое колено поставил по бочке вина и угощал гостей. Когда Эрлен-хан узнал о таком силаче, то велел его привести к нему. Слуги Эрлен-хана нашли его идущим домой и силой принудили идти с собой; по дороге провели его под искривленным деревом, сильно наклонившимся над землей и обращенным на с.-в., отчего А. Б. сделался невидимым (проходить под таким деревом считается грехом) и был представлен Эрлен-хану. Появление силача было полезно Эрлен-хану; вследствие сильной смертности людей, души которых направлялись к Эрлен-хану, другие боги заперли темницу Эрлен-тама; через это люди стали помирать реже и стали долговечны; такое уменьшение власти было очень неприятно и потому Ажира-бохо получил приказание открыть двери темницы: Ажира-бохо открыл дверь ударом ноги, и за этот подвиг сделался большим божеством.

Из того, что Ажира-бохо, получивший власть через Эрлен-хана, взят последним живым на небо, необходимо заключить, что и сам Эрлен-хан не только имеет небесное происхождение, но и пребывает на небе, хотя ад, Эрлен-тама, помещается в сказках под землей, а жилище под водой. Хотя Ажира-бохо и

называется эжином, но, вероятно, что слово эжин в этом случае употребляется в ином смысле, чем в случае обоготворения огня в лице хозяина, эжина огня Сахяда-нойона; очень может быть, что здесь слово эжин означает обладателя; это отчасти подтверждается тем фактом, что некоторые умершие шаманы считаются обладателями белого коня, или пегого, черного, на котором и ездят после смерти, посещая окрестности своего улуса, по которым разъезжали при жизни на таком же коне; таков, например, Игэрхэн-Алханцаев.

Выше было упомянуто об Ухан-хате, как о собрании покровителей водной стихии, водяных богов; но, кроме того, существуют еще другие существа, так или иначе связанные с водой, несомненно, например, что Байкал имеет личное божество, представляющее само олицетворенное озеро или море; такое указание подтверждается тем фактом, что ольхонские буряты приносят жертвы особой богине — хозяйке моря (далан-эжин) Аба-хатан, а также и некоторыми сведениями об особой богине *дочери моря*. Несмотря на свое имя «дочь моря», однако, эта богиня земная, от нее зависят люди или по крайней мере женщины. Когда небесный бог Солбон — олицетворение утренней звезды Венеры, покровитель лошадей и детей (?) взял себе в жены обыкновенную женщину без согласия *дочери моря*, то последняя, в наказание причинила болезнь сыну Солбона Согто-мэргэну, прижитому от этого брака.

Балаганские буряты говорят, что Байкал имеет 9 сыновей и одну дочь; девять сыновей моря — это река Селенга с ее притоками или 9 больших рек, впадающих в Байкал, а дочь — река Ангара. Байкал (эжин Байкала) говорит следующее: «*9 сыновей моих собирают мне добро, а единственная дочь моя (Ангара) всегда его увозит и не скажет довольно*». Подобное выражение вообще употребляется как поговорка по отношению к дочерям, хотя, нельзя сказать, чтобы это было справедливо, если принять в расчет получаемый при выдаче замуж дочерей большой калым.

Не одно только небо с его явлениями, море и воды с подземным царством служили предметами обоготворения, но вся природа, во всех ее проявлениях, давала обильную пищу фантазии дикаря, возбуждая то страх, то удивление и удовольствие, а вслед затем и сознание своего бессилия перед этой природой и ее объектами, каковое сознание влекло за собой стремление к поклонению этим могучим силам, явлениям и предметам. К таким-то предметам принадлежат солнце, луна, звезды, животные, растения, камни; а, наконец, и сам человек, его душа, после того, как она покинула тело.

Солнце — *наран*, по-бурятски, и луна — *һара* имеют одного обладающего духа, одного хозяина — эжина солнца и луны, особу женского пола

Шандангина Хундангина. Ей делают в случае болезни жертву бараном. Во время призывания передается такой рассказ: у одной женщины было 2 дочери; потом она умерла, а отец женился вторично, мачеха не любила дочерей от первого брака и потому раз сказала: «Чтобы взяла вас луна или солнце»; раз девушки пошли за водой, но солнце и луна хотели схватить их; одна из девушек уцепилась за куст и оторвала часть его; схватило девушку сперва солнце, но луна, указывая на утомление ночью, просила солнце уступить ей девушку; солнце отдало и с тех пор на луне видно изображение девушки, ухватившейся одной рукой за куст*; другая в это время спряталась в воду или под *хубсур* (половик из конской кожи), считающийся нечистым. Затмение солнца и луны, как передавал один балаганский шаман, приписывается животному *Алха***, имеющему только одну голову, без туловища; оно проглатывает луну и солнце, и тогда солнце или луна кричат «спасите меня», отчего люди в это время стараются шуметь всячески и кричать, чтобы прогнать чудовище. Такое же верование существует у индусов-браманистов; они говорят, что демон Рагу проник в общество богов и отведал напитка бессмертных; но Вишну по указанию солнца и луны, открывших демона, отрубил ему голову и эта бессмертная голова с тех пор преследует светила; по другому показанию, одно, черное чудовище, Рагу поглощает солнце, другое, красное — луну; причем оба имеют вид головы; хотя, как понимают и дикари, отрубленная голова не может долго задержать светило, так как, проглотив, должно его и выпустить, тем не менее, поднимают сильный шум, вероятно, с целью облегчить страдания светила. Монголы такое же чудовище называют *Арахо****. Имена чудовищ — индусское Рагу, монгольское Арахо и бурятское Алха весьма сходны.

Обожание солнца и луны в прежнее время, по-видимому, было значительно развито, судя по сохранившимся изображениям их, во-первых, на онгонах, у бурят балаганских, на концах неба, потом на шаманском *ширэ* (ящике с конными тростями, бубнами и другими шаманскими принадлежностями) в Ольхонском ведомстве и, наконец, на уцелевших на шаманской одежде медных фигурах в виде кружков с срединными радиусами от 4 до 6 в каждом.

* Изображение этой девушки, сделавшейся хозяйкой солнца и луны, или одной только луны, рисуют иногда на шаманских ящиках (*ширэ*) и ее же буряты видят в лунных пятнах.

** Алха можно произвести от бурятского слова алаха — убить.

*** Тэйлор. Первобытная культура, т. 1, стр. 304—305, о затмениях. С. Шашков. «Шаманство в Сибири», стр. 18.

Подобные кружки найдены были в лесу возле того места, где был сожжен шаман (в Верхоленском ведомстве). Небезынтересно, что совершенно сходные по величине и форме фигуры из бронзы (тогда как найденные близ Хогота Иркутской губернии Верхоленского ведомства, по-видимому, из меди), изображены в числе древностей пермских в атласе Аспелина «Antiquité's du nord finnoougrien» (вып. II, №№ 632, 634, 635, 637, из Пермской губернии).

С. Шашков в своей статье о шаманстве (loc. cit., стр. 77) упоминает, что у бурят есть идолы эжинов солнца и луны, в форме деревянных кружков, обитых красной шелковой материей.

Мне лично не удалось видеть онгонов солнца и луны, о которых говорит С. Шашков, равно и на все мои распросы через посредство г. Хангалова о почитании солнца и луны и вообще о следах солнечного культа всегда приходилось слышать отрицательные ответы, и потому я склоняюсь допустить, что эти верования потеряли уже свое прежнее значение, потому, быть может, что они были заимствованы от другого народа и не удержались, не найдя точки опоры в собственных идеях бурят, или потеряли прежнее значение, вследствие иных климатических условий обитаемой ныне страны, по сравнению с их древней родиной, лежавшей, вероятно, южнее, где деятельность солнца выступает рельефнее; буряты же, как известно, не были древними насельниками Прибайкалья. «Поклонение солнцу далеко не повсеместно среди низших человеческих рас и встречается как на высших ступенях диких религий, так и у варварских народов», — говорит Тэйлор*. «Солнце, — продолжает он далее, — не так часто является божеством у диких охотников и рыбаков, как у земледельцев, которые изо дня в день следят за тем, как оно то дает, то отнимает у них их богатство, или, другими словами, их жизнь». Обращаясь к бурятам, заметим, что земледелием занимаются только кудинские, идинские и балаганские буряты и то относительно очень недавно, лет с 30 тому назад, все же прочие буряты остались прежними исключительными скотоводами, звероловами (в Тунке) и рыбаками (на Ольхоне); на 700 душ, населяющих Ольхон, только у одного засеяно хлебом полдесятины. Понятно, что ныне буряты или не видят прямой зависимости своего богатства от деятельности солнца, как настоящие скотоводы, звероловы и рыбаки, или еще эти идеи о солнечной силе в смысле силы, создающей их богатство, не дозрели до высоты религиозной идеи. Препятствием к такому переходу к обожанию солнца служит и повсеместный упадок шаманских верований.

* Тейлор. Первобытная культура, т. II, стр. 336.

К группе обоготворяемых светил относится описанный выше Солбон-Саган-тэнгэри или Уха-Солбон, эжин звезды Солбон, в котором возможно разуместь планету Венеру. Относительно других звезд могу привести только названия, список которых пополнится впоследствии. *Большую Медведицу* буряты называют Долон-обөгөд, что значит «Семь стариков», довольно сходно с монгольским именем созвездия: Долон Бурхан*, т. е. «Семь богов». *Орион*, собственно 3 звезды пояса Ориона, называют *Гурбан Марал* «Три марала» (маралом называют благородного оленя). *Млечный путь* представляют как *Небесный шов* — Т э н г э р и о ё д о л. Затем еще записаны у меня названия созвездий, по-бурятски, без указания, к каким собственно группам звезд они должны быть приурочены; это именно: *Мородон* — «Звезда колесо» и *Шодор-одон* — «Звезда-треножник»; первое из них соответствует, быть может, *Северной короне*, а второе состоит из 2 звезд между Плеядами и Орионом**.

Саган-одон — вечерняя звезда, появляющаяся за заходом солнца.

Шонон-дөрбөн-нюден — *Волчи 4 глаза*.

Ялан-одон — звезда постоянная, около Ориона.

Хума-одон — звезда — наконечник стрелы (хума).

Хун-одон — человеческая звезда, видна в темную ночь на севере, к утру движается на запад; близь горизонта.

Залата-одон — комета (зала — «кисть на шляпе из лент»).

Мешэд — Плеяды, у Кастрена это слово пишется misit—misin т. е. мишит, мишин.

Хотя радуга и не принадлежит как физическое явление к светилам, но ее зависимость от солнца и ее появление на небе позволяют ее поместить вслед за звездами. Радугу буряты называют *унеген-ези шеге* — «моча самки лисицы»; нельзя с положительностью отвергать, чтобы бурятам была непонятна генетическая связь радуги с солнцем, а в мифах солнце иногда сравнивается с волком и лисицей; и идею зависимости радуги от солнца — лисицы буряты выразили, придав радуге характер выделения лисицы, т. е. солнца.

Обоготворение солнца, или собственно следы солнечного мифа, можно видеть в борьбе двух сыновей: неба Заян-саган-тэнгэри — «*Бохо-Муя*» (бохо — «богатырь, силач», муя — «буйный») и сына восточного неба Хамхир-богдо — «*Бохо-Тэли*» (тэли — «средний»), т. е. в борьбе двух солнечных героев. Солнечный характер их можно видеть относительно первого — Бохо-Муя, — богатыря, кото-

* П о т а н и н. Громовник по повериям Южной Сибири и Северной Монголии. Журн. Мин. Нар. Просв. 1882 г., № 1, стр. 144.

** Atlas zum Lehrbuch der Kosmischen Physik, von J. Muller, таб. III.

рому придан эпитет буйный, эпитет часто прилагается к именам греческих солнечных героев: Зевса, Ахиллеса, Гектора, Улисса и др.

Далее превращение этих богатырей в быков, темно-синего и пестрого, напоминает сравнение солнечных героев греческих с быками или даже их превращение в быков. В превращенном в синего пороза, в быка, не лишеного половой способности, Бохо-Муя, — можно видеть также и дневное небо, голубой свод, характеризующийся и присутствием солнца (того же Бохо-Муя); а в Бохо-Тэли — ночное небо, покрытое звездами, придающими пестрый вид небу, отчего и употреблен эпитет пестрый к тому порозу, в которого превратился Бохо-Тэли; но под ним же и можно предположить луну, существо мужского пола, как и солнце, так как в бурятских мифических преданиях они оба, солнце и луна, похищают женщин, а луна даже в образе красивого мальчика является причиной беременности женщины*. Борьба двух героев выражает борьбу светил во время конъюнкции солнца и луны, происходящей ночью; поранение губы, а потом раскалывание рога пестрого пороза, подтверждает лунный характер Бохо-Муя, так как рога суть принадлежность серповидной луны, хотя рога иногда переносятся в греческих мифах и на солнце.

Как некоторые солнечные герои, например, циклопы греческих мифов, являются строителями построек и стен, производят молнию и гром и бывают кузнецами, так ими же являются оба, и Бохо-Муя, и Бохо-Тэли. Победителями в борьбе остается, однако, солнце, дневное синее небо (темно-синий пороз) над луною, заходящею с поврежденными рогами. Слова пестрого пороза, — луны или ночного неба, что и ему будут приносить жертвы, как и дневному небу и солнцу, говорят о вторичном появлении луны или ночи, несмотря на ее исчезновение при восходе солнца.

Относительно рогов можно заметить, что как греки в рогах серповидной луны видели рога лука, а также и лиры, т. е. эмблем солнечных поющих героев: Аполлона, Диониса, Иракла, Зевса, так в них буряты видели рога быка прародителя — Буха-нойона, тождественного с Бохо-Муя.

Воеводский в интересной своей работе*, конъюнкцию солнца и луны, т. е. прохождение луны мимо диска солнца символически изображает в виде кружка — солнца, по бокам которого помещены две лунки, одна, левая, со стороны солнца, а от читателя правая, изображает луну утром, а правая вечером. (☉ ○ ☾).

*См. Ш а ш к о в. Шаманство в Сибири, стр. 14 и 15.

** В о е в о д с к и й. Введение в мифологию Одиссеи, стр. 32.

Конъюнкция солнца и луны в таком виде служит основой для мифов о борьбе солнечных героев; подобный миф имеют и буряты в борьбе Бохо-Муя, тождественного с Буха-нойоном, их прародителем, и Бохо-Тэли. Издаваемый Бохо-Муя или Буха-нойоном рев напоминает крик и пение солнечных героев греческих мифов, а равно и героев славянских, например, Соловья-Разбойника. В ходе борьбы обоих солнечных героев легко усмотреть описание движения солнца и луны, и луна уходящая утром от солнца, выражена вероятно в мифе в виде пестрого порога, удалявшегося с поврежденным рогом; в подобном же мифе, записанном у Шашкова (loc. cit., 42 стр.) Буха-нойон восемь раз обегает небо, прежде чем спуститься на землю, чем уподобляется Гектору, тоже солнечному герою, обегавшему несколько раз вокруг стен Трои перед борьбой с таким же солнечным героем — победителем Ахиллом, восходящим солнцем.

Рассказу о том, что по пути Буха-нойона выросал пихтовый лес и верес, можно видеть аналогию в мифе об оскоплении Урана, тоже представителя солнца. «Из капель крови, упавших во время оскопления, произошли, кроме Эриний и Гигантов, «сверкающих бронью» еще и нимфы Мелии, т. е. выросли ясени»**, о чем далее автор названной работы говорит, «как в мифе о Полифиме ослепление этого представителя солнца сопровождается пылением дерева, так в данном случае оскопление Урана сопровождается *кровавым*, т. е. то же, что огненным, *дождем, превращающимся в лес*». Миф оскопления Урана ближе подходит к мифу о Буха-нойоне, так как лес пихтовый вырастает от выделяемой мочи сивого порога, т. е. тоже от дождя, но только не кровавого.

Уместно здесь же сказать несколько слов о тех единичных властителях природы, которым в мифологии других племен отводится видное место, в бурятской же только намечаются, легко предположить, что будь у бурят такой сборник народных песен, как финская Калевала, ряд подобных властителей был бы не менее длинен, чем у финнов. Теперь же упомянем, что в параллель финским богам тумана, ветров, зари и покровителей диких и домашних животных, и у бурят существуют намеки на олицетворение тех же явлений природы.

Божеству, зажигающему по верованию эстов утром солнце, Койту, и загашивающему его вечером Эмарику, соответствуют *Гэгэ-лама* и *Далай-лама*, но при сообщении этого шаманы говорили, что эти боги признаются только ламаитами, как боги утренней и вечерней зари.

Эжинами южного и северного ветра считаются западные тэнгрии, тогда как эжины тумана принадлежат к восточным тэнгриям.

* В о е в о д с к и й, loc. cit., стр. 174.

Господином леса называют Ойн-эжина, т. е. хозяина леса¹.

Төүри²-эжин живет в степях или в лесу и заставляет людей сбиваться с дороги.

Но власть над дикими зверями принадлежит не этим хозяевам леса, а особым лицам — хозяевам отдельных горных лесов, *тайги*; так, балаганские и кудинские буряты знают *хозяев восточной и западной тайги*, понимая под этими тайгами хребты Байкальский и Березовый; тункинские, напротив, знают *хангая северного* (хойтинского) и *южного* (урякшинского); понимая под хангаем такого же хозяина тайги, т. е. горного леса, в одном Тункинских, и в другом — Саянских гор³.

В религиях, представляющих в различных видах обожание природы и ее явлений, не могло быть не отведено подобающего места и органическому миру, миру растений и животных, и последним более — видное место, так как буряты только что недавно стали знакомиться с культурой растений, а стало быть и понимать их значение, тогда как животные издавна изучались то как предмет охоты, который нужно перехитрить или осилить, то как животные домашние; старики и теперь еще рассказывают, как прежде их предки собирались для облавы на зверей, на общественную охоту, «зэгэтэ-аба», вместе с рыболовством доставлявшей им средства к существованию⁴.

Ряд животных, пользующихся теперь особым почтением, не очень длинен и нет почти ни одного животного, которое считали бы богом, исключая орла, сына бога острова Ольхон, символ одного из лиц западного хата, Хан-Шаргай-нойона: орел же был по некоторым преданиям и первым шаманом. Причины почтения, питаемого к тому или другому виду животных, довольно разнообразны; можно различить следующие формы обожания: 1) непосредственное обоготворение, например, орла, вследствие его небесного происхождения; 2) обожание животного, как родоначальника племени: Буха-нойона, лебеда, волка, налима; 3) обожание животного, представляемого воплощением божества или хозяина целого вида, например: хорька, куницы, горноста, лисицы и соболя (у черных тарсайских шаманов Идинского ведомства); 4) обожание животного, отличающегося умом, например, ежа; 5) обожание за силу или вследствие их вреда — медведя, змей. Перечисленные животные принадлежат ко всем классам позвоночных животных, из безпозво-

¹ Ой — лес, см. Словарь Кастрена в «Versuch einer Burjatischen Sprachlehre».

² Төүри — кружиться, блуждать.

³ Черский. Некоторые примечания к описанию Байкала Риттера, стр. 63. (Известия В.-Сиб. О., т. XII, №№ 4—5).

⁴ Национальный праздник у бурят (Известия В.-Сиб. Отд. ИРГО, т. XI, №№ 3—4, стр. 33).

ночных мифология шаманская знает только пчелу и какого-то водяного жука (не ракообразного ли бокоплава, которого так много в Ангаре и Байкале?), и помещает их на священных изображениях, онгонах Ухан-хата и зурактан, вместе с верблюдом, быком, орлом, лягушкой и змеей.

Следы обожания животных можно усмотреть в тех увеселениях, которые следуют по вечерам после больших жертвоприношений, тайлганов, посвящений в шаманы, на таких вечерах главным действующим лицом является шаман. После распределения назначенных для пиршества баранов различным божествам (9 небесным старикам, 9 старухам, 9 сыновьям и 9 дочерям), животных колют и мясо съедают; тогда начинается призывание небесных и земных божеств, онгонов; призываемый онгон свое присутствие обнаруживает в особе шамана и его устами говорит свое происхождение; призывание поется хором или одним шаманом. Между другими онгонами призываются и онгоны животных, которые изображаются в юмористическом виде и шутками забавляют присутствующих, прежде же, по всей вероятности, это появление имело иной характер и могло напоминать, например, Медвежий праздник айнов на Сахалине. Тут являются 1) Заря-Азарга, ёж, 2) Бабаган-онгон,— медвежий онгон, 3) Тэхэ-онгон, козлийный, 4) Буха-онгон — бычий и 5) Бубе-онгон,— овечий онгоны. Когда приходит Бабаган-онгон, то все сидят смирно, не шевелясь; шаман, представляющий онгона, подражает движениям медведя, становится на ноги и хлопает руками, ходит на четвереньках, обнюхивает сидящих; наконец, кто-либо бросает платок, медведь сердится, хватается кого попало и кладет к порогу, кусает и ревет, и ждет, пока не перестанет шевелиться; потом возле первого кладет другого, третьего и образуется, наконец, целая куча, все это вызывает смех и шутки.

Тэхэ и Буха-онгоны подражают представляемому животным, ходят на четвереньках, бодаются как быки, роют землю.

Небесный онгон Заря-Азарга (ёж) не имеет ни ног, ни рук; приходя, он рассказывает:

— Однажды Эсэгэ-Малан-тэнгэри женил своего сына и отвез его по этому случаю к невесте, но сын убежал; и каждый раз, как отец его отвозил, он убежал от своей невесты. Эсэгэ-Малан-тэнгэри хотел посоветоваться с Заря-Азарга и послал за ним; когда Заря-Азарга поднялся на небо и вошел в юрту, то дети неба стали смеяться над Заря-Азарга, чем очень его рассердили и еж ушел на землю. Тогда ЭМТ послал трех крылатых посланников подслушивать, что будет говорить Заря-Азарга. Идет Заря-Азарга между быками — и быки разбежались, увидев ежа, за это они были осуждены им вечно носить тяжести и быть под ярмом; подходит Заря-Азарга к табуно лошадей — и лошади, испугавшись, разбежались; Заря-Азарга пророчески изрек: «Пусть с этого времени с головы вашей не снимается узда, с

шеи хомут, со спины седло и с ног путы, вы будете возить человека и тяжести». По дороге Заря-Азарга рассуждал вслух: «Зачем Э. М. Т. не привезет невесту к сыну, тогда невеста не уйдет от жениха, жених же всегда уйдет». Узнав слова Заря-Азарга, отец неба стал приучать быков носить ярмо и возить тяжести, а лошадей — к узде и седлу, а невесту сына взял и привез к сыну. С того времени буряты начали употреблять для своих нужд быков и лошадей, и установился обычай невесту отвозить в дом жениха, а не наоборот. Буряты вообще уважают рассудительность ежа, что советуют ведущему какую-либо тяжбу иметь при себе иглы ежа¹.

¹О Заря-Азарга (еже) рассказывают еще следующие легенды, из которых видно уважение, питаемое бурятами к ежу.

Балаганская легенда передается так: хозяин земли — дадын-эжин Даба-нойон (но также и дэлхэн-эжин Дибэн-Саган-нойон) потребовал от неба Хан-Хурмас (или Хурмас-тэнгэри) лучи луны и солнца, обещая в случае неисполнения требования причинить людям зло. Жалея людей, созданных им, при участии всех прочих западных тэнгриев, Хурмуста старался поймать солнечные и лунные лучи, но, потерпев неудачу, созвал на совет всех 55 западных тэнгриев; на совете присутствовал и Заря-Азарга; так как совет тэнгриев не придумал, как исполнить требование хозяина земли (дадын-эжина), то Заря-Азарга ушел домой. По дороге Заря-Азарга говорил: «Западное небо Хурмуста собрал на совет всех западных тэнгеринов, а они не могут придумать средства, как поймать лучи солнца и луны, но сделать это невозможно оттого, что на земле делается темно; они должны придумать что-нибудь такое, что заставило бы хозяина земли отказаться от своего требования; если они потребуют от хозяина земли «*дадын-жирэлэгэ*» и «*далан миралга*», то хозяин земли не сможет этого достать и откажется тогда от своего требования». Посланные неба Хурмуста подслушивать, что будет говорить Заря-Азарга, имевший привычку думать вслух, донесли Хурмусту слова ежа. Тогда западные тэнгрии последовали совету ежа и потребовали *дадын-жирэлэгэ* и *далан миралга* у хозяина земли. Хозяин земли поручил царю вод Уха-Лобсону послать ему *далан-миралга*, но тот отвечал, что сделать этого не может, а сам дадын-эжин не мог поймать *дадын-жирэлэгэ* и должен был отказать от своего требования.

Кудинцы ту же легенду передают почти также: Эсэгэ-малан-тэнгэри и хозяин земли породнились между собою посредством брака своих детей. Раз хозяин земли был в гостях у неба Эсэгэ-Малан-тэнгэри; при уходе домой он попросил в подарок солнце и луну. Соблюдая священный обычай гостеприимства, Э.-М.-Т. не мог отказать и подарил хозяину земли луну и солнце, и тот, принеся их домой, запер в ящик. На земле тогда стало темно, а Э.-М.-Т. ничего не мог сделать, чтобы возвратить солнце и луну, и послал за Заря-Азарга, но последний был обижен насмешками 9 сыновей и 9 дочерей неба Э.-М.-Т., которые смеялись над тем, что еж не ходит, потому что не имеет ног (?), а катается; Заря-Азарга ушел, по дороге выболтал свою мысль, которою и воспользовался Э.-М.-Т. Он пошел сам в гости к хозяину земли и погостив несколько дней, стал собираться домой. «Что тебе подарить?» — говорит хозяин земли. «Подари мне коня из весеннего отражения и стрелу из эхо?», — отвечал Э.-М.-тэнгэри. Хозяин земли не мог исполнить просьбу и сказал: «Пусть родство и дружба наша останутся прежними, а ты возьми солнце и луну». Эсэгэ-Малан-тэнгэри согласился. Хозяин земли вынул из ящика солнце и луну и передал гостю, а последний, по приезде домой, пустил их по прежней дороге, и на земле опять день стал меняться ночью.

У балаганских бурят хозяину земли делают осенью тайлган, который называется *намари-талган*, т. е. осенний тайлган.

У бурят и в сказках, и в обрядах можно проследить следы обожания змей, культа, имевшего весьма широкое распространение в Азии, в Европе и Америке*. По-бурятски змея — *могой*, она часто в виде чудовища о нескольких головах является в сказках, наконец, именем Мого, Мого-хана называется герой одной сказки, изображение змеи рисуются у балаганцев на онгонах, и наконец, даже совершается жертвоприношение пестрой овцой змеиную царю Алтан-толи и его жене Алташа-хатун; при этом обряде вместе с костями сжигают на жертвеннике и часть мяса, свернутого и перевязанного в нескольких местах четырехцветными шелковинами в виде змеи; в призывании шаман просит принять жертву и сообщает, что тайша змей живет на горе Тамири-Улан (курумчинского рода, Кудинского ведомства), староста змей в Верхоленском ведомстве на горе Байтак (или на горе Капсал), а старшина змей — в землях Китайской инородной управы. Жертвы змеиную царю делаются, как говорят, с недавнего только времени по следующему случаю: у одного бурята заболела нога, потому что раз во время покоса, он убил змею; болезнь сильно развивалась, больной терял даже сознание и сходил с ума; всякий раз, как в юрту входил старший сын, боль усиливалась и больному казалось, что тогда появлялась маленькая змея и кусала ногу; больной прогнал, наконец, сына, но боль не унялась, часть ноги отпала и больной умер; возвратившийся сын сделался шаманом и начал приносить жертву змеиную царю, который ему покровительствовал.

Непосредственное обожание отдельных животных теперь нельзя уже встретить у бурят, но на существование поклонения животным указывают те онгоны в виде шкурок животных: хорька, горностая, куницы, соболя, которые находятся в каждой юрте шаманствующих бурят; у кудинских и прибайкальских бурят очень распространен хорек, а онгон называется хозяин хорька — *Холонгон-эжин*, у балаганцев, кроме него, существуют еще онгоны куницы и горностая.

О хозяине хорька — Эргил-Буга-нойон-Тонхой — рассказывают, что он сделался шаманом в 7 или 10 лет. Он родился от 7-летней девочки от того, что с неба сошел град и девочка проглотила градину; девочка забеременела; когда родители заметили это, то поселили дочь в отдельной нарочно выстроенной юрте; испуганные тем, что девочка не могла долго разрешиться, ее выдали замуж за 70-летнего старика Мэндэн, который однако не мог быть отцом ребенка; тем не менее девочка родила и родившийся сын скоро сделался великим шаманом.

*См. Т э й л о р. Первобытная культура, II, 293.

Наряду с почитанием животных у бурят существует и обожание растений. Не говоря уже о тех растениях, которым приписывают божественное происхождение, как багульник и пихта, выросшие там, где проходил Буха-нойон, буряты относятся с почтением к некоторым единичным растениям, деревьям; так они питают суеверный страх к деревьям искривленным, с сильно пригнутыми к земле вершинами; пройти под таким деревом считается грехом; Ажира-Бохо (хозяин черного коня), пройдя под таким деревом, сделался невидимым и был взят живым на небо. Но существуют и другие деревья, которые по внешности ничем особенным не отличаются, а между тем возбуждают благоговение простодушного дикаря; так около деревни Куртун, расположенной в глухой местности верст за 30 от жилья, возле самой дороги я видел лиственницу, увешанную на стволу цветными ленточками: красными, желтыми, белыми, синими; подъезжая к дереву, бурят сходит с коня или с арбы и проходит мимо в глубоком молчании и с серьезным видом или даже присоединяет от себя новую ленточку; лиственница стоит почти на берегу р. Куртуна и вблизи священного Куртунского озера, хозяин которого обитает в самом озере и благосклонно принимает возлияния вина даже от русского крестьянина; в мою бытность в Куртуне погода была дождливая и необходимо было выпить вина, вино оказалось красное, и проводник, получив свою порцию и выливая несколько капель на воду, промолвил: «Никогда такого вина не пил».

Может быть, что жертвования ленточек имеют в виду не самое дерево, а хозяина р. Куртуна, но сомнение возбуждается тем, что выражение благоговения к хозяину местности выражается непременно у дерева, находящегося у самой почти околицы русской деревни. Кроме единичных деревьев, существуют целые священные рощи и притом двоякого рода — одни как местопребывание явленного бога — бумал-бурхана, другие, как похоронные шаманские рощи — Шаманки-Аяха; последние чаще всего располагаются по склонам гор, а рощи бумал-бурханов даже на совершенно открытых степях.

Даже из лишенного жизни минерального царства шаманист ухитряется выбрать себе предмет обожания, до такой степени развита в нем склонность к одухотворению природы и ее проявлений; выбор предмета поклонения, однако, не обнаруживает особенной разборчивости — почему-либо удивившей формы или непривычного местонахождения какого-либо камня достаточно, чтобы этот камень сделать предметом поклонения, которому приносят жертвы и всячески охраняют. Подобные камни называются *бумал-шулун*, камни явленные, упавшие с неба; но в действительности это далеко не так: *бумал-шулуны* Унгинской степи близь Закулейского улуса состоят из 3 кусков: 2 куска гнейса, большой

длиннее 2-х футов, и 1 кусок гипса; последний, очевидно, из ближних красных террас, где гипс встречается большими глыбами; у балаганцев бумал-шулуны крупных размеров и не так многочисленны, как у кудинских бурят; там каждый улус имеет свой маленький бумал-шулун, тщательно сохраняемый посреди улуса в выдолбленном ящичке, прикрепленном к столбу; балаганские камни положены как покойники или убитые громом животные на аранга, т. е. на доски, укрепленные на 4 столбах. Кудинские камни видеть мне не удалось, не показали, но описывали, что они имеют различный вид, то граненые, то состоят из нескольких, 2 или 3 – соединенных вместе камней; каждую весну шаман их вынимает, обмывает и тут же приносит жертву; камни считаются упавшими с неба, и им приписывают такую силу, что будто отдававший воды, стекающей при обряде омовения с камня, может сделаться шаманом¹.

Наконец, многие отдельные горы, берега рек, ручьи и, как видели рощи, считаются священными потому, что на них присутствуют явленные, сошедшие с неба боги, бумал-бурханы, бывшие прежде простыми людьми; взятые на небо, они опять спустились. На таких местах им приносят жертвы; там, где вблизи находится камень, из него делают постоянные жертвенники, и на них жгут кости жертвенных животных; таких жертвенников на горе Манхай я насчитал 14.

Вслед за божествами в бурятской мифологии следует поставить ряд духовных существ, представляющих олицетворенные души умерших родственников, предков или вообще людей; эти верования составляют несомненно остаток древнего анимизма, т. е. обоготворения человеческих душ.

К названному роду существ принадлежат: *дахулы, му шубун, ада*.

1) *Дахулами* называются души умерших людей: бедных мужчин, девиц и молодых замужних женщин. В каждом улусе существует свой *дахул*, составляющий некоторым образом принадлежность естественного рода, улуса, а не семьи. Дахулы вредят детям, причиняя им нездоровье и иногда смерть; взрослые же

¹ Приняв во внимание весеннее жертвоприношение и какой-то обряд омовения, совершаемый весной по отношению к бумал-шулунам, напрашивается предположение, не связано ли с обожанием этих камней какого-либо особого обожания производительной силы природы, культа фаллоса, тем более, что сами бумал-шулуны напоминают лингам индусов. Миссионер Ниловой пустыни свящ. Дуброва подтверждает высказанное предположение, ссылаясь на объяснения тункинских бурят-ламаитов значения камней; форма тункинских бумал-шулунов напоминает орудие каменного века – молоток или грузило, т. е. удлиненную гальку, часто с поперечным желобком; один из таких бумал-шулунов доставлен мне свящ. Я. П. Дуброва – это простая галька, без желобка, длиною в 4 1/2 вершка, шириною по середине 1 3/4 в; этот бумал-шулун считается ступнею богов, священная дорога их – река Иркут.

буряты дахулов не боятся и не уважают, но в случае болезни ребенка прибегают за содействием к шаману и делают им (дахулам или дахулу) кирик. Дахулами, т. е. вредящими существами, временно делаются даже божественные личности, например, *дочь моря* сделалась дахулом Согто-мэргэну, сыну Солбона, утренней звезды, за то, что брак Солбона с простой буряткой произошел против воли богини моря, властвующей, тем не менее, и над женщинами. Согто-мэргэн заболел; для удовлетворения разгневанной богини нужно было принести ей жертву, с этой целью на небо вытребовали белого кудинского шамана Маланак Хабалзаева; последний принес несколько жертв дочери моря, но больному становилось все хуже, тогда позвали другого шамана Майдар Тужирова, хорошо гадавшего на лопатке животных; он именно по лопатке узнал, что Согто-мэргэн заболел от того, что дочь моря сделалась его дахулом и что жертва не принималась потому, что шаман забыл, что он на небе и держал ветвь с жидо (с пихтой) вверх, а не вниз, как бы следовало, так как жертва приносилась не с земли на небо, а на самом небе; только после исправления ошибки жертва была принята, и больной выздоровел.

2) *Му шубуном* — буквально «дурная птица» — делается умершая девушка или ее душа, если по смерти дочери отец отдаст ей огниво, т. е. положит в могилу; му шубун имеет обыкновенно человеческий вид, вид женщины, только губы становятся большими, красными и вытягиваются на подобие клюва; как нижеописанный ада и му шубун может обращаться в животных, но губы при этом не изменяются. Му шубун под правой мышкой держит огниво, если отобрать у ней огниво, то она кричит: «Смотри в руке!», но смотреть не должно: если посмотреть, то огниво превратится в червей, а не посмотреть, то можно сделаться богатым.

3) По сходству с му шубун к той же группе существ принадлежит и *ада*. Ада бывают добрые и злые и напоминают русского домового, называемого в Сибири «соседкой» (не от того ли, что он постоянно присутствует в каждом и у каждого домашнего очага)?

Ада бурят представляет в виде человека маленького роста с особенным ртом, каким-то продольным и расположенным под челюстью. Ада превращается в ребенка, девочку, но иногда в собаку или даже надутый пузырь. Если ада принимает вид человека, то человек-оборотень держит рот свой в рукаве, чтобы скрыть уродство (Балаг. вед.). Ада имеет особый запах, похожий на запах лука. Если ада убить, то он оказывается маленьким зверьком. Филин очень вредит ада и даже убивает его. Так как сам ада вредит преимущественно детям, заставляя нередко покидать юрту из-за этого, то при детях держат или живого филина, или его шкуру.

Люди иногда могут видеть ада, но преимущественно шаманы. Ниже приводятся два рассказа об уничтожении шаманами ада.

Из улуса Ушат 1-го бабаева рода Кудинского ведомства большой шаман Замхан заехал раз к одному богатому буряту Верхоленского ведомства, имевшего 3 жены; у него шаман увидел 13 ада. Хозяин просил шамана избавить его дом от непрошенных гостей, от которых помирают все его дети. Шаман велел поставить на другой день в домбе (деревянный кувшин для тарасуна) жареного мяса и саламаты, обещав придти. Придя в юрту на другой день, шаман принял сам вид ада и увидел, что все 13 ада сидят в домбе; наслаждаясь вкусной пищей, ада говорили: «*Как хороши наши отец и мать*». Увидев шамана, т. е. нового ада, они спрашивают: «*Откуда ты пришел?*» Шаман отвечал: «*Шатаюсь по домам и смотрю в чашку*». И присоединился к компании; один ада сидел наверху и караулил, а прочие в домбе. Замхан тоже ест саламату и мясо. Когда же пришла его очередь караулить наверху, то он захлопнул крышкой всех 13 ада и велел сосуд вынести в поле и сжечь.

Разговор ада между собою и с шаманом интересен в том отношении, что он обнаруживает действительную природу ада: так, очевидно, что под ада первоначально, вероятно, представляли души умирающих детей, так как ада хозяина и хозяйку называли отцом и матерью; слова шамана «*хожу по домам и гляжу в чашку*», по-видимому, напоминают обычай выставлять для умерших детей в течение некоторого времени пищу, что могло делаться не только в родительской юрте, но и во всем улусе, принимая во внимание известный страх дикого человека перед всяким покойником.

Другой рассказ про *ада* гласит следующее:

В улусе Тангут (Балаган. вед.) у инородца Барьядай был ада, съедавший всех его детей. Барьядай просил шаманку Арзут уничтожить ада. Шаманка велела приготовить мясо, саламату и поставить в домбе на правой стороне юрты, и сама стала шаманить снаружи юрты, а внутри всю юрту, кроме двери, обтянула *шидэхэн* (веревка из волоса). Четыре сильные мужчины напились, пьяны, шаманка также притворилась пьяной, тогда ада вошел в юрту через открытые двери, которые шаманка тотчас же загородила волосяной веревкой; вследствие чего ада уже не мог выйти из юрты. Шаманка велела четырем мужчинам держать ее за руки, когда они увидят, что она что-нибудь поймает. Шаманка стала шаманить, и вот что-то схватила в восточной стороне юрты; шаманку стало бросать из стороны в сторону, как будто она с кем-нибудь боролась, но силачи взяли ее за руки у кисти, держа и за туловище, и провели острым ножом между двумя руками, тогда вокруг запахло луком и показалось точно рыба чешуя, в тоже время откуда-то появился зверек вроде овражки или хорька, но без шкуры; его убили.

Ада добрые ведут себя совсем иначе, не вредят детям, но нянчат их, караулят и пасут скот и берегут вообще хозяйское добро; когда кто-либо посторонний захочет взять вещь, принадлежащую их хозяину, то они не дают и кричат «манай», т. е. наше. Так, у инородца 2-го олзоева рода (Балагат. вед.) по имени Зотохон было 7 таких ада. Однажды жена Зотохона велела силачу Барьбанбөхө (бохо – «силач») принести из *дали* (пристройка к юрте) выделанную конскую кожу, но ада не давали Барьбану кожи и в борьбе с ним разорвали кожу пополам, крича «наша».

В связи с верованием в существа, представляющие души умерших людей, у бурят наблюдаются ясные следы верований в существование особой духовной связи между душой живого человека и изображением его; вред причиненный изображению отражается на оригинале, хотя бы сходство изображения с объектом, оригиналом было весьма приблизительное. Подобные верования составляют очень частый случай в верованиях не цивилизованного, дикого человека во всех частях света. «В северной Америке, когда Алгонквинский чародей хочет убить», говорит Тэйлор¹, – «какое-либо животное, он делает его изображение из травы или из тряпья и вешает в своем вигваме. Затем несколько раз повторяет припев: «Посмотри, как я стреляю», и пускает стрелу в эту фигуру. Если он попадет в нее, то это значит, что на следующий день будет убито животное...».

У американских индейцев Иллинойса, как писал в прошлом столетии Шарльвуа, делались маленькие фигурки и куклы, представлявшие тех, коих жизнь хотели сократить и прокалывали этим фигуркам сердце². «Так перуанские волшебники до сих пор делают куклы из лохмотьев, втыкают в них иглы кактуса и прячут их в потаенных местах в домах или в постели и подушки, чтобы таким образом испортить человека или сделать его больным или сумасшедшим»³.

Подобную же цель у бурят имеет изготовление так называемых «зя», т. е. человеческих фигур, нарисованных краскою на лоскутках материй и вниз головою. Рисунки делаются шаманом по собственному намерению или по приглашению других лиц; рисунок кладут куда-нибудь в укромное место в юрте, хозяевам которой предполагают причинить вред. Влияние *зя* проявляется в болезни, несчастии и смерти для стольких лиц семьи, сколько нарисовано фигур вниз головою. Несчастье тем легче случается, что, по верованию шаманиста, от той семьи и дома, где есть *зя*, не принимается богами никакая жертва, так как

¹Доисторический быт человечества и начало цивилизации. Соч. Е. Тэйлора, стр. 154.

²Ibidem, стр. 155.

³Ibidem, стр. 156.

зя оскверняет юрту своим присутствием, появляясь во время жертвоприношения в виде мертвой женщины на крыше юрты. Раз боги отступились от человека, он становится тотчас же добычей всяких случайностей; поэтому как только узнают, что в юрте где-либо спрятано зя, то немедленно призывают шамана, чтобы отыскать зя и сжечь. Нахождение зя в юрте обнаруживается разными явлениями: треском, чьим-то плачем; для большей уверенности прибегают к ворожбе, и когда присутствие этого ужасного предмета констатировано, то призывается шаман; ему готовят две трости и шаман призывает богов, чаще всего зайа *Ганзу*, брызгает ему тарасуном, и начинает искать зя, бегая внутри и вокруг юрты; наконец, когда найдет место, где скрывается зя, то место это обводит кружком, тут ищут зя другие, если его найдет сам шаман, то он старается его проглотить, но до этого не допускают, ибо шаман сделал бы великий грех, когда не успевают скоро найти зя на указанном месте, то зя переходит на другое, некоторые видели, как зя мелькало светлой полосой наподобие падающей звезды. Найденное зя сжигают и оно возвращается к сделавшему его шаману, беспокоит его, почему шаман снова делает зя и кладет кому-либо другому. В случае, если зя долго лежит на месте, так, что краска рисунка исчезает, то найти такое зя, называемое *альбин-зя*, может только шаман, сделавший его; этот, будучи призван, делает 40 зя, называемых *д□ле* и рассовывает их по разным местам, через что зя чрезвычайно размножается.

Ворование, что зя может обращаться в мертвую женщину, что оно сверкает, как падающая звезда, что от сжигания не уничтожается, дает повод предположению, что зя есть также душа, не уничтожаемая при сжигании тела покойника, способная принимать разные облики и часто сравниваемая то с болотными огнями, то с звездами, как это наблюдается в разных суевериях даже культурных наций.

II. СВЯЩЕННЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ И ИДОЛЫ

Идолы и священные изображения вообще называются онгонами, но те же имена прилагаются и к некоторым божествам низшего порядка, напр., к некоторым древним знаменитым шаманам, например, Мушин-онгон, Адагнуша-онгон, а равно и обоготворявшимся животным: тэхэ-онгон (козел), буха-онгон (бык), бабаган-онгон (медведь); очевидно, что последние играли роль фетишей, подобно огню, а потому получили личное божество, сначала частного, а потом и более общего характера.

Шаманист, будучи по его убеждениям, постоянно окружен враждебными духами, чувствует постоянную потребность в защите и помощи добрых небесных божеств или низших духов, и чтобы помощь их обеспечить возможно скорее в

каждую данную минуту, он прибегает к содействию шамана, делающего из дерева, металла или шкуры животного фигуру божества или рисующего на ткани его изображение и затем силою своей молитвы и приносимой жертвы — низводит постоянно или временно в бездушную куклу или лоскуток материи дух божества, вследствие чего куклы и изображения заменяют самое божество.

Для ознакомления с религиозным мирозерцанием некультурного человека немалую услугу может оказать знакомство с характером выражения идеи религиозной в обрядах и в боготворимых предметах; поэтому первые исследователи сибирских инородцев — Паллас, Георги обратили свое внимание на эту сторону религии, тем более, что такой способ изучения верований был исключительно один им и доступен, если принять во внимание незнакомство их с языком инородцев, с одной стороны, а с другой недоверчивость инородца по отношению к постороннему человеку. По отношению к бурятам и тунгусам такой материал собран был Георги, который к своему описанию приложил и несколько рисунков, приобретающих теперь историческое значение, так как по этим рисункам, объясняемым текстом, представляется случай проследить степень изменения, происшедшего в понятиях и идеях бурят. Лица, писавшие о шаманстве у бурят после Георги, как, например, Кастрен и Шашков в большинстве случаев пользовались материалами своего счастливого предшественника, когда касались внешней стороны религии, тем не менее и эта внешность в таком трудном и важном деле, как изучение естественной религии, не располагающей письменными памятниками, имеет свою цену, так как может объяснять отчасти не совсем понятное в идеях, и с другой стороны полезна для археолога, как увидим ниже, а также и для изучения последовательного хода в развитии религиозных идей. Во время поездки летом 1881 и 1882 годов к бурятам кудинским, ольхонским и балаганским мною было обращено особенное внимание на внешность религии, на обряды, священные предметы и изображения и удалось подметить некоторые интересные черты и собрать коллекцию онгонов. Посещение западных, балаганских бурят после поездки к бурятам прибайкальским было особенно полезно, так как обнаружено немало особенностей в верованиях и в почитаемых божествах, в онгонах и характере изображений, причем добытые сведения взаимно пополняли друг друга.

Обращаясь к описанию онгонов, замечаем между ними несколько типов: а) по месту нахождения онгонов, б) по материалу, из которого они делаются и в) по личностям божеств, заменяемых онгонами.

1) По месту нахождения отличают так называемых горных онгонов (хадан-онгон) и онгонов в юрте.

Горные онгоны наблюдались только у прибайкальских бурят Кудинского, Верхоленского и Ольхонского ведомств, у бурят балаганских их совсем не встречается¹. Горные онгоны делаются шаманом для женатых бурят вскоре после свадьбы, редко для холостых; на лоскутке шелковой или парчевой или другой ткани, по $\frac{1}{4}$ аршина на стороне, рисуются человеческие фигурки числом 5, 3 или 4, на одном или на двух лоскутках, у кудинских 5 на одном и 3 на другом, или по 4, как у ольхонских, или только 5. Все фигуры одинаковы: голова в виде кружка с чертами для носа и рта, и двумя стеклянными или металлическими бусинками вместо глаз, над каждой головой по перышку филина и по кусочку меха выдры; туловище в виде черты, с раздвинутыми руками и ногами; на груди из жести небольшая фигурка человека, внизу лоскутка в два ряда располагаются украшения в виде вертикальных и пересекающихся накрест черточек, сверху лоскутка по углам по 2 ленточки — белая и желтая².

Желая понять значение жестяных фигурок, нам не удалось, тем не менее, добиться объяснений от простых бурят и шаманов, все говорили, что и рисунок и фигурки имеют одно значение; остается ограничиться предложением, не изображают ли эти фигурки души онгонов, так как буряты приписывают душе отдельное существование и даже возможность временно покидать тело. По крайней мере, такой способ изображения души можно встретить было в старину и у русских³.

Изображения принадлежат у кудинцев: 5 сыновьям Танхая, 3 сыновьям Тажирая, Хотын-мэргэну и Хубха-Зарину, которых и изображают по 5 фигур на лоскутке или на втором, помещая только 3 Тажираевых. У ольхонских бурят горными онгонами считаются Алдараевых 10 и Дотороевых 7, хотя рисуется по 4 фигуры на лоскутке; сыновья Тажирая и Танхая ольхонцам неизвестны.

Онгоны помещаются не везде одинаково, — сначала их кладут или в долбленный деревянный ящик или в кошомную сумку; в обоих случаях вместе с изображениями — «зураком», кладут богородскую траву и табак, как жертву; ящики или сумки помещаются затем вблизи зимнего улуса на горе (у кудинских и верхоленских) или внизу (у ольхонских), у первых обыкновенно ставятся столбы, по несколько рядом, принадлежащие хозяевам целого улуса, наверху столба выдалбливается углубление с задвижной крышкой, в это уже углуб-

¹ У идинских бурят может быть также существуют горные онгоны, так как верстах в 5 от Малышевского селения, что против г. Балаганска, со стороны Усть-Осы видны были столбы, напоминающие такие же столбы с онгонами на горе Капсале и вообще у кудинцев.

² Кудинские горные онгоны помещены на рис. 1 таб. II, (см. стр. 329).

³ См. Буслаев. Историч. очерки русской народной словесности и искусства. Рисунки к 1-му и 2-му томам.

ление кладутся ящики или сумки с онгонами, поверх столба устраивают еще крышку об одном или 2 скатах. У ольхонских бурят горные онгоны не кладутся в долбленные углубления в столбе, а висят свободно между двумя столбами, поставленными на расстоянии $1\frac{1}{2}$ аршина, при этом вверху пространство между столбами забирается досками, а над ними крыша — к этим-то доскам и привешиваются сумки или ящички с онгонами; иногда онгоны размещаются еще оригинальнее: срубленная с 3 или 4 расходящимися сучками береза вкапывается в землю комлем, а к сучкам привешиваются сумки с онгонами; для защиты от снега и дождя приспособляют из бересты навес. Онгоны стоят так, пока жив хозяин, для которого они сделаны, со смертью же последнего, онгоны сжигаются, а столб сваливают на землю. Чтобы завести онгон, нужно пригласить шамана, который делает онгон и освящает его, принося жертвы и призывая онгонов в сделанное изображение; для жертвоприношения употребляют 2 овцы, курунгу, кобылье молоко и 15 котлов тарасуна, обряд освящения состоит в брызгании тарасуна и призываниях различных божеств и главным образом тех, чьи онгоны устраиваются, потом онгон помещается на месте, а мясо и тарасун потребляются присутствующими в честь божества.

2) Все прочие органы, которых мы видели, находятся в юрте и некоторые только у дверей юрты снаружи. Как более оригинальный опишем онгон *Б□рт□*, встреченный только в одном хангинском роде Балаганского ведомства; он привезен из-за моря Хортоном, потомком Хоредоя, родоначальника хангинцев; идол, вывезенный из Монголии, был цел до последнего времени. Этот онгон Бөртө (см. рис. 4 на табл. II на стр. 330) есть собственно идол, представляющий часть человеческой мужской головы со стороны лица, несколько более естественной величины, на голове, по краю щек и на подбородке обильная растительность, представленная черной бараньей шерстью, по бокам головы по 3 холбохо, во рту был воткнут свежий кусок жиру; идол висит на столбе в западной части юрты у очага, на том же столбе висело *зели*, т. е. веревка из конского волоса с воткнутыми железными палочками вместо лент и на конце с 2 бараньими костями и 3 деревянными в 6 вершков палочками, на конце с плоским кружком или 6-угольной фигурой, с ямками. Значение идола Бөртө и его происхождение мне объяснить не могли или не хотели; говорили, что сами не знают, а молятся по-бурятски, сложив руки и принося в жертву куски жира; мне не удалось выяснить, имеется ли этот идол в одном экземпляре для целого рода или у каждого домохозяина, последнее вероятнее.

3) Почитание огня у бурят шаманистов находится на довольно высокой степени развития. «Реальное и абсолютное обожание огня,— пишет Тэй-

лор,— распадается на 2 больших отдела: первый из них относится скорее к фетишизму, второй к политеизму, и один из них представляет более ранний, а другой более поздний период развития теологических идей. Первый отдел показывает нам свойственное грубому варвару обожание настоящего пламени, которое представляется ему чем-то крутящимся, ревущим и пожирающим предметы, на подобие живого животного: второй отдел появляется в период большого обобщения идей, когда всякое индивидуальное пламя считается только проявлением одного общего стихийного божества — бога огня¹».

Шаманист-бурят достиг этой высшей ступени и он имеет такого стихийного бога — хозяина огня гали-эжина (*гал* — «огонь») — *Сахяда-нойона* и его жену *Сахала-хатун*. У бурят является возможность даже проследить переходы верований из одного отдела (по терминологии Тэйлора) в другой — от фетишизма к политеизму, через посредство промежуточной стадии — олицетворения вещественного огня каждого очага в личное божество; это обстоятельство важно в виду того, что и Тэйлор считает очень затруднительным проследить этот переход. Специальный личный бог огня имел очень обширную географическую область распространения и в пространстве и во времени. Он существует у краснокожих индейцев Сев. Америки — и пользовался большим уважением у древних мексиканцев под именами Ксиутеуктли и Уэуэотля; у полинезийцев он называется Магуика, в Западной Африке, у дагомейцев существует фетиш огня — Цо, представляемый горшком с огнем, который вносится в дом и получает жертву. В Азии культ огня не менее широко распространен; бога огня чтили камчадалы и чтут айны, у туранских племен он известен под именем «матери Ут», у древних индусов под именем Агни. Тем интереснее, что нам удалось у бурят открыть специальные онгоны «хозяина огня», при том в разных видах: онгон хозяин огня у кудинских и верхоленских бурят отличается от такого же онгона балаганских. В улусе Хурумчине (Верх. в.) онгон хозяин огня имел вид мешка до 1 фута длины из коленкора или войлока; спереди и сверху он открыт, а внизу образуется сумка, в которую кладут мясо, жир и прочие жертвенные приношения; на задней половине изображены 3 фигуры — 1 маленькая и 2 побольше, у верхоленских бурят 3-го абазева рода онгон хозяина огня имел 4 фигуры такой же формы, как фигуры горных онгонов — над каждой фигурой по перышку, вместо глаз бисер, только отсутствовали жестяные маленькие фигурки, помещавшиеся у горных онгонов на груди.

¹Тэйлор. Первобытная культура, т. II, стр. 327.

Совсем другой характер имеет онгон хозяин огня у бурят балаганских. Виденный мною онгон в Закулейском улусе состоял из двух идолов, сделанных наподобие человека из деревянных дощечек — длиною 22 сантимет. одна фигурка и 21 сантимет. другая при ширине $4\frac{1}{2}$ сантимет., дощечки обшиты совершенно красным сукном, которое здесь изображает, как объяснял хозяин дома — шубу, хотя и лицо также покрыто сукном и на нем на месте глаз по крупной черной бусе; внизу и на месте рук по кусочку овечьей кожи с черной шерстью; на голове волосы или шапка заменялись такой же черной шерстью, у особы женского пола на груди две голубые бусы и жестяной кружок (*холобии*). Легко допустить, что красный цвет сукна должен соответствовать цвету пламени, а черная шерсть углю, как результату деятельности огня. Оба идола держатся в сумке из грубого красноватого сукна, которую вешают у переднего из 4 столбов юрты, окружающих очаг на левой стороне. Виденный мною онгон был довольно древний (хотя хорошо сохранившийся), так как принадлежал деду старика, прожившего, однако, 50 лет, следовательно этот — онгон современник Георги. Сначала в бытность мою в улусе онгоны называли — *Сахядай-нойон* и *Сахала-хатун*, но потом, когда мне доставили точные модели онгонов, как я мог судить по памяти и по описанию дневника, то хозяин огня назван Гал-голыхан, а жена — Гули-хатун, *гал* — значит «огонь», а *гули* — «медь»; очень вероятно, что слово «медь» указывает только на цвет пламени; первая же часть имени Гал-голыхан — «огонь» (*гал*) еще больше свидетельствует о древнем обожании материального огня и может быть, что Гал-голыхан есть имя хранителя домашнего очага, непосредственное олицетворение вещественного огня, тогда как Сахядай-нойон представляет уже высшее развитие идеи — стихийного бога огня, тем более, что это имя известно всем бурятам шаманистам, мною посещенным. Глава одного рода кудинских бурят назвал еще третье имя гали-эжина, Гангар-нойон, Гынгыр-хатун, но проверить его показание мне не удалось. Буряты рассказывают, что некоторым удавалось видеть хозяина огня, как некоторые старухи часто видят у нас домовых, хозяин огня казался им большим *красным человеком*.

На прилагаемом рис. 3 таб. II (см. стр. 330) изображен снимок только жены хозяина огня, так как сам хозяин отличается только увеличенной на 1 сантимет. длиной и отсутствием грудных украшений.

4) Не менее, чем онгон хозяина огня, заслуживает внимания и другой балаганский онгон — *Ухан-хата*, который также, как и первый, держится в юрте, но сейчас же налево у двери. На длинной веревке в 4 арш. из белого конского волоса, с вплетенными в нее синими и белыми ленточками в 3–4 вершка, пришит четырехугольный лоскуток синей шерстяной ткани (18 см и 12 см. по стороне) с изображением красной краской 9 человеческих фигур и 4 животных; фигуры

людей расположены в 2 ряда — 6 вверху и 3, в половину меньшей величины, внизу, и рядом с последними справа в 2 ряда нарисованы пчела и змея, а под ними — лошадь и верблюд, от головы каждой человеческой фигуры отходит по 3 луча, выше всех фигур проведены три горизонтальные черты, изображающие небо, и по краям линий два одинаковых кружка, представляющие солнце и луну; внутри кружков 4 радиуса; на другом онгоне, так называемом зурактан — луна и солнце имеют лучи расходящиеся — у луны 8, а у солнца — 9, внутри луны иногда рисуют человека с ведром и ветвью дерева.

Онгон Ухан-хата представляет много своеобразного по сравнению с онгонами кудинскими и ольхонскими, эта своеобразность выражается:

а) в расположении фигур, являющихся в большом числе (как и на других балаганских онгонах), в два ряда, причем, за недостатком места, нижние рисуются по уменьшенному масштабу;

б) в присутствии на головах человеческих фигур 3-х лучей в виде рогов;

в) в способе изображения туловища человека треугольником или удлиненным четырехугольником, а не линией;

г) в присутствии на зураке (рисунке), кроме изображения людей, еще и фигур животных, на других балаганских онгонах, кроме двугорбого верблюда, пчелы, змеи и лошади появляются бык, лягушка с раскинутыми задними лапами, рыба и жук (тархалжин).

Перечисленные особенности онгонов балаганских дают некоторое основание сравнить с ними найденные мною изображения на береговых скалах Байкала в 2-х пунктах: 1 — в бухте Ая и 2 — на утесе Саган-Заба. Действительно, между изображениями на скалах и различными зураками балаганских онгонов можно усмотреть некоторые черты сходства, а именно: 1) как на одних, так и на других, кроме людей, изображаются и животные, на утесах находятся птицы, медведь (?), быки, лошади, олени, лягушки (Саган-Заба, группа IV), и на скале бухты Ая: рыба, нерпа и верблюд (?); на онгоне, кроме того, есть водяной жук, пчела и змея; 2) в способе изображения человеческой фигуры также замечается некоторое сходство, причем многочисленность фигур, подобно тому как на Саган-Заба, встречается и на онгоне балаганцев — зурактане, где число фигур достигает 27; 3) как на утесе головы фигур украшаются двумя, как я думал, рогами, так и на онгонах на голове замечаются по 3 черты, считающиеся лучами; интересно, что между онгонами и иссеченными на скалах рисунками — у селения Мальгы на р. Белой найдена переходная форма — рисунок на скале, на берегу в $\frac{1}{2}$ версты от селения, но не иссеченный, а нарисованный красной

краской, как на онгонах; рисунок¹ изображает два концентрических круга, больший диаметром 54 см, окружность внутреннего круга отстоит от внешней окружности на 9 см, внутри круга изображена фигура человека (длиною 32 см), имеющего вместо головы 3 расходящиеся черты на подобие лучей, руки подняты вверх, а ноги раздвинуты и согнуты, как на фигурах Саган-Заба, туловище же изображено сходно с рисунком бухты Ая².

Если бы к изображениям на скалах можно было открыть такой же объяснительный текст, какой существует к балаганским онгонам в содержании призывания богов Ухан-хата, вышепомещенное, то тогда несомненно, установилось бы между ними тождество, т. е., что изображения на скалах суть также священные изображения; на самом деле, как приведено в моей статье³, им приносят жертвы, кладут деньги, брызгают тарасун, освящаются при приближении, как при обращении с самыми священными предметами. Во всяком случае, изображения на скалах, принимая во внимание сходство их с онгонами, могли служить образцом, прототипом, моделью для употребляемых ныне онгонов, и первоначальной, более древней и более совершенной формой служил рисунок на Саган-Заба; плохое подражание ему только на утесе бухты Ая, затем переходными формами к теперешним рисункам на материях красной краской служили рисунки красной же краской на скалах у Мальты, в Куртуне, и, вероятно, во многих других еще неизвестных пунктах. Существует у бурят мнение, что изображения на скалах были общественными онгонами в эпоху большого развития общественной жизни, когда устраивались общие охоты или облавы на зверей⁴; утверждают даже, что названные изображения представляют «сатинских богов», особых добрых существ – людей небесного происхождения, бывших шаманами и шаманками; ольхонские буряты к этим сатинским богам причисляют следующие три лица: 1) богиню Мишэлэ Ганзу Намтаеву; 2) бога – Хулэр-топши, хугыл-бурхан; 3) бога Идир Ганзу. Призываний этих богов не собрано и потому эти мнения привожу только в виде отрывочного замечания. Весьма важно объяснить, хотя одно изображение на скалах вполне достоверно, чтоб получить ключ к чтению и других столь многочисленных сибирских начертаний, поэтому и отрывочная заметка имеет значение.

¹ См. рис. 8, таб. III, на стр. 332.

² Берег реки Белой, где нарисовано изображение, имеет высоты более 10 сажен, изображение ближе кверху; на самом вершине находятся следы городища, ныне почти запаханного, на противоположном берегу также существует второе городище, называемое крестьянами почему-то «камнем».

³ Известия Вост.-Сиб. Отд. имп. Рус. Геогр. Общ. 1881 г., т. XII, №№ 4–5, стр. 3.

⁴ Известия Вост.-Сиб. Отд. Геогр. Общ., т. XI, 1880 г., № 3–4, стр. 33 (о зэгэтэ-аба – народной облаве).

5, 6) Балаганские онгоны «зурактан» и «нуган-эзинуд», принадлежат к таким онгонам, на которых, кроме людей, рисуются и животные.

Зурактан рисуется на куске материи: вверху проводится прямая или дугообразная черта, означающая небо, а по краям солнце и луна в виде кружков, иногда под чертой рисуют еще облако (□лэн), потом в 3 ряда, по 9 на каждом – 27 человеческих фигур с головами, украшенными 3 лучами; ниже людей помещаются верблюд, бык, змея, пчела, рыба и лягушка.

Фигуры людей изображают представителей каких-то племен (500 тархалжинов и 300 большушинов), способных превращаться в верблюда, змею, пчелу, рыбу и лягушку; когда они требуют жертвы, то посылают глазную болезнь, для излечения коей необходимо жертвоприношение.

Онгон нуган-эзинуд представляет 3-х женщин, ниже которых изображается озеро, а в нем лягушка и змея, имена женщин – Монголон-изи, Таталан-изи и Төхи-изи; они считаются покровительницами домашних животных и живут на лугах.

7, 8, 9) Хозяин хорька (холонгон-эжин) и хозяйка куницы и горностаея очень распространены у бурят всех ведомств, особенно первый; онгон состоит из шкурки животного с привязанным на шее украшением из оловянных бус, круглой пластинки и цветных (желтых и белых) тесемок, на груди помещается небольшая фигурка человека из жести, как у онгонов, нарисованных краской на тканях и, следовательно, онгон заменяет личное божество, носящее собственное имя, так эжин хорька называется Эргил-буга-нойон Тунхэй у кудинцев и Нойон-Тунхэ, Мондахаев; куница (хунере) и горностаея (угин) имеют хозяйек девиц Булыхан и Мундыхан Мандаевых. Хозяина хорька ставят над постелью женатых людей.

К той же категории животных онгонов принадлежат хозяин и хозяйка козла (ямани-эжин); их рисуют краской на желтой и синей ткани и держат в плоском ящике налево от двери; они видены мною у верхоленских и кудинских бурят¹.

Все эти онгоны по отношению к обоготворявшимся некогда непосредственным животным составляют такой же шаг вперед, ту же высшую степень идеи и обобщения как Сахядай-нойон, стихийный бог огня к материальному пламени.

10) Онгон Сэжэн-Бар, сын Тымыршея, находится в каждой юрте прибайкальских бурят, у балаганцев его я не видел; его делают (рис. 1, табл. I см. на стр. 329) в виде человеческой фигуры из красного сукна с украшением из

¹ Хозяин хорька у кудинцев вешается налево от входа в юрту или на улице налево от двери.

оловянных бус и круглой пластинки на шее, с белыми и розовыми тесемками; фигурка привязывается к кружку из березы в виде маленького в $2\frac{1}{2}$ вершка обруча с двумя поперечинами, вертикальной из дерева и горизонтальной из железной проволоки с привесками из жести в виде колокольчиков (холбого); этот кружок должен изображать бубен, как это утверждает и Георги¹, онгон весьма напоминает монгольский бубен по описанию Г. Н. Потанина², тут те же холбого на горизонтальной поперечине, вертикальная же поперечина у бубна имеет вид человека, так же, как на таком же онгоне, изображенном у Георги³, сходном с нынешним онгоном; по-монгольски бубен (см. П о т а н и н, loc. cit.) назыв. *бар* — словом, составляющим часть имени божества (Сэжэн-Бар), которого, впрочем, буряты считают тунгусским шаманом; настоящий бубен теперь не употребляется при мистериях шамана, его с большими удобствами заменяют валдайские колокольчики, только у одного вновь посвященного шамана Ольхонского ведомства я видел три настоящих бубна, но без всяких украшений и рисунков; этот бурят сделался шаманом, потому что кто-то из его родни убит громом, что считается счастьем, свидетельствующим о благоволении тэнгриев к семье убитого.

Все вышеописанные онгоны помещаются на левой стороне юрты рядом с дверью или снаружи двери, также налево или чаще в левом углу, но у ольхонских бурят я видел онгоны на правой женской половине, одни из них и называются женскими онгонами и считаются покровителями домашнего скота, а также детей; их несколько:

11) *Нагорай-б* — шаман из тунгусов и жена *Нажин-хатун* или *Найжи-уби*; онгон делает шаман, причем приносят в жертву ямана, саламату, тарак и чай, часть пищи намазывается на онгона женщинами.

12) *Алтатан* или *Алтахан*, также женский онгон кудинских бурят, делается женщинами без участия шамана, если его не ставят, то помирают телята, может быть и дети, онгон Хурумчинского улуса Алтатан, походил на горные онгоны, те же 5 фигур и под каждой ряд вертикальных крестов.

13) Богиня *Дуде* (из Хоринского ведомства за Байкалом) — богиня чадородия, ей приносят в жертву в юрте барана, тарак, саламату и тарасун; онгон имеет вид зурака и держится в войлочной сумке.

14) На правой же стороне юрты на острове Ольхоне в улусе Семисосенном я видел деревянный онгон длиною до 6 вершков; тогда мне не могли его назвать,

¹ Merkwürdigkeiten verschiedener unbekanntes Völker des Russischen Reichs, 1777, стр. 172 (см. рис. 6 таб. II на стр. 331).

² Очерки Северо-западной Монголии, Потанина, т. II, стр. 82.

³ Merkwürdigkeiten, loc. cit., (см. рис. 6 таб. II на стр. 331).

говорили, «шаман знает, мы не знаем», потом шаману я заказал сделать такой онгон и он его назвал *Рик* и прислал еще другой деревянный онгон, которого я не видел сам в юртах, этот последний назван *Дабай-хан*, очень возможно, что оба онгона принадлежат также к женским, они изображены в естественную величину на рис. 2 и 3 таб. I (см. стр. 329).

Весьма обыкновенный онгон у кудинских и верхоленских бурят Ирихэ Андаев; он имеет вид четырехугольного куска кожи, в квадратную четверть, разрезанного внизу на 3 или 7 полос, к нему еще на веревке привешивается кусок оленьей или козьей кожи с шерстью, никаких изображений на онгоне я не видел, онгон этот считал весьма известным и Георги; ольхонские буряты онгон Ирихэ рисуют на материи, судя по тому образцу, который был заказан шаману через посредство Ольхонской думы; его призывают для излечения болезни, преимущественно опухолей и нарывов.

В Балаганском ведомстве у особенно религиозных хозяев имеются большие сборные онгоны из большого числа лиц (до 58), они называются *Хытхо-онгон*, к ним принадлежат: 1) 9 дочерей неба Эсэгэ-Малан-тэнгэри, у балаганцев считающегося теперь старшим тэнгерином из 55 западных неб; 2) Уха-Солбон, его любовница Хатун-Малган, сын Хишаран-Зарин и муж ее Хан-Бата, 3) хозяйка солнца и луны, 4) Ганзушины, 5) покровительница Кимильтея, 6) Хан-Хото, дочь Башуная и жена Борон-Толодо и их потомство, в том числе жених одной из дочерей Хан-Хото, сделавшийся хозяином хорька Нойон-Тонхо-Ганзу Ман-таханов, 7) луговые женщины (нуган-эзинуд) и 8) Угитэ-Хунэртэ.

Всех фигур, судя по имеющимся у меня моделям, 38, они или рисуются на материи краской, или вырезаются из материи и к таким вырезанным фигурам, представляющим шубы, пришиваются еще жестяные фигурки с глазами из бисера; на головах и по подолу вырезанных фигур — какая-либо меховая оторочка, а на фигурах нарисованных — по 3 луча над головой; мужчина от женщины на рисунке отличается поясом, которого у женщин не изображают: когда делают такой онгон, то шаман призывает длинный ряд божеств, так называемых «*небесных онгонов*», к которым причисляются все поименованные лица; в призывании, изложенном по записке г. Хангалова, относительно каждого лица описывается его происхождение и каждый изображается рисунком или вырезанной фигуркой, кроме, однако, лиц, принадлежащих к главным тэнгерином, хотя и упоминаемым в призывании; так, нет рисунка Эсэгэ-Малан-тэнгэри и Уха-Солбона (планеты Венеры); призывание онгонов совершается также каждый раз при обряде кормления.

Призывание небесных онгонов

I. «Западные 55 неб, старший из них отец небо (Эсэгэ-Малан-тэнгэри), 9 сыновей которого спустились на землю на 99 западных мундарга: мать небо – Эхэ-Юрин-тэнгэри, 9 дочерей которой (или дочерей Хата) спустились сначала на 9 гор Төрөн (Балаг. вед.» – Ехон Төрөн, но им показалось, что утесы гор от ветра шумели и, кроме того, были им неприятны скрип телег и крик верблюдов, тогда дочери неба избрали себе новое местопребывание. Три старшие дочери поселились на горе Ахан-Улан или Ахан-Хорьхон (в верховьях р. Оки); здесь они спустились к 13 глубинам реки Оки и стали купаться; к ним приплыли на березовых лодках с серебряными веслами и золотыми шестами, говорящие непонятным языком, они начали при помощи своих шестов и весел брызгать водою на дочерей. Три дочери неба переглянулись между собой и улыбнулись, потом черным шелковым платком махнули по воздуху; и вот с северо-запада показалось черное облако с шапку величиною, поднялся умеренный ветер, небо покрылось прозрачными облаками, и задул сильный ветер, загремел гром и земля от него тряслась, и небо покрылось сплошным облаком, молния засверкала и гром загремел, земля затряслась и пошел сильный град в чашку и корзину величиною. Тогда в 13 глубинах они утонули, говорившие непонятным языком в берестяных лодках с золотыми шестами и серебряными веслами. Один из них сделался поклонником небесных дочерей, впереди видящим и сзади караулящим, имя его Хан-Нахура, он имеет шапку из черной мерлушки и черный кафтан. Три дочери неба выгоняли тарасун на горе Ахан-Улан, имена их: 1) Х а л и м д а р - х а т у н (или Хан-хатун), 2) Я л б а р г а н а - х а т у н (Хатхур-хатун) и 3) Х а л б а р г а н а - х а т у н (Хута-хатун).

Три средние дочери неба: 1) Оргото-хатун, 2) Оробсор-хатун и 3) Эхэ-хатун на Обосинской красной горе выбрали свое местожительство (Идинского ведомства).

Три младшие дочери: 1) Бэлэкси-хатун, 2) Хэлдэр-хатун и 3) Бэшэкси-хатун поселились на красной горе р. Белой».

II. Небо Уха-Солбон имел связь с Хатун-Малган; от него у ней сын Хитаран Зарин, ее муж, преследующий ее за неверность Хан-Бата.

III. Затем призывается хозяйка солнца и луны: «Кучкой выросший тальник удобен для хватания, кругло-красное лицо красиво в руках луны (для луны?), густо выросший тальник удобен для объятия, широко красное лицо красиво, медно-серебряная поваренка пригодна для держания, красно-медно-серебряное ведро пригодно для ношения, происхождение мое из племени саган-боргутов, над луной Хал-хатун, над солнцем – Нал-хатун (госпожа?). Нал-Шаракшан-Эль Шаракшан-Ехон-Дангина, имя мое Хун-Дангина».

IV. Далее призываются Ганзушины. «Зимой в сильный мороз в шестиугольной юрте были заперты девицы, чтобы они не могли выходить, дверь была замкнута снаружи, а отверстие юрты (для дыма) закрыто, они страдали от голода и жажды, и наконец, померли. По смерти они поднялись на небо и там к ним явился старик *Тэхэ-Тонхолжин*, верхом на козле (так его и рисуют на онгонах), девицы из правого рога козла достали синего огня, а из левого пищу и питье и тем утолили свой голод и жажду, а огнем согрелись. Затем они опять появились на земле у богатого бурята Имахана в верховьях Оки, где и жили 9 лет; у Имахана сильно заболел от них сын, богач призывал шаманов Тадака и Малака, которые шаманили один за другим, но не могли узнать причину болезни, только шаманка Ш и н х э н узнала, что болезнь причинили Ганзушины и сделала им первое жертвоприношение. Ганзушины тогда объяснили, что они происходят из племени удан-шарат, от крайнего Шарата, снежно-белое облако, плавно-тихое спускание с неба на землю, покровитель шаратов небо Шара-Хасар-тэнгэри, отец Ганзушинов Бажигалда, мать шаманка Хэглэ, жена дяди шаманка Ашахан, имена Ганзушинов: 1) Адагата-Агальжин, 2) Буру-Занта-Бугальжин, 3) Төдөгөтө-Төнхөлжин, 4) Ноктото-Нохо-Шаракшин, 5) Гарьхата-Ганзушин и 6) Аманда-Агальжин».

V. Покровительница Кимельтея (село на Московском тракте) заян всего народа *бабушка Мэльмэн*, дочь Барьшана, у ней есть муж, поднявшийся на небо Хан-Саган, на лошади без узды и на небо Нойон-Саган поднялся без узды — Охин-Тохо-Амагаханов; их сыновья: Хухоргоно и Духоргоно и дочери: Алмахан и Талмахан. Не было шаманов и шаманок лучше их сыновей и дочерей.

VI. Окинских 18 шаманов и Зухайских 108 шаманов, бряцающие горы (?), гремящие худэ (?), серебряные колчаны со стрелами, желтые луки, когда изнасилась беличья шуба и грозные враги напали, от хитрости выбрали местности Нухэн-Гол и Булгахан-Гол, дочь Башуная Хан-Хото, ее муж Борон-Толодо, она играет на ладони 13 яйцами птицы Ахуная, пожелает кому добра, бросает белый тарак, захочет кому сделать зло — бросает черную кровь и кашель; она имеет красивых, как тростник, дочерей Хулхан, Дэлхэн и Шилбэ, мужья их красивы и стройны, как гривы лошади, имена их: 1) Нойон-Тонхо-Ганзу Мантаханов, 2) Уха-Таголтор Хулдаев и 3) Хахи-Ганзу Болхоев. Первый из них из местности Шингил-Шибэ, из племени шишхэ-монгол, из местности крайней земли, из племени крайних монголов, имя его Нойон-Тонхо-Ганзу Мантаханов — хозяин хорька и покровитель новобрачных, он поехал в Кудинск, там сделался нечистым и помер, похоронен на горе Болог-Отохон около озера Бохо-нур, поселился он на горе Худин-улан.

VII. Затем призываются луговые женщины – нуган-эзинуд – они покровительствуют над утугами и лугами, и малолетними детьми.

VIII. Угитэ-хунэртэ – пришли из-за моря, покровительствуют людям, имена их: Хан-Толохон и Хатан-Болохон.

III. ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ И ГАДАНИЯ

Жертвы шаманствующих бурят бывают следующих видов: 1) жертва вином или тарасуном, 2) деньгами, лентами, табаком, 3) кирик (кырык), 4) тайлаган, 5) посвящение животных, 6) *хурай*.

1). Жертва тарасуном или вином составляет самое обыкновенное и частое выражение почтения к богам со стороны бурята-шаманиста, каждый раз, когда пьют вино, всякий некоторую часть выливает на землю или на пол, если дело происходит на открытом воздухе или в комнате, или на огонь очага, если пьют в юрте, в этом последнем случае жертва приносится хозяину огня (гали-эжин) Сахядай-нойону и жене его Сахала-хатун.

Тарасун и вино играет также видную роль при всякого рода жертвах животными, при обрядах посвящения шамана, на кириках и тайлганах, но вместе с тем может производиться как отдельный обряд самостоятельная жертва, имеющая просительный характер. Так, например, брызгали вином перед утесом Саган-Заба, перед отправлением к этому утесу и к изображению в бухте Ая во время моей летней поездки в 1881 году.

В обыкновенных случаях эта жертва производится во время болезни, причем и самая болезнь приписывается преследованию со стороны богов за неприношение своевременно жертвы, в этом последнем случае призывается шаман, который и совершает обряд, но в других случаях не возбраняется совершать жертву вином каждому буряту. Обряд производится так: больной садится у очага и надевает шапку, а перед ним ставят сосуд с тарасуном и деревянную чашку (обыкновенную китайскую, употребляемую для питья вина и чаю бурятами и русскими). Шаман становится направо от очага в шапке, с шаманской плетью с колокольчиком в левой руке, и зажигает пихтовую кору или верес, которым окуривает больного, тарасун и чашку, затем больной наливает тарасун в чашку и подает шаману; этот произносит молитву тому богу, который потребовал, по мнению шамана, тарасуна; при этом произносится имя бога, его история, а также просьба больного, а тарасун из чашки подбрасывается к потолку юрты; так делается три раза, четвертый раз тарасун выбрызгивается (наливается в чашку понемногу, чтобы осталось чем полакомиться верующим) в тот угол юрты (Ю. З.), где висит онгон хозяина хорька (Холонгон-эжин); пятая чашка наливается полная и подается шаману, последний, отлив несколько капель хозяину огня,

выпивает сам или дает кому из присутствующих; шестая чашка выпивается больным или передается одному из родных, эта часть называется «*галахи*», седьмая чашка следует шаману — это *боги мэнсэ*, как бы в вознаграждение за труд, из этого последнего усматриваются скромность и нетребовательность прежних шаманов, ныне же берут за труд, что дают.

2). Ленты и табак часто употребляются в виде жертв. Лентами украшают онгоны, шаманские принадлежности: шапку, ширэ, конные трости, шкурки животных; лентами обвязывают священные деревья, например, такое дерево — лиственница, встречено вблизи деревни Куртун; цвет лент различный — белый, синий и розовый. Лентами увешивают посвященных животных и стрелы. Табак кладется в ящик, где держутся изображения онгонов на тканях, табак же бросается на священных местах, назыв. барьса, очень часто на перевалах через горы; в таком месте по дороге в Куртун из Косой степи совершен был обряд освящения ехавших при посредстве огня, при этом лошадей перевели через курившийся вереск, словом, так же, как перед осмотром изображений на утесе Саган-Заба, только там освящение касалось людей, а не лошадей¹.

3). *Кырык* есть жертвоприношение *одного лица или семейства* и имеет целью умиловить разгневанного бога, пославшего болезнь или несчастье, он состоит в принесении в жертву животных: кобылы или жеребца, коровы, барана, козла, редко рыбы; животное должно обладать известными признаками пола, возраста, цвета, смотря по божеству, которому приносится жертва; выбор бога зависит от шамана, иногда приносится в жертву животное без строгого выбора, обряд совершается на открытом воздухе, но приготовительные действия производятся в юрте. Необходимая посуда, тарасун, курунга ставятся у переднего столба юрты, присутствующие садятся, и шаман окуривает священным дымом пихтовой коры все предметы, назначенные для жертвоприношения и делает жертву вином чествуемому божеству, перед выходом на улицу шаман становится впереди, а за ним три человека, помогающие шаману в пении священной песни, и затем выходят на улицу и усаживаются на выбранном месте, часто перед юртой хозяина. Посуда, тарасун и проч. ставятся на т. н. тургэ. Позади тургэ устанавливают на разведенном огне котел, в котором будут варить жертвенное мясо. Тогда опять брызгают тарасун (эта часть обряда называется *сасали-барьха*), а шаман произносит молитву, за этим колют животное, кожу осторожно снимают, мясо разрезают на части и кладут в котел, тем временем

¹ Известия, т. XII, №№ 4–5.

шаман и старики пьют тарасун, когда мясо сварится, то его тщательно очищают от костей, кости собирают и кладут на огонь, разведенный спереди тургэ; еще несколько впереди втыкают в землю заранее приготовленную березу, сажени в 3—4 длиною, с ветвями, к ней привязывают снятую с животного шкуру с головой (с горлом и легкими) и ногами, шкуру набивают соломой и зашивают, в ноздри животного засовывают березовые ветви, а на лбу укрепляют *жидо*, палочку с привязанной пихтовой корой; когда березу устанавливают, то заботятся, чтобы голова животного была обращена в ту сторону, где находится предполагаемое местообитание божества, в честь которого приносится жертва. Теперь опять выступает шаман: он громко призывает зайна, постоянно наклоняясь то вперед, то назад, пока не придет в экстаз, при этом он делает движение, как будто бы бросается кому-то навстречу, а потом отскакивает назад, в таком возбужденном состоянии он обращается к присутствующим, как бы представляя самого бога, тут он говорит историю бога и его похождения, предсказывает будущее, после этого шаман снова кричит, вздрагивает всем телом, представляя испытываемые им мучения при удалении из его тела призывавшегося божества¹.

Жертвенное мясо (ш у л а д х а н а и д а л а н г а) с некоторыми обрядами съедается, малая часть сжигается. Затем уходят в юрту, где брызгают тарасун, чем и оканчивается кирик.

4). *Тайлаган* есть частное или общественное жертвоприношение, в котором принимает участие целый улус или даже целый род. Характер его всегда просительный, его буряты называют молебном. Совершать тайлаганы могут как шаманы, так и целое общество домохозяев без деятельного участия шамана. Покупка жертвенного животного делается на общий счет из сбора от каждого домохозяина. Кроме животного, одного или нескольких, готовят тарасун, курунгу, саламату, нужную посуду, все приготовленное отправляется, после обряда освящения пихтовой корой, как описано выше, на место тайлгана; все участники при выходе из юрты переходят, в видах очищения, через горящую на углях богородскую траву. Перед въездом все опять собираются вблизи улуса, садятся рядом и брызгают тарасун тому же лицу, которому приносится

¹ Мне только раз пришлось видеть, как шаманит шаман. Нагибаясь то вперед, то назад, он все больше возбуждался, лицо все покрылось обильным потом, часто нагибаясь, шаман производил звук, который произвести очень легко, если несколько вытянуть губы, и протягивая какой-либо гласный звук, болтать языком во рту, несколько раз также шаман дрожал и так сильно откидывался назад, что казалось, сбирался упасть; в этом случае всегда один или двое бурят поддерживали его. По-видимому, указанным звуком шаман старался выразить приближение, вхождение в него духа и его удаление.

тайлаган, этот предварительный обряд называется тургэлхэ, он впрочем, совершается не всегда.

По приезде на место жертвоприношения, которое всегда выбирается на виду, на склоне горы, участники рассаживаются группами, по семействам, на тургэ; перед каждым кружком ставятся деревянные корытца для мяса, туски с саламатом и курунгой и сосуды с тарасуном, перед корытцем по березовой ветке, а сзади сидящих, на расстоянии 1 или 2 сажен, устанавливаются большие котлы для варения мяса, под котлами разводят огонь. Теперь исполняют обряд *сасали-барьха*, по одному человеку от каждого семейства, налив в отдельные чашки немного тарасуна и курунги, выходят несколько вперед и, став рядом, в один голос выкрикивают молитву, в курунгу и тарасун выбрызгивают, как жертву, так делают до трех раз и затем осторожно бросают вперед чашку; смотря

по тому, как упадет чашка, узнают, будет ли принята молитва или нет, хорошее предзнаменование бывает, если чашка упадет дном вниз. Четвертый раз чашки наливают до краев и после краткой молитвы отходят за тургэ позади сидящих к огню и льют курунгу на огонь: на одном большом тайлагане, виденном нами лично, курунгу употребляли только четвертый раз, а первые три раза жертва делалась вином; курунгу зачерпывали в большие разливательные деревянные ложки, и отходили к огню под котлами, выливали курунгу на огонь и потом возвращались к сидящим семейным, один из них, старший, глава семьи, как я заметил, подставлял полу своего кафтана и в эту полу участвующий в молитве опускал свою ложку, как бы принося тем изобилие, о чем, конечно, и было

совершаемое моление. После этого в курунгу и тарасун мокают березовые ветки, которые были воткнуты перед посудой для мяса. Затем пьют все курунгу и тарасун и приступают к закланию животных. Прежде, чем колоть животное, ему подносят курунгу, и затем убивают, для чего привязывают к ногам веревки и животное опрокидывают на спину, вскрыв грудь, вынимают сердце и сжимают его, отчего смерть наступает мгновенно, кровь собирают отдельно в сосуд и ею потом наполняют очищенные и вымытые кишки; снятую кожу с головой и копытами или вешают на березу, как описано в обряде кирика или продают, если в улусе тайлаганов делают много, то шкуры, снятые с жертвенных животных, ставятся рядом, одна подле другой.

Пока мясо варится, старики пьют тарасун, а молодые и дети резвятся или борются, бегают взапуски или на лошадях. Сваренное мясо тщательно режется на мелкие куски и делится поровну между всеми участвующими семьями, разделенное мясо складывается в корытца и относится на тургэ, эта часть мяса называется *даланга*; также очищается все мясо с костей и делится поровну, кости от каждого животного собираются отдельно и сжигаются на земле впереди тургэ или тут устраивают из каменных плит более или менее высокий жертвенник, на котором производится сожжение, жертвенники называются *ширэ* — престол; каждое животное сжигается на отдельном жертвеннике, жертвенники устраиваются из камня только там, где материал для них, каменные плиты, находятся поблизости. Недалеко от Усть-Орды на горе Ухыр-Манхай в честь бумал-бурхана Мала-Убугуна (плешивого старика), хозяина Ухыр-Манхая, сложено 14 больших каменных жертвенников, двурядных, полуэллиптической формы в горизонтальном сечении и высотой до 1 сажени, чертеж дает понятие о форме жертвенника (на стр. 332, фиг. 6 и 7 табл. III) изображают два таких жертвенника).

Отрезанное от костей мясо (*шулудхан*) в чашках относят к ширэ и здесь с молитвой часть мяса бросают в огонь, а остальное мясо съедают.

По возвращении домой, берут с собой разделенное мясо (*даланга*) и прежде, чем есть его, кусочки мяса бросают в огонь, в жертву хозяину огня (покровителю домашнего очага). Иногда по возвращении с тайлагана устраивают *төхөрён*, для которого каждый домохозяин доставляет котел тарасуна, совершив жертву богам, тарасун пьют, а молодежь, с удалением стариков и старух, предается играм во всю ночь, нередко приглашают для этого шамана, вызывающего «вечерочных богов».

На тайлагане участвуют мужчины, дети обоего пола и девушки, которых по костюму нельзя отличить, так как девушки носят мужские сапоги, фуражки, кафтан; женщины в тайлаганах не участвуют.

Число тайлаганов зависит, как мне кажется, от состоятельности общества; богатое общество делает много тайлаганов, до 10 и более, например, в Кудинском ведомстве, бедные общества — на острове Ольхоне — один или два, тогда как во времена Георги, когда ольхонские буряты были богаты, число тайлаганов было значительно. Одному и тому же зайну тайлаган бывает обыкновенно 1 раз в год. Во многих улусах есть свои местные боги, которым не молятся другие соседние улусы, эти божества называются бумал-бурханы, явленные бурханы, иные из этих бумал-бурханов чтятся очень многими, таков Батыкский бумал-бурхан на горе Батык (Верхоленского ведомства), где приносятся до 20 или 30 кобыл и до сотни баранов для собравшихся нескольких тысяч бурят.

Тайлаган хозяину огня Сахядай-нойону, жена Сахала-хатун, имеет некоторые особенности: вокруг очага в юрте из глины с навозом устраивают возвышение, к 4 столбам юрты привязывают березки, вокруг 4 столбов обматывают три раза от одного столба к другому веревку из белого волоса и в пространстве между столбами на веревке навешивают через равные промежутки коленкоровые ленты и по одному рисунку, изображающему человека, на цветных лоскутках — направо от очага на белом, налево на синем, к северу — на красном, к югу тоже лоскуток, у белого лоскутка с рисунком вешают маленькие модели лука и стрел, а у прочих — палочки.

Жертвоприношение (бараном или кобылой) совершается в этом случае в юрте (понятно, потому что и пребывание хозяина огня в очаге) и совершенно так же, как и в других тайлаганах, только при этом еще посвящают хозяину огня стрелу, стрела обвязывается цветными коленкоровыми лентами и шелком, и к ней привязывают три медные пуговицы, при посвящении стрелу опускают одним концом в небольшое ведро, которое привешивается затем же к переднему столбу, стрела же втыкается в стену юрты в том углу (северо-западном), где размещаются некоторые главные онгоны, — в честь хозяина огня сжигают грудину животного, после чего начинается призывание Сахядай-нойона и моление о принятии жертвы; приходящий бог произносит устами шамана: «тэнгэрин тэли хөбум, охторгон отхон хөбум», т. е. «средний сын дневного неба, младший сын ночного неба», после удаления гали-эжина является домашний бог, покровитель семейства, его часто представляют собою кто-либо из простых бурят, он бегаёт с ножом в руке между дверью и передними столбами, ударяя ножом по столбам и произносит: «Дэгурэ дибулхэбэб, догура шоргулхабэб, удэрэ урулхабэб», т. е. «если вверх подниматься — не дам, вниз сойдешь — не дам, в дверь не пушу».

После тайлагана хозяину огня до трех суток запрещается выносить из юрты огонь и молочное. Вероятно, в вышеприведенных словах подразумевается, что хозяин огня не допустит вещественный огонь покинуть юрту и лишит ее обитателей живительной силы огня, этим же объясняется и запрещение выносить из юрты огонь и молоко в течение 3-х дней.

Жертвоприношение змеиному богу или царю Алтан-толи и жене его Алташа-хатун пестрою овцою имеет неопределенный характер, то тайлагана, то кирика, последнее вероятнее; отличие его от других жертвоприношений состоит в том, что часть жертвенного мяса обвязывают цветными шелковыми шнурками в виде змеи и жгут на ширэ вместе с костями, при процессе призвания бога шаман указывает местопребывание различных степеней иерархии змеиного царства, сходной с иерархией бурятского ведомства; тайна змей живет в курумчинском роде на горе Тамири-улан, староста на горе Байтак (Верхотенского уезда), или на горе Капсале, старшина на горе Сайгут (Китойской инородной управы).

От тайлагана несколько отличается жертвоприношение, назыв. *шургэ*; подробности неизвестны.

Существует еще вид жертвоприношения, называемый «*харбаха*», его делают без участия шамана, когда приносят барана в жертву 3 писарям Эрлэн-хана.

5). *Обряд посвящения животных.*

Обряд этот очень древний. Георги в свою поездку вокруг Байкала встретил посвященного коня.

Различным богам посвящают различных животных, птиц и рыб, каждый раз делается строгий выбор относительно цвета животного и других признаков.

а). *Эргил Буга-нойон Тонхою* посвящают хорька или собственно его шкуру; приготовленную, снятую шкуру обвязывают шелковой лентой и коноплей (это называется *хушужлолхо*), богу брызгают тарасуном, а шкуру вешают в юрте или на улице.

б). *Буха-нойону* — посвящают сивого пороза¹.

в). *Ухан-Хату* — красного пороза.

г). Шаману верхотенскому *Монхор Унагаеву* — гнедого коня.

д). Шаману Идинского ведомства *Идэрхэн Алханзаеву* — гнедо-пегого коня, этому шаману делают кирик.

¹Буха-нойону ежегодно делают тайлаган 3-мя животными — 1 кобылой, бараном и козлом, — Буха-нойон считается западным хатом; головы жертвенных животных, снятых со шкурами, укрепляют так, чтобы они обращались на запад.

е). Хозяину черного коня посвящают гнедого коня, Ажира-бөхө, жена Альба-хатун; в жертву ему приносят черного коня и черного барана, при обряде жертвоприношения требуются шкуры соболя, лисицы, рыси, выдры; шкуры жертвенного животного укрепляются на березе головой на восток.

Черный ворон считается сыном, а *желтый* – дочерью Ажира-бөхө.

ж). Ардайским богам (Ардайн Аханут) посвящают первый раз трех, потом шесть и наконец, девять животных.

(Их имена: сыновей Армаевых – 10, сыновей Тальниевых – 5, они ездят на саврасых конях и имеют черные бороды; Дахта Муханов, Хэрсэ Морсанов, Арман Эрдэев, Бужухан Эрбэев, Хамаган Тэнхэев, Баго Эмечеев, Они Отгонов).

з). Сатинским богам, пребывающим в Монголии, принадлежащим к добрым западным заянам.

и). Восточным небам (богам) посвящают рыжего коня с красной короной.

к). Хозяйке ямана женщины посвящают ямануху (домашнюю козу). Эту шаманку зовут Хулаго-Хунатыева, она вышла из Монголии в Балаганск на ямане, которого привязала к золотому столбу, в Кудинске вышла замуж за шамана Хула (имя ее – ямани-эжин Хунатын басаган Хулан өтөдө). Другая большая богиня – хан-өтөдө Башкунина (Башкуни басаган хан өтөдө) – ей делают два зурака (рисунка) на белом шелке.

Посвящаемое животное сначала омывают освященной шаманом водою при посредстве багульника и богородской травы, затем совершают жертву вином тому богу, которому посвящается животное, после того избранное животное обвязывается лентами и отпускается на волю.

л). Хозяину острова Ольхона Ута-Саган-нойону, жене его Уран-Саган-хатун – посвящают голубя, которому на шею привязывают белые и синие ленты.

м). Ухан-хату посвящают рыбу *налима*, но очень редко; но в жертву рыбу часто приносят небесным онгонам (онго идэлулхэ) и Омольто-заяну. Балаганские буряты так передают случай посвящения налима: однажды некоего балаганского шамана Унхе-Хара-Загала призвали к одному больному, у которого сильно опухла нога, шаман приказал поймать ему налима, больного принесли к реке; когда налимом был пойман, то шаман, совершив жертву тарасуном в честь Ухан-хата, освятил налима и велел бросить его живого в реку, тогда нарыв на ноге прорвался и из него выскочила лягушка, ушедшая тотчас в воду, а больной выздоровел.

б). *Хурай-гаргаха* исполняется в честь великих богов: например, сатинских богов, бога острова Ольхона, Эрлэн-хана, восточных и западных неб по три раза.

а). *Хурай сатинским богам*.

Первый хурай делается на 5-ти звериных шкурах, доставляемых шаманом, это те шкуры, которые были употреблены при освящении шамана на *хурай бургахан*: 1) заяц с белыми шелковыми нитками, 2) хорек с желтыми, 3) белка с синими, 4) горностай с белыми или синими и 5) козуля с красными. Для обряда готовят *шундалга, дахта и тармур*, тарак, саламату, *бомхой*. Шкуры, 5 дахта, 5 корзин, 5 чашек, шундалга и 1 тармур кладут на чистый войлок. Тарасун при этом обряде не употребляется и даже удаляются все люди, пившие в этот день тарасун. Все приготовленные вещи освящаются. По выполнении всего необходимого, выходят из юрты на избранное место, предметы устанавливают в порядке, звериные шкуры привязывают к березам, вкопанным в землю, также укрепляют и *шундалга, дахта и тармур*, после обряда *сасали* с молоком, чаем и пр., едят тарак, саламату и уходят в юрту; в течение трех суток после хурая ничего не едят, по прошествии этого срока шкуры, тармур, шундалга и дахта снимаются с берез и отвозятся к шаману и обычная жизнь вступает в свои права.

При втором и третьем хурае увеличивается только число шкур и прочих предметов. Во время хурая посвящают сатинским богам коня.

б). *Хурай хозяину острова Ольхона Хан-Хото-бабай* совершают также на 5-ти шкурах, но употребляют также тарасун и, кроме того, три подобия орла из березовой коры с жестяными ногами и клювом, к крыльям приклеивают для большего сходства орлиные перья.

Совершив жертвоприношение тарасуном, выходят на открытый воздух, к 8 березам и 1 сосне прикрепляют шкуры, шундалга, дахта, тармур и фигуры птиц. После молитв едят приготовленную пищу, пьют вино и уходят домой, обряд совершается по три раза. Жертву хозяину острова Ольхона приносят и домашними животными, как и сатинским богам; сначала жертвуют матери его бараном, потом двух баранов закалывают в честь Шобу-нойона – жена его Шонхоши-хатун, т. е. в честь орла, сына хозяина острова Ольхон, или приносят жертву птицами: рябчиком и тетеркой, потому что эти птицы служили пищей орлу, когда он поднимался к западным небам; самому богу острова Ольхона в жертву приносят кобылу и барана.

Г а д а н и я

Стремление заглянуть в будущее так естественно в каждом человеке, что не покажется удивительным существование подобного стремления и у бурят; стремление такое находит свое удовлетворение в различного рода гаданиях.

Ворожат буряты на луке, на лопатке животных, на олове, на воде (*шабага*) и на разных мелких предметах в числе 41-го: камешках, деньгах, зернах, последнее гадание называется *былгэ*, хотя самая распространенная ворожба – так называемая *с к а п у л и м а н т и я* – ворожба при посредстве трещин на жженой лопатке.

1). Гадание при помощи лука производят двумя способами: то по характеру звука, издаваемого с большей или меньшей силой натягиваемой тетивой, причем лук приближают к самому уху, или же глядят вдоль тетивы на огонь.

2). Во время жертвоприношения водяным царям (Ухан-хату) в чашку с водой, в которую кладут конский волос, вливают расплавленное олово и по форме застывшего металла делают предсказания. Последнее гадание совершенно тождественно с святочным гаданьем у русских, хотя допустить заимствование от них нельзя, так как гадание у бурят связано с религиозными верованиями, тогда как в образованных классах подобной связи не существует.

3). Также напоминает одно из наших святочных гаданий так называемое *шабга*, производимое на вине или воде. В сосуд с водой кладут несколько кусочков растительного трута, приготовляемого из войлочной ткани нижней поверхности листьев одного сложноцветного растения из рода *Saussurea*; один кусочек трута означает хозяина, т. е. собственно лицо, для кого гадают, а остальные кусочки трута принимаются за разных шаманов; того шамана придется приглашать для призываний и брызганья тарасуном, с кусочком которого соединится хозяйский трут во время плавания по воде.

Гадание по бараньей лопатке очень часто практикуется бурятскими шаманами и состоит собственно в объяснении трещин на лопатке, обожженной на огне; объяснения даваемые по одной и той же трещине различными шаманами довольно близко сходятся; эти объяснения по собранным нами данным сводятся к немногим следующим:

1). Или трещины указывают на имена тех зайнов или онгонов или хатов, которым необходимо принести жертву, таковы: западные зайны Эрлэн-хан, хозяин черного коня, Должин, Эхэ-хан – большой царь, Ухан-хат, онгон Хохшин, небесные зайны, Идэрхэн Алхансаев, большое восточное небо, хурай этому небу, Таргайские ахануты, западный хат, хозяин о. Ольхон, Ганзушины.

2). Или они представляют собою язык того шамана, который должен приносить жертву.

3). Указывают на приближение, продолжение или окончание болезни или на смертельный ее исход.

4). Две большие продольные трещины, идущие параллельно, означают: одна – дорогу жизни, другая – дорогу мертвых; предсказание зависит от

относительной длины линий и их направлений; если длиннее дорога живых, то предсказание благоприятное, если эта трещина уклонится наружу, то человеку грозит неминуемая смерть.

5). Появление некоторых трещин означает то радость, то небесную благодать, то предстоящую дорогу, то необходимость совершить тот или другой обряд.

Вообще характер предсказаний может изменяться по требованию случая.

IV. О ШАМАНАХ

Именем шамана, по-бурятски б□□ (также и по-монгольски), в женском роде □дэг□н, называется лицо, совершающее жертвоприношения разного вида богам, призывающее богов, исполняющее необходимые обряды в жизни бурят, при рождении, смерти, в случае болезни; лицо, облеченное способностью открывать будущее при пособии богов-покровителей; он естественный посредник в сношениях богов с людьми, ходатай последних и выразитель воли богов.

Появление шаманов. Появление на земле шаманов буряты приписывают участию богов к судьбе людей. Сначала людей не было, а только существовали небесные духи — тэнгрии, главнейшие из богов; западные тэнгрии, иначе обитатели западных частей небесного пространства, боги добрые, и восточные тэнгрии — существа злые, последние существовали ранее. Западные тэнгрии создали людей, которые в первое время жили счастливо, не знали ни болезни, ни горя; но вот люди заслужили немилость злых духов, восточных тэнгриев и начали заболеть и умирать. Западные тэнгрии испугались за участь людей и начали совещаться, как помочь людям; место совещания было на плеядах (м э ш э н д э р э м э р г э н с у г л а х а), а потом на луне (х а р а д э р э х а й н с у г л а х а); в помощь людям для борьбы с злыми духами решили дать шамана и выбрали для этого *орла*. Орел был бог (сын Сам-Сагай-Саган дочери неба Сар-Саган, принадлежащего к восточным тэнгриям). Здесь есть некоторая неясность: как могли западные тэнгрии для борьбы с восточными избрать одного из среды своих врагов?

Таким образом, орел должен был сделаться шаманом. Хотя орел и помогал людям, отгоняя злых духов, но люди ему не доверяли, видели в нем простую птицу, орел к тому же не мог подавать людям советы, так как его языка люди не понимали, и говорить орел не мог. (По мнению бурят, птицы также, как и все животные, имеют свой язык, понятный только для них, только тот человек, который знает до 70 языков, может понимать язык животных). В таком затруднении орел возвратился на небо и рассказал о своей неудаче западным тэнгриям и просил: или шаманом сделать бурята же, или дать ему позволение

говорить по-человечески. Боги на это не решились и определили, чтобы орел передал свое шаманское звание первому встречному человеку. Спустившись на землю, орел заметил под деревом спящую женщину, ушедшую от своего мужа: орел вступил с ней в связь, и женщина забеременела, после этого она вернулась к мужу и стала с ним жить хорошо. Злые восточные тэнгрии, узнав об этом, чтобы повредить женщине, подослали злого духа, шулмуса, который обратился в красивую женщину и побуждал бурята прогнать первую жену, но орел явился на помощь, схватил шулмуса и бросил его за море Халхин-далай (Ветреное море), а супружеская чета зажила опять мирно; тем временем женщина родила сына (от орла), который и сделался первым шаманом — Мэргэн-Хара (у балаганских бурят) или Бохоли-Хара.

По другому варианту легенды шаманом сделалась сама женщина; при этом она стала различать и видеть злых и добрых духов.

ОДЕЖДА И ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ШАМАНА

В настоящее время костюм шамана, как повседневный, так и специальный для отправления шаманских мистерий, ничем не отличается от обыкновенного бурятского, только особенно уважаемые и пожилые шаманы одеты бывают получше, большинство же шаманов часто очень бедны.

Но от прежнего времени, на местах погребения шаманов, находятся остатки одежды и ее украшений, которые теперешним шаманам или недоступны или даже и незнакомы вовсе. Тем не менее, для полноты описания мы остановимся несколько и на тех принадлежностях шамана или его костюма, которые теперь не встречаются или употребляются не так часто, как прежде.

1) Непременной принадлежностью шаманского костюма была *шуба* или *оргой*, который теперь надевается только умершему шаману и бывает двух цветов — синего и белого, белый оргой получает белый шаман, служитель добрых богов, и синий оргой назначается черному шаману, главнейшие мистерии которого совершаются ночью перед лицом ночного неба — «*охторгон*», служителем которого считается черный шаман, причем синий оргой соответствует самому темному ночному небу*. Оргой шьется из шелковой или бумажной ткани, но по покрою ничем не отличается от обыкновенной шубы; у кудинских шаманов оргой шьют только для похорон шамана, балаганские шаманы получают оргой

*Один, немецкий Водан, считается обладателем *синего плаща* и широкополой шляпы; синий плащ Водана сравнивают с черным небом, в котором скрывается ночью солнце (Водан). См. Воеводский. Введение в мифологию Одиссеи. Т. 1, стр. 157.

и при жизни, но это право приобретает только после 5-го обряда омовения тела. Особенность оргоя составляют привешиваемые к нему металлические фигурки человека, коня, птицы и др. Кружки, изображения какого-то животного и идол в ромбической рамке, помещенные на таблице 2-й (рис. 5, 6, 7 и 8), вероятно, относятся к числу подобных привесок; в этом убедиться можно по тому, что все эти вещи, приспособленные к привешиванию, были найдены на месте, где был схоронен шаман, только идолчик в рамке найден в окрестностях Ольхонской думы просто между камнями, но разумеется, и он мог служить для той же цели.

Шапка также отличает шамана от обыкновенного бурята, ныне она бывает рысья с кисточкой из лент наверху (*зала*) или даже фуражка с козырьком, но все-таки с кисточкой. После 5-го посвящения или омовения шаман получает железную шапку и железные конные трости. Железная шапка имеет вид короны и состоит из железного обруча, к которому приделаны 2 полуобруча, на крест; на вершине одного прибита железная пластинка с отставленными двумя концами в виде 2 рогов или лучей; у мест прикрепления полуобручей к горизонтальному обручу в трех местах прикреплено по 3 холбохо (привески в виде небольших конусов), а сзади цепь из 4 звеньев, соединенных колечками, к которым прикреплены по 1 холбохо и по 2 маленькие пластинки, заменяющие холбохо; на конце цепи, кроме 2 пластинок, висит еще род ложки и шила, первая длиной в $3\frac{1}{2}$ вершка, а второе в $2\frac{1}{2}$ в. (на рис. 3 таб. III стр. 331).

Морин хорьбо. Конные трости встречаются у всех шаманов прибайкальских бурят, но их нет у балаганских. Конных тростей у шамана бывает 2 и готовятся или из дерева, или из железа. Железные трости вместе с шапкой поступают в распоряжение шамана только после 5-го омовения тела. Правая трость делается несколько длиннее левой.

Конные трости, деревянные, каждому шаману вырезаются накануне первого посвящения или теломытия из живой березы, причем стараются так вырезать бруски для тростей, чтобы не повредить ствола, так как засыхание дерева после вырезывания бруска считается дурным предзнаменованием для будущего шамана; береза для конной трости выбирается в той роще (*аяха*), в которой хоронят шаманов. Конная трость похожа на обыкновенную палку, только у ней наверху вырезана более или менее искусно лошадиная голова, на некотором расстоянии от нижнего конца — род колена, а на самом конце — подобие конского копыта; у черных шаманов, кажется, на тростях голов не вырезают. К конным тростям привязывают колокольчики, по 3 на каждую, или 4—5 на правую и 3—4 на левую; между колокольчиками один на каждой трости

побольше; по присутствию этих больших колокольчиков конные трости иногда называются *хэсэ* (бубен), в том расчете, что такая трость заменяет и бубен. Затем конные трости украшаются полыми конусами (*холбохо*), *тесемками* четырех цветов (синего, белого, желтого и красного) и звериными шкурками (горноста́я, белки, хорька). Для большего сходства с конем к тростям привешиваются маленькие стремяна (в 1 дюйм вышиною).

Железные трости ничем по своей форме от описанных деревянных не отличаются, кроме положения головы, которые у деревянной трости составляют верхнюю часть палки, а у железной они отходят в сторону под прямым углом. (см. рис. 2 таб. III на стр. 331).

Хэсэ — бубен. У кудинских шаманов *хэсэ* называется большой колокольчик, вытеснивший из употребления бубен ради большего удобства, у ольхонских шаманов бубны не были встречены мною за исключением одного случая, когда бубен оказался у одного только что посвященного шамана, ничего не знавшего и совершенно неопытного; он, повидимому, находился под руководством пожилого буряты, который и давал за него объяснения; шаман этот принадлежал к разряду *нэрьер-утха*, т. е. он сделался шаманом как бы по воле богов или самого неба, так как какой-то его родственник был убит громом; у него оказалось два бубна. Бубен имеет размеры и форму решета, только вместо волосяной сетки была натянута конская кожа, скрепленная сзади ремешками; рисунков ни снаружи, ни внутри не было, но поверхность была чем-то забрызгана белым¹.

Столь же постоянным спутником кудинского и ольхонского шамана является музыкальный инструмент *хур*, употребляемый при ворожбе и призывании духов. *Хур* делается из четырехгранного стального бруска, перегнутого пополам, причем колена к концам несколько более сближены, между обоими коленами укрепляется железная тонкая пластинка, конец которой загнут крючком под прямым углом к плоскости инструмента (см. рис. 1 таб. III на стр. 331). При употреблении свободные концы инструмента с кончиком железной пластинки, называемой *язычком* (х э л э н), кладутся в рот и зажимаются неподвижно зубами, дергая, при открытом рте, рукою за язычок, можно получить слабый дребезжащий звук. *Хур* носится на цепочке у пояса в особом футляре, отделанном серебром. Ценность украшений пояса и футляра от богатства шамана. Инструмент этот употребляется у иркутских бурят (в вост. части губернии) только шаманами; изготовляют *хур* также только кузнецы, ведущие проис-

¹ Бубен и конные трости имеют одинаковое символическое значение: они представляют коня, на котором шаман носится по земле, поднимается на небо и спускается в подземную темницу Эрлэн-хана.

хождение от небесного кузнеца. Хорошо сделанный хур при гадании говорит всегда правду, почему и обращают внимание на тщательность его приготовления. Замечательно широкое географическое распространение описанного инструмента, так, например, он встречается под именем *комуза* у сойотов (См. Мартьянов. Каталог Минусинского музея, стр. 100), у кумандинцев он называется *кобыс-тунгур* (см. Ядринцев. Об алтайцах и черневых татарах. Изв. Геогр. Общ. 1881 г., вып. 4).

В Туркестанском крае под звуки инструмента, подобного хуру и называемого *чам*, даже пляшут, хотя звуки хура весьма слабы (см. Антропологическая выставка 1879 г. Том III, ч. 2-я, описание предметов выставки, вып. 6—Отдел Этнографический, стр. 21). Несмотря на такое широкое распространение, хур не употребляется у бурят балаганских, он заменяется у последних другим инструментом струнным, подобным скрипке или балалайке, хотя называемым также хуром. Хур употребляется также якутами.

Ольхонские шаманы имели еще одну лишнюю принадлежность — это *ширэ*, что значит «престол», «жертвенник», но в данном случае так называют ящик до 1½ арш. длиною и ½ арш. высотой до крышки, имеющей вид двускатной домовой крыши. Ящик имеет длинные ножки до 1 арш. длиной, он обвешивается лентами, колокольчиками, звериными шкурками и кроме того, на одной из длинных стенок ящика нарисованы красной краской или вырезаны фигуры людей, животных и разных предметов, а именно: по краям изображены солнце (направо от зрителя) и луна, солнце имеет вид колеса, а для отличия луны в середине помещена человеческая фигура с рукой, ухватившейся за дерево; середина доски отведена для 3 человеческих фигур (одной женщины и 2 мужчин): хозяина хэсэ-Хынгер-нойона, хозяина конной трости — Хорби-нойона и жены его — Дорби-хатун; эти личности считаются заянами, богами низшего ранга, чем тэнгэрины, им брызгают вино несколько раз в год, рядом с ними нарисованы 2 колчана (*хадак*), чехол лука (*хормого*), лук и меч, а кроме того, под каждой человеческой фигурой по лошади, такой вид имело *ширэ* шамана 2-го черноруцкого рода Загалмейского улуса Баендая Башенхаева, достигшего уже почтенного 60-летнего возраста, портрет этого шамана, стоящего рядом с *ширэ*, с конными тростями и в парадном костюме прилагается к настоящей статье; *ширэ* его унаследовано им от отца. Другой экземпляр *ширэ* осмотрен в улусе Ширэтуй — 3-го черноруцкого рода у шамана Бабай Бабаева, только что посвященного в шаманы, почему все вещи у него были новенькие. Рисунки на *ширэ* такие же, как и вышеописанные, но не вырезаны, а нарисованы краской (рис. 4 и 5, таб. III на стр. 331). Говорят, что *ширэ* увеличивается в высоту после каждого нового омовения тела, возрастая на один этаж. В *ширэ* хранятся

конные трости, кнут, бубны, если существуют, шкурки животных, деревянные корытца для мяса и других жертвоприношений. Корытца, как и конные трости, готовятся накануне посвящения, причем материалом для всех 9 корытцев служит одно цельное березовое дерево, из которого и вырезают их с различной высоты от комля, вследствие чего корытцы неодинаковой ширины, а последнее, вырезаемые все ближе к вершине, становятся все уже и уже.

Георги¹ к принадлежностям шамана причисляет листовичный сучок, на котором оставляется зеленая веточка и к нему укрепляется в виде флага лоскуток материи; сучок заменяет собою конную трость шамана во время путешествия; в 1877 году в Аларской думе мне пришлось видеть отнятую от шамана березку, обвешанную лентами и шкурками; эта березка заменяла листовичную ветвь, и принадлежала шаману, явившемуся для своего служения в улусы Аларского ведомства, официально признающего буддизм, почему там шаманы и преследуются ламами и думскими властями.

Нил, архиепископ ярославский, в числе шаманских принадлежностей в своей книге «Буддизм, рассматрив. в отношении к последователям его, обитающим в Сибири», называет (стр. 356, прим. 126) два предмета: «*абагалдей и толи*: абагалдей есть чудовищная личина из кожи, дерева или металла; ее расписывают и привешивают к ней огромную бороду и тому подобные орнаменты; толи — металлическое зеркало с изображением 12 знаков додекады»²; толи носят на шее или на груди, или их нашивают на шаманский плащ³. При моих поездках мне не удалось видеть у шаманов толи; можно с уверенностью сказать, что они у бурят составляют теперь большую редкость и встречаются только на местах, где были похоронены прежние шаманы.

Посвящение шамана

Шаманом может сделаться всякий бурят. Обыкновенно же шаманом делается лицо, у которого между предками по отцовской или материнской стороне кто-либо был уже шаманом, такие люди считаются шаманского рода, шаманского происхождения. Таких между бурятами много. Но и всякий другой не лишен еще возможности быть шаманом. Бывают два вида шаманов, которые таковыми делаются случайно, а по убеждениям бурят, волею богов: это так называемые *нэрьер-утхатай* и *будал-утхатай*. *Нэрьер-утха* называется тот,

¹ Merkwürdigkeiten versch. unbek. Völker d. Rus. Reichs, стр. 177 (см. рис. таб. II на стр. 331).

² Знаки додекады: тигр, заяц, дракон, змея, конь, овца, дикий человек, петух, собака, свинья, мышь, корова.

³ Потанин. Очерки Сев.-Зап. Монголии, т. II, стр. 82, 83.

у которого кто-либо из близких был убит громом; убитый человек считается избранником богов, признается шаманом и хоронится как настоящий шаман, его не сжигают, а кладут на аранга. Потомок такого убитого громом приобретает через то шаманское происхождение и может быть шаманом.

Через посредство *бумал-шулунов*, упавших с неба камней, можно сделаться шаманом. Так, рассказывают, что один бурят выпил тарасун, в котором обмывали бумал-шулун. В тарасуне, несомненно, таилась особая сила, отделявшаяся в виде синего пламени. Выпивший этого тарасуна сделался впоследствии шаманом, такие шаманы называются — *будал-утхатай*.

В этих случаях шаманами делаются часто уже пожилые люди, так как между ними бывают и люди малоспособные, с слабой памятью, которым нелегко запоминать молитвы, обряды и призывания, то почти всегда из них выходят плохие, малоопытные шаманы; одного нэрьер-утха мне пришлось видеть в улусе Ольхонского ведомства: он не знал даже имен тех богов, которые были нарисованы на его собственном ширэ.

К таким шаманам приглашаются для их обучения старики, знакомые с обрядами; у виденного мною шамана был такой учитель, о котором шла слава по всему ведомству, что он всякие молитвы и предания знает лучше шаманов.

Но при обыкновенных условиях к шаманскому званию избираются с очень ранних лет; верующие буряты утверждают, что к этому их назначают или их покойные предки шаманы, или даже сами боги. Покойные предки избирают из своей семьи мальчика и передают ему свое знание. Такой избранник отличается внешними признаками: он часто бывает задумчив, уединяется, видит вещие сны, иногда подвергается припадкам, во время которых находится в бесчувственном состоянии; так продолжается до 20-летнего возраста. В это время душа ребенка отсутствует, она находится в обучении у западных или восточных тэнгриев, в их дворцах, под руководством прежних шаманов, там-то душа будущего шамана узнает имена богов, их местопребывание, обряды для их чествования и имена подчиненных духов этим великим богам. Душа готовящегося сделаться черным шаманом обучается у Эрлэн-хана в *Альбани-суглан*. При окончании обучения душа подвергается испытанию и только по удовлетворительном окончании его получает право возвратиться к телу будущего шамана (она получает указ и шпагу; один балаганский шаман говорил, что кроме испытания, душа дает клятву сделаться шаманом и целует какой-то черный камень (?)).

С годами у молодого человека начинает развиваться особое настроение, он часто приходит в экстаз, видит будто бы духов, сны случаются чаще, чаще становятся обмороки. Тогда юноша отправляется странствовать по улусам,

где совершаются разные обряды; участвует в них, пытается шаманить, предсказывает будущее; объявляет, что был в стране мертвых, что ему приказано сделаться шаманом; он призывает как небесных зайнов (тэнгэри-онгон), так и своих предков.

Затем молодой человек удаляется в лес, на гору, и там начинает у разведенного костра шаманить, призывать богов громким неестественным голосом и нередко падает в обморок; когда он находится в этом состоянии, то кто-нибудь его сопровождает издали, чтобы не причинил себе вреда.

Такое уединение отчасти полезно, потому что неофит здесь упражняется в телодвижениях, интонации голоса, мимике лица, чтобы начать свою будущую карьеру вполне подготовленным, искусным, ловким и находчивым; такой же подготовкой служат и посвящения обрядов, но там он больше зритель, чем действующее лицо, а в уединении он упражняет свои силы, чтобы во всеоружии явиться перед верующими бурятами. Пока упражняется неофит, родители или родственники приглашают искусного шамана, призывают богов, приносят жертвы, чтобы боги помогли их родственнику счастливо пройти искус и сделаться шаманом; если родители или родственники бедны, то помогает целое общество в приобретении животных и других предметов для исполнения необходимых обрядов. Подготовительный период продолжается несколько лет, года три, четыре, смотря по развитию и способностям молодого человека.

Говорят, что шаманами иные делались прежде лет с 10, но ныне редко раньше 20, но бывают и 50-летние старики молодыми шаманами. Прежде готовящийся в шаманы (*дулашный*, от *дулаху* — «петь») не исполнял никаких обрядов, не шаманил, не будучи посвящен, но ныне это не строго соблюдается.

Подготавливающийся обязан строго блюсти себя, не прикасаться к нечистым людям, нечистым животным (свиньям), нечистым предметам. В противном случае провинившийся строго наказывается, он сильно заболевает и помирает, если не будет спасен заступничеством другого шамана.

Смотря по тому, каким богам служит шаман, добрым или злым, шаманы делятся на два класса: белых и черных шаманов.

Белый шаман — *сагани-б*□, служащий добрым богам (западным тэнгриям, западным хатам, сатинским богам), никогда не делающим людям зла, сам является добрым ходатаем за людей и совершает обряды и призывания только покровительствующим людям божествам, дающим добро и счастье людям, а потому такие шаманы уважаются народом. В Балаганском ведомстве во 2-м олзоевом роде был знаменитый белый шаман *Барлак* (Хогнуев); он носил белую шелковую одежду и имел белого коня, на месте его сожжения и теперь

еще сохранились железные вещи на деревьях горы «Сур» и родные шамана, его потомки, и теперь еще приносят ему жертвы.

В Кудинском ведомстве был свой белый шаман, столь же известный, как и Барлак, его звали Маланак Хабалзаев из 2-го бабаева рода (Худан-Голи-эхэ саган-бө Хабалзан-хөбун Маланак), он сожжен на горе Мухур-Булак, 2. Боб. р.

Черный шаман – *харайн-б*, как служитель злых духов, причиняет людям только зло, болезнь и смерть; некоторые из них, уверяют буряты и, конечно, сами шаманы, могут убивать людей, съедая их души или отдавая злым духам; но главная сила в тех богах, которые им покровительствуют; когда шаман захочет так убить человека, то он приготовляет трость, одну половину которой чернит углем, левую половину своего лица также чернит углем, котел в юрте поворачивает вверх дном, и когда наступит ночь, то призывает злых богов, наносящих вред тому лицу, которое называет шаман, черные же шаманы делают зя.

Жертвы приносятся черными шаманами только злым богам: восточным тэнгриям, восточным хатам, хозяину о. Ольхона, Эрлэн-хану, хозяину черного коня.

Из числа черных шаманов известны обосойские и торсойские шаманы (Идинского ведомства).

Но у кудинских бурят, кроме белых и черных шаманов, существуют такие шаманы, которые служат и добру и злу, западным и восточным тэнгриям и подчиненным им богам.

Всякий приготовляющийся к шаманской профессии обязан подвергнуться обряду посвящения или теломытия; посвящений бывает у кудинских бурят три, у балаганских – шесть.

Но иногда посвящений не делается из опасения смерти, так как к посвященному шаману боги, которым он служит, гораздо требовательнее и наказывает смертью за каждую важную ошибку, поэтому черные шаманы обосойские и торсойские и некоторые балаганские не подвергаются обряду посвящения.

Посвящение шамана в тех местностях, где оно обязательно, просветляет разум шамана, открывает ему тайны загробной жизни и жизни духов; он приобретает познание богов, их местопребывание, подчиненных им, через кого и как к ним должно обращаться.

Обряду первого посвящения предшествует так называемое *водяное очищение*; для того выбирают опытного шамана, который служит руководителем при выполнении обряда и называется поэтому *отцом-шаманом*; выбирают также 9 молодых людей, помощников шамана, называемых *сыновьями шамана*.

Вода для омовения должна быть ключевая, в некоторых местах ее берут из трех ключей; за водой отправляются утром в день обряда; с собою берут тарасун, который приносят в жертву хозяину ключа *Баракши-нойону*, жене его *Хэрмэши-хатун*; богу достаются, разумеется, капли, а весь запас выпивают приехавшие за водой; хозяина ключа называют иногда иначе, а потому предполагаю, что таких эжинов, хозяев, много, если, не столько, сколько известных ключей, то, по крайней мере, по одному для нескольких ключей или по одному для каждого улуса или рода.

После жертвы тарасуном, когда весь тарасун выльют, наполняют взятые из дому сосуды водою и возвращаются в улус, по дороге в лесу вырывают с корнями молодые березовые вышедшие из семян (*хухурхун*) побеги, связывают в веники и отвозят в юрту посвящаемого.

Привезенную воду нагревают в котле на очаге, для ускорения нагревания бросают в котел накалинные камни. В воду бросают верес, богородскую траву и пихтовую кору для очищения. Заранее приготавливают козла. У козла срезавают немного шерсти с ушей, по кусочку от копыта с каждой ноги и от рогов; все бросают в воду. Затем козла колют, ударя ножом в сердце, капли крови стекают в котел и вода делается пригодною для обряда. Козла отдают женщинам, которые его варят и едят.

Отец-шаман сначала гадает на лопатке барана, потом призывает богов покровителей вновь посвящаемого шамана, т. е. его предков шаманов, и жертвует вино и тарасун, потом связки березовых побегов (*хухурхун*) погружает в освященную воду и бьет по обнаженной спине посвященного, то же делают и 9 сыновей шамана; при этом приговаривают:

«Когда бедный человек будет звать тебя, то иди к нему пешком, не требуй от него много за труды, и берите, что дадут».

«Всегда должен заботиться о бедных, помогать им и умаливать богов о заступничестве от злых духов и их власти».

«Если позовет тебя богатый человек, то поезжай к нему на быке, и не требуй много за труд».

«Если позовут вместе богатый и бедный, то иди сперва к бедному, а потом к богатому».

Посвящаемый обязывается исполнять предписание. Затем посвящаемый повторяет за шаманом слова молитвы. По окончании омовения опять брызгают тарасун богам-покровителям, и обряд заканчивается.

Более обыкновенно, должно быть, обряд водяного посвящения совершается без крови козла, так как кровавое посвящение и составляет главную сущность первого посвящения, описание которого ниже следует.

По бурятской обрядности для освящения воды достаточно одних священных трав, без крови.

Вместо березовых побегов употребляют пучки соломы.

Обряд водяного очищения совершается каждым шаманом ежегодно или даже ежемесячно в новолуние; кроме того, он совершается всякий раз, как шаман чувствует себя оскверненным чем-либо, например, прикосновением к нечистым предметам; водяное очищение заменяется очищением кровавым, если осквернение очень важно; а также по случаю смерти чьей-либо в улусе, где живет шаман, в этом последнем случае обряд совершается на четвертый день, первые три дня шаман проводит в покое.

Несколько времени спустя после описанного обряда очищения совершается первое посвящение, *хэрэгэ-хулхэ*; посвящаемому выгодно, чтобы скорее наступил момент, когда он воспользуется всеми или большей частью прав шамана; число посвящений различно, от трех до 9, но только богатые общества делают своему шаману второе и третье посвящение, чаще же обходятся одним; обыкновенно участие общества, в лице отдельных членов его, очень значительно, почти все нужное для обряда — животные, вино, тарасун, деньги, — в большей части получается из сборов от частных лиц, по-видимому, в виде добровольных жертв в таком размере, какой желателен каждому жертвователю; бывает ли складчина, устраиваемая заранее, неизвестно, вероятнее первый способ; я лично видел, как приезжие давали деньги самому посвящаемому в самый день обряда, и деньги эти передавались будущим шаманом своей жене; таким образом было собрано более 20 рублей, но шаман не пользовался уважением. Размер пожертвований находится в прямой зависимости от степени опытности, а следовательно, и от известности шамана.

Незадолго до срока выбирают *отца шамана* и 9 сыновей, которые требуются обрядом в воспоминание 9 сыновей неба (тэнгэрин 9 хобун) или 9 сыновей западного хата (хахи 9 хобуд); те же 9 сыновей выбирают при совершении *хурая* небу в случае поражения громом кого-либо. Роль сыновей — помогать при обряде, так как при многочисленности собравшегося народа и большом числе жертвенных животных помощь этих 9 лиц весьма полезна, то это обыкновение и удержалось.

Посвящаемый в сопровождении шамана и 9 сыновей (последние у балаганских бурят имеют в руках березовые ветки с звериными шкурами), или только 9 сыновей или даже с одним из стариков своего улуса верхами отправляется по знакомым для сбора пожертвований, перед каждой юртой приезжие кричат призывания, их угощают молоком или курунгой, а жертвуемые платки и ленты привешивают к березе в руках молодого шамана; дают также деньги.

Нужные для обряда вещи отбираются, а остальное идет в пользу шамана или раздаривается участникам в торжестве.

Посылают также купить 9 деревянных чашек, колокольчики к конным тростям и другим предметам, шелк, вино и проч.

Накануне торжества посылают в лес срубить нужное количество толстых берез; рубят молодые люди под руководством старика; тут же выбирают прямую здоровую березу и изнутри ствола вырезают осторожно два бруска для приготовления конных тростей (*морин-хорьбо*).

Срубают еще одну сосну, ее называют *сэргэ*, для столба, к которому будут привязывать коней покровители шамана, его умершие родственники шаманы; также называются (*сэргэ*) те березы, на которые будет влезать шаман.

Березы и сосну всегда рубят в погребальной роще своего улуса, называемой «аха», («аяха»), по-русски *шаманкой*, так как она служит местом сожжения шаманов и погребения других лиц. В Кудинском ведомстве, в шаманке Булусинского улуса, мы нашли много могил, кроме следов сожжения и погребения шаманов.

Как добывание воды из ключей для очищения сопровождается молитвой и брызганием вина эжину ключа, так и добывание берез не обходится без жертвы: с собой привозят 9 котлов тарасуна и одного барана, то и другое предназначается в жертву эжину рощи, существующему у каждой аяха; мясо и вино в полном количестве истребляется приносителями, по обыкновению, и богу оставляют молитву и кое-какие крошки.

Потом привозят ключевую воду, хухурхун и 9 камней, поступая так, как выше описано при обряде очищения.

В это же время готовят конные трости, хур, ширэ, плеть, 9 корытцев разной величины, у балаганских бурят отец-шаман, 9 сыновей и посвящаемый держат 9-дневный пост, употребляют только муку, вареную в воде, вино и чай; все 9 дней живут в особом шалаше, вокруг которого 3 раза обтянуты «зэли» — веревки из волоса, на которых привешены маленькие деревянные колотушки и холбого, вроде ложки из дерева, также звериные шкуры и цветные нитки.

Накануне отец-шаман и другие приезжие шаманы шаманят и призывают богов-покровителей. Утром в день самого обряда устанавливают в надлежащих местах сосну и привезенные березы, смотря по их назначению.

Прежде всего устанавливают в юрте большую толстую березу с корнями таким образом, что корни зарывают в правом юго-западном углу на том пространстве, где вокруг очага оставляется земляной пол, а верхушку просовывают наружу через дымовое отверстие □рх□ — эта береза символически изображает бога двери (*Удэши-бурхан*), открывающего шаману доступ на небо и к разным

богам; береза оставляется и после совершения обряда посвящения не рубится, по этой березе легко узнать в улусе юрту шамана. Иногда почему-то некоторые шаманы не имеют этой березы. При посвящении остальные привезенные березы расставляются перед юртой в некотором от нее расстоянии в том месте, где будет совершаться обряд; расставляют в таком порядке, начиная с востока:

1). *Тургэ* — береза, за которой потом на войлоке раскладывают тарасун, тарак, жидо и пр.; к ней привязывают цветные тесемки: красные и желтые — у черного шамана, белые и синие — у белого шамана, и всех четырех цветов, если шаман вместе и черный и белый.

2). *Азарга-сэргэ* — береза вырываемая с корнями, к ней привязывают большой колокольчик (*хэсэ?*) и жертвенного коня.

(Азарга — «жеребец», сэргэ — «столб»).

3). *Эхэ-шара-модон* — береза с корнями, достаточно толстая, чтобы выдержать человека, так как на нее влезает шаман во время обряда.

Три березы, выкапываемые с корнями (впрочем, в иных улусах их просто срубают (*Удэши-бурхан*, *Азарга-сэргэ* и *Эхэ-шара-модон* называются общим именем *сэргэ* — «столбы»), также, как и сосна, из которой приготавливают столб — *сэргэ*, к которому шаман будет привязывать коня.

4). *Хурай-бургахан* («сухие березы»!!!) — березы, числом 9, врытые группами по три; их обвязывают белой волосяной (из конского волоса) бечевкой (*шундалга*) и к той же прикрепляют ленты, белую, синюю, красную и желтую, потом опять белую, синюю и т. д., волосяная веревка с лентами несколько раз обводится вокруг хурай-бургахан, на них же навешивают 9 звериных шкурок и дакта (по-русски *сколотень*, т. е. туес из бересты), в него накладывают тарак.

5). *Адухани-сэргэ* («столбы для животных») — их 9 и к ним привязывают или держат только подле них 9 жертвенных баранов. Вместо 9 баранов бывает, справа начиная, баран, кобыла, 6 баранов, козел, баран; последнего барана закалывают в честь *Нагурдай*.

6). Тут же приготовлены и в порядке разложены толстые березы, к которым потом привяжут в соломе кости жертвенных животных.

Это так называемые — *гур-баргахан*; их потом устанавливают в промежутке между *адухани-сэргэ*; на посвящении в Курумчинском улусе Кудинского ведомства, которое я видел, эти березы были, но в тех случаях, когда кости сжигают на 9 жертвенниках или кострах, гур-баргахан являются уже лишними.

От Удэши-бурхан — березы, установленной в юрте, — протягивают тесьмы красную и синюю к Азарга-сэргэ, потом к Эхэ-шара-модон и так до последней березы — это *дугу* — мостик, изображающий символически путь шамана к

тэнгриам. Двухцветные ленты *дугу* отсутствуют, если от юрты шамана к *тургэ* проложена дорожка из кусков дерна; значение дорожки такое же символическое. Сзади, т. е. на севере от ряда берез, против хурай и адухани-сэргэ расставляют 9 больших котлов, по числу жертвенных животных для варения мяса; их наполняют водою и припасают дрова.

Посвящаемый шаман и участники обряда принаряжаются, надевают новые рубашки, если такие может подарить посвящаемый отцу-шаману, сыновьям, тому, кто делал конные трости, кто будет держать хэсэ и хур. Дети шамана привязывают к воротам рубах синие ленты, а посвящаемый заплетает на затылке косу и привязывает цветные тесемки.

Прежде посвящения шамана совершают освящение его орудий: конных тростей, хэсэ, хура и пр. Освящение конных тростей называется *амилха* — «дать жизнь», превратить их в живых коней, которые будут служить шаману средством сообщения с духовным невидимым миром. При освящении конных тростей колят барана и брызгают тарасун хозяину конной трости — *Хорьбоши-нойону*, жене его *Дорьбоши-хатун*; нижние концы трости смазывают иногда кровью барана; также освящают хэсэ, призывая хозяина хэсэ *Хэнгэр-Саган-нойона*, и хур, призывая хозяина хура *Хурши-нойона* и то западное небо, которое считается создателем кузнечного ремесла, одному из 55 западных тэнгриев, создавшему 99 кузнецов (баруни 55 тэнгэрин 99 дархад), западных белых кузнецов, потом ставят на очаг котел с молоком для добывания тарасуна, положив хур в кувшин, в котором сгущается перегоняемый тарасун (кувшин называется *танха*), падающий на лежащий в кувшине хур, нужно, чтобы тарасун капал прямо на язычок хура, только при этом условии инструмент будет безошибочно предсказывать и всегда будет услышен богами.

Вслед за сим готовят 9 жидо, т. е. березовых палочек, в верхний надколотый конец которых втыкают по кусочку пихтовой коры, нижний конец заостряют, посередине, подле оставленной веточки с листьями, привязывают тесемку, шелковую или нитяную, ее называют *х□л* (нога).

Посуда, нужная для обряда, обмывается в освященной воде (вода с богородской травой) и затем освящается; при обряде употребляется 9 дахта, 9 корытцев из одной березы, 9 чашек; их ставят на чистый войлок налево от входа и очага; кроме посуды, на нем лежат и 9 звериных шкур, которые развешат после на хурай-бургахан.

С утра в юрте собравшиеся шаманы все время шаманят, призывая богов и брызгая тарасун, большая часть которого выпивается присутствующими. Первому брызгают хозяину хорька Эргил-буга-нойон-Тонхой, который первый

сделал обряд своего посвящения и посвящал других шаманов; во время призывания шаман упоминает: «Ты 90 шаманов сделал шаманами, 90 шаманок сделал шаманками, 90 хэсэ (бубнов) держал за *тайбор*, надел на себя 90 оргоев». Потом льют вино в честь западного хата и 9 сыновей его; последним шаман говорит: «Вы спустились на землю и сделались царями 9 стран и покровителями бурят, имеете серебряные пояса и сабли из чистого серебра». Остальным божествам жертвуют вино в таком порядке: предкам шамана, местным богам, покровительствующим новому шаману, далее — всем известным умершим шаманам своего и других ведомств, каждому отдельно; большим богам — *Паланта-бурхад*, и другим могущественным богам; чтобы дело шло скорее, несколько шаманов разделяют между собой труд и брызгают одновременно разным богам.

За обрядом возлияния вина старик-шаман призывает богов-покровителей, а молодой повторяет за ним слова молитвы. Иногда посвящаемый держит шпагу, которую он получает от неба вместе с указом об утверждении шаманом. В это же время посвящаемый иногда вылезает из юрты по березе — *Удэши-бурхан* и на самом верху, уже на крыше юрты, громко призывает зайнов.

Теперь приближается время выходить на улицу: войлок четыре сына шамана поднимают за углы, вещи снимаются, при этом поют: хэ жи байхан хэрэк мана хэбэрэ бөтөхө, Хэлгэн саган заян мана элгэдэ тэхэрхэ, и кричат протяжно: хө-у-а; зажигают 9 жидо, 1 дают отцу-шаману, а 8 молодому (а т х а р-д у р э н ж и д о, а р а р д у р э н з а л а); у дверей юрты на улице раскладывают огонь и бросают в него богородскую траву, чтобы при выходе из юрты очистить все предметы, переноса через огонь.

Во время пребывания в юрте все люди и предметы также очишались: в жаровню или ковшик клали горящие угли и сыпали богородскую траву; этим курением три раза окуривали над головами всех присутствующих с криком: *шик, шик, шик, ширьк...*

При выходе на улицу соблюдается такой порядок: впереди идет отец-шаман, за ним молодой шаман и 9 сыновей, потом родня и гости; все идут по описанным уже кочкам к тому месту, где расставлены березы. Несколько сзади берез Азарга-сэргэ, к С., втыкают в землю «тургэ», т. е. березовую ветвь с листьями, позади кладут войлок и на нем посуду для мяса, сосуды с тараком и тарасуном, а шкурки, шундалга и дахта развешивают по березам, как описано, участвующие, шаманы и 9 сыновей рассаживаются полукругом около тургэ, а остальные около своих котлов. К востоку, за последней березой, раскладывают костер и на нем подогревают ключевую воду, в которую бросают накалинные камни и

богородскую траву. Приводят козленка, от рогов и копыт отрезают по кусочку, и вместе с пучком шерсти от ушей и тела бросают в ту же воду. Козленка ударяют затем ножом в сердце и капающей кровью посвящаемый, сидящий без рубашки, быстро смазывает голову, глаза и уши, в то время какой-либо шаман играет на хуре, а 9 сыновей обмачивают хахурхан в горячую ключевую воду и бьют посвящаемого по голой спине, громко шаманят и задают те же вопросы, как при очистительном омовении. Вода, употреблявшаяся для обряда, выливается на крышу юрты, а не на землю, козленка же отдают женщинам.

Этим обрядом освящения кровью и кончается собственно существенная часть посвящения, далее все исполняется почти так, как при тайлаганах: совершают обряд *сасали барьха*, т. е. три раза жертвуют богам вино, тарак, чай и потом бросают чашки; если чашка упадет дном вниз, то это предвещает добро шаману. При поднимании с земли чашек 9 сыновей вырывают пучки травы и втыкают себе за пояс.

Наконец, колят 9 жертвенных животных, как всегда и, кроме того, много других животных, иногда до 60, смотря по числу собравшегося народа и привезенных баранов; летом 1881 года было посвящение одного капсальского шамана, при котором закололи именно около 60 баранов и несколько кобыл, как мне рассказывали в Кудинской думе. Перед заклинанием каждому животному дают попробовать курунги или тарасуну.

Тем временем шаманы шаманят: вновь посвященный шаман также имеет право призывать богов и шаманит как настоящий шаман; шаманит он, имея в руках конные трости или его держат на войлоке, потом он бежит к Эхэ-шара-модон, и, залезши на самый верх, призывает богов: сперва холонгон-эжина (хозяина хорька) (Эргил-буга-нойон-Тонхя), потом своих умерших родственников-шаманов; сверху шаман иногда велит брызгать тарасун кому-нибудь и это исполняется собравшимися шаманами; пока шаман находится на дереве, сыновья внизу держат войлок, чтобы в случае падения шаман не ушибся, слезает с березы шаман вниз головой, если он молод, или просто.

У балаганских бурят шамана сперва носят на войлоке вокруг берез по солнцу 9 раз, после чего шаман залезает на первую березу справа, потом на 8 остальных берез, на каждой делая 9 кругов, подымаясь все выше и выше; на самом верху он шаманит вместе с отцом-шаманом, стоящим внизу и также делающим круги около берез, все это время 9 сыновей держат войлок.

За молодым шаманом забираются на дерево другие шаманы и даже готовые к шаманству.

Когда мясо животных сварилось, а каждое животное варится в отдельном котле, после того, как с него снимут шкуру, то мягкое мясо отделяют и кладут в корытца для каждого животного отдельно и относят на тургэ; это мясо называется *даланга*; мясо, остающееся на костях, также тщательно срезается и собирается, его называют *шуладхан*; и оно кладется на тургэ. Очищенные кости от каждого из 9 животных отдельно собираются, обертываются в солому и привязываются к 9 березам — *гур-бургахан*, после чего эти березы уже втыкаются в землю, так как до этого они лежали подле вырытых для них ям; березы с костями, гур-бургахан, чередуются с теми, у которых стояли жертвенные животные.

Теперь шаман и 9 сыновей кладут в суповую ложку мясо, зачерпывают бульона и отходят к очагам, где варилось мясо, здесь после краткой молитвы к хозяину огня, которого называют *сыном неба Тэли*, мясо и бульон выбрасывают на огонь в жертву Сагадай-нойону.

Затем шаман, 9 сыновей и прочие шаманы становятся в ряд, имея в руках чашки с бульоном, а в другой по кусочку мяса, и умоляют богов принять жертву от нового шамана, мясо и бульон или подбрасывают вверх или выливают и бросают в огонь, после этого шаман попробует немного мяса от всех животных и тем разрешает приступить к пище; съедают только мясо от костей — *шуладхан*. Мягкое мясо, *даланга*, разделяют по семьям и после молитвы съедают; тарасун пьют постоянно. Этим обряд оканчивается, шаман и 9 сыновей уходят в юрту, а собравшийся народ предается играм. Вечерние игры, вечерки, имеют религиозный характер, на них призываются разные онгоны молодым шаманом или другим более опытным шаманом. Вечерки делаются три вечера подряд и продолжаются до утра. На следующее утро делают жертвоприношение бараном *Д□б□дою*, небесному божеству, исполняющему обязанность кучера у Эсэгэ-Малан-тэнгэри. Шкуру животного снимают и вешают на березу *зухэли* позади тургэ; в ноздри втыкают березовые веточки, а на голове укрепляют жидо; справа от *зухэли* устанавливается березка, обвешенная лентами. Кости барана, по снятии мяса, сжигаются на костре, назыв. *ширэ* или *мухур-ширэ* (у балаганских). По совершении жертвоприношения шаман призывает зайца, заяц является и устами шамана объявляет об этом, рассказывает свое происхождение и уходит, после чего едят мясо, кусочки мяса бросают в огонь.

Второго барана колят в честь 9 сыновей Буха-нойона — *западного хата*: 1) хозяину усть (?) Ангары Буга-Саган-нойону, 2) хозяину Мөхөна (в Тунке) Мөнгөтө-Зарину и др.

В тот же день, или несколько времени спустя, посвящают 2-х или 3-летнего сивого бычка (пороза) *западному хату* (Буха-нойону), сначала брызгают

тарасун западному хату, затем обмывают освященного водой бычка, украшают его лентами, на шею привязывают маленькое ярмо, льют на него немного тарасуну и после краткой молитвы отпускают на волю, а шаманы брызгают тарасун разным богам, упрашивая их покровительствовать избранному ими новому шаману. Через три дня отца-шамана с почетом отправляют домой, вознаградив его, смотря по состоянию молодого шамана: новой рубахой, шубой, конем, баранами или деньгами; шамана сопровождает вновь посвященный или другие лица и по приезде в улус отца-шамана угощают стариков тарасуном, жертвенным мясом и раздают подарки (ленты).

На 9-й день снимаются с берез ленты, звериные шкурки, колокольчики и укладывают все в ящик шамана — его *ширэ*.

Число описанных посвящений бывает различное, от 1 до 9. 9 посвящений делается у кудинских бурят очень редко ныне, чаще бывает три или два и обыкновенно одно. Если посвящений три, то при первом в жертву приносятся 9 животных, а шаман получает конные трости, хур, хэсэ; при втором — животных 18, а шаману привязывают новых 9 колокольчиков к конным тростям, 5 на правую, 4 на левую, при третьем посвящении — животных 27 и привязывают еще 9 колокольчиков, так что после третьего посвящения должно быть всего 27 колокольчиков на обеих тростях; вместо 9 колокольчиков привязывают по 3 или даже по 1 на каждую трость. В случае 9 посвящений — на 1-м, 4-м, и 7-м посвящении колется по 9 животных, на 2, 5 и 8-м по 18; на 3, 6, 9 посвящении по 27; а на всех 9 не менее 162 голов. После каждого посвящения к каждой конной трости привешивают по одному колокольчику. У балаганских бурят число посвящений обыкновенно 6, но прежде делали и 9. К числу 9 посвящений относится и очистительное омовение, распадающееся на три обряда: 1) водяное посвящение — *ухан-убалга*; 2) сухое — *хурай-убалга* и 3) третье сопровождается принесением в жертву животных. Четвертое посвящение — *кровавое* — *шухан-убалга*; это посвящение разрешает шаману употребление деревянных *морин-хорьбо*, конных тростей. У кудинских бурят первые четыре посвящения соединяются в два: предварительный очистительный обряд и первое посвящение; у балаганских бурят *кровавое* посвящение отличается тем, что тут шаман пьет кровь, тогда как у кудинцев кровью смазываются глаза, уши и голова. Пятое посвящение самое важное: шаман получает шаманскую шубу — оргой, железные конные трости, железную шапку и 3 хэсэ — бубна. На остальных посвящениях получает другие 6 хэсэ. В настоящее время, однако, у шаманов балаганских не бывает всех 9 хэсэ и даже 3 редко, тогда как в Идинском ведомстве такие шаманы не редкость.

Похороны шамана (□нд□рл□х□) и похоронные обряды бурят вообще

Шаман, как и простой бурят, подвергается болезни и смерти; больной шаман, как и простой бурят, в случае болезни прибегает к заступничеству богов, призывает шамана, брызгает разным богам тарасун, и проч.; но если замечает, что эти обычные средства не помогают, то начинает предсказывать свою смерть и последующую судьбу: когда и от какой болезни и за что помрет, где будет иметь по смерти местопребывание; объявляет, что он сделается также богом. Провинившийся чем-нибудь перед богами шаман, однако, не всегда успевает избавиться от возмездия и попадает после смерти в темницу *Эрлэн-Тама* под власть *Эрю-Хара-нойона*, где и томится в тяжелых цепях. Более простоватый или очень больной шаман только указывает, какого коня ему приготовить, где совершить похоронный обряд, и после смерти, уже устами другого шамана, передает о себе дальнейшие подробности. После смерти шамана тело его старики и одноулусники обмывают только водой, освященной вересом и богородской травой, а потом одевают – вниз халат, а сверху шубу, то и другое иногда из шелка, поверх шубы одевают еще *оргой*, род халата или савана, чаще всего *оргой* делают из *синего шелка*, обязательного для *черного шамана*, служителя злых восточных неб; белому шаману *оргой* должен делаться из белого коленкора, заменяемого порой белым шелком; *оргой* подпоясывают красным шелковым поясом; шитье *оргой*, как священной одежды, поручается всем мужчинам улуса, женщины же не допускаются. Одетого шамана или кладут на стол, а рядом все знаки его власти: конные трости, бубен, плетъ и пр., в ногах и по сторонам головы ставят три свечи, или же шамана сажают с поджатыми ногами и перед ним 1 свечу; в таком виде покойник остается трое суток. Все это время выбранные 9 молодых бурят старше 25 лет, опытные и знакомые с обрядом, так называемые 9 *сыновей* шамана, поют похоронную песнь, описывая жизнь покойного и восхваляя его; в этих песнях импровизация играет видную роль и предоставляется на волю запевалы.

К похоронам шамана съезжается много народу, шаманов и все *нажи* его, так сказать, его духовные дети, у которых он приносил жертвы, брызгал вино, защищал детей от влияния злых духов, давая им так называемые *хахюхан*, т. е. колокольчики, холбого, шкурки животных, которые были привязаны к конным тростям шамана; теперь, со смертью шамана, вещи эти ему возвращаются и привязываются к конным тростям; эти же *нажи* привозят баранов, тарасун, вино и деньги, из которых покрывают расходы по похоронам; недостаток покрывается сбором с общества.

Съехавшиеся шаманы призывают богов и, имея в руках конные трости покойного, объявляют его волю о месте погребения и называют того коня, который должен быть приготовлен для шамана. Трое суток, пока умерший в улусе, его окуривают дымом багульника, богородской травы и пихтовой коры, а старики улуса по очереди звонят в колокольчики с конных тростей и бьют в бубен. К концу третьих суток заготавливают тарасун, колят баранов, мясо их варят и потом складывают в мешки и отвозят на место сожжения шамана, назыв. *х¹нг¹лх¹*.

Коня, на котором повезут покойника, по возможности украшают, узда и седло нередко бывают высеребрены, на шею привешивают колокольчик и всего коня покрывают четырехугольным куском ткани, называемым *оргой* и шитым теми же стариками, которые шили оргой шамана; оргой покрывает почти все тело коня, к концам его пришиты колокольчики, у черных шаманов он также шит из синего шелка, а у белых из белого коленкора.

Когда истекут трое суток, то шамана выносят из юрты и сажают на подведенного и приготовленного коня, сзади покойника садится какой-либо старик, а другой ведет в поводу коня. Все это время 9 сыновей поют, старики и шаманы звонят колокольчиками и бьют в бубен.

Прежде, чем выехать из улуса, покойника обвзят три раза по солнцу вокруг собравшегося народа, готового пуститься в путь вслед за шаманом.

Кортеж открывает бурят, у которого в руках березка с привешанными звериными шкурками, за ним везут покойника, окруженного 9 сыновьями и, наконец, многочисленная конная толпа провожатых. Во время пути поезд останавливается столько раз, сколько встретится *барьса* умерших шаманов¹.

У каждой барьса брызгают вино, пьют его и едят мясо одного барана, а к столбу привязывают звериные шкурки. Потом подъезжают к тому месту, где нужно устроить *барьса* для только что умершего покойника: тогда ставят приготовленный сосновый столб и к нему привязывают шкурки и колокольчики (?), брызгают вином и едят мясо барана.

Наконец, достигают назначенной роши, где будет совершен обряд сожжения.

¹ Так называют те места, где умершие шаманы или их души останавливаются во время пути (барьса всегда бывает по дороге), привязывают ко вкопанным в землю столбам числом 3 своих коней; курят приготовленный им табак и отдыхают; всякий проезжий бурят на этом месте набьет трубку табаком и выбросит табак в дар шаману, и затем уже сам выкурит другую трубку: если с собой имеет вино, то немного выльет на землю для умершего шамана.

Покойника снимают и сажают на войлок, чтобы не сделать его нечистым от прикосновения к земле (лицо обращают к югу), вокруг шамана становятся 9 сыновей и поют, обходя вокруг; все привезенное устанавливают на тургэ. Дорогой еще пускают стрелу по направлению к дому и на обратном пути стрелу поднимают и кладут в *ширэ*.

Между тем готовят костер из свежих срубленных сосновых бревен — это *т□г* или *х□р□*; сверху кладут сосновые ветви, их прикрывают потником, затем оргой коня, наконец, покойника, в голову кладут узду, колчан с 8 стрелами и лук, а под голову седло; наконец, сверху покойника придавливают несколькими бревнами и *костер зажигают*. Стрелы и лук кладутся шаману затем, чтобы он мог избавить от смерти 8 хороших людей, по мнению кудинцев, тем, что вместо обреченного на смерть человека шаман в удовлетворение гнева зайнов будет ломать стрелу; балаганские буряты думают, что этими стрелами шаман будет поражать угрожающих людям злых духов.

Знаки шаманского достоинства покойника и некоторые другие предметы развешивают по окружающим деревьям: на одно дерево на вершине привязывают медный чайник с вином (на кострищах после сожжения шамана я находил носики от медных чайников, остальные части которых перегорели, следовательно, чайник часто кладут на костер, и не вешают на дерево; может быть, чайник заменяется ковшиком, который я видел висевшим в одной роше, где был сожжен шаман); на другом соседнем дереве вешают бутылку с вином, на третьем дереве вешают хэсэ; а конные трости, хур, плеть, домбо с вином, шапку, и деревянную чашку кладут в небольшой деревянный ящик длиной до 1 фута; ящик делают после смерти шамана вместе с одеждой; ящик также укрепляется высоко на дереве при посредстве железных обручей; звериные шкуры (я встречал только заячьи шкурки), привязанные по одной или по несколько к молодым березкам, длиной до 1 сажени, приставляют к разным деревьям, или к одному дереву по несколько (3?); по этим шкуркам легко найти, где был сожжен шаман и где находятся его вещи; обыкновенно вещи бывают размещены на многих деревьях на пространстве десяти и более квадратных сажен.

Когда все это выполнено, то приносят жертву вином и мясом, вино и тарасун пьют и едят мясо; затем у коня, привезшего покойника, делают надрезы на голове и спине и затем убивают его ножом между нижними шейными позвонками, распарывая также брюхо; убитого коня или сжигают отдельно от шамана или оставляют лежащим.

Теперь все собираются к отъезду, поджигают костер и затем торопятся уехать; по дороге не оглядываются, чтобы шаман не взял любопытного с собой на небо.

По пути поднимают пушенную 9-ю стрелу и отвозят в юрту шамана, где 9 сыновей остаются трое суток и все поют по очереди похоронные песни, совершая хождение вокруг стола, на котором горит одна свеча, до истечения трех суток.

На третьи сутки опять собираются все нажи шамана, его родные и одноулусники; нажи привозят с собой баранов, вина, тарасуна и березки со шкурками. Баранов и большую кобылу колют, и сварив мясо, отправляются на место сожжения шамана. Чем большим уважением и влиянием пользовался шаман при жизни, тем больше собирается народу для исполнения последнего обряда по умершему.

По пути, как прежде, останавливаются на барьса этого шамана, брызгают вином, бросают табак, едят мясо и едут до места. По прибытии устанавливают тарасун и мясо на тургэ, затем между двумя деревьями устраивают *дали*¹, т. е. протягивают веревку и на нее вешают звериные шкурки, и призывают богов и, наконец, самого умершего шамана, который после обряда сожжения сам делается богом.

Ближайшие родные шамана собирают потом кости, начиная с костей черепа; кости кладут в нарочно сшитый мешок из синего шелка, если умерший принадлежал к черным шаманам, черного шамана назыв. *хутуна-б* или из белого коленкора, когда он был белый шаман; из того же материала надевают рукавицы все собирающие кости. Кости шамана называются *шандархал*; мешок с костями укладывают в выдолбленное в виде ящика углубление в стволе толстой сосны; для этого сначала осторожно снимают четырехугольный кусок коры, до 1 фута по стороне, а потом уже выдалбливают углубление для мешка, положив кости, а иногда домбо с вином и ковши, отверстие снова закрывают деревянной крышкой и корой, и плотно забивают гвоздями, так что незнающий и не отличит такое дерево от других. Дерево, выбранное для помещения обгоревших костей шамана, считается его местопребыванием и называется бэги-нархан² («шаманская сосна»); она должна оставаться неприкосновенной, всякий, срубивший такую сосну, по мнению бурят, подвергается немедленной смерти со всей своей семьей.

Во время церемонии замечают некоторые предметы, по которым определяется в будущем степень уважения к памяти шамана; хорошим признаком считается, например, если увидят, что оставленная убитая лошадь съедена.

Присутствующие шаманы призывают богов, а 9 сыновей поют приличные случаю песни, после чего, совершив еще раз возлияния вином, приступают к

¹ *Дали* – по К а с т р е н у, крыло. См. Словарь его, стр. 153.

² У К а с т р е н а нарахан – сосна.

мясу и вину, некоторую часть из остатка сжигают на кострах; развешанное *дали* снимают или оставляют на месте и разьежжаются.

Некоторые из приезжих остаются в юрте шамана до истечения 9 суток после смерти.

Шаманские рощи, служащие местом погребения шаманов, легко отличимы в местностях, обитаемых бурятами; посреди совершенно безлесного пространства возвышаются отдельные группы деревьев, заметные издали; рощи эти бывают или на ровных местах или чаще на горах; их в одном ведомстве по нескольку, каждый род или даже улус имеет свою рощу, они имеют особое название *айха*, место неприкосновенное, где нельзя рубить деревьев под опасением серьезного возмездия или даже смерти; эта *айха* соответствует полинезийскому табу. Как будто бы каждая роща служит кладбищем только одному шаману, но в одной такой роще в Кудинском ведомстве были погребены и не шаманы, простые буряты; могилы их легко узнать.

По убеждениям бурят, душа шамана или он сам в дыму костра поднимается на небо и там начинает вести приятную жизнь, как боги, но по внешности совершенно сходную с земной жизнью, т. е. он может на небе иметь жену и от нее детей, принимает пищу и вино, приносимое родными и почитателями на земле, ездит на убитом при похоронах коне, носит одежду, никогда не изнашивающуюся, в которую он был одет после смерти. Умерший шаман на небе заботится об оставшихся на земле родных, защищает их от злых духов, назначает кого-либо из мальчиков в обучение шаманскому искусству, и всячески покровительствует им. Но иногда как будто шаман забывает своих близких, и тогда только усиленными жертвами семья старается вернуть себе благорасположение своего естественного покровителя. Такое забвение семейных интересов одни приписывают грехам шамана, совершенным при жизни, вследствие чего его заступничество за своих не имеет силы, и в наказание никто из его родичей не удостоивается шаманского ранга; но другие приписывают это просто рассеянности, увлечению прелестями жизни с богами.

Интересно, что все вещи и предметы, которые нужны будут шаману после смерти, должны быть или сожжены, или убиты (лошадь), или сломаны, вообще как-либо должна быть нарушена физическая целость и надлежащее соответствие частей, т. е. то же, что сделалось с шаманом, когда связь души с телом в акте смерти исчезла. И вот после такой перемены, видимого истребления, они, все эти вещи, начинают новую жизнь, жизнь неизменную, вечную, от земной жизни отличающуюся только тем, что они уже больше не изменяются, не изнашиваются. Из этого видно, что буряты верят не только в загробную жизнь, но только признают существование души у людей, но и признают душу вещей.

По другим показаниям, местопребывание шаманов после смерти бывает определено: шаманы поступают в подчинение великим богам; белые шаманы подчиняются сатинским богам и живут в их помещениях (*сатани-бурхахи-суглан*), которые находятся за Байкалом у озера *Садамтын-Саган* и представляются воображению бурят великолепными дворцами. Сатинские боги — добрые, покровительствуют людям; к ним принадлежит Хоредой-нойон и его жена Хобоши-хатун, дочь неба Шара-Хасар, превращавшаяся в лебедя, почему буряты чтут лебедей и никогда не убивают; жалобный голос лебедя буряты приписывают тому, что лебедь, Хобоши-хатун, покинувшая своего мужа Хоредоя, тоскует по своим детям, оставшимся на земле.

Белые шаманы могут поступать, хотя и редко, в дворцы западных хат (неб).

Черные шаманы, служители злых богов, отходят по смерти к *Эрлэн-хану*, если они происходят от черного кузнечного неба (Бохо-Тэли?) или от Хутунских богов, к которым принадлежит сам Эрлен-хан; или к хозяину острова Ольхона, Хан-Хото-бабай, в так называемое нойохи-суглан, т. е. чиновное собрание, куда главным образом направляются тайши, родовые старосты и некоторые простые буряты; или также к хозяину черного коня *Ажира-Бохо*, называемому еще Зулхэн-нойон, так как его местопребывание в Зулхэ по реке Лене, в Верхоленском округе, где существуют роскошные дворцы.

Кроме обряда сожжения и погребения костей в живом дереве, у бурят практикуются и другие обряды. Так, в Балаганском и Идинском ведомствах умерших шаманов, а также и людей, убитых громом, не сжигают, а выставляют в лесу на *аранга*. Пораженный громом, как объяснено выше, считается шаманом, а родные его приобретают шаманское происхождение; поэтому и обряд похорон по отношению к убитому громом совершается так, как будто бы покойник был шаман. На том месте, где совершилась катастрофа, прежде всего устраивают шалаш, а пораженного громом кладут на доски и обливают водой с целью привести его к жизни, но если попытка не удастся, и смерть несомненна, то приступают к обряду, назыв. *нервер дегдехэ*. Убитого одевают, как шамана, в оргой, также при нем 9 сыновей поют похоронные песни в течение 3-х дней, пока покойника не увезут в лес; домой же его везти нельзя; все время его окуривают богородской травой и вереском, и на третий день сажают на коня и отвозят в шаманскую рощу, где и оставляют на особо устроенном ложе: для этого выбирают толстые деревья, стоящие поближе друг к другу, на них укрепляют бревна и, наконец, доски, так что образуется помост на высоте 2, 3 или 4 сажень от земли, на этот помост и кладется покойник, заключенный в гробу; так же кладут и пищу и вино; помост носит название *аранга*; так же

на *аранга*, но не в шаманской роще, а на месте происшествия, кладут и всякое убитое громом животное.

Прекрасной иллюстрацией обряда погребения шамана на *аранга* могут служить рисунки к статье Yagrow «О похоронных обычаях северо-американских индейцев»¹, особенное же сходство с бурятским обыкновением положения покойника на дереве представляет рис. 18 с той разницей, что шаман кладется в гроб; рисунки же 15, 16 и 17 объясняют расположение на *аранга* убитых громом животных.

Обряд сожжения, употребляемый теперь только при похоронах шаманов, некогда составлял общераспространенный обычай и тогда сжигались и простые буряты. Покойника одевали в лучшую одежду, снабжали ножом, луком, стрелами и съестными припасами. На месте сожжения устраивали четырехугольником костер, а на нем на потнике клали тело и все предметы, подлежащие сожжению вместе с трупом; голова трупа покоилась на седле. Иногда вместе с покойником сжигали и его коня. Зажегши костер, уезжали домой и возвращались только на 3-й день; тогда собирали сохранившиеся и обгоревшие кости, и, положив в берестяное лукошко, зарывали в землю. Погребальные урны бурят, следовательно, не были очень роскошны, но предпочтение, оказанное в этом случае березовой коре перед другими материалами, объясняется отчасти уважением, питаемым к березе как священному дереву, а с другой стороны, и неумением готовить глиняную посуду. Встречающиеся среди бурятских поселений различные могильные сооружения, в которых находятся в глиняных урночках жженные кости, принадлежат не бурятам, а другому народу, стоявшему на более высокой культурной стадии развития, чем современные буряты; этих древних поселенцев называют различно, мунгалами (у русских), то китайцами или хара-монголами (у бурят), при этом человек каменного века не принимается во внимание, он древнее вышеупомянутых обитателей Иркутской губернии.

В настоящее время, по настоянию земских властей, покойников буряты погребают, не сжигая. Покойника обмывают, одевают в лучшую одежду, в карман кладут серебряные монеты, а за пазуху трубку и кисет с табаком; рядом на столе ставятся и съестные припасы, кроме хлеба и молока, класть которые для покойника считается грехом, также запрещается класть и огниво; иногда кладут ножик, лук и стрелы (у кудинцев). Затем устраивают гроб, в который и кладут покойника; но часто обходятся и без гроба; в последнем случае под покойника, при положении его в могильную яму, подстилают потник, а в голову

¹ См. First annual report of the Bureau of Ethnology to the secretary of the Smithsonian Institution 1879–80, sed by J. W. Powell.

седло; если же покойник в гробу, то седло, узда и потник сжигаются на костре вместе с убитым конем.

На зарытой яме оставляют обыкновенно арбу (телегу) покойника, но разбитую, с сломанными колесами; она предоставляется вместе с другими положенными в могилу и сожженными вещами и конем покойнику, который все это будет употреблять после смерти; для того, чтобы предметы эти были пригодны для употребления в посмертной жизни, они сами должны быть разбиты, сломаны, сожжены или убиты, словом испытать то же, что случилось с умершим человеком.

По торчащим из земли разбитым колесам на могилах бурят легко отличить бурятские кладбища, располагающиеся обыкновенно в небольших лощинах или на склонах возвышенностей поблизости шаманских рощ.

После похорон трое суток родные умершего не начинают никакого дела, не отправляются в дорогу; эти дни траурные, печальные, черные дни, как говорят буряты хаура-боро; в эти дни душа покойника блуждает около дома, посещает родных. На третьи сутки родные покойника устраивают поминки, род тризны: колют баранов, готовят тарасун и угощают знакомых.

V. ИДЕИ БУРЯТ О ДУШЕ И ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ

Верования буряты-шаманиста находятся в неразрывной связи с его воззрениями на окружающую природу, жизнь и свойства его собственной души, поэтому его идеи о душе получают особенное значение. Душа представляется буряту совершенно отдельным от его тела существом, могущим покидать тело временно или навсегда, и в последнем случае наступает смерть; болезнь и сон отличаются от смерти, так сказать, количественно; иначе, сон и болезнь суть временное расставание души с телом. Видение снов бурят объясняет тем, что в это время душа покидает тело и странствует по земле или посещает духов; все, что душа встречает во время этих странствований, она сохраняет в памяти, и по возвращении к телу; воспоминание всего случившегося с душой и есть сон; понятно, что снам буряты придают реальное значение. Но и самая душа не только реальна, но и вещественная; она может быть видима и слышима другим человеком; обыкновенно она принимает вид пчелы; представление души в виде пчелы есть национальная идея монголов, подобно тому, как славяне и русские представляли ее в виде бабочки (душичка в Ярославской губернии)¹; так, например, в известной монгольской легенде о подвигах Богдо-Гэсэр-хана² душа Чоридонг-ламы принимала вид осы по воле ламы,

¹ Буслаяв. Мифические предания о человеке и природе, стр. 142.

² Di Thaten Bogda-Gesserchan's, стр. 53.

чтобы умертвить Еро (Гэсэр-хана), но когда была поймана им, то всякий раз, как Гэсэр-хан сжимал ее рукой, лама впадал в беспамяත්ство, и когда переставал давить его душу-осу Гэсэр-хан, то лама приходил в чувство. Следующий рассказ пояснит воззрения бурят на соотношение странствований души со снами:

«Два бурята жили в одной юрте; раз один из них заснул днем, другой же не спал; вот он видит, как из носа спящего товарища выползает пчела (или оса) и начинает летать в юрте, а потом вылетела на улицу. Заинтересованный этим явлением бурят также вышел на улицу, чтобы следить, что будет делать пчела. Пчела летала около юрты, а потом полетела далее и наконец, залетела в какую-то нору, где и оставалась некоторое время; затем выползла из отверстия и полетела обратно в юрту, здесь она стала ползать по краю корыта с водой и как-то упала в воду, выползши с трудом из воды, она возвратилась в нос спящего товарища.

Проснувшийся товарищ рассказал, что он видел сон: «Будто я выхожу на улицу и нахожу большую яму, в которой много серебра, а потом пошел по берегу моря и оборвавшись с крутого берега, чуть не утонул, с трудом выбравшись на берег; с тем я и проснулся», — так говорил спавший товарищ. Между тем, его товарищ, заметивший нору, в которую входила душа спавшего (в виде пчелы), отыскал нору и нашел там много серебра». Представление души в виде пчелы (или осы) объясняет, почему буряты не убивают пчел, залетающих в юрту; очевидно из страха убить душу.

Вследствие таких воззрений на причины сна, бурят видит в снах действительные факты, которые и толкует то в прямом, то в иносказательном смысле. Хорошими снами считаются: видеть себя катающемся на быке или купающемся, потому что бык есть символ Буха-нойона, а вода указывает на Ухан-хат, божества добрые; напротив, видеть себя запертым в каком-нибудь помещении или видеть, как из колчана унесена стрела, предвещает беду и смерть; *стрела означает душу мужчины*.

Как сон, так и болезнь есть временное отделение души от тела, но во время болезни душа произвольно удаляется, а увлекается насильно, похищается по воле какого-либо божества, всего чаще за непринесение жертвы. Чтобы узнать, кем причинена болезнь, кто похитил душу и какое божество требует жертвы, призывается шаман, обязанный по трещинам на обожженной бараньей лопатке открыть имя божества. Если шаман не узнает имени божества или божество не хочет преклониться на милость, то больной помирает. И так смерть наступает только тогда, когда душа похищена и заключена в темницу Эрлен-хана.

Но человек еще может избежать смерти, если душе его удастся укрыться под покровительство других божеств; этими божевами бывают: 1) западный хат, 2) Ухан-хат, 3) огонь очага, т. е. хозяин огня, который бросает в преследователей огненные искры, 4) онгоны, 5) кузнечные заяны, которым буряты приносят жертвы, прося защиты от злых духов; кузнечные заяны отгоняют преследователей души раскаленными железными брызгами, 6) предки, сделавшиеся заянами. Но укрыться душа может не только у богов, но и в некоторых определенных местах, например, 7) в гриве посвященного коня, 8) в шерсти порога, посвященного Буха-нойону, 9) в следах домашних животных, 10) в домах соседей или даже 11) у хорошей собаки.

Во время преследований посланцами злых духов душа принимает вид животных и птиц, так, *душа женщины* становится *сорокой*.

Пойманная душа начинает плакать, этот плач часто слышат люди.

Посланники Эрлен-хана или других заянов, по своей природе, однако, тождественные с душами умерших людей; для захвата души живого человека употребляют разные средства: так, например, во время сна заставляют человека чихнуть, причем душа спящего выскакивает, и если не успеет спрятаться, то достается в руки похитителей; другой прием более решительный: дух подъезжает к юрте больного в черной карете; у него засучены рукава и руки до локтей покрыты кровью; он у больного в груди прорезывает отверстие, всовывает в грудь руку и сжимает аорту, отчего наступает смерть (балаг. бур.); тот же прием практикуется во всех случаях при умерщвлении жертвенных животных. Поимка души человека облегчается, если прежде захватить душу его коня; иначе душа человека на коне легче может избежать преследования. Поймать душу коня можно только при помощи души живого человека, но и это дается не без труда, так как и душа коня может укрываться у хатов.

Душа больного человека, захваченная Эрлен-ханом, может быть возвращена к телу при содействии хорошего шамана.

Одного хорошего шамана пригласили к больному, но шаман отказался ехать, зная, что душа больного заключена в темницу Эрлен-хана; за ним послали второй раз, шаман отказался, и поехал только по третьему зову; отказать на третье приглашение невозможно, ибо за это шаман подвергается ответственности. По приезде к больному, после призываний заянов, шаман объявил, что душа больного может быть освобождена из заключения только ценой собственной души шамана; шаман соглашается умереть, если больной обещает для его похорон дать коня и хорошую одежду. Получив согласие больного, шаман во время мистерии побывал у Эрлен-хана и получил разрешение оставить свою душу вместо души больного, которую нашел шаман в тяжелых

железных цепях. Те же цепи наложены были и на душу шамана, вследствие чего, по возвращении шамана домой, он захворал. Чувствуя неизбежность смерти, шаман послал к своему спасенному пациенту за обещанным конем и одеждой, но получил отказ и посланные шаманы подверглись оскорблениям. Тогда шаман приказывал родным не хоронить его до 9 суток, обещал ожить к концу этого срока. Но шамана похоронили на горе Тарятын Ондор, положив его тело в гробу на аранга.

По жалобе шамана на вероломство обманувшего его буряты душа последнего была снова схвачена, заключена в цепи, а буряты умер. Шаманская душа имела право возвратиться, но она нашла свое тело уже сгнивающим, наполненным червями, с выпавшими глазами и отвалившимся носом. С трудом душа проникла, однако, в тело, и шаман встал, вытряхнул всех червей, глаза и нос приставил куда следует. В таком виде отправился шаман, но дорогой раздумал, вернулся на прежнее место и помер вторично, а душа направилась в страну духов. Впоследствии шаман этот сделался заяном; его часто призывают во время мистерий и он рассказывает свои похождения.

Не все души попадают в темницу Эрлен-хана; души хороших ремесленников попадают в особые мастерские, где они продолжают заниматься своим ремеслом; души грамотных занимаются письмоводством, а души хорошо шьющих женщин помещаются в здание, называемое *уленши*, где занимаются шитьем.

Буряты полагают, что умные люди, хорошие мастера и грамотеи недолговечны, потому что в них нуждаются и Эрлен-хан и другие божества и похищают их души.

Загробная жизнь душ, по мнению большинства, заключается не в мучениях в темнице или непрерывной работе, а в полнейшей праздности. Идеи возмездия для шаманиста вообще чужды и если такие идеи в рассказах и находят место, то их следует считать заимствованными от буддистов, быть может, через посредство общих сказок; для шаманиста свойственнее представление о жизни душ после смерти, как о продолжении существования их на земле. Души также употребляют пищу, ездят на свадьбы, на вечерки, носят хорошую или дурную одежду, смотря по тому, как были одеты при похоронах; ходят пешком, ездят в телеге или верхом, смотря по тому, были ли снабжены конем, экипажем или нет. Эти воззрения на загробную жизнь отражаются весьма ярко в похоронных обрядах.

Несмотря на эти сходные черты с жизнью до смерти, душа, сделавшись духом, приобретает и некоторые новые свойства, среди которых как-то странно переплетаются эфирные, невещественные свойства с свойствами чисто физическими и притом характеризующими живую душу или живого человека. Так, души умерших могут быть видимы людьми, но вместе с тем не оставляют следа на пепле очага; при ходьбе не ломают старых сучьев и не шелестят опавшими листьями; души умерших, для краткости будем говорить, духи, могут быть убиты и снова оживать или не оживать, и превращаться в голую тазовую кость; духи испытывают боль и потому боятся боярышника и шиповника; отсюда обыкновение держать в юртах шиповник и боярышник, особенно в случае присутствия новорожденного. Характерные особенности душ будут видны из следующих данных. *Души не оставляют следов и боятся боярышника и шиповника.* Однажды ночью шел человек, имевший способность видеть духов и говорить с ними. Он встретил трех духов и присоединился к ним. По пути, он узнает от них, что они идут за душой сына богача. Бурят просил, чтобы и его допустили они принять участие в охоте за душой; духи согласились. Дорогой духи спрашивают, *«отчего их спутник (живой человек) так ходит, что мнется трава и шелестят под ногами сухие листья».* Бурят говорит, что это от того, что он недавно помер и не умеет ходить. Духи поверили. Вот пришли они к богатому человеку: один встал у двери, другой у дымового отверстия, а третий вошел в юрту и заставил больного сына чихнуть; в это время его душа выскочила и хотела убежать, но стоявший у двери дух ее поймал и не выпустил, несмотря на плач души, а понес на руках. На обратном пути живой человек спрашивает духов: «Чего они всего более боятся на свете?». Духи отвечали, что они всего более на свете боятся *шиповника и боярки.* «А ты чего более боялся, когда был живой?» — спрашивают духи. «Я больше всего при жизни боялся жирного мяса», — отвечает находчивый бурят. Духи поверили и на этот раз. Идут дальше. Только бурят и говорит духам: «Дайте мне душу, я понесу, вы устали». Духи дали ему пойманную душу. Встретив по дороге боярку и шиповник, бурят бросился туда вместе с душой и залег среди колючих кустов. Духи не могли даже близко подходить к боярышнику и шиповнику и тщетно пытались выгнать бурята из кустов; наконец, догадались и стали бросать в кусты жирное мясо. Бурят стал кричать: «Боюсь, боюсь», — а сам поедая мясо. Видя неудачу, духи ушли, а бурят вышел из кустов и возвратил душу больному, за что получил вознаграждение.

Когда умирает человек, то его душа трое суток блуждает около дома. Между тем, умершие ранее родственники и соседи встречают нового пришельца в страну духов с радостью и устраивают пирушку, но душа не сознает еще себя оторванной от тела и держится подле тела. На третьи сутки духи убеждают душу в смерти, делая ей испытание, а именно: заставляют ступить на пепел очага у него в доме и в юртах его родственников и знакомых, но нигде следов не остается, что и убеждает душу в смерти.

Первый рассказ свидетельствует, между прочим, какого невысокого мнения буряты о своих духах, т. е. душах; эти души, как черт русских сказок, глупее глупца.

Духов можно убивать и они имеют начальника одноглазого. У одного человека, имевшего способность видеть духов, был один сын и два бегунца, из которых один был быстрее другого. Когда сын помер, то лучший бегунец был ему отдан, т. е. убит на похоронах. В одной пустой юрте постоянно собирались духи и устраивали вечерку. Человек захотел посмотреть и послушать, и стал караулить. Духи начали собираться, а потом пришел и начальник, которого выбежали встретить на улицу и под руки ввели в юрту; начальник был большой, толстый и имел на лбу один глаз. Начальник, сидя на почетном месте, стал раздавать приказание привести душу такого-то и такого-то и всякий раз несколько духов выходили исполнять приказание. Человек, между тем, прицелился и выстрелил прямо в лоб начальника, который упал, закричав «убили!» и превратился в голую тазовую кость. Духи погнались за человеком, ускокавшим на своем бегунце; все духи отстали, за исключением сына, у которого конь был лучше отцовского; когда сын узнал отца, то обещал сказать, что он не успел захватить человека, так как он убежал в хат.

Убитый дух, превратившийся в тазовую кость, снова делается через три дня духом, но чтобы этого превращения не случилось, достаточно тазовую кость обжечь на огне. По другим указаниям, дух не превращается в тазовую кость, а, будучи убит, исчезает без следа.

На вечерках духи разводят в пустых юртах огни, но эти огни бледны и си-неваты; огонь духов можно украсть, и укравший делается богатым (существует легенда у балаганцев). Около огня духи сидят или пляшут, но при этом никогда не образуют цельного круга, как люди. Духов, как сказано, можно видеть, и если человек увидит духов прежде, то они его уже не заметят; встречая человека, души пугаются. Духи поют в дороге песни и эти песни слышат люди.

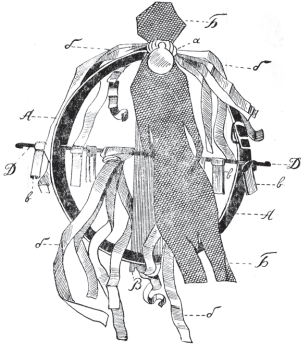

Рис. 1

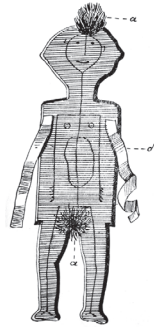

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 1. Сэжэн-Бар, Тымыршея сын, в естественную величину; А — деревянный обруч. Б — вырезанная из красного сукна фигура человека; а — шейное украшение; б, б... — миткалевые ленты белые и розовые, в каждом пучке по 2 розовых и 2 белых; в, в... — привески из жести, изображающие колокольчики, холбохо; В — вертикальная переключина, деревянная, иногда имеет форму человека; Д — поперечная переключина из проволоки. Сэжэн-Бар встречается в юртах кудинских, верхоленских и ольхонских бурят.

Рис. 2. Дабай-хан; а — мех выдры, б — белые миткальные ленты.

Рис. 3. Рик.

Онгоны Дабай-хан и Рик встречены только у ольхонских бурят; на фиг. 2 и 3 изображены в естественную величину, но онгон Рик делают и вдвое длиннее.

Рис. 1. Горные онгоны ольхонских бурят. На голубом шелковом лоскутке нарисовано красной краской 5 человеческих фигур; на высоте груди у каждого изображения привязано по жестяной человеческой фигурке, у № 1, 4 и 5 — желтой латуни, и у № 2 и 3 — белой жести; над головой у каждого изображения по кусочку меха выдры и по перышку филина; вместо глаз бисер; поверх голубого лоскутка нашита белая шелковая ленточка такой ширины, что головы фигур с частью шеи удобно на ней помещаются; к той же ленточке по бокам приклеиваются 4 голубые тесемочки (уменьшено в 2 раза).

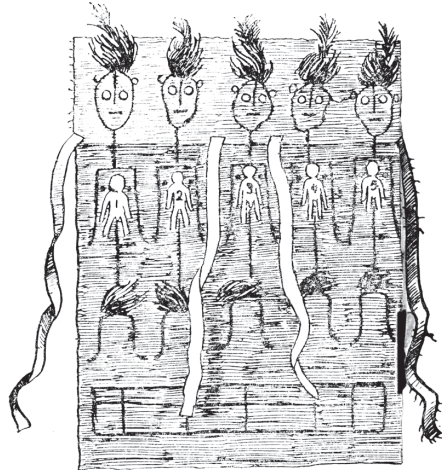

Рис. 1

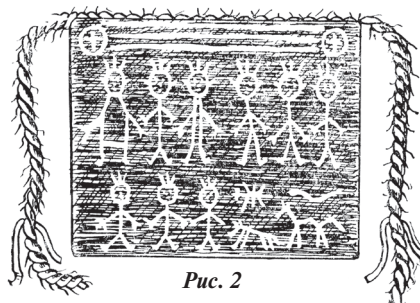

Рис. 2

Рис. 2. Онгон Ухан-хата Закулейского улуса Балаганского ведомства. На лоскутке синей дабы, пришитому к веревке, из белого конского волоса длиною в 4 аршина с вплетенными в нее белыми и синими ленточками нарисовано 9 человеческих фигур красной краской, 6 сверху, 3 внизу поменьше, рядом с последними изображены 4 фигуры животных: лошади, верблюда, пчелы и змеи; над верхними фигурами проведены три горизонтальные черты, изображающие небо, а по краям их солнце и луна (уменьшено в 2 раза).

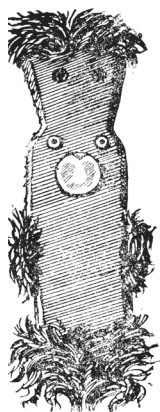

Рис. 3

Рис. 4

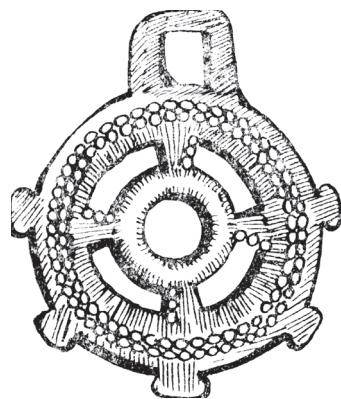

Рис. 5

Рис. 3. Онгон жены хозяина огня (Гал-Голыхэн, Гули-хатун). Онгон сделан из дерева, но обшит красным сукном; обложен на голове, рукавах и внизу черной мерлушкой; сукно с шерстью изображают шубу и шапку, глаза и груди — из крупных металлических бусин; посредине груди — оловянное украшение.

Рис. 4. Онгон Бэртэ, хангинского рода Балаганского ведомства. Онгон состоит из одной деревянной головы со стороны лица, волосы на голове, бровях, бакенбардах и большой бороде представлены черной овечьей шерстью, во рту кусок свежего бараньего курдюка, по бокам головы привешено по 3 привески из жести (а, а...). Уменьшено в 3 раза.

Рис. 5, 6. Медные кружки, найденные на месте погребения шамана, употреблялись для привешивания к шаманской шубе.

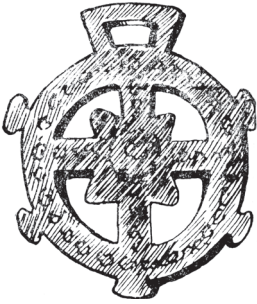

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 7. Изображение какого-то животного из меди.

Рис. 8. В ромбической рамке уродливая человеческая фигура с бородой и большими ушами наверху головы; по трем углам рамки по диску с человеческим лицом, ясно сохранилось только на одном углу; рамка имеет петлю и, вероятно, также была привешена к древней шаманской одежде; найдено близ Ольхонской думы, в камнях.

Таблица III

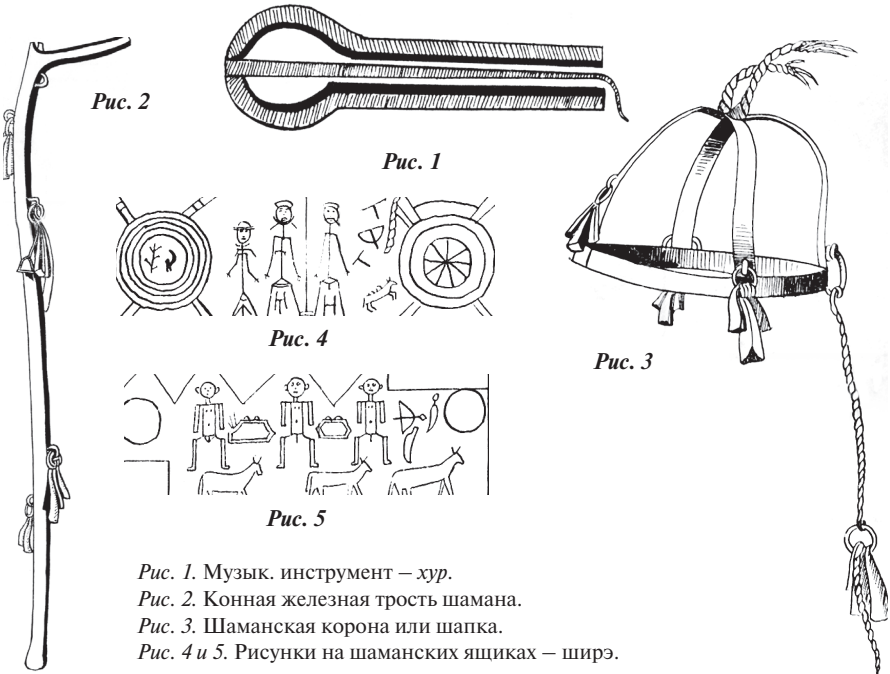

Рис. 1. Музык. инструмент – хур.

Рис. 2. Конная железная трость шамана.

Рис. 3. Шаманская корона или шапка.

Рис. 4 и 5. Рисунки на шаманских ящиках – ширэ.

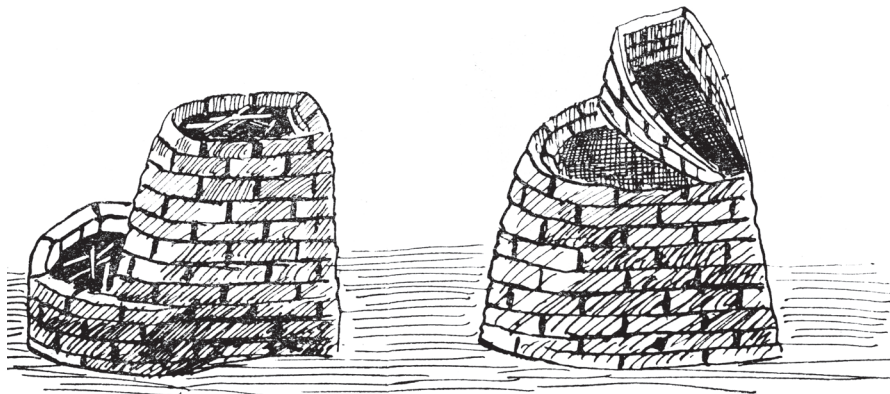

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 6 и 7. Виды постоянных жертвенников (ширэ), сложенных из каменных плит на горе Манхай.

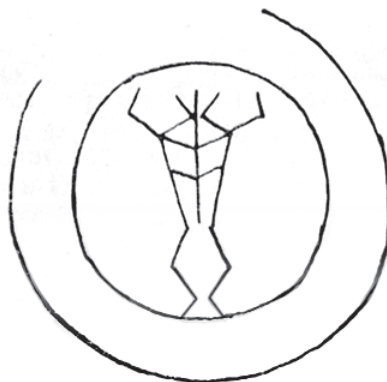

Рис. 8

Рис. 8. Уменьшенный рисунок красной краской на скалистом берегу р. Белой у с. Мальты в Иркутской губернии.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ШАМАНСТВЕ У БУРЯТ

I. ВЫСШИЕ СУЩЕСТВА

1. Западные тэнгэрины

Настоящий материал, собранный мною в разное время, будет как бы продолжением статьи о шаманстве у бурят Иркутской губернии, написанной мною и Н. Н. Агапитовым и напечатанной в Известиях Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества в т. XIV, №№ 1–2 1883 года.

У балаганских бурят главные божества называются «тэнгэри» или «тэнгэрины», которые по словам их, живут на небе¹; этих тэнгэринов буряты насчитывают всех 99; каждый из них имеет свое отдельное собственное имя, что видно будет из нижеописанного. Все эти тэнгэрины или заяны или бурханы разделяются на две большие группы, враждующие между собою, вследствие чего дети тэнгэринов и второстепенные заяны тоже по примеру их разделяются на две большие группы; каждая из них имеет своих отдельных покровительствующих тэнгэринов. Тэнгэри разделяются, как выше сказано, на две группы: на западных (б а р у н и) и восточных (з у н и); самая многочисленная группа – так называемые у бурят западные, добрые тэнгэрины, которых обыкновенно называют с а г а н и т э н г э р и (белые тэнгэрины); число их 55; другая меньшая группа – восточные, злые тэнгэрины, которых называют х а р а н т э н г э р и (черные тэнгэрины); число их 44. Западные 55 тэнгэринов у балаганских, кудинских и пр. бурят считаются добрыми и покровительствующими людям, которых они защищают от восточных тэнгэринов и от злых заянов. Ниже привожу названия западных тэнгэринов, собранные у балаганских бурят.

¹ Буряты дневное видимое небо называют тэнгэри, а ночное небо о к т о р г о. Иногда буряты говорят: тэнгэрин төмөн саган бурхан, окторгон олон саган бурхан; по-русски «тысяча белых бурханов дневного неба; множество белых бурханов ночного неба».

1). Самым старшим тэнгэри у балаганских бурят считается Хан-Тюрмас-тэнгэри¹, которому подчиняются все прочие западные тэнгэрины, хаты, заяны и пр. Хан-Тюрмас-тэнгэри имеет трех сыновей: старший сын Заса-Шухур-Аха; средний сын Мөргөн-Төгөлтөр, который спустился на землю для спасения земных людей; Мөргөн-Төгөлтөра балаганские буряты называют Абай-Гэсэр-богдо²; младший сын Эрхэ-Бэлэктэ, который написал законы, как судить и управлять народами.

2). Эсэгэ-Малан-тэнгэри и жена его Эхэ-Юран постоянно упоминаются в бурятских шаманских призываниях заянов, в песнях и сказках. Эсэгэ-Малан-тэнгэри имеет трех сыновей; старший Хан-Хөтө-бабай или Ута-Саган-нойон, хозяин (ижин) острова Ольхона; средний сын Хан-Шаргай-нойон, главный представитель (т. е. заян) западного хата; он с неба спустился на гору Халма-ула; младший сын Хилман-Саган-нойон, который сделался покровителем города Кяхты и хозяином Шара-Тэхэ. Кроме того, Эсэгэ-Малан-тэнгэри имеет 9 дочерей, которые тоже спустились на землю. По словам кудинских бурят, Эсэгэ-Малан-тэнгэри имеет 3 пастухов: 1. Манита-Манжил, который считается посредником между небом и землей; он покровитель шамана, которого оберегает от злых заянов и духов и бывает посредником между тэнгэринами, хатами и шаманом; по словам бурят, он ездит на козле. 2. Багшиндай, который находился при сотворении человека; он защищает земных людей от восточных тэнгэринов, заянов и духов, которые на людей насылают всевозможные болезни и несчастья. Багшиндай ходатайствует перед тэнгэринами и хатами за людей, которым он покровительствует, 3. Дебёдой считается покровителем стад, он постоянно ездит на верховой лошади с колчаном и луком, а в одной руке держит аркан (б у г у л я). Он также был при сотворении человека.

3). Сэгэн-Сэбдэк-тэнгэри принадлежит к западным тэнгэринам; из-за этого тэнгэри произошел раздор между западными и восточными тэнгэринами и разделение их. Сэгэн-Сэбдэк-тэнгэри имеет одну дочь, которую звали Сэсэк-Ногон-абахай (с э с э к — «цветок», н о г о н — «трава», а б а х а й — «девица», она была очень красивая. Иные говорят, что между западными и восточными тэнгэринами произошел раздор из-за дочери Сэгэн-Сэбдэк-тэнгэрина Сэсэк-Ногон-абахай, которую хотели иметь и западные и восточные тэнгэрины.

4). Уда-Мөнхон-тэнгэри.

¹ У кудинских бурят Заян-Саган-тэнгэри; бурятское слово заян по-русски буквально значит «творец»; саган — «белый». Буряты слово заян употребляют в значении божества. Иногда буряты обращаются к заянам с мольбой «заяхан заябари, табихан табима мина».

² Об Абай Гэсэр-богдо будет подробно изложено в бурятской сказке о нем, там же и о Хан-Тюрмас-тэнгэри.

5). Хуман Хөхө-тэнгэри.

6). Шулал-тэнгэри.

7). Будал-тэнгэри; с этого тэнгэри¹ спускаются «урак» ухан-хатов и грозовые стрелы.

8). Долон Хөхө-тэнгэри; «семь синих тэнгэринов»; с этих тэнгэри по ходатайству ухан-хатов должен идти дождь; поэтому если буряты желают дождя, то делают религиозный обряд тайлган ухан-хату, а он уже ходатайствует перед семью синими тэнгэринами и просит их послать людям счастье и изобилие во всё.

9). Хөхө-Мөнхөн-тэнгэри.

10). Шара-Хасар-тэнгэри², сын Хундар-тэнгэри или Мэндэр-тэнгэри, Шара-Хаса-тэнгэри покровительствует поколениям шарат и хангин, которые, по словам предания, произошли от дочери этого тэнгэри. Три дочери Шара-Хасара спустились на землю купаться в озере в виде лебедей; во время одного такого купания Хоредой-мэргэн успел спрятать лебяжью одежду одной из дочерей тэнгэри Хобоши-хатун, а остальные две дочери, у которых не были спрятаны лебяжьи одежды, улетели обратно на небо; Хобоши-хатун осталась на земле; Хоредой-мэргэн женился на ней и имел детей, от которых произошли племена шараты и хангинцы.

11). Болур-Саган-тэнгэри³ покровительствует белым шаманам, которых защищает от восточных тэнгэринов и злых заянов и также покровительствует западным хатам.

12). Дайбан-Хөхө-тэнгэри⁴ покровительствует западным и белым кузнецам; они имеют своего особого тэнгэри. Земные люди прежде не умели ковать железо; они заимствовали кузнечное искусство от западного тэнгэри Дайбан-Хөхө. Этот тэнгэри по приказанию всех западных тэнгэринов научил земных людей кузнечному искусству через своего кузнеца Божинтоя. Божинтой с неба спустился на Тункинские горы и здесь научил земных людей ковать железо, после чего сам поднялся обратно на небо; 9 сыновей и одна дочь Божинтоя остались на земле и продолжали учить земных людей кузнечному искусству; впоследствии они сделались главными кузнецами заянами, покровительствующими земным людям.

¹ Редакция не решилась выражение «с этого» заменить выражением «от этого» из опасения, чтобы не стереть оттенка, который в нем заключается и который, может быть, указывает, что бурятские представления о тэнгэринов не успели еще дойти до полного антропоморфизма. Ред.

² Ш а р а – «желтый», х а с а р – «щека».

³ Бурятское слово «б о л у р» происходит от слова б ө л ө х ө – «шаманить».

⁴ Слово д а й б а н происходит от слова д а й б а г а р; обыкновенно буряты плечистого и высокого человека называют «дайбагар хун» или о больших птицах говорят «дайбагар шубун». Х ө х ө – синий.

13). Гужир-Саган-тэнгэри¹; ему делают жертвоприношения «тэнгэри-дудаха» и «зухэли-гаргаха»; тогда этот тэнгэри тому человеку посылает богатство скотом и множество потомков (адугар багин, ашар унэр). Гужир-Саган-тэнгэрину делал жертвоприношение унгинский белый шаман Барлак Хогнуев, который был большой белый шаман.

14). Хан-Будал-тэнгэри² покровительствует западным хатам; они имеют его своим особым тэнгэри и ему непосредственно подчиняются. По словам балаганских бурят, западные хаты спустились на землю по приказанию Хан-Будал-тэнгэри; пред ним они ходатайствуют за земных людей, а этот тэнгэри, в свою очередь, ходатайствует перед другими старшими тэнгэринами. От Хан-Будал-тэнгэри изредка падает счастливым людям так называемый «урак», что считается очень хорошей приметой – тот человек будет жить богато. Также от этого тэнгэри спускаются громовые стрелы, которые во время грозы бьют в животных или во что-нибудь другое; в этих случаях обыкновенно делают религиозный обряд «бумал-дэгдэхэ».

15). Оёр-Саган-тэнгэри³ покровительствует племени онго и шаманам этого племени.

16). Урак-Саган-тэнгэри⁴ покровительствует людям, посылая богатство и изобилие. От Урак-Саган-тэнгэри большею частью спускается «урак», который имеет вид желтовато-белого молока, но только очень густого, как творог. Обыкновенный урак бывает у коров; когда она отелится, то первое молоко бывает густое и желтоватое; это молоко буряты называют урак. Небесный урак спускается на землю по желанию тэнгэри к разным хозяевам во время грозы; иногда он спускается в молочную пищу; тогда о нем узнает только хороший шаман или ворожея. Когда хозяева найдут спустившийся урак, они кладут его в бересту и относят на высокое место, чтобы не осквернить его; по словам бурят, урак, положенный на высокое место, иногда обратно поднимается на небо. Урак обыкновенно спускается на землю от Урак-Саган-тэнгэри, но спускается также и от других тэнгэринов, а именно, от тэнгэринов западного хата, ухан-хата и пр. Иногда буряты по этому случаю делают религиозные обряды; если урак спустится к кому-нибудь от западных тэнгэри, то это считается хорошим знаком, тот человек должен разбогатеть и жить хорошо. Иногда урак падает от восточных

¹ Гужир бывает на солнечных местах в виде соли. Гужир называют богатство или солидность. Гужир багин – сильно богатый, гужир-хун – солидный человек или видный человек.

² Х а н – царь. Б у д а л происходит от слова б у х а – спуститься.

³ О ё р – дно, с а г а н – белый.

⁴ У р а к – густое молоко; точнее, «первое молоко коровы».

тэнгэри, что служит не особенно хорошим знамением, тогда нужно призвать хорошего шамана, чтобы он совершил религиозный обряд и умилостивил бы восточного тэнгэри, спустившего ураг.

17). Будургу-Саган-тэнгэри — он, по словам некоторых бурят, имеет трех сыновей: старший сын Уха-Солбон-тэнгэри, средний Буха-нойон-бабай и младший Сахядай-нойон, хозяин огня; жена его Сахала-хатун. От Будургу-Саган-тэнгэри зимою идет мелкий и теплый снег, а летом мелкий дождь.

18). Шудургу-Саган-тэнгэри¹.

19). Писон-Саган-тэнгэри².

20). Зада-Саган-тэнгэри³, который управляет зада; з а д а — это ветер с дождем или снегом или же вместе с тем и другим, недолго продолжающийся, но зато часто повторяющийся, в день несколько раз; зада преимущественно бывает осенью и весною. Зада может быть сделан посредством особого корня; если этот корень оторвать или выкопать, тогда делается зада, т. е. состояние погоды переменяется сильно; вдруг делается холодный и порывистый ветер с дождем или снегом на 3 или 5, 7 и 9 дней. По словам бурят, эти корни хорошо знают таёжные охотники, которые для охоты делают зада; так же знают их большие птицы, гуси и лебеди; осенью перед отлетом они делают зада, что называется ш у б у н и з а д а (птичья зада). Эти корни знают также и некоторые звери: изюбри, сохатые и др., тогда буряты говорят б у г а н з а д а (изюбренный зада). Для зада есть также особый красный камень, который буряты называют задан-улан-шулун; посредством этого камня можно делать зада, когда угодно. Иногда зада бывает, когда громовая стрела упадет в воду; тогда зада бывает в продолжение девяти суток. Обыкновенный дождь, снег и ветер нужно различать от зада.

21). Бахаргу-Саган-тэнгэри.

22). Ишхи-Багин-тэнгэри, который покровительствует богатству.

23). Хурэтэ-Багин-тэнгэри — он тоже одаряет богатством, многочисленными потомками и скотом. А ш а я т а н и х а у г э й у н э р, а д у х а т а н и х а у г э й б а г и н, «много внуков, не узнает некоторых (из них), много скота, некоторых не узнает», т. е. он так много дает внуков и скотин, что человек не может запомнить их в лицо. В честь этого тэнгэри тоже делают разные религиозные обряды и просят у него многочисленных потомков и разного скота.

¹ Ш у д у р г у — «прямой»; обыкновенно буряты говорят: шудургу хун — «прямой человек».

² Писон-Саган-тэнгэри встречается в сказке «Абай-Гэсэр-богдо-хан».

³ Иные буряты говорят: Зада-Улан-тэнгэри. Слово з а д а происходит от глагола с а д а л х а — «развернуть».

24). Уха-Солбон-тэнгэри, который покровительствует лошадям или конному скоту. Этот тэнгэри, по словам балаганских бурят, имеет одного сына по имени Хитаран-зарин. По словам кудинских и капсальских бурят, Уха-Солбон-тэнгэри имеет трех жен: старшая Хотогор-Малган, средняя Халюта-Малган и третья – дочь Ухандая Хэрхэн-Шаралган; эта последняя была взята с земли за свою красоту. Она была уже просватана за земного человека; хотели сыграть свадьбу и невесту повезли к жениху по обычаю бурят; свадебные гости провожали ее; на пути Уха-Солбон-тэнгэри похитил невесту из среды свадебного поезда. Спустившись с неба, он взял невесту и обратно поднялся на небо. По словам бурят, от этой жены Уха-Солбон-тэнгэрина родился один сын, которого звали Сокто-мэргэн.

25). Хухэ-нойон-тэнгэри, который покровительствует заянам белым хордугам (с а г а н и х о р д у т).

26). Ясал-Саган-тэнгэри (с а х и л г а т а б у д а л). Этот тэнгэри специально заведует громом и молнией; он защищает земных людей от нечистых духов, против которых гремит во время грозы; хотя другие западные тэнгэрины тоже могут бить грозою, но этот тэнгэри считается главным грозным деятелем; он преимущественно преследует нечистых и злых духов; его называют Ясал-Саган-тэнгэри, сахилгата будал¹, потому что гроза без молнии не может быть. Этот тэнгэри иногда нечистых духов бьет стрелою (что называется г а л а р б у х а); тогда, по мнению бурят, бывает сильная засуха и жары. От Ясал-Саган-тэнгэрина тоже падают особые камни, так называемые у бурят б у м а л ш у л у н – «спустившийся камень»; если такой камень найдут люди, они должны хранить его, как святыню и делать в честь его религиозные обряды. Камень, будто бы павший от Ясал-Саган-тэнгэри унгинскому белому шаману Барлаку Хогнуеву, доньне хранится у его потомков и носит название Яшил, ему брызгают тарасун.

27). Хөтө-Бумал-тэнгэри, который, по словам бурят, покровительствует молочной пище.

28). Бумал-Саган-тэнгэри покровительствует племени булут.

29). Мэндэри-тэнгэри, который заведует градом и сильнейшим громом и молнией.

Тат гэмэ дун	Сильнейший гром тат,
Такшин шинэн мэндэр,	Величиною с чашку град,
Тут гэмэ дун	Сильный гром тут ²
Тэбшин шинэн мэндэр,	Величиною с корыто град,
Гал ехэ сахилган	Молния сильно сверкает.
Газар ехэ дохолгон...	Земля трясется сильно...

¹ Сахилган – «молния».

² Именем т а т буряты называют внезапный сильный удар грома. Т у т – глухой сильный гром.

30). Хундари-тэнгэри.

31). Гутар-багин-тэнгэри.

32). Хан-Саган-тэнгэри.

33). Нойон-Саган-тэнгэри.

34). Хун-Саган-тэнгэри.

35). Галта-Улан-тэнгэри, который заведует сильным зноем или жаром и засухою. Этот тэнгэри тоже бьет грозою, но только огненной (г а л б у д а л); во что он ударит, то все горит; после огненной грозы бывают сильнейшие жары и засухи, от чего «растущие травы с корнями засыхают, текущие воды в источниках засыхают» (ургажи байхан ногон ундэхэн хата, ураши байхан ухан ихинэхэн хата). По словам некоторых бурят, на земле огонь заимствован от Галта-Улан-тэнгэри, который есть покровитель огня.

36). Сар-Саган-тэнгэри.

37). Манха-Малан-тэнгэри.

38). Оёр-Мөнхөн-тэнгэри, который, по словам ольхонских бурят, имеет 6 сыновей: 1. Заян-тэнгэри, 2. Алтан-тэнгэри, 3. Хөхө-тэнгэри, 4. Хан-Тюрмас-тэнгэри, 5. Хажир-тэнгэри и 6. Дөбөдөй, который считается покровителем разного скота.

39). Заян-тэнгэри.

40). Алтан-тэнгэри.

41). Хөхө-тэнгэри.

42). Хажир-тэнгэри, которого балаганские буряты считают восточным тэнгэри, а ольхонские причисляют к западным.

43–46). Гурбан-Халхин-тэнгэри (три ветряные тэнгэри). По словам балаганских бурят, есть три особые тэнгэрина, которые покровительствуют северным ветрам. Эти три тэнгэрина принадлежат к западным добрым, так как они своим дуновением очищают всю землю от нечистот и от разных болезней, которые распространяются по земле. Покровительствующие северным ветрам тэнгэрины, по словам бурят, постоянно дуют с севера к югу, с запада к востоку и т. д. Если иногда бывают сильно ветряные года, то буряты говорят, что на этот год для людей и животных будет хорошо, они не будут часто болеть, потому что сильные и частые ветры выдувают разные болезни, обыкновенно посылаемые восточными тэнгэринами и черными заянами.

47–49). Гурбан-Эмэршин-тэнгэри, которые покровительствуют исключительно южным ветрам. Гурбан-Эмэршин-тэнгэри (гурбан — три, эмэршин — южный ветер) тоже принадлежит к западным добрым тэнгэринам; они своим дуновением очищают землю от разных нечистот и болезней, как три

Хальхин-тэнгэри. По словам балаганских бурят тэнгэрины, покровительствующие северным и южным ветрам, имели борьбу с тремя тэнгэринами Манан (туман) и с тремя тэнгэринами Бөрөн. Тэнгэрины северных и южных ветров вышли победителями; они своих соперников восточных тэнгэринов Манан и Бөрөн выдули на дно океана Газада-Далай и на подошву горы Сэмбэр-Ула; от этого-то, говорят буряты, туман выходит летом из воды и из горы, а осенью только из воды; они туда были выдуты, оттуда теперь и выходят.

50). Оедол-Саган-тэнгэри, от которого падают камни «бумал-шулун». Бумал-шулун, принадлежащий инородцу Улухэну, упал от этого тэнгэри.

51). Сомон-Хөхө-тэнгэри.

52). Яшили-Бумал-тэнгэри.

53). Зада-Улан-тэнгэри, от которого тоже падают красные камни.

2. Восточные тэнгэрины

Восточные тэнгэрины находятся на восточной стороне, т. е. на стороне, противоположной западным тэнгэринам. По словам балаганских бурят, и др. восточные тэнгэрины считаются злыми и враждебно относятся к земным людям, которым посылают разные несчастья, раздор и всевозможные заразительные и не заразительные болезни, производящие смертность между людьми.

Восточные тэнгэрины в прежнее время находились в дружественных отношениях с западными тэнгэринами и не было между ними разделения; но впоследствии они сильно поссорились между собою, отделились от западных тэнгэринов, ушли к востоку, образовали особое общество восточных тэнгэринов и с этого времени постоянно враждуют с западными.

Восточные тэнгэрины между собою разделяются на отдельные группы; каждая из них имеет свое определенное назначение по какому-нибудь предмету. Восточные тэнгэрины имеют, как и западные тэнгэрины, своих отдельных хатов, заянов и прочих злых духов, которые, по распоряжению восточных тэнгэринов, постоянно вредят людям, насылают на них разные болезни, несчастья и поселяют раздор между ними, даже посылают разные болезни на скот, который от этих болезней сильно пропадает. По словам балаганских бурят, восточных тэнгэринов насчитывается всех 44, следовательно, десятью тэнгэринами менее, чем у западных тэнгэринов.

1). Ата-Улан-тэнгэри, по словам балаганских бурят, самый старший между восточными тэнгэринами; все прочие тэнгэрины, хаты, заяны и злые духи находятся в его подчинении; у кудинских бурят самый старший из восточных Химхир-Богдо-тэнгэри, который имеет жену Абахай-Тайжи-хатун, дочь Абарга-Саган-нойона.

2). Гужир-Бомо-тэнгэри, который женился на дочери западного тэнгэри. В прежнее время западные и восточные тэнгэрины были вместе; впоследствии между ними произошел сильный раздор; они разделились: хорошие тэнгэрины отошли к западу и сделались западными тэнгэринами, злые к востоку и стали восточными тэнгэринами. Впоследствии западные и восточные тэнгэрины помирились между собою и даже породнились; дочь западного тэнгэри Тэмэ-Ногон вышла замуж за восточного Гужир-Бомо-тэнгэри. Когда западный тэнгэри выдавал замуж свою дочь за восточного Гужир-Домо-тэнгэрина, дочери своей он дал в приданое (о н ж и) рыжего коня и красную корову (по-бурятски «хурэн зэрдэ морин хотолго, хурэ-улакши унен онжи»). Вследствие этого нынешние кудинские буряты посвящают восточному тэнгэри рыжего коня и красную корову; а также в память об этом буряты ныне дают своим дочерям онжи из разного скота, которое считается ее собственностью.

3—11). Ехон-Шухан-тэнгэри (9 кровавых тэнгэринов), которые, по словам бурят, могущественны и покровительствуют восточным кровавым хатам (ш у h а н-х а т). Ехон-Шухан-тэнгэри находится на северо-восточной стороне неба; они очень злы и сильно вредят людям; имена их; Шуха-Улан-тэнгэри; Хара-Шухан-тэнгэри, иные говорят, Булин-Хара-тэнгэри; остальных имен я не успел собрать.

Улан шуһан ундан,	Красная кровь питье,
Хуни мяхан иден,	Человеческое мясо пища (еда),
Хара архи хаба!	Черное вино уменье (мудрость)!
Дак хара тогон ¹ ,	Черный котел ¹ ,
Дабирха хара иден...	Черная, как деготь пища...

Этим Ехон-Шухан-тэнгэри приписывают опустошительный град, который выбивает все и приносит громадный вред; кроме того, от этих тэнгэринов идут «кровоаво-красный дождь» и «каменный град», шухан-хура, шулун-мэндэр.

12—24) Асаранги-арбан гурбан-тэнгэри², могущественные покровители всех черных и злых шаманов и кузнецов, которые преимущественно или исключительно служат восточным тэнгэринам, восточным хатам, заянам и прочим злым духам; черные шаманы и кузнецы между собою разделяются; некоторые из них служат только черным и злым хатам, заянам и прочим злым духам; они вообще людям делают вред, причиняют разные болезни и несчастья и даже съедают людей, т. е. съедают душу людей, от чего люди умирают; иногда они стреляют в людей стрелами и убивают их; такие шаманы, когда шаманят, половину лица мажут сажею, а также и трость, а котел поворачивают вверх дном;

¹ Д а к х а р а — «издавна накопившаяся на котле копоть или сажа».

² А с а р а н г и - а р б а н г у р б а н т э н г э р и — «тринадцать тэнгэринов Асаранги».

черные шаманы обыкновенно шаманят в темную безлунную ночь; некоторые черные шаманы лицо мажут кровью. Другие черные шаманы особенного вреда не делают людям; если они не сердятся или не ссорятся, то, напротив, они делают разные религиозные обряды восточным тэнгэринам, хатам, заянам и пр., чтобы они, приняв жертвоприношение, не делали людям зло и болезнь, а покровительствовали бы им, больных вылечивали бы от болезни, ими же насланной больному; таким образом, эти черные шаманы являются как бы защитниками людей, ходатайствуя за них перед своими черными хатами, заянами и пр. Каждый из тринадцати тэнгэринов Асаранги имеет свое отдельное имя. 1. Бө-Хара-тэнгэри, под покровительством которого сделался черным шаманом Бөхөнө, имеющий 9 сыновей; все они были черными шаманами, 2. Харан-дархаһи-тэнгэри (черный кузнечный тэнгэри) Бөрөн-Хара-тэнгэри. Восточные тэнгэри, как и западные, имеют своего особого черного кузнечного тэнгэри, который покровительствует восточным и черным кузнецам. Восточный черный кузнечный тэнгэри по приказанию восточных тэнгэринов передал кузнечное искусство земным людям; Хожир-Хара-дархан первый из людей сделался черным кузнецом; он находится под покровительством восточного тэнгэрина Бөрөн-Хара, а потому враждебно относится к западным и белым кузнецам. Хожир-Хара-дархан имеет 7 сыновей, которые все сделались черными кузнецами.

Энэ мани	Этих нас
Эльбидэ һурһаһан	Волшебству научили
Зуни дошин дөрбөн тэнгэрин	Из восточных 44 тэнгэринов
Бөрөн-Хара тэнгэри	Бөрөн-Хара-тэнгэри!
Алиганда мана	На ладони нашей
Аб бала...	Волшебство было...

По словам другого шамана, черным кузнецам покровительствуют какие-то Харангу-тэнгэри, Хара-Сокор-тэнгэри, Бурунху-тэнгэри и Бөрөн-Сокор-тэнгэри, которые принадлежат к восточным тэнгэринам. Ниже помещаю отрывок из призывания:

Харангу-тэнгэри,	Темный тэнгэри,
Хара-Сокор-тэнгэри,	Черно-чубарый тэнгэри,
Бурунху-тэнгэри,	Туманный тэнгэри,
Бөрөн-Сокор-тэнгэри	Туманно-чубарый тэнгэри,
Утха ¹ хэжи бахан	Сделались началом ¹
Хожирон долон дархад...	Хожироевых семи кузнецов.

¹ У т х а — происхождение.

25–31). Хожиринги-долон-тэнгэри насылает всевозможные заразные и не заразные болезни, язвы и проч., от которых люди и скот сильно умирают. Хожиринги-долон-тэнгэри в переводе — семь тэнгэринов Хожиринги; каждый имеет свое имя и насылает известные роды болезней, которые от него зависят. Имена этих тэнгэринов: 1. Хамшин-Хара-тэнгэри, который насылает и поддерживает болезни х а м ш и к, чахотку и разные кашли; х и м ш и н, вид цинги, 2. Ухэр-Хара-тэнгэри насылает разные болезни скота, 3. Бомон-Хара-тэнгэри, который насылает б о м о (сибирскую язву). Имена прочих Хожиринги-тэнгэринов я не успел собрать.

32). Охин-Хара-тэнгэри (өхин-«девица»), по словам бурят, — это очень сильный тэнгэри; она насылает разные болезни людям и скоту, особенно она поражает женщин и мужчин бесплодием и насылает всякие болезни половых органов, в особенности, женских; беременным женщинам насылает болезнь и смерть при разрешении беременности; иногда падение матки у женщин и кровотечение.

33). Харан-Будал-тэнгэри; от этого тэнгэри бывают так называемые х а р а н б у д а л, т. е. грозовые удары в людей, животных, деревья и пр., от него же также спускается и у р а к. Хотя другие восточные тэнгэрины тоже могут ударить грозой, но этот тэнгэри считается по преимуществу заведывающим молнией и грозой у восточных тэнгэринов, как у западных Ясал-Саган-тэнгэри. Если от восточного тэнгэри упадет ураг кому-нибудь или он грозой убьет животное, принадлежащее какому-нибудь буряту или грозой разобьет столбы или постройку, то хозяин-бурят немедленно обращается к опытным шаманам и ворожеям с просьбой узнать, от кого был удар, от восточного тэнгэри или от западного, чтобы, узнавши, сделать необходимые религиозные обряды.

34). Хэлин-Хара-тэнгэри или, по словам некоторых, Хө-Хара-тэнгэри, который покровительствует черным, очень злым и очень сильным хара-хордугам, живущим в северо-восточной стороне на берегу черного моря.

35). Ганзу-тэнгэри, который насылает беснование (г а н з у) на людей и на животных, отчего они и умирают. Ганзу-тэнгэри насылает разные беснования, например, ш ө д ө р-г а н з у (ш ө д ө р — «треног»); кто беснуется от шөдөр-ганзу, тот не может бежать, а кружится и падает; н о х о й-г а н з у — «собачье беснование», как обыкновенно беснуются собаки и пр. Если беснуется домашний скот, то их стреляют из ружья; тогда ганзу может подняться обратно на небо; если беснуется человек, то его везут купать в озеро Аля в Аларское ведомство. Для умилоствления Ганзу-тэнгэри делают особые религиозные

обряды и жертвоприношения. По словам бурят, от беснования есть особые корни, которые помогают. Если бешеная собака укусит здоровую собаку, то буряты укушенной собаке дают девять маленьких кусков чугуна съесть с хлебом, будто это помогает. Заяны Ганзушины, по словам бурят, находятся под покровительством этого тэнгэри.

36). Гуг-Хара-тэнгэри.

37). Тат-Хара-тэнгэри.

38–41). Гурбан-Манан-тэнгэри (г у р б а н – «три», м а н а н – «летний туман»). По словам балаганских бурят, туман (м а н а н) имеет своих покровительствующих отдельных тэнгэринов, которые принадлежат к восточным черным тэнгэринам. Гурбан-Манан-тэнгэри (три туманных тэнгэри) насылают на землю туман. Когда они боролись с западными тремя ветряными тэнгэринами, они были побеждены и выдуты на дно моря Газада-далай; почему туман теперь и выходит из воды; они были также выдуты и на подошву горы Сэмбэр-ула, отчего ныне туман бывает на горах. Во время сильного тумана на людей распространяются разные болезни, которые будто бы вместе с туманом странствуют по земле и вредят людям и животным. Следовательно, по словам бурят, в тумане заключается злое и нечистое для людей и животных, насылаемое восточными тэнгэринами.

42–44). Гурбан-Бөрөн-тэнгэри (б ө р ө н – «туман осенний и зимний»). По словам балаганских бурят, бөрөн тоже имеет своих покровительствующих тэнгэринов, как манан. Буряты бөрөн отличают от манана; последний бывает летом, а первый, т. е. бөрөн, бывает осенью и зимою. По мнению бурят, во время бөрөна тоже распространяются на людей и животных разные болезни.

3. Западные хаты

После тэнгэринов следует описать детей их, западных и восточных хатов и прочих добрых и злых заянов и духов.

Сперва опишу детей западных тэнгэринов, западных хатов и прочих добрых заянов. У бурят все тэнгэрины разделяются на белых западных и черных восточных; западные покровительствуют людям, защищая их от восточных, враждебно относящихся к людям; дети этих тэнгэринов, хаты, заяны и прочие духи по примеру тэнгэринов также разделяются на белых западных и черных восточных.

Дети западных тэнгэринов спустились на землю по приказанию западных тэнгэринов, чтобы защитить людей от злых духов, заянов и восточных хатов, которые на людей насылали разные болезни. Из детей западных тэнгэринов главными, как у кудинских бурят, так и у балаганских, считаются Хан-Шаргай-нойон, сын Эсэгэ Малан-тэнгэри, и Буха-нойон-бабай, сын Будургу-Саган-тэнгэри, а по словам кудинских бурят, – сын Заян-Саган-тэнгэри.

О Хан-Шаргай-нойоне и Буха-нойон-бабае имеются разные легенды; у кудинских бурят в народных преданиях Хан-Шаргай-нойон также упоминается, но религиозных обрядов в честь его мне не приходилось видеть или о них слышать, как у балаганских бурят, у которых Хан-Шаргай-нойон находится во главе западных хатов.

Мне как-то рассказывал один кудинский бурят, а другие подтвердили, что в прежнее время западные тэнгерины сотворили на земле людей, которым и покровительствовали. Земные люди в то время не знали никаких болезней и раздоров между собою и доживали до глубокой старости. В это самое время восточные тэнгерины спустились на землю и начали на земных людей насыпать разные болезни и раздоры; от последнего земные люди стали между собою ссориться и завидовать друг другу, а от болезней сильно помирали. Западные тэнгерины узнали, что сотворенные ими люди на земле сильно умирают от восточных тэнгеринов. Тогда они послали на землю на выручку земных людей, на первый раз Хан-Шаргай-нойона, который, спустившись на землю, не мог справиться с восточными, черными и злыми хатами, заянами и духами, посланными от восточных тэнгеринов. Хан-Шаргай-нойон обратился к западным тэнгеринам и выпросил у них себе на помощь Буха-нойон-бабая, который тоже спустился на землю. Хан-Шаргай-нойон и Буха-нойон-бабай вдвоем общими силами начали защищать земных людей от черных и злых хатов, заянов и духов, но не могли отстоять земных людей. Тогда они опять обратились к западным тэнгеринам и просили послать им третье лицо (имя его рассказчик не мог вспомнить). Этот новый помощник тоже спустился на землю и тогда они втроем общими силами справились с черными и злыми хатами, заянами и духами и не дали погубить земных людей; после того люди реже стали умирать и заболеть от разных болезней. Восточные тэнгерины от злости начали придумывать, как бы отомстить западным тэнгеринам. Они хотели узнать, что будут делать западные тэнгерины, если у них украдут младшую дочь западного тэнгери, как они будут выручать свою младшую дочь. И вот им как-то удалось украсть младшую дочь западного тэнгери; узнав об этом, западные тэнгерины послали на землю посла, чтобы немедленно вытребовать на небо Хан-Шаргай-нойона, Буха-нойон-бабая и третьего с ними бывшего товарища; тогда все трое поднялись на небо и явились к тэнгеринам, которые сказали им, что у одного из них восточные тэнгерины украли дочь и приказали им ехать разыскать младшую дочь западного тэнгери и привезти ее обратно.

Тогда к восточным тэнгеринам за младшею дочерью западного тэнгери поехал Хан-Шаргай-нойон; восточные тэнгерины приняли и угостили его, а потом

предложили ему попробовать бег лошадей, чья лошадь выбежит. Согласился Хан-Шаргай-нойон и его лошадь выбежала против всех других лошадей восточных тэнгэринов. Восточные тэнгэрины предложили Хан-Шаргай-нойону бороться; он и на это согласился и поборол всех других борцов. Тогда восточные тэнгэрины сказали друг другу: «Он всех нас поборол и лошадь его выбежала против наших лошадей, следовательно, он может победить нас». Поэтому восточные тэнгэрины начали свататься за дочь западного тэнгэри. Хан-Шаргай-нойон согласился выдать младшую дочь западного тэнгэри замуж за восточного тэнгэри и взял калыму темно-бурую лисицу. После этого Хан-Шаргай-нойон приехал обратно к западным тэнгэринам и сказал, что он оставил младшую дочь западного тэнгэри, выдав ее замуж за восточного тэнгэри и привез калыму темно-бурую лисицу, «худа орожи, хадаха харбаха хума, харида ошохо басаган, галта хара унэгэ адуха асараб». Таким образом младшая дочь западного тэнгэри осталась у восточных тэнгэринов и вышла там замуж.

Другие кудинские буряты говорят так, что в прежнее время западные тэнгэрины на земле сотворили людей, которые в первое время жили счастливо и не знали никаких болезней и умирали в глубокой старости; но это не продолжалось долго, потому что восточные тэнгэрины спустились на землю и наслали черных и злых зайнов и духов, которые на земных людей в свою очередь насылали разные болезни и раздор, отчего люди сильно начали умирать и ссориться между собою. Западные тэнгэрины отворили небесную дверь¹, посмотрели на землю и увидели, что восточные тэнгэрины спустились на землю и насылают на земных людей разные болезни и люди умирают. Тогда они на защиту земных людей послали на землю Хан-Шаргай-нойона, который на небе отличался большою силою и умом. Когда Хан-Шаргай-нойон спустился на землю, то он не мог справиться с черными и злыми хатами, зайнами и духами, посланными восточными тэнгэринами, и обратился к западным тэнгэринам, чтобы они послали ему на помощь еще другого своего сына. Тогда западные тэнгэрины послали еще одного сына, таким образом один за другим спустились

¹ По мнению бурят, у видимого неба есть особая дверь, которую западные тэнгэрины и зайны, находящиеся на небе, изредка отворяют и смотрят на землю, чтобы увидеть, не случилось ли на земле какого-нибудь несчастья между людьми. Если на земле случится несчастье, т. е. болезни и сильная смертность, то тэнгэрины и зайны принимают против этого меры. Если кто-нибудь из земных людей увидит, что небесная дверь отворилась, то он будет очень счастлив; если же этот человек попросит что-нибудь от тэнгэринов, то его просьба будет исполнена, потому что тэнгэрины и зайны не отказывают. Когда небесная дверь (тэнгэри удэн) отворится, то на земле делается необыкновенно светло; из небесной двери виден чудный белый свет: вся земля сияет необыкновенным светом, но это, по словам бурят, продолжается недолго.

на землю по приказанию западных тэнгэринов все девять сыновей западных тэнгэринов. Эти девять сыновей, спустившись на землю, уговорились с восточными тэнгэринами, их заянами и духами, чтоб они сделались восточными хатами, а сами девять сыновей западных тэнгэринов сделались западными хатами, покровителями людей, которые с тех пор перестали сильно умирать от разных болезней.

По словам кудинских бурят, с этого времени появились на земле западные и восточные хаты, а прежде их не было.

У балаганских бурят тоже есть предание о Буха-нойон-бабае. Предание балаганских бурят о происхождении племени булагатов, эхиритов и о Буха-нойон-бабае во многих местах совершенно расходится с кудинским; некоторые балаганские буряты говорят, что Буха-нойон-бабай прежде был самый приближенный чиновник при Эрлэн-хане; его тогда звали Эльбитэ-Хара-нойон, а кудинские буряты говорят, что Буха-нойон-бабай был сыном западного тэнгэри заян Саган-Бохо-Муя; есть также балаганские буряты, которые говорят, что Буха-нойон-бабай был сыном Будургу-Саган-тэнгэри.

В глубокой древности жил некто Молонтой, который остался от своих родителей круглым сиротою; он вырос и получил воспитание у трех больших лам, которые выучили его тайнам ламской мудрости. Средний лама, не любя его и не желая, чтобы он знал все тайны их мудрости, выругал, т. е. проклял Молонтоя, а также и старшего ламу, который выучил его ламской мудрости. Старший лама, узнав об этом, велел Молонтою немедленно идти к морю, на берегу которого растут три березы, из них среднюю березу сломать и принести ему. Эти три березы означали душу этих трех лам. Молонтой исполнил в точности приказание старшего ламы, принес и отдал ему сломанную среднюю березу. В это время старший лама начал читать священные книги, посредством которых проклял среднего ламу до смерти.

Впоследствии Молонтой женился и имел много детей, от которых было множество внуков и правнуков. Сам Молонтой жил до глубокой старости и не умирал, как другие. Эрлэн-хан неоднократно посылал посланников немедленно привести и представить ему Молонтоя, который по закону Эрлэн-хана давно должен бы умереть и явиться к нему; но посланные по ошибке всегда приводили кого-нибудь из потомков Молонтоя, а не его самого. Наконец, Эрлэн-хан послал за Молонтоем самого большого и приближенного своего чиновника Эльбитэ-Хара-нойона, которого Молонтой не мог обмануть, потому что он обладал большими таинственными силами и знанием; посредством этих знаний он безошибочно поймает самого Молонтоя и представит его самому Эрлэн-хану.

Когда Молонтой узнал, что Эрлэн-хан послал за ним Эльбитэ-Хара-нойона, которого прежними способами невозможно обмануть, он придумал новый. Он сел на темно-синего пороза и поехал с книгою в руках навстречу Эльбитэ-Хара-нойону; кроме книги, в одной руке он держал железный молот, которым понужал своего темно-синего пороза. Когда Молонтой встретился с Эльбитэ-Хара-нойоном, последний узнал его и говорит ему: «Добрый человек! Приехал по желанию!» Потом спросил: «Куда ты едешь?» «Еду к Эрлэн-хану, — отвечает Молонтой. «Когда ты доедешь на этом порозе до Эрлэн-хана?» — спросил Эльбитэ-Хара-нойон. «Не догонишь моего пороза на своем коне», — сказал Молонтой. Тогда они оба заспорили, кто кого выбежит; после долгого спора они согласились бежать в бег вокруг земли; Молонтой на своем порозе, а Эльбитэ-Хара-нойон на своем коне, на котором приехал от Эрлэн-хана; кто из них наперед прибежит на это место, где они теперь стоят, за тем останется победа. Потом они встали рядом и Эльбитэ-Хара-нойон убежал вперед на своем коне, а Молонтой остался на месте на своем порозе. Как только Эльбитэ-Хара-нойон убежал вперед, Молонтой соскочил со своего пороза и три раза провел пороза по солнцу вокруг себя; потом сел на пороза и смотрит в книгу, где находится Эльбитэ-Хара-нойон и наблюдает за ним, как он бежит, с кем встречается по дороге. Молонтой видит в книге, как Эльбитэ-Хара-нойон встретил на пути одного человека, утопающего в воде; утопающий, видя его, кричит: «Спаси меня из воды!» «Некогда мне спасать тебя, бегу в бег с Молонтоем», — ответил Эльбитэ-Хара-нойон; сказавши это, он бежит далее. На том же пути одна лошадь лежит в грязи и не может выйти из нее, эта лошадь, увидав Эльбитэ-Хара-нойона, кричит ему: «Вытащи меня из грязи!» Эльбитэ-Хара-нойон говорит лошади: «Не время мне! Я бегу в бег с Молонтоем!» — сказавши это, он бежит далее. Когда Эльбитэ-Хара-нойон возвратился на место, объехав вокруг земли, Молонтой стоит на прежнем месте и говорит ему, что он давно уже приехал и ждет его, так как он вперед объехал вокруг земли. Но Эльбитэ-Хара-нойон не поверил ему и сказал: «Ты вовсе не бежал, а простоял на одном месте». Тогда Молонтой сказал ему: «Я ехал впереди тебя по таким-то местам», — и рассказал, по каким местам ехал Эльбитэ-Хара-нойон и как он встретил одного человека, который утонул в воде и также лошадь в грязи; и как, когда они обратились к нему за помощью, он сказал им: некогда, бегу в бег с Молонтоем. Тогда только Эльбитэ-Хара-нойон поверил Молонтою и предложил ему перемениться бегунцами; Молонтой согласился и отдал Эльбитэ-Хара-нойону своего темно-синего пороза, а взял от него лошадь. Потом Молонтой сказал Эльбитэ-Хара-нойону: «Я поеду, а твой пороз отстанет от меня; тогда ты слезь с него и ударь его этим молотом между рогами; он упадет на землю; в это время скорее распори ему брюхо и влезь туда, потому что он

побежит так скоро, что ты иначе не в состоянии будешь удержаться на нем». После этого Молонтой уехал на коне Эльбитэ-Хара-нойона, а тот остался от Молонтоя на своем пороже, он соскочил с него и ударил его железным молотом между рогами; пороз упал мертвым; Эльбитэ-Хара-нойон как можно поскорее распорол брюхо порожа и влез туда, как ему говорил Молонтой. И когда влез в порожа, то каким-то таинственным образом сам обратился в темно-синего порожа, сделавшись порозом, он уже не мог возвратиться обратно к Эрлэн-хану; поэтому он ходил по берегу моря. В это время на южной стороне моря мычит пестрый пороз Тайжи-хана и говорит: «Кто может со мною бодаться на этом свете, тот пусть придет попробовать мои силы». Эльбитэ-Хара-нойон, который теперь обратился в темно-синего порожа и ходил по берегу моря на северной стороне его, услышал слова пестрого порожа и мычит ему в ответ: «Теперь мне только второй год! Когда будет третий год, тогда буду с тобою бодаться!» После этого Эльбитэ-Хара-нойон, т. е. темно-синий пороз, удалился на Тункинские горы, откуда поднялся на небо к Эсэгэ-Малан-тэнгэри, где он соединился с рогатым скотом Эсэгэ-Малан-тэнгэри, у которого все коровы были белого цвета шерсти; перед тем все коровы не телились в продолжении трех лет. Когда темно-синий пороз присоединился к коровам Эсэгэ-Малан-тэнгэри, все коровы отелились, но только телята были темно-синего цвета шерсти. Видя все это, Эсэгэ-Малан-тэнгэри приказал своему пастуху немедленно прогнать неизвестного порожа. Пастух, сев на черную кобылу, прогнал неизвестного темно-синего порожа, который спустился на землю в царство Тайжи-хана и вызвал на борьбу пестрого порожа, а на место себя поставил свое изображение из камня; сам, сделавшись красивым молодым человеком, ухаживал за дочерью Тайжи-хана. Пестрый пороз, не узнав, что перед ним стоит каменное изображение темно-синего порожа, боднул его изо всей силы, но от сильного напора испортил свои рога, после этого пестрый пороз удалился прочь, считая себя побежденным. В это время Эльбитэ-Хара-нойон ухаживал за дочерью Тайжи-хана, она впоследствии сделалась от него беременною. Отец её, Тайжи-хан, узнав, что его дочь сделалась беременною от неизвестного человека, начал притеснять её, она обратилась к Эльбитэ-Хара-нойону за советом, что делать теперь, он сказал ей: «Когда родится сын, то передай его мне!» Скоро родился сын от дочери Тайжи-хана, она тайно завязала ребенка в железную люльку и отдала Эльбитэ-Хара-нойону, который снова возвратился на северную сторону моря, где и кормил своего сына.

В это время на северной стороне моря, т. е. Байкала, жили 10 домов атагатов и 20 домов хотогоотов (арбан өрхө атагат, хорин өрхө хотогоот); в том числе

были две большие шаманки Асухан и Хусыхэн; родственники и соседи хотели умертвить их и разделить их имущество между собою по обычаю того времени¹, но шаманки отговорили родных и соседей, сказав им, что у них еще будут сыновья, которые скоро должны родиться. Однажды старшая шаманка шаманила и во время действия сказала, что на северной стороне моря, на горе лежит темно-синий пороз с ребенком в железной люльке, этим Асухан кончила шаманское действие; после этого младшая шаманка начала шаманить и во время действия сказала, что темно-синий пороз есть Буха-нойон-бабай, которому нужно принести в жертву большого белого барана с большими рогами; тогда, если Буха-нойон-бабай примет жертву, то уступит им ребенка в железной люльке. С этими словами младшая шаманка окончила свое действие. Эти две шаманки не имели детей, а потому сильно обрадовались, что у них будет сын, которого так давно они ждали, они немедленно принесли в жертву Буха-нойон-бабаю большого белого барана с рогами, курунгу и тарасун. Тогда Буха-нойон-бабай, т. е. Эльбитэ-Хара-нойон, принял жертву от этих шаманок и уступил им своего сына в железной люльке, а сам удалился на тункинские горы, которые он выбрал для своего местопребывания, на пути он выделял жидкость, как обыкновенно делают порозы на ходу, на этих местах впоследствии выросли пихта и вереск, которые буряты считают священными и чистыми растениями.

Когда обе шаманки взяли ребенка, то не могли развязать ремни железной люльки, в которой был спеленат ребенок, тогда шаманка Хусыхэн начала шаманить и во время действия говорила, что нужно взять правую лытку с задней ноги (барун хойто шата сөмөгөн) и большой нож и исполнить обычай өлгөдө урулха; после этих слов она перестала шаманить. Шаманки взяли правую лытку от задней ноги и большой нож, положили их на люльку и таким образом исполнили обряд ө л г ө д ө у р у л х а; тогда ремни железной люльки сами развязались, после этого шаманки взяли ребенка и начали воспитывать как родного сына и дали ему имя Булагат «буха дорхо олодон Булагат» (под порозом найденный Булагат).

Когда Булагат немного вырос, тогда он ходил на берег моря играть с неизвестным мальчиком, который выходил из воды, а потом опять уходил в воду.

¹Если женщина после смерти мужа осталась бездетною, родные и соседи мужа ее, собравшись к этой женщине, по обычаю, закрывали дверь её юрты и сверху через отверстие юрты для выхода дыма выливали воду на огонь, таким образом тушили его, а отверстие для выхода дыма (орхо) закрывали; после этого имущество делили. У бурят ныне существует ругань, имеющая основание в этом обычае, удэ ха, орхо болго (запри дверь, закрой отверстие для дыма). Если кто помрет бездетным, то говорят, «огонь его потух» (г а л и н у н т а р а).

Однажды Булагат пришел домой и сказал обеим шаманкам: «Когда я прихожу на берег моря, то из воды выходит неизвестный мальчик, с которым я играю на берегу моря, когда возвращаюсь домой, то он уходит обратно в воду; там он остается до моего прихода, я несколько раз просил его придти к нам, но он отказывается».

Тогда обе шаманки из своего молока приготовили кушанье бөн¹, дали его Булагату и сказали: «Ешьте этот бөн оба вместе». Булагат, взявши бөн, отправляется на берег моря играть с неизвестным мальчиком. Из воды вышел его товарищ и оба мальчика начали играть вместе; во время игры Булагат предложил своему товарищу бөн, который дали ему шаманки, чтобы поймать этого неизвестного водяного мальчика; оба они пополам съели бөн, после чего неизвестный мальчик лег спать на берегу моря, в это время Булагат прибежал домой и сказал обеим шаманкам, что его товарищ уже спит; тогда шаманки пришли и взяли неизвестного мальчика; его усыновила младшая шаманка Хусыхэн, впоследствии дали ему имя Эхирит.

От этих двух мальчиков произошли нынешние буряты, живущие в Иркутской губернии. Вот почему Буха-нойон-бабай считается покровителем бурят булагатов, а Ухан-хат – покровителем бурят эхиритов.

Впоследствии Буха-нойон-бабай перешел в западный хат, следовательно, Эльбитэ-Хара-нойон более не возвращался к Эрлэн-хану.

При западном хате есть еще одно лицо, которое спустилось по приказанию западных тэнгэринов на землю вместе с Хан-Шаргай-нойоном; последний упоминается на тайлганах, а этот нет, но, по словам балаганских бурят, он имеет очень важное значение, обыкновенно его называют Баруни-Боро-шарга, а настоящее его имя рассказчики не могли припомнить. В честь Баруни-Боро-шарга в прежнее время делали разные религиозные обряды большие и белые шаманы, а нынешние не могут, потому что не знают. Если шаман при совершении обряда ошибается, то Баруни-Боро-шарга строго наказывает провинившегося шамана.

К числу западных хатов принадлежит так называемый Хутэ-Саган-нойон; жена его называется Хурэтэ-хатун. Они покровители дворов; им делают жертвоприношение ночью; посторонние люди не должны присутствовать. Это жертвоприношение делает простой человек, а не шаман. Хутэ-Саган-нойон тоже спустился на землю по приказанию западных тэнгэринов.

¹ Бөн готовится ныне следующим образом: зерновой хлеб жарят в котле, потом толкут в ступке, когда немного истолкут, то толченый хлеб смешивают со сметаной или с маслом; это называют «б ө н».

К западным же хатам принадлежит Улан-Зала. По приказанию западных тэнгеринов спустился на землю Булак-Саган-нойон, хозяин порогов, который тоже принадлежит к западным хатам.

Кроме вышеупомянутых, еще есть другие, которые тоже принадлежат к западным хатам, имена их: Моргон-Дэгэ, Хун-Саган-нойон, жена его Хормо-Саган-хатун, Шэтэ-нойон, жена его Мата-хатун, Ганга-нойон, жена его Габи-хатун, Хан-Хурга-нойон и Хан-Хадара-зарин.

После западных хатов следует перечислить ухан-хатов. По словам некоторых бурят, самый старший заян в ухан-хате — это Гэрэл-нойон, жена его Туя-хатун, они имеют двух сыновей; эти два сына Гэрэл-нойона сделались главными заянами ухан-хата вместе со своими родителями и прочими заянами, спустившись с неба на гору Сэмбэр-ула и оттуда на дно моря. Два сына Гэрэл-нойона и жены его Туя-хатуны: старший сын Уха-Лобсон, жена его Ухан-Дабан-хатун, младший Далай-Лобсон, жена его Дабан-Саган-хатун. Ниже слова молитвы к ним:

Барулама тэнгэри
Табин табан тэнгэри;
Ухан-хахи тэнгэри
Барун хото оёрто
Уда-Мөнхөн тэнгэри¹,
Хуман-Хөхө тэнгэри,
Шудал тэнгэри,
Долон Хөхө тэнгэри;
Уда-Мөнхөн тэнгэрихэн
Ула гэрэл дугу татажи,
Хөхө-Мөнхөн тэнгэрихэн
Хөхө гэрэл дугу татажи
Сэмбэр ула дэрэ бужи
Ухан хөхө бөргөхөр
Жэбэр баряжи бужи,
Ухан далан оёрто
Арбан гурбан хэрбэтэ
Абарга ехэ загаһар
Хубилга баряжи орходо.
Ерен ехөн зохо барьһан
Наян найман хэлымэ барьһан
Гохоши ноён, Хэлымэши хатун
Барун жоло бахин² барьһан

¹ В тексте «тэнгэрихэн» — уменьшительное от тэнгэри. Морихэн — «лошаденка, маленькая лошадь; хутаххан — «ножичек», малгайхан — «шапочка», хубухэн — «мальчишка», борохон — «дождичек». *Ред.*

² Бахин, укоротив (повода), крепче. *Ред.*

Ута-Хиранга-ноён
Зун жоло бахин барьһан
Уһан дорур шунгаһан
Унху-Загал-баба³
Уһан хаһи удэрин ороходо
Еһон хобун болобди
Өрхөрин дэгдэхэдэ
Гурбан еһон болобди:
Гэрэл-ноён, Туя-хатун,
Гумгэ-ноён, Гульбэрэ-хатун,
Дошкин-ноён, Долье-хатун,
Хунги эжин
Хун-Саган-ноён, Хормо-Саган-хатун,
Шанда-ноён, Янда-хатун,
Ухаши-Саган-ноён, Умар-Саган-хатун,
Хажир-ноён, Харья-хатун,
Шин-ноён, Шилдэ-хатун,
Морёни бахар тургэ хэһэн
Өшөхө модор залма хэһэн
Уһа-Лобсон, Уһан-Дабан-хатун
Дала-Лобсон, Дайдан-Саган-хатун,
Хурэ шулун хурэ барьһан
Хохо уһар дугу хэһэн;
Хара шулун хама,
Хара ухар дуну хэһэн.
Эржи мөнгөн хилусан
Небери барьһан.
Хөлөр мөнгөн хилусан
Небери барьһан;
Эрэ-Хазагар
Бутан хагдар² мина хэһэн
Булагы уһар бидля хэһэн
Хулһан хөбүд, дэлһэн³ басагад,
Еһон һаб утаһатан.
Нугар дурэн мого
Нурар дурэн баха
Дунгинэмэ зүгэ
Ухатөмөн уна

¹ Унху-Загал-бабай. *Ред.*

² Х а г д ы н – «ветошь», «старая трава». *Ред.*

³ Д э л ы н – «грива лошади». *Ред.*

Доро угэй улан бухатан
Уһан хаһи утхан олһон
Унгин¹ хөдөлгөхөн
Хуһа үгэй Тархаги
Хуһата болгоһон
Хулһа үгэй загали
Хулһата болгоһон
Унхун хүбүүн
Урянха бабай...

По-русски:

Западные тэнгерины,
Пятьдесят пять тэнгеринов,
Тэнгерины ухан-хатов
На дне северо-западной стороны
Уда-Монхон тэнгери,
Хуман хөхө тэнгери,
Шудал тэнгери,
Будал тэнгери,
Семь Хөхө тэнгери (семь синих тэнгери);
Уда-Мөнхөн тэнгери,
Из красного света протянувши мостик,
Хөхө-Мөнхөн тэнгэрин
Из синего света протянувши мостик,
На гору Сэмбэр-ула спустились!
Как вода на крыльях
Синего орла, держась, спустились!
На дно водного моря
С тринадцатью плавниками
В большую рыбу Абарга
Превратившись, вошли.
Девяносто девять шестов державши,
Восемьдесят восемь весел державши,
Гохоши-нойон (с женою) Хэльмэши хатун
Правый повод короче державши,
Ута Хиранга-нойон
Левый повод короче державши,
Под водой нырявши
Вошедши в двери уһан-хата
Сделались девятью сынами (парнями)
Унху-Загала отца!
Поднявшись в отверстие юрты для
дыма («өрхө»)

¹ У н г и н – г. Хангалов перевел «рождение». У н г и н – также «обух». Ред.

Трижды девятью сделались:
Гэрэл-нойон (с женою) Туя-хатун
(госпожа Туя).
Гумгэ-нойон (с женою) Гульбэрэ-хатун,
Дошкин-нойон (с женою) Долье-хатун,
Хозяин Хуна
Хун-Сагай-нойон (с женою) Хормо-Саган-хатун,
Шанда-нойон (с женою) Янда-хатун,
Ухаши-Саган нойон (с женою) Умар-Саган-хатун,
Хажир-нойон (с женою) Харья-хатун,
Шин-нойон (с женою) Шилдэ-хатун!
Из конского навоза сделавши тургэ,
И дерева тальника сделавши залма,
Уна-Лобсон (с женою) Унан-Дабан-хатун
Дала-Лобсон (с женою) Дайбан-Саган-хатун!
Из рыжего (темно-красного) камня построивши двор,
Из синей воды сделавши мостик,
Из черного камня ворота,
Из черной воды сделавши мостик,
Перламутрово-серебряного замка
Ключи державши,
Медно-серебряного замка
Ключи державши,
Мужчина Хазагар (младший Хазагар)!
Из трав, растущих на кочках
(из старых трав) сделавши бич,
Ключевою водою сделавши омовение,
Как тростник сыновья (парни), как гривы девицы
С девятью шелковыми нитками!
Полное озеро лягушек,
Полный луг змей,
Жужжащие пчелы,
Каурый верблюд езда (подвода),
Без стремян красный пороз,
Находивший происхождение ухан-хата,
Пошевеливший рождение;
Без березы Тархая
С березами сделавший,
Без тростника Загала
С тростниками сделавший,
Сын Унхуя (Унхув сын)
Отец Урянхай.

4. Сатинские и Западные тэнгерины

После хатов нужно сказать о так называемых сатинских бурханах (с а т и н и б у р х а т)¹ по словам кудинских бурят, которые этих бурханов сильно чтут, они относятся к добрым заянам, покровительствующим людям, из этого следует, что сатинские бурханы принадлежат к западным белым заянам.

Кудинские буряты под названием сатини-бурхат понимают не одно лицо, а целую группу бурханов, «сатини» не есть название какого-нибудь места или горы, а произошло это имя от слова с а (чай), потому что при религиозных обрядах в честь сатини-бурхата употребляется всегда чай вместо вина и тара-суна, которых сатинские бурхаты не пьют вовсе.

Относительно сатинских бурханов мною собраны только имена некоторых из них, а также отрывки из молитв к ним, что я и помещаю ниже.

1. Бээрэ бөтөхөн
Бежин-хатун,
2. Бохолёр төктоһон
Намтан басаган
Бишелэ-Ганзу-бурхан.

Они имеют престол из чистого серебра, а пред престолом их горит толстая и желтая свеча.

3. Хугэл-Саган-бурхан
4. Холор-Саган-Табши.
5. Эргил-Саган-бурхан
6. Борго-Саган-хатун.

Они имеют медно-серебряные наконечники стрел, медно-серебряный престол и медно-серебряный чайник.

7. Такил-Саган-бурхан,
8. Зула-Саган-хатун
9. Голто-Саган-бурхан
10. Зулта-Саган-хатун.
11. Дала-Ламан зурган² со
Далан шарга морин
Хантарата бага³

¹ Бурхат – множ. число от слова бурхан. *Ред.*

² З у р г а н – «присутственное место», «правление». *Ред.*

³ Х а н т а р а т а б а г а – вернее следует перевести: «стояли с подтянутыми ногами». Буряты в некоторых случаях вяжут лошадей так: к шее подтягивают поводом одну заднюю ногу; конь тогда стоит только на трех ногах. Так делают, когда стригут коням ноги между коленом и копытом. Это делается для того будто бы, чтоб ноги не наливались кровью, что случается зимой. *Ред.*

- Далан булган даха
Буктэрэтэ бага
12. Далан-Сэн-басагад
Хорин гурбан холбого¹
Хоргоргото дада
Нүдэл барьһан.
13. Гэгэн-бурхани зурган со
Ерон хээр морин
Хантарата бага
Ерон шилуһэн даха
Буктэрэтэ бага
14. Ерон Сэн-Хөбуд
Өндөр тэнгэрин
15. Ерон ёһон Хурукшудэр гарн
16. Ишил-Багин тэнгэрин
Хурэ дунда зуга хэнэ.
Малга хара нарһар
Сэргэ хэһэн,
Шанда модор
Тургэ хэһэн
Бакса тамхи
Хыбэлгэ хэһэн
Кяхтын улан сагар
Унда хэһэн,
Хита улан тамхяр
Хибэлгэ хэһэн,
Тохо² мөнгөн шагабарта
Толи монгон хөмөтө³.
17. Өхөтө-бурхан
18. Абата-хатун
19. Уһан далан зурганда
Өндөр тэнгэрин хирада
Ерон хара морин
Хантарата бана
Ерон халюн даха
Бөктөрөтө бана.
20. Ерон Хун-хөбуд
Ула дэрэ дибэхэдэ⁴
Халин буман монсокто⁵

¹ Х о л б о г о – «погремушка». *Ред.*

² Т о х о – «локоть».

³ Х ө м ө – «храм», «дворец». *Ред.*

⁴ У л а д э р э д и б э х э д э – «На горе болтались». *Ред.*

⁵ М о н с о к – «шишка», «кисть». *Ред.*

- Зун найман зула
Зула бэрэ мөргөлтө,
Таби найман такил
Такил бэрэ мөргөл.
Уһан ехэ далан хурэсо
Ехэ дадын
Һу дунда
Ерон хөхө морин
Хантарата бина
Ерон хэрмэн даха
Бөктөрөтө бана.
21. Ерон-Хобожин-Мөнгөн хөбүд.
Алтан нарни
Гарха дэргэндэ
Ерон толго саган¹ морин
Хантарата бана
Ерон үнэгэн даха
Бөктөрөтө бана.
22. Ерон Холгото-басагад
Ула өдө дибэдэ.
Зулэжи тара
Дошин хара далан
Жирэлгэн со
Дөшин мундарган
Дэдэ бидэ.
23. Дөшин дөрбөн тэнгэрин
Додо бидэ
Ерон сокор морин
Хантарата бана
Ерон ёнот даха
Бөктөрөтө бана.
Мөнгөн ехэ сэжитэн
Алтан ехэ бөхөтөн.
Табин такил
Зун зула
Харса хунда харьта
Хамаг зондо заябарьта.

¹Толго саган – белоголовый. Ред.

По-русски:

1. Сама собою сотворившаяся
Госпожа Бежин,
2. Целиком остановившаяся
(в целом виде явившаяся),
Дочь Намтая,
Бишелэ-Ганзу-бурхан.
3. Хугэл-Саган-бурхан,
4. Хөлөр-Саган-Тобши.
5. Эргил-Саган-бурхан,
6. (Жена его) госпожа Борго-Саган.
7. Такил-Саган-бурхан,
8. (Жена его) госпожа Зула-Саган.
9. Голто-Саган-бурхан,
10. (Жена его) госпожа Зулта-Саган.
11. Во дворце Далай-ламы
Семьдесят соловых лошадей
Стояли с перекинутыми (через седла)
поводьями;
Семьдесят собольих дох
Лежали, перекинутые (на седлах).
12. Семьдесят девиц Сэн,
Двадцать три холбого
На местности Хонгоро (Канск)
Кочевание держали.
13. Во дворце Гэгэн-бурхана
Девяносто гнедых лошадей
Стояли с перекинутыми (через
седла поводьями);
Девяносто рысых дох
Лежали, перекинутые (на седлах).
14. Девяносто сыновей Сэн.
Высокие тэнгэрины,
15. Поднялись к девяносто девяти Хурукшудам.
16. К Ишил-Багин-тэнгэри,
Среди двора сделали пир.
Из сосны, черной как шапка
Сделавшие столб
(для привязывания лошадей).
Из дерева шанда
Сделавшие тургэ,

- Картузным табаком
Сделавшие курение,
Кяхтинским красным чаем
Сделавшие питье,
Китайским красным табаком
Сделавшие курение,
Имеющие окна из серебра тохо,
Дворец как блюдное серебро,
17. Охөтө-бурхан,
18. (Жена его) госпожа Абата.
19. Во дворце водяного моря,
На краю высокого неба
Девяносто черных лошадей
Стояли с перекинутыми (через
седла) поводьями;
Девяносто бобровых дох
Лежали, перекинутые (на седла),
20. Девяносто сыновей Хун,
Бобровые и соболи кисти
На гору летали.
Сто восемь свеч,
У каждой свечи моление.
Пятьдесят восемь жертв,
У каждой жертвы моление.
Во дворе большого водяного моря
(И) матери земли,
Среди пупка
Девяносто сивых лошадей.
Стояли с перекинутыми (через
седла) поводьями,
Девяносто беличьих дох
Лежали, перекинутые (на седла),
21. Девяносто юношей Хобожи-Мөнгөн.
На стороне восхода золотого солнца

2. Татан; 3. Дашан; 4. Номогон; 5. Ногон; 6. Нойон и 7. Сэсэк. При подошве горы Мундарга и на берегу широкого моря живут Хандагай-Бо-бабай с женою Хан-Тула-иби, Эрхэши-бабай с женою Зурхэши-хатун, старик Сэндэлэ с женою Нинхала-хатун; они имеют 9 сыновей и 9 дочерей, которые ездят на девяти чубарых конях. Привожу отрывок из призывания к ним:

Ёһон сокор морин мана
Өбөри ханда оро бэлэ.
Ёһон холбо бурхан боложи
Хун шубун¹ гарбарьган²
Сэн шубун сэртэн;
Зу найман золтон³
Таби найман тахилтан
Ерон ёһон шошолонгут
Жигдэ дэрэ тараба!
Хан ехэ шошолон
Хамта дэрэ тараба!
99 хэсэн тобор барьһан
Ехэ оргон⁴ заха хэдэрхэн
Өндөрөр утха барьһан
Мөр саган толи
Мөлхөн саган будал⁵;
Бал хара улэн
Бардам тургэн ясал
Далан шинэн һуматан
Булан шинэн зэнтэн⁶!
Ехөн сокор морин
Ара өдө зуршалда.
Гушан Гурбан нури
Гурбан зун һаншиктын⁷
Уйһан ехэ забитам
Ульгар ехэ хэлэтэн!
99 хэсэн тобор барьһан
Ехэ оргон заха хэдэрһэн

¹Хун шубун – «лебедь». Ред.

²Гарбул – «происхождение». Ред.

³Зу найман золтон можно перевести также: «со ста восемью свечами», что, кажется, сюда идет ближе. Ред.

⁴Оргой – «шаманский плащ». Ред.

⁵Будал – «падающая на землю молния». Ред.

⁶Зэн – «косточка на стреле при основании наконечника». Ред.

⁷Һаншик – «висок». Ред.

Хан ехэ шошолон
Хамта дэрэ тара
99 шошолон
Жэгдэ дэрэ тара...

По-русски:

Девять наших чубарых лошадей
Ушли к южному царю,
Сделавшись девятью холбо-бурханами.
С рождением от птицы Хун,
С летанием птицы Сэн,
Со ста восемью счастьями,
С пятидесятью восемью
жертвоприношениями,

Девяносто девять шошолонов
Повсеместно распространились!
Царские большие шошолонь
Все вместе распространились!
К 99 бубнам колотушки держали,
Большого оргоя воротник накиннули,
Высокое происхождение держали.
Как колесо, белое блюдо,
Как лед, белое спускание,
Черным черное облако,
Смелый и быстрый ясал
С наконечником стрелы, который
величиною как море,
С зэном величиною,
как ступицы колеса!

Девять чубарых лошадей
На верху горы с северной стороны
одичали.

Тридцать три озера
С тремя стами ханшиков,
С большими берестяными лодками,
С большими непонятными языками!
К 99 бубнам колотушки державшие,
К девяти оргоям воротники
накинувшие,

Царские большие шошолонь
Все вместе распространились,
99 шошолонов
Повсеместно распространились...

Саган-нохо имеет 4 сыновей, которые все сделались большими шаманами, и 4 дочери, которые тоже все сделались большими шаманками.

Нагдуй имеет 8 сыновей и 8 дочерей, которые все сделались большими шаманами и шаманками.

Абантый имеет 10 сыновей и 10 дочерей, которые тоже все сделались шаманами и шаманками. Имена прочих западных бурханов я не успел записать.

5. Белые и черные кузнецы

Теперь несколько слов о белых, т. е. западных кузнецах, которые, по словам балаганских бурят, считаются добрыми и покровительствующими заянами, защищают земных людей от восточных и злых хатов, заянов и духов и излечивают земных людей от разных болезней.

Западным и белым кузнецам покровительствуют западные тэнгерины, между которыми есть западный кузнечный тэнгэрин Дабан-холо-тэнгэри; он преимущественно покровительствует западным и белым кузнецам.

Западные и белые тэнгэри кузнечное искусство передали земным людям. Первый западный белый кузнец был Божинтой, который, по словам балаганских бурят, не земной человек, а был небесный заян; он жил прежде и теперь живет на небе.

По приказанию западных тэнгеринов белые и западные кузнецы спустились на землю, но Божинтой сам не спустился, а остался на небе по-прежнему. Божинтой имел 9 сыновей, которые на небе все были кузнецами, и одну дочь Эйлик-Мулак-эгэши, которая была старше 9 сыновей, потому что по всей земле бросала серебристые огненные искры, изгоняя злых и черных заянов и духов и покровительствуя земным людям.

По приказанию западных и белых тэнгеринов 9 сыновей и одна дочь Божинтой спустились на землю на Тункинские горы и поселились на них на жительство; они научили земных людей кузнечному искусству, т. е. добывать железо и ковать его; таким образом на земле появились кузнецы. Этих-то кузнецов и называют белыми и западными кузнецами (с а г а н и д а р х а д), потому что они находятся под покровительством белых и западных тэнгеринов и заянов.

Имена 9 сыновей Божинтой: 1) хозяин наковальни Дельтө-саган нойон, 2) хозяин молота Бажир-саган-нойон, 3) хозяин горна Хилман-саган-нойон, 4) хозяин меха Хөр-саган-нойон, 5) хозяин угля Хүхэр-хара-нойон, 6) хозяин проволоки Шекши-нойон с женою Шибэкши-хатун, 7) хозяин клещей Ама-саган-нойон, 8) хозяин искры Хан-саган-нойон и 9) хозяин с у л м а р а

(инструмент для пробивания дыр) Сом-саган-нойон; имя дочери
Эйлик-Мулак-эгэши. Вот отрывок призывания к ним.

Божинтон ёһон саган дархад
Ахая толгоги амадажи¹ буһан.
Алтан гадаһар² сэргэ хэһэн
Алтан нураp сэлье хэһэн
Саган гадаһар сэргэ хэһэн,
Саган нураp сэлье хэһэн,
Нури шинэн хяһатан
Нуган шинэн хөрхөтөн!
Бумал шулун дөшитэн,
Булак³ төмөр балтатан,
Саган мөнгө һилэлдэһэн,
Алтан мөнгө зэхэлдэһэн,
Хара төмөр халуһан,
Хөхө төмөр хөрүлһэн,
Булак төмөр бусалгаһан.
Божинтон ёһон саган дархад,
Ёһон саган морьтон
Барун гарта балтая барин буһан,
Зүн гарта улирбие барин буһан,
Нуган шинэн хөрхө
Ара бидэ һурилдаһар буһан...

По-русски:

Божинтоевы девять белых кузнецов
В верховьях Оки, прося
(спустились),
Из золотого кола сделали столб
(коновязь),
Из золотого озера сделали бег!
Из белого кола сделали столб,
Из белого озера сделали бег!
Имеющие величиною с озеро горно,
Величиною с луг меха!
Спустившуюся с неба каменную
наковальню,

¹Амадажи – «заехать вперед, опередить, выехать на перестрел». *Ред.*

²Алтан гадаһан – «Полярная звезда», буквально «золотой кол». *Ред.*

³Булак – «ключ», «родник». *Ред.*

Из железа булак молоты!
Белое серебро распаривали,
Золото и серебро вырезывали.
Черное железо таяли,
Синее железо кипятили (как молоко),
Железо булак кипятили.
Божинтоя девять белых кузнецов,
Имеющие девять белых лошадей,
В правой руке держали молот,
В левой руке держали клещи.
Величиною с луг мех.
На спине повесив, спустились!

Перехожу к восточным и черным кузнецам. Восточный черный кузнец Хожир-хара-дархан имеет семь сыновей: 1) сын Сар-хара, у которого из вер-хушки головы выходит огонь в виде искры; 2) сын Бок-шара, у которого из-под подошвы ноги тоже выходит огонь в виде искры; 3) сын Худэрэ-хара, который в правой руке держит молот; он похож на человека; 4) сын: «на северной стороне на берегу черного моря большую красную листовницу сжигая, доставший угли» Нүхүр-хара-хара; 5) сын Аля-хөбун; 6) сын Абта-хөбун и 7) сын, который имеет тринадцать разных волшебств и держит на ладони, Жибтэ-хөбун. Ниже помещаю отрывок призывания:

Хун далан оёртки
Арбан гурбан хэрбэтэ
Абарга ехэ загаһа
Уната! Уһа-Лобсон.
Уһа-Лобсон ханда
Орожи хаталга танилабди;
Хөмөр-улан хормотки
Дайда-Дэлхэн эжини
Хун саган элхэр
Ширэдһэ абалабди.
Энэ мани
Эльбидэ хургахан
Зуни 44 тэнгэрин
Борон-хара тэнгэри
Алиганда мана
Аб бала:
Хуриганда мана
Хубилган бала

¹ У н а – «подвода».

Булан доро
Тала бэлэ
Булхан того
Шутхала биде.
Хая доро
Тала бэлэ
Ханга того
Шутхала биде.
Ихедэ хаба биши
Хожирон долон
Хара дархад.

По-русски:

На дне молочного моря
С тринадцатью плавниками
Большая рыба Абарга –
Ездовое животное Уһан-Лобсона.
Возле царя Уһа-Лобсона
Побывши, закаливать научились,
На подошве горы Хөмөр-ула
У хозяина Вселенной,
Как молоко, белым песком
Приковывать научились!
Эти нас
Волшебству научили!
Из восточных сорока четырех

тэнгэринов

Бөрөн-хара тэнгэрина
На ладони нашей
Волшебство было!
На пальцах наших
Мудрость (превращающая сила)
была!

Под углом
Простор был –
Кругленький котел
Выливали мы!
Под стеною
Просторно было –
Большой котел
Выливали мы!

Это не волшебное умение,
а Хожиревы семь
Черных кузнецов...

По словам другого шамана, черным кузнецам покровительствуют Харангу-тэнгэри, Хара-сокор-тэнгэри, Бүрүнхү тэнгэри и Бөрөн-сокор-тэнгэри. Эти тэнгэрины тоже принадлежат к восточным и черным тэнгэринам. Отрывок из призывания:

Харангу тэнгэри,
Хара-сокор-тэнгэри,
Бүрүнхү тэнгэри,
Бөрөн-сокор-тэнгэри
Утха хэжи буһан
Хожирон долон
Хара дархад.
Хара далан захада
Хара нүрхэ шатажи
Нури шинэн хяһа
Болдоги шинэн дөши
Хэри шинэн хөрхө
Буха улан төмөри
Бусалгажи бахада
Хара улан төмөри
Халулажи бахада
Буха улан төмөр
Узурерин идежи
Узурарин бөлжилэбди,
Уян болот хоёро
Хаталгагин танилабди...

По-русски:

Темный тэнгэри,
Черно-чубарый тэнгэри,
Туманный тэнгэри,
Туманно-чубарый тэнгэри
Сделались началом (происхождением)
Хожиревым семи
Черным кузнецам!
На берегу черного моря
Черный уголь прижигали!
Величиною с озеро горно,

Величиною с бугор наковальня,
Величиною со степь мех!
Красно порозинное железо,
Стоя, кипятили,
Черно-красное железо,
Стоя, расплавляли!
Красное порозинное железо
С острей глотали,
Концом выблевывали!
Мягкое железо и сталь
Закаливать научились...

6. Хозяин земли и хордуты

У балаганских бурят есть так называемый хозяин всей земли, дайда-дэлхэ-ижин, который тоже покровительствует людям; буряты представляют его стариком с седыми волосами. Имя его Дабан-Саган-нойон, жена его тоже старуха с белыми волосами, ее имя Дэлэнтэ-Саган-хатун (и б и). Хозяину всей земли буряты обыкновенно делают тайлган¹ по окончании полевых работ осенью. Ольхонские буряты делают жертвоприношение хозяйке моря (д а л а н э ж и н) Аба-хатун и хозяину всей земли (д а д ы н э ж и н) Буга-нойону.

У балаганских бурят есть так называемые белые хордуты (сагани-хордут), которые имеют своих покровительствующих тэнгэринов Хухэ-нойон-тэнгэри. По словам бурят, белые хордуты большие и сильные зайны; они находятся под покровительством западных тэнгэринов. Один бурят-старик говорил мне, что белые хордуты находятся под покровительством западного тэнгэрина Оёр-Саган-тэнгэри. В честь Оёр-Саган-тэнгэрина совершаются обряды; в первый раз приносят жертву одною пищею; приносятся тарасун, вино, амһан, тарак, саламат, курунга, кроме того, нужно еще пять звериных шкур: горносталя, белки, хорька, зайца и маленькой козули (и н з а г а н). Во второй раз жертвуют большим белым бараном с большими рогами. Ниже отрывок из призывания:

Барун хото зокто
Оргил улан ородо,
Саган ехэ толгото,
Саган ехэ жебэртэ
Саксага Саган боргат!
Онго хуни тэнгэри.

¹Т а й л г а н – «принесение богам кровавой жертвы».

Оёр-Саган тэнгэри!
Оёр-Саган тэнгэрихэн
Утха барижи бухада,
Саган хэрмэн залаги¹
Залалажи бухада,
Саган ехэ моритон
Сагани ехэ хордут...

По-русски:

В северо-западной стороне
На вершине горы Оргил-ула,
С большою белою головою,
С большими белыми крыльями
Белый орел Саксага!
Тэнгэрин людей онгоевцев
Оёр-Саган тэнгэри!
Оёр-Саган-тэнгэрина
Происхождение державши, спустились!
Белыми беличьими кистями
Обкистившись, спустились!
Имеющие больших белых лошадей
Большие белые хордуды...

7. Почитаемые камни

Во 2-м олзоевом роде Унгинского инородческого ведомства есть два так называемые бумал-саган-шулун (спустившиеся белые камни), которые, по словам бурят, спустились с неба на землю. Один носит название «салингуни-бумал-саган-шулун» (соленгутский спустившийся белый камень). Этот белый камень спустился на горе Хөмө-Хушун; потом этот камень отсюда поднялся и опять спустился на горе Харганай, где, полежав некоторое время, тоже поднялся и спустился на то место, где ныне лежит. Здесь этому камню приносили жертвоприношения и ныне приносят. По словам бурят, этот камень спустился с неба Унан-хахи-тэнгэри. Ниже коротенький отрывок молитвы:

Ерон үдэдэ	Будургата бумал
Ехэ-харгана	Саган шулун
Нагин үдэтэ	Сахилгата саган
Намтар харгана.	Ехэ шулун...
Унан хахи тэнгэрихэ	

¹Зала – «кисть на шапке». Саган хэрмэн зала – белые беличьи шкурки, привешенные к верхушке шапки вместо кисти.

Другой камень носит название улухэни бумал-саган шулун (улухэновский спустившийся белый камень). Этому камню первый сделал жертвоприношение бурят Улухэн, ныне его потомки тоже делают жертвоприношения. Ниже отрывок молитвы ему, записанный со слов шамана из потомков Улухэна.

Барулама тэнгэри,	Газар ехэ доһолгон
Табин табан тэнгэри,	Якшил Бумал тэнгэри.
Уһан хаһи тэнгэри,	Гарха нарни
Оёр-Саган тэнгэри,	Туя барьһан
Оёдол-Саган тэнгэри,	Орхо нарни
Сомон-Хөхө тэнгэри,	Дэргэ харьһан
Будали тэнгэри,	Зада-Улан тэнгэри
Шудали тэнгэри,	Задалажи буһан
Хүхэр, хүхэр дун	Зомби дэлхэги
Дуһар дуһар хура	Эжилэжи буһан
Шуһан хура	Уһан хүтэ
Шулун мэндэр татаһан,	Шуһа Улан шулун...
Гал ехэ сахилган	

8. Восточные хаты

Перехожу к описанию восточных хатов и прочих злых заянов и духов, находящихся под покровительством восточных тэнгэринов и враждебно относящихся к западным тэнгэринам, хатам и заянам. По словам кудинских бурят, а также и балаганских, во главе восточных хатов находится сам Эрлэн-хан и его семейство и прочие злые заяны и духи, которые вредят людям, посылая разные болезни и раздоры между ними.

Восточный хат (з у н и х а т) или восточные хаты, по словам бурят, находятся на восточной стороне или на северо-востоке, как и восточные тэнгерины. Они разделяются на две совершенно самостоятельные группы, имеющие однако общую связь между собою, так как обе находятся под покровительством восточных тэнгэринов. Восточный хат не есть одно лицо, а состоит из нескольких заянов, во главе которых находится, как выше упомянуто, Эрлэн-хан, подобно тому как у западных хатов Хан-шаргай-нойон большой и малый. Восточные и западные хаты равны между собою и производят свои сношения через своих отдельных заянов, которые носят название и л ш и или б ы д э к (и л ш и – «посланник»; слово б ы д э к происходит от слова б ы х э – «бегать»).

Девять кровавых хатов (ёһон-шуһан-хат) тоже принадлежат к восточным злым заянам, но только независимы от них, некоторые буряты говорят, что

восточный хат в некотором отношении подчиняется девяти-кровяному хату, а другие говорят, что кровяной хат совершенно самостоятелен и находится под покровительством восточных девяти-крававых тэнгэринов. Восточный кровяной хат соответствует западному уһан-хату; этот последний состоит под покровительством западных тэнгэринов, находящихся в северо-западной стороне; кровяной хат находится в северо-восточной стороне и там же находятся покровительствующие ему тэнгэрины; но девять восточных кровяных хатов и западный уһан-хат постоянно враждуют между собою из-за людей; уһан-хат покровительствует людям, а девяти-кровяной хат вредит им. Некоторые буряты и шаманы говорят, что западные уһан-хаты и западные тэнгэрины одинаково произошли от восточных девяти кровяных тэнгэринов и будто раздел их состоялся после. Западный уһан-хат находится в некотором подчинении от восточных девяти кровяных хатов.

Первенствующее место между восточными хатами занимает Эрлэн-хан; он имеет жену, которую зовут Эхэ-Нур-хатун (эхэ – мать, нур – озеро, хатун – госпожа), она дочь Шанда-Саган-нойона. Эрлэн-хан имеет одного сына Шилбэдэ-хөбуна; жена его Эрхэ-Субэн, дочь Буха-нойон-бабая; Шилбэдэ-хөбун имеет одного сына Шанда-Тургэн-мишэши, который ездит на чубаром коне. У балаганских бурят есть сказание относительно выхода замуж дочери Буха-нойон-бабая. За девицу Эрхэ-Субэн начали свататься двое – сын Сар-Саган-нойона Сом-Саган-нойон и Хан-Шаргай-нойон, последний взял Эрхэ-Субэн и увез домой; Сом-Саган-нойон отправился к Эрлэн-хану и рассказал ему, что Хан-Шаргай-нойон отобрал у него невесту. Тогда Эрлэн-хан потребовал к себе Эрхэ-Субэн и женил на ней своего сына Мина-Хара, балаганские буряты одного из сыновей Эрлэн-хана называют Мина-Хара. Таким образом, первые женихи оба остались без невесты. Сом-Саган-нойон впоследствии сделался приближенным лицом к Эрлэн-хану. Следующий отрывок из молитвы, в котором речь ведется от имени Эрхэ-Субэн, записан мною у кудинских шаманов.

Мөргөхөн хадам мини
Эрлэн-хан,
Мөргөхөн эхэ мини
Эхэ-Нур-хатун,
Үүлдан нөхөр мини
Шилбэлдэ хөбун...

Кланялся тестю моему
Эрлэн-хану,
Кланялся матери (теще) моей
Эхэ-Нур-хатун,
Женившийся муж мой
Шилбэлдэ-хөбун...

Эрлэн-хан имеет множество подвластных чинов и писарей, все эти чины и писаря служат в его присутственных местах, которых буряты называют Эрлэн-хани суглан (присутственное место Эрлэн-хана). В них решается судьба живых людей, присужденных к смерти.

Кроме этих чиновников и писарей, у Эрлэн-хана имеются особые духи, которых он посылает за человеческими душами и с другими поручениями в разные места. Этих духов буряты называют Эрлэн-хани и л ш и һ у д (посланники Эрлэн-хана). По словам балаганских бурят, к восточным хатам относится так называемый боро-шарга, который спустился с неба на землю по приказанию восточных тэнгэринов. Восточный боро-шарга (зуни-боро-шарга) имеет очень важное значение; он принадлежит к числу самых больших восточных заянов; настоящее его имя я пока не мог узнать; восточного боро-шарга знают очень редкие большие черные шаманы; обряд в честь его совершается в темную и безлунную ночь. Он на востоке имеет такое же значение, как на западе западный боро-шарга. Потом следует упомянуть о боро-хусан-эжине, который тоже спустился на землю с неба по приказанию восточных тэнгэринов вместе с боро-шарга. Боро-хусан-эжин, по словам бурят, очень сердитый и строгий заян; его имя я также не мог узнать, потому что шаманы уже успели позабыть его; боро-хусан-эжин в переводе по-русски значит «хозяин темно-серого барана», и действительно, ему в прежние времена приносили в жертву темно-серого барана, а также и жеребенка.

Один из самых деятельнейших восточных заянов, сильно чтимый бурятами, это Сом-Саган-нойон, которого буряты обыкновенно называют Быдэк (слово быдэк происходит от слова б э х э — «бегать»). По словам балаганских бурят, Сом-Сагай-нойон служит посланником между восточными и западными хатами; он по поручению Эрлэн-хана и восточных тэнгэринов бывает у западных хатов, уһан-хатов и в прочих местах и приносит от них ответы. Сом-Саган-нойон ездит на телеге, которая без коня летает по воздуху.

Мөр угэй тэргэтэ

С телегой без колес,

Мори угэй улата...

С подводой без лошадей...

У Сом-Саган-нойона есть своя особая канцелярия, управляет ею писарь Хан-Шидрэ-зарин, кроме него еще есть другой писарь, которого зовут Убсу-Саган-мишеши¹; он бывает с докладом у Эрлэн-хана по делам службы и также в других присутственных местах и у заянов. Еще есть два лица, по словам некоторых бурят, самые приближенные к Сом-Саган-нойону, одного зовут Уха Төгөлтөр-Холдуйев, при жизни он был большим черным шаманом, другого зовут Хан-Һөрмө-нойон, вместе с Сом-Саган-нойоном они заседают в разных присутственных местах по поручению Эрлэн-хана. По мнению балаганских бурят, Сом-Саган-нойон разбирает тяжбы живых людей, поэтому, кто имеет

¹ М и ш е ш и — «писарь». *Ред.*

тяжбу, тот приносит ему жертвы. Хозяин Хурмэн-эжин — один из главных чиновников Эрлэн-хана, он заведует девятью присутственными местами, так называемыми «ёһон-хурмэ», под его же ведением находится 98 темниц (наян найман тама); в этих подземных темницах томятся человеческие души, обреченные смерти. Из всего этого видно, что Хурмэн-эжин есть большой черный заяц, служащий и подчиняющийся Эрлэн-хану. Имя этого черного и грозного зайца Хурэ-Эрэн-нойон или же, по словам некоторых, Хө-Хара-нойон. В этих девяти присутственных местах судят души людей, если они будут обвинены в чем-нибудь, то их сажают в этих 88 подземных темницах; когда злые духи поймают человеческую душу, то запирают ее в эти темницы до тех пор, пока человек не помрет. По словам бурят, хороший шаман пойманную человеческую душу может освободить из этой темницы и возвратить ее обратно к телу, тогда больной человек выздоравливает. В 9 присутственных местах и 88 темницах служит множество чиновников и писарей, которые подчинены Хурэ-Эрэн-нойону.

Кроме Хурмэн-эжина еще есть другое лицо, которое постарше его; буряты называют его Халган-эжин. Этот заяц тоже принадлежит к восточным черным, имя его Хара-Эрэн-нойон, он заведует большою темницею Халга; из нее освободиться очень трудно, только очень большие и черные шаманы по благосклонности Хара-Эрэн-нойона могут освободить человеческую душу из этой темницы и то только по ходатайству покойных предков шамана, если они имеют доступ к этому зайцу. Хозяин Халга Хара-Эрэн-нойон — самый приближенный чиновник к Эрлэн-хану. По словам бурят, в эту темницу попадают души больших черных шаманов и бурятских родоначальников, из других темниц они могут освободиться и скрыться куда-нибудь, а из этой сделать это очень трудно, несмотря на самое сильное шаманское происхождение.

Кроме этого, еще есть так называемый Эрлэн-тама, «ад Эрлэна» — это большая темница, недоступная для шаманов и находящаяся под личным распоряжением самого Эрлэн-хана. Этою темницею «Эрлэн-тама» заведует самый приближенный к Эрлэн-хану чин, т. е. заяц Эрю-Хара-нойон. Из этой темницы очень трудно освободить человеческую душу. При ней-то и находится так называемый Эрлэн-хани-сулган, которым заведует сам Эрлэн-хан.

Упомянув про Эрлэн-хана, нахожу нужным сказать несколько слов об Альбин-хане и Харлан-хане. Собранные мною сведения очень отрывочны, и по ним трудно судить о значении этих лиц. Иные балаганские буряты говорят, что Альбин-хан и Харлан-хан — то же лицо, что и Эрлэн-хан, что это его так называют, другие же, напротив, говорят, что Альбин-хан, Харлан-хан и

Эрлэн-хан — все они отдельные лица, и что Альбин-хан и Харлан-хан поважнее и постарше Эрлэн-хана; буряты, однако, имеют очень смутное понятие об Альбин-хане и Харлан-хане; в шаманских призываниях имена их редко упоминаются и то только в связи с Эрлэн-ханом. По словам некоторых бурят, Альбин-хан и Харлан-хан тоже находятся под покровительством восточных и черных тэнгэринов. Они будто бы имеют свое собственное и отдельное присутственное место, которое называется Альбин-хани-суглан или просто Альбини-суглан; оно также многолюдно. Альбин-хану подчинены очень злые духи, которые на людей насылают очень сильные и заразные болезни, как-то: оспу, тифозные горячки и проч., от которых люди сильно умирают. Этим злым духам очень трудно умиловать, ничего нельзя с ними сделать, они очень сердиты и строги. По понятию бурят, Альбин-хан далеко сердитее и злее, чем Эрлэн-хан и Харлан-хан. Харлан-хан тоже находится под покровительством восточных и черных тэнгэринов и имеет свое отдельное присутственное место Харланги-суглан, в котором тоже занимается множество чиновников и писарей, все они подчинены Харлан-хану.

У балаганских бурят есть ругательное выражение: «Альбан-бохолдой!». Другое выражение есть хвалебное, если кто-нибудь съездит быстро, или что-нибудь сделает хорошо и быстро, то говорят «яһан альбимши» или «а, альбини бэрхэ!» и т. д. Иногда буряты думают, что какой-нибудь шаман, т. е. душа шамана побывала где-нибудь и говорят «альбан бээрэ оро» (душа тела была). По понятию бурят, духи альбин очень быстры. Есть такое выражение:

Альбин-Хани сугланда	Во дворец царя Альбина (волшебника)
Альбин бээрэ оролоб	Волшебным телом войдя,
Альбитажи байлаб...	Волшебство делая, стоял...

Иногда говорят: Альбины харгу (дорога альбинов). Об Эрлэн-хане и Харлан-хане в шаманских молитвах встречаются следующие выражения:

Харлан хани удэндэ	Эрлэн-хани удэндэ
Харю угэй оролоб;	Этэ угэй оролоб ¹ ...

или же:

Харлан-хани сугланда	Во дворец царя Харлана,
Харго угэй оролоб;	Не боясь, вошел,
Эрлэн-хани сугланда	В двери царя Эрлэна,
Этэ угэй оролоб...	Не думая худого, вошел...

¹ Этэ эрхэху — «бояться худого».

Между балаганскими бурятами распространен один обряд, называемый «долё», который исполняется в честь Домбон-нойона, обряд долё совершается в том случае, если человек заболел сильно и находится при смерти; душа этого человека, значит, находится в темнице; больной человек просит Домбон-нойона освободить его душу из темницы, а взамен ее обещает отдать какое-нибудь животное или душу другого человека, тогда Домбон-нойон, приняв жертву, хлопочет об освобождении души больного.

Теперь о черных кузнецах (х а р а д а р х а д)¹, которые тоже находятся под покровительством восточных тэнгэринов, в особенности восточного черного тэнгэри (харан дарахи тэнгэри). Первым черным кузнецом на земле был Хожир-Хара-дархан, который научился кузнечному искусству от восточного тэнгэрина, почему и сделался черным кузнецом. Хожир-Хара-дархан имел 7 сыновей, которые все сделались большими и черными кузнецами, а потому буряты говорят «Черные кузнецы Хожироевы семь» (Хожори долон хара дархад). Самый старший из них Дадагай-Хара-дархан, потом Хархира-Хара-дархан, других имен я не успел записать. Черные кузнецы своим покровительствующим заянам и тэнгэринам делают обряды как и белые кузнецы, но только в темную безлунную ночь.

Ниже пишу со слов ольхонских бурят. Донжоевы семь (Донжин долон) играют очень важную роль. Донжи имел 7 сыновей: 1) Төмөрши-нойон, жена его Төгөши-хатун; он имеет прекрасный дворец из белого камня с а х и р как снег белый; окна этого дворца сделаны из прозрачного как вода камня. У Төмөрши-нойона с правой руки самый приближенный чиновник Шаранса, а с левой руки Харанса; 2) Хан-Дошкин-нойон, хозяин местности Хажи; 3) Ажира бөхө, жена его Альба-хатун, это хозяин местности Зулхэ; 4) Шажага-нойон, жена его Саксага-хатун, это хозяин местности Баргузин; 5) Арал-бабай, жена его Сара-одёгон, он хозяин местности Худара; 6) Хөхө-нахул-нойон, жена его Хур-Саган-хатун, это хозяин местности Хуртун и 7) Хан-хута-бабай, жена его Хатан-хута-иби, это хозяин острова Ольхона.

По словам кудинских и балаганских бурят, хозяина черного коня (хара морини эжин) Ажира-бөхө иногда называют «хозяином Зулхэ» (Зулхэн-эжин). Хозяин Зулхэ или черного коня Ажирай-бөхө и жена его Альба-хатун имеют свое отдельное присутственное место (хара морини эжини суглан или же Зулхэн эжини суглан), в котором занимается много чиновников и писарей. Самый

¹ Д а р х а д — мн. ч. от д а р х а н — «кузнец».

приближенный человек Ажира-бөхө есть Харанся-бөхө, который отличается необыкновенною силою, некоторые говорят, что он товарищ его.

Не лишним считаю добавить, что, по словам балаганских бурят, разные болезни имеют своих покровительствующих зайнов, которые находятся под покровительством восточных тэнгеринов и больших черных зайнов; по приказанию их эти болезни распространяются между людьми, которые от них умирают. Ниже я сообщаю имена девяти братьев, т. е. болезней, которых называют братьями:

1). Гал-гэм, по-русски рак, есть еще другой, простой гэм, который легко вылечивается.

2). Бомо – по-русски сибирская язва. Хозяин бомо Болот-Саган-нойон (бомон эжин Болот-Саган-нойон). Сибирская язва, по словам бурят, считается излечимою. От этой болезни употребляют корень какой-то травы, корень этот называют б о м о н х о р х о н. О хозяине сибирской язвы балаганские буряты говорят следующее. Когда в первый раз на этих местностях появился хозяин сибирской язвы, то сильно начали помирать от сибирской язвы скот и люди. Хозяин сибирской язвы дошел до нынешнего Бохонского улуса; в то время здесь жил один большой шаман Бохон, который пришел к хозяину сибирской язвы и говорит: «Будем пробовать, у кого из нас более таинственной силы!» Хозяин сибирской язвы согласился. Шаман подвел его к горе Бохон и говорит: «Будем нырять через эту реку Иду; кто из нас первый выйдет на ту сторону, тот будет победителем». Тогда хозяин сибирской язвы нырнул в воду, а шаман в это время по реке Иде бросил ширэхэн¹ и река покрылась толстым льдом, так что хозяин сибирской язвы не мог выйти из-под льда; он начал просить шамана выпустить его. Шаман потребовал, чтобы он более не ходил по реке Иде и чтобы на будущее время в этой местности скот и люди не умирали от сибирской язвы. Хозяин сибирской язвы согласился и дал клятву. Тогда шаман выпустил хозяина сибирской язвы из-под льда. С этого времени хозяин сибирской язвы не ходит по реке Иде, там скот и люди от сибирской язвы не умирают до сего времени. Если же у балаганских бурят кто-нибудь заболит от сибирской язвы, то немедленно, посылает нарочного в эту местность за водою и камнем, если больной выпьет привезенную воду и приложит камень к своему телу, он выздоровеет. Иногда сибирскую язву просто выжигают раскаленною до красна красною медью.

¹ Уменьшительное от ширэ – «стол».

3). Далан-Төргөд, нарыв, но только побольше вереда.

4). Шихан – чирей. Про чирей буряты говорят следующее: если чирей сядет кому-нибудь, то это в тяжелый год хороший признак, потому что другой болезни не будет, если придет другая какая-нибудь болезнь к этому человеку, то чирей ее гонит и не впускает, говоря: «Стой! здесь я сажу».

5). Хяһам, венерические болезни.

6). Сасхя.

7). Хамун – чесотка.

8). Илдэн.

9). Ульбер – золотуха.

Хозяевам этих болезней, т. е. девяти братьям, буряты брызгают тарасун или вино и делают жертвоприношение. Молитва начинается:

Зун хото зуктэ
Дабирха хара иден
Дакта хара тогон

В северо-восточной стороне
Как деготь черная пища,
С накипью черные котлы...

Кроме вышеупомянутых болезней, девяти братьев, еще есть другие болезни, которые насылают людям восточные тэнгэрины и черные заяны, чтобы люди помирали от них; эти болезни еще сильнее, буряты их сильно боятся; их называют мангар или шара-өбөшөн и халун-өбөшөн (лихорадка и горячки), они очень заразительны. Заяны, т. е. эжины мангар или шара-өбөшөн и халун-өбөшөн очень сильные и черные духи, они ездят в черных повозках, запряженных лошадьми черной масти, половина лица у них черная, а другая половина белая (хэлтэгэ малан морьтон; хужи хара повозхотон). Они разъезжают по улусам и распространяют смертельные болезни, во время этих болезней буряты никаких обрядов не делают посторонним, т. е. другим заянам, а делают только эжинам этих болезней через черного шамана; во время обряда говорят тихо, шёпотом и шёпотом же произносят слова молитвы, они не любят громкий говор.

Шибэнжи хэлэшин
Шимхэлжи идешин...

Шёпотом говорящие,
Щипками едящие...

Ниже отрывок молитвы:

Зун хото зуктэ
Хара далан захада,
Еһон хара морьтон,
Хара хэлин дэгэлтэн
Хэрбэ¹ хара һахултан.

В северо-восточной стороне,
На берегу черного моря,
С девятью черными лошадьми,
С черными плисовыми шубами,
С подстриженными черными
бородами!

¹ Х э р б э х у – «подстригать концы усов».

Хөхө далан захада,
Еһон хөхө морьгон,
Хөхө торгон дэгэлтэн,
Шара далан захада
Еһон шарга морьтон
Шара торгон дэгэлтэн,
Утхалама утха тана
Зулэмэ 44 тэнгэридэ
Асаранги 13 тэнгэри...

На берегу синего моря,
С девятью сивыми лошадыми,
С синими шелковыми шубами!
На берегу желтого моря
С девятью соловыми лошадыми,
С желтыми шелковыми шубами!
Происхождение ваше
Из восточных 44 тэнгэринов,
От Асаранги 13-ти тэнгэри.

Кроме этого есть так называемый х а х а й, по-русски «оспа». Буряты обыкновенно говорят, когда кто-нибудь заболел оспою, то х у б и я а б а – по-русски «получил пай» (иногда говорят у л а н х у б и я – «получил красный пай») или же говорят а л б а н д а х э б т э – «лежит в подати», потому что по понятию бурят эта болезнь посылается восточными тэнгэринами каждому семейству или улусу в виде пая. Другие же буряты говорят, что восточные тэнгэрины от людей берут подати людьми, потому и посылается эта болезнь, вот отчего и говорят а л б а н д а х э б т э (а л б а н – «подать», х э б т э – «лежать»). Оспу посылают людям восточные тэнгэрины, чтобы люди умирали от нее в том количестве, сколько назначено. Когда оспа бывает на людей, то по улусам разъезжают маленькие люди, «тело их величиною с локоть, а лошади их величиною с зайца» (тохоноги шинэн бэгитэн, тулан шинэн морьгон).

Разные кашли (х а н я д а н) и чачотку (х а т а р или х а т а р - т а м и х а н я х а) посылает людям восточный тэнгэри, которого зовут Ханшин-хара-тэнгэри.

У балаганских бурят есть болезнь на молодой рогатый скот, телята вдруг пропадают. По словам бурят, какой-то старик с тростью гонится за скотом и, догнав его, одного из животных бьет тростью по спине, отчего скот и пропадает; когда снимают кожу, то на спине, находят синявицы с кровью, это мясо сжигают, есть его нельзя, а книжку (h а р х и н с а к) втыкают на дерево. Обыкновенно эту болезнь буряты называют өбөгөндө үхэ (өбөгөн – «старик», үхэ – «пропасть»).

II. ОНГОНЫ

1. Изображения онгонов и призывания их

Скажу теперь несколько слов об онгонах балаганских и кудинских бурят.

Вот некоторые из призываний онгонов со слов балаганского шамана:

Бару-лама тэнгэри
Табин табан¹ тэнгэри
Эсэгэ-лэмэ тэнгэри
Эсэгэ-малан тэнгэри
Эсэгэ-малан тэнгэрин
Еһон хөбүд бахада
Баруни 99 мундарга
Дугу баржи буга.
Эхэ-лэмэ тэнгэри
Эхэ юран тэнгэрин
Еһон басагад бухада
Турулэжи бухада
Еһон Төрөгөр
Дамжурга² хэжи буга.
Еһон Төрөндө бухада
Хадан харьята гэжи
Хашалагин нэрьетэ гэжи
Ханхинама тэргэни дунда
Хабирама бурһа тэргэлжи.
Амадажи бухада
Аха ехэ улаги
Эжилжи бухада
Аханарбин гурбан сэлдэ
Оржи оможи бахада,
Алтан ехэ зохотон
Мөнгөн ехэ хэльбитэн
Уяһан ехэ забитан
Уйлгар хэлтэн ерэжи
Алтан ехэ хэльбэрэ
Мөнгөн ехэ зохоро
Урдаһа мана уһа хаяла
Урда урдаһан харажи
Мэшид гэлдэжи һухада
Арбан аба альган
Дэрэ татажи
Хорин хубилгаа
Хурган дэрэ булгэжи
Хара торгон булаһара хэбижи

Шанха бун³ хото зүгэһэ
Малган шинэн хара
Улэ гаргажи бахада
Һэбхэн-Һэбхэн
Һэбшеги татажи байхада
Хэмэжи⁴ эрэн
Үлэн болгожи бахада
Хөнхинэмэ ду гаргажи
Хуже хара үлэ
Татажи бахада,
Гал ехэ сахилган
Газар ехэ доһолгон
Тат гэмэ дун
Такшин шинэн мэндэр
Унгажи бахада.
Тут гэмэ дун
Тэбшин шинэн мэндэр
Унгажи бахада.
Ахан 13 сэлдэ
Шингидэжи бахада
Эрдэм хаба тэрэ бэлэ
Тибэ шиги гэбэ
Урда мана харан
Хоно мана баран
Болхо гэжи Хан-Нахура;
Хара хурган малга
Толгодо зохид
Хара бөд хабтан
Ташан дэрэ зоход.
Тибэ шиги сорготыгин бодхожи
Соботыгин тодхожи бахада
Ахая уланда гаржи һухада
Хан-хатун
Хатхур хатун
Һута-хатун.
Гурбан тэли басагад
Өһөрөжи бухада
Өбөсөн гурбан улаги

¹ Та б и н - т а б а н – «пятьдесят пять». *Ред.*

² «Д а м ж у р г а» – это слово собственно значит «жердочка, перекинутая через речку для прохода». *Ред.*

³ В рукописи б у н, вероятно, описка вместо з у н. *Ред.*

⁴ Х э м э ж и – «лоскут пестрого жира», т. е. не сплошного, а с проростями мяса. *Ред.*

Эжилэжи бухада
Өргөтө-хатун
Өрөбсөр-хатун
Эхэ-хатун.
Гурбан отхон басагад
Бидэрэжи бухада
Болони улаги
Эжилэжи буһан
Бэлешки-хатун
Хэлдэр-хатун
Бэшекши-хатун.

* * *

Утха-лама утха
Утхая эрэбэ
Ух-Солбон тэнгэри
Аша гэжи эрэбэ
Хатун-Малган,
Хатан-Бага обогон.
Уха-Солбон тэнгэритэ
Хуялдажи Хитаран-зарин
Хүбү гаргаба.
Багла-багла¹ өшөһөн
Барюбшада зохид
Бажигир улан шара
һаран гарта зохид.
Төглө-төглө² өшөхөн
Тэбэрэхэдэ зохид
Тэжи³-улан шара
һаран гарта зохид
Гули мөнгөн шанга
Барюбшада зохид
Зэд мөнгөн һулга
Тохонокто⁴ зохид.
Утха-лама утха
Саган-Баргад утха
һара дорхи
һал-хатун.

Наран дорхи
Нал-хатун
Нал-шаракшин.
Ель-шаракшин
Еһон хун дангина.

Өбөли тат гэмэ хутундэ
Жоргон буланта булганһанда
Үдэе дарулажи
Өрхөө боглулэжи бахада.
Амини хорон
Атхан-шимхэн хэбтэхэдэ
Саган холо санхактажи
Садам-сыдэм халаглажи бахада.
Улан холо уялдажи
Унда шиндэ халаглажи бахада
Арбан аби алган дэрэ,
Хорин хубилгаги хурган дэрэ
Булгажи бахада.
Тэнгэридэ гарши
Тэхэ-өбөгөн Тэнхэлжини
Булгажи бахада
Барун өбөрин зэтэрлэжи
Хөхө гал гаргажи
Хөншөжи бахада.
Зун өбөрин зэтэрлэжи
Унда шиндэ гаргажи
Ундалажи бахада.
Ахан толгодо гарши
Имахан баянда
Еһон жилдэ
Газардажи хэбтэхэдэ.
Имахан баяни
Ганса хөбуги
Өндөр дэрэ дэрлулжи
Өргөн дибетхэр дибһулжи
Өбөдхөжи бахада.
Имахан багин

¹ Багла – «вязанка». Следующее слово өшөхөн осталось без перевода. *Ред.*

² Төглө – «кучка сосен или кустов, стоящих вместе на чистой площадке». *Ред.*

³ Тэжи – «выпуклый». *Ред.*

⁴ Тохонок – «часть руки от локтя до кисти». *Ред.*

Тадак боги асаржи
Тадак-тадак
Хатарулажи бахадан
Хамаг бэен
Хашик болжи
Хадажи бахада мана
Мэдэ угэй
Хатаржи бала.
Туни хойно малак.
Бөги асаржи
Малак-малак
Хатарулажи бахадан
Бухы бэен боһон болжи
Хадажи бахада мана
Мэдэ угэ хатарла.
Туни хойно
Ядалдажи ерэхэдэ
Шинхэн одёго асаражи
Хатарулажи бахадан
Хагилган ядажи
Харасарин илежи
Харасаган хөбүхэр
Шидэлдэжи наша хухада
Харасан толгоги
Хахинулажи бахада.
Өгөлгөнин ядалдажи
Өрхөрин илелдэжи
Дөрбөн тэнгин толгөги
Хихинулажи бахада
Дөшин үхэн үзүри
Ажгунулжи бахада,
Хаягарин бод хара
Шушки болжи
Унэршелжи бахада
Басаганин дорур
Хара хулгана болжи
Бултырхилжи бахада.
Шинхэн одёгон
Мэдэн ехэдэ мэдэжи
Ухан ехэдэ олгожи.
Гурбан тулгагин
Гурьба эрьежи
Гуламтанин хоморто

Газари гурбан
Хөрһөн доро орожи
Хоргодожи хэбтэхэдэ.
Мэн бэе бээльжи
Мэн зүһэ зүһэльжи
Утха-лама утха мана
Удан шарад
Заха-лама заха мана
Захан шарад
Хөр саган улэн
Хөмнөк саган
Будал мана
Шарад һуни тэнгэри
Шара Хасар тэнгэри.
Эсэгэ мана Бажигалда
Эхэ мини һэглэ одёгон
Абага эзи Ашахан одёгон
Бажигалдан жоргон басагад:
Адагата-Агальжин
Буру-Занта-Бугальжин
Төдөгөтө Төнхөлжин
Ноктото-Нөхо-Шаракшин
Гарьхата Ганзушин
Аманда-Агальжин.

Хэмэлытэги хэлһэн
Хөткө зони заян болһон
Баргадаги багшилһан
Баха зони зая-болһон
Баршани басаган
Мельмэн өтөдө,
Хариһа ханилһан
Хани мини
Хан-Саган тэнгэридэ
Хазар угэй дэгдэжи гарһан
Ноён-Саган-тэнгэридэ
Нокто угэй дэгдэжи гарһан
Амагахани хөбүн
Охин-Тонхо
Ханширһа хобуд мини
Һүһөргөнө Дүхөргөнө хоёр
Басагад мини
Алмахан Талмахан хоёр.

Бөхөн шиги болбо гэлэ
Һүһөргөнө Дүһөргөнө
Хоёрто хурэ угэй
Одёгон хайн шиги болбо
Алмахан Талмахан
Хоёрто хурэ угэй.

Ахан оёртки
Арбан найман бөшул
Зуган оёртки
Зу найман бөшул
Ханхинама хада
Хүнхинэмэ хүдэ тана
Буда мөнгөн һадак
Бухар шара номо
Гальжир угэй
Номо тана.
Галбана тана
Һума тана
Хэрмэн-хэрмэн дэгэли
Хэртэхэ саги болходо
Хүсу бэрхэ дани
Далалдаха болходо.
Нүгэлэ ехэдэ
Нүхэн-Голи эжилжи,
Башия ехэдэ
Булгаһан голи эжилхэн
Башкуни Хан-Хөтө,
Ахуная 13 үндэгэги
Алган дэрэ
Мухурюлжи һухада
Аман сого хэжи
Хулхэлдэжи бахада
Сага һанһан газарта
Саган тарак болгожи
Сэсэрэжи бахада
Хара һанһан газарта
Хара бөлин шуһар
Турьяжи бахада
Хабадарар түрэжи
Ханядар түрэлдэжи бахада.

Хүбэ-зүбэ басагад мини
Хулхан-дэлхэн шилбэ.
Хулхан-дэлхэн хургит мини:
Уган хургин мини
Шингил шибэ газар
Шишхэ монгол төрөл
Заха газар-газар
Захан монгол төрөл
Мандахан хөбун
Ноён-Тонхо-Ганзу.
Худан-голдо орожи бахада
Һарая хурхэн эзидэ
Һудэрэ гэшкулжи бахада
Алдалажи унахада
Аранхажи хэбтэхэдэ
Бохо-Нур хэлье¹ хэжи
Болок-Өшөхөр будэл хэжи
Хоёр модор хашилга хэжи
Хоёр шулуғар хабирга хэжи
Худин-улагар
Һудал хэжи бахада
Тибэ шиги
Утхая ехэдэ усатанар
Хабая ехэдэ хататанар
Ханисажи бахада
Тибэ шиги болбого
Тиргэн дунда
Ухануд мини
Төрмө гэртэ
Хамсун шинэн
Шара хөлөнгө
Дельһөжи гарһан
Баханада баяра
Һуһанда һуда
Огши гарлаб
Таг дундан
Һөгин хэмшулжи
Тамир дундан
Адуһани һүлдэги
Хэмшулжи бахада
Мянган адуһани
Төбөрө гаргажи

¹Х э л ь е – «связка», балаган (?). Ред.

Мина барьха
Еһөн хөбүһи хулдэ
Төмөн адуһани
Төбөрө гаргажи
Тургэн хойно һуха
Еһон хөбүһи хулдэ.
Хорин хотон хотин.
Хурабша барьха
Басагaһи хүлдэ
Заяжи гарлаб
Хан тиргэндэ
Байхан бэги тана
Харсата гэртэ
Ижи мөргөбди
Окторгодо байһан
Биги тана
Урса гэртэ¹
Һун мөргөбди.
Хоёртки хургэнин
Хулдан хөбүн
Уха-Төгөлтөр².
Гурбатки хургэнин
По-русски:³

Болхон хөбүн
Хаһи-Ганзу.

Өтөк хаһи
Эжилэн бухан
Өлгөтыгин өнсөлхөн
Мансутыгин манажи
Тохи-эзи
Мэнгэлэ-эзи
Тангала-эзи.

Үнэн бадал угиндэ
Хүсэһэн бадал хунэрдэ
Хан Толохон
Хатан-Болохон
Эсэгэ тани Барһуһан
Эхэ тана Шанарша.
Гархия алдахабэ гэжи
Газаши гаргахабэ гэжи
Гарзаги урузха гэжи
Галжирин залаха гэжи
Һужи мөргөнөбди.

«Бару-лама-тэнгэри, табин-табан-тэнгэри, Эсэгэ-лэмэ-тэнгэри, когда девять сыновей Эсэгэ-малан-тэнгэрина спускались на западные 99 мундарганов, построили мост. Эхэ-лэмэ-тэнгэри, эхэ-юран-тэнгэри, когда девять девиц спускались, девять төрөгөрөв лавы (через реку) устроили.

.⁴
тринадцать старших сэлдэ, войдя, суетясь, стояли, имеющие большие золотые шести, большие серебряные весла, большие берестяные лодки, уйгарским языком говорящие. Золотым большим веслом, серебряным большим шестом навстречу мне брызнули воду; смотря друг на друга, улыбаясь, сидели. Десять «аба» ладоней вверх поднявши, двадцать мудростей на пальцы спустивши, черный шелковый кошелек потрясая, прямо с северо-восточной стороны, как шапка, черную гору вызвав, стояли. Ветерок, ветерок вызывая, пестрое,

¹ У р с а г э р – «род балагана». *Ред.*

² У х а т ө г ө л т ө р – «совершенно умный». *Ред.*

³ Это призывание, оставшееся в рукописи г. Хангалова не переведенным, перевел по нашей просьбе И.В. Вамбоцэрэнов. *Ред.*

⁴ Тут оставлено без перевода 8 строк. *Ред.*

как жир «хэмэжи» облако спуская, стояли. Вызывая звон, как у колокольчика, сплошное черное облако вызывая, стояли. С огненной молнией, со стуком грома падал град. Это и была мудрость (эрдэм) тринадцати старших сэлдэ. Хотя было так, прежде нас взирая, после нас... «Можно!» – сказал Хан-Нахура. Черно-барашковая шапка ловко сидит на голове, черно-матерчатый кафтан на бедре сидит ловко; хотя и так, с трубою подняв, сосуд подставив, стояли, взобравшись на Ахаеву гору, сидели Хан-хатун, Хатхур-хатун и Ыута-хатун. Три равных девицы, крича, спустились, тремя травяными подводами овладев, спустились Өгөгө-хатун, Өрөбсөр-хатун и Эхэ-хатун. Три младших дочери, ища «болони» (?) подводы, спустились: Бэлэкси хатун, Хэлдэр-хатун и Бэшэкси-хатун¹. Вязанки, вязанки, ловкие для держания шероховатому (или здоровому) красно-желтому месяцу к руке пришлись. Рощицы, рощицы, которые обхватить удобно, выпуклому красно-желтому месяцу к руке пришлись. Медно-серебряный ковшик для держания удобен. Красно-медное серебряное древко к руке пришлось. Происхождение Утха-ламы Саган-Баргад, под луною Ыал-хатун, под солнцем Нал-хатун, Нал-Шаракшин, Ель-Шаракшин, девять Хун-дангина».

* * *

«В зимний трескучий мороз в шестиугольном шалаше (юрте), придавив дверь, прикрывая дымовое отверстие, стояли. Прижавши и захватив (рукой) нос и рот, лежали. Белое горло объелось; молоко, смешанное с холодной водой, сожалеючи, стояли. Красное горло завязалось, пить, проглотить захотело. Десять волшебников на ладонь, двадцать хубилганов на пальцы спускаясь, стояли. Забравшись на небо, старик Тэхэ, спуская Тэнхэлжина, стоял. Проколов правый бок, добыв синий огонь, стал поджаривать. Проколов левый бок, добыв питье, утолил жажду. Взобравшись на Ахан-тологой, у богача Имахана девять лет лежал неподвижно. Одного сына богача Имахана, положив на высокое изголовье, на широкую постель, заставил хворать. Богач Имахан пригласил шамана Тадака; Тадак, Тадак ехал рысцой. В клеща обратившись, к testiculi прилипла; шаман Тадак не узнал (вас). Не заметив этого, продолжал ехать рысцой. Потом (Имахан) пригласил шамана Малака; Малак, Малак ехал рысцой. Обратившись в вошь, прилип к testiculi. Не замечая этого, (Малак) продолжал ехать рысцой. После того, как стало им туго, пригласили шаманку Шинхэн. Она ехала рысцой. Завидевши, (шаманка) подула, белочерными парнями перебрасываясь, играла. Каждую завиденную голову заставила скрипеть, сорок жировых концов

¹ Ниже 9 строк оставлено без перевода. *Ред.*

заставила трещать. Обратившись в черную супоросную свинью, обнюхивая кругом юрты, ходила. Обратившись в черную мышь, из-под девичьи высовывала голову. Шаманка Шинхэн, как премудрая узнала, как преумная заметила; трех тумутов три раза обежала, на северной стороне очага залезла под три земляных слоя, спрятавшись, лежала. (В это время) приняла настоящее свое тело и настоящий свой вид. Мой утха уденские шараты, край наш крайние шараты. Белые как суметы, облака, молочно-белая ставка наша! Шаратских людей тэнгэрин Шара-Хасар-тэнгэри! Отец наш Бажигалда, мать наша шаманка Ёэглэ, тетка шаманка Ашахан; Бажигалдаевы шесть дочерей: Адагата-Агальжин, Буру-Занта-Бугальжин, Төдөгөтө-Төнхөлжин, Ноктото-Нөхо-Шаракшин, Гарьхата-Ганзушин, Аманда-Агальжин».

«Побеседуем, сказавши: Всех людей заяном (покровителем) сделавшаяся, всех наставлявшая, всех людей заяном сделавшаяся, дочь ловцов барса старуха Мэдьмэн, с внешними подружившаяся, друг мой! На Хан-Саган-тэнгэрина (или на небо Хан-Саган) без узды забравшийся, но Нойон-Саган-тэнгэрина без оброти забравшийся, сын Амагахана, Охин-Тонхо! Сыны мои: Ёүһөргөнө и Дүһөргөнө, дочери мои Алмахан и Талмахан! Хотя и вошью была, не достигла до двух Ёүһөргөнө, Дүһөргөнө, хотя и хорошая шаманка, не достигла до двух Алмахан и Талмахан».

«На дне Ахана восемнадцать шаманов, на дне Зугана сто восемь шаманов, звенящая гора, стучащая ваша степь, посеребренный колчан, ярко-желтый лук, без кривизны твой лук. Широкий и прекрасен наконечник твоей стрелы! Беличы, беличы шубы — когда придет время надобности в них! Бывает слишком трудно, когда нужно воевать. По изобилию грехов овладевший Нухэн-Голи, по изобилию ловкости овладевший Булгахан-Голи, царским городом Башкуя, тринадцать яиц куропатки покатывая на ладони, сидел. Взяв в рот, наполнив рот (выдавливая языком), сидел. В беленьком местечке, обратившись в белое квашеное молоко, брызгая, сидел. В черненьком местечке черную запекающуюся кровь изо рта прыскал. Опухолью напирал, кашлем прижимал. Хубэ-зубэ, дочери мои Хулһан, Дэлһэн и Шилбэ. Хулһан-дэлһэн зятья мои! Уган — зять мой. Шингил-шибэ — земля, шишхэ-монгол — родственники, пограничная земля — земля, пограничные монголы — родственники, Мандахаев сын Нойон-Тонхо-Ганзу. Когда спускался в реку Куду, дошедшей до месяцев матери (т. е. беременной женщине) давал наступить на свою тень. Растянувшись, упал, на спине лежал. Озеро Бохонур — хэлье, Болок-Өшөхөр — ставка; из двух деревьев сделали прижалки (жомы), из двух камней сделали ребра, на кудинских подводах бегали. Хотя

и так, благодаря водяному происхождению, по избытию ловких хататанов, подружились. Хотя и так было, между тем можно было моего ума (буквально: умов) лишиться, в юрте с рукав величиною желтая радуга, волнуясь, вышла. Столбу радость, груди молоко отдав, вышла¹. Ваше тело находилось подле царя. В юрте простонародья так молились! Ваше тело находилось на небе (окторго). В маленькой юрте так молились! Второй зять – сын Хулдана, Уха Төгөлтөр. Третий зять – сын Болхона, Хахи-Ганзу».

«Обладая Өтөк-хатом, спустившиеся, люлечное (лежавшее в люльке) оберегавшие, лежавшее в пеленках караулившие: Тохи-эзи, Мэнгэлэ-эзи и Тангала-эзи».

«Справедливое положение в словах, желанное положение в людях, Хан-Толохан – Хан-Болохон, твой отец Барһуһан, мать твоя Шанарша. Думая, что выпущу из рук кольцо, думая выпрямить кривизну, сидя, молился!»

Говоря о горных онгонах (хадан-онгод) у кудинских бурят, нужно строго различать их один от другого и не смешивать между собою, так как все горные онгоны принадлежат к сатинским бурханам, которые покровительствуют людям и защищают их от разных злых духов и заянов. Горные онгоны принадлежат к удэши-бурханам (үдэн – дверь) у главных сатинских бурханов, т. е. они находятся у дверей присутственных мест сатинских бурханов (сатани-бурхаһи суглан). Горные онгоны докладывают главным сатинским бурханам, ходатайствуя перед ними за людей, прося даровать им милость и покровительство. Из горных онгонов у кудинских бурят делают прежде всего онгона. Табан-зурактан; его называют также «Танхаевы пять и Тажираевы три»; этим онгонам прислуживает Барлак Габаев, который при жизни был белым шаманом, а после смерти попал в услужение к горным онгонам.

Габан хөбүн Барлак,
Мори барюһан
Эмэл толуһан...

Сын Габая Барлак
Коней ловит,
Седла седлает.

А прислужница у них Нил-Харакшин Шотоева, которая тоже при жизни была белою шаманкой.

Шотон басаган
Нил-Харакшин
Тамхи хэршеши
Са бусалгаши...

Дочь Шотоя,
Нил-Харакшин
Крошит табак,
Варит чай...

¹ Тут оставлено без перевода 17 строк. *Ред.*

Кроме Табан-зурактана у кудинских и капсальских бурят встречается так называемый Арбан-Табан-зурактан, но только не у всех, а у некоторых бурят. Арбан-Табан-зурактан тоже принадлежит к сатинским бурханам, но только к числу средних, следовательно, он постарше Табан-зурактана.

Арбан-Табан-зурактан рисуют на трех цветных шелковых материях: на белой, синей, а третий цвет строго не выбирается; на этих трех цветных шелковых материях рисуют 15 человеческих фигур, эти фигуры по шаманскому обряду освящают и кладут в выдолбленное дерево, где они и хранятся. Имена этих онгонов: Хоредой-мэргэн, жена его Хобоши-хатун, Хангил-Саган-бурхан, жена его Шингил Саган-хатун, сын их Мэлтэн-Саган-хөбун, имеющий белого коня и белую шелковую шубу, Халгана-Саган-бурхан, жена его Хэнур-Саган-хатун, сын их Хуралгана-Саган-хөбун, имеющий сивых коней, седло с бронзовыми стремянами и кнутом и синюю шелковую шубу, Хаһалгана-Саган-бурхан, жена его Хоборгоно-Саган-хатун, сын их Халгана-Саган-хөбун; имен прочих я не успел записать.

У балаганских бурят есть онгон или онгоны, которых обыкновенно называют хамуни-онгон (хамун — чесотка). Этого онгона делают так: на овечьей шкуре, выделанной без шерсти, прикрепляют человеческие фигуры из жести. По словам стариков, этот онгон самый старинный, он сохранился до сих пор почти без изменения; прежним бурятам негде было доставать разные материи, а потому они делали онгоны на шкурах, которые всегда были под рукой. Вот имена онгонов, которые входят в состав сложного онгона хамуни-онгон: 1) Ирихэ, 2) Бирихэ, 3) Эрхэ-Бэбэкшин, 4) Зото-Бөхө, 5) Зото-Ганзу и 6) Дэрхэн-Шилбэ. Этот онгон ныне редко встречается.

Балаганские белые кузнецы имеют своих отдельных онгонов, которых держат в кузницах, а относительно черных кузнецов я не успел собрать сведений; черные кузнецы тоже имеют своих отдельных онгонов, но я их не видал.

У балаганских белых кузнецов онгоны рисуются красною краскою на лоскутке синей дабы длиною $\frac{1}{2}$ арш., шириною $\frac{1}{4}$ арш.; этот лоскуток дабы пришивается к тоненькой волосяной веревке, на которой по обеим сторонам дабы прикреплены черные и белые миткальные ленточки. На лоскутке дабы сверху нарисован кузнечный тэнгэрин Дабан-хөхө-тэнгэри, т. е. проведена черточка; на обоих концах ее нарисованы солнце и луна в виде кружков, внизу нарисованы девять человеческих фигур, которые, по словам кузнецов, означают девять сыновей Божинтоя. Самого Божинтоя не рисуют. Одну дочь Божинтоя Эйлик-Мулак не рисуют; её делают отдельно на беличьей шкурке. Ниже девяти человеческих фигур рисуют разные кузнечные инструменты и принадлежности.

Прежние кузнецы свои онгоны делали из железа, а впоследствии для большего удобства стали рисовать на материях, что далеко легче и требует менее расхода и хлопот. Кузнечный онгон делать из железа очень трудно; не всякий кузнец в состоянии; прежде делали из железа человеческие фигуры; каждая фигура в руках держала разные инструменты и принадлежности; число железных человеческих фигур было десять; девять из них означали девять сыновей Божинтоя, десятая дочь его Эйлик-Мулак, которую для отличия делали в женской одежде. Модели этих онгонов мною представлены в музей Отдела с обозначением имен каждого. Эти онгоны делал кузнец Харал; другие отказались.

Дочь Божинтоя Эйлик-Мулак отдельно делают следующим образом к беличьей шкурке привязывают красное сукно, на которое прикрепляют жестяную человеческую фигуру; этот онгон называется Дархахи һахюл. То же есть в музее Отдела.

У балаганских бурят хангинского рода есть свой собственный онгон, который у других бурят не встречается, этого называют Бөртө; его будто бы привез с собою на спине из Монголии родоначальник хангинцев, большой шаман Хортон, привязав его на конце косы. Онгон Бөртө бывает почти у каждого домохозяйина у хангинских бурят. Ниже напишу слова молитвы:

Хамок төмөн хангин утха	Происхождение всевысших
Сэн шубун сэрэл	хангинцев
Сэрэл-монгол утха	Птица Сэн-сэрэл.
Хун шубун хорёл	Происхождение сэрэл-монголов
Хори монгол утха	Птица Хун-хорёл.
Урда газар, газар	Происхождение хори-монголов
Шингил Шибэ дада	Южная земля, земля!
Шишхэ монгол утха	Шингил-Шибэ местность —
Һаин хани һамархада	Происхождение шишхи-монголов!
Буршактын буһалхада	Хороший хан расстроился,
Хорёдо баба,	Злонамеренные взбунтовались.
Харабшихан иби	Отец Хорёдой,
Хото хангин гэхэдэ	Мать Хурабшихан!
Зураги дэли зурулжи	Северные хангинцы говорили;
Модондо ульгэри дэли	Как нарисованный рисунок,
Эсхулжи гаширһан	Как модель из дерева,
Арда үргэлжи гаширһан
Бөртө өбөгөн,	На спине привлеченный
Эсэгэ тана Шолон	Старик Бөртө!
Эхэ тана Хотохо.	Отец ваш Шолон,

Эхэн тана утха	Мать ваша Хошохо ¹ .
Баруни хата	Происхождение вашей матери
Хэрбэһи гурбан бөшулхэ	В западных хатах
Урда газарта	Три шамана Хэрбитовы,
Хөхөн дэли	Как в южной местности
Донгодожи байһан	Кукушка куковала,
Хангина хоймор тэн	Сидя в Хангинах на столбе ² ,
Заян болжи байһан	Заяном сделавшись, стоял,
Убэтэгин багин болгожи	Бедных сделал богатыми,
Өсөхөнин олон	Немногих размножил!
Болгожи байхан
Идехэ шүһэн тана	Еда ваша сок!
Һахурга хонин	Из овечек саксурги
Талга талгана...	Талган приносят..

2. Игровые онгоны

Говоря об онгонах, нельзя пропустить так называемых у бурят «надани онгон» (вечерочные онгоны); они получили свое название от слова надан (вечерка), потому что этих онгонов преимущественно призывают во время вечеров для веселья; хотя это также онгоны, но им особенных обрядов не делают. Эти «надани онгоны» отличаются неистощимую веселостью и юмором. Обыкновенно надани-онгонов призывают во время вечеров шаманы, чтобы позабавить собравшуюся молодежь. Надани-онгонов призывают также во время обряда онго-иделүлхэ (кормление онгонов). Призывают надани-онгонов таким образом: шаман берет по одной хорби (трость), снимает унты или сапоги, потом снимает пояс; в унтах или сапогах и в поясе нельзя призывать заянов. Потом шаман подходит к двери и начинает призывать одного надани-онгона и онгон является к присутствующим в лице самого шамана. Шаман здесь действует, как бы это был сам онгон, поэтому все присутствующие подчиняются ему беспрекословно, так как надани-онгоны не любят противоречий. Ниже опишу каждого надани-онгона отдельно.

У кудинских бурят есть так называемый Багшиндай, который будто бы большой любитель вечеров, а у балаганских бурят этот же самый онгон называется Ягша. Когда, призванный, он является в лице шамана, он всех сидящих молодых людей обоего пола заставляет плясать. Вся молодежь встает в круг,

¹ Sic! В бурятском тексте не Хошохо, а Хотохо; последнее, кажется, вернее. *Ред.*

² Т. е. на столбе «хоймор тэнги».

держа друг друга за руки, пляшет по-бурятски и поет песни. Сам онгон тоже принимает участие в пляске, иногда выходит из круга и смотрит, хорошо ли все пляшут; если он заметит, что худо или неровно, он бьет их тростью. Потом начинает гладить пляшущих по спине тростью; если кто-нибудь выдался из круга немного, бьет его по спине. Во время пляски молодые люди шутят друг над другом или же дразнят онгона, который начинает злиться и ругаться; кто-нибудь из молодежи выходит из круга и бежит; тогда онгон гонится за ним, догнав бегущего бьет тростью и обратно гонит к пляшущим; если не может догнать бегущего, то стреляет из трости, иногда убегают несколько человек, а онгон просто из себя выходит, не зная, за кем погнаться. Потом онгон уходит. Пляшущие молодые люди садятся и отдыхают, потому что пляска продолжается довольно долго, благодаря неутомимости онгона.

Иногда шаман призывает так называемого у кудинских бурят Дөбөдө, у балаганских бурят Бата-өбөгөнә; изображая его, шаман подходит к сидящим людям и начинает искать между ними свою ветреную жену, которую кудинские буряты называют Самсахан, а балаганские — Малган-изи. Кудинские буряты, когда Дөбөдө ищет свою жену, говорят, что у него жена ветреная, всегда уходит к чужим мужчинам, что у нее задний подол всегда мокрый; балаганские буряты Бата-өбөгөнү говорят, что у него жена ветреная, во всех кроватях имеет мужей, и во всех ложбинках подушки. Бата-өбөгөн вооружается железным крюком, которым хочет зацепить свою жену. Онгон непрерывно зовет свою жену: «Самсахай! Самсахай! где ты?» — ищет ее и не может найти. Сидящие показывают друг на друга и говорят: «Вот она!» Дөбөдө подходит и спрашивает: «Ты ли, Самсахай?» Начинает рассматривать указанного человека, тогда тот отвечает: «Не я!» Тогда показывают другого. Кто-нибудь для шутки бежит, а другие показывают на него и говорят: «Вот она!» Дөбөдө гонится за ним, догнавши, бьет тростью, ловит его и валит на землю. После этого Дөбөдө уходит. По словам балаганских и кудинских бурят, этот онгон представляется стариком.

После Дөбөдөя призывают жену его Самсахай; так как она была очень ветреная женщина, то подходит к каждому мужчине и спрашивает: «Большой ли у тебя фаллос?» Если ей отвечают: «не большой», она проходит мимо, если кто-нибудь ответит «большой» она радуется, обнимает мужчину и валит его на землю. После этого Самсахай уходит.

Потом призывают (у кудинских бурят) трех жен Солбона. Сначала приходит старшая жена, которая у присутствующих спрашивает: «Что теплее: одеяло из кожи бычка или одеяло из выдровых шкур?» Сидящие отвечают ей: «Тепло

одеяло из выдровых шкур!» Она радуется и говорит: «Живите богато скотом и имейте многочисленное потомство!» Это она говорит потому, что она имела одеяло из выдровых шкур. Если кто-нибудь скажет: «Тепло одеяло из кожи бычка!» она сердится и ругается. Потом она уходит. После первой жены Солбона шаман призывает вторую его жену, которая тоже спрашивает: «Одеяло ли из кожи бычка теплее или одеяло из собольей шкуры?» Присутствующие отвечают ей: «Тепло одеяло из собольей шкуры!» Она сильно радуется и говорит: «Живите богато скотом и имейте многочисленное потомство!» Потом она уходит. После второй жены приходит третья жена, которая была земная женщина; ее звали Хэрхэн-Шаралган, она была дочь бурята Ухантая; явившись, она тоже спрашивает: «Одеяло ли из кожи бычка теплее или одеяло из собольей шкуры?» Сидящие отвечают: «Тепло одеяло из кожи бычка!» Она радуется и говорит: «Живите богато скотом и имейте многочисленное потомство!» Потом она уходит. Так как она была земная женщина и от бедных родителей, то имела одеяло из кожи бычка, потому она и радуется.

Потом призывают так называемого у кудинских бурят «хогту-онгона» (пьяный онгон), которого зовут Архинши-мангилай (архинши — пьяница). Явившись в собрание, этот онгон едва-едва ходит на ногах, шатается на все стороны, как пьяный и говорит: «Я днем пьян и ночью пьян!» Потом он уходит.

Потом призывают так называемого у кудинских бурят Муншин-онгона. Пришедши по зову шамана, он спрашивает у сидящих: «Красив ли я?» Сидящие буряты отвечают: «Красив!» Тогда он сильно радуется, кривляется и строит рожи; сидящие отнюдь не должны смеяться, а если кто-нибудь не выдержит и засмеется, то онгон сердится и бросает огонь на сидящих. Если на вопрос: красив ли я? ответят: «не красив!», он тоже сердится и бросает огонь тростью. Потом он уходит.

Иногда призывают у кудинских бурят так называемого Адангуша-онгона (адангуша-насмешник); по словам бурят это страшный насмешник. Он приходит и каждого просмеивает и дразнит, выставляет все недостатки человека, в то же время делает разные гримасы и дразнит сидящих; вдоволь насмеявшись, он уходит.

Также призывают так называемого Ганзу-онгона (ганзу — бешеный). Вызванный онгон кусает свои руки и рвет платье и бросается на других; его удерживают несколько человек, чтобы он не кусался, не рвал платье и не бросался на людей. Потом он уходит.

Иногда призывают Бубэ-онгона. Этот онгон представляется женщиною, она всегда нянчится с маленьким ребенком. Она приходит с тростями в руках, которые она завертывает подолом халата или шубы как ребенка и показывает, будто бы нянчится с маленьким ребенком, а сама качается на все стороны, будто забавляет его. Подойдя к сидящим, она спрашивает у них: «Молода ли твоя

жена и сердиты ли твои собаки?» Потом говорит сидящим: «Я не обвертываю ребенка кожей бычка, а обвертываю собольей шкурой!» Этим она показывает свою любовь к ребенку, для которого она ничего не жалеет. Потом она говорит: «У меня ребенок не плачет и не мерзнет!» Этим она показывает свой уход за ребенком. После этого некоторые сидящие просят у нее ребенка: «Дай мне ребенка!» Она не дает им и отворачивается от них. Таким образом она возится с ребенком некоторое время, а потом мнимого ребенка дает кому-нибудь, а сама уходит.

Иногда призывают так называемого Харана-Малташи-онгона (харана – саранка, малтаха – выкопать). Этот онгон тоже женщина, выкапывающая саранку. Придя в собрание, эта онгон-женщина Харана-Малташи подходит к сидящим и начинает представлять, как будто она выкапывает из земли саранку, очищает ее от земли и кладет в лукошко; накопавши саранок, она уходит.

Призывают еще так называемого убалаганских бурят Мори-Хургаши-онгона (м о р и н – «конь», һ у р г а х а – «учить»). Изображая этого онгона, шаман начинает учить неезжалых коней. Трость означает обучаемого молодого коня. Конь лягается, бьет ногами и встает на дыбы; онгон как будто боится, отскакивает от коня и обнаруживает нерешительность и боязнь. Тогда один из сидящих встает и подходит помогать ему; подошедший как будто держит коня за уши, а онгон затыкает концы подола за пояс и старается сесть на коня; конь не поддается. Онгон всеми мерами старается укротить коня хорошенько и наконец садится на него; конь встает на дыбы, старается сбросить седока, а этот держится крепко. Когда онгон сел, наконец, на коня, он обнаруживает радость. Конь бежит, а онгон искусно правит им; если конь долго не поддается онгону, он сердится и ругается. Обучив коня, онгон уходит.

Потом балаганские шаманы иногда призывают Арха-Элдэжи-онгона (а р х а н – «кожа»; э л д э х э – «выдывать»). Этот онгон – женщина, выдывающая кожи. Шаман, изображая ее, подходит к сидящим, садится на землю и представляет, будто тростью мнет кожу; трость заменяет здесь инструмент хэдэргэ, который обыкновенно употребляется при выделывании кожи бурятками. Кто-нибудь из присутствующих садится около нее, берет другую трость и подражает ей, будто бы тоже выдывает кожу. Онгон спрашивает его: «Хорошо ли выделана кожа?» Тот отвечает: «Хорошо!» Она радуется. Если скажут: «худо» она сердится и начинает снова выдывать кожу. Потом она смотрит у рядом сидящего, как он мнет и хорошо ли выделал кожу. Если кто-нибудь в это время скажет, что он худо мнет кожу, онгон сердится и бьет провинившегося и заставляет снова мять кожу. Когда кожу выделают, онгон уходит.

Потом балаганские шаманы призывают онгона, имя которого я не знаю. Когда он придет, собирают шапки и рукавицы; собранное кто-нибудь держит в подоле. Онгон велит бросить все это на огонь; держащий бросает шапки и рукавицы около огня. После этого онгон уходит. Присутствующие берут свои шапки и рукавицы. Многие присутствующие прячут свои шапки и рукавицы от онгона, чтобы он их не нашел, потому что он может бросить их на огонь.

Есть еще онгон, который собирает унты от присутствующих и бросает их на огонь. Этого онгона обыкновенно называют «годоһон онгон» (годоһон — «унты», суглула — «собирать»).

Есть другой онгон, который собирает от сидящих уши и носы следующим образом: онгон подходит к каждому из сидящих, щиплет конец уха и носа и будто бы кладет что-то в подол человеку, который ходит сзади него; когда онгон кончит собирать, то собранные уши и носы будто бы бросает в огонь. После этого онгон уходит.

Потом призывают онгона, который собирает груди, он тоже за груди щиплет, а потом собранные груди бросает в огонь и уходит. Имени этого онгона я не знаю.

Иногда балаганские шаманы призывают онгона, который молодых парней заставляет скакать над тростью. Молодые парни должны скакать проворно, гибко и не задевая трость ногою; если кто не умеет, того онгон бьет, а сидящие над ним смеются.

Есть еще онгон, который молодых парней заставляет плясать над тростью; две трости кладут на землю, а потом заставляют молодых людей скакать и плясать, причем требуется, чтобы они не задевали трости ногами.

Иногда балаганские шаманы призывают онгона, который молодых парней заставляет вертеться под тростью следующим образом: за один конец трости держит сам шаман, изображающий онгона, за другой конец держит молодой парень; трости они держат крепко обеими руками, потом руки поднимают вверх и оба начинают быстро вертеться; если кто-нибудь из них отстанет, тот падает от быстроты; онгон начинает бить провинившегося. Здесь нужны проворность и гибкость в движениях. Если кто упадет, над тем смеются сидящие.

Иногда балаганские и кудинские шаманы призывают Бабаган-онгона (бабагай — «медведь»). Когда призывают Бабаган-онгона, то все присутствующие сидят рядом тихо, не разговаривают между собою, не смеются и даже не смеют шевельнуться. Шаман падает на землю, ползает на четвереньках и таким образом подходит к сидящим, кричит: «Ба-а-а!», подражая крику медведя, встает на задние лапы и рукою ударяет об руку как медведь, потом делает разные пантомимы и нюхает сидящих, которые отнюдь не должны шевелиться

и смеяться; в это время бывает мертвая тишина. Если кто-нибудь из сидящих пошевелится или засмеется, иногда с противной стороны для шутки бросают шапку или рукавицу тому, около кого стоит Бабаган-онгон – медведь, не разбирая, откуда брошен предмет, с криком и рычанием бросается на того, около кого упал брошенный предмет и тащит его зубами к двери, положив там несчастную добычу, смотрит на него, не шевелится ли он; если шевелится, то медведь с криком и рычанием бросается на лежащего и начинает кусать его до тех пор, пока тот не перестанет шевелиться; если человек не шевелится, а лежит спокойно, как мертвый, медведь не кусает его и отправляется за другими. Сидящие с умыслом для шутки смешат друг друга; таким образом по одиночке около двери скопляется много людей, натасканных в одну кучу; лежащие внизу нарочно шевелятся, тогда верхним изрядно достается от медведя, благодаря его неразборчивости; медведь кусает сверху лежащих до слез, но и нижним тоже очень тяжело, потому что их гнетут положенные на них. Потом медведь на кучу лежащих людей кладет разные предметы, что попадает под руку. Мне говорили старики, что прежние шаманы свободно поднимали зубами девятимерный котел, наполненный супом, нисколько не поддерживая его руками, и клали на людей. Потом онгон уходит, лежащие люди встают и садятся на месте.

Иногда призывают так называемого Тэхэ-онгона (т э х э – «козел»); шаман падает на землю и ходит на четвереньках, как козел; таким образом он подходит к сидящим, нюхает их, бодает и кричит по-козлиному. Кто-нибудь из сидящих для шутки бодается с ним. После этого онгон уходит.

Призывают еще Буха-онгона (б у х а – «пороз»), который, как прочие онгоны, немедленно является к услугам призывающего шамана. Изображая Буха-онгона, шаман ходит на четвереньках, как пороз, кричит протяжно, руками поочередно бросает землю вверх и потом головою трет землю, как обыкновенно делают порозы; таким родом он подходит к сидящим; некоторые из молодых людей для шутки бодаются с Буха-онгоном; онгон бодает своего противника изо всей силы и старается победить; преодолев противника, онгон с мычаньем уходит.

Иногда призывают Гахай-онгона (г а х а й – «свинья»); в этом случае шаман ходит на четвереньках, хрюкает и носом роет землю, как свинья и потом уходит.

Потом призывают Шоно-онгона (ш о н о – «волк»); шаман ходит на четвереньках, садится на задние лапы и воет по-волчьи, прося у неба поесть; потом он уходит.

Иногда кудинские шаманы призывают так называемого онгона Заря-Азарга (з а р я - а з а р г а — «ёж»)¹.

III. ДУШИ УМЕРШИХ ШАМАНОВ

Умершие шаманы, благодаря своему шаманскому корню или происхождению (у т х а) и благоволению тэнгэринов и заянов, и сами в некотором роде делаются заянами, но только не все, такой чести удостоиваются только хорошие шаманы, плохие же постепенно забываются народом. Каждый покойный шаман по мере возможности делает добро своим потомкам и родным. Хорошие покойные шаманы, по словам бурят, сильно защищают своих потомков и родных от злых духов, ходатайствуя за них перед большими заянами и хатами. По словам бурят, белые шаманы после смерти преимущественно стараются делать людям добро, ходатайствуя за людей перед западными хатами, уһан хатами и прочими заянами, прося их защитить людей от злых духов и разных болезней, черные шаманы по смерти делают людям зло, но иногда они тоже защищают их, ходатайствуя за них перед черными заянами; таких черных шаманов, пользующихся уважением, постоянно нужно задабривать через брызганье тарасуна или вина и через жертвоприношения; тогда только они оказывают покровительство, в противном случае они делают зло и вред.

Вследствие этого каждая местность, род и улус почти все имеют своих отдельных заянов из покойных шаманов и шаманок, которые после смерти хоронятся обыкновенно на соседних горах или лесах, где их ставят на дерево с гробом или же сжигают; этих местных покойных шаманов и шаманок жители местности, т. е. рода или улуса называют «хада-улан-өбөхөд» (горные старцы). Каждая отдельная местность имеет своих горных старцев, которым буряты брызгают тарасун или вино, а иногда совершают в честь их обряды, кырыки и тайлганы.

Горный старец имеет значение только на своей местности, жители других местностей на них мало обращают внимания и не делают в честь их особенных религиозных обрядов. Но есть довольно и таких горных старцев, которые пользуются повсеместным уважением.

Я расскажу только о главных умерших шаманах, пользующихся поклоном; если перечислять всех горных старцев, то получится очень длинный список. Иногда и простые буряты и бурятки после смерти делаются заянами и в честь их совершаются разные обряды; но они делаются заянами благодаря покровительству и помощи своего шаманского корня (у т х а). Белых шаманов повсеместно уважают и любят, как при жизни, так и после смерти их; черных шаманов и шаманок не особенно любят, но зато сильно боятся, чтобы они, рас-

¹См. Агапитов и Хангалов, «Материалы», I, с., стр. 21.

сердившись, не сделали зла или не убили бы человека через злых духов или через свой черношаманский корень. Иногда ненависть соседей к черным шаманам и шаманкам доходит до того, что соседи, уговорившись, убивают их; это бывает в том случае, если о черном шамане или шаманке распространится слух, что он или она своих соседей отдают злым духам или заянам взамен за других людей, которых они будто бы через это спасают от смерти. Если кто-нибудь сильно заболит, то обыкновенно посылают за черным шаманом или шаманкой; приехав к больному, шаман начинает брызгать тарасуном или вином и делает разные обряды в честь черных заянов и духов, просит их смилосердиться и послать выздоровление больному; за это шаман получает подарки от больного, которого будто бы он спас от верной смерти; больной выздоравливает; это значит, что черный шаман или шаманка отдала за него заянам одного из своих соседей, который, по словам бурят, должен умереть, так как душа его поймана и посажена в темницу. Если соседи черного шамана умирают после его поездки к какому-нибудь больному и если этот больной выздоровел, тогда на шамана падает сильное подозрение; ненависть к нему соседей доходит до крайней степени и сдерживается только опасением, как бы он еще более не сделал зла.

Прежде была одна черная шаманка в Балаганском ведомстве в местности Бажир (Бажири-хара одёгон); по вышеописанным причинам соседи не любили её и, желая избавиться от нее, наняли двух черных шаманов, чтобы они через злых духов и с помощью своего шаманского корня съели бы эту, для них ненавистную, черную шаманку; за труды они обещали им сорок голов разного скота. По словам предания, эти два черных шамана Энхэр и Биртакшин не могли управиться с шаманкой, а потому обратились к другому черному шаману Хагла, и только втроем едва-едва съели шаманку, за что и получили сорок голов разного скота. Шаманка умерла; тогда соседи похоронили эту шаманку следующим образом: из дерева осины (у л я h а н) сделали гроб и положили в него шаманку вниз лицом; потом вырыли глубокую яму и опустили в нее гроб с шаманкой; кольями, сделанными из осины, пригвоздили ее к земле и придавили осиною, а потом завалили землей.

Другой случай был тоже в Балаганском ведомстве. Некую черную шаманку Удама соседи тоже не любили, хотели от нее избавиться и прибегли к хитрости; они напоили черную шаманку Удама пьяною, а потом убили ее; после этого из осины сделали гроб, положили в него шаманку вниз лицом, вынесли гроб в лес, вырыли там яму, положили в нее черную шаманку Удама и придавили осиною; другие же говорят, что ее тоже пригвоздили к земле осиновыми кольями и потом яму наполнили землею. По понятию бурят, дерево осина считается нечистым,

а потому шаманы этим деревом не топят огонь, боясь сделаться нечистыми. Осиновый гроб означает, что шаманка сделалась нечистой, а положение в гробе вниз лицом значит, что она сделавшись после смерти нечистой, не должна выходить на землю, всегда должна оставаться под землей и не может более делать людям никакого вреда и зла, как делала при жизни. Этот обычай у бурят, должно полагать, существует с давних времен.

Самый известный шаманский корень (у т х а) — это корень тарсайских шаманов. Один бурят из Тарсайского улуса жил в Кудинском инородческом ведомстве в улусе Кулункун, где и женился на дочери большой черной шаманки; от этого брака родились два сына, которые впоследствии сделались большими черными шаманами: 1) Аянга (дети его не записаны), 2) Нохор Хара-Көстө; сын его был Буян, у этого сын Буяшки, у этого Шобхонок, у последнего Фидот, все они были черными шаманами. Они имеют черный шаманский корень; им покровительствуют черные хордуты, которым в свою очередь покровительствуют черные зайны, а именно живущие на берегу желтого моря девять желтых зайнов с соловыми лошадьми, живущие на берегу черного моря девять зайнов с черными лошадьми, живущие на берегу синего моря девять синих зайнов с сивыми лошадьми; этим последним покровительствует восточный Хэлин-Хара-тэнгэри или Дорбон-Харан-тэнгэри. Кроме этого, тарсайским шаманам покровительствует хозяин острова Ольхона Хан-Хөтө-бабай и эжин черного коня Ажирай-Бөхө.

Точно такую же известностью и уважением пользуются обосинские черные шаманы; они происхождения имеют от белых и черных хордутов. Предки обосинских шаманов на северную сторону Байкала пришли из Монголии, из местности Хара-Дархад, где они были большими белыми и черными шаманами. Из Хара-Дархад пришел большой шаман Сахядай, у него был сын Дэлхэгэ-Зогдор; сын Зогдора, Богсоргоно, спустился по Ангаре вниз вышел на устье Оки и поселился на местности Зуга (недалеко от нынешнего Николаевского железного завода). Богсоргоно имел двух сыновей Бурунту и Уладар. Бурунту имел одного сына Баряда; сыновья его Булгу и Дабагар; у Дабагара сын Махуна. Уладар имел двух сыновей: Бугдан и Бахан. Бугдан имел двух сыновей Балихай и Сонгол. У Сонгола сын Сэрэн. Бахан имел одного сына Нухэр; у этого сыновья Хохоно и Тухэ.

Обыкновенно идинские, балаганские, аларские, кудинские и капсальские буряты брызгают тарасуном и вином и делают разные обряды обосинским и тарсайским покойным шаманам, а также и их шаманскому корню. По словам бурят обосинские и тарсайские шаманы с давних времен враждуют между собою, почему они живут не подолгу, т. е. умирают молодыми. Рассорились они между собою по следующему поводу. В Аларском ведомстве заболела одна

женщина и пригласила черного шамана Бугдана, который жил у тестя своего, у аларского тайши. Бугдан приехал к больной женщине, побрызгал тарасуном и вином, сделал кырыки и сказал больной, что нужно принести жертву хозяину острова Ольхона Хан-Хөхө-бабаю тетерею, для чего нужно пригласить тарсайского черного шамана Һохор-Хара-Көстө. Тогда больная послала за шаманом Һохор-Хара-Көстө; шаман приехал и приказал приготовить тетерею. На другой день черный шаман Һохор-Хара-Көстө приготовился к обряду; вышли на улицу для приношения жертвы; после некоторых обрядов в землю вкопали сосновый шире¹, на вершине его воткнули тетерею, после этого, призвав хозяина острова Ольхона, шаман Һохор-Хара-Көстө подошел к сосне, потряс ее и свистнул; тетерея полетела к юго-востоку по направлению к острову Ольхону. Тогда шаман Һохор-Хара-Көстө обернулся и сказал: «Каковы мои силы!»

На другой день шаман Бугдан тоже сделал жертвоприношение заянам онго хордугам; когда снятую шкуру с овцы повесили на березу, шаман Бугдан тоже, пошаманив, подошел к шире, т. е. березе, потряс ее и свистнул. Тогда шкура овцы тоже полетела вверх; шаман Бугдан, обернувшись, спросил: «Каков я»? Тогда шаман Һохор-Хара-Көстө из зависти бросил вверх кисет с трубкою. Эти вещи догнали шкуру овцы и с нею вместе упали на землю. Шаман Бугдан сказал Һохор-Хара-Көстө: «Я вчера не мешал твоему жертвоприношению, а ты сегодня почему помешал моему?» После этого оба шамана разодрались. Каждый у себя шаманил, чтобы друг друга съесть (идехэ), тем ссора и кончилась. Впоследствии во время одной свадьбы еще раз произошла ссора. Именно поссорились сын Бугдана, Тангаран и сын Уладара Хухэр с тарсайскими шаманами Аянга и Көстө. С того времени между этими шаманами и до сих пор продолжается вражда.

Другой шаманский корень из племени онго тоже уважается бурятами. Шаманский корень из племени онго (о н г о х у н и у т х а) имеет своих особых покровителей между западными тэнгэринами; это Урак-Саган-тэнгэри, Мэндэри-тэнгэри, Хондори-тэнгэри, Ишхи-багин-тэнгэри, Гутар-багин-тэнгэри и Хан-Саган-тэнгэри, а также у него есть покровитель и среди восточных тэнгэринов: Лук-Хара-тэнгэри. Из племени онго была большая черная шаманка Хан-Шуха. Хонго, сын его Хөдөнө, сыновья этого Мэргэ и Обохо, все они были черными шаманами; кроме этих, еще была шаманка Муда-Иби и шаман Туда и др. Шаманскому корню племени онго покровительствуют черные хордугы, почему шаманы и шаманки из племени онго соединились в одно с обосинскими шаманами и шаманками, хотя и говорят, что сперва они враждовали между собою; потом они помирились.

¹ Ш и р е – «стол», «престол». *Ред.*

Есть еще хангинский шаманский корень (х а н г и н-у т х а), который тоже уважают буряты; об этом корне я не успел собрать сведений. Ограничусь при-ведением молитвы к нему.

Ерхэ шубун ерэб
Харьха шубун хани
Хамок төмөн хангин,
Хара монгол утха
Сэн шубун сэрэл,
Сэрэл-монгол утха
Заха-лама заха,
Захан-шарад утха.
Урда газар мана,
Шингил шибэ газар
Шишхэ монгол утха.
Аля хөбүд, альбита басагад,
Жиктэ хөбүд, жилбэтэ басагад.
Гэгэн-Мөнгөн басан,
Гэрэл-Мөнгөн шагабартан
Тохо-Мөнгөн худалтан
Толи-Мөнгөн шагабартан
Яһан хөлто Яньюра
Һужи угэй һужинхэ,
Һүбэ угэй ебтэрхэ,
Хото Хангин,
Өнөшин гэхэдэ,
Шихэндэ дулажи:
Үбэтэгин багин
Болгохо гэжи,
Өнөшигин өндөр
Болгохо гэжи,
Ёһон саган шубугар зэлэржи,
Таряшая амакта
Таражи бугабди.
Багин ноён гэхэдэ,
Улятая ал дэрэ бухада,
Мошки багинда
Халгарин хара хулгана боложи,

С прилетающими птицами
прилетели,
Отлетающих птиц спутники
Всетысячные хангины,
Хара-монгольский корень
Птица Сэн-сэрэл,
Сэрэл-монгольский корень
Начавшееся начало,
Крайних шаратов – корень.
Южная земля наша (Наша земля
на юге),
Шингил-Шибэ местность
Шишхэ-монголов корень.
Игривые сыновья, ловкие дочери,
Хитрые сыновья, чародейки дочери,
Светлый серебряный дворец (дом),
Серебряные окна с стеклами,
Серебряная местность – житье,
Серебряные блюда – окна,
Яньюра с костяной ногой,
Не имеющие тазовых костей,
хромые,
Дырявые без нижних ребер,
Северные хангины, сироты,
говорили,
Ушами услышав (в ушах услышав):
Бедного обогащать
Будем, говорили,
Сирот выращивать
Будем, говорили!,
Девятью лебедями прилетели,
В улусе Таряшия,
Распространяясь, спустились!
Богачи и чиновники говорили,
На Улятском улусе спустились.
Богачу Мошки под стены,
Обратившись в черных мышей,
Черную землю бросали,

Хара шоро хаяжи¹,
Хагилган ядажи,
Хэрмэн маря марялжи,
Хэрмэн хөбө хөбөлжи,
Хунэр хата һужу.
Үнтэ хайхан бурхушул
Арюн хата арса
Ажита бурхушул.
Бод хара гаха боложи
Долон хөбу дахулжи
Садан хөбүн Насаниги
Эрьюлгэдэн хүлежи
Ямани дэли марулжи,
Инзагани дэли сашкулжи,
Тэрхи дэрон бахада
Мори тана олһон
Ёһон басагад Будэ.

Брызганья не могли дожидаться,
По-беличьи пожирели (или
исхудали,
Выросли острые клыки,
В кунице засели.
Верных и красивых божков
Чистый, хороший берет.
Благодатные божки
Обратились в черную свинью,
Семь поросят сзади бегали.
Садая, сына Насана,
Привязали юрьюлгэ.
Когда яман закричал,
Когда маленький козленок
заплакал,
Тогда-то узнали,
Проследивши нас, нашли (узнали,
кто они):
Девять дочерей Будэ!

У балаганских бурят сильно уважается заянка, так называемая Х а м һ а р и х ө к ш и н (хамхарская баба) или Б ө р т ө г ө н ө н - х ө к ш и н (Бөртөгөйнская баба), которую зовут Хөмгө, отец ее Абалзан, а мать Нарячки. Хөмө при жизни была простая замужняя бурятка. Однажды муж ее отправился смотреть табуны лошадей, приехал к табуну и видит, что одна кобыла ожеребилась, и жеребенок родился с восемью ногами. Бурят сильно удивился и думая, что четыре ноги совершенно излишни, отрезал их, а четыре ноги оставил. Приехал домой, тогда жена его Хөмө сказала ему, что она должна стать большою шаманкою, родившийся восьминогий жеребенок должен быть ее конем, на котором она должна ездить. После этого она сошла с ума, т. е. начала сильно дуреть и шаманить; в таком сумасшедшем состоянии она странствовала из улуса в улус и часто бывала в деревне Талкин, где ее сильно угощали; она угощением оставалась очень довольна; также она бывала в г. Балаганске, в котором ее сильно обижали, били и впоследствии в г. Балаганске убили ее камнями, а тело ее было брошено в леске Бөртөгөнө около Балаганска. Впоследствии она сделалась могущественною заянкою. Теперь она любит талькинских крестьян, что видно из шаманской молитвы, а балаганских она очень не любит. Онгон хөкшин (онгоевская баба) тоже уважается бурятами, ее зовут Баранак; отец ее Мандан, а мать Башинки. Она при жизни была замужем и сильно заболела,

¹ Вероятно, следует понимать «рыли».

во время болезни она помешалась. Тогда свекровь заперла ее в пустую юрту, а сама переехала в летники. Она в пустой юрте умерла с голоду, а впоследствии сделалась зайнкою; ее шаманский корень помог ей сделаться зайнкою, потому что она умерла, страдая.

Галуха — дочь шамана Хула-Бурхана; мать ее была шаманка Тадак-хатун. Родители при жизни выдали свою дочь Галуха замуж; впоследствии муж ее с нею обращался жестоко. Она от жестоких истязаний умерла и после смерти сделалась зайнкою, не все ее знают, а только те, которые имеют родственное отношение с хангинцами, потому что она была хангинского племени. По словам бурят, Галуха подруга Баранак.

В Балаганском и Идинском ведомствах буряты сильно почитают так называемых Аханхи-басагад (аха — старший, басаган — девица). Имена их: самая главная из них девица Батан-Ганзу, дочь большого черного шамана Хохор-Хара-Кюстоя; мать ее Бурза; кроме нее упоминается черный шаман Аянга, который ей будет родной дядя. У Аянга тоже были дочери: старшая Таношка, младшая Анишка (Таночка и Аничка); у Аянга сын Уршак; сын последнего Бутухэ. В честь этих зайнок: Батан-Ганзу, Таношка и Анишка обязательно должны делать обряды все девицы, что называется «податью». Вот небольшой отрывок из молитвы к ним¹.

33 Готол 300 шугэл
44 Готол 400 шугэл
Далан хулһан мина
Дадын угин зала.
Нагдын хара нарһан
Нагин найман гэшүһэтэ,
Гэшүһэн бэрэ ургэтэ,
Ургэ бэрэ зулзагата.
Тоголхоё мундажи
Хөлөр того тоголлоб,
Толохын мундажи,
Ойхони оро саган бөргөхи
Томирлодолоб.
Хахархын мундажи,
Хара далан оёрто
Хар шулу хахарлаб,
Окторгон одо мэши тололоб.
Шара далан хахада

33 готולה, 300 шугэлов,
44 готולה, 400 шугэлов.
Из морского тростника бич,
Из земного горностая кисть,
Нагдынская черная сосна
С восьмидесятью восемью
ветвями;
На каждой ветви гнездо,
В каждом гнезде птенцы.
Из множества котлов
Медный котел котловал,
Не найдя, что считать,
Ольхонских белоголовых орлов
считал.
Не найдя, что считать,
На дне черного моря
Мелкие камни сосчитал,
На небе звезды сосчитал.
На берегу желтого моря
Желтые шуншевые накидки.

¹ Этот отрывок я не успел проверить. Хангалов.

Шара шунша хэдэргэ,
 Хөхө далан захада
 Хөхө шунша хэдэргэ
 Хара далан захада
 Хара шунша хэдэргэ.
 Хара далан захада
 Хара манан харгу,
 Харлан газар будэл
 Хөхө далан захада
 Хөхө манан харгу,
 Эрлэн газар бэдэл.
 Бөрхөн тула жим мана,
 Бөртөн шоно зардул мана,
 Хон хэрэ хубилган мана,
 Хото бөргөд илши мана.
 Бөртө толгодо
 Бөртөн шоно боложи,
 Бэгэрхилэн бахи мана
 Хэли урэ харла.
 Тарая толгодо
 Табан галун боложи,
 Ганганалдан нухи мана
 Хэни урэ харла,
 Табан толго Тарса
 Тагин булак ундан,
 Арбан толго Арда
 Ахан булак ундан.
 Эхэ мана утха
 Хэлин хара дэгэлтэн,
 Хэрбэ хара хахултан,
 Дакта хара тоготон,
 Дабирха хара идетэн,
 Худан голи хурдан
 Хөхө морьгон,
 Хөлөнхөни ёһон, Хорсон долон...

На берегу синего моря
 Синие шуншевые накидки.
 На берегу черного моря
 Черные шуншевые накидки.
 На берегу черного моря
 Черная туманная дорога,
 На земле Харлына беги.
 На берегу синего моря
 Синяя туманная дорога,
 На земле Эрлена бег.
 Серенький заяц – бег наш,
 Серый волк посыльный наш,
 Ворон Хон превращение наше,
 Орел Хото посланник наш!
 На вершине Бортоя,
 Превратясь в серого волка,
 Мы бегали.
 Чей сын увидел?
 На вершине Тартая,
 Превратясь в пять гусей,
 Крича, сидели мы.
 Чей сын увидел?
 Пятиголовому (вершинному)
 Тарса
 Таежный ключ питье,
 Десятиголовому (вершинному)
 Арда
 Ардайский ключ питье.
 Корень (происхождение) матери
 моей
 С черно-плисовой шубой,
 Со стриженными черными усами,
 С черными котлами с накипью,
 Как деготь черная пища,
 С кудинскими быстрыми сивыми
 лошадьми,
 Кулункунские девять, Корсоевы
 семь...

У балаганских и идинских бурят есть еще другая девица, которую называют Босон-Ганзу, по другому Игра-Ганзу; отец ее Ирбан, черный шаман. Эта девица по словам шаманов более важная заянка, чем Аханхи-басагад. Отрывок из молитвы:

Тад хада шубун уна,
Тажи улан шонһон мина,
Тобши угэй тоймок,
Толго угэй мукар,
Гар угэй такир,
Нол угэй мухар,
Энэ хана биши
Эрлэн хани албатан.
Унтэ хана биши
Өрөлө бэтэн,
Саган хана биши,
Сада хана албатан

Черным-черная птица — ездовое животное,
Красным-красная лиственница — бич,
Без пуговиц тоймок,
Безголовые туловища,
Без рук, пахорукие,
Без ног туловища,
Не этого царя (т. е. поданные,)
Эрлен-хана подданные.
Не этого верного царя (подданные)
С половинным телом,
Не Белого царя (подданные),
Дальнего царя подданные...

В Идинском ведомстве буряты почитают так называемых трех сестер, которые дочери шамана Тэбхэна; этот шаман имел трех дочерей, которые все были незамужние: 1-я дочь имеет местопребывание в местности Хорёктый, её зовут Хан-Төлөхөн; 2-я дочь имеет местопребывание на горе Эре-Хада, ее зовут Хан-Хөдна-Ганзу; 3-я дочь на горе Хурай-Хэхэн, ее зовут Сокор-эзи. Все эти сестры после смерти сделались заянками.

У идинских бурят есть так называемые «Улеги-олон» (Улейские многие), которые, по словам улейских бурят, тоже большие заяны. Этих «Улейских многих» насчитывают более 350 человек; все они ездят или ходят вместе целою толпою. «Улейские многие» образовались следующим образом. Одна девица Духэ-Башутхаева из Улея была выдана замуж в Тарсай; муж ее обращался жестоко с нею, вследствие чего она от мужа-тирана бежала; за это ее, по-прежнему обычаю, по жалобе мужа сажали в колодку и жестоко били. Она не могла вынести жестокое обращение и не хотела жить с нелюбимым мужем. От жестоких побоев она помешалась и удавилась в Улее, своей родине. После смерти она сделалась заянкою; она имеет шаманский корень племени онгой. По желанию ее молодые люди обоего пола из Улея делались сумасшедшими и если не выздоравливали, то умирали или же иногда удавливались. Иногда молодые люди обоего пола вдруг делаются как-то беспокойными и стараются незаметно удалиться куда-нибудь для того, чтобы удавиться; если это заметят, то строго караулят и обращаются к шаману. Всех подобным образом умерших перечисляют в число «Улейских многих»; таким образом их и набралось более 350 душ. Этих заянов улейские буряты и другие сильно боятся. Буряты рассказывают о разных проказах, делаемых этими заянами «Улейскими многими». Они

обыкновенно вредят людям, над которыми шутят. В честь «Улейских многих» совершаются разные обряды, очень дорого стоящие и разорительные для бурят, потому что нужно очень много вина и тарасуна; нелегкое дело напоить допьяна и угостить досыта толпу зайнов более чем из 350 человек.

IV. ОБРЯДЫ И ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

Ниже опишу некоторые особенные еще неописанные жертвоприношения, а о брызганьи и кырыках не буду рассказывать, так как они описаны в «Материалах о шаманстве» и потому нет надобности повторять одно и то же.

У бурят многие обряды и жертвоприношения обязательны, например, тайлганы обязательны для каждого общества, другие жертвы частные, приносимые от одного семейства или человека. У балаганских бурят дети мужского пола еще малолетними уже непременно должны совершать жертвоприношения западным хатам, что равносильно подати; это делается для того, чтобы западные хаты покровительствовали приносящему жертву, как во время его малолетства, так и впоследствии, когда он сделается взрослым. Эти обряды, а именно: м о р ь т о-у л а н-х у р г а н, э р х и н д х и-у л а н-х у р г а н, ш а р г а-т э х э и я м а н-х о н и н-х о ё р исполняются обязательно всеми мальчиками без исключения. Девочки этих обрядов не совершают. Кроме вышеупомянутых обрядов, еще есть обряды, совершаемые ради всех маленьких детей, не разбирая пола, они называются у h а н-б у д л я и о ш к и н б у д л я; их совершают в честь зайнов и зайнок уһан-хата.

1. Уһан-будля

Когда у бурята родится ребенок, тот через несколько времени по совету шамана или по собственному почину исполняет обряд, так называемый уһан-будля. Для совершения этого обряда приглашают шамана. Когда шаман приходит, то готовят ключевую воду или просто воду берут из реки или озера; при этом наблюдается следующий порядок: перед тем, как черпать воду, в нее бросают медные деньги и кланяются; потом начерпают воды и принесут домой; принесут также кочковую траву или пучок тростника и девять камней и приготовят девять шелковых ниток и тарасун или вино. Когда все готово, шаман приступает к обряду, он начинает брызгать тарасуном или вином покровительствующим заянам и зайнкам «уһан-будля»; в это время он говорит слова молитвы:

Хулһан хөбүд,
Дэлхэн басагад,

Юноши как тростник,
Девицы как грибы,

Бутан хулһар
Мина хэһэн.
Булагн ухар
Будля хэһэн,
Ехон хад утаһар
Мина хэһэн...

Из кочковой травы
Сделавшие бич.
Из ключевой воды
Сделавшие будля (омовение),
Девятью шелковыми нитками
Сделавшие бич...

После этого привезенную воду выливают в какую-нибудь посуду или в котел и слегка греют; в эту воду кладут вереск¹ и богородскую траву (г а н г а — өбөһөн), а траву или тростник привязывают в виде веника; ребенка держат не в глубокой посуде; вокруг ребенка кладут девять камней и говорят: «хара шулун хама, хурэ шулун нурэ» (черный камень дверь, рыжий камень двор). Шаман берет пучок травы, обмакивает в воду и бьет ребенка, произнося слова молитвы, наказывая, чтобы он не плакал, а рос бы скорее: когда биение кончится, то на девяти шелковых нитках делают девять узлов (з а н г и л а) и привязывают к шее ребенка. Воду, как чистую, выливают на юрту, а пучок травы втыкают в юрте около двери или над самую дверью, чтобы нечистые и злые духи не вошли в юрту. Этим кончается уһан-будля.

2. Ошкин-будля

После уһан-будля исполняется по желанию родителей другой обряд о ш к и н б у д л я. Для совершения обряда приглашают шамана и готовят семь или девять шиповников (ү р г э х э н), шелковые нитки, курунгу или просто молоко; если ребенок мальчик, то барана, а если девочка, козла. Когда все это готово, начинается обряд. Колят барана или ямана и мясо его варят в котле; рубец (г у з е н), очистив от нечистот, вырезают так, чтобы вышел круг; когда это сделано, шаман шаманит и в это время на ребенка три раза надевают этот рубец. После этого рубец дают семи старухам, которые, разделив его на семь частей и зажарив на углях, съедают; родители же не должны есть по обычаю. Когда колят барана или козла, то четыре копыта с жилами и частью кожи вырезают аккуратно, копыта привязывают к семи или девяти шиповникам с шелковыми нитками; потом бьют этим ребенка, чтобы он не плакал, а рос бы скорее, после этого шиповники и копыта втыкают около двери. Когда колят жертвенное животное, то строго наблюдают так называемый «х у р а л х а», то есть осторожно вырезают һ у р а й, т. е. голову с дыхательным горлом, с легким и сердцем, отнюдь не отделяя друг от друга и так варят с прочим мясом.

¹Вереском в Сибири называют можжевельник.

Когда все готово, шаман шаманит и просит зайна принять жертву и оказать покровительство ребенку.

Нюмһаши нойон,
Нюран хатун,
Шимхэлжи идехэ,
Шибэнжи зугалха.
Долон бори намнул,
Долон ургэнэ мина,
Еһон бори намнул,
Еһон ургэнэ мина,
Баргата баба,
Бальширта найжи...

Господин Нюмһаши,
Госпожа Нюран,
Щипля едящие,
Шёпотом говорящие,
Семь бугров (вам) бег,
Семь шиповников бич,
Девять бугров бег,
Девять шиповников бич,
Отец Баргата,
Младенцам покровитель
(зачатник)...

Это жертвоприношение совершают одному из зайнов уһан-хата, так называемому Нюмһаши-нойону и жене его Нюран-хатуне, которые считаются покровителями маленьких детей.

Когда мясо барана или козла сварится, его вынимают из котла и, отрезав несколько кусков, бросают в огонь, потом мясо едят, кости выбрасывают на улицу, а һ у р а й, т. е. голову с дыхательным горлом, с легким и с сердцем сжигают на огне, этим кончается обряд о ш к и н-б у д л я.

Для этого обряда не полагается ни тарасуна, ни вина, потому что зайны Нюмһаши-нойон и жена его Нюран-хатун не пьют ни вина, ни тарасуна, что видно из слов молитв:

Гарха нарни туя,
Орхо нарни дэргэн,
Ханга тоги хюмха
Иде угэй гараб,
Хара архи амаса угэб...

Луч восходящего солнца,
Сторона заходящего солнца,
Большого котла навар
Не евши, ушел,
Черное вино не попробовал...

3. Эрхэндхи-улан-хурган

Если у бурята родится мальчик, то через год или два исполняют обряд, так называемый «эрхэндхи-улан-хурган». Он устраивается в юрте с годовым бараном, у которого голова должна быть с желтоватым отливом. Тарасун и вино тоже не употребляются, потому что этот заян не пьет их; и шаман при совершении этого обряда тоже не пьет; если же в этот день он выпил вина или тарасуна, то тщательно полощет рот водою, чтобы не пахло вином или тарасуном. Для совершения этого обряда полагается только один с а г а н («белое»), т. е. молоко или курунга.

Шаман шаманит, призывая заяна, и просит принять жертву; после этого барана колят, причем наблюдается, чтобы һурай был снят не поврежденным. Потом мясо барана варят в котле; когда мясо сварится, то вынимают его из котла и кладут в корзины, корыта ставят по порядку. Шаман снова шаманит, призывая заяна принять жертву и покровительствовать мальчику и не давать в обиду злым духам.

Орхо нарни туя,	Тотогор торолдоһон
Гарха нарни дэргэн,	Бомбор нойон,
Эрхингэр эргилдэһэн,	Домбор хатун...

После призывания заяна от каждого куска мяса отрезают по куску и бросают в огонь; потом присутствующие едят мясо, а һурай выносят на улицу через дымовое отверстие в юрте (өрхө). На улице на правой стороне двери вплоть у стены вкапывают в землю березу, на которую, обвернув ветвями снаружи, крепко привязывают һурай, который так и остается до тех пор, пока береза не сгниет. Кости и прочие остатки сжигают в юрте. Этим обряд и заканчивается. Шкуру жертвенного животного оставляют; после из нее шьют мальчику одежду; продать и отдать ее кому бы то ни было считается большим грехом. Это жертвоприношение делают заяну Бомбор-нойону и жене его Домбор-хатун, которые покровительствуют мальчику; они принадлежат к западным хатам.

4. Морьто-улан-хурган

Это жертвоприношение совершается на улице, а не в юрте, как предыдущие. При этом обряде тоже не полагается вино или тарасун, а одна курунга или молоко; кроме того, нужны годовалый баран с желтоватым отливом на голове и заячья шкура, на которую привязывают белые и черные миткалевые ленты, что называют хушулха. Когда все готово, шаман и домохозяйка, т. е. только мужчины, выходят на улицу на место жертвоприношения; обряд не буду описывать, потому что он исполняется, как обыкновенный кырык, который описан в «Материалах о шаманстве». Заячью шкуру привязывают к березе, которую вкапывают в землю, а шкуру жертвенного барана не вешают на березе, а берут домой. Когда кончат жертвоприношение, то уходят обратно в дом. Это жертвоприношение делают заяну Гунгэр-нойону и жене его Гульмэрэ-хатун. Отрывок из молитвы:

Гунгэр-нойон,	Гунгэр-нойон
Гульмэрэ-хатун,	Гульмэрэ-хатун,
Орхо нарни	Заходящего солнца
Туя барьһан,	Луч державшие,
Гарха нарни	Восходящего солнца
Дэргэ барьһан...	Сторону державшие...

По словам некоторых балаганских бурят, заян Гунгэр-нойон и жена его Гульмэрэ-хатун принадлежат к западным хатам.

5. Яман-хонин-хоёр

Этот религиозный обряд совершается с двумя жертвенными животными: бараном и козлом; для этого жертвоприношения нужны вино и тарасун, потому что заян, в честь которого оно устраивается, пьет тарасун и вино. Обыкновенно приглашают шамана и готовят вино или тарасун, жертвенных животных — барана и козла, заячью шкуру, березы для шире и нужную посуду. Когда все готово, на заячью шкуру привязывают белые и черные миткалевые ленты х у ш у л х а. Начинается обряд тем, что брызгают тарасуном или вином тому заяну, которому делают жертвоприношение. После этого выходят на улицу и идут на место жертвоприношения, придя на место, все хозяева садятся на тургэ, потом брызгают тарасуном или вином, делают с а с а л и б а р ь х а, колют жертвенных животных, мясо варят в котле, шкуру козла вывешивают на березу, которую втыкают в землю, а заячью шкуру привязывают к другой березе, на правой стороне от козлиной шкуры, остальной обряд исполняется как обыкновенный кырык. Мясо козла обязательно едят на улице, в дом внести обычай не допускает; из бараньего мяса уносят в юрту только даланга, где, бросив по кусочку в огонь, его съедают. Этим кончается обряд. Ниже отрывок из призывания.

Архак Хада худал хэһэн,	На горе Архак выбрал
Алак шулу дугу хэһэн.	местопребывание,
Больё хаһи худал хэһэн,	Из пестрого камня сделал мостик.
Хурэн шулу дугу хэһэн.	Порожистую воду выбрал
Урак-хаһи уктан буһан,	местопребыванием,
Улан-зала гулэлэб,	Из рыжего камня сделал мостик.
Моргон-Дэгэ гулэлэб...	Встречая Урак-хата, спустился.
	Улан-зала называли.
	Моргон-Дэгэ называли...

Обряд я м а н - х о н и н - х о ё р совершают в честь заяна, которого называют Улан-зала-Моргон-Дэгэ, он принадлежит к западному хату.

6. Шара-тэхэ

Этот обряд совершается в честь Хилман-Саган-нойона, хозяина Шара-тэхэ, имеющего местопребывание около Кяхты; вина и тарасуна он не употребляет, поэтому при совершении обряда вино и тарасун не требуются, а только полагается одно молоко или курунга. Приглашают шамана, который и приносит

в жертву белого козла с желтоватым отливом шерсти. Для совершения обряда готовят всю нужную посуду и вещи, кладут их отдельно и предварительно очищают (а р ю л х а) через пихтовую кору (ж и д о). Когда все готово, то жертвенному козлу делают из красных шелковых ниток узду и поводья и надевают ее на голову козла, как коню. Когда нужно выходить на улицу для жертвоприношения, то наблюдается следующая особенность: тот мальчик, от имени которого делают жертвоприношение, жертвенного козла обязательно должен нести на себе, т. е. мальчик берет в руки через плечо обе передние ноги козла, козел лежит на его спине и кричит на все лады; если мальчик по малолетству не может поднять козла, то взрослые сзади поддерживают животное. Придя на место жертвоприношения, козла берут от мальчика, мальчик садится на тургэ. Шаман шаманит, а посторонние держат козла, потом козла колют, мясо варят в котле, а шкуру козла, приготовив, как следует по обряду, вывешивают на березу, головою к югу, на лбу втыкают жидо (пихтовую ветвь), а в ноздри березовые ветки. Когда мясо сварится, шаман опять шаманит, приглашая Хилман-Саган-нойона принять жертву и покровительствовать мальчику; потом мясо съедают и уходят в юрту. Подробности обряда те же, что и в кырыке.

Еще совершают другой обряд одному зайну западного хата, но только он не обязателен для каждого буряты, как вышеописанные. Если у буряты рождаются дети и умирают маленькими, тогда некоторые буряты после рождения ребенка исполняют обряд зайну Хэрмэши-нойону и жене его Булгаши-хатун, которые потом и покровительствуют новорожденному.

Этот обряд исполняется очень просто с помощью одного только тарасуна, потому что заян не употребляет мясо животных и не ходит по росистой траве. Для совершения обряда приглашают шамана, готовят тарасун или вино и беличью шкуру, к которой привязывают белые и черные миткальные ленты с коноплей. Потом начинают брызгать тарасуном или вином, прося заяна принять жертву и покровительствовать новорожденному ребенку. Отрывки из призывания:

Барун хото зокто
Хэлин хаһи хэлхэһэн
Хэрмэши-нойон,
Булгаши-хатун.
Буряд һуни тухэ болһон,
Багада баби гулһэн,
Бальширта нажи гулһэн,
Шудэртэ ного гэшхэ угэй,

Шухэтэ мяха иде угэй...

В северо-западной стороне
Хэлин-хатом распоряжается
Хэрмэши-нойон,
Булгаши-хатун.
Бурятскому народу преданием стал,
Маленькому отцом назван,
Бальширта покровителем назван,
На росистую траву не вступал
(ногою),

Сочистое мясо не ел...

После брызганья тарасуном или вином приготовленную и посвященную беличью шкуру подвязывают на юрте так, чтобы она как раз пришлась в середине отверстия юрты для выхода дыма.

7. Стол- \square рг \square х \square

У балаганских и идинских бурят с давних времен существует обряд с т о л ь р г ь х ь (с т о л — «стол», ь р г ь х ь — «поднять»); его обыкновенно совершают летом в юрте, а зимою в избе, иногда на улице, если обычай требует этого. Этот обряд не особенно сложный; для совершения его обыкновенно приглашают шамана, по указанию которого готовят все нужные для обряда предметы; сперва вымоют большой стол дочиста и поставят его на почетное место, недалеко от очага, если в юрте. На этом столе поставят вареную сметану (з ь х ь) в чашке, зажгут несколько свечей из коровьего масла в чайных блюдах или же в низеньких подсвечниках, потом поставят на стол в ряд пять чайных чашек и в них нальют в первую молоко (с а г а н), в три следующие чаю без молока и в пятую вино или тарасун, табак с корою или березою скобленными, ганзу, вино или тарасун в бутылках, чайник с чаем, олады, если нужно, то еще прибавят вареную баранину или конское мясо, иногда рыбу, тарак; вообще разным заянам требуются разные предметы, смотря по обычаю. Кроме того, на стол кладут маржановое ожерелье с золотыми монетами, серебряный женский браслет, какие обыкновенно носят бурятки, перстень или кольцо; требуется еще верховый кнут, к которому привязывают колокольчик с платком или черные и белые миткальные ленты, изредка шелковые, а также тарасун в «и з б а н ь» (деревянная посуда, жбан). Потом в сковороде или на плоском камне кладут горячие угли (это называется һ а н — казна), на этот огонь кладут вереск и богородскую траву. Когда все это готово, то шаман брызгает тарасуном или вином и начинает шаманить, прося зайна принять жертвы, стоящие на столе, после этого с молока, чая, саламата, мяса и прочих яств понемногу бросают в һ а н. Шаман опять шаманит, призывая зайна; в это время он держит в руке верховый кнут, если это требуется по обряду, если нет, то кнута вовсе не нужно, тогда в лице самого шамана приходит зайн: шаман подходит к столу, кто-нибудь из присутствующих надевает зайну на шею ожерелье, на руки браслет, на пальцы перстень или кольцо; после этого зайну подают молоко, зайн берет его и пробует; поочередно подают ему все съедобные предметы; шаман, т.е. зайн, ест их понемногу; когда он наестся досыта и напьется вина и тарасуна, в ганзу накладывают табак и подают ему; он берет и курит; в то же время зайн рассказывает сидящим о своих похождениях и о разных выдающихся приключениях своей жизни, потом говорит хозяину будущее и благословляет его в знак того,

что он принял жертвы, а потом уходит восвояси. После ухода зайна шаман с каждого предмета по кусочку бросает в огонь, т.е. в һан. После этого все съедобное съедают, а тарасун и вино выпивают, посуду убирают со стола, тем и кончается обряд с т о л-ө р г ө х ө, который совершается в честь разных зайнов. Обряд стол-өргөхө обыкновенно делают тогда, когда в семье есть больной или же когда шаман скажет какому-нибудь буряту, что от него или от семейства его такой-то зайн непременно требует совершения обряда с т о л-ө р г ө х э, а в противном случае зайн рассердится и пошлет ему или семейству его болезнь; тогда поневоле исполняет обряд, боясь разгневать зайна.

8. Шарха

У балаганских бурят существует обряд ш а р х а. Он исполняется следующим образом: приглашают шамана, по указанию которого готовят все нужные вещи; часть обряда почти та же, что стол-өргөхө и потому нет надобности повторять рассказ. Обряд шарха отличается от стол-өргөхө только тем, что у первого есть жертвенное животное, а у последнего нет, если к обряду стол-өргөхө прибавить жертвенное животное, то получится шарха; для совершения обряда нужно годовалую овцу или же иногда большую овцу, смотря по тому, какому зайну делают. Когда все приготовлено для обряда и приведено жертвенное животное, шаман начинает шаманить и просит зайна принять жертву шарха. Барана колят; посторонние в это время готовят шесть рожней, на пяти рожнях жарят самое почетное мясо из жертвенного: грудину, печень с почками, правое ребро, тазовую кость и курдюк (т.е. хвост с жиром). Остальное мясо варят обыкновенно в котле, шестью рожнями мешают мясо в котле и достают его: когда все мясо сварится и изжарится, его раскладывают в пяти корытах; в первое кладут жареное мясо, во второе — голову, на лбу которой вырезают треугольником кожу с мясом, что после отрывают и бросают в огонь; остальное мясо — в следующие по порядку. Когда все готово, шаман готовится к главной части обряда; в иных случаях, если обычай требует, сядят подле шамана одного постороннего из присутствующих, который называется о б а г а («дядя»); в других дядя вовсе не нужен. После этого шаман шаманит, держа в руках кнут, убранный звериной шкуркой (большею частью употребляется шкура горностая или белки), платком или лентами. Во время шаманского действия шаман просит зайна принять ш а р х а; в это время в огонь посторонние кладут табак, чай и пр., а у пяти корыт с мясом сидит по одному человеку. Сами хозяева сидят около стола и молятся по-бурятски. Тогда призываемый зайн приходит в лице шамана и рассказывает о своем происхождении

и о разных выдающихся приключениях в жизни; в это время ему надевают ожерелье, браслеты и перстень, если это требуется, потом ему подают с а г а н (т.е. молоко); заян принимает и пробует; это означает, что заян делает с а г а л х у; этим будто бы он дает домохозяйину в некотором роде клятву не делать зла, потом подают ему чай, вино и пр.; в конце в ганзу накладывают табак и подают заяну, он принимает и курит, между тем пустые чашки наполняют снова. Потом заян берет со стола одну бутылку с вином или тарасуном и из горла бутылки поит своего дядю, который без сопротивления пьет, потом ест мясо и после этого заян будто уходит. Шаман продолжает обряд; со всего поставленного понемногу бросает на h а н и пробует сам, с мяса тоже бросает по кусочку в огонь и в h а н и после этого присутствующие начинают есть все съедобное и пьют вино и тарасун; кости жертвенного животного сжигают на огне. Этим кончается обряд шарха.

9. Уһан тарим

У балаганских бурят с давних времен существует обряд т а р и м, его совершают над больными, имеющими какую-нибудь внутреннюю болезнь или ломоты какой-нибудь части тела и редко при нарывах. Этот обряд может исполнять не каждый шаман, а только редкие из них; не умеющий шаман может ошпарить больного кипящею водою и сам может ошпариться еще хуже того, потому-то не каждый шаман отваживается приниматься за этот обряд, а только тот, кто надеется на себя; изредка этот обряд делают и простые буряты, которые умеют. Обряд т а р и м бывает трех родов, а именно: у h а н т а р и м, при совершении которого призывают белых западных кузнецов, покровительствующих этому обряду, и е h о н т а р и м, в котором соединяются два: у h а н т а р и м и г а л т а р и м. Для совершения обряда у h а н т а р и м, пригласив сначала хорошего шамана исполнять его, в большой котел вливают воду и кипятят ее сильно, между тем готовят пучок травы, связанный в виде веника и в воду кладут вереск или богородскую траву. Когда все это готово, шаман брызгает тарасуном или вином э ж и н у («хозяину») Тарим-Саган-нойону, чтобы он принял тарасун или вино и вылечил бы больного от болезни. После этого больного сажают на скамейку около котла, в котором кипит вода, раздевают его и оставляют только в нижнем белье, а верхнюю одежду кладут в стороне. Шаман начинает шаманить и призывать заяна. Ниже отрывок призывания.

Тарими эжин
Тарим-Саган-нойон

Хозяин Тарима
Тарим-Саган-нойон

Өрхөтйги хумилаб,
Үзуртаги үрурин хумилаб
Заги баха гаргалаб,
Заяни гурба уруллаб,
Зоболонги баха гаргалаб,
Золи гурба уруллаб...

Отверстие в юрте закрывал,
Острые концы загибал (загнул),
Бывшие болезни выживал
(выгонял),
Заянские три (благодати) выпускал,
Бывшие (там) несчастья выживал
(выгонял),
Три счастья выпускал...

Шаманя таким образом, шаман сует пучок травы в кипящую воду и бьет им больного, большую часть по больному месту; бьет довольно долго, больной с головы до ног сидит мокрый. Шаман совершенно входит в азарт, бьет не жалеючи; по временам кричит во все горло: «Х а л х а й, х а л х а й!» (горячо, горячо!) При этом крике вода падает горячею, больной начинает потеть; посторонним трудно усидеть поблизости от горячей воды, тем не менее она никого не ошпаривает. Потом шаман кричит: «Т ы т ы й, т ы т ы й!» (холодно, холодно!) Тогда вода падает холодной и вокруг веет холодом, больной начинает мерзнуть и дрожать; таким образом шаман кричит поочередно, то «х а л х а й, х а л х а й!», то «т ы т ы й, т ы т ы й!» По понятию бурят в это время из больного выходит болезнь, а вселяется в него здоровье, т.е. больной выздоравливает. После этого с больного снимают мокрое белье и надевают все сухое; вообще стараются одеть как можно теплее; больной становится сильно слабым, его кладут на постель, потому что ему нужен отдых. Этот обряд есть своего рода шаманская баня. Оставшуюся воду в котле выливают на юрту, а пучок травы или соломы втыкают в юрте. Этим кончается обряд у һ а н т а р и м.

10. Еһон тарим

Особенного обряда е һ о н т а р и м в сущности нет, а просто соединение у һ а н т а р и м а и г а л т а р и м а называется е һ о н т а р и м. Или же в прежнее время существовал один еһон тарим, а впоследствии шаманы для облегчения себя и для большего удобства еһон тарим разделили на две части: уһан-тарим и гал тарим, так как еһон тарим делать очень опасно; не каждый шаман в состоянии исполнить этот сложный и опасный обряд; если шаман оплошает, то жизнь его и больного держится, как говорится, на волоске; они могут сильно обвариться или шаман сожжет свою ногу о раскаленное железо. При совершении обряда шаман брызгает тарасуном или вином покровителю тарима Тарим-Саган-нойону и западным белым кузнецам; потом по указанию шамана приготовляются к обряду все нужные вещи, в большом котле кипятят воду, куда кладут шесть небольших камней;

три больших камня, а также железный сошник и топор накаливают в огне докрасна; кроме этого готовят плоский камень, т.е. плитняк. Когда все это готово, то в кипящую воду в котле кладут докрасна накаленные три камня; вода в котле пуще закипает, эту воду освящают, т.е. кладут в нее вереск и богородскую траву. После этого шаман берет приготовленный пучок травы или соломы и начинает шаманить, то есть призывать зайнов, чтобы они вылечили больного от недуга; читая призывание, шаман входит в экстаз, обмакивает пучок травы в кипящую воду и бьет больного, как при исполнении уһан тарима, в то же время кричит «х а л х а й!» и «т ы т ы й!». Эта часть обряда та же, что и в уһан тариме.

Когда кончится первая часть обряда, шаман начинает другую, самую опасную для него; тогда из огня достают докрасна раскаленные железные сошник и топор; стоя одною ногою на плитняке, шаман другою ногою трет о раскаленные докрасна сошник и топор; потом эту ногу прикладывает к больному месту несколько раз, как в гал тариме. После этого обряд тарим кончается. Больной весь мокрый переодевается скорее в другую одежду и ложится отдыхать. После обряда тоже брызгают вином или тарасуном, воду выливают на юрту, а пучок травы втыкают в юрте; прочие вещи убирают, камни кладут на юрту.

Когда смотришь на этот обряд во время его совершения, то волосы дыбом встают и по коже бегают мурашки, страшно становится за больного и за шамана, вот-вот, думаешь, они обварятся и выйдет несчастье, но как-то все благополучно кончается. Редко шаманы дают промах и только молодые и неопытные. Не зная шамана, бурят ни за что не согласится на уһан тарим или еһон тарим, на гал тарим соглашаются легко, потому что при нем если кто и пострадает, то только сам шаман, а больной нисколько.

11. Гал тарим

Г а л т а р и м делается очень просто, так же как и уһан тарим; для совершения его приглашают хорошего шамана, который умеет исполнять этот т а р и м. Приступая к обряду, шаман брызгает тарасуном или вином хозяину тарима и белым западным кузнецам: Божинтою, девяти его сыновьям и одной его дочери Эйлик-Мулак.

Потом нагревают сошник или какое-нибудь большое железо докрасна; после брызганья тарасуном или вином шаман шаманит, призывая зайнов; берут из огня докрасна накаленный сошник или железо, шаман начинает тереть об него ногою и эту ногу прикладывает на больное место; таким образом продолжает делать, пока сошник или железо не остынет; другою ногою он стоит на плитняке. Когда шаман трет ногою о раскаленное докрасна железо,

кругом распространяется очень неприятный запах. Если шаман не умеет, то непременно сожжет ногу и упадет, что иногда и случается, но больного он ожечь не может, потому что до него железо не прикасается.

12. Сагалха

Балаганские буряты исполняют обряд с а г а л х а; совершают его шаманы. С а г а л х а делается для того, чтобы выгнать из дома злых духов, которые вредят людям, в особенности маленьким детям; или кто-нибудь переезжает в нежилой дом, то по желанию приглашает шамана исполнить обряд с а г а л х а, чтобы злые духи, бывшие в доме, ушли куда-нибудь и не смогли снова входить в дом. Иногда этот обряд совершают в том случае, если шаман или ворожея скажет буряту, что в его доме завелся злой и нечистый дух, который вредит домохозяевам. Или если у кого-нибудь обнаружится ада; этот дух по приходе в дом съедает маленького ребенка; если ада остановится в доме на время, то все-таки это для бурята неприятный посетитель и чтобы выгнать его, совершают с а г а л х а. Одним словом с а г а л х а есть очистительный обряд через огонь.

Обряд с а г а л х а исполняют следующим образом: хозяин дома приглашает шамана, шаман, явившись в дом, брызгает тарасуном или вином своему шаманскому корню (у т х а), а также местным покойным шаманам, так называемым х а д а у л а н ө б ө г ө д, потом брызгает белым западным кузнецам, которых просит, чтобы они оказали покровительство этому семейству, а также помогли выгнать злых и нечистых духов из дома. Пока шаман брызгает тарасуном или вином, посторонние лица на огне жарят муку; когда хорошо обжарится, к ней иногда примешивают немного пороха, а потом готовят пучок смолистой лучины. Когда все это готово, шаман начинает шаманить, призывая зайнов и белых западных кузнецов; в это время посторонний человек берет пучок лучины, зажигает его с одного конца, а другой конец держит в руке. Шаман, продолжая шаманить, берет жареную муку и бросает ее над огнем лучин; мука горит и вспыхивает от пороха, таким образом шаман жареную муку бросает над горящими лучинами в разных местах дома, в углах, под кроватью и под скамейки, чтобы выгнать всех нечистых и злых, спрятавшихся там. Этим кончается обряд с а г а л х а; более ничего не делают, а пучок лучины втыкают около двери.

13. Долё

Обряд д о л ё исполняется бурятами, когда человек сильно заболевает. Д о л ё имеет своего отдельного покровительствующего зайна, которого зовут

Долбон-Саган-нойон. Когда человек заболел сильно, то буряты обыкновенно обращаются к шаману или к ворожее; если эти скажут, что нужно совершить обряд долё, это значит, что вместо больного нужно отдать какое-нибудь домашнее животное, чтобы заян, взяв это животное взамен больного, отпустил душу последнего; если заян отпустит душу, больной выздоравливает. Долё делают следующим образом: приглашают шамана; шаман делает выбор животного; выбирать нужно очень строго, чтобы был подходящий цвет шерсти, рост, пол и т.д. Когда животное выбрано, его приводят в дом, где лежит больной; перед тем, как колоть его, животное три раза подводят к больному, этот на животное плюет три раза; после этого животное обратно приводят к двери, это означает, что животное пошло к хозяину долё за больного. После этого животное колют, причем строго наблюдается хуралха и также осторожно снимается хоян, потом мясо заколотого животного варят в котле; когда в котле наверху образуется пена, ее снимают и кладут вместе четырьмя ногами; туда же кладут и хоян, и все это бросают на улицу, а һурай оставляют до выздоровления больного. Прочее мясо, когда сварится, съедают. Һурай кладут в посуду, вливают туда немного шей и подносят к больному, больной сидит над ними и вдыхает в себя пар. Впоследствии, когда больной выздоравливает, то от һурая бросают кусочек в огонь, а остальное съедают; если останется остаток, то сжигают на огне. Иногда изредка этот обряд устраивают простые буряты, которые знают.

14. Төн табиха

Төн табиха совершают в том случае, когда у маленького ребенка делается расстройство желудка; для этого колют барана и желудок начиняют кровью, как обыкновенно делают буряты; этот начиненный кровью желудок и немного другого мяса варят. Когда все это сварится, желудок вынимают из котла и дают ему немного остыть; потом ставят его на ребенка, который лежит на спине; тонкий конец желудка как раз приходится ко рту ребенка, а толстый лежит на его брюхе; потом на этот желудок ставят кучки растительного трута (ула), что называют төн; этим небольшим кучкам трута дают имена трех живых старух того улуса, в котором живет больной; потом трут сжигают; если при горении трут даст маленький треск, то ребенок выздоровеет. Этот обряд называется у бурят төн табиха. Если одна из трех поставленных кучек трута сгорит скорее других, то та старуха, имя которой ей дано, умрет прежде, чем другие. После того мясо бросают в огонь и съедают. Этот обряд обыкновенно делают старухи, а шаманы и мужчины не вмешиваются.

Белые и черные кузнецы в честь покровительствующих им зайнов совершают разные обряды, которые я ниже опишу коротенько, не входя в подробности, потому что полные сведения о них я не успел еще собрать. Мною собраны сведения о белых кузнецах и об их религиозных обрядах; об обрядах черных кузнецов пока ничего не могу сообщить.

Ниже расскажу о разных религиозных обрядах белых кузнецов. Балаганские белые кузнецы совершают свои обряды в честь покровительствующих им западных и белых кузнецов: Божинтоя, его 9 сыновей и одной дочери; они просят оказывать их покровительство, научить кузнечному искусству и защищать от злых духов. Самый простой из них — брызганье тарасуном или вином; другие обряды немного посложнее. Чтобы совершить брызганье тарасуном, кузнец приглашает шамана, знающего о западных и белых кузнецах; не все шаманы их знают; многие плохо знают, а есть которые и вовсе не знают; иногда кузнецы сами брызгают, но большею частью приглашается опытный шаман, который умеет брызгать по требованиям обряда. Когда нужно брызгать тарасуном или вином, то кузнец ко всем кузнечным инструментам и принадлежностям привязывает белые миткальные ленточки, в горне разводит огонь и кладет туда побольше угля; посторонний человек дует мех; когда в горне угли разгорятся, туда же кладут и железо и докрасна его накаливают. Потом кузнец садится со своим семейством, а шаман начинает брызгать тарасуном или вином; шаман начинает шаманить, призывать кузнечных зайнов, а кузнец встает с места и подходит к горну, клещами берет накаленное докрасна железо, кладет его на наковальню и бьет молотом; в это время от раскаленного железа летят искры; сам кузнец иногда тоже начинает шаманить; это продолжается не особенно долго. После этого кузнец садится на свое прежнее место, а шаман продолжает брызгать тарасуном или вином, кончается обряд тем, что остатки тарасуна или вина присутствующие выпивают.

15. Сагагар тахиха

Кроме брызганья тарасуном и вином, еще совершается обряд, известный у балаганских бурятских кузнецов под именем с а г а г а р т а х и х а. Это делается следующим образом: кузнец prepares тарасун, вино, кроме того варит сметану и амһан и prepares тарак и курунгу; когда все это готово, приглашают шамана; ко всем кузнечным инструментам и прочим принадлежностям привязывают белые миткальные ленты, как при брызганье, в горне разводят огонь и накаливают железо. Все нужные предметы для обряда ставят в кузнице по порядку рядом: сперва курунгу, тарасун, вино, саламат, амһан и

иногда тарак; после этого кузнец садится на свое место со всем семейством, а шаман, стоя на ногах, начинает брызгать тарасуном и вином, приглашая кузнечных зайнов принять жертву, покровительствовать кузнецу и помочь ему успешно работать в кузнице; если что он не умеет сделать, то оказать ему помощь; потом в горно кладут, т.е. капают тарасун, вино, амһан и прочее; в это время кузнец встает и подходит к горну и клещами достает раскаленное железо, ставит его на наковальню и бьет молотом; от раскаленного железа летят искры на все стороны; шаман шаманит, иногда за ним сам кузнец; после этого еще брызгают тарасуном и вином, а потом капают в горно курунгу, амһан и прочее. Этим кончается обряд «с а г а г а р т а х и х а».

Саламат, амһан и тарак съедают, а тарасун и вино выпивают присутствующие. Если во время обряда от раскаленных искр у кого-нибудь сгорит одежда, то это худой признак.

16. Зухэли гаргаха

Кроме вышеупомянутых, еще совершается обряд з у х э л и г а р г а х а. Для этого обряда нужно животное, т.е. баран, а также и все те предметы, которые были нужны в обряде сагагар тахиха. Зухэли-гаргаха почти то же, что обряд сагагар тахиха, только в том и разница, что прибавляется баран, а потому нет надобности его описывать. Во время исполнения этого обряда западным белым кузнецам посвящают серого или солового коня.

Совершается еще тайлган; это то же, что зухэли гаргаха, только баран заменяется большою белою кобылою.

17. Тайлган западному хату

Тайлган (жертвоприношение) западному хату делают целыми обществами, т.е. от одного улуса или от целого рода; от одного семейства почти не делают. Для тайлгана жертвенных животных покупают по желанию несколько человек сообща, жеребенка или барана, изредка одно семейство посылает жеребенка или барана, смотря по состоянию. Сначала назначают день тайлгана; к этому дню все общество приготовляет жертвенных животных: жеребят, баранов и одного козла, а также и другие нужные предметы. Жертвоприношение западному хату делают в год один раз весною, а в иных местах через два года. Число жертвенных животных зависит от численности общества и от благосостояния его; если общество большое и притом богатое, то и число животных бывает побольше. С утра начинаются беготня и суета, верховые буряты скачут по степи, разыскивая свои табуны лошадей, из которых нужно взять жеребенка. Домашние моют посуду и сидят тарасун для тайлгана; вымытую посуду для даланга, туяс с тарасуном и другой с курунгою, ставят на правой стороне очага;

делают из белых конских волос шнур длиною около двух аршин; на этом волосяном шнуре привязывают белые и черные миткальные ленты, что называют дэрбэлгэ, и кладут его в ведро. Когда все это готово, кто-нибудь из мужчин освящает поставленную посуду пихтовой корою или вереском, чтобы они были чисты. Потом запрягают лошадей; едущие на тайлган одеваются в наилучшие одежды, на телегу кладут посуду, жертвенного барана, также козла, котел для варения мяса, дрова и воду; потом едут на то место, где делают тайлган; жеребят ведут верховые мужчины. На тайлган едут старики и молодые люди мужского пола, даже мальчики; мужчины все без исключения могут ехать на тайлган; едут и маленькие девочки и взрослые девицы, но замужним женщинам не позволено присутствовать на тайлгане, они остаются дома; молодежь обоего пола в нарядных костюмах едет на верховых лошадях полной рысью. Шаман, который будет делать жертвоприношение, и некоторые старики из этого улуса собираются у одного из них, где брызгают тарасуном или вином западному хату и готовят заячью шкуру, привязывают к ней белые и черные миткальные ленты; после этого едут верхами на место тайлгана. Приехав на ту гору, на которой обыкновенно делается тайлган, посуды ставят рядом от запада к востоку, впереди, посуд ставят с а г а н, т.е. курунгу и тарасун, а сами садятся лицом к югу; это место, где сидят, называется тургэ; перед посудами втыкают в землю березовые ветки, которые тоже называются тургэ; направо от тургэ сидят старики, образуя круг, в середине их разводят огонь. Лошади с телегами и верховые стоят на северной стороне тургэ, а жертвенных животных привязывают к старым прошлогодним ш и р е я м¹ или держат около шире по порядку; на правой стороне стоят жеребята, за ними бараны, а там козел. Немного левее от тургэ разводят огни в выкопанных продолговатых ямах, которые называют з у г а; на этих зугах ставят котлы, в котлы вливают воду, а в зугах под котлами разводят огни. В это время другие с тургэ, с каждого домохозяина, собирают д э р б э л г э, и с привязанною заячьей шкурою кладут их на чистый потник. К этому времени посланные привозят березовые шире для вешания шкур жертвенных животных, три березы для дэрбэлгэ и березовые палочки для м у х у р ш и р е; потом кто-нибудь все собранные дэрбэлгэ привязывает друг к другу и к заячьей шкуре. После этого брызгают тарасуном западным хатам; кто-нибудь на камне разводит огонь, так называемый хан. Когда все готово, то

¹ Ш и р е — «престол», а также «навес на четырех столбах».

привезенные курунгу и тарасун ставят перед тургэ и снимают с посуды крышки; дэрбэлгэ привязывают к вершинам привезенных берез, вкапывают березы в землю, а заячью шкуру привязывают к правой березе; когда поднимают эти три березы вертикально с натянутыми на них дэрбэлгэ, шаман произносит слова молитвы. После этого приготавливают «жидо»¹ столько, сколько будет висеть шкур жертвенных животных, если пять, то полагается пять жидо, если семь или девять, полагается семь или девять жидо. Все привезенные березовые шире ставят в наклонном положении, подпирая их палками; жертвенных животных держат головою к югу; на правой стороне держат солового жеребенка, за ним стоят прочие жеребята; у этих масть сторого не наблюдается; далее бараны, а за последними стоит немного отдельно козел, обузданный шелковой уздой. После этого приступают к обряду с а с а л и б а р ь х а; в красные деревянные чашки вливают по несколько капель курунгу, в отдельные чашки тарасун; с этими чашками в руках буряты становятся на северной стороне шире, на правой стороне стоит шаман, в руке держит все жидо и произносит слова молитвы; с ним рядом стоит человек с курунгою, далее с вином, потом опять с курунгою, и т.д., по данному сигналу шамана «сэк»! все стоящие буряты, которые держат в чашках курунгу и тарасун, выплескивают жидкости к югу, после этого идут к тургэ, где им снова наливают; они все делают круг, т.е. оборот по солнцу; тогда им во второй раз наливают, потому что по обряду должно два раза налить, после этого они возвращаются на прежнее место и стоят рядом; шаман продолжает произносить слова молитвы, все они изредка повторяют за шаманом слово «сэк»! По слову шамана: «сэк, сэк»! все они курунгу и тарасун выплескивают, а чашки бросают на землю, произнося: «төрүк»!; если у кого чашка упадет вниз дном, вверх отверстием, то это хорошо, — это называется «төрүк», если чашка упадет вверх дном, то это худо, значит нет «төрүка»; все они, бросив чашки на землю, вырывают траву и затыкают ее за пояс; это означает, что они на себя надели колчан; это называется «һадак ахаха». После этого они возвращаются к тургэ, где им в третий раз наливают в чашки курунгу и тарасун, но только полно, как выражаются «идехэр ухар» (и д э х э — «есть», у х а — «пить»); от тургэ они опять идут на старое место; тогда шаман, продолжая слова молитвы, подходит к ним, в каждую чашку с курунгою и тарасуном обмакивает жидо и бросает его к югу; когда шаман всех обойдет и возвращается к прежнему месту, тогда все буряты капают тарасуном на землю и выпивают, а курунгу передают хозяевам, которые поочередно пьют эту курунгу. После этого четвертый раз

¹ Жидо — «пихтовая ветка»

наливают только одну курунгу в чашки по числу жертвенных животных и подносят к губам жертвенных животных; это называется а д а һ а с а г а л х а. Затем всех жертвенных животных сваливают на землю и держат ноги крепко; в это время кто-нибудь под грудью прорезывает отверстие, просовывает в него руку и, порвав грудно-брюшную перепонку, просовывает руку далее в полость груди, где отрывает аорту (г о л т о з у р х э н), от чего животное скоро издыхает; в это время шаман произносит слова молитвы, подходя к каждому жертвенному животному и говорит «тр»! По этому слову будто бы душа жертвенного животного выходит из тела и убегает по назначению в западные хаты. Шаман говорит следующие слова:

Дөрбөн хара туруга	Четырьмя черными копытами
Тулан оронор,	Наступая, иди,
Дөшин саган шудэ	Сорока белыми губами
Хабиран оронор	Скрежеша, иди,
Удени дэли хүнгэр,	Как перо легко,
Утхэн дэли хурдар	Как стрела быстро,
Уһани оломор,	По броду реки,
Улан хөтөлөр...	По проходу горы...

После этого снимают шкуры жертвенных животных, вырезают хоян или хугин и кладут их отдельно; мягкое мясо отделяют от костей, чистят внутренность, кровь вливают в тонкие кишки, другие тонкие кишки начиняют жиром и мясом, и начинают варить мясо в котлах; мясо каждого животного варится отдельно. Когда мясо поспеет, мягкие части вынимают из котла и делят на равные части по числу семейств, которые вошли в пай к разделяемому жертвенному животному, и кладут в посуды, для того привезенные; это разделенное мягкое мясо без костей называется «даланга». Также из котла вынимают и кости и срезают с них мясо; мясо, срезанное с костей, кладут в корыта и чашки; это мясо называется ш у л а д һ а н, или жим. Пока все это происходит, остальное общество различно занято; старики пьют тарасун, молодежь обоего пола обыкновенно садится за тургэ полукругом и разговаривает между собою; другие помещаются, кому где угодно; некоторые молодые парни помогают хозяевам колоть жертвенных животных, а другие помогают около зуга варить мясо, многие, в особенности гости, приехавшие на тайлган из других улусов, балагурят между собою; девицы никакого участия не принимают, а ходят праздно; мальчики и девочки бегают и играют; толпа бывает очень пестрая и шумная. В это время, пока другие заняты делом, старики устраивают бег лошадей и борьбу борцов. Старики с несколькими котлами тарасуна отправляются

на открытое место в стороне, чтобы прочим не мешать, и садятся полукругом; внутрь круга входят молодые парни и начинают бороться друг с другом; для борьбы верхнее платье снимается, даже рубашки снимают; борцы остаются только в штанах; без одежды свободнее бороться. Борцы становятся друг против друга и делают круг по солнцу, потом схватываются и борются; победителя встречают радостным приветствием, наливают ему чашку тарасуна и подают; приняв тарасун, он капают на землю и подносит ко рту, попробовав немного, подает одному из сидящих стариков, который, приняв тарасун, приветствует борца с победою словами:

Барилдани барун	В борьбе правую
Захан бари.	Сторону держи (будь победителем).
Урилдани урда	В бегах переднюю
Захан бари.	Сторону держи (выбегивай бег).

После этого старик выпивает тарасун; тогда чашку снова наполняют тарасуном и подают борцу, который на этот раз сам выпивает или тоже кому-нибудь подает, потом одевается. Все борцы борются так, борьба борцов продолжается довольно долго. Потом посылают бегунцов в бег; они обыкновенно бегут на дальнее расстояние; первый прибежавший бегунец остается победителем, ему тоже подают чашку тарасуна, хозяин бегунца берет тарасун, немного капают на землю, подходит к бегунцу и начинает тарасун понемногу капать на спину бегунца, начиная с головы до хвоста; когда он кончит эту церемонию, то, немного попробовав тарасуну, подает одному из сидящих стариков; приняв тарасун, старик поздравляет хозяина лошади с победою и выпивает, потом снова наливают в чашку тарасун и подают хозяину бегунца, который на этот раз выпивает сам; со всеми последующими бегунцами и рысаками поступают, как с первым. Это продолжается довольно долго. Когда мясо жертвенных животных всё сварилось и нужно приступить к дележке его, борьба борцов и бег бегунцов и рысаков прекращается, старики возвращаются на прежнее место и садятся опять кругом и занимаются разговорами; предметом беседы служат предания о похождениях разных шаманов и богатырей.

Сварившееся мясо, собственно только мягкое мясо и часть внутренностей, что называется *даланга*, делят поровну между хозяевами и относят на тургэ. Часть внутренностей, *хол-м-яхан* и *шуладхан*, кладут в корыта, относят и ставят рядами около мухур шире. Кости, с которых все мясо срезано, сжигают на мухур ширеях. Мухур шире делают следующим образом: привезенные из лесу березовые палки вкапывают в землю по четыре на каждом углу четырехугольника; на этих палках делают поперечины, на них кладут дрова, а на дрова

кладут кости жертвенных животных, потом дрова поджигают. До этого шкуры жертвенных животных готовят по обряду, т.е. в шкуре остается голова с дыхательным горлом, с легким и сердцем; когда все готово, то все шкуры надевают на березы, в голову каждому жертвенному животному втыкают по одному жидо и в ноздри березовые ветви; после этого березы со шкурами поднимают и втыкают в землю так, чтобы головы животных были обращены к юго-западу, потому что местопребывание западных хатов у бурят считается на юго-западе и в западной стороне. По числу повешенных шкур на березах бывает и число мухур ширеев, потому что кости каждого жертвенного животного сжигают особо, не смешивая с другими. Когда все готово, то шаман в поваренку кладет конец слепой кишки и бросает ее в огонь в зуге; прочие то же делают, т.е. конец слепой кишки каждого жертвенного животного бросают в огонь; после этого, почерпнув немного шей, подходят к мухур ширеям и выплескивают в огонь, а поваренки возвращают хозяевам. Теперь приступают к главному обряду онгоурулха. Все хозяева, которые принимают участие в тайлгане, берут посуды с даланга, идут и садятся рядами немного севернее и правее от ширеев; прочие, т.е. гости, приехавшие из других улусов, сидят за тургэ; там же и девицы, которые по обыкновению не принимают особенного участия в тайлгане. Шаман берет в руки посуду с даланга, другие тоже берут; они все стоят рядом; шаман стоит на правой руке и начинает шаманить, призывая зайнов западного хата принять жертву; в это время будто бы зайны приходят; тогда шаман делает несколько скачков на месте, весь трясется, головою мотает, шапка его падает на землю; он разводит руки; все хозяева поскорее берут посуду из рук шамана, один поднимает шапку с земли и надевает на себя; потом шамана сажают на место; шаман говорит, но это будто говорят сами зайны; зайны рассказывают о своем происхождении и разных приключениях в жизни; все зайны западного хата поодиночке один за другим приходят и говорят, а потом уходят, наконец, приходит очередь Буха-нойон-бабай; изображая его прибытие, шаман, падает на землю лицом вниз; немного полежав, встает и ходит на четвереньках, как пороз, мычит по-порозинному, руками бросает землю, как будто пороз роет, и головою трет землю; таким образом он приходит к сидящим бурятам и каждого бодает, начиная с правой стороны. Как только кого Буха-нойон-бабай пободает, тот падает на спину; переборов всех сидящих, Буха-нойон-бабай направляется к трем ширеям, на которых привязаны дэрбэлгэ, подходит к правому шире, на котором привязана заячья шкура, и начинает бодать из всей силы, как будто пороз; в это время несколько человек держат ширей, чтобы Буха-нойон-бабай не

выдернул его при бодании; после этого Буха-нойон-бабай уходит к юго-западу и на пути девять раз кричит, т.е. мычит; это значит, Буха-нойон-бабай уходит совсем. Тогда шаман встает и еще призывает Нагад-зарина, — этим кончается. Потом обыкновенно делают даланга хурулха, т.е. от западных хатов просят изобилие во всем; по окончании даланга-хурулха каждый хозяин ест немного мяса. После этого снова делают хурулха и также подходят к мухур-ширеям, у которых тоже делают хурулха; после чего возвращаются к тургэ и садятся по местам. Шаман подходит к мухур ширеям, около которых положены шуладхан и прочее, произносит слова молитвы, от каждого мяса бросает по кусочку в огонь и пробует сам. Тогда хозяйева берут шуладхан и приносят на тургэ, где едят и также угощают собравшихся гостей. В это время общество участвующих притихает, занятое едой. Шаман с некоторыми стариками сидят около шире с тарасуном и делают обряд «арбин далан дэши барьха»; потом, побрызгав тарасуном, пьют его, а мясо «арбин далан» едят. В это время остальное общество собирается домой, для чего укладывают привезенные вещи на телеги, ши, в которых варились мясо, выливают на огонь в зугах. Мясо козла по обряду не должно увозить домой, а должно есть на тайлгане, хозяину же козла дают мясо других жертвенных животных взамен козлиного. Когда тайлган кончен, все уезжают. Когда все уже уехали, шаман со стариками доканчивают тарасун и мясо, после чего шаман берет одну головню с огнем и едет со стариками обратно домой; по приезде шаман и старики заезжают к кому-нибудь и, войдя в юрту, привезенную головню с огнем кладут в очаг с правой стороны. Тогда хозяйка дома подает тарасун; сначала брызгают им, потом пьют его; в это время кладут в корыто даланга и дают шаману; шаман, произнося слова молитвы, совершает обряд дэши барьха, отрезывает от даланга несколько кусков и бросает в огонь. После этого едят даланга и пьют тарасун. Каждый домохозяин по приезде с тайлгана первым долгом отрезает от даланга несколько кусков мяса и бросает в огонь; после этого едят и угощают приезжих гостей с тайлгана. Этим тайлган западному хату оканчивается.

18. Тайлган уһан-хату

У балаганских бурят тайлган уһан-хату устраивают или целым обществом или тоже от одного семейства. Тайлган уһан-хату делается не одинаково, я опишу только виденное мною. Иногда первое жертвоприношение, т.е. тайлган, делают только пищею, а именно употребляется для этого тарак, вареная сметана, амһан, курунга и тарасун; они могут быть или от целого общества или от одного семейства; при этом ничего нет особенного сравнительно с приношением в

жертву животных; поэтому я не буду бескровное жертвоприношение описывать отдельно от кровавого, а опишу вместе. В первый раз тайлган уһан-хату делают, как написано, одною пищей; во второй раз делают тремя животными, в третий раз делают пятью или семью животными, а в четвертый — девятью животными; вот различие в числе жертвенных животных; впоследствии число не наблюдается; можно делать тремя, пятью, семью и девятью животными. Когда нужно делать жертвоприношение, то назначают известный срок. К этому дню готовят вареную сметану, т.е. саламат, тарак, амһан, курунгу и тарасун. Амһан буряты готовят следующим образом: сперва жарят зерновой хлеб, толкут его в ступке, чтобы очистить от кожицы, потом тщательно веют, чистое зерно немного толкут; после этого толченное зерно варят в молоке, вот и все приготовление амһан. К назначенному дню моют посуду, с которою должны выходить на тайлган; что нужно увезти на тайлган, то поставят на правой стороне очага, именно: посуду, чашки, корыта, тарак, саламат, амһан, тарасун, курунгу, олобо, дэрбэлгэ и медные деньги; это потом освящают пихтовою корою или вереском. Жертвенных животных (жеребят, барана и козла) несколько человек, т.е. семейств, покупают сообща. Все домохозяева постепенно выезжают на места тайлгана, который обыкновенно делается поблизости и на берегу реки; приехавши туда, всю посуду поставят на тургэ, а сами хозяева сядут на тургэ; перед этим каждый домохозяин кланяется реке. Привезенные котлы ставят немного левее турги, где обыкновенно готовят зуга, в которых разводят огонь и ставят котлы для варения мяса жертвенных животных. Привезенных жертвенных животных держат перед тургэ около ширеев; на правой стороне стоят жеребята, далее бараны, последним стоит козел. Когда все приехали на тайлган, собирают дэрбэлгэ и привязывают их друг к другу концами, а потом натягивают на трех березах, на правой березе привязывают заячью шкуру с миткальными лентами, а между первой и второй березой привязывают к дэрбэлгэ так называемый зурак (иногда называют һурэк); потом 27 черными камнями загораживают тургэ и делают ворота; шаман начинает шаманить, а другие поднимают три березы с заячьей шкурой, дэрбэлгэ и зураком и вкапывают в землю. После этого шаман брызгает тарасуном и просит уһан-хата принять жертву. Когда кончится брызганье тарасуном, тогда по обыкновению приступают к обряду сасали барьха. Шаман обыкновенно стоит на своем месте и шаманит, а буряты держат сасали; в первый раз наливают в чашки несколько капель курунги и тарасуна, в это время жертвенных животных держат к реке головою, а все домохозяева сидят на тургэ или суетятся около тургэ. Шаман в

конце своей молитвы произносит: сэк! — тогда все буряты, державшие сасали, тоже повторяют слова шамана «сэк!», при этом выплескивают курунгу и тарасун и возвращаются к тургэ к хозяевам, которые встают и подходят к реке, кланяются и бросают в воду камни и медные деньги; потом возвращаются к тургэ и садятся по местам. Бурятам, держащим сасали, два раза наливают в чашки понемногу курунги и тарасуна, как в первый раз; они уходят на старое место и по-прежнему стоят рядом. Шаман продолжает молитву, произносит «сэк!». Буряты, державшие сасали, тоже повторяют «сэк!» и выплескивают курунгу и тарасун; потом тихо и осторожно бросают чашки, чтобы они встали вниз дном; после этого каждый из них вырывает траву и затыкает за пояс. Потом они опять подходят к тургэ; все хозяева вторично встают, подходят к реке, три раза махают к реке медными деньгами, но не бросают их, а оставляют у себя в руке, на место же их бросают камни, потом подходят к реке и пьют воду, что называется «аршалха», возвращаются на тургэ и садятся. Опять в третий раз наливают в чашки держащим сасали курунгу и тарасуна; на этот раз наливают полные чашки; люди с чашками возвращаются на старое место, где по-прежнему стоят рядом. Шаман продолжает шаманить и подходит к держащим сасали, макает в чашки ветки жидо, бросает и возвращается на старое место, тогда держащие сасали капают немного тарасуну на землю и пьют сами, а курунгу передают хозяевам, которые все по очереди выпивают; этим кончается обряд сасали барьха. После этого обыкновенно наливают курунгу жертвенным животным и подносят к их губам; потом сваливают животных и начинают колоть по-бурятски; тогда шаман шаманит, чтобы все жертвенные животные не спотыкаясь побежали в ухан-хат; с жертвенных животных снимают кожу обрядным порядком, т.е. ноги, голова и дыхательное горло с легким и сердцем остаются на коже. Почти с самого начала тайлгана молодые люди обоего пола пляшут национальную пляску, в которой принимают участие и замужние женщины. Это кажется единственным тайлганом, на который приезжают замужние женщины, старые и молодые; некоторые из них сидят на тургэ, если не принимают участия в играх и плясках. Тайлган ухан-хату — самый многолюдный и веселый, потому что на него собирается очень много людей, в особенности молодежи обоего пола, которая все время тайлгана пляшет и поет плясовые песни.

Потом приступают к другому обряду; шаман подходит к поставленным перед тургэ на чистых войлоках саламату, тараку и амхану, которые еще в начале тайлгана были налиты в корыта и чашки и поставлены перед тургэ по порядку; подходя, шаман шаманит немного; после этого каждый домохозяин наливает себе в маленькое ведро тараку и амхану и кладет саламату; это обык-

новенно тоже называют д а л а н г а; ведро покрывают белым миткалевым или шелковым платком. Эту взятую даланга хозяева не едят, а везут домой, где она в продолжение трех суток стоит. От остального саламата, тарака и амһана понемногу бросают в огонь; потом шаман с девятью сынами (e h o н х ө б ү д) ходит вокруг тургэ; каждый из них в руках держит в корыте (т э б ш и) тарак, саламат и амһан; девять сыновей начинают есть тарак, саламат и амһан как можно поскорее, потому что шаман в руке держит березовую ветку, которой бьет девять сыновей, чтобы они скорее ели; девять сыновей рысью бегают вокруг турги и в это же время едят и торопятся и марают свои лица тараком и саламатом, а шаман еще сильнее бьет их и бьет до тех пор, пока они все не съедят; посторонние, смотря на них, смеются. Потом шаман подходит к тургэ и бросает в огонь понемногу от каждого предмета и сам пробует; этим он разрешает есть тарак, саламат и амһан и прочим присутствующим. Тогда все хозяева едят тарак, саламат и амһан и угощают приезжих гостей из других улусов. Когда еда кончится, то приступают к другому обряду х у н ш у т х а х а (шутхаха — лить). Тогда шаман садится со стариками около ширеев немного правее, где с начала тайлгана был разведен огонь (так называемый h а н), каждый домохозяин, который принимает участие в тайлгане, подходит сюда поочередно для лития х у н а; он идет к реке, кланяется и потом черпает воды в чашку, возвращается к шаману и садится около него; чашку с водою держит над ведром, в котором находится взятая даланга: амһан, тарак и саламат; в чашке над водою стелет белый конский волос. В это время шаман на огне плавит олово; когда олово от огня придет в жидкое состояние, шаману наливают в чашку тарасун; шаман берет его и шаманит, призывает хозяина хуна Хун-Саган-нойона и жену его Хормо-Саган-хатун и, немного попробовав из чашки, капает тарасуном на огонь, затем передает тарасун хозяину, который выпивает его. Расплавленное олово, произнося слова молитвы, шаман льет в чашку с водою, покрытую белым конским волосом; берет олово из чашки и тщательно смотрит; если х у н выйдет с узорами, круглый, и конские волосы остаются в хуне, то это считается хорошим признаком; если х у н раздробится на несколько частей или выйдет плоско, без всяких узоров, и при этом волосы отстанут, то это считается худым признаком; а если еще х у н с треском вылетит из чашки, это уже совсем плохо, кто-нибудь из семейства должен умереть или же жить несчастливо в этот год. У кого случится это, тот и все семейство его очень опечалится, веселое настроение моментально переменится на печаль и люди ходят, понуриив головы, со страдальческим выражением на лице; такое настроение отражается и на других, которые соболезнуют чужому горю. Если

х у н выйдет хорошо, то радуются, потому что предвидится благополучное житье и прибыль во всем. Х у н берет хозяина дома и тщательно завертывает белой материей и прячет, а воду из чашки выпивает сам; выплеснуть эту воду считается грехом; эта вода после литья х у н а делается чистой, оставшиеся волосы бросают в огонь; после этого гадавший домохозяин уходит обратно на тургэ. Таким образом каждый домохозяин льет себе х у н. В это время некоторые старики уходят с тарасуном немного в сторону от тайлгана и там устраивают бег лошадей и борьбу борцов, а остальная молодежь обоего пола продолжает национальную пляску. Пока лили х у н и продолжались борьба борцов и бег бегунцов и рысаков, другие буряты уже успели заколоть жертвенных животных, рассортировать мясо по обычаю и сварить его в котлах. Когда мясо сварилось, мягкое мясо даланга разделяют поровну, кладут в ведра и относят на тургэ, а мясо с костей — шуладхан срезают и кладут в чашки и корыта. Если все мясо жертвенных животных готово, то шуладхан относят и кладут рядом за мухур ширеями. Кожу жертвенных животных готовят к вешанию на березах, т.е. над ширеями, для этого кожи сшивают и потом надевают их на березы в том количестве, сколько нужно по обряду; если останутся лишние кожи, их берут хозяева или отдают шаману; на голову жертвенных животных втыкают жидо, а в ноздри березовые ветки; после этого поднимают ширеи и вкапывают в землю; в это время шаман произносит слова молитвы, за этими ширеями делают мухур ширеи, на которых сжигают кости.

Когда все готово, все собираются; борьба борцов, бег бегунцов и рысаков прекращаются, а также прекращается и пляска; все гости садятся за тургэ, а сами хозяева сидят на тургэ, старики обыкновенно садятся кругом, немного правее тургэ. С огня, т.е. с зуга, снимают котлы и ставят рядом. За каждым стоит по одному человеку, который держит в руках чашку и корыто; шаман с поваренкой подходит к тургэ; в поваренку кладут ему конец слепой кишки и немного мяса; шаман черпает шей и все это бросает на огонь в зуге; вычерпавши из котла, уходит к мухур ширеям, где тоже бросает в огонь, возвращается к тургэ и отдает поваренку хозяину. Потом приступают к главному обряду о н г о у р а л х а; все хозяева берут д а л а н г а (мясо) в ведрах, уходят и садятся немного правее ширеев; шаман подходит к ним, берет ведра с даланга у нескольких хозяев и держит в обеих руках; другие хозяева ведра дают простым бурятам; все они стоят рядом, а шаман на правой руке. Шаман призывает уһан-хата, чтобы хаты приняли жертву; другие, которые тоже держат ведра с даланга, иногда повторяют слова шамана; шаман шаманит протяжно нараспев; через некоторое время приходят зайны; тогда шаман делает движение вперед, но в то же время

пятится назад, делает несколько прыжков, трясет головою и руки поднимает наравне с плечами, что означает, будто призываемые зайны пришли и вошли в шамана; в это время падает с головы шамана шапка; хозяева поскорее встают и подходят к шаману; один из них поднимает шапку шамана, надевает на себя; потом берут ведра от шамана и садятся на старое место; прочие буряты, которые держали ведра с даланга, сами приносят их и отдают хозяевам. Шаман продолжает шаманить и говорить от лица зайнов уһан-хата, в это время несколько молодых и проворных парней встают около берега реки перед шаманом; это делается в виду того, что шаман в заключение своего действия, когда зайны должны уходить обратно в воду, бросается в воду; тогда стоящие молодые люди не допускают шамана к реке и не дают ему броситься в воду, а держат его. Молодые люди поймали только шамана, а зайны ушли. Иногда стоящие на карауле молодые люди как-то прозевают шамана, он бросается в воду с маху в надежде, что его поймают, если же не поймают, то выкупается в реке и оттуда выходит весь мокрый. По уходе зайнов шаман молится реке и возвращается к сидящим; ему наливают в чашку тарасуна, шаман берет тарасун и, покапав немного, пьет, потом уходит к ширеям, трясет их поочередно и смотрит на них. После этого берет свою шапку и надевает, берет от хозяев ведра даланга, уходит на старое место и произносит слова молитвы, прося уһан-хата даровать жертвоприносителям счастье, богатство и покровительство; возвратясь, ведра с даланга отдает хозяевам, которые немного едят, а потом опять возвращают ведра шаману; он, взявши их, подходит к огню мухур ширея, где тоже просит счастья, богатства и многочисленного потомства жертвоприносителям; потом уходит к тургэ и передает ведра хозяевам, которые все возвратились и сидят на тургэ. Шаман подходит к ширеям, берет от шуладһан немного, т. е. несколько кусков, бросает в огонь и ест сам; тем он дает разрешение есть и прочим; тогда хозяева шуладһана в чашках берут себе и едят сами, а шуладһан в корытах и прочее мясо относят гостям, которых угощают. Когда мясо съедено, щи из котлов выливают в зуга на огонь, котлы кладут на телеги, а также и всю посуду, которая была привезена из дома, и уезжают домой, гости тоже уезжают в улус и заезжают к жертвоприносителям. Когда хозяева приезжают домой, то от мяса даланга бросают кусочки в огонь, потом едят и угощают гостей; даланга, взятый из тарак, саламата и амһана, привязывают на столбе юрты (х о й м о р т э н г и) — высоко; по обычаю этот даланга теперь есть нельзя. Этим кончается тайлган уһан-хату.

После этого тайлгана в продолжение трех суток по обычаю никому ничего не дают; в особенности молочную пищу давать посторонним считается боль-

шим грехом. Когда пройдет три дня, т.е. на третий день, собираются старики и шаман, берут с собою тарасун и уходят на место жертвоприношения уһан-хату, брызгают там тарасуном, после чего заячью шкуру с зураком снимают с трех ширеев и, предварительно выпив тарасун, уходят домой. Заячья шкура с зураком хранится у кого-нибудь в улусе. Когда они придут в улус, то заходят к кому-нибудь и брызгают тарасуном, потом даланга из тарака, саламата и амһана отвязывают от столба юрты, выливают в корыто и дают шаману, который, пошаманив немного, бросает немного в огонь; после этого едят; таким образом они заходят в каждый дом и едят даланга. После этого позволяется по обычаю давать молочную пищу посторонним. Вот все жертвоприношение уһан-хату.

19. Онго татаха

У бурят встречается сложный онгон, так называемый «хөтхө-онгон» (хөтхө — множество, толпа, собрание множества людей); онгонов, которые входят в состав «хөтхө-онгона», иногда называют х а т а т а н или у с а т а н; в шаманских молитвах говорится так:

Хамак төмөн хататан,
Олон төмөн усатан...

Всетысячные хататаны,
Многотысячные усатаны...

Все эти хататаны и усатаны входят в число небесных онгонов (тэнгэрин онгот). Если бурят хочет по совету шамана завести хөтхө-онгон, то заранее готовится к тому постепенно, потому что для этого требуется много тарасуна и вина; кроме того, нужно приготовить материалы, из которых нужно сделать онгоны; приготовившись к предстоящему религиозному обряду, хозяин дома приглашает хорошо знающего шамана; не всякий шаман к тому годится, многие шаманы не знают всех онгонов, входящих в состав хөтхө-онгона.

Приглашенный шаман приезжает; тогда готовят по указанию шамана все требуемое для религиозного обряда онготатаха. Народу к этому обряду собирается много: старые, молодые и малые обоого пола. Для этого обряда нужны баран и жеребенок; когда все готово, то с утра приступают к обряду, начинают брызгать тарасуном и вином разным заянам и онгонам; к этому обряду нужны тарак, саламат, амһан и курунга; налив в посуды, ставят их куда следует, около очага; нужны также тарасун и вино. После некоторых необходимых обрядов приступают к деланию онгонов; делает их шаман с помощью стариков; прежде всего делает небесных дочерей (тэнгэрин басагад) в виде кукол, из шелка, потому что одежды небесных дочерей должны быть шелковые, обшитые выдрой; шапки на них тоже выдровые; на

лицевой стороне куклы прикрепляют вырезанную из белой жести фигурку человека, которой из корольков делают глаза. Нахурая делают из черной материи; шапка на нем из черной мерлушки; других онгонов зависит от шамана делать или куклою или рисовать на белом миткале красною краскою; большею частью делается последнее; когда все онгоны сделаны и нарисованы, то делают ящик из дерева для онгонов; в этот ящик потом и кладут онгонов. В это время другие лица из белых конских волос сучат тоненькую веревку, на которую привязывают деревянные ложки (о н г о н и х а л б а г а) и колотушки (о н г о н и м у г у). Всех сделанных онгонов кладут на правой стороне очага на белой конской коже или на чистом войлоке по порядку, а Хан-Нахурая кладут вниз, головою в чашку с маслом, потому что он большой любитель масла. После этого приступают к обряду; посторонние люди колят по-бурятски жертвенных животных, барана и жеребенка, мясо их варят в котле. Пока мясо варится, шаман шаманит, призывая небесных онгонов, и брызгает тарасуном и вином; с амхана, тарака и саламата берут в особенное ведро даланга, в это ведро ставят стрелу с железным наконечником, на стрелу привязывают девять шелковых ниток, три медных пуговиц, серебряную монету и белые и черные миткальные ленты; шаман, держа в руках это ведро, шаманит некоторое время, после этого ведро покрывают белым шелковым или миткальным платком и потом привязывают к столбу юрты, где оно стоит в продолжение трех суток; потом с амхана, саламата и тарака понемногу бросают в огонь и едят сами хозяева и все присутствующие. Когда все мясо сварится, его кладут в корыта и другие посуды и ставят около очага по порядку. Потом приступают к главному обряду, к призыванию каждого отдельного онгона, которые поочередно приходят и устами шамана рассказывают сидящим людям о своих похождениях и разных приключениях, случившихся с ними; рассказав, онгоны уходят. Когда призывание онгонов кончится, то после известного обряда от мяса жертвенных животных отрезают несколько кусков и бросают в огонь; начинают есть мясо; после этого брызгают тарасуном и вином, а также и пьют их. Когда все мясо съедят, кости жертвенных животных сжигают на огне; потом приступают к обряду у б с у ш а т а х а (у б с ү н — «грудь», ш а т а х а — «сжигать»); приготовленную грудь сжигают на огне, в это время шаман шаманит, сидя около очага, бьет тростью об трость, и внимательно смотрит на грудь, по горению которой предсказывает будущность хозяевам, а также, кто из этого улуса умрет в этот год; по словам бурят, будто бы душа этого человека, который должен умереть, входит в юрту и протягивает руку к груди, а шаман будто бы, увидев это, говорит: умрет нынче такой-то человек, такого-то роста,

с такими-то приметами лица, приблизительно таких-то лет и т.д.; по мнению бурят, это сбывается, если шаман хорош. После этого продолжают обряды, но только второстепенные; шаман начинает призывать разных небесных онгонов, в особенности вечерочных онгонов, которые заставляют молодежь плясать, скакать и т.д. Таким образом продолжается около трех суток, по прошествии которых на третий день начинается брызганье тарасуном и вином и другие обряды; ведро с даланга, привязанное к столбу юрты, отвязывают и даланга выливают в корыта; части от них бросают в огонь, остальные съедают, а стрелу кладут на другое место или просто втыкают в колчан с прочими стрелами; белую и волосяную веревку сучат несколько раз, к привязанным ложкам и колотушкам еще привязывают бараньи лытки и вешают на тэнги, а онгонов кладут в приготовленный для того ящик и вешают на правой стороне, т.е. на стене юрты. Этим кончается обряд онго татаха. Этот обряд хозяину обходится очень дорого, почему ныне очень редко предпринимается. Во время этого обряда делают хун шу тх а х а, как во время тайлгана уһан-хату, этот хун хранится.

20. Онго иделулхэ

У балаганских бурят есть так называемый религиозный обряд онго иделулхэ (иделулхэ — «кормить»). Это кормление онгонов у балаганских бурят делают разное; иногда делают одним тарасуном, вином, тараканом, саламатом, амһаном, вареным мясом от колотого для семьи животного и рыбой, но если хозяин пожелает, то делают и целым бараном; если хозяин состоятельный, то кормление онгонов делается жеребенком. Самый обряд «кормления онгонов» тот же, что онго татаха, но только во время кормления не делают новых онгонов, а старых онгонов выкладывают на белую конскую кожу или на чистый войлок; остальное точь-в-точь то же, что и во время обряда онго татаха.

21. Онго харюлха

Религиозный обряд онго харюлха обыкновенно исполняется после смерти какого-нибудь буряты; если он после себя оставит онгонов, то дети по обычаю должны сжечь их; приступая к этому обряду, сперва онгонов кормят жеребенком или бараном в юрте, как выше описано при рассказе об обряде онго иделулхэ. Затем онгонов выносят на то место, где будут сжигать их; туда берут с собою барана, тарасун, вино и курунгу; по приходе на место сожжения кладут онгонов на чистый войлок, потом жертвенного барана колют, мясо его варят в котле. Когда мясо сварится, вынимают его из котла и кладут, куда

следует, по порядку. В это время разводят огонь, на котором сжигают онгонов, обернув их предварительно со всех сторон жиром барана. После этого мясо барана съедают, тарасун и вино выпивают, а оставшееся мясо и кости сжигают. Потом приходят домой. Этим кончается религиозный обряд онго харюлха. Иногда, если нет состояния исполнить этот обряд вполне, то дети попросту выносят отцовский онгон на улицу и привязывают его на столбе, где он стоит долго, постепенно гниет и теряется.

22. Хунхэ хуралха

По мнению балаганских бурят, душа человека от сильного испуга выскакивает из тела и убегает; убежавшая душа большею частью бродит около того места, где она выскочила из тела во время сильного испуга; если долго не обратят на это внимания, то она уходит совсем; тогда человек впоследствии должен умереть, потому что без души он не может жить. Особенно легко могут от испуга выскакивать души маленьких детей, у которых сразу это бывает заметно по словам бурят; если душа от испуга убежала, то ребенок делается больным, во сне бредит, вскрикивает, иногда соскакивает с постели, плачет и обыкновенно делается вялым и сонливым, чего прежде не было заметно; тогда родители приходят к убеждению, что ребенок испугался; если ребенок где-нибудь испугался, то исполняют обряд х у р у л х а, посредством которого манят или просят убежавшую душу возвратиться к телу. Это делают обыкновенно в том самом месте, на котором ребенок испугался, потому что душа бродит около этого места; если душа возвратится к телу, то ребенок выздоравливает, бред и пр. превращается, если же не возвратится, то умирает. Если ребенок упадет или испугается и заплачет, то иная мать в опасении, чтоб душа не выскочила и не убежала, сейчас же подбегает к нему, и, сняв свою шапчонку, делает х у р у л х а. Если с того времени прошло много дней, то душа человека постепенно начинает дичать и отвыкать от своего тела и убегает далеко; тогда очень трудно вернуть ее; в таком случае нужно обратиться к искусству шамана, который с помощью покровительствующих заянов возвращает душу к телу. Если у взрослого человека от испуга душа оставит тело, то он на это обыкновенно с первого раза не обратит внимания; пройдет довольно времени и он начинает болеть, бредить во сне, делается вялым и сонливым; родные обращаются к шаману или ворожее, которые говорят, что у больного души в теле нет, от какого-то сильного испуга она ушла из тела. Тогда родные сами пробуют вернуть душу к телу; больной человек сам делает хуралха, т.е. зазывает свою душу; если это не поможет, то берут, что этот человек более любит из пищи; если он любит жирное мясо, то

берут жирное мясо и кладут в ведро и он опять делает хурулха; при этом зовут одичалую душу есть это жирное мясо и возвратиться к телу, и душа будто бы возвращается к телу; при этом больной обязательно должен быть в том платье, в котором испугался. Если это не поможет, то этому человеку все делается хуже и хуже. Тогда приглашают шамана, который уже принимает настоящие меры к возвращению к телу души; для этого шаман сперва брызгает тарасуном так называемым горным старцам, т.е. местным покровительствующим заянам, чтобы они помогли ему, шаману, вернуть удалившуюся душу из тела; после этого приготавливаются к обряду х у н х э х у р а л х а следующим образом: в ведро кладут стрелу и то, что больной любит; если любит мясо, то кладут мясо, если любит саламат, то саламат. После того отправляются на то место, где душа отделилась от тела; на этом месте делают хурулха, просят душу покушать свою любимую пищу и возвратиться к телу. Когда душа возвращается к телу, то потерявший ее человек чувствует дрожь по спине и непременно заплачет, потому что душа плачет от радости, что нашла свое тело. Этим кончается обряд. Иногда этот обряд повторяется до трех раз, если душа будет упрямиться; между прочим, этот обряд нужно делать приблизительно в то самое время, когда больной испугался; если это было утром, то утром делают хурулха, если было вечером, то вечером, потому что душа на место испуга возвращается в то самое время, в какое оставила тело. Говорят, будто бы душа человека на это место приходит и плачет, после чего опять уходит и странствует. В первое время душа бродит около этого места, далеко не уходит, а потом постепенно уходит далее и далее и реже возвращается на место, где отлучилась от тела; впоследствии приходит на это место совсем редко, через год и более, но все-таки изредка и после она возвращается на это место, по мнению бурят.

23. Хушулха

Религиозный обряд х у ш у л х а делают обыкновенно над больными, которые страдают от кашля или от нарыва. Когда нужно делать обряд хушулха, приглашают шамана, который по приезде брызгает тарасуном и вином заянам и просит их вылечить больного от болезни; по окончании брызганья шаману делают две трости. Шаман, держа в каждой руке по одной трости, начинает шаманить, призывая заянов; заяны приходят и тогда шаман действует как бы от лица заяна. Он подходит к больному, который сидит или лежит на постели, если не может сидеть, и начинает ртом сосать больное место так сильно, что высасывает кровь и гной, если больной страдает кашлем, то шаман сосет грудь, а потом выплевывает высосанное; он до тех пор сосет, пока по его мнению,

не высосет всю болезнь. Когда будто бы всю болезнь высосет, заян уходит; высосанное выбрасывает на улицу. После этого иногда брызгают тарасуном и вином и тем кончается обряд х у ш у л х а.

24. Шургэ-шухэ

Религиозный обряд ш у р г э-ш у х э обыкновенно делают над скотом; если шаман или ворожей скажет какому-нибудь буряту, что у его скота характер переменялся (з а н г а б у р у д а), и если сам хозяин заметит, что что-то неладно, тогда бурят немедленно приглашает шамана. Приехав, шаман брызгает тарасуном или вином тому заяну, по воле которого у скота переменялся характер. После брызганья выходят на улицу и идут к двору, где весь скот стоит запертый; с собою берут пучок смолистых лучин и жареную муку. Когда приходят к двору, то совершают ш у р г э-ш у х э, т.е. к воротам привязывают для этого привезенные осколки от дерева, которое разбила или расщепила гроза. После этого лучину сжигают, ворота отворяют и выгоняют из двора скот. Когда скот выходит, шаман бросает на него жареную муку через огонь, мука горит и вспыхивает, это продолжается до тех пор, пока весь скот не выгонят из двора. Когда весь скот выйдет, то продолжается бросание муки во дворе. Этим кончается обряд. Шаман, хозяева и прочие возвращаются домой. Этот обряд по существу очень похож на обряд г е р с а г а л х а.

25. Обряды в честь сатинских бурханов

В честь сатинских бурханов делают разные религиозные обряды, так называемые хурай и жертвоприношения животными; скажу об них только несколько слов, не входя в подробности.

Если кто-нибудь делает в честь сатинских бурханов обряд в первый раз, то он должен прежде всего сделать хурай так называемым уд э ш и б у р х а д («бурханам дверей») и просить, чтобы они приняли хурай, помогли приносителю во всем и походатайствовали у главных бурханов о милости и покровительстве.

Вышеупомянутым уд э ш и - б у р х а н а м делают три х у р а я в один день, один за другим; эти хурай делают следующим образом: прежде всего приготавливают нужные предметы для обряда, звериные шкуры, ш у н д а л г а с четырехцветным шелком, д а к т а, т а р м у р, в корытах и других посудах, необходимых для обряда; остальное делается точно так же, как описано в «Материалах».

На этих хураях допускается вино или тарасун, потому что удэши-бурханы пьют вино и тарасун.

Впоследствии через некоторое время, когда пожелает домохозяин, делают еще девять хураев, так называемые у кудинских бурят с а г а н и х у р а й, но только уже другим бурханам, которые тоже принадлежат к сатинским, только немного повыше и поважнее, чем первые у д э ш и - б у р х а н ы. Эти девять хураев делают точно так же, как первые три хурая, но только в продолжение трех дней; каждый день делают по три х у р а я; на этих хураях вино и тарасун строго запрещается; если кто пил вино или тарасун, тот не должен участвовать. В эти дни хозяин, шаман и другие присутствующие лица не должны пить вино или тарасун.

Когда делают вышеупомянутые девять хураев, то готовят следующие предметы для обряда: кобылье молоко, чай, картузный табак (простой не полагается), тарак, б о м х о й, девять тармулов, ш у н д а л г а с четырехцветным шелком, девять дакта, девять звериных шкур, девять корыт и пр. В юрте делают приготовленный обряд, а потом выходят на улицу, где делают главный обряд хурая; остальное так же, как описано в «Материалах».

Впоследствии желающие делают еще, но уже не хурай, а жертвоприношение животным; для этого прежде оскопляют барана, которого предварительно откармливают, чтобы был жирный; этого оскопленного барана колят в жертву высшим сатинским бурханам, которые, по словам кудинских бурят, считаются большими бурханами. Это жертвоприношение делают без вина и тарасуна, употребляют только кобылье молоко, чай, картузный табак и проч. При исполнении обряда наблюдается строгая точность; тщательно снимают шкуру с жертвенного барана, которую по окончании обряда вешают на березу.

Впоследствии тоже приносят в жертву оскопленного и также предварительно откормленного козла. Это жертвоприношение делается тоже без вина и тарасуна, как предыдущие. Но эти сатинские бурханы еще постарше прежних.

По словам кудинских бурят, совершают еще жертвоприношения самым высшим сатинским бурханам и колят тогда шесть оскопленных баранов и одного оскопленного козла. На счет этого жертвоприношения я не успел собрать более точных сведений.

26. Жертвоприношение восточным тэнгэринам и прочим заянам

Кудинские буряты совершают разные обряды в честь восточных тэнгэринов, а именно в честь Хамхир-богдо и Гужира делают хурай и жертвоприношения животными; вышеупомянутых тэнгэринов кудинцы обыкновенно называют у т х а - т э н г э р и. Совершают также обряды в честь жены

Хамхир-богдо-тэнгэрина Абахай-Тайжи-хатун, дочери Абарга-Саган-нойона; этот обряд обыкновенно исполняется в юрте, он называется «д а л а н г а т а х э р э к»; для жертвоприношения выбирают большую овцу, а также для обряда нужны саламат, бөмхө, вино, тарасун и проч. Это жертвоприношение делают как всем прочим восточным тэнгэринам и заянам. Главный обряд исполняется на улице; так называемый у бурят д а л а н г а после обряда вносится в юрту, где, после небольшого обряда, его съедают; тем и кончается обряд.

Кудинские буряты совершают также обряд в честь самого Эрлэн-хана.

В честь жены Эрлэн-хана, Эхэ-Нур-хатун, дочери Шанда-Саган-нойона, тоже бывают обряды, так называемые ш а р у h а т а х у р а й; они состоят в следующем; до совершения обряда приготавливаются точно так же, как пред обрядом всем восточным заянам; когда все приготовлено, после небольшого предварительного обряда, состоящего в брызганье тарасуном и вином, обыкновенно выходят на улицу, где и исполняют самый главный обряд х у р а й. При совершении его колют большую овцу, шкуру которой по обычаю вешают на березе, обращенной головою к востоку, рядом с березами хурая. Когда на улице кончится обряд хурай, то все входят в юрту, где вторично делают дополнительный обряд, так называемый у кудинских бурят ш а р у h а н, подобный обряду ш а р х а у балаганских бурят. В честь невестки Эрлэн-хана Эрхэ-Субен тоже делают обряд с большою овцою на улице.

27. Хэрык Төмөри-нойону

Жертвоприношение Төмөри-нойону обыкновенно совершают, как восточному и черному зайну, в темную и безлунную ночь черным бараном. Когда нужно делать это жертвоприношение, то, по обыкновению, приглашают хорошего черного шамана, который бы знал этот обряд; многие шаманы вовсе не знают его; нынешние шаманы успели уже позабыть его, а потому ныне этот обряд почти не делают. Когда придет шаман, то по указанию его хозяева приготавливают все нужные к обряду предметы. Для этого нужны тарасун и вино, курунга и жертвенное животное — черный баран; когда все это готово, шаман начинает брызгать тарасуном и вином, которые после брызганья выпиваются. После этого выходят на улицу на место жертвоприношения, неся все нужные предметы; по приходе на место обыкновенно хозяин садится на тургэ, немного сзади посуды, а курунгу, вино и тарасун ставят перед посудами. Жертвенное животное держит кто-нибудь около шире, а другие в з у г а разводят огонь и ставят котлы, налитые водой для варения мяса. Кроме того, в состав

этого обряда входит еще одно важное действие; когда приготавливаются в юрте, то по обряду этого жертвоприношения приготавливают небольшую наковальню и обыкновенный молоток; наковальню и молоток дают одному человеку из посторонних, который по выходе на улицу, когда придут на место жертвоприношения, обыкновенно садится немного правее тургэ; впереди себя он ставит наковальню, а в руке держит молоток, которым и бьет по наковальне во все время жертвоприношения; этому человеку дают еще в посуде вино или тарасун и чашку, в промежутках он выпивает и продолжает бить по наковальне. Этот человек носит название Бажир-Хара-нойон или же иногда называют его Балташи Бажир-Хара нойон.

Самое жертвоприношение происходит как обыкновенный хэрык. После некоторых приготовлений приступают к обряду с а с а л и б а р ь х а, по окончании которого колют жертвенное животное; мясо его варят в котле. Когда мясо сварится, часть мяса кладут в посуду, а другие части, по обыкновению, кладут около мухур ширея; на мухур-ширее разводят огонь. После этого шаман шаманит, призывая Төмөрши-нойона принять жертву; когда он кончит обряд «о н г о-у р а л х а», то едят мясо; кожу жертвенного животного не вешают на березу, а вместо нее вешают на березу заячью шкуру. Этим кончается обряд. Мясо жертвенного животного съедают тут же, остаток сжигают на мухур ширее. Потом уходят обратно домой; всю посуду оставляют на улице.

28. Зя гаргаха

У балаганских бурят обряд з я г а р г а х а делают по совету шамана или ворожеи; если шаман после ворожбы скажет, что в семье есть «зя», который ей сильно вредит, то «зя» нужно выгнать, в противном случае в семье будет какое-нибудь несчастье или сам отец семейства заболет и т.п. Тогда обыкновенно обращаются к шаману, он приезжает и приступает к совершению обряда з я г а р г а х а. Для этого делают из черной материи человека, кладут эту фигуру в чашку с водою и ставят около очага на стороне к двери. Потом тому человеку, от кого делают з я г а р г а х а, к ногам и рукам привязывают тоненькие шерстяные веревки (для этого сученые). Шаман начинает брызгать тарасуном и вином тем заянам, с помощью которых хочет выгнать из человека «зя». По окончании брызганья шаман шаманит, призывая покровительствующих заянов. В знак того, что заян прибыл, шаман падает на землю головою к двери; тогда тот человек, у которого есть «зя», три раза шагает через шамана и три раза плюет на него, после этого шаман зубами рвет привязанные к его ногам и рукам шерстяные веревки; их кладут в ту же чашку, в которой лежит

фигура человека. После этого чашку с водою, фигурой человека и веревками выносят из юрты, идут к северо-востоку и далеко от дома бросают. Тем кончается обряд з я г а р г а х а.

29. Жертвоприношение Эрхэ-Субену

Балаганские буряты делают жертвоприношение дочери Буха-нойон-бабая Эрхэ-Субен. Это жертвоприношение ничем не отличается от обыкновенного хэрыка, который делают разным восточным заянам. Хэрык к Эрхэ-Субен делают на улице годовалою овцою, шкуру которой не вешают на березе, а сжигают или кому-нибудь отдают, если найдется охотник взять. На толстой березе вешают по обряду заячью шкуру. Для этого жертвоприношения нужны тарасун, вино и курунга, также нужны наперсток, шило, иголка и ножницы; все это или шаман держит, который шаманит, или та женщина, от которой делают жертвоприношение; остальное делается как обыкновенный хэрык.

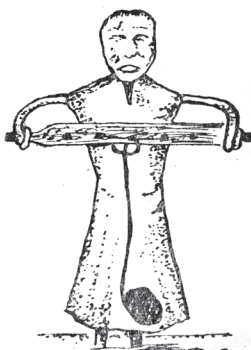
30. Хара хэрык

Прежние шаманы делали разные религиозные обряды в честь больших восточных заянов, нынешние шаманы вовсе позабыли их. Об этих обрядах ныне изредка только поговаривают старики и как-то неохотно, потому что боятся.

У балаганских бурят прежде исполнялся так называемый х а р а х э р ы к («черный хэрык»). Это жертвоприношение делалось в безлунную ночь черной овцой и исполнялось большим черным шаманом. Во время обряда, когда держали сасали, то в одной чашке держали деготь, а в другой вино или тарасун. Когда делали это жертвоприношение, то в землю вкапывали черную чашку вверх дном. Как об этом хара хэрыке, так и о некоторых других жертвоприношениях подробных сведений не собрано. Эти жертвоприношения делались только очень большим черным заянам, имена которых нынешние шаманы уже успели совсем позабыть.

В этой статье я поместил все сведения об обрядах шаманства, какие успел пока собрать, но существующий в народе материал весь этим еще не исчерпан. Я не успел еще собрать сведения об обрядах т э н г э р и д у д а х а, б у д а л д э г д э х э, з у х э л и г а р г а х а и о других. Кроме того, я не поместил здесь ничего о паломниках, о так называемых у бурят б ө л ө ш и н или д у л а ш и н; о них тоже не собрано мною сведений. Их было много: 1) Абагатан, так обыкновенно называют его буряты, настоящее же его имя было Мура-Хара-Мөнхөлжин; отец его был Идер-Нашин-Шитухэ, а мать Алакшин; 2) Балихай, 3) Өндөр-

дэрхи-өбөгөн-Идэрхэн Алхансаев, 4) «хорин-хоёр басагад» (двадцать одна девица) или «нагурда» или «зулатан», 5) «шумар» – Шарган-хоёр-шумар, 6) Омольго-заян, 7) мужчина Торехо и девица Торешка, 8) Ялахан и другие. Материалов для собрания, пожалуй, хватит еще на несколько лет.

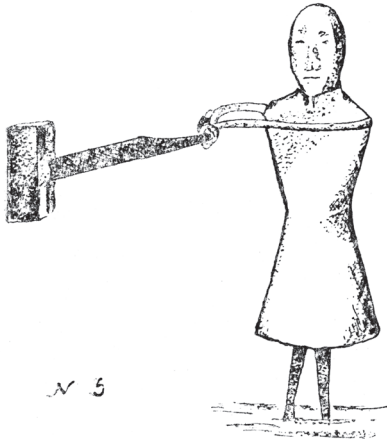
Кузнечные онгоны у балаганских бурят

№ 1. **Хан-Саган-нойон**, «хакнаги эжин». Человеческая фигура, держащая в руках железное орудие вроде большой напарь, опущенное отвесно режущим краем вниз Хагна – орудие вроде заступы в три пальца шириной, употреблявшееся для рытья сараны. Заступ этот имел трубку, которую насаживался на деревянный черень; на черне для упирания ноги один зубец с одной стороны, а не два с двух сторон, как в русском заступе. Ныне хагна вышла из употребления.

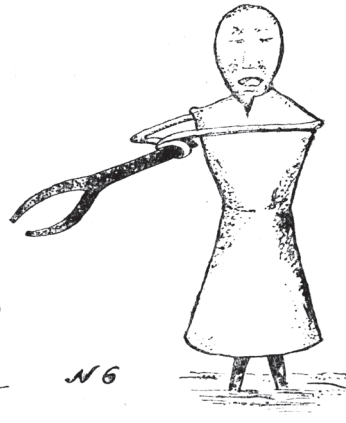
№ 2. **Шукши-Саган-нойон**, «сар таташин эжин». Держит в горизонтальном положении железную полосу, вдоль которой пробит ряд круглых отверстий; через одно отверстие пропущен конец проволоки. Это инструмент для вытягивания проволоки, по-бурятски с а р.

№ 3. **Сом-Саган-нойон**, «сулмари эжин». Держит в руках железный прут или пест в отвесном положении.

№ 4. **Хур-Хара-нойон**, эжин угля, «ноги (нурхэни) эжин». Держит в руках кусок деревянного угля.

№ 5

№ 6

№ 7

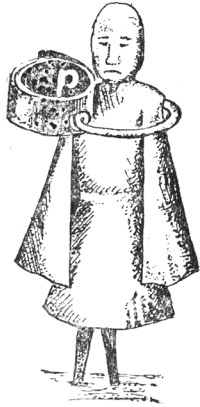
№ 8

№ 5. **Бажир-Саган-нойон**, эжин молота, «балтан эжин». Держит в руках железную фигуру, похожую на молот.

№ 6. **Ама-Саган-нойон**, эжин больших кузнечных клещей, «абарган эжин». Держит в руках железную полоску с раздвоением на внешнем конце, Абарга — клещи.

№ 7. **Хорь-Саган-нойон**, эжин меха, «horhon эжин». Держит в руках широкую железную полоску, согнутую вдвое; к сгибу припаяна железная трубка. Эта железная фигура, по-видимому, изображает мех.

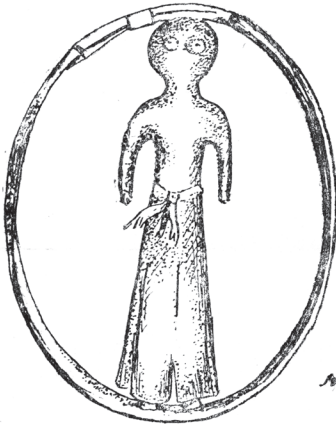
№ 8. **Дольто-Саган-нойон**, эжин наковальни, «дөшин эжин». Держит в руках модель наковальни, сделанную из двух железных пластинок.

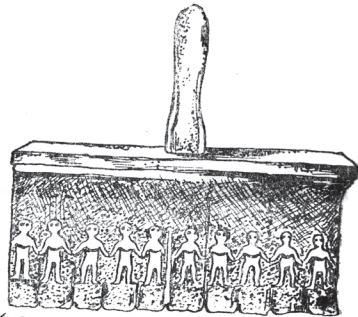
№ 9

№ 10

№ 11

№ 12

№ 9. Элик-Мулак-эгеши, (эгеши - «старшая сестра»). Держит в руках железную полосу, свернутую спирально.

№ 10. Хилман-Саган-нойон, эжин горна, «хихан эжин». Фигура с пустыми руками.

Все фигурки сделаны из железа; грудь и юбка сделаны из жести; грудная полость залита свинцом; сверху в свинец вставлена железная голова, снизу железный стержень, внизу раздваивающийся, чтобы изобразить две ноги. Руки сделаны из медной проволоки. Высота всех фигур одинаковая, от 10 см до 11,5 см. Женская фигура, представляющая сестру девяти кузнецов, отличается тем, что на плечи ее накинута плащ (из жести), и что все лицо ее (лоб, щеки, нос, борода) покрыто рябинами (ямочками), тогда как у братьев лица гладкие, и только вырублены ямки для обозначения усов и бровей.

Рисунки сделаны г. де Лазари с онгонов, пожертвованных в музей Отдела г. Хангаловым (записаны под №771).

№ 11. **Анда-бар**, онгон балаганских бурят. Имеет вид модели бубна; большой диаметр – 19 см, малый – 15 см. Состоит из деревянной обичайки и такой же вертикальной поперечины; последняя имеет вид человеческой фигуры с обозначением головы, рук и ног; фигура обшита в замшу, которая как будто обозначает одежду фигуры, но та же замша покрывает и голову и лицо фигуры; на лице к замше пришиты две белые бусинки вместо глаз. Фигура опоясана шелковым поясом.

№ 12. Онгон балаганских бурят, изображающий десять охотничьих онгонов, имена которых Эрхэ-Буриха, Эрхэ-Бэбэкшин и др. Состоит из деревянной линейки 20 см длиной, к которой прибит четырехугольный лоскуток замши; нижняя часть лоскута параллельными надрезами разделана на десять отдельных полосок или лент; к каждой полоске прикреплена вырезанная из белой жести человеческая фигурка, у которой вместо глаз нашиты голубые бисеринки. Сзади к середине линейки прикреплена рукоятка, конец которой заострен для укрепления в паз деревянной избы.

Последние два номера срисованы г. де Лазари также с онгонов, хранящихся в музее Отдела (под №410) и доставленных также г. Хангаловым.

ПРИМЕЧАНИЯ

I

1. **Зэгэтэ-аба - облава на зверей у древних бурят.** Статья впервые опубликована в «Известиях Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества», т. XIX, №3, Иркутск, 1888 г., стр. 1-26, с.1 табл. на вкл. л.

2. **Общественные охоты у северных бурят. (Зэгэтэ-аба - охота на росомах).** В предыдущей статье М.Н. Хангалов дал краткое описание облавных охот у бурят, в этой же – наиболее полное. Статья была для печати обработана Д.А. Клеменцом и дополнена им некоторыми сведениями об облавных охотах у бурят, собранными им лично, кроме того, им же написано введение. Впервые была напечатана в сб. «Материалы по этнографии России», под редакцией Ф.К. Волкова. Том 1. Изд. Этнографического отдела Русского музея, СПб., 1910 г., стр. 117-154, за двумя подписями: Д.Клеменц и М.Хангалов.

3. **Зэгэтэ-аба у кудинских бурят.** Публикуется впервые по рукописи, хранящейся в Рукописном отделе Бурятского комплексного научно-исследовательского института Сибирского отделения Академии Наук СССР БКНИИ, шифр: инв. №367, лл. 111-113.

4. **О бурятах, населяющих Иркутскую губернию, каких они племен и чем занимаются в настоящее время.** Публикуются впервые по рукописи Рукописного отдела БКНИИ, инв. М-1-128, лл. 40-61, с некоторыми сокращениями, главным образом за счет повторений.

5. **Рыболовство у бурят и Ухан-хат.** Ранее не была опубликована. Печатается по рукописи БКНИИ, инв. №355, лл. 257-262.

6. **Мои предки.** Печатается впервые по рукописи БКНИИ, инв. М-1-128, лл. 13-39, с небольшими сокращениями.

7. **Блюдо.** Небольшая заметка о находке на пашне старинного блюда хорошей сохранности. Блюдо это в настоящее время хранится в Республиканском краеведческом музее в г. Улан-Удэ. Заметка печатается по рукописи БКНИИ, инв. № 358, л. 122-й.

II

8. **Юридические обычаи у бурят.** Печатается по тексту, опубликованному в журнале «Этнографическое обозрение», т. XXI, №2, М., 1894 г., стр. 100-143.

9. **Некоторые нормы обычного права.** Печатается по рукописи БКНИИ, инв. №357, лл. 125-126.

III

10. **Несколько данных для характеристики быта северных бурят.** Статья печатается по тексту, опубликованному в журнале «Этнографическое образование», т. X, №3, 1891 г., стр. 144-165.

11. **Молочное хозяйство у бурят.** Статья была напечатана в «Известиях Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества», т. XXXI, № 1-2, Иркутск, 1900 г., стр. 118-149. Текст печатается без изменений.

IV

12. **Свадебные обряды у бурят.** Печатается по рукописи БКНИИ, инв. №357, лл. 73-78.

13. **Свадебные обряды и обычаи у верхне-кудинских бурят Верхотенского уезда.** Статьи печатаются по рукописи БКНИИ, инв. №365, лл. 10-15.

14. **Национальный праздник у бурят.** Была напечатана без подписи в «Известиях Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества», т. XI, №3-4, Иркутск, 1880 г., стр. 30-34.

15. **Национальный танец «хатарха».** Печатается по рукописи БКНИИ, инв. № 366, лл. 269-271.

V

16. **Материалы для изучения шаманства в Сибири. Шаманство у бурят Иркутской губернии.** Статья написана М.Н. Хангаловым совместно с Н.Н. Агапитовым и напечатана впервые в «Известиях Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества», т. XIV, № 1-2, Иркутск, 1883 г., стр. 1-61, с тремя таблицами рисунков на вкл. л. и одной фотографией шамана. В настоящем издании статья печатается без изменений вместе с таблицами, за исключением фотографии шамана, которую по техническим причинам воспроизвести не было возможности.

17. **Новые материалы о шаманстве у бурят.** Печатается по тексту, опубликованному в «Записках Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества по этнографии», том II, вып. 1, Иркутск, 1890 г., (I) + 144 + II стр., с тремя таблицами рисунков на вкл. лл.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- бох.* — боханский говор бурятского языка
букв. — буквально
бур. лит. — современный бурятский литературный язык
бур. нижеуд. — нижеудинский говор бурятского языка
в бур. орф. — в бурятской орфографии
в знач. — в значении
диал. — диалект
д. б. — должно быть
зап.-бур. — западно-бурятский диалект бурятского языка
м. б. — может быть
Манж. — Манж. И.А. Словарь бурятских шаманистических и дошаманистических терминов. — М., 1981.
перен. — переносное употребление, переносное значение
сел. — селенгинский говор бурятского языка
см. — смотри
т. н. — так называемый

УКАЗАТЕЛЬ БУРЯТСКИХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

В трудах М. Н. Хангалова довольно часто встречаются бурятские слова, выражения, поговорки, песни, шаманские призывания (последние в отрывках, а иногда и целиком). При этом автор передавал бурятские слова русскими буквами с добавлением для некоторых звуков бурятского языка диакритических знаков. Система транскрипции, применявшаяся М.Н. Хангаловым, отлична от русской академической транскрипции, употреблявшейся русскими востоковедами, и не может быть воспроизведена в настоящее время ввиду отсутствия в местных типографиях соответствующих транскрипционных знаков. Поэтому в нашем издании мы внесли частичные изменения в транскрипцию М.Н. Хангалова. Эти изменения касались следующих случаев: 1. Замена буквы *х* с двумя точками над ней на *h*; 2. Замена буквы *о* и *у* на □ и □; 3. Замена буквы *о* на □ в тех случаях, когда не было сомнений в произношении соответствующего слова; 4. Замена *о* на *э* в слове *м о р г о н* — «меткий стрелок», «мудрый», «витязь», феодальный титул — на *м э р г э н*. Почему М.Н. Хангалов во всех своих статьях, как изданных, так и оставшихся в рукописи, пишет *м о р г о н* вместо *м э р г э н*, непонятно, — во всех монгольских языках и в бурятских диалектах употребительно *м э р г э н*; 5. Слово *т а й л г а н* (шаманская религиозная церемония) у Хангалова встречается в двух формах иногда даже в одной и той же статье: с сохранением дифтонга *ай* в форме *т а й л г а н* и без дифтонга с долгим гласным *а*, но без обозначения долготы, в форме *т а л г а н*. В нашем издании мы предпочли первую форму, как общепринятую в русской научной литературе, в бурятских же текстах мы оставили так, как написано самим автором.

К сожалению, М.Н. Хангалов в своей транскрипции не отмечал долготы гласных и не был последователен в применении принятой им системы, что привело к разнობою в передаче одних и тех же слов.

Оставляя в неприкосновенности написания бурятских слов, принятые М.Н. Хангаловым в его работах, за исключением оговоренных выше случаев, мы сочли полезным дать в конце настоящего тома указатель бурятских слов и выражений, указатель племенных и родовых названий, а также имен собственных и географических названий с указанием принятой в настоящее время орфографии в современном бурятском литературном языке.

Изменения и дополнения к указателю бурятских слов и выражений внесены Б. Д. Цыреновым, кандидатом филологических наук.

А

- а б! – возьми! 24, 210; бур. лит. а б.
- а б, о р о р ш и! – возьми, благословитель 214; бур. лит. а б, ү р е э л ш э.
- а б а – взял 164, 167; бур. лит. а б а а.
- а б а – облава на зверей 16, 87, 88.
- а б а г а – дядя по отцу 164; бур. лит. а б г а.
- а б а г а н-э з и – тетя по отцу 164; бур. лит. а б г а э ж ы.
- а б а р г а – клещи 445; бур. лит. а б а р г а.
- а б а р г а з а г а х а н у н а т а н – ездающие верхом на ките 153; бур. лит. а б а р г а.
- а б а р г а н э ж ы н – хозяин клещей 443; бур. лит. а б а р г ы н э з э н.
- а б а-х а й д а к – облавная охота 44, 77, 86; бур. лит. а б а х а й д а к.
- а б а х а й – девушка высокого происхождения 334; бур. лит. а б х а й.
- а б г а л д а й (а б а г а л д а й) – маска, личина, изображающая онгон 303; бур. лит. а б г а л д а й.
- а б а л а х у – делать облаву 44; бур. лит. а б л а х а.
- а б л а х а – 44; см. а б а л а х у.
- а д а – дух, оборотень, насылающий детские болезни и детскую смертность 272, 273, 274; бур. лит. а д а.
- а д а н г у ш а н а д а н – пересмешник (назв. народной игры) 25; бур. лит. а д а н-г у у ш а н а а д а н.
- а д а н а с а г а л х а – подносить чашки с курунгой к губам жертвенного животного 422; бур. лит. а д у у н а с а г а л х а.
- а д а н г у ш а – пересмешник 391; бур. лит. а д а н г у у ш а.
- а д у – табун, скот 78; бур. лит. а д у н.
- а д у г а р б а г и н, а ш а р у н э р – богат скотом и внуками 33; бур. лит. а д у-г а а р б а я н, а ш а а р ү н э р.
- а д у х а н и-с э р г э – столбы (коновязи) для привязывания жертвенных животных 310, 311; бур. лит. а д у х а н а й с э р г э.
- а з а р г а – жеребец 310; бур. лит. а з а р г а.
- а з а р г а-с э р г э – “береза, выкапываемая с корнями для обряда посвящения шамана” 310, 312; бур. лит. а з а р г а с э р г э.
- а з а р г а н а – трава 21, 173.
- а й г а – чаша, чашка 174; бур. лит. а я г а.
- а й х а – шаманская рожа 320; бур. лит. а й х а.
- а л б а н – подать 378; бур. лит. а л б а н.
- а л ь б и н-з я – фигурка человека с наговором 275.
- а л б а н д а х э б т э – заболел оспой 379; бур. лит. а л б а н д а х э б т э э.
- а л т а н с а б а – «золотая чаша» 32; бур. лит. а л т а н н а б а.
- а л т а н т о л и – золотое зеркало 33; бур. лит. а л т а н т о л и.
- а л х а – убить 261; бур. лит. а л а х а.
- а л ь б и н б э э р э о р о – вошел в тело альбином 373; по Хан. «душа тела была»; в бур. орф. а л ь б а н б э э р э э о р о о.
- а л ь б и н – особая категория духов 373; волшебник, чародей, колдун; бур. лит. а л ь б а н.
- а л ь б и н и б э р х э – ловок альбин 373; в бур. орф. а л ь б а н б э р х э.
- а л ь б и н-б о х о л д о й – 373; бур. лит. а л ь б а н б о о х о л д о й.
- а л ь б а н и с у г л а н – собрание духов-альбинов 304; бур. лит. а л ь б а н а й с у г л а а н.

альбины харгу — дорога альбинов 375; бур. лит. альбанай харгы.
ама саган — «белый рот» 18; бур. лит. ама сагаан.
амадажи — захав вперед, опередив 365; бур. лит. амадажа.
аман — рот 151, 249; бур. лит. аман.
амани ба — «приплод от скота, данного в калым, который остается у невесты в случае расстройтва свадьбы и возврата калыма» 165; в бур. орф. аманай баа.
амилха — вдохнуть жизнь, оживить 311; в бур. орф. амилха.
амташи — название растения, употреблявшегося раньше бурятами в качестве приправы к пище 21; в бур. орф. амташа.
амхур — палочка для измерения крепости тарасуна во время его перегонки 200, 201; бур. лит. амһуур.
амһан — название кушанья из зерен и молока 188, 189, 204, 205, 359, 418, 425, 426, 431.
ан гахай — кабан 62; бур. лит. ан гахай арабха — “порча в курунге”; в бур. орф. арабха.
ара бидэ — 248.
арабката — курунга, испорченная заянами 199; в бур. орф. арабхатай.
аранга — помост, на котором хоронят шамана, а также любой другой помост, подмостки 202, 304, 321, 322, 326; бур. лит. аранга.
арахо-раху; у индусов демон Раху 257; бур. лит. араха.
арбан орхо атагат, хорин өрхө хотогот — десять семей атагатов, двадцать семей хотоготов (названия племен) 349; бур. лит. арбан үрхэ атагад, хорин үрхэ хотогод.
арбин далан — жир на брюхе и загривке лошади, деликатес 427; бур. лит. арьбан далан (парн.).
ардайн зэгэтэ аба — ардайская облавная охота 2; бур. лит. ардайн зэгэтэ аба.
арса — арса, молочный продукт 125, 202, 203, 204; бур. лит. аарсан.
арсан уяхан торхо — берестяной тус под арсу 202; бур. лит. аарсын үйһэн торхо.
арсата тибэһэн — луковица сараны, сваренная в арсе 204; бур. лит. аарсатай тибһэн.
архидаха — пьянствовать, кутить; здесь — гостить у родственников жениха непосредственно после свадьбы (о родственниках невесты) 122, 161; в бур. орф. архидаха.
архидашин — родственники невесты, гостящие у родственников жениха 161; в бур. орф. архидашан.
арһан — шкура, кожа 393; бур. лит. арһан.
архи — молочная водка 182, 341; бур. лит. архи.
архинши — пьяница 390; бур. лит. архинша.
арюлха — очищать 410; бур. лит. арюулха.
арюр — сушеный творог 203; бур. лит. ааруул.
аряха — рассыпать 199; бур. лит. ариха.
асар-жалган-хур — асар жадгайская стрельба из лука (состяжание) 222; в бур. орф. Асар жалгын һур.
аситаши — многолетнее растение, кустарник, корни которого употребляют в пищу, часто жуют в сыром виде 173; в бур. орф. асаташа.
атхар-дурэн жидо, ара дурэн зала — полная горсть жодо (пихты), за спиной полно лент 312; бур. лит. адхаар дүүрэн жодоо, араар дүүрэн залаа.

аха — старший брат; старший 164, 402; бур. лит. аха.

аха — 309; см. айха.

аха-басаган — старшая дочь 164; бур. лит. ехэ басаган.

аха-бэргэн — жена старшего брата 165; бур. лит. бэригэн; абгайхан.

аха-хөбун — старший сын 164; бур. лит. ехэ хүбүүн.

ашая таниха угэй унэр, адуха таниха угэй багин — богат настолько, что скот свой не узнает, и многодетен, что внуков не узнает 337.

аша-басаган — внучка 164, племянница.

аша-хөбун — внук 164, 165, племянник.

аяха — 300, 309; см. айха.

Б

бабаган-надан — медвежья пляска 24; в бур. орф. баабгайн наадан.

бабаган-онгон — медвежий онгон 211, 267, 275; бур. лит. баабгайн онгон.

бабай — отец 164; бур. лит. баабай.

бабай — медведь 394; бур. лит. баабгай.

бага-басаган — младшая дочь 164; бур. лит. бага басаган.

бага-хобун — младший сын 164; бур. лит. бага хүбүүн.

багилык — футляр для стрел 22; в бур. орф. башалаг.

багин — богатый 235; бур. лит. баян.

багин хүүнэр бү тэмсэлсэ, хүштэ (батар) хүнэр бү таталса — не спорь с богатым, не дерись с сильным 115; бур. лит. баян хүнээр бү тэмсэлсэ, хүшэтэй хүнээр бү таталса.

багла — вязанка 381; в бур. орф. баглаа.

багшин-хур — багшинская стрельба из лука 222; в бур. орф. багшын һур (харбаан).

база — свояк 165; бур. лит. база.

балта — молот, кувалда 244; бур. лит. балта.

балтанэжин — хозяин молота 443; в бур. орф. балтын эзэн.

балаган — 169, 210, см.: булгаһан.

бальширгана — борщевик сибирский, чемерица 21, 173; бур. лит. балшаргана.

бар — бубен (монг.) 284; бур. лит. хэсэ.

барбагай — лодыжка 175; бур. лит. барбагай, бэрбэгы.

барлаг — раб 61; бур. лит. барлаг.

барунгарин жолоши боло — стал жолоши правой руки, перен. стал близким человеком 246; бур. лит. баруун гарай жолоошон болоо.

барун-тала — правая, западная сторона 178, 213; бур. лит. баруун тала.

барунгарта балтая барьхан — в правой руке державшие молот 248.

барунгарин жолоши боло — самое близкое лицо с правой руки 250.

баруни — правый, западный 333; бур. лит. баруун ай.

баруни бурхад — западные боги 359, 361; бур. лит. баруун ай бурхад.

баруни хардаг — западные сардыки, местность в тункинских горах 252; бур. лит. баруун ай харьдаг.

баруни хонгодор – западные хонгодоры 359, 361; бур. лит. барунай хонгоодор.

барун-хат – западные хаты 174; баруун хат.

барьса – место для подношения духам, где устанавливаются деревянные или каменные столбы (Манж., 22) 244, 289, 317, 319; бур. лит. бариса.

баряши – держащий 155; бур. лит. баряша.

басаган – дочь 164, 402; бур. лит. басаган.

басагани за халта – приданое невесты 128; бур. лит. басаганай за хал.

батор – богатырь 46; бур. лит. баатар.

бахарган – название особого наконечника стрел 171.

бахин – укоротив (повод) 351.

башлык – кожаный мешок, емкость 174; бур. лит. башалаг.

боги мэнсэ – плата шаману за совершение обряда и т.д. 289; бур. лит. бөөгэй мэнсэ.

бодо – жидкость, остающаяся после перегонки тарасуна 125; бур. лит. бозо.

бозо – 201, 202, 203; см. бодо.

болто – название прически 182; бур. лит. боолто.

болыуха эжилхэн – букв., сделаться покровителем 251.

больжушины – 283.

болур – шаманящие 335; в бур. орф. бөөлүүр.

бомко – 195; см. бон.

бомо – сибирская язва 373, 377; бур. лит. боомо.

бомонхорхон – название корня какой-то травы, употреблявшейся для лечения сибирской язвы 377; в бур. орф. боомынһорһон(?).

бомхой – 292, 437; см. бон.

бон – особые лепешки, приготовленные из толченых корней и звериного жира 195, 196, 206, 221.

боро-шарга – один из больших восточных зайнов 373.

борохон – дождик 354; бур. лит. уменьш. от бороон; бороохон.

боро-хусан-эжин – хозяин серого барана 373; бур. лит. борохусынээн.

бохо – 238, 259; см. бөхө.

бохолдой – особая категория духов 55, 156, 157; бур. лит. боохолдой.

бөө – шаман 298.

бөгихайдаһан – “шаманский пай мяса” 65; бур. лит в бур. орф. бөөгэй хайдаһан.

бөгинархан – шаманская сосна, выбранная для помещения обгоревших костей шамана 319; бур. лит. бөөгэйнарһан.

бөлөхө – шаманить, камлать 335; бур. лит. бөөлэхэ.

бөлөшин – “паломник” 440; бур. лит. бөөлөөшэн.

бөмхө – “какое-то кушанье”, по-видимому, то же, что бөөн 28.

бөн – 21, 69, 173, 351; см. бон.

бөрөн – осенний и зимний туманы 344; в бур. орф. бүрэн.

бөхө – богатырь 184, 274; бур. лит. бүхэ.

бубэнадан – название народной игры, изображающей няньку с ребенком 25; бур. лит. бүүбэйнаадан.

бугаг – браслет 70; бур. лит. бугаг.

буганзада – ненастье во время гона изюбрей 337; бур. лит. бугынзада.

бугуля — аркан 334; бур. лит. бугуули.
будал — молния, ударившая в землю или дерево 362; бур. лит. буудал.
будал — спуск 336; бур. лит. буудал.
будал-дэгдэхэ — название обряда 440; в бур. орф. буудал дэгдээхэ.
будал утхатай — имеющий происхождение от молнии (о шамане) 303, 304; бур. лит. буудал удхатай.
будан — название растения 205; бур. лит. в бур. орф. будан, м. б., будаа.
будля — “омовение” 256; бур. лит. в бур. орф. будалаяа.
будургу — мелкий снег 235; бур. лит. бударган.
булак — ключ, родник 365; булаг.
булгaн — балаган, шалаш 170; бур. лит. балгаан.
булур — узкая высокая кадушка 196, 197; бур. лит. бүлүүр.
бумал-бурхан — явленный, спустившийся бог 244, 270, 292, 293; бур. лит. буумал бурхан.
бумал-дэгдэхэ — 336; см. будал дэгдэхэ; бур. лит. буудал дэгдээхэ.
бумал саган шулун — белый метеорит 370; бур. лит. сагаан буумал шулуун.
бумал-шулун — метеорит 270, 271, 304, 338, 340; бур. лит. буумал шулуун.
бумал-бурхан 267, 270, 288-289; см. бумал бурхан.
бун — видимо, здесь опечатка, д. б. зун — лето 383; бур. лит. зун.
бурхан — бог, бурхан 258, 333, 356; бур. лит. бурхан.
бурхат — мн. ч. от бурхан 356; бур. лит. бурхад.
буха — пороз 395; бур. лит. буха.
буха — спускаться 336; бур. лит. бууха.
бухан 248.
бурят хуни тухэ, булгат хуни заябари, Хан-элгей худал, сагдул модон шорголхо, саган элхэн холболбо 252.
буха дорхо олодохон Булагат — Булагат, найденный под порозом 350; бур. лит. в бур. орф. буха дорһоо олоһон Булгад.
буха-онгон — посвященный бык 267, 275; бур. лит. буха онгон.
бухар шараномо — богатырский желтый лук (постоянный эпитет лука) 171; бур. лит. бухайр шараном.
бухэк — 21, 95, 169; см. бүхэг.
бухэхэ — наклоняться, нагибаться 21, 169; бур. лит. бүхыхэ.
бүхэг — шалаш 17, 91; бур. лит. бүхээг.
быдэк — бегающий 371, 373; бур. лит. гүйдэг.
былгэ — гадание на зернах 297.
быхэ — бегать 363, 371; бур. лит. гүйхэ.
бэлэ — рукавицы 170; бур. лит. бээлэй.
бэхэ — 373; см. быхэ.
бэрэ — невеста 165.
бэргэн — жена старшего брата 165.
бэри — 182; см. бэрэ.
бэлэбши — юбка из волчьих лап 221.

Г

- газада далай – внешнее море 30; бур. лит. гадаада далай.
газар – земля 155; бур. лит. газар.
газарша, газарши – “проводник, путеводитель” 17, 19, 28, 58, 64, 78, 91, 154, 155, 234; бур. лит. газарша.
гал – огонь 19, 272; бур. лит. гал.
гал будал – молния 339; бур. лит. гал буудал.
гал тарим – букв. “огненное заклинание” 413-419; бур. лит. гал тарим.
галар буха – то же, что гал будал 338; бур. лит. галаар буха.
галахи – шестая чаша вина, подаваемая больному во время совершения обряда 289.
гал-гэм – одна из девяти болезней, посылаемых восточными тэнгэринами 377; в бур. лит. гал гэм.
галин унтарра – букв. огонь (его) погас, перен. (его) род прервался 350; бур. лит. галын унтарра.
гали-эжин – хозяин огня, именуемый еще Сахяда 241, 243, 244, 279, 288, 293; бур. лит. галай эзэн.
галша, галши – главный распорядитель облавной охоты 19, 28, 59, 60, 62, 66, 74, 75, 77, 82, 91, 148, 149, 150, 152, 153, 154, 155, 159, 186, 187, 188, 209, 210, 212, 213, 233; бур. лит. галша.
галша хун – 148; см. галша; галша хун.
ганга – 406; см. ганга-өбөһөн.
ганга – богородская трава 199.
ганза, ганзу – курительная трубка 340, 391; бур. лит. ганза.
гар – рука 155; бур. лит. гар.
гар баряша – проводник 19, 28, 154; в бур. орф. гар баряша.
гар баряша хоёр – два проводника 151; бур. лит. гар баряша хоёр.
гарбул – происхождение 362; бур. лит. гарбал.
гаргаха – выводить 151; бур. лит. гаргаха.
гахай – свинья 395; бур. лит. гахай.
гахай-онгон – шаманская пантомима, изображающая действия свиньи (букв. свиный дух) 394; бур. лит. гахай онгон.
гахана – лопаточка для выкапывания корней 23, 174; бур. лит. гаһана.
гер сагалха – название обряда “гэр сагалха” 438; бур. лит. в бур. орф. гэр сагаалха.
годили – стрела 171; бур. лит. годли.
годили хэрэ – острога для ловли мелких рыб 103; бур. лит. годли һэрээ.
годиһо суглулаши онгон – название игрового онгона 394; бур. лит. в бур. орф. годиһо суглулааша онгон.
годиһон – унты 394; бур. лит. годиһон.
голто зүрхэн – аорта, (м.б.) осердие 422; бур. лит. зүрхэнэй гол.
гохо – удочка 103, 174; бур. лит. гохо (хахуули).
гохо – багор 102, 256; бур. лит. гохо.
гөгөхөнө – бодяк полевой (осот розовый) 21, 173; бур. лит. гүгэһэн.
гөдөхөн – унты 21; бур. лит. гүгэһэн.
гужир – перен. очень 336; хужар.
гужир багин – очень богатый 336; бур. лит. в бур. орф. хужар баян.

гузен — рубец 406; бур. лит. гүзээн.
 гули — желтая медь 276; бур. лит. гуулин.
 гулинсак — праотец, прапрадед 164; бур. лит. хулинсак.
 гультэр 257; см. гүльмэр.
 гүльмэ — волосяные сети, волосяной невод без мотни 22, 71, 103, 174, 175; бур. лит. гүльмэ.
 гүльмэр — ящерица 257; бур. лит. гүрбэл.
 гумгэ — возможно, глубина 257.
 гун — глубина, глубокий 257; бур. лит. гүн.
 гур — верша из тальника 22, 71, 102, 103, 174, 175, 256; бур. лит. гүр.
 гурбан — три 339, 344; бур. лит. гурбан.
 гурбан орорша өбөгөд — три старца-благопожелателя 221; бур. лит. гурбан
 үрөөлшэ үбгэд.
 гур-баргахан — 310; см. гур бургахан.
 гур-бургакхан — береза, употребляемая при посвящении шамана; в бур. орф. гүр бургахан.
 гурэлгэ — заквашивание 191, 192; бур. лит. бүрэлгэ.
 гуши-басаган — правнучка 164; гуша басаган.
 гэшигэнэ — лапчатка гусиная 21, 173; бур. лит. гэшэгэнээн.
 гэшугэнэ — трава 173, 195.
 гэрэл — зеркало 257.
 гушир-хун — солидный человек 336.
 гуши-хөбун — правнук 164; бур. лит. гуша хүбүүн.
 гүльмэ — рыболовная сеть 62, 256; бур. лит. гүльмэ.
 гүр 66; см. гур.
 гэм — болезнь 375; бур. лит. гэм.
 гэрдэхэ — ловить рыбу вершей, лучить 174; бур. лит. гүрдэхэ.
 гэр-мяхан — “мясо, посылаемое в подарок родным” 114.

Д

дадын эжин — хозяин долины 268, 369; бур. лит. дайдын эзэн.
 дадын жирэлгэ — марево 268; бур. лит. дайдын зэрэлгээн.
 даланга хурулаши хулга — “ведро для мяса даланга” 188, 409, 428, 429, 432; в бур. орф. даланга хурулаша нуулга.
 даланга хурулха — название обряда 423, 425, 438; бур. лит. даланга хуруулла.
 далангата хэрэк — обряд жертвоприношения мясом 409, 438; бур. лит. далангата хэрэг.
 даланмиралга — рябь на поверхности моря 268; бур. лит. далайн миралга.
 далан төргөд — “нарыв” 376.
 далан-эжин — хозяин моря 260, 369; бур. лит. далайн эзэн.
 дали — крыло 319, 320; бур. лит. дали.
 дали — пристройка к юрте 274; бур. лит. дали.
 дамжурга — лестница 380; бур. лит. дамжуурга.
 дангур — мясо, оставшееся на костях после варки 65.
 дарга — начальник 189; бур. лит. дарга.
 дархан — кузнец 248; бур. лит. дархан.
 дахта — в шубе 296, 436; бур. лит. дахатай.
 даху — доха 21; бур. лит. даха.

дахул – “души умерших бедных мужчин и молодых женщин” 272; бур. лит. да ху ул.
дзы – “свистящая стрела” 40.
далан халиһан – 21, 173; см. далан халиһан; долоон хальһан.
даланга – разделенное между участниками тайлгана мясо жертвенных животных 65,
161 188, 290, 292, 314.
дакта, дахта – туес из бересты 310, 311.
дайбанот дайбагар 335.
дайбагархун (дайбагаршубун) – высокий плечистый человек 335.
долө 156.
дүлю 157.
дөши-хөбун – правнук 164.
дөле 275.
долё – обряд замены души больного человека душой какого-либо животного или другого
человека 376, 416, 417; бур. лит. долёо.
долье – волна 257; бур. лит. долгин.
домбо – кувшин 273, 318, 319; бур. лит. домбо.
доши – наковальня 248; бур. лит. дүшэ.
дошкин – пугливый 257; бур. лит. дошхон.
дөши-басаган – правнучка 164; бур. лит. дүшэ басаган.
дөшинэжин – хозяин наковальни 248, 443; бур. лит. дүшынэзэн.
ду – младший брат, младшая сестра, младший 164; бур. лит. дүү.
дубасаган – младшая сестра 164; бур. лит. дүү басаган.
дуһа – капать, брызгать (подношение) 176; бур. лит. дуһаха.
дугу – красные и синие нити, соединяющие ритуальные березы во время обряда пос-
вящения шамана; это своеобразный мостик, символизирующий путь шамана к тэнгери́нам
310, 311; бур. лит. в бур. орф. дугы.
дудаха – призывать 161, 178; бур. лит. дуудаха.
дулаху – “петь” 305; бур. лит. дулаха.
дулашин – “паломники” 440; бур. лит. дуулашан.
дулашный – “готовящийся в шаманы” 305.
дунда хөбун – средний сын 164; бур. лит. дунда хүбүүн.
дунда һүнһэн – “средняя душа” 56; бур. лит. дунда һүнэһэн.
дунда-басаган – средняя дочь 164; бур. лит. дунда басаган.
духарян – “обычай пить вино из чарки, передаваемой по кругу” 79, 161; бур. лит.
духарян.
духаха – 174; см. дуһа.
духаху – 212, 229; см. дуһа.
ду-хөбун – младший брат 164; бур. лит. дүү хүбүүн.
дуһаху – 182, 207; см. дуһа.
души дарьха – принесение в жертву огню кусочков мяса 212.
дэглэ – накидка, безрукавка 170, 183, 221, 231; бур. лит. дэгли.
дэгурэ дибулхэбэб, догура шоргулхабэб удэрэ урулхабэб – не
дам размахивать над собой, не пропушу под собой, в дверь не пушу 293; бур. лит. дээгүрээ
дэбюулхэгүй, доогуураа шургуулхагүйб.
дэгэ – крючок 179, 214, 253; бур. лит. дэгээ.
дэлхэнэжин – хозяин земли 268; бур. лит. дэлхэйнэзэн.
дэлһэн – грива (у лошади) 352; бур. лит. дэлһэн.

дэрбэлгэ – белая волосяная веревка 420, 421.
дэши барьха – брызгать 28, 178, 182, 425; бур. лит. дээшэ бариха.

Е

ерэн ехон адухан, ехэ тэмэн – 99 голов скота, большой верблюд 163; бур. лит. ерэн юһэн адуһан, ехэ тэмээн.

ехон шухан-тэнгэри – девять кровавых тэнгэри 240; бур. лит. юһэн шуһан тэнгэри.

еһон тарим – девять заклинаний 413-415; бур. лит. юһэн тарим.

еһон хөбүд – 9 сыновей 428; бур. лит. юһэн хүбүүд.

еһон хурмэ – название присутственных мест Эрлэн хана 374; в бур. орф. юһэн хүрмэ.

еһэн-шуһан-хат – 9 кровавых хат 371; бур. лит. юһэн шуһан хад.

Ж

жада – копые 70, 172; бур. лит. жада.

жодо – пихта (пихтовая кора) 58, 59; бур. лит. жодоо.

жип – мясо, оставшееся на костях 65.

жолоша, жолоши – держатель повода 74, 149, 250; бур. лит. жолоошо.

жидо – см. жодо 290, 310, 311, 312, 314, 410, 421.

З

зада – ненастье, ветер с дождем или снегом 337; бур. лит. зада.

занги – старший распорядитель караула 124.

задан-улан-шулуун – особый камень, при помощи которого, по верованиям шаманистов, можно вызвать зада 337; бур. лит. задын улаан шулуун.

зайһан-ноён – помощник тайши, зайсан 166; бур. лит. зайһан ноён.

зала – петушиный гребень 253; бур. лит. залаа.

зала – кисть из лент 263, 300; бур. лит. залаа.

зала зухэ – обычай повязывать ленты или платки всем родным жениха 179, 214; бур. лит. залаа зүүхэ.

залга – брак вдовы с братом мужа или другим родственником мужа 164, 167; бур. лит. в бур. орф. залга.

залма – жертвенник 256, 355.

занга буруда – переменялся в характере 436; бур. лит. зангаа буруудаа.

зангила – узлы 406; бур. лит. зангилаа.

зарин – высшая степень шамана 250; бур. лит. заарин.

заря-азарга – ёж-самец 267, 268; бур. лит. заря азарга.

захаха – поправлять 155; бур. лит. заһаха.

захул – есаул, глава рода 19, 28, 91, 155, 156; бур. лит. заһуул.

заһаһан басаган – невеста с приданным 128; бур. лит. заһаһан басаган.

заян – низшие божества 82, 174, 205, 213, 251, 275, 293, 297, 305, 318, 325, 326, 333, 334, 335, 338, 339, 340, 341, 342, 344, 345, 346, 347, 352, 356, 361, 364, 369, 371, 373, 374, 376, 377, 386, 396, 398, 399, 404, 405, 407, 408, 409, 411, 413, 417, 430; бур. лит. заяан заян – “творец”; бур. лит. заяан.

з а я ш и – “первая, хорошая душа” 55; бур. лит. з а я а ш а.
з е л и – веревка из конского волоса с воткнутыми железными палками 158, 159; в бур. орф. з э э л и.
з о к д о р – грива, длинная шерсть на шее верблюда 163; бур. лит. з о г д о р.
з о н и а р х и – “общественная водка” 219; бур. лит. з о н о й а р х и.
з о н и х а й д а һ а н – “обрезки жертвенного мяса, выделенные для всех присутствующих” 65; в бур. орф. з о н о й х а й д а һ а н (или х а я д а һ а н).
з о х о х у р я г а ш и т о р х о – лукошко для собирания сметаны 194; бур. лит. з ө ө х э й х у р я г а а ш а т о р х о.
з о х о н у һ а н – вода, выделяющаяся из сметаны 194; в бур. орф. з ө ө х э й н у һ а н.
з о ш и н – гость 161; бур. лит. з о ш о н.
з ө х ө – вареная сметана, саламат 413; бур. лит. з ө ө х э й.
з у н н а й м а н з о л т о й – “со 108 счастьями” 360; бур. лит. з у у н н а й м а н з о л т о й.
з у г а – яма для костров 66, 420, 429, 430, 438; бур. лит. з у у х а.
з у х э л и г а р г а х а – 470; см. з у х э л и г а р г а х а.
з у л а т а н – название онгона “22 девицы” 443; в бур. орф. з у л а т а н или з у л а й т а н.
з у н г а р т а о л о р б о е б а р ь х а н – в левой руке державшие клещи 248.
з у н ж о р г о н а д у х а н, з о к д о р т о т э м э н – 106 голов скота, гривастый верблюд 162; бур. лит. з у у н з у р г а а н а д у у һ а н, з о г д о р т о т э м э э н.
з у н и – восточный 333; бур. лит. з ү ү н э й.
з у н и б о р о - ш а р г а – название одного из восточных хатов 373; в бур. орф. з ү ү н э й б о р о ш а р г а.
з у н и х а т – восточные хаты 369; бур. лит. з ү ү н э й х а д.
з у р а г – рисунок (схематичное изображение онгона на материи и т. д.) 102; бур. лит. з у р а г.
з у р а к – 277, 281, 284, 295; см. з у р а г.
з у р а к т а н а – 102, 281, 283.
з у т а р а н с а – чай с поджаренной мукой 205, 206; бур. лит. з у т а р а а н с а й.
з у х э л и – 314; см. з ү х э л и г а р г а х а.
з у х э л и - г а р г а х а – вывешивать шкуру жертвенного животного 188, 189, 336, 419; бур. лит. з ү х э л и г а р г а х а.
з ү р х э л һ э н х ү н б ө б о л х о – отважный человек станет шаманом 115; бур. лит. з ү р х э л һ э н х ү н б ө ө б о л о х о.
з э – племянник, внук (от дочери) 168; бур. лит. з э э.
з э б э һ у м а – стрела с круглыми конусообразными наконечниками 171; в бур. орф. з э б э һ о м о.
з э г э н – росомаха 168; бур. лит. з э э г э н.
з э г э т э - а б а – общественная облавная охота 16, 44, 51, 52, 53, 54, 58, 61, 62, 64, 65, 66, 69, 72, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 81, 82, 83, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 95, 102, 105, 109, 119, 142, 153, 154, 155, 156, 158, 159, 160, 161, 184, 186, 187, 188, 189, 195, 206, 208, 209, 211, 212, 221, 223, 230, 231, 233, 234, 235, 266, 446; бур. лит. з э г э т э а б а.
з э л и (з е л и) – веревка из конского волоса 111, 187, 192, 251, 278, 309; бур. лит. з э э л и.

зэн — кость на конце стрелы, при основании наконечника 171, 362; бур. лит. зэн.
зэрдэ мори онголгома — посвящать в онгоны рыжего коня 251; бур. лит.
зээрдэ мори онголхо.
зя — человеческие фигурки, изготавливаемые шаманами для магических манипуляций
274, 275, 306, 439; бур. лит. зя а.
зя гаргаха — изгонять зя (название обряда) 439, 441; бур. лит. зя а гаргаха.

И

и би — мать 164, 369; бур. лит. и би и.
иделулхэ — кормить 435; бур. лит. эдеэлүүлхэ.
идэхэ, идэхэ — есть, съесть 399, 423; бур. лит. эдихэ.
идэхэр ухар — букв. для еды и питья 421; бур. лит. эдихээр уухаар.
ижин — хозяин 330; бур. лит. эзэн.
избан — жбан 413.
илдэн — лишай 378; бур. лит. элдин.
илши — посланник 371; бур. лит. элшэн.
илши һуд — посланники 373; бур. лит. элшэд.
инзаган — детеныш козули 369; бур. лит. инзаган.
Ирку гэжи газар мини эрбэл — тэрбэл харагдаба — моя земля иркут-
ская показала березовыми рощами 251.

К

кирик — семейные жертвоприношения 156, 157, 288, 289, 294, 396, 405, 408, 410; бур.
лит. хэрэг.
курунга, курунгу — молочный напиток, вроде кумыса 160, 171, 251, 278, 289, 290,
291, 292, 308, 313, 350, 369, 409, 418, 421, 425, 431; бур. лит. хүрэнгэ.
куяк — кираса 153, 285, 412 и др.; бур. лит. хуяг.

М

майхабши — шаманская шапка 58, 60, 61, 70; бур. лит. майхабша.
мал — скот 78; бур. лит. мал.
малан — плешивый 235; бур. лит. малаан.
малгай — шапка 155; бур. лит. малгай.
малгай — распорядитель зэгэтэ-аба, заведывавший 20-ю облавщиками 19, 28, 90, 156;
бур. лит. малгай.
малгайхан — шапочка 354; бур. лит. малгайхан.
малгайша — то же, что малгай 91; бур. лит. малгайша.
манай — наш 274; бур. лит. манай.
манан — туман, летний туман 340, 344; бур. лит. манан.
мангаджа — обрусели 165; бур. лит. мангадшаа.
мангар — похмелье 376; бур. лит. мангар.
мангар — название группы болезней, насылаемых, по поверьям шаманистов, злыми
заянами 378; в бур. орф. мангар.
мангихан — дикий лук 21; бур. лит. мангиһан.
мангиһан — 174; см. мангихан.
манзаномо — плоский и широкий лук (оружие) 171; бур. лит. манзаномо.

манхай – кожа на голове 235.
маржаны 120, 163, 182.
мерген – “витязь” 70; бур. лит. мэргэн.
мерген-бө – “хороший шаман” 65; бур. лит. мэргэн бөө.
мереген-лама – “хороший лама” 65; бур. лит. мэргэн лама.
мерген-хун – “опытный, умный человек” 65; бур. лит. мэргэн хүн.
мундарга – 248.
мэшин – 253; см.: мешэд.
Мешэд – Плеяды (созвездие) 259; бур. лит. Мэшэд.
милага – “обычай отдавать народу кобылицу” 176.
минаши – степень шамана 59; бур. лит. минаша.
мишеши – писарь 372; бур. лит. бэшээшэ.
могой – змея 268; бур. лит. могой.
модон шанга – деревянный ковш 198; бур. лит. модон шангага.
монсок – шишка, кость 357; бур. лит. монсог.
морин – лошадь 393; бур. лит. морин.
мори барюхан – конюх (стременной) 74; в бур. орф. мори барюхан.
мори барюхан, эмэль тохухан – конюх, конюший 185; в бур. орф. мори барюхан, эмээл тохухан.
мори хургаха онгон – один из видов онгонов 211; бур. лит. мори хургаха онгон.
мори хургаши надан – игра, имитирующая объездку лошади 25; бур. лит. мори хургааша надан.
морин хорьбо – конная (большая) трость шамана 300, 309, 315; бур. лит. морин хорьбо.
морини хорьбо – см. морин хорьбо.
морихэн – лошаденка 354; бур. лит. морихон.
морьто улан курьган – жертва красным ягненком 251, 405; в бур. орф. мори-то улаан хурьган.
морьто-улан-хурьган – 408; см. морито улан хурган.
мохо – стрела без оперения 171.
мөнгөн хазар – серебряная узда 170; бур. лит. мүнгэн хазар.
мөнхөн – вечный 255; бур. лит. мүнхэ.
мөрөши – мастер, изготавливающий стрелы 70.
мөһөши 69; см. мөрөши.
му хүнхэн – “плохая” душа 56; бур. лит. муу хүнэхэн.
мушубун – “душа заблудившейся в лесу женщины, ставшей впоследствии оборотнем в образе красивой девушки с птичьим клювом” 272; бур. лит. муу шубуун.
мура-өбөхөн – название растения 173; в бур. орф. муура үбхэн (?).
мури өбөхөн – 21; см. мура-өбөхөн.
муу ханшар морин – плохой бегунец 111, 112; бур. лит. муу ханшар (тай) морин.
муха собо – плохое собо 194; в бур. орф. муу (муухай) собоо.
мухур шире (мухур ширей, мухур ширеэ) – жертвенник на тайлгане 157, 314, 420; бур. лит. мухар шэрээ.
муя – буйный 238; бур. лит. муяа.
мэндэшэлгэ – название пляски 181; бур. лит. мэндэшэлгэ.
мэндэшэлхэ – 211; см. мэндэшэлгэ.

мэнһэни оёр – букв. дно посуды, ответный подарок 182; бур. лит. м ү н э һ э н э й
оёр, табагай оёр.
мэргэн – 235; см. мерген.
мэхэр – горец живородящий 21, 172; бур. лит. мэхээр.
мэхэргэнэ – 21, 172, 206; см. мэхэр.
мэшэн дэрэ мэргэн суглаха – собрать мудрое собрание на Плеяда: 298; в бур.
орф. мэшэн дээрэ мэргэн суглаа (хэхэ).
мяхан – мясо 161; бур. лит. мяхан.
мяхавши – 158; см. майхабши.

Н

нагасанут – дяди, родные по матери 168; бур. лит. нагасанар.
нагда – название растения 21, 173.
нагурдай – одно из названий онгона “22 девицы” 310.
надани онгон – “игровой онгон” 390; бур. лит. нааданай онгон.
надан – игра 390; бур. лит. наадан.
нажий – духовные сын или дочь шамана 316, 319; бур. лит. найжа.
найж баабай – духовный отец 115; бур. лит. найжа баабай.
намаржан – осеннее стойбище 97; бур. лит. намаржаан.
намари-галган – осенний тайлаган 268; бур. лит. намарай тайлган.
наран – солнце 260; бур. лит. наран.
нарахан – сосна 319; бур. лит. нарһан.
наян найман тама – 88 адов 374; бур. лит. наян найман тама.
наян табан адухан, намтар тэмэн – 85 голов скота, низенький верблюд
163; бур. лит. наян табан адуһан, набтар тэмээн.
нервер дегдехэ – похоронный обряд, совершаемый над убитым молнией 321; в
бур. орф. нэръеэр дэгдээхэ.
ногон – трава 334; бур. лит. ногоон.
ноехи суглан (нойохи суглан) – небесная канцелярия, нечто вроде суда
заянов, находящаяся под управлением хозяина острова Ольхон Хан-Хото-бабая 258, 321; бур.
лит. ноёдой суглаан.
нойон – начальник 161, 188, 372; бур. лит. ноён.
номо – лук (оружие) 171; бур. лит. номо.
нохой-ганзу – собачье беснование 343; бур. лит. нохойн галзуу.
нохой дархат – “собачьи кузнецы” 247; в бур. орф. нохой дархад.
нуган-эзинуд – букв. луговые женщины, название одного из видов онгонов 283,
285, 288; бур. лит. нугын эзынүд (һамгад).
нур – озеро 372; бур. лит. нуур.
нэръе-рутха – происхождение шамана от предка, пораженного молнией 301, 303,
304; в бур. орф. нэръеэр удха.
нэръе-рутхатай – имеющий происхождение от убитого молнией; бур. лит. нэръер
удхатай.
нюдур – деревянная ступка (?) 195; бур. лит. нюдүүр.
нюдэбши – вознаграждение за находку потерянной вещи 160; в бур. орф. нюдэбшэ.

О

обага – дядя по отцу 412; бур. лит. абга.
обо – граница 237, 238.

о бор бидэ – 248.
одёгон – шаманка 396; бур. лит. удаган.
одорлохо – доить днем (в полдень) 192; в бур. орф. үдэрлэхэ.
оегонно (оёгонно) – название растения со съедобными корнями 21, 173, 195.
оёр – дно 239, 336; бур. лит. оёр.
ой – лес 266; бур. лит. ой.
ойдо гаргаха, огшииндо дохо (опечатка, д. б. зохо) – вывести в лес и закопать в ложбине 119; в бур. орф. ойдо гаргаха, огшондо зоохо.
ойн эжин – хозяин леса 266; бур. лит. ойн эээн.
окторгон – небо 258, 333, 387; бур. лит. огторгой.
олербон эжин – хозяин клещей 248.
олёрбо – клещи 246; бур. лит. үлирбэ.
оли-һүхэ – топор с круглым лезвием 174; бур. лит. ооли һүхэ.
онго иделулхэ – кормить онгонов 295, 390, 432; в бур. орф. онго эдеэ-лүлхэ.
онго татаха – призывать онгона 431, 423; в бур. орф. онго татаха.
онго уралха – название религиозного обряда, совершаемого во время тайлагана 429, 439; бур. лит. онго оруулха.
онго харюулха – обряд сожжения онгонов после смерти их владельца 433; в бур. орф. онго харюулха.
онго хуни утха – шаманы, происходящие из рода онго 399; в бур. орф. онго хүнэй удха.
онгон – дух-гений; образное изображение какого-либо духа, предмет поклонения 77, 86, 102, 165, 178, 183, 216, 219, 222, 236, 247, 251, 257, 262, 267, 269, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 288, 289, 293, 295, 297, 314, 325, 330, 388, 389, 390, 391, 393, 394, 395, 442; бур. лит. онгон.
онгон иделулхэ – 433; см. онго иделулхэ.
онгон татаха – 435; см. онго татаха.
онгон урулха – 424; см. онго уралха.
онгондо мургуху – поклоняться онгону 222; бур. лит. онгондо мүргэхэ.
онгондо орхо – “войти к онгонам”, обряд, совершаемый невесткой во время бракосочетания, чтобы окончательно вступить в дом мужа 183; в бур. орф. онгондо орохо.
онгони мугу – колотушка, привязываемая к онгону 432; в бур. орф. онгоной мугу.
онгони мяхан – мясо, оставляемое под тургэ во время свадебного обряда 180, 214; бур. лит. онгоной мяхан.
онгони өбөгөн – старик, представляющий онгонов во время свадебного обряда 221; в бур. орф. онгоной үбгэн.
онгосо – лодка 103; бур. лит. онгосо.
онжи – приданое 24, 128, 163, 177, 341; бур. лит. энжэ.
онжин – 208; см. онжи.
оргой – “шаманский плащ” 58, 60, 61, 114, 152, 158, 299, 300, 312, 315, 316, 317, 318, 321, 362; в бур. орф. оргой.
оредһон – кольцо 70; в бур. орф. орёодоһон; бэһэлиг.
орёдһон – 66; см. оредһон.
орорши – благопожелатель 213, 214; бур. лит. үреэлшэ.

орорши, аб – благопожелатель, возьми 179; бур. лит. үреэлшэ, аба.
орорши өбөгөн – старец-благопожелатель 222, 250; бур. лит. үреэлшэ үбгэн.
орхо – входить 95, 350; бур. лит. орохо.
отхон-басаган – самая младшая дочь в семье 164; бур. лит. одхон басаган.
отхон-хөбун – самый младший сын в семье 164; бур. лит. одхон хүбүүн.
охторгон – “ночное небо” 242, 299; бур. лит. огторгой.
охторгон отхон хөбун – младший сын неба 235; бур. лит. огторгойн одхон
хүбүүн.
ошкин-будля – обряд, совершаемый над ребенком 405-407.

өбөгө – дед, старик 164; бур. лит. үбгэн.
өбөгөны – 80; см. өбөгө.
өбөгөндө үхэ – название болезни у телят 379; в бур. орф. үбгэнһөө
үхэхэ(?).
өдөгөн – шаманка 298.
өдгөнө – 169; см. оегонно.
өлгөдө орулха – класть в люльку, название обряда, совершаемого над новорожден-
ным ребенком 171; бур. лит. үлгыдэ оруулха.
өлгөдө урулха – 175, 176, 350; см. өлгөдө орулха.
өндөр дэрхи өбөгөн – старец, находящийся наверху 443; в бур. орф. үндэр
дээрэхи үбгэн.
өндөрлөхө – 316.
өнжи – 24, 128; см. онжи.
өргө ама гаргаха – “вывести злоречие, вражду” 151; бур. лит. үргэ ама
гаргаха.
өргөн – челюсть 151; бур. лит. үргэн.
өргөхө – поднимать 412; бур. лит. үргэхэ.
өрёлъ – благопожелание 179; бур. лит. үреэл.
өрёлъ – 175; см. өрёлъ.
өрөрши – 179; см. орорши.
өрөрши, аб – 179; см. орорши, аб.
өрөрши-өбөгөн – 179, 305, 409; см. орорши өбөгөн.
өрхө – дымовое отверстие в юрте 309, 354, 408; бур. лит. үрхэ.
өтөг – костер из сосновых бревен 318.
өтөдө – бабушка 164; бур. лит. үтөө.
өхин – девушка 343; бур. лит. үхин.
өшөхөн – тальник 383; бур. лит. үшөөһэн.

С

са – чай 356; бур. лит. сай.
саба – сосуд 80, 196; бур. лит. хаба.
сабахан – валерьяна лекарственная 21, 195; бур. лит. сабха үбһэн.
сабаһан – 173; см. сабахан.
сагаалха – угощать молочной пищей 116; бур. лит. сагаалха.
сагагар тахиха – обряд жертвоприношения молочными продуктами 418, 419; в
бур. орф. сагаагар тахиха.

сагани хордут – белые хордuty 338.
сасали барьха – 23, 150; см. сасали барьха.
сагалха – 115, 160, 178, 180, 207, 213, 215, 218, 219, 416; см. сагаалха.
сагалху – 413; см. сагалха.
саган – “молоко или курунга”, белая пища 105, 207, 219, 220, 336, 407, 411, 413, 420;
бур. лит. сагаан.
саган зохо – сметана 194; бур. лит. сагаан зөөхэй.
саган идэн – “белая пища”, молочные продукты 199; бур. лит. сагаан эдээн.
саган харана – белая сарана 21; бур. лит. сагаан хараана.
саган хэрмэн заха – белый беличий воротник 370; бур. лит. сагаан хэрмэн
заха.
саган хараана – 173; см. саган харана.
сагани дархад – белые кузнецы 155, 364; бур. лит. сагаанай дархад.
сагани тэнгэри – белые тэнгэрии 333; бур. лит. сагаанай тэнгэри.
сагани хурай – жертвоприношение сатинским бурханам 437; в бур. орф. сагаанай
хурай.
сагани-бө – белый шаман 80, 305; бур. лит. сагаанай бөө.
сагани одёгон – вечерняя звезда, появляющаяся за заходом солнца 80, 158; бур.
лит. сагаан одон.
садалха – развернуть 337; бур. лит. задалха.
сайн – хороший 170; бур. лит. хайн.
сайн өбөхөн – название растения, трава с мелкими белыми цветами, нежно пахну-
щими 21; в бур. орф. хайн үбхэн.
сайн өбөхөн 172, 173; см. сайн өбөхөн.
саламат – саламат, вареная сметана 195, 205, 223, 244; бур. лит. салмаад.
сасали барьха – 423, 439; см. сасали барьха.
салингуһи бумал саган шулун – салингутский белый метеорит, букв.
“салингутский спустившийся белый камень” 370; в бур. орф. салингуудай бумал
сагаан шулуун.
саламата – 175, 183, 188, 189, 273, 284, 290, 291, 296, 369; см. саламат.
самса – рубаха 21, 170; бур. лит. самса.
сар – приспособление для протягивания проволоки 442; в бур. орф. саар.
сар таташин эжин – хозяин приспособления для протягивания проволоки 442.
сарь – “какой-то белый металл” 235; в бур. орф. сайр(?).
сасали – обряд брызгания, подношения 296; бур. лит. сасали.
сасали – продукт, предназначенный для брызганья (подношения) 429; бур. лит.
сасали.
сасали барьха – подношение бурханам, брызганье 62, 65, 82, 106, 171, 289, 291, 313,
420; бур. лит. сасали барьха.
сасхя – “какая-то болезнь” 378.
сатани-бурхахи-суглан – присутственное место сатинских богов 321; в бур. орф.
сайтанай бурхадай суглаан.
сатани-бурхахи-суглан – 356; см. сатани-бурхахи-суглан.
сатини – сатинский 356, 361; бур. лит. сайтанай.

с а т и н и б у р х а д – сатинские боги 353; в бур. орф. с а й т а н а й б у р х а д.
с а х е м ж а – мясо, сохраняемое для жениха 182; в бур. орф. с а х и м ж а.
с а х и л г а н – молния 338; бур. лит. с а х и л г а а н.
с а х и л г а т а – молниеносный 235; бур. лит. с а х и л г а а т а.
с а х и л г а т а б у д а л – пускающий молнии 338; бур. лит. с а х и л г а а т а б у д а л.
с а х и р – “какой-то белый камень”, по-видимому, “с а х ю у р” – кремень 376.
с а х и х а – высесть огонь огнем 243; бур. лит. с а х и х а.
с е т е р т е й – освященное животное 82; бур. лит. һэтэртэй.
с и н э – пион, марьин корень 21, 172, 206; бур. лит. с и н э.
с о б о о – беловатая жидкость, образующаяся при сбивании масла, пахта 194; в бур. орф. с о б о о; и и л г э д э һ э н.
с о р г о – трубка перегонного аппарата 200, 201; бур. лит. с о р г о.
с т о л ө р г ө х ө – совершение обряда жертвоприношения на столе 411, 412; бур. лит. с т о л ү р г э х э.
с у г л а н – собрание, присутственное место 90, 159, 160, 249; бур. лит. с у г л а а н.
с у г л у л х а – собирать 394; бур. лит. с у г л у л х а.
с у л м а р и э ж и н – хозяин сулмара (см.) 364, 442; в бур. орф. с у у л м а р а й э з э н;
с у л м а р – инструмент для проделывания отверстий; в бур. орф. с у у л м а р, возможно от суулах (диал.)/с о о л о х о – пробивать отверстие; бур. лит. с о о л у у р.
с э г э н и - х у р – сэгенская стрельба (состязание), сэгенский сур харбаан 222; бур. лит. с э г э н э й һ у р (х а р б а а н).
с э к – “восклицание шамана после каждого фрагмента призывания духа в значении “принимай призыв (или молитву)!”, “принимай жертвоприношение!” (Хангалов, 68) 423, 429; бур. лит. с ө ө г.
с э л м э – меч 172; бур. лит. һ э л м э.
с э л э н г э г и с э р б э д х э н – 251.
с э р – грех 184; бур. лит. с э э р.
с э р х э х э – “этикет между свекром и снохой” 184, 217; в бур. орф. с э э р х э х э; бур. лит. с э э р х э х э – считать грехом, признавать греховным.
с э р г э – коновязь 184, 309, 310; бур. лит. с э р г э.
с э с э к – цветок 334; бур. лит. с э с э г.

Т

т а б и н т а б а – пятьдесят пять 380; бур. лит. т а б и н т а б а н.
т а й б о р – колотушка 312; в бур. орф. т а й б а р.
т а й л а г а н – жертвоприношения духам-хозяевам местных гор, рек, озер и ключей, устраивавшиеся родом или союзом родов в теплое время года (Манж., 69) 189, 257, 288, 290, 291, 292, 293, 294, 313, 369, 425, 439; бур. лит. т а й л г а н.
т а й л г а н – 59, 66, 73, 81, 82, 156, 157, 161, 171, 244, 245, 251, 258, 268, 288, 335, 351, 396, 405, 419-425; см. т а й л а г а н.
т а й ш а – “глава бурятского ведомства” 159, 166, 189, 258, 269, 321; бур. лит. т а й ш а а.
т а м г а – 163.
т а н х а – кувшин 200, 311; бур. лит. т а н х а.
т а р а к – простокваша 188, 189, 191, 192, 213, 244, 284, 287, 310, 312, 313, 369, 418, 419, 431; бур. лит. т а р а г.

т а р а к и х э – тарак прокис 192; бур. лит. т а р а г э һ э э.
т а р а л-э р э н-б у х а – пестрый пороз 238; бур. лит. т а р и л э р э э н б у х а.
т а р а с у н – молочная водка 171, 189, 199, 201, 207, 213, 217, 218, 219, 220, 221, 223, 244,
251, 257, 259, 273, 275, 278, 282, 286, 288, 290, 291, 292, 295, 296, 297, 304, 307, 308, 309, 310,
311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 323, 338, 350, 356, 378, 396, 398, 399, 405, 409, 414,
418, 421, 422, 423, 425, 431, 432; бур. лит. т а р а с у у н.
т а р и м – заклинание 413, 439; бур. лит. т а р и м т а р и м и э ж и н – хозяин заклинаний
415; бур. лит. т а р и м а й э з э н.
т а р м у р – грабли 296, 436; бур. лит. т а р м у у р.
т а р х а й – низенький 114; бур. лит. т а р х а г а р.
т а т – звукоподражание громкому звуку; “гад” 338; бур. лит. т а д (г э х э).
т а р х а л ж и н – жук 281, 283.
т а р х а л х а – название обряда 114.
т и б э һ э н – “каша” из толченого жареного хлеба, прокипяченного в котле 204; бур.
лит. т и б һ э н.
т о б ш и – один из главных распорядителей облавной охоты 19, 28, 58, 63, 154, 155, 234;
бур. лит. т о б ш о.
т о б ш и л х о – застегивать на пуговицу 154; бур. лит. т о б ш о л х о.
т о г л о – группа сосен или кустов, стоящих на чистой площадке 381; в бур. орф. т ү г л э.
т о г о л – теленок 238.
т о г о н с а – “чай, сваренный в котле по-бурятски” 205; бур. лит. т о г о о н о й с а й.
т о г о н д о ш а н а һ а н с а – 205; см. т о г о н с а й.
т о л и – зеркало 89, 303; бур. лит. т о л и.
т о к у м – потник под седлом 185.
т о м т о – послед(?) 175; в бур. орф. т о о н т о (?).
т о м у с а г а н – большой белый 358; бур. лит. т о м о с а г а а н.
т о р м о г э р – жилище вроде землянки 95.
т о р о л г о – обряд, связанный с рождением ребенка, совершающийся при посредстве
старейшины рода 175, 176; бур. лит. т о р о о л г о.
т о р с о к – деревянный бак 193; в бур. орф. т о о р с о г.
т о р с о к т о һ у н б у с а л а – “вскипело молоко в торсоке” (см.) 193; в бур. орф.
т о о р с о г т о й һ ү н б у с а л а а.
т о р у к – название обряда 147.
т о х о – локоть 357, 360; бур. лит. т о х о й.
т о х о н о г и ш и н э н б э г и т э н, т у л а н ш и н э н м о р и т о н – имеющие тело
с локотью и лошадей с зайца 379; бур. лит. т о х о н о г о й ш э н э э н б э е т э н, т у у л а й н
ш э н э э н м о р и т о н.
т о х о н о о к – “часть руки от локтя до кисти”; локоть, локтевой сустав 381; бур. лит.
т о х о н о г.
т о х о р е н – название одного из свадебных обрядов во время свадьбы, когда гости вы-
ходят на улицу и садятся в круг 220, 224, 292; в бур. орф. т у х э р э э н.
т ө м ө р б а л т а – железный молот 71; бур. лит. т ү м э р б а л т а.
т ө м ө р м о р и н и һ о р и б о – железная конская трость 70; бур. лит. м о р и н о й
т ү м э р һ о р ь б о.
т ө н – кучки растительного трута 419.

төн табиha – совершать обряд, направленный на излечение расстройства желудка у ребенка 417, 418; бур. лит. төн табиha.

төрүк – 421; см. торук.

төрүри эжин – хозяин “блужданий”, (запутывает человека в лесу, заставляет заблудиться) 266.

төрьенам – “блуждаю” 266; бур. лит. төөринэм.

төхөрөн – круг, который образуют свадебные гости на улице 288; бур. лит. түхэрээн.

төртөгэр – 110.

төмөр – железо 258.

туг – знамя 74; бур. лит. туг.

тугши – знаменосец 74.

туралда – испорченный тарак.

тургэ – березовые ветки, втыкаемые колом в землю во время проведения обряда 24, 116, 178, 179, 180, 188, 210, 213, 214, 250, 256, 289, 290, 291, 292, 310, 311, 312, 314, 318, 319, 355, 359, 409, 410, 420, 421, 428; бур. лит. түүргэ.

тургэлхэ – предварительный обряд, совершаемый перед выездом на место, где должен состояться тайлаган 291; в бур. орф. түүргэлхэ, түргэлхэ(?).

тургэши хатан – почетное лицо при совершении обряда посвящения шамана 80; в бур. орф. түүргэшэ хатан.

туру – первый, передний 178; бур. лит. түрүүн.

туруше – всадник, едущий впереди свадебного поезда невесты 178; бур. лит. түрүүшэ.

туруши – 212, 213, 220; см. туруше.

тут – звукоподражание глухому звуку, “глухой сильный гром” 338; бур. лит. туд, түд.

тухэ хурунгэ – “сырая курунга”; заготовка 198; бур. лит. түүхэй хүрэнгэ.

туя – луч 257; бур. лит. туйа.

туяз – 201.

туяски – см.: туяз 291.

тытый – “холодно”, “бр-р” 414-419; бур. лит. тэты.

тэбтэр – крышка перегонного аппарата 198, 200, 201; бур. лит. тэбтээр.

тэбши – корыто 22, 174, 205, 428; бур. лит. тэбшэ.

тэжы – выпуклый 381.

тэли – средний (сын, дочь) 238; бур. лит. тээли.

тэли басаган – средняя дочь 164; бур. лит. тээли басаган.

тэли хөбун – средний сын 164; бур. лит. тээли хүбүүн.

тэнги – столбы в юрте 219, 220; бур. лит. тэнги.

тэнгри – 241, 250, 257, 258, 265, 268, 284, 298, 299, 304, 306, 311; см. тэнгэри.

тэнгэри – небожители, боги; небо 161, 241, 244, 333, 334, 335, 336, 342, 343, 344, 345, 346, 351, 354, 364, 376; бур. лит. тэнгэри.

тэнгэри дугара – гром гремит 244; бур. лит. тэнгэри дуугараа.

тэбэрхэн – 248.

тэнгэрины – небесные боги 236, 237, 238, 239, 241, 245, 246, 257, 258, 268, 285, 333, 334, 335, 338, 339, 340, 341, 354, 356, 359, 364, 371, 375, 376, 377, 396.

тэнгэрин – 238, 336.

тэнгэрин дун – песнь неба 244.
тэнгэрин томон саган бурхан, окторгон олон саган бурхан – тысяча белых бурханов дневного неба, множество белых бурханов ночного неба 333.
тэнгэри дуудаха – жертвоприношение небу 114, 115, 116, 117; бур. лит. тэнгэри дуудаха.
тэнгэри дудаха – 161, 188, 189, 336, 440; см. тэнгэри дуудаха.
тэнгэрин 9 хөбүд – 9 небесных сыновей 308; бур. лит. тэнгэрийн юһэн хубүүн.
тэнгэрийн басагад – небесные девицы 431; бур. лит. тэнгэрийн басагад.
тэнгэрин онгот – небесные онгоны 431; бур. лит. тэнгэрийн онгод.
тэнгэрин тэли хөбүн – средний сын неба 235; бур. лит. тэнгэрийн тээли хубүүн.
тэнгэрин тэли хөбүм, окторгон отхон хөбүм – (я) средний сын неба (дневного; см. тэнгэри), младший сын неба (ночного; см. онторго) 293; бур. лит. тэнгэрийн тээли хубүүм, онторгойн одхон хубүүм.
тэнгэрин удэн – небесная дверь 343; бур. лит. тэнгэрийн үүдэн.
тэнгэри-онгон – 305; см. тэнгэрин онгот.
тэхэ – козёл 267, 395; бур. лит. тэхэ.
тэхэ надан – козлиный танец 25; бур. лит. тэхэ наадан.
тэхэ-онгон – козлийн онгон 211, 267, 275; в бур. орф. тэхэ онгон.
тянга – 95; см. тэнгэ.

У

убсу шатаха – обряд сжигания грудины жертвенного животного 432; бур. лит. үбсүү шатааха.
уган хөбүн – старший сын 164; бур. лит. ууган хубүүн.
уган-басаган – старшая дочь 164; бур. лит. ууган басаган.
угей – нет (отрицание) 184; бур. лит. үгы.
угин – горностай 283; бур. лит. һен.
удан – медленный, постепенный 255; бур. лит. удаан.
үдэха, орхоболго – “закрой дверь, прикрой дымовое отверстие” 350; бур. лит. үүдэхаа, үрхэ боолго.
үдэши-бурхан – горные онгоны и бурханы, находящиеся у дверей присутственных мест главных сатинских бурханов 309, 310, 312, 436, 437; бур. лит. үүдэнэй бурхад.
үелэ-басаган – двоюродная сестра 165; бур. лит. үеэлэ басаган.
үелэ-хөбүн – двоюродный брат 165; бур. лит. үеэлэ хубүүн.
ула – трут 417; бур. лит. уула.
улан-зала – красный петушинный гребень 253.
улан-хубия аба – букв. получил свой красный пай, заболел оспой 379; бур. лит. улаан хубия абаа.
улан-энгин-хур – улан-энгинская стрельба из лука 222; бур. лит. улаан энгын хур (харбаан).
улухэни бумал-саган шулун – улухэновский белый метеорит 371; в бур. орф. үлүүхэнэй хур (харбалга).

ульбер — “золотуха” 378.
уляһан — осина 397; бур. лит. уляһан.
уна — подвода 366; бур. лит. унаа.
улеги олон — “улейские многие”, название онгона 405; в бур. орф. үлөөгэй олон.
унгын — рождение (?), обух топора 353.
унегене-езишеге — ралуга (букв. мать-лисица помочилась) 259; бур. лит. үнэгэн
эзы шээгээ.
унхэ сур — название растения 21, 173; бур. лит. үнхэ суур.
унэхи хагаши хулга — подойник 193; бур. лит. үнөө һаагаши һуулга.
унэхи хурэ — скотный двор 193; бур. лит. үнөөдэй хүрөө.
ур — ступка (деревянная) 69, 195; бур. лит. уур.
урак — молозиво 115, 116, 335, 336, 343; бур. лит. уураг.
унты — обувь 159, 170.
улан шулу дамжихан — букв. перебрался по красному камню 251.
урякшинский — южный 266.
ургажи байхан ногон ундэхэн хата, ураши байхан ухан
ихинэхэн хата — трава засохла от корня, вода (ручей) высох с истока 339; бур. лит.
ургажа байһан ногоон үндэхээрээ хатаа, урдажа байһан уһан
эхинһээн хатаа.
урса — конусообразный шалаш 385; бур. лит. урса.
урса гэр — 95, 384; см. урса.
уртоне мори — почтовая лршадь 49; бур. лит. үртөөнэй морин.
урула — впустил 164, 167; бур. лит. оруулаа.
усатан — небесные онгоны 431.
усэ — запас мяса на зиму 113, 114, 128; бур. лит. үүсэ.
усяхан хыба — берестяной челнок 103; в бур. орф. үйһэхэн һаба.
ута — сума, мешок 22, 128, 174; бур. лит. уута.
утуг — поливной луг 163, 165, 167, 168, 288; бур. лит. үтэг.
утха — происхождение 342, 386, 396, 398, 416; бур. лит. удха.
утха-тэнгэри — так называют восточных тэнгеринов Хамхир-богдо и Гужира 437; в
бур. орф. улхатэнгэри.
утхэ — стрела 171; бур. лит. үүдхэ.
уха — пить 423; бур. лит. ууха.
ухан эжин (ухун эжин) — хозяин вод, принадлежит к числу злых эжинов 255;
бур. лит. уһанай эзэн.
ухан угал — водяное омовение 107; бур. лит. уһан угаал.
ухан тарим — 416; см.: уһан тарим.
ухани бохолдой — водяной, злые водяные духи 152; бур. лит. уһанай
боохолдой.
ухан убалга — водяное посвящение шамана 315; бур. лит. уһан угаалга.
ухан-хат — “водяные хаты или хаты-божества более низкой категории, чем тэнгэри”
102, 104, 106, 107, 108, 156, 205, 245, 248, 251, 254, 256, 257, 260, 267, 280, 281, 294, 295, 297,
324, 325, 330, 335, 336, 352, 355; бур. лит. уһан хад.
ухэ унгулхэ — заставлять глотать жир 15, 30, 31, 32, 33; бур. лит. өөхэ
үнхүүлхэ.
ухэ унгулхэ — 25-28; см. уха унгулхэ.
ухэ хайха — бросать жир 180, 214; өөхэ хаяха.
ухэр — корова 178; үхэр.

у х э р-б о х о л д о й – скотина-бохолдой, дух-оборотень 156; в бур. орф. ү х э р б о о х о л д о й.

у х э р и а р х и – вино за скот 129, 182; бур. лит. ү х э р э й а р х и.

у һ а н т а р и м – название обряда, совершавшегося над больным с помощью кипящей воды 413-419; бур. лит. у һ а н т а р и м.

у һ а н-х а т – см. у х а н х а т 372, 407.

у х а н-х а т и х у р э г – изображение Ухан-хата 108.

у х а н-х а т и з у р а г – изображение Ухан-хата на ткани 108.

у һ а н б у д л я – водяное посвящение 405, 406, 431; в бур. орф. у һ а н б у д л я а.

у һ а н х а н – см. у х а н х а т 55, 82.

у һ а н х а т – см. у х а н х а т 269, 373, 425.

Ү

ү б с ү н – грудь, грудина 435; бур. лит. ү б с ү ү н.

ү д э н – дверь 386; бур. лит. ү ү д э н.

ү д э ш и б у р х а д – 439; см. у д э ш и б у р х а д.

ү л е н ш и – мастерская, в которой женщины занимались выделкой кожи, шерсти 60, 68, 73, 322, 326; в бур. орф. ү й л э н ш э.

ү л и р б э – 71; см. у л и р б э.

ү л э н – облако 283; бур. лит. ү ү л э н.

ү н д э р т э н г э р и д э о р о ъ х а р у у л х а у г э й, е х э д э л х э д э а р а я х а р у у л х а у г э й – не должны показывать высокому небу макушку, не должны показывать спину широкой земле 179; бур. лит. ү н д э р т э н г э р и д э о р о й г о о х а р у у л х а г ү й, е х э д э л х э й д э а р а я а х а р у у л х а г ү й.

ү р г э х э н – “шиповник” 406; в бур. орф. ү р г э һ э н.

ү х э – скончаться, пропасть 378; бур. лит. ү х э х э.

Х

х а б а р ж а н – весеннее стойбище 97; бур. лит. х а б а р ж а а н.

х а б а ш и-ө б ө г ө н – виночерпий 161; бур. лит. һ а б а ш а ү б г э н.

х а б и г а – коса 179, 182, 183; бур. лит. һ а б и г а.

х а б ш и л г а х у р э – плетень; изгородь 110; бур. лит. х а б ш а л г а х ү р э э.

х а г д ы н – ветошь, прошлогодняя трава 152; бур. лит. х а г д а н.

х а г н а – орудие вроде заступа для рытья сараны 444; бур. лит. г а г н а һ а н (сел.).

х а д а у л а н ө б ө г ө д – горные старцы 396, 416; бур. лит. х а д а у у л ы н ү б г э д.

х а д а й н-х а р – горный песок 247; бур. лит. х а д ы н х а й р.

х а д а к – колчан 22, 302; бур. лит. һ а а д а г.

х а д а к а х а х а – надеть на себя колчан и лук 150; бур. лит. һ а а д а г а х а х а.

х а д а м – родные по мужу или жене 165-167, 180, 183-184, 216-217; бур. лит. х а д а м.

х а д а м и-б а с а г а н – невеста 165; бур. лит. х а д а м а й б а с а г а н.

х а д а м и-х ө б у н – зять, жених 165; бур. лит. х а д а м а й х ү б ү ү н.

х а д а м у т – сваты 161; бур. лит. х а д а м у д.

хадам-эзи – свекровь, теща 165; бур. лит. хадам эжы.
хадан-онгод – горные онгоны 386; бур. лит. хадын онгод.
хадан-онгон – 276; см. хадан онгод.
хада-улан-өбөхөд – 394; см. хадаулан өбөгөд.
хадахан – мясо, вырезаемое с задней ноги жертвенного животного, оно отдается шаману за его труды 161.
хазаар – узда 22, 170; бур. лит. хазаар.
хакнаги эжин – хозяин хакнага (см. хагна) 442; в бур. орф. хагнагай эзэн, гагнагайнай эзэн.
хал – угощение, с которым за день до свадьбы приезжают родители жениха к родным невесты 212, 217.
халбага – ложка 174; бур. лит. халбага.
халим – круглая деревянная крышка 198; бур. лит. халим.
халун өбөшөн – лихорадка 378; бур. лит. халуун үбшэн.
халхай – “горячо” (возглас) 414, 416, 417; бур. лит. халхай.
халяр – название растения; черемша 21, 174; бур. лит. халяр.
хамжул – капор 183, 216; в бур. орф. хамжуул.
хамун – чесотка 378, 387; бур. лит. хамуун.
хамуни-онгон – чесоточный онгон 388; бур. лит. хамунай онгон.
хамур – приспособление из досок с оглоблями для собирания сухого измельченного навоза (хохира) 193; бур. лит. хамуур.
хамшик – чахотка и другие легочные болезни 343; бур. лит. хамшаг.
хан – казна 156; бур. лит. хан.
ханаха – пускать кровь 172; бур. лит. ханаха.
хан-өтөдэ – заянка; букв. “царь-бабушка” 291; в бур. орф. хаанүтөө.
хангай – хозяин горной тайги 266; бур. лит. хангай.
хангин-утха – хангинское происхождение 400.
ханла-басаган – троюродная сестра 165; в бур. орф. ханлабасаган.
ханла-хөбүн – троюродный брат 165; в бур. орф. ханлахүбүүн.
ханчиик – волосы на висках 221; бур. лит. ханшаг.
ханши – казенный 152; бур. лит. хангай.
ханшик – 361; см. ханчиик.
ханядан – кашель 379; бур. лит. ханяадан.
ханяха – кашлять 378; бур. лит. ханяаха.
хара – луна 256; бур. лит. хара.
хараборо – траурные дни после похорон 319.
харадархад – черные кузнецы 376; бур. лит. харадархад.
харадэрэхайнсуглаха – собирать хорошее собрание на луне 298; бур. лит. харадээрэгайнсуглаахэхэ (сугларха).
харамориниэжин – хозяин черного коня 375; бур. лит. харамориной эзэн.
хара-монголы – древние поселяне 322.
хархонэжин – хозяин меха 248.
харана малташи онгон – 211.
харахарана – 21.
харамориниэжини суглан – присутственное место хозяина черного коня 376; бур. лит. харамориной эзэнэй суглаан.
хара таршитажил – 122; см. таршитажил.
харахохобуха – сивый (темно-синий) пороз 238; бур. лит. харахүхэбуха.

х а р а х э р ы к – жертвоприношение в безлунную ночь черной овцой 440; бур. лит. х а р а х э р э г.

х а р а ш и р и м – осока твердоватая 199; бур. лит. х а р а ш э р э м.

х а р а һ а р а н а – 173; см. х а р а х а р а н а.

х а р а ш у л у н х а м а, х у р э ш у л у н х у р э – дверь из черного камня, ограда из коричневого камня 406; бур. лит. х а р а ш у л у у н х а м а, х ү р и н ш у л у у н х ү р э э.

х а р а б ш и – шаль 214; в бур. орф. һ а р а б ш и.

х а р а й н о д ё г о н – черная шаманка 80, 158; бур. лит. х а р ы н у д а г а н.

х а р а й н б ө – черный шаман 80, 306; бур. лит. х а р ы н б ө ө.

х а р а н б у д а л – грозовые разряды 343; в бур. орф. х а р ы н б у у д а л (?).

х а р а н д а р х а д – 155; см. х а р а д а р х а д.

х а р а н о д ё г о н – 158; см. х а р а о д ё г о н.

х а р а н т э н г э р и – “черный тэнгэри” 333; бур. лит. х а р ы н т э н г э р и.

х а р а н д а р х а һ и т э н г э р и – тэнгэри черных кузнецов 338; бур. лит. х а р ы н д а р х а ш у л а й т э н г э р и.

х а р а н а – саранка 25; бур. лит. һ а р а а н а.

х а р а н а м а л т а ш и н а д а н – игра “выкапывание сараны” 25; бур. лит. һ а р а а н а м а л т а а ш а н а а д а н.

х а р а с а – поперечина 95; в бур. орф. х а р а а с а.

х а р б а х а – особый вид жертвоприношения, делаемый без участия шамана 294; в бур. орф. х а р б а х а.

х а р т а й – 26, 185; см. х а р а б о р о.

х а р х а – кожаная посуда 189.

х а р х а ш и о б о г о н – виночерпий 189; в бур. орф. һ а р х а ш а ү б г э н.

х а р х а ш а – ө б ө г ө н – 161; см. х а р х а ш и о б о г о н.

х а р х а ш у ө б ө г ө н д у – виночерпию 229; бур. лит. х а р х а ш а ү б г э н д э.

х а р х и н с а к – 157.

х а р ь м я – “бесшерстная шуба” 157; бур. лит. һ а р ь м а й.

х а р ь м я – д э г э л – 157; см. х а р ь м я.

х а р ь м я х а н – духи низшей категории 157.

х а р ю – отдаривание 224; бур. лит. х а р ю у.

х а с а р – щека 335; бур. лит. х а с а р.

х а т ы – сыновья тэнгэринов, божества второго ранга 55, 241, 249, 297, 305, 306, 312, 314, 315, 321, 325, 334, 335, 336, 341, 342, 344, 345, 346, 347, 352, 356, 364, 371, 372, 396, 405, 409; бур. лит. х а д.

х а т а р – “чахотка”, овечья сухотка 379; бур. лит. х а т а й р.

х а т а р х а – национальный танец иркутских бурят 64, 72, 118, 181, 210, 232, 233, 234, 235.

х а т а р т а м и х а н я х а – болеть овечьей сухоткой (чахоткой) 378; бур. лит. х а т а й р – т а ж а х а н я х а.

х а т а т а н – название группы онгонов 431; бур. лит. х а т а т а н.

х а т у н – госпожа, ханша 372; бур. лит. х а т а н.

х а у р а – б о р о – 323; см. х а р а б о р о.

х а х а й – “оспа” 379.

х а х и – хатов (р. п.)9; бур. лит. х а д а й.

х а х и б ы д е к – служители западного хата 253.

х а х и 9 х о б у д – 9 сыновей западного хата 308.

х а х и р м а к – кипяток, вливаемый в хурунгэ 198; бур. лит. х а х и р м а г.

х а х ю х а н — колокольчик 316.
х а х у р х а н — 313.
х а ш а н г а — охота за косулями на лошадях 30; в бур. орф. х а ш а н г а.
х а ш и н х а — 85.
х и — сухой измельченный навоз, из которого делают подстилку 193; бур. лит. х и и,
х о х и р.
х и б э р — сосуд с холодной водой 200; бур. лит. һ и и б э р.
х и и м э — удочка 103; бур. лит. х а х у л и.
х и м ш и н — вид цинги 343.
х и т а һ и г р я д — 132; бур. лит. х и т а д а й г р я д.
х и х а н э ж и н — хозяин горна 444; бур. лит. х я һ ы н э з э н.
х о б т о — ящик 31; бур. лит. х о б т о.
х о ё р г а р — б а р я ш и — два газарши 155.
х о й м о р т э н г и — столб в юрте 178, 212.
х о б у д — сыновья 248.
х о г т у о н г о н — “пьяный онгон” 390; бур. лит. һ о г т у о н г о н.
х о д о — крохотная лекарственная 206; бур. лит. һ ү д э н.
х о ё р — два 155; бур. лит. х о ё р.
х о ё р ж о л о ш и — два конюха 148; бур. лит. х о ё р ж о л о о ш о.
х о й м о к — молочное блюдо, приготовленное из арсы 203, 204; бур. лит. х о й м о г.
х о й м о р т а л а — северная, почетная сторона в юрте 175, 178, 180, 212, 214; бур. лит.
х о й м о р т а л а.
х о л — нога 161; бур. лит. х ү л.
х о л м я х а н — кусок мяса, вырезанный из ноги жертвенного животного 65, 161, 423;
в бур. орф. х ү л м я х а н.
х о л б о г о — колокольчик 247, 278, 284, 309, 316, 357; в бур. орф. х о л б о г о.
х о л б о х о — привески в виде небольших конусов 300, 301, 329; в бур. орф. х о л б о х о.
х о л о б ш и — жестяные кружочки, привешиваемые как украшение на груди онгонов
176, 212, 280; в бур. орф. х о о л о й б ш о.
х о л о н г о н — э ж и н — хозяин радуги 269, 283, 288, 313; бур. лит. һ о л о н г ы н э з э н.
х о л т о х и р з у т х э х э — “неводить корой” 104; бур. лит. х о л т о һ о о р з ү д х э х э.
х о л х о н — заработок, плата 156; бур. лит. х ү л һ э н.
х о л х о н ш и — наемный работник 156; бур. лит. х ү л һ э н ш э н.
х о н а х а — 26; см. х а н а х а.
х о н г и н о — 21, 173; см. д а л а н х а л и һ а н.
х о н и н д о б у н х у д а л, х о х и р б о р и н а м н а л г а, г у р г а д а х а ш а х а н
г у л ь н э ш е ж и м т а т а х а н, г а р х а н а р и н т у я б а р ь х а н — 251.
х о р н а д а н — глухаринный танец 25, 181, 211; бур. лит. һ о й р н а д а н.
х о р ж о г о — футляр для лука 128; бур. лит. х о р м о г о.
х о р и н — двадцать 443; бур. лит. х о р и н.
х о р м о г о — 22, 171, 302; см. х о р ж о г о.
х о р у л х э н з о х о — кипяченая сметана 196; бур. лит. х ө ө р ү ү л һ э н з ө ө х э й.
х о р х о — кузнечные меха 248; бур. лит. х ө ө р г э.

хорьхое барьхан – 248.
 хотёго – нож 70; бур. лит. хутага.
 хотого – 172; см. хотёго.
 хотхо-онгон – особый вид онгонов, который вывешивается в юрте 179; бур. лит.
 хөдхэ онгон.
 хошоген хойно – за занавесью 178; бур. лит. хүшэгын хойно.
 хошого – занавес 220; бур. лит. хүшэгэ.
 хошогон хойно – 213; см. хошоген хойно.
 хошолго – глухариный танец, исполняется парами 181.
 хоян – филе; мясо, отделенное от костей 417, 242.
 хөбун – сын 164; бур. лит. хүбүүн.
 хөдө – 21, 172; см. ходо.
 хөкшин – старый 401; бур. лит. хүгшэн.
 хөл – 311; см. хол.
 хөл мяхан – 65; см. хол мяхан.
 хөл морин – конь, даваемый в приданое невесте 128; бур. лит. хүл морин.
 хөмө – храм, дворец 357; бур. лит. һүмэ.
 хөнгөлхэ – “место для сожжения тела шамана” 26.
 хөнгөлхө – “обряд сожжения тела шамана” 26, 317.
 хөргө – 7; см. хорхо.
 хөрө – костер из сосновых бревен 318.
 хөтхө – 431; см. хотхо онгон.
 хөхө – синий 255, 331; бур. лит. хүхэ.
 хурулха – “впустить человека”; выходить замуж за родственника мужа (о вдове)
 164, 167; в бур. орф. хү оруулха.
 хуби – доля, пай 74, 156; бур. лит. хуби.
 хубия аба – “получил свою долю” (о заболевании оспой) 379; в бур. орф. хубия а
 абаа.
 хулганян-шинэн – трава 173.
 хужир хахи хуха бухан – 251.
 худэ – 287.
 хубсар – подстилка, коврик из шкур конских ног 73; бур. лит. хубсар.
 хубсур – 261; см. хубсар.
 хубсыр – 125; см. хубсар.
 хубухэн – мальчик 354; бур. лит. хүбүүхэн.
 хугин – 419; см. хоян.
 худа – сват 165; бур. лит. худа.
 худа орожи – став сватом 343; бур. лит. худа орожо.
 худугу – сватья 165; бур. лит. худагы.
 хул – пропитание 156; бур. лит. хоол.
 хулганан шихэн – кислица(?) 21.
 хулуги хурда туршаха – испытывать быстроту скакуна 227; бур. лит. хүлэгэй
 хурда туршаха.
 хулхан – камыш 256; бур. лит. хулһан.
 хулханши – 156, 157; см. холхонши.
 хуман – стрела 255; бур. лит. һомо.
 хун – молоко 157, 161; бур. лит. һүн.
 хун – оловянная фигура 256, 428, 429, 433.

хун с э р г э – слуга, который держал коня покойника во время похоронного обряда 74, 75; бур. лит. хүн с э р г э.

хун ш у т х а х а – лить оловянные фигуры 428, 433.

хун е р е – куница 283; бур. лит. хүн э р и.

хун х э-х у р а л х а – обряд “возвращения” души 434; в бур. орф. хүн э н э хуруулха.

хун х э хурулха – 434; см. хун х э хура л х а.

хун ши – молочное 161, 188; в бур. орф. хүн ш э.

хун ши-н о й о н – начальник общественной облавы зэгэтэ-аба 161, 187, 188, 189, 233; бур. лит. хүн ш э н о ё н.

хуны шухан хундэ, адухани шухан амтата – “человеческая кровь почетна, а кровь животных вкуса” 230; бур. лит. хүн э й шуһан хүндэ, адууһанай шуһан амтатай.

хур – ремешок 228, 229, 309, 311, 315, 318; бур. лит. һур.

хур х а р б а х а – стрелять из лука, “праздник стрельбы” 187, 226; бур. лит. һур х а р б а х а.

хура – дождь 246; бур. лит. хура.

хурай – 82, 111, 221, 222, 223, 296, 436, 437, 438; см. һурай.

хурай – общественное жертвоприношение без кровавых жертв 116, 244, 288, 296, 297, 308, 311, 437.

хурай бургахан – сухой прут 296, 310, 311; бур. лит. хуурай бургаһан.

хурай гаргаха – совершать хурай (см.) 296; в бур. орф. хурай гаргаха.

хурай убалга – “сухое теломытие”, сухое посвящение шамана 315; в бур. орф. хуурай угаалга.

хуралха – вырезать хурай 406, 417, 434; бур. лит. һуралха.

хургэ – зять 160; бур. лит. хурьгэн.

хургэн – 164, 167; см. хургэ.

хурмак – приспособление для перемешивания варящейся крупы 204.

хурулха – 436; см. хуралха.

хурунга – 196, 197, 199, 200, 203; см. курунга.

хур-харбаха – стрелять из лука 183, 222; бур. лит. һур харбаха.

хурэг – изображения божеств 102; бур. лит. хүрэг.

хурэн зэрдэ морин хотолго, хури-улакши унен онжи – в приданное темно-рыжий конь и темно-красная корова 341; бур. лит. хүрин зээрдэ морин хүтэлгэ, хүрин улаагша үнеэн энжэ.

хутахан – ножичек 350; бур. лит. хутагахан.

хутан-бө – черный шаман 319.

хуран-эжин – хозяин наковальни 248.

хур – музыкальный инструмент 301, 302, 313, 331.

хушужлоло – обряд посвящения хорька Эргил-Буга-нойон Тонхоя 294.

хүтэ тибһэн – название молочного блюда 204; бур. лит. һүтэй тибһэн.

хүхө – 235; см. хөхө.

хүхурхан – “связка березовых побегов” 307, 309.

хүхэ – 23; см. хөхө.

хүхэнэк – стрелохранилище 174, 177; в бур. орф. хүхэнэг(?).

хүһани шултэ – чага, березовый гриб 206; бур. лит. хүһанай шултэ.

хушин – сила 164, 167; бур. лит. хүшэн.
хушин хургэ аба – силой взяли зятя (?); “взяли в дом зятя” 164, 167.
хушин хургэ оро – силой стал зятем 164, 167; бур. лит. хүшөөр хүрьгэн ороо.
хушин хургэ урула – 164, 167; см. хушин хургэ аба.
хушулха – привязывать ленты на шкурку жертвенного животного 408-409, 435-436; в бур. орф. хушуулха.
хүн мужархадаа бө болхо, хонин мурхадаа жоро болхо – человек, испортившись становится шаманом, а овца – иноходцем 115; бур. лит. хүн муудахадаа бөө болохо, хонин муурахадаа жороо болохо.
хүни сэргэ – коновязь для народа 75; бур. лит. хүнэй сэргэ.
хэбтэ – лежи 378; бур. лит. хэбтэ.
хэдэргэ – кожемялка 393; бур. лит. хэдэргэ.
хэжи байхан хэрэк мана хэбэрэ бөтөхө, Хэлгэн саган заян мана элгэдэ тэхэрхэ – дело наше свершится как положено, Хэлгэн-саган-тэнгэри присмотрит за нами 312; бур. лит. хэжэ байхан хэрэгнай хэбээрээ бүтэхэ, Хэлгэн сагаан тэнгэри манаа эльгэндээ тэхэрхэ.
хэлин – плис 246; бур. лит. хилэн.
хэлин-хара – совсем черный (букв. плис черный) 246; хилэн хара.
хэлтэгэ малан морьтон, хужи хара повозхотон – имеющие кривых коней с пятном на лбу, имеющие черную-пречерную повозку 378; бур. лит. хэлтэгэй малаан моритон, хужэ хара повоозхотон (тэргэтэн).
хэрбэху – подстригать концы усов 377; бур. лит. хирбэхэ.
хэлье – “связка”, “балаган” 383, 386.
хэлмэ – весло 256; бур. лит. һэльбэ.
хэлымэ – 102; см. хэлмэ.
хэлэн – язычок 301; бур. лит. хэлэн.
хэмнур – калушка (возможно, мерная) 191; в бур. орф. хэмнүүр.
хэмэжи – сальник, жировой покров брюшины 380; бур. лит. һэмжэ.
хэрмэн – белка 16, 27; бур. лит. хэрмэн.
хэрмэн зэгэтэ-аба – беличий зэгэтэ аба 11; бур. лит. хэрмэн зэгэтэ аба.
хэрык – 440; см. кирик.
хэрэ – острога 22, 102, 103, 174; бур. лит. һэрээ.
хэрэгэ-хулхэ – первое посвящение шамана 308; бур. лит. хэрэг хүүлэхэ.
хэсэ – шаманский бубен 58, 59, 61, 114, 158, 301, 302, 310, 311, 312, 315, 318; бур. лит. хэсэ.
хэхэ – делать 184; бур. лит. хэхэ.
хэтэ – огниво 70; бур. лит. хэтэ.
хэхэ-годоһон – сапоги с высокими отложными голенищами, с твердым, немного выдававшимся носком 170; в бур. орф. һэхы годоһон(?).
хэхэнэг – 128, 129; см. хухэнэк.
хэхэнэк – 22, 24, 208, 209, 220; см. хухэнэк.
хюмаха – накипь в котле 199; бур. лит. хюман.
хюхаран – стародойная корова 192; бур. лит. хюһаран.
хяб – желтоватая жидкость из бозо 202; в бур. орф. хяб.

хя һ и – горн 71; бур. лит. хя һ а.
хя х а н э ж и н – хозяин горна 248.

һ а б – нить из сухожилий 69.
һ а б а – кожаный сосуд 80, 189, 196; бур. лит. һ а б а.
һ а б а ш и о б о г о н – виночерпий 189; бур. лит. һ а б а ш а ү б г э н.
һ а б а ш и ө б ө г ө н – 80; см. һ а б а ш и о б о г о н.
һ а д а к – 171; см. х а д а к.
һ а д а к а х а х а – 421; см. х а д а к а х а х а.
һ а й н – хороший 170; бур. лит. һ а й н.
һ а й н х а н ш а р м о р и н – хороший бегунец 111, 112; бур. лит. һ а й н х а н -
ш а р м о р и н.
һ а й н һ ү н һ э н – “хорошая” душа 55; бур. лит. һ а й н һ ү н э һ э н.
һ а л – обряд угона скота 129, 178.
һ а н – казна, общие деньги 58, 60, 64, 65, 66, 74, 75, 76, 411, 412, 413, 420; бур. лит. һ а н.
һ а р а – 260; см. х а р а.
һ а р а б ш и – сарай 179; бур. лит. һ а р а б ш а.
һ а р а н а – сарана 193; бур. лит. һ а р а а н.
һ а р х а ш и ө б ө г ө н – виночерпий 79, 80; в бур. орф. һ а р х а ш а ү б г э н.
һ а р х и н с а к – “книжка”, часть желудка животного 379; бур. лит. һ а р х и н с а г.
һ а р ш и - б о р ш и – особые лица, которые совершали в древности жертвоприношение
59, 60, 65; в бур. орф. һ а р ш а б о р ш о.
һ а р ь м я һ а н ы – духи низшей категории 55; в бур. орф. һ а р ь м а һ а н.
һ и х э – серьги 70; бур. лит. һ и и х э.
һ о г и (н у р х э н и) э ж и н – хозяин угля 442; бур. лит. х ө ө г э й (н ү ү р һ э н э й
э з э н).
һ о р б и – трость 390; бур. лит. һ о р ь б о.
һ о р һ о н э ж и н – хозяин кузнечного меха 443; бур. лит. х ө ө р г ы н э з э н.
һ у д а л – сидение 73; бур. лит. һ у д а л.
һ у л г а – ведро 191; бур. лит. һ у у л г а.
һ у м а – 70, 171; см. х у м а.
һ у н х о х о – молоко остыло 193; бур. лит. һ ү н х ү р ө ө.
һ ү н ш и - н о й о н – 78-80, 82; см. х у н ш и н о й о н.
һ у р х а р б а х а – состязаться в стрельбе из лука 84; бур. лит. һ у р х а р б а х а.
һ у р а й – голова жертвенного животного с дыхательным горлом и легкими, отделенными
от остальной туши 406-408, 417; см. х у р а й.
һ у р г а х а – учить 393; бур. лит. һ у р г а х а.
һ у х э – топор 174; бур. лит. һ ү х э.
һ э г и м я х а н – 65.
һ э л м э – меч 70; бур. лит. һ э л м э.
һ э р э – 71; см. х э р э.

Ц

ц а м ц а – рубашка 184; с а м с а.

Ш

- шабга – гадание на воде 297; бур. лит. шабга.
шабахан – замазка из смеси глины и конского навоза 125, 200; в бур. орф.
шабааһан.
шалханак – сгустки творога 203; бур. лит. шалхамар.
шанаһан зохо – саламат 191; бур. лит. шанаһан зөөхэй.
шандархал – останки (кости) шамана 319.
шара – желтый 335; бур. лит. шара.
шара тэхэ – желтый козел 252, 409; бур. лит. шара тэхэ.
шара-харана – желтая сарана 21; бур. лит. шара һараана.
шара-өбөөһөн – болезнь, насылаемая злыми духами 378; бур. лит. шара үбшэн.
шарга тэхэ – название шаманского обряда, букв. соловый козел 405; бур. лит.
шарга тэхэ.
шари һарана – 173; см. шара харана.
шаруһан – название шаманского обряда, делаемого в честь жены Эрлэн-хана 438;
бур. лит. шарууһан.
шаруһата хурай – 438; см. шаруһан.
шаралгун хур – шаралгуйская стрельба из лука (состязание) 222; в бур. орф.
шаралгун һур (харбаан).
шарха – название шаманского обряда 412, 438; в бур. орф. шарха.
шатаха – сжигать 435; бур. лит. шатаха.
шахи – деревянный сосуд с ручкой 194.
шидэхэн – веревка из волос 273; бур. лит. шидэһэн.
шинага – поварешка 174; бур. лит. шанага.
шире – стол; престол, жертвенник, навес на 4-х столбах, шаманский ящик; костер 254,
256, 420; бур. лит. шэрээ.
ширэ – 244, 261, 289, 292, 294, 302, 304, 309, 314, 315, 318, 331, 332, 421; см. шире.
ширэхэн – столик 377; бур. лит. шэрээхэн.
шоно – волк 395; бур. лит. шоно.
шоно надан – волчья пляска 25; бур. лит. шонын надан.
шонон онгон – волчий онгон 211, 394; бур. лит. шоно онгон.
шөдөр – пути, треног 340; бур. лит. шүдэр.
шөдөр ганзу – беснование, насылаемое злыми духами, тэнгэри 343; в бур. орф.
шүдэр галзуу.
шубуни зада – птичье зада (ненастье в период отлета птиц) 337; бур. лит.
шубуунай зада.
шубухан толго – арса без крупинок 201.
шубуханан толго – 203, 205; см. шубухан толго.
шудургу – прямой 337; в бур. орф. шударгы.
шудургу хун – прямой, честный человек 337; в бур. орф. шударгы хүн.
шудэртэ ного гэшхэ ухэй – “не ступал по росистой траве” 251.
шудадһан – жертвенное мясо, срезанное с костей 424, 423, 430; бур. лит.
шудадһан.
шудадһан – 65; см. шудадһан.
шулэнга – родоуправитель 120-122, 166, 189; бур. лит. шүүлингэ.
шулман шуаулан тэнгэри – “шулмусы, кроваво-красные тэнгэри” 108; бур.
лит. шулман шуһаулаан тэнгэри.

ш у л а д х а н — 161, 292; см. ш у л а д а һ а н.
ш у л м у с — черт, дьявол 299; бур. лит. ш у л м а с.
ш у л д х а — 288; см. ш у л а д а һ а н.
ш у л у н-м э н д э р — каменный град 341; бур. лит. ш у л у н м ү н д э р.
ш у л у н — камень 245; бур. лит. ш у л у у н.
ш у м э к — мешок для процеживания творога 202; бур. лит. ш ү ү м э г.
ш у н д а л г а — 296, 310, 436, 437.
ш у н д а л х а — (?) 292.
ш у р г э — обряд жертвоприношения 294.
ш у р г э-ш у х э — название шаманского обряда 436; в бур. орф. ш ү ү р г э ш ү ү х э.
ш у с — продовольствие 49.
ш у х а н у б а л г а — кровавое посвящение 315.
ш у х а н х а х и т э н г э р и — тэнгэри кровавых хатов 120; в бур. орф. ш у һ а н х а д а й т э н г э р и.
ш у х а н-х а т — кровавый дождь 338; бур. лит. ш у һ а н х у р а.
ш у һ а н-х а т — 3; см. ш у х а н-х а т.
ш у л а д х а х а — 290, 314; см.: ш у л а д а һ а н.
ш у х а н-х у р а — кровавый дождь 341.
ш у х а н-х а т — злые восточные кровяные хаты 104.
ш у х а н х и х и т э н г э р и — злые восточные тэнгэрины 104.

Э

э г е ш и — старшая сестра 444; бур. лит. э г э ш э.
э г э ш и — 164; см. э г е ш и.
э д е э г э е р э — приехали с едой, т. е. просители, приехавшие к шаману с тарасуном и мясом 115; в бур. орф. э д е э т э й е р э э.
э д э н х у н — простокваша 196; в бур. орф. э д э й һ у н.
э д э н-х у н х э — излишнее содержание простокваши в курунге 197.
э ж и л ж и — 248.
э ж и н — хозяин, владыка 107, 243, 253, 254, 260, 262, 263, 265, 307, 309, 413.
э ж и н ы м а н г а р — зайны, покровители разных болезней 376; в бур. орф. э з э н э й м а н г а р.
э л д э х э — выделывать кожу 393; бур. лит. э л д э х э.
э л и н с э к — 164; см. х у л и н с а г.
э м и х у ш и т у р ш а х а — пробовать силу плеча 227; бур. лит. э э м э й х ү ш э т у р ш а х а.
э м э л — седло 22; бур. лит. э м э э л.
э м э л г и н и — седельщик 71; бур. лит. э м э э л ш э н.
э м э р ш и н — южный ветер 339.
э р г ю л г э — вращающаяся кожемялка 96; бур. лит. э р ь ю л г э.
э р д э м — “мудрость” 385; в бур. орф. э р д э м.
э р х и я һ л и ө б ө р т ө , һ а й н а г т а н я һ л и а р а д а — хороший и храбрый мужчина оставляет кости на юге, хороший конь оставляет кости на севере, или “хорошие мужчины и кони оставляют кости на чужбине” 106; бур. лит. һ а й н э р ы н я һ а н ү б э р т э , һ а й н а г т ы н я һ а н а р а д а.
э р х и н д х и-у л а н-х у р г а н — название обряда 405, 407; в бур. орф. э р х и н д э х и у л а а н х у р ь г а н.

эрхэн шанга туршаха – пробовать силу большого пальца 227; бур. лит. эрхын шангые туршаха.

эрэмхэ – накипь 201.

эсэгэ – отец 164; бур. лит. эсэгэ.

этэ эрхэху – бояться худого 374.

эхэ – мать 164, 179, 214, 372; бур. лит. эхэ.

эхэ хурунгэ – закваска-курунга 196, 197, 198; в бур. орф. эхэ хүрэнгэ.

эхэлгэ – брожение 197; бур. лит. эһэлгэ.

эхэ-шара модон – ритуальная береза, выкопанная с корнями, на которую во время обряда посвящения влезает шаман 310, 313.

эюлхэн хурунгэ – вычерпанная курунга 198; в бур. орф. эюулһэн хүрэнгэ.

Ю

юбун – раковина 177, 208; бур. лит. юбуун.

Я

ягша онгон – игровой онгон 57, 72; в бур. орф. ягша онгон.

яман – коза 284, 295; бур. лит. ямаан.

ямани-эжин – хозяин коз 283, 295; бур. лит. ямаанай эзэн.

яман-хонин-хоёр – коза и овца 405, 409-411; бур. лит. ямаан хонин хоёр.

ямани эжин Хунан Хулан-өтөдө – “хозяйка коз дочь Хунатая бабушка Хулан” 291.

ямануха – домашняя коза 295.

ясим – то же, что шуладхан 161.

яха барьха – “поминки на третий день после похорон” 26, 185; бур. лит. яһа бариха.

яһан альбимши – похвала за что-нибудь, сделанное хорошо или быстро 375; бур. лит. яһан альбамши.

яһан зорхо – костяной наконечник стрелы 70; в бур. орф. яһан зорхо.

яшил – бронзовые вещи, упавшие с неба 235.

УКАЗАТЕЛЬ племенных и родовых названий

- Абаганатский род 226.
Абазаев род 279.
Атагаты 349.
Ашехабад, или Ашехабат, род 87, 91.
Ашехабатский род, то же что и Ашехабат, Ашехабаты, принадлежащие к роду Ашехабат 89.
Ашеховатский род, то же что и Ашехабат 226.
Бабаев, бабаевский род 226, 273, 306.
Бузагаты, род 91.
Булагат, племя 91, 92, 93, 95, 99, 10, 113, 159, 252, 347, 351.
Булутская кость 114.
Буровский род 217.
Быготский род 121.
Готольский род 99.
Зунгарский род, кость 91, 105, 109, 121.
Изгольский род 190.
Икинаты, род 91, 92.
Икинатский род (племя) 92, 94, 96.
Ирхидеев род 99.
Кульметский род 92, 93, 190.
Курумканский род 294.
Муруй, кость 112, 190.
Муруев, Муруевский род 92, 93, 190.
Нойоты, род 91.
Нойотский род 89.
Олзоев род 92, 93, 109, 112, 274, 305, 370.
Ользоновский род 16, 87, 245.
Онго, род (племя) 116.
Онгоев род 92, 99.
Сэгэнут, род (племя) 16.
Халгинский род 91.
Хангинский род (племя) 330, 389.
Хангинский шам. род 400, 402.
Харанутский род 89, 226.
Хирбиты, род 91.
Хотоготы, род (племя) 349.
Хогой, кость 126.
Хордуты, шам. род 398, 999.
Черноручский род 302.
Шаратский род 91, 92.
Шолотский род 98.
Эхиритская кость 109, 110, 111, 113.
Эхиритское племя 94, 95, 99, 112, 159, 252, 347, 351.
Эхириты, племя 91, 93.

УКАЗАТЕЛЬ имен собственных и географических названий

А

- Аба-хатан – хозяйка моря 260, 369.
Абай-Гэсэр-богдо-хан 54, 334, 337; см. также Гэсэр, Гэхэр.
Абагата – один из бөлөшинов или дулашинов; он же Мура – Хара-Мөнхөлжин 440.
Австралия, 36, 37.
Абада, шаман 114.
Абалзан, отец заянки Хамһари-хөкшин 401.
Абанты, западный бурхан 364.
Абарга-Саган-нойон 340, 438.
Абахай-Тайжи-хатун 340, 438.
Абта-хөбун 366; д. б.: Абта-хүбүүн.
Адагата-Агальжин, небесная заянка из группы ганзушинов 287, 386.
Адагнуша-онгон 275, см. ниже Адангуша-онгон.
Адангуша-онгон 392; д. б.: Адангууша-онгон.
Ажир-Бөхө, см. Ажир-Бөхө 376.
Ажир-Бөхө, хозяин р. Лены 259, 260, 270, 295, 321, 392; д. б.: Ажир-Бүхэ.
Азия 269, 279.
Айшахан, или Айшихан, сын Хангала, прадеда М. Н. Хангалова 127.
Айшихан, см. Айшахан.
Акинск, станция, 43.
Алак-Саган-нойон – кузнечное божество – “хозяин больших клещей” 248.
Алакши 440.
Алари, д. б.: Алайрай, род. падеж от алайр – “Аларь”, название района в Иркутской области.
Аларская дума 303.
Аларский дацан, 87.
Аларское ведомство 16, 17, 93, 98, 105, 303; см. также Алари.
Алдараевых десять 277.
Алмахан 287, 386.
Алтай, 46.
Алтатан – женский онгон у кудинских бурят 284.
Алтахан – см. Алтатан.
Алташа-хатун, жена змеиного царя 269, 294.
Африка, 39, 51.
Альба-хатун, жена Ажир-Бөхө 295, 376.
Алха – мифическое животное, проглатывающее во время затмения луну или солнце 261, происходит от санскритского Раху.
Аля, озеро 343.
Аля-хөбун, сын черного кузнеца Хожи-р-хара-дархана 366.
Ама-Саган-нойон, хозяин кузнечных клещей 364, 443.
Амагахан 386.
Аманда-Агальжин, девица – небесный онгон из группы ганзушинов 287, 386.
Амурская, область, 46.

Амчинское ведомство 93.
Амядаев Шошки, знаменитый облавщик 17.
Ангара, река 16, 27, 91, 92, 94, 97, 112, 127, 159, 190, 254, 260, 267, 398.
Ангинское ведомство 100.
Анда-бар, покровитель таежной охоты 445.
Андреев Иннокентий, тайша 143-148.
Аничка, см. Анишка.
Анишка (Аничка), заянка 402.
Аполлон, греческий герой 264.
Апошнев, чиновник особых поручений 146, 147.
Арайн-Саган-хан – “белый царь” 238.
Арал-бабай, хозяин (эжин) местности Худара 376.
Арахо – чудовище, проглатывающее солнце или луну 261; бур. лит. Араха, санскр. Раху, см. также Алхо.
Арбан-табан-зурактан 388.
Арда, местность 28.
Ардайн Аханут, шаманские божества 295.
Арзут, шаманка 273.
Армаевы сыновья 295.
Арман Эрдэев 295, см. Эрдэев.
Арха-Элдэжи-онгон 393.
Архинши-Мангилай 392.
Асаранги-тэнгэри 52, 53, 257, 258.
Асаранги арбангурбантэнгэри – “тринадцать тэнгриев Асаранги” 240, 341, 342.
Асухан, шаманка 350.
Атын-Улан-тэнгэри, глава 44 восточных тэнгеринов 52, 53, 54, 237, 340.
Ахаева гора 385.
Ахан, бурятское название реки Оки 386.
Ахан-гологой, гора 385.
Ахан-Улан, гора 286.
Ахан-Хорьхон, гора 286; то же, что Ахан-Улан.
Аханхи-басагад, заянки 402, 403.
Ахиллес, греческий герой 264, 264.
Ахунай, мифическая птица 287.
Ашахан, шаманка 287, 386; см. также: Асухан.
Ашехабад, сын Тоглоха, 87, 93.
Ая, бухта 281, 282, 288.
Аянга, черный шаман 398, 402.
Аяха, шаманка 270.

Б

Бабай Бабаев, шаман 302.
Багай, сын Барлака, предка М. Н. Хангалова 117, 118, 121, 122.
Бабаган-онгон 394.
Багдыева 361; см. Тархан.
Багдый 361.
Баго Эмечеев 295.
Багшиндай, один из западных тэнгеринов 334, 390.

Бад-хара-тэнгэри 104.
Бажигалда, шаман 287, 386.
Бажир, назв. местности 397.
Бажир-Саган-нойон, хозяин молота 248, 364, 443.
Бажир-Хара-нойон 439; см. также Балташи-Бажир-Хара-нойон.
Бажир-Хара-одёгон, шаманка 397.
Байтак, гора 269, 394.
Байкальский хребет 265.
Балаганск, уездный город Иркутской губернии 189, 295, 401.
Балаганский острог 159.
Балаганский округ 17.
Балаганское ведомство 16, 89, 93, 136, 142, 272, 273, 274, 278, 285, 286, 305, 397.
Балихай, шаман, один из предков М. Н. Хангалова 122-125, 398, 441.
Балташи-Бажир-Хара-нойон, см. также Бажир-Хара-нойон.
Бодорей-тайша, земля 16.
Бурят-тайша, земля 16.
Беловежская пуша 40.
Баранак, онгон 401, 402.
Барлак (Габаетов), шаман 387.
Барлак (Хогнуев или Когнуев), шаман, предок М. Н. Хангалова 113-118, 305, 306, 338.
Бароксанов 146.
Барулама-тэнгэри 384.
Баруни-Боро-Шарга, тэнгэри 351.
Барун Зоход, местность 109.
Барһуһан, заян 387.
Барьбан - бөхө, силач 274.
Барьшан, шаман 287.
Барьядай 273.
Баряда 398.
Бата-өбөгөн, заян 391.
Батан-Ганзу, заянка 402.
Батар, шаманка 362.
Батык, гора 292.
Бахан, шаман, предок М. Н. Хангалова 117, 121, 122, 398.
Бахаргу-Саган-тэнгэри 337.
Башенхаев Баендай, шаман 302.
Башинки, заянка 401.
Башкуни басаган хан өтөдө, заянка 295.
Башкунина, см. Башкуни.
Башкуя, мифический город 386.
Башунай, заян 285, 287.
Баяндаевское ведомство 93, 99.
Бидли, дочь белого шамана Барлака 116.
Биретский улус 105.
Бирихэ, онгон из группы хамуни-онгонов 388.
Биртакшин, черный шаман 397.
Бишелэ-Ганзу-бурхан 149.

Богдо-Гэсэр-хан 323.
Боголо, шаман 166.
Богсоргоно, обосинский черный шаман 398; см. Боксоргоно.
Бодо, окинский богач 124-125.
Божинто 158, 248; см. ниже Божинтой.
Божинтой, небесный кузнец 335, 364, 388, 389, 415.
Божир-Саган-ноён, хозяин молота 248.
Бок-шара, восточный черный кузнец 366.
Боксоргоно, см. Богсоргоно 151.
Болог-Отохон, гора 287.
Болок-Өшөхөр, назв. местности 386.
Болот, шаман 92, 189.
Болот-Саган-ноён, хозяин сибирской язвы 377.
Болур-Саган-тэнгэри 250.
Болхан, заян 387.
Большой Орлок, местность 98.
Большая Медведица, созвездие 263.
Бомбор-ноён 408.
Бомон-Хара-тэнгэри 343.
Бони, заян 361.
Борго-Саган-хатун, жена Эргил-Саган-бурхана 149.
Бордоев Холон, шаман 159.
Борокши-ноён (Бониев), заян 361.
Борон-Голодо, 285, 287.
Босон-Ганзу, заянка 403.
Ботай, сын Ашехабата, родоначальника рода Ашехабат 93.
Боханское ведомство 98.
Бохо-нур, озеро 287, 386.
Бохо-Муя, сын западного тэнгэри Заян-Сагана 238, 247, 263, 264, 265.
Бохо-Тэли, сын восточного тэнгэри Хамхир-богдо 238, 247, 263, 264, 265.
Бохоли-Хара, первый шаман 299.
Бохон, шаман 371.
Бө-Хара-тэнгэри 342.
Бөрөн-Сокур-тэнгэри 342, 368.
Бөрөн-тэнгэри 340.
Бөрөн-Хара, восточный тэнгэри 342.
Бөртө, онгон 278, 330, 389.
Бөртөгөйская баба, см. ниже Бөртөгөнөн-хөкшин.
Бөртөгөнө, назв. местности у Балаганска 401.
Бөртөгөнө-хөкшин, заянка 401; д. б.: Бортогной хөгшэн.
Бөхө-Бэлгэтэ тэнгэри, см. Бөхө-Бэлгэтэ.
Бөхөнө, шаман 342.
Бубе-онгон, овечий онгон 267, 392.
Буга-ноён, хозяин земли 369.
Буга-Саган-ноён, хозяин истока Ангары 254, 314, 383.
Бугдан, шаман 398.
Будай, шаманка 152.
Будал-тэнгэри 255, 335.
Будан-хатун-ниби, или просто Будан, жена западного хата Бухан-ноён-бабая 252.

Буди-Улан-батор, см. выше Буда-Улан-батар.
Будургу-Саган-тэнгэри 239, 241, 242, 243, 337, 344, 347.
Бужир-Саган-тэнгэри 150, 239.
Булагат, родоначальник племени булагатов 87, 93, 350, 351.
Булак-Саган-нойон, западный хат, хозяин порогов 352, 353.
Булгахан-Гол, назв. местности (?) 287, 386.
Булгаши-хатун, жена Хэрмэши-нойона, хозяйка горы Хэрмен-ула 251, 253, 254, 410.
Булгу, шаман 398.
Булин-Хара-тэнгэри 340, 341.
Булсун, дочь Хангала, деда М. Н. Хангалова 128.
Булыхан, хозяйка куницы 283.
Бумал-Саган-тэнгэри 338.
Бурза, заянка 402.
Буру-Занта-Булалжин, т. е. небесный онгон из группы ганзушинов 287, 386.
Бурунту, шаман 398.
Бурунху-тэнгэри 342.
Бутухэ, шаман 402.
Бутухей улус 122.
Бутухейский улус 113.
Буха-нойон-бабай, западный хат, мифический прародитель булагатов 238, 249, 252, 264, 265, 266, 270, 294, 314, 325, 337, 344, 345, 347, 350, 424, 245.
Буха-онгон 267, 395.
Буйн, тарсайский шаман 398.
Буйшки, тарсайский шаман 398.
Бүрүнхү-тэнгэри 368.
Быдэк, см. Быдэг.
Бэлэкси-хатун, небесный онгон 286, 385.
Бэрэ, жена Барлака, предка М. Н. Хангалова 115, 117.
Бэшэкси-хатун, небесный онгон 286, 385.

В

Венера, планета 260, 263, 285.
Верхне-Кудинское ведомство 93, 217.
Верхне-Окинское ведомство 97.
Верхне-Окинский караул 124-125.
Верхоленское ведомство 16, 87, 93, 262, 269, 272, 277, 293.
Верхоленский уезд 91, 109, 294.
Вишну, индийское божество 261.
Воеводский 264.
Врангель 37.
Всеволод, киевский князь 40.

Г

Габи-хатун, жена западного хата Ганга-нойона 352.
Газада-далай, мифический океан 340, 344.
Гал-Долмо-хан, см. Гал-Долмо-хан.
Гал-Голыхэн, хозяин огня 280, 330.

Галта-Улан-тэнгэри 239, 339.
Галуха, жена знаменитого облатчика Шошки Амыдаева 17.
Галуха, дочь шамана Хула-Бурхана 401.
Галша-Улан-тэнгэри 104.
Ганга-нойон, западный хат 352.
Гангар-нойон, хозяйин огай 280.
Ганзу-онгон 257, 392; д. б.: Галзу-онгон, букв. “бешеный онгон”
Ганзу-тэнгэри 343.
Ганзушины, заянки 285, 287, 297.
Гарьхата-Ганзушин, заянка из группы ганзушинов 287, 386.
Гахай-онгон 395.
Гектор, греческий герой 264, 265.
Гентей, страна 46.
Георги, исследователь 276, 303.
Голто-Саган-бурхан 149.
Горхон-Ула, гора 238.
Гохоши-нойон, заян, покровитель удочки 102, 255, 256.
Гуг-Хара-тэнгэри 344.
Гужир-тэнгэри 117, 238.
Гужир-Бомо-тэнгэри 340.
Гужир-Домо-тэнгэри 340.
Гужир-Саган-тэнгэри 247.
Гули-хан 33.
Гуули-хатан.
Гули-хатун, жена хозяйина огня Гал-Гольхана 280, 330; д. б.: Гуули-хатан.
Гульбэрэ-хатан, жена водяного царя Гумгэ-нойона 104.
Гульбэрэ-хатун 256, 257.
Гульмэ-нойон 256; см. Гумгэ-нойон.
Гульмэши-хатан, покровительница сетей 103.
Гульмэши-хатун (Гульмэрэ-хатун), жена Гунгэр-нойона, хозяйина бараньего бугра 251, 254, 408, 409.
Гумгэ-нойон, один из водяных царей 104, 257.
Гунгэр-нойон, хозяйин бараньего бугра 408, 409.
Гурбан-Бөрөн-тэнгэри 344.
Гурбан-Манан-тэнгэри 344.
Гурбан-Марал, созв. Орион 263.
Гурбан-Халхин-тэнгэри 339; д. б.: Гурбан-Һальжин-тэнгэри.
Гурбан-Эмэршин-тэнгэри 339.
Гурешин-нойон, покровитель рыболовного снаряда, “морда” 102.
Гурсэд, бабушка М. Н. Хангалова 128, 131.
Гуртэ-Зарин, шаман 160.
Гуртэ-Зарин-Монготуев, шаман 251.
Гуртэ-Саган-зарин 254.
Гутар-багин-тэнгэри 339.
Гынгыр-хатун, жена хозяйина огня Гангар-нойона 280.
Гэгэ-лама 265.
Гэгэн-бурхан 238.
Гунгэр-нойон, хозяйин бараньего бугра 254, 256.
Гэрэл-нойон, один из уһан-хатов 104, 256, 257, 352.
Гэхэр-хан 324, см. Гэсэр-хан.

Д

- Даба-нойон, хозяин земли 267.
Даб а г а р, черный шаман 398.
Даб ай - хан, онгон 285, 329.
Дабан - Саган - нойон, хозяин всей земли 369.
Дабан - Саган - Хатун, жена уһан-хата Далай Лобсона 352.
Дабан - холо - тэнгэри, западный кузнечный тэнгри 388.
Д а б и, старшина 120, 122.
Дайбан - Хөхө - тэнгэри, западный тэнгри, покровитель белых кузнецов 335.
Дадага - хара - дархан, первый небесный кузнец 248.
Дала - лама, см. Далай-лама 238, 265.
Далай - лама, сын Гужир-тэнгэрина, см. также Гэгэн - бурхан.
Далай - Лобсан, один из уһан-хатов 352.
Далан - Төргөд, заян, покровительствующий нарывам 378.
Дархани хахюл онгон 389.
Дахта Муханов, принадлежит к числу “ардайских богов” 295.
Дашан, шаманка 362.
Дебёдой, пастух Эсэгэ-Малана-тэнгри, покровитель стад 334.
Джуги, сын Чингис-хана 46.
Дз а п х ы к, река 46.
Дибэн - Саган - нойон, хозяин земли 267.
Дионис, греческий герой 264.
Додоева семья, шаманский род 150.
Долбон-Саган-нойон, заян 417.
Д ол ж и н, заян 297.
Долон - Бурхан, созов. Большая Медведица; д. б.: Долоон Бурхан.
Долон - Монхон - тэнгэри, западный тэнгри 104; д. б.: Долоон Мүнхын
тэнгэри.
Долон - Өбөгөд, созов. Большая Медведица 263; д. б.: Долоон үбгэд.
Долон-хохо-тэнгэри 255, 335; д. б.: Долоон-Хүхэ-тэнгэри.
Долье - хатан (или хатун), жена водяного царя Дошкин-нойона 104, 256, 257.
Дольто - Саган - нойон, хозяин наковальни 248, 364, 443.
Домбон - нойон, один из восточных хатов 376.
Домбор - хатун, заянка, жена Бомбар-нойона 408.
Донжин долоон, “Донжиевых семь”, черные кузнецы 376; д. б.: Д о н ж ы н
долоон.
Донжоевы семь, см. Донжин долоон 376.
Доноевский улус 113.
Дорби - хатун, жена Хорби-нойона, хозяйина “конной трости” 302.
Дорбон - Харан - тэнгэри (или Хэлин - Хара - тэнгэри), восточный тэнгери
398; д. б.: Дүрбэн - Харын - тэнгэри.
Доргото, местность 17.
Дорьбоши - хатун, жена Хорьбоши-нойона, хозяйина “конной трости” 302,
311; д. б.: Дорби - хатун.
Дотороевых семь, онгоны 277.
Дошкин - нойон, один из уһан-хатов 104, 256, 257.
Дошкин - Сомон, небесная девица 116-118.
Дөбөдөй, небесный кучер у Эсэгэ-Малана-тэнгэри 314.
Дөбөдөй, сын Оёр - Мөнхөн - тэнгэрина, покровитель скота 339.

Дуде, богиня 284.
Духоргоно, заян 287; см. также Дүһоргоно.
Духэ Башутхаева, заянка 404.
Дүһөргөнө, заян 386, то же лицо, что и Духоргоно.
Дэлхэн, заянка 287; см. также Дэлһэн.
Дэлхэтэ-Зогдор, шаман 151, 398.
Дэлһэн, заянка 386; она же Дэлхэн, см. выше.
Дэлэнтэ-Саган-хатун, жена хозяйина всей земли Дабан-Саган-нойона 369.
Дэрхэн Шилбэ, онгон 388.

Е

Егсон-мэргэн 85.
Ексон-мэргэн, знаменитый облавщик 17.
Ель-Шаракшин, 385.
Енисей, река 46, 78.
Еро 324.
Ехон-Торон, гора 113, 286.
Еһон-Шухан-тэнгэри 341, 343.

Ж

Жербаков Осип, тайша, 143, 146-148.
Желтая река 46.
Жехо, местечко 47, 48.
Жибтэ-хөбүн, восточный черный кузнец; д. б.: Жибтэ-хүбүүн.

З

Загалмейский улус 302.
Зада-Улан-тэнгэри 337, 340.
Зада-Саган-тэнгэри 337.
Залари, местность 29, 97.
Залата-одон, комета 263.
Закулей, местность 109-113, 118, 126, 254.
Закулейский улус 280.
Замхан, шаман 273.
Заря-Азарга, небесный еж 267, 268, 396.
Заса-Шухур-Аха 334.
Затопляев, советник 148.
Заян-Саган-тэнгэри 237, 238, 263, 344.
Заян-Саган-Бохо-Муя, западный тэнгри 247.
Зет-Больён, порог на Селенге (?) 238.
Зевс, греческий герой 264.
Зогдор 398.
Зото-Бөхө, онгон 388.
Зото-Ганзу, онгон 388.
Зотохон, простой бурят 274.
Зугаа, назв. местности 94, 398.
Зуган 386.

Зула-Саган-хатун, жена сатинского бурхана Такил-Сагана 149.
Зулхэ — река Лена 321; бур. лит. Зүлхэ.
Зулхэ — назв. местности 376.
Зулхэн эжин, см. Зулхэн-нойон.
Зунгаро-Быкотское ведомство 93, 98, 105.
Зурхэши-хатун, жена западного бурхана Эрхэши-бабай 362.
Зэльши-хатун, покровительница ээли, жена хозяина пестрой тайги Зэрлик-нойона 251, 253.
Зэрлик-нойон, хозяин пестрой тайги 251, 253.

И

Игэрхэн Алханцаев, шаман 260; см. Идэрхэн Алханцаев.
Игра-Ганзу, заянка 403.
Идер-Нашин-Шитухэ, легендарный герой 85, 440.
Иде, река 377.
Идир Ганзу, один из сатинских богов 282.
Идинское ведомство 16, 89, 93, 266, 286, 294.
Идэрхэн Алханцаев или Алхансаев, шаман 294, 297, 441.
Иконников 100, 101.
Илден, хозяин какой-то болезни 378.
Имахан, богач 287, 385.
Имнэг-Саган-нойон 252, 253.
Индия 35.
Иракл, греческий герой 264.
Ирбан, черный шаман 403.
Ирихэ Андаев, онгон 285, 388.
Иркуги эжин, хозяин Иркуты; д. б.: Эрхүүгэй эжин.
Иркут, река 271.
Иркутск 86, 99.
Иркутская губерния 87, 91, 92, 110, 262.
Иркутский уезд 91, 109, 110, 217.
Ишигал, шаман 118.
Ишхи-багин-тэнгэри, западный тэнгри 337.
Ишхыргигэ таньхабый Ишхэ-Багин-тэнгэри, один из западных тэнгеринов, букв. “тэнгри, столь богатый потомством, что не знает всех своих потомков” 239.

К

Капсал, гора 294.
Капсальское ведомство 99, 226.
Карамзин Михаил Иванович 133, 134.
Кастрен, исследователь 276.
Кахинское ведомство 93.
Кимельдей, село 287.
Кирьяков-Попов, Егор, крестьянин 132.
Китай 51.
Китаран-Зарин (или Мульма-нойон), хозяин Тунки 253.
Китайское ведомство 93, 294.

К о й т у, божество 265.
К о с а я, степь 289.
К о л ы м с к и й о к р у г 37.
К о л ы м с к 37, 38.
К о л ы м а, река 37.
К у д а, река 386.
К у д и н с к, пос. 287, 295.
К у д и н с к о е в е д о м с т в о 89, 90, 93, 98, 99, 226, 269, 273, 277, 292, 309, 398.
К у л у н к у н, улус 398.
К у р у м ч и н с к о е в е д о м с т в о 99.
К у р ы, деревня 226.
К у р т у н, дер. 270, 282, 389.
К у т у л ь с к о е в е д о м с т в о 93, 97, 98.
К у р л я н д и я 41.
К ы р м е н с к о е в е д о м с т в о 93, 99.
К я х т а 254, 334.

Л

Л е н а, река 91, 94, 321.
Л и т в а 40.
Л у к - Х а р а - т э н г э р и, восточный тэнгри 399.

М

М а д а р, шаман 115.
М а й д а р Т у ж и р о в, шаман 272.
М а л а - У б у г у н, букв. “плешивый старик”, бумал-бурхан 292.
М а л а к, шаман 287, 385.
М а л а н а к, шаман 115, 116, 272, 306; см. также Маланак Хабалзаев.
М а л г а н - и з и, жена игрового онгона Бата-обөгона 391.
М а л ь т а, местность 16, 27, 332.
М а л ь т а, селение 281, 282.
М а н а н - т э н г э р и 340.
М а н д а в а й, жена Б а л и х а я, одного из предков М. Н. Хангалова 121, 122, 124.
М а н д а н, отец зайнки Баранак 401.
М а н д а х а й, заян (?) 386.
М а н и т а - М а н ж и л, небесный пастух Эсэгэ - Малан-тэнгэрина 334.
М а н х а - М а л а н - т э н г э р и, см. Манхай-Малан-тэнгэри.
М а н х а й, гора 271, 332.
М а н х а й - М а л а н - т э н г э р и 239, 240, 339.
М а н ь ч ж у р и я 73.
М а т а - х а т у н, жена западного хата Шэтэ-нойона 352.
М а х у н а, шаман 398.
М е л х о г у й, падь 113.
М и н а - Х а р а, сын Эрлэн-хана 372.
М и н у с и н с к и е с т е п и 78.
М и р о н о в Е г о р 146, 147.
М и х а и л (Хангалов) 128, 131.
М и ш э л э Г а н з у Н о м т о е в а, богиня 282.

Мого-хан 269.
Молонтой 347, 348, 349.
Молькинское ведомство 93, 98.
Монголон-изи, онгон 283.
Монголия 21, 22, 26, 46, 73, 78, 85, 86, 92, 278, 295, 389, 392.
Монгото-зарин, см. Мөнгөтө-зарин.
Мономах Владимир 40.
Монхай-Малан-тэнгэри, см. Манхай-Малан-тэнгэри.
Монхор Унагаев, шаман 294.
Моргон-Дэгэ 352.
Морни Тологой, падь 113.
Мори-Хургаши-онгон 393.
Мородон, “Звезда-Колесо” 263.
Московский тракт 287.
Муготжарские горы 43.
Муда или Муда-иби, или Мудай, шаманка 94, 152, 399.
Мульма нойон (или Китаран-зарин), хозяин Тунки или Торской степи.
Мундыхан Мандаева, хозяйка горностая 283.
Мундарга, гора 362.
Мура-Хара Мөнхөлжин, дулашин 440.
Муруй, родоначальник рода Муруй 92, 189, 190.
Мухур-Булаг, гора 306.
Мушин, онгон 275.
Мэльдэн, старуха, заянка 287, 386.
Мэлтэн-Саган-хөбүн, онгон 388; д. б.: Мэлтэн-Саган-хүбүүн.
Мэнгэлэ-эзи, заянка (?) 387; д. б.: Мэнгэлэ-эзы.
Мэндэн, старик 269.
Мэндэр-тэнгэри, один из западных тэнгеринов 338; см. Мэндэри-тэнгэри.
Мэндэри-тэнгэри, западный тэнгри, бог града, грома и молнии 338; д. б.:
Мундэрэй-тэнгэри (?).
Мэргэ, черный шаман 399.
Мэргэн-Дэгэ, один из западных хатов; д. б.: Мэргэн-Дэгээ.
Мэргэн-Төгөлтөр 334.
Мэргэн-Хара, первый шаман на земле 299.
Мэшэд, соzv. Плеяды 263; д. б.: Мүшэд.
Мөнгөтө-зарин 314.

Н

Нагад-зарин, сын Сагана Нонхуева, заян 252.
Нагад-Саган-зарин 253; то же лицо, что Нагад-Зарин, см. выше.
Нагаса, местность 17.
Нагдуй, западный бурхан 364.
Нагорай-бө, шаман из тунгусов 284; здесь бө-бөө – “шаман”.
Нажин-хатун, жена шамана Нагорай-бө, онгон 284.
Найжи-иби, то же, что Нажин-хатун, (см. выше).
Назар Хубаев, гл. тайша 115, 116, 143, 144.
Назаров Андрей 133, 134.
Нал-хатун, богиня солнца 286, 385.

Нал-шаракшан 286, 385.
Нарячки, шаманка 401.
Нахурай, онгон, см. также Хан-нахурай.
Нельхайское ведомство 93, 94, 98.
Нижне-Кудинское ведомство 94, 95, 97.
Николай (Хангалов) 128, 131.
Нил, архиепископ ярославский 303.
Нил Харакшин Шотоева, шаманка, прислужница у горных онгонов 387.
Нинхала-хатун, жена западного бурхана старика Сэндэлэ 362.
Ногон, шаманка 362.
Нойон, шаманка 362.
Нойон-Саган-тэнгэри 287, 339, 386.
Нойон-Тонхо-Ганзу Мантаханов 285, 287, 386.
Нойон-Тунхэ Мондахаева, хозяйин хорька 283.
Ноктото-Нохо-Шаракшин 287, 386.
Номогон, шаманка 362.
Номошки Габахаев, знаменитый стрелок, воспеваемый в песнях 17, 85.
Нонхуй, отец западного хата Нагад-Саган-зарина 253.
Ныгденское ведомство 93, 99.
Нүхэн-Гол, назв. мифич. местности 287, 386.
Нүхүр-хара-хара, вост. черный кузнец 366.
Нюхата Зура (или Зургай) (Гэсэр в детстве) 259-266.

О

Обдори-богдо-хан, монгольский царь 238.
Обо, дочь Хангала 128.
Обо-тэнгэри, он же Сэгэн Сэбдэг 53.
Обогон, родоначальник родов Хогой и Онго 92.
Обуса, река 98.
Обор-Улятай, гора 238.
Оёдол-Саган-тэнгэри 340.
Оёр-Монхой-тэнгэри, см. Оёр-Мөнхөн-тэнгэри.
Оёр-Мөнхөн-тэнгэри 104, 239.
Оёр-Монхой, см. Оёр-Мөнхөн.
Оёр-Саган-тэнгэри 369.
Ойн-эжин, хозяйин леса 266.
Олзой-хан 92, 189.
Олзоевское ведомство 99.
Олзоновское ведомство 93.
Ольхон, остров 262, 266, 284, 292, 295, 296, 297, 398.
Ольхонское ведомство 93, 261, 277, 284.
Оксогор, гора 324.
Ока, река 27, 91, 94, 159, 286, 287, 398.
Омольто, заян 295, 441.
Онгоевская баба, онгон, см. Онгон-хөкшин.
Онгой, родоначальник рода Онгой 92.
Они Отгонов, шаман 295.
Онхото, или Онхотой 92.
Оргото-хатун, дочь неба 286; см. также Өргөтө хатун.

Ординское ведомство 99.
Оробсор-хатун, дочь неба 286; см. также Өрөбсөр хатун.
Орхон, река 46.
Оса, река 98, 112, 132.
Остзейский край 42.
Охин-Тонхо, сын Амагахана, заян 386.
Охин-Тохо Амагаханов, заян 287; то же, что Охин Тонхо.

Өргөтө-хатун, дочь неба 385, см. Оргото.
Өрөбсөр-хатун, дочь неба 385, см. Оробсор.
Өтөк-хат, назв. небесной страны 387.
Өхин-Хара-тэнгэри 343.

П

Паллас, исследователь 275.
Паланта-бурхад 312.
Писон-Саган-тэнгэри 337.
Польша 40, 41, 42.
Прытков, исправник 146.

Р

Рагу, демон 261.
Рик, онгон 285, 329.

С

Сабиши-хатун, жена Сахит-хана, главного писаря Эрлэн-хана 259.
Сагадай-нойон, хозяин огня (?) 314; ср. Сахядай.
Сагадар, богатый бурят 121, 123.
Саган-Баргад 385.
Саган-батор, силач 94, 159; д. б.: Сагаан-баатар.
Саган-Бохо-Муя 347.
Сага-Заба, утес 281, 282, 288, 289.
Саган-нөхо, шаман 364.
Саган-одон, вечерняя звезда 263.
Сайгут, гора 294.
Садамтын-Саган, озеро 321.
Саксага-хатун, жена Шажага-нойона, хозяйина местности Баргузин 376.
Сам-Саган-Саган, дочь Сарь-Саган-тэнгэрина 298.
Самсахан, жена онгона Дөбөдө 391.
Сандал-Ноён-Мишеши, один из восточных (?) хатов 238.
Санхурун-хатун, жена хозяйина огня Сахяда уругуна 241.
Сар-Саган-нойон 298, см. Сар-Саган-тэнгэри.
Сар-Саган-тэнгэри, восточный тэнгри 339.
Сар-хара, черный кузнец 366.
Сара-одёгон, шаманка 376.
Саргал-Нойон, см. Сарагал-Нойон.

Сарь-Саган-тэнгэри 240, 245, 249.
Сасхя, хозяйин болезней 378.
Сахала-хатун, жена хозяйина огня Сахяда-нойона 241, 242, 279, 280, 288, 293.
Сахалин, остров 267.
Сахали-хатан, см. Сахала-хатан.
Сахир, шаман 151.
Сахит-хан, главный писарь Эрлэн-хана 259.
Сахяда или Сахядай-нойон, хозяйин огня 151, 241, 242, 244, 279, 280, 283, 288, 293.
Сахяда-Убугун 241, см. Сахяда-нойон.
Сахядай, шаман 398.
Селенга, река 254, 260.
Семисосенный улус 284.
Сибирь 16, 17, 21, 41, 42, 51, 272.
Согто-мэргэн, сын Ухан-Солбон-тэнгэрина 116, 117, 244, 260, 272, 338.
Соколов 100, 101.
Сокор-эзи, заянка 404.
Сокто-мэргэн, см. Согто-мэргэн 338.
Солбон, планета Венера 244, 263, 272, 391, 392.
Солбон-Саган-тэнгэри, хозяйин планеты Солбон (Венеры) 244, 260, 263.
Соловей-разбойник, герой славянских мифов 265.
Сом-Саган-нойон, сын Сар-Саган-нойона, восточный (?) хат (он же Быдэк) 150, 373.
Сом-Саган-нойон, хозяйин сулмара, сын небесного кузнеца Божинтоя 365.
Сомон-Хөхө, западный тэнгэри 340.
Сонгол, шаман 398.
Сөнгөлөн, см. Сэнгэлэн.
Степан, сын Хангала, деда М. Н. Хангалова 127.
Суг, гора 118.
Сулсан, бедная бурятка 115, 116.
Сэгэн-Мэбдэк-тэнгэри 53, 54, 237, 334; д. б.: Сэгээн-Сэбдэг-тэнгэри.
Сэжэн-Бар, онгон 283, 284, 329.
Сэмбэр-ула, гора 255, 340, 344; д. б.: Сүмбэр-уула.
Сэндэлэ, западный бурхан 362.
Сэрэн 398.
Сэсэк, шаманка 362; д. б.: Сэсэг.
Сэсэк-Ногон-абаха (или абаха й) 334; д. б.: Сэсэг-Ногоон-абахай.

Т

Табан зурагтан, назв. группы онгонов 387, 388; д. б.: табан зүрагтан.
Тадак, шаман 287, 385.
Тадак-хатун, шаманка 402.
Тажирай, заян (?) 277.
Тажираевы три, онгон 277, 387.
Тайжи-хан 349.

Тайтурк, местность 16, 27.
Такил-Саган-бурхан 149.
Талгата, гора 114.
Талкин, деревня 401.
Талмахан, заянка 287, 386.
Тальниевы сыновья 295.
Тальяни, равнина 238.
Тамири-улан, гора 269, 294.
Тангала-эзи, заянка 387.
Тангуб, улус 273.
Таношка, см. Таночка.
Танхаевы пять, горные онгоны, входят в Табан-зурактан 387.
Танхай, горный онгон 277.
Таргайские ахануты, зайны 297.
Тарим-Саган-нойон, покровитель обряда тарим 413, 414.
Тарсай, местность 404.
Тархаев Данила 146.
Тархан, западный бурхан, женское божество 361, см. так же Богдыева.
Тарятын Ондор, гора 326.
Тат-Хара-тэнгэри 104, 344.
Таталан-изи, заянка 283.
Тельма, местность 16, 27.
Тоглок, один из легендарных предков бурят 87, 93.
Толбото-Саган-нойон-бабай 252, 253.
Толы, река 46.
Тонхо, см. Эргил Буга-ноён.
Торехо, дулашин, мужчина 441.
Торешка, дулашин, девица 441.
Торсок, сын Тотхото-мэргэна, один из предков М. Н. Хангалова 111, 112, 113.
Тотхото-мэргэн, один из предков М. Н. Хангалова 109, 111.
Тройчкеев, богатый бурят 146.
Төдөгөтө-Төнхельжин, заянка из группы ганзушинов 287, 386.
Төмөн-Жаргалан-абахай, см. Төмөн-Жаргалан-хатан.
Төмөрши-нойон, восточный хат 438.
Төнури-эжэн 266.
Төхи-изи (эзи) 283, 387.
Тужар, шаман (?) 115.
Тулма, гора 179, 250.
Тулман-Саган-нойон, покровитель свадьбы 148, 179, 250, 253.
Тулма-нойон, хозяин Турана 253.
Тумэ-Ногон-Духэ 238.
Тунка 124.
Тункинское ведомство 93, 262.
Тункинские горы 266.
Туркестанский край 302.
Туруханск 38.
Тухэ, шаман 398.
Туя-хатун, жена Гэрэл-нойона, принадлежит к уһан-хатам (водяное божество) 104, 256, 257, 352.

Тэли, сын неба 314.
Тэнгэри - оёдол, Млечный путь 263.
Тэнхэлжин 385.
Тэхэ, старик 287, 385.
Тэхэ-онгон 267, 395.
Тэхэшки, первая жена Хангала 127.
Тымыршэй 283, 329.

У

Уган, заян (?) 386.
Угигэ-Хунэртэ, онгон 285, см. также Хан-Толохон и Хатан-Болохон.
Угиши-хатун, жена Ухэрши-нойона, писаря Эрлэн-хана 259.
Уда-Мөнхөн-тэнгэри 104, 255, 334.
Удама, шаманка 397.
Удан-Мөнхөн, см. Уда-Мөнхөн.
Удэши-бурхан, бог двери 312; д. б.: үүдэшэ бурхан.
Укырское, ведомство 93.
Уладар, шаман 398.
Улан-Зала, западный хат, см. Улан-Зала-Мэргэн-Дэгэ 352.
Улан-Зала-Мэргэн-Дэгэ, западный хат 251-253, 352.
Улан-мэргэн, царевич 70.
Улан-энгин-хур, Улан-энгинское состязание в стрельбе из лука; д. б.:
Улаан-Энгэнэй хур.
Улеги-олон, “улейские многие”, назв. онгона 404.
Улейское ведомство 93.
Улейские многие, назв. онгона 404.
Улисс, греческий герой 364.
Улухэн 340, 371.
Ульбер, хозяин золотухи 378.
Уля, местность 94.
Улягиэжин, хозяин местности, где расположен Александровский завод 254,
см. также Ута-Саган-нойон.
Унга, река 29, 92, 97, 127, 189, 190.
Унгэ-Балихай 126.
Унхуй-Урянхай, заян 149.
Унхэ-Хара-Загал, шаман 295.
Унятха, зунгарский бурят 109.
Уран, герой греческих мифов 265.
Уран-Саган-хатун, жена хозяина острова Ольхон Ута-Саган-нойона 295.
Ургата, гора 131.
Уршак, заян 402.
Урянхай Унхув, шаман 256.
Усолье, местность 16, 27.
Усть-Оса, река 112.
Усть-Орда, деревня 226, 292.
Ута-Саган-нойон, (или Уляги-эжин), хозяин местности, где Александровский
завод 254.

Ута-Саган-нойон, хозяин острова Ольхон 295, он же Хан-Хөтө-бабай.
Ута-Харанган-нойон, заян 149, 255.
Утха, лама 385.
Уха-Лобсан-хан, царь вод (шаманские божества) 149, 255.
Уха-Лобсон, ухан-хат, сын Гэрэл-нойона 352.
Уха-Солбон-тэнгэри 116, 244, 285, 286.
Уха-Тоголтор, сын Хулдана, онгон 287, 287, онже Уха-Төгөлтөр Холдуев или Хулдаев.
Ухай-Лобсан-хан, см. Уха-Лобсон-хан.
Ухан-Дабан-хатун, жена царя вод Ухан-Лобсон-хана 255, 256, 352.
Ухан-Лобсон-хан, царь вод, главный заян в Ухан-хате 255, 256, 268, см. также Уха-Лобсон.
Уха-Солбон-тэнгэри 263, 337, 338, см. также Уха-Солбон.
Ухан-хат, “водяное царство”, место обитания “водных царей” или водных божеств 102, 104-108, 149, 240, 249, 254-256, 260, 267, 280, 282, 294, 295, 297, 325.
Ухандай 338.
Ухантай 338, 392, см. также Ухандай.
Ухыр-Манхай, гора 292.
Ухэр-Хара-тэнгэри 343.
Ухэрши-нойон, главный писарь Эрлэн-хана 259.
Ушата, улус 273.
Уна-Лобсон-хан, царь вод, см. Ухан-Лобсон-хан.
Унан-хат, см. Ухан-хат.
Унан-хахи-тэнгэри 370.
Уэуэотль, мексиканец 279.

Ф

Фидот 398.
Финляндия 41.

Х

Хагла, шаман 397.
Хажиг, местность 376.
Хажир-тэнгэри 339.
Хал-хатун, богиня Луны 286.
Халбаргана-хатун, дочь неба 286.
Халгана Саган бурхан, онгон из группы “арбан табан зурагтан” 388.
Халгана Саган хөбун, онгон из группы “арбан табан зурагтан” 388.
Хали Хото, черная шаманка 94.
Халимдар-хатун (или Хута-хатун), дочь неба 286.
Халма-ула, гора 250, 334.
Халхин-далай, букв.: “Ветреное море”, назв. сказочного моря 299.
Хальхин-тэнгэри, три тэнгрия, управляющие ветрами 340.
Халык-хан 16, 87.
Халша-ула, гора 148.
Халюта-Малган, жена Уха-Солбон-тэнгэрина 338.

Хамаган-Тэнхэев 295.
Хамун 378.
Хамхарская баба, заянка, см. Хамһари.
Хамхир-богдо-тэнгэри 237, 263, 438.
Хамһари-хөгшин, заянка 401.
Хамшин-Хара-тэнгэри 343.
Хан-Бата, онгон 285, 286.
Хан-Болохон, ж. онгон 387, ср. Хатан Болохон.
Хан-Будал-тэнгэри 336.
Хан-Дошкин-нойон, хозяин местности Хажи 376.
Хан-Нахура (Нахурай), небесный онгон 286, 385, 432.
Хан-Саган-нойон, хозяин искры 364, 442.
Хан-Саган-тэнгэри 287, 339, 386, 399.
Хан-Толохон, заянка 288, 387.
Хан-Тула-иби, жена западного бурхана Хандагай-Бо-бабая 362.
Хан-Тюрмас-тэнгэри, глава 55-ти западных тэнгэринов (он же Хан-Тюрмас) 237, 250, 334, 339.
Хан-Хадара-зарин, один из западных хатов 352.
Хан-хатун (или Халимдар-хатун), дочь неба 286, 385.
Хан-Хото-бабай, хозяин острова Ольхон, сын Гужир-тэнгрия 296, 321.
Хан-Хото, дочь Башуная, онгон из группы “Хытхо-онгон” 285, 287.
Хан-Ходна-Ганзу, заянка 403.
Хан-Хото-бабай, хозяин острова Ольхон 334, 398.
Хан-Хургай-зарин 253, см. Хан-Хургай-нойон.
Хан-Хургай-нойон (или Хан-Хурга), заян 148, 250, 352.
Хан-Хурмас 250, 267, см. также Хан-Тюрмас.
Хан-Хута-бабай, см. Хан-Хута-нойон.
Хан-Хута-нойон, хозяин острова Ольхон 238, см. также Хан-Хото-бабай.
Хан-хута-бабай, хозяин острова Ольхон 376, см. также Хан-Хото-бабай.
Хан-хута эби 376.
Хан-Шаргай-нойон, заян 148-150, 251-253, 266, 334, 344-346, 371.
Хан-Шуха, шаманка 399.
Хангал, дед М. Н. Хангалова 123, 126, 131.
Хангил-Саган-бурхан 388.
Хандагай-Бо-бабай, западный бурхан 362.
Ханшин-Хара-тэнгэри 379.
Хара-Дархад, местность 398.
Хара-морин-эжин, хозяин черного коня 259; д. б.: хара мориной эжэн.
Харасагай-зарин 148, 250, 253.
Хара-Сокол-тэнгэри 368.
Хара-Сутан, см. Хара-Сута-нойон.
Хара-Угунё, земля 89.
Харанурский улус 169.
Хара-Сутан-абага, см. Хара-Сута-нойон.
Хара-Шаргай-нойон 250.
Хара-Шухан-тэнгэри 341.

Хара-Эрэн-нойон 374.
Харабли-бурхан, главный писарь Эрлэн-хана 259.
Харан-дархахи-тэнгэри 342, 392.
Харана-Малташи-онгон 392; д.б.: Һ а р а а н а-М а л т а ш а о н г о н .
Харангу-тэнгэри 368.
Харанса, черный кузнец, онгон 376.
Харанся-бөхө, заян из группы сатинских богов 376.
Харбажи-хатун, жена Харабли-бурхана 259.
Харганай, гора 226.
Харибятское ведомство 93.
Харал, кузнец 389.
Харлан-хан 374-375.
Харлак-хада, гора 251, 253.
Хархира-Хара-дархан 376.
Хатан-Болохон, онгон 288.
Хатун-Малган, онгон 285, 286.
Хатхая, гора 92.
Хатхур-хатун (она же Ялбаргана-хатун), дочь неба 286, 385.
Хаһилгана-Саган-бурхан 388.
Хахи-Ганзу (Болхоев) 287, 387.
Хишаран-зарин, сын Уха-Солбона 285.
Хашхай, гора 189.
Хашки, богатырь 143, 159.
Хилман-Саган-нойон, хозяин горы 248, 252, 334, 409, 410.
Хилман-нойон, хозяин Кяхты 254, 334, 364.
Хиля-Саган-нойон 444.
Химнасан-дабан, гора 252, 254.
Химхир-Богдо-тэнгэри 340.
Хинган, река 46.
Хитаран-Зарин, заян 286, 338.
Хоборгоно-Саган-хатун, жена Хаһалгана-Саган-бурхана, онгон из группы “арбан-табан зурактан” 388.
Хобоши-хатун, жена Хоходой-мэргэна, хозяйина грома 23, 335, 388.
Хогну, бурят из Зохота 113.
Хогнуев Барлак, см. Барлак.
Хогой, родоначальник Хогоевского рода 92.
Хогту, онгон 275.
Хоготское ведомство 93, 99, 262.
Хожир-Хара-дархан, первый черный кузнец 342, 366, 376.
Хожиринги-долон-тэнгэри, “семь тэнгэриев хожиринги”, они насылают на людей и скот болезни 343.
Хожирон долон хара дархад, семь черных кузнецов Хожороевых (или Хожироевых) 342.
Холдуев, см. Уха-Төгөлтөр.
Холон-шаман 143.
Холонгон-эжин, хозяин хорька 269, 288; д. б.: Һ о л о н г ы н э ж э н .
Холор-Саган-тобши, жена сатинского бурхана Хугэл-Сагана 149.
Холто-Хатун, жена Хоходо-мэргэна 245.

Хонго, черный шаман 399.
Хондок, сын Балихая, предка М. Н. Хангалова 123, 126.
Хорби-нойон, хозяин конной трости 302.
Хоредой-мэргэн, онгон 23, 278, 388.
Хоредой-нойон, один из сатинских богов 321.
Хорёктыи, местность 404.
Хоринское ведомство 284.
Хормо-Саган-хатан, жена западного хата Хун-Саган-нойона 352, 428.
Хормуста-тэнгэри, см. также Хан-Тюрмас-тэнгэри.
Хорсо-мэргэн, сын хозяина грома Хоходо-мэргэна 245.
Хортон, родоначальник хангинцев 278.
Хорь-Саган-нойон, хозяин кузнечных мехов 248, 364, 443, см. также Хөр-Саган.
Хотогор-Малган, жена Уха-Солбона-тэнгэри 338.
Хотын-мэргэн 277.
Хотодо (Хоходой-мэргэн), хозяин грома 245, 246, 248.
Хохоно, черный шаман 398.
Хохор-Хара-Зулша, черный шаман 94.
Хошин, заян 297.
Хошохо, заянка 475; см. Хотохо.
Хоян-Саган-хатун, божество из разряда ухан-хатов (царей вод) 256.
Хө-Хара-тэнгэри 343.
Хөдөнө, черный шаман 399.
Хөмгө, заянка 401.
Хөмө-Хушун, гора 370.
Хөр-Саган-нойон, хозяин кузнечных мехов 248.
Хөтө-Бумал-тэнгэри 338.
Хөхө-тэнгэри 339.
Хөхө-мөнхөн, небо “Вечно-голубое”, одно из семи шаманских небес 255, 335.
Хөхө-Мөнхөн-тэнгэри, бог, гений вечно-голубого неба 255.
Хохо-нахул-нойон, черный кузнец из группы “Донжоевых семь” 376.
Хуба, простой бурят 115-116.
Хубха-Зарин, онгон 277.
Хубэ-зуб 386.
Хугэл-Саган-бурхан, принадлежит к числу сатинских богов 149.
Хугэл-Эмши-батар, см. Хугэл-Эмши.
Худан-Голи-эхэ-Саган-бө — Хабалзан-хөбун-Маланак 306.
Худара, местность 376.
Худжир-хат, царство Худжир, местопребывание заяна Эмнэк-Саган-нойона и его жены Этигин-Саган-хатун.
Худин-улан, гора 287.
Худэрэ-хара, сын восточного черного кузнеца Хожир-хара-дархана 336.
Хужи-бохо-хужир-занзу, кучер главных писарей Эрлэн-хана 259.
Хужир, царство 254.
Хула, шаман 295.
Хула-Бурхан, шаман 402.
Хулагар, старший сын Балихая, предка М. Н. Хангалова 123.
Хулаго Хунатыева, шаманка 295.
Хулдаев, см. Уха-Тоголтор.
Хулдан, шаман 386.

Хулмэнгэ, родоначальник Кульметского рода 189, 190.
Хулхан, заянка 287.
Хулхан-Саган-хатун (или Хоян-Саган-хатун), жена Хун-Саган-Саган-нойона, царя вод 256.
Хулхан, заянка 386.
Хульмет, один из прародителей бурят 92.
Хулэр-топши хугыл бурхан, сатинский бог 282.
Хума-одон, назв. звезды 263.
Хуман-хөхө-тэнгэри 255, 334.
Хун-Дангина, заянка 286, 385.
Хун-Одон, назв. звезды 263.
Хун-Саган-нойон, хозяин наковальни 248, 428.
Хун-Саган-нойон, хозяин царства Хужир 252-253.
Хун-Саган-нойон, западный хат 352.
Хун-Саган-Саган-нойон, один из царей вод (ухан-хат) 256.
Хун-Саган-тэнгэри, западный тэнгри 339.
Хун-хорёл, сказочная птица.
Хундар-тэнгэри, западный тэнгри 335, 339.
Хундари-тэнгэри, западный тэнгри 339, см. Хундар.
Хур-Саган-хатун, заянка 376.
Хур-Хара-нойон, хозяин угля 442.
Хурай-Хэхэн, гора 404.
Хуралгана-Саган-хөбүн, онгон 388.
Хуран-нойон, хозяин дождя 246, 249.
Хурмас-тэнгэри; см. Хурмуста.
Хурмуста, западный тэнгри 268.
Хурмэн-эжин 374.
Хурсай-хөбун, западный тэнгэри, он же Хурсай-Саган(?) 239.
Хуртун, местность 376.
Хурумчин, улус 279, 284.
Хурхи, шаман 143.
Хурши-нойон, хозяин хура 311.
Хурэн, шуленга 120-121.
Хурэтэ-хатун, жена западного хата Хутэ-Саган-нойона 351.
Хурэтэ-Багин-тэнгэри, западный тэнгри 337.
Хусыхэн, шаманка 350.
Хута-хатун (она же Холбаргана-хутан), дочь неба 286.
Хутэ-Саган-нойон, покровитель молочного хозяйства 351.
Хуха-Саган-хатун, жена Буга-Саган-нойона, западного хата 254.
Хухоргоно, заян 287.
Хухьдой-мэргэн, западный тэнгри 239, 240; также Хухөдой-мэргэн.
Хухэ-нойон-тэнгэри, западный тэнгри 338, 369.
Хүһэр-Хара-нойон, хозяин угля 364.
Хылто-хатун, жена западного тэнгри Хухьдой-мэргэна 239.
Хынгэр-нойон, хозяин бубна 254, 302.
Хытхо-онгон 285.
Хэглэ, шаманка 287.
Хэлдэр-хатун, дочь неба, заянка 286, 385.

Хэлин-Хара-тэнгэри 250, 343, 398.
Хэлымэши-хатун, покровительница весел 255-256.
Хэнгэр-Саган-нойон 311.
Хэнур-Саган-хатун, заянка 388.
Хэрмэн-ула, гора 251, 254.
Хэрмэши-нойон, заян 251, 253, 254, 410.
Хэрсэ Морсанов, заян из числа “ардайских богов” 295.
Хэрхэн-Шаралган, заянка 244, 338, 392.
Хэрэн, царство 254.
Хэрэнши-нойон, хозяин остроги, см. также Хэрэши-нойон.
Хэрэши-нойон, хозяин остроги 102, 225.
Хяһам, хозяин венерических болезней 378.

Һал-хатун, богиня Луны 385.
Һортон, шаман 389.
Һохор-Хара-Көстө, черный шаман 398, 402.
Һута-хатун, заянка 385.
Һухэр, шаман 398.
Һуһөргөнө, заянка 386.
Һэглэ, шаманка 386.

Ц

Цо, бог огня 279.

Ч

Черемхово, село 166.
Чжун-гуань, крепость 46.
Чингис-хан 46.
Чоридонг-лама 323.

Ш

Шажага-нойон, хозяин местности Баргузин 376.
Шана, улус 252, 254.
Шанарша, заянка 387.
Шанда-нойон, один из уһан-хатов 256.
Шанда-Саган-нойон, восточный хат 372, 438.
Шундангина Хундангина, богиня солнца и луны 261.
Шара-Тэхэ, хозяин черного козла 334, 409.
Шара-Хасар, небо 321, 335.
Шара-Хасар-тэнгэри 287, 386.
Шарат 287.
Шарган-хоёр шумар (букв. “два шумара Шарга”), особая категория духов (шумар) 441.
Шашков, 262, 265, 276.
Шидли, дочь шамана Барлака 116.
Шилбэ, заянка 287, 386.

Шилбэдэ-хөбун, сын Эрлэн-хана 272.
Шингил-Саган-хатун, онгон 388.
Шингил-Шибэ, местность 287, 386.
Шинхэн, шаманка 287, 385, 386.
Ширетуй, улус 302.
Шитхыр 218.
Шихан, хозяин чирьев 378.
Шишкин-Монголия, страна 386.
Шобу-нойон, сын хозяина острова Ольхон 296.
Шомпи, жена Хангала, деда М. Н. Хангалова 131.
Шобхонок, шаман 398.
Шодор-одон, назв. звезды 263; надо: Шодор-одон, бур. лит. Шүдэр-одон.
Шоно-онгон 395.
Шонон-дөрбөн-нюдэн, “Волчьи четыре глаза”, назв. звезды 263; д. б.:
Шонын дүрбэн нюдэн.
Шонхоло, дочь Барлака, предка М. Н. Хангалова 117, 118.
Шонхоши-хатун, жена Шобу-нойона 296, по видимому, то же, что и Шон-хор-хатун.
Шудургу-Саган-тэнгэри 337.
Шукши-Саган-нойон, хозяин проволоки 442.
Шулал-тэнгэри 335.
Шуха-Улан-тэнгэри 104, 340.
Шухан-Хара-тэнгэри 104.
Шэлбэндэр-Саган-мишэши 238.
Шэшэ-хатун-иби, жена Буха-нойон-бабая 252.
Шэтэ-нойон 352.
Шэнэ-хатун-иби 252.

Э

Эйлик-Мулак-(Эгэши), дочь небесного кузнеца Божинтоя 365, 388, 389, 415.
Элик-Мулак, см. Эйлик-Мулак.
Эльбитэ-Хара-нойон 347-351.
Элэк-Малак 158, см. Эйлик-Мулак.
Эммарик, божество 265.
Эмнэк-Саган-нойон 251, 254.
Энхэ-мэргэн, витязь 85.
Энхэр, шаман 397.
Эргил-Буга-нойон Тунхэй (Мэндэев) 269, 294, 311.
Эргил-Буга-нойон Тунхэй 283, 311, 313.
Эргил-Саган-бурхан 149.
Эре-Хада, гора 404.
Эрихэ-Буриха, онгон 445.
Эрлэн-хан 238, 259, 294, 296, 304, 324, 325, 236, 347, 371-373, 438.
Эрлэн-тама, темница, ад Эрлэн-хана 259, 316.
Эрхэ-Бэбэкшин, онгон 388, 445.
Эрхэ-Субэн, дочь Буха-нойон-бабая 372, 438, 440.
Эрхэши-бабай, западный бурхан 362.
Эрэ-Хазагар, хранитель ключей, один из водных царей 256.

Эрью-хара-нойон, заян 316.
Эсэгэ-Малан-тэнгэри, глава западных тэнгэринов 23, 30, 31-32, 238-242, 267, 268, 285, 286, 314, 334, 344, 349, 384.
Этигил-Саган-хатун, заянка 251.
Эхирит, родоначальник племени эхирит 351.
Эхэ-Нур-хатун, жена Эрлэн-хана 372, 438.
Эхэ-хан 297.
Эхэ-хатун, заянка 286, 385.
Эхэ-Юрин-тэнгэри, жена Эсэгэ-Малана 241, 242, 286.
Эхэ-Юран 334.
Эхэ-Юрин-тэнгэри, см. Эхэ-Юран.

Я

Ягша, онгон 390.
Якутский тракт 109, 227.
Ялахан, дулашин 263, 441.
Яланцинское ведомство 93, 97, 99.
Ялбаргана хатун, дочь неба 286.
Янда-хатун, жена царя вод Шанда-нойона 256.
Ясал-Саган-тэнгэри 239, 338.
Яшил камень, будто бы брошенный с неба Ясал-Саган-тэнгэрином 338.
Яшил-Саган-тэнгэри 239, 240, он же Ясал-Саган см. выше.
Яшили-Бумал-тэнгэри, один из западных тэнгэринов 340.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. Г.Н. Румянцев	5
Предисловие. С.Г. Жамбалова	10
I. Зэгэгэ-аба	15
Облава на зверей у древних бурят	15
Легенда о прекращении обычая умерщвлять стариков	30
Общественные охоты у северных бурят (Зэгэгэ-аба-охота на росомах)	34
I. Введение	34
II. Зэгэгэ аба	51
Зэгэгэ-аба у кудинских бурят	87
О бурятах, населяющих Иркутскую губернию. Каких они племен и чем занимаются в настоящее время, а также чем занимались прежде	91
Рыболовство у бурят и ухан-хат	102
Мои предки	109
Блюдо	132
II. Юридические обычаи у бурят	133
Об образе суждения иноверческими начальниками в прежние времена своих подчиненных в предоставленных им делах	135
Происхождение бурятских родоначальников	142
Галша	148
Тобши	154
Газарши	155
Захулы	155
Малгай	155
Внутреннее разделение общества зэгэгэ-облавщиков	155
Женщины в зэгэгэ-аба	158
Примечания	159
Некоторые нормы обычного права	166
III. Несколько данных для характеристики быта северных бурят	169
I. Заметки о внешнем быте в старину	169
1. Жилище	169
2. Одежда и обувь	170
3. Сбруя и оружие	170
4. Пища	172
5. Посуда, орудия и т.п.	174
II. Остатки старины в обычаях и обрядах	175
1. Родинные обряды	175
2. Свадебные обряды	176
3. Похоронные обряды	184
Молочное хозяйство у бурят	186
IV. Свадебные обряды у бурят	208
Свадебные обряды и обычаи у верхне-кудинских бурят Верхоленского уезда	217
Национальный праздник у бурят	226
Национальный танец «Хатарха»	232
V. Материалы для изучения шаманства в Сибири (Шаманство у бурят Иркутской губернии)	236
I. Божества	236
О хатах	248
Ухан-хат – цари морей, озер и рек	254
II. Священные изображения и идолы	275
III. Жертвоприношения и гадания	288
Гадания	296

IV. О шаманах	298
V. Идеи бурят о душе и загробной жизни	323
Новые материалы о шаманстве у бурят	333
1. Высшие существа	333
1. Западные тэнгэрины	333
2. Восточные тэнгэрины	340
3. Западные хаты	344
4. Сатинские и Западные тэнгэрины	356
5. Белые и черные кузнецы	364
6. Хозяин земли и хордуты	369
7. Почитаемые камни	370
8. Восточные хаты	371
II. Онгоны	379
1. Изображения онгонов и призывания их	379
2. Игровые онгоны	390
III. Души умерших шаманов	396
IV. Обряды и жертвоприношения	405
1. Уһан-будля	405
2. Ошкин-будля	406
3. Эрхэндхи-уһан-хурган	407
4. Морьто-уһан-хурган	408
5. Яман-хонин-хоёр	409
6. Шара-тэхэ	409
7. Стол-өргөхө	411
8. Шарха	412
9. Уһан-тарим	413
10. Еһон тарим	414
11. Гал тарим	415
12. Сагалха	416
13. Долё	416
14. Төн табиха	417
15. Сагагар тахиха	418
16. Зухэли гаргаха	419
17. Тайлган западному хату	419
18. Тайлган уһан-хату	425
19. Онго татаха	431
20. Онго иделулхэ	433
21. Онго харюулха	433
22. Хунхэ хуралха	434
23. Хушулха	435
24. Шургэ-шухэ	436
25. Обряды в честь сатинских бурханов	436
26. Жертвоприношение восточным тэнгэринам и прочим заянам	437
27. Хэрык Төмөрши-нойону	438
28. Зя гаргаха	439
29. Жертвоприношение Эрхэ-Субену	440
30. Хара хэрык	440
Приложения	442
Указатель бурятских слов и выражений	448
Указатель племенных и родовых названий	481
Указатель имен собственных и географических названий	482

МАТВЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ХАНГАЛОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В трех томах

ТОМ I

Рецензент *Б.Д. Цыренов*
Редактор издательства *Д.М. Дондукова*
Набор и верстка *В.И. Афанасьева*
Корректоры *З.Н. Зундуева, П.Б. Долсонова*

ЛР № 071908 от 23.06.1999 г.

Сдано в набор 28.09.03 г. Подписано в печать 27.09.04 г. Формат 60x84¹/₁₆

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Ньютон. Печать офсетная.

Усл.-печ.л. 29,52. Усл.кр.-отг. 29,63. Уч.-изд. 39,12.

Тираж 500 экз. Заказ № 212.

Издательство ОАО «Республиканская типография»

Отпечатано в ОАО «Республиканская типография» РБ
670000, г. Улан-Удэ, ул. Борсоева, 13